

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. И. Шерemet

ПОСЛЕДНИЙ ОСМАН

Избранные труды

Том 1

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 63.3(5)
Ш 49

Ответственный редактор и составитель
Л. В. Зеленина

Рецензенты
д. и. н. В. В. Беляков
д. и. н. В. М. Запорожец

Утверждено к печати
Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН

Шеремет В. И.

Ш49 Последний осман. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. / Отв. ред. и составитель
Л. В. Зеленина; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 216 с.

ISBN 978-5-907384-62-0 (общ.)
ISBN 978-5-907384-63-7 (Т. 1)

В книгу вошли избранные труды по истории Османской империи и русско-турецких отношений выдающегося российского востоковеда Виталия Ивановича Шеремета (1940–2012), а также его статьи, в которых рассматриваются некоторые теоретические проблемы востоковедения.

ББК 63.3(5)

© В. И. Шеремет, наследники, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

На обложке: Женщина, глядящая из окна. © And M. Osmanlı Tasvir Sanatları 1: Minyatür. C. 535. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, Pencereden bakan kadın Albüm. İÜK T9364

Виталий Иванович Шерemet
(1940–2012)

Содержание

<i>От составителя</i>	7
Васильев Д. Д. Восток — дело тонкое	9
Раздел 1. Россия и Турция	19
Россия и Турция: развитие взаимных представлений народов	21
Ункяр-Искелесийский договор 1833 года	39
Русско-турецкие экономические связи в середине XIX века	43
Малоизвестные материалы по истории русско-турецких отношений после Берлинского конгресса 1878 года	65
Царьград — Константинополь — Стамбул в русской поэзии	73
Раздел 2. Век Екатерины и Александра	93
Второй брак императрицы	95
«Потемкинская деревня». Архивное востоковедение против рефлексивного мифа	104
«Осведомительные службы» М. И. Кутузова	107
Гласный согладатай турецкого султана при дворе русской царицы, или Как русские красавицы отвлекли турецкого офицера от выполнения его долга	123
«Россиянка» — тайный эмиссар императрицы	128
Русское присутствие в Средиземном море. Геополитические маневры и военные действия периода русско-турецкой войны 1768–1774 гг.	138
Генерал-аншеф А. Г. Орлов: «На кону стоял весь европейский политик России»	150
Россия и Мальта	167
Ошибка императрицы	181
Отчего так тянуло русских правителей к «шемаханским царицам»	192
Повесть о том, как два императора делили Восток и Запад	199

English Resume

Vitaliy I. Sheremet. Vol. 1 The Last Osman

The book includes selected works on the history of the Ottoman Empire and Russian-Turkish relations by the outstanding Russian orientalist Vitaly Ivanovich Sheremet (1940–2012), as well as his articles, dealing with some theoretical problems of Oriental studies.

От составителя

«Последний осман» — так часто друзья называли Виталия Ивановича Шеремета (1940–2012). Он был действительно влюблен в Османскую империю, даже не в ее историю, но в ее жизнь. Много работал в архивах, читал исследования на разных языках — это естественно для каждого серьезного историка. Но Виталий Иванович всегда пытался узнать как можно больше и об обычных людях, которые тогда жили, работали, действовали, — творили историю.

Биографические очерки, посвященные ярким деятелям той или иной исторической эпохи, всегда были любимым жанром В. И. Шеремета. Такие эссе присутствуют в четырех из пяти разделов книги, в которую вошли работы по направлениям, всегда представлявшим для него наибольший интерес как для исследователя.

В сборнике собраны статьи и заметки выдающегося российского востоковеда, рассыпанные по различным изданиям, которые не всегда легко найти. Теперь у читателя есть возможность взять в руки том, содержащий значительную часть научного наследия В. И. Шеремета.

Первый раздел книги охватывает проблемы русско-турецких отношений. Во втором собраны работы, посвященные восточной (и не только) политике Российской империи в середине XVIII – начале XIX в. и людям, которые эту политику творили.

Третий описывает канун Крымской войны и саму Крымскую эпопею. Здесь читателям представлена авторская точка зрения на ход и особенно на исход Крымской войны. В свое время эта работа стала предметом бурной дискуссии.

Четвертый раздел включает в основном русско-турецкие отношения кануна Первой мировой войны — тогда будущее двух империй буквально висело на волоске. Если бы российская государственная машина не

оказалась столь неповоротливой, не умевшей правильно распорядиться разведанными, приходившими из Стамбула, — может быть, не вошли бы в Босфор германские крейсера под турецким флагом, не пришлось бы Российской империи воевать, помимо прочих, и на Кавказском фронте... Кто знает, каким был бы тогда итог Великой войны!

В пятый раздел включены статьи, освещающие теоретические проблемы собственно исторических изысканий, а также исторической конфликтологии, имагологии, архивного востоковедения.

Сборник предваряет биографический очерк, написанный тогдашним руководителем Отдела истории Востока Дмитрием Дмитриевичем Васильевым (1946–2021) в 2010 г. к 70-летию Виталия Ивановича Шеремета.

Надеюсь, что книга «Последний осман» будет интересна всем, кто интересуется историей.

Л. В. Зеленина

ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ

*К 70-летию доктора исторических наук, академика РАН,
профессора В. И. Шеремета, главного научного сотрудника
Института востоковедения РАН*

Виталий Иванович Шеремет родился в Ленинграде в 1940 г., в день Сталинской конституции, 5 декабря. В его семье юриста-отца и матери-врача, участников Великой Отечественной войны на фронте и в тыловых госпиталях, традиционные для русской интеллигенции интерес и уважение к культуре стран Востока имели семейные генетические корни. Предки по отцовской линии в XVIII в. были выходцами из турецких земель, а предки с материнской стороны гордились принадлежностью к роду Самборских. Один из них, Андрей Афанасьевич Самборский, был духовником Александра I и видным русским просветителем, женатым, кстати, на англичанке. Уже в начале XX в. другой Самборский, Афанасий Никитич, входил в руководство КВЖД.

Межэтническое и межконфессиональное взаимопонимание, воспитанное, в частности, в эвакуации в среде немецких переселенцев из Поволжья и еврейских беженцев в 1941–1945 гг., обогатили общую культуру любознательного и живого мальчика, детство которого проходило в годы войны и послевоенного восстановления Ленинграда.

После окончания с отличием в 1963 г. Восточного факультета Ленгосуниверситета по кафедре истории стран Ближнего Востока, где и возник его интерес к русско-турецким отношениям, В. И. Шеремет вел научно-преподавательскую работу. Сначала на Восточном и Историческом факультетах родного университета, а затем продолжил ее в Педагогическом институте (университете) имени А. И. Герцена, в других гражданских и военных вузах Ленинграда и Новгорода Великого, а с 1989 года — Москвы.

Научные интересы юбиляра неизменно связаны с историей русско-турецких отношений в XV – начале XX в., с социокультурной, экономической и политической историей Османской империи, военной историей России и сопредельных им стран в Новое время. Одновременно он много лет ведет кропотливые исследования по экономической политике Российской и Османской империй на Балканах и в Западной Европе. Свои научные изыскания В. И. Шеремет реализовал в публикациях и лекционных курсах, и это сочетание академической науки и преподавания истории Востока, подготовка новых поколений учителей и научных работников было и остается отличительной чертой его творческой личности.

Ученую степень кандидата исторических наук В. И. Шеремет получил еще в 1968 г. за работу, посвященную Адрианопольскому миру 1829 г. В 1975 г. на основе диссертации, существенно расширенной за счет источников на старотурецком языке, была опубликована его первая монография¹. В ней была применена методика, ставшая характерной для всех последующих трудов В. И. Шеремета: тщательное сопоставление и анализ сочинений турецкой (османской) историографии с русскими, чаще всего впервые привлеченными, и западноевропейскими документами из архивов, а также всесторонний анализ источников на ряде европейских языков.

По оценке зарубежных коллег, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В. И. Шеремет стал первым в России и за ее пределами исследователем, сформулировавшим общие тенденции и динамику русско-турецких экономических связей конца XVIII–XIX в. Он одним из первых тогда же начал изучение того, как складывались менталитеты двух соседних народов, формировались их взаимные представления друг о друге. Эти исследования вошли в его лекционные курсы для студентов и курсантов.

Напомним, что в те годы изучались только русско-турецкие войны. Позднее, уже в 1990–1991 гг. в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова В. И. Шеремет впервые прочел курс истории международных отношений в Юго-Восточной Европе и на Балканах, обнажив корни геополитической катастрофы, которая обрушилась на Югославию, прокатилась по Восточному Средиземноморью и Кавказу. В середине 1990-х – начале 2000-х гг. эти исследования и обобщения легли в основу имагологического цикла работ профессора В. И. Шеремета по истории русско-турецких, балкано-турецких, российско-вайнахских отно-

¹ Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. М.: Наука, 1975.

шений. Серия статей под общим девизом «Образ соседа» (около 12 п. л.) была опубликована в 1993–2002 гг. Часть из них вошла в документальную публикацию издательства РОСПЭН «Мятежный этнос и имперская власть» (М., 2010).

Примечательно, что эти, казалось бы, сугубо академические исследования привлекли внимание СМИ. Последовала серия передач «Россия и Северный Кавказ» на Радио «Свобода», затем передачи о влиянии Востока на Россию на радиостанции «Говорит Москва», выступления на радио и телевидении Турецкой Республики, в прессе и на телевидении Ирана. С 2006 г. на «Народном радио» (Москва) каждую среду в прямом эфире В. И. Шерemet ведет авторскую программу «Россия и Восток».

Многочисленные публикации В. И. Шеремета на страницах «Родины», «Военно-исторического журнала», «Науки и религии», журналов РАН и РАЕН по проблемам культурно-исторического межцивилизационного обмена христианского мира и мира ислама в VIII–XX вв., об исламе в России и Западной Европе и т. п. снискали ему высокий авторитет в профессиональном востоковедном сообществе России, Турции, Ирана, Египта, Греции, а также в руководстве конфессиональных сообществ (ислам, православие) нашей страны.

И все же «чистая», академическая наука занимает ведущее место в творчестве юбиляра. Концепция глубокой взаимосвязи и взаимозависимости южно-российских и османских земель (особенно Европейской Турции и восточно-черноморского побережья Турции) вошла позже в серию статей автора по истории торговли и развивалась им в дальнейшем в коллективных и индивидуальных работах². Оригинальными, первопроеходческими стали его дальнейшие разработки по соотношению военно-политических и экономических интересов России, Турции, западных держав в зоне Черноморских проливов и в Восточном Средиземноморье в эпоху промышленного капитализма. Этим проблемам была посвящена его докторская диссертация (1986 г.) и предшествовавшая ей монография «Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в.» (М., 1986).

² См.: Мейер М. С., Иванов С. М., Шерemet В. И., Киреев Н. Г. *Внеэкономические связи Османской империи XVIII – начала XX в.* М.: Наука, 1989; *Война и бизнес. Власть, деньги и оружие в Европе и на Ближнем Востоке. XVIII–XIX вв.* М.: Изд-во «Технологическая Школа Бизнеса–TBS», 1996; *Ислам, Балкан и Великие силы (XIV–XX век)*. Београд, 1997 (на серб. яз.); *Сусрет или сукоб цивилизација на Балкану*. Београд, 1998 (на серб. яз.). *Osmanlı reformları ve Avrasya dialoğu. Dialog Avrasya*. № 5, 2001 (на тур. яз.) и другие публикации 2002–2008 гг. (Москва, СПб, Стамбул, Анкара).

На основе турецких, европейских и русских документов В. И. Шеремет сумел по-новому показать специфику принятия решений в османском центре власти, раскрыл многие стороны османского общества в переломный момент перехода Турции к эпохе Танзимата и утраты ряда подвластных Высокой Порте европейских территорий, продемонстрировал особую иницилирующую роль балканских территорий в османском реформаторстве. Проблемы «реформа – революция», «османский центр власти — балканская, наиболее продвинутая в экономике периферия Османской империи», выдвинутые и обоснованные им, на ряд лет опередили всех зарубежных коллег, утверждали передовые рубежи российской османистики. Большая часть этих положений вошла в многотомную коллективную монографию Института славяноведения и балканистики РАН (ныне Институт славяноведения РАН) «Международные отношения на Балканах», охватывающую период с середины XVIII в. до конца Первой мировой войны (М., 1981–2003).

Примерно за четверть века напряженной работы, сочетая академические востоковедные штудии, весьма далекую от науки административную работу и то, что принято называть «полевыми исследованиями в горячих точках», к середине 1990-х гг. В. И. Шеремет разработал и ввел в научный оборот необычные для традиционного востоковедения, каким он, казалось бы, занимался, представления. Это были графическая интерпретация и обобщенная математическая модель дихотомии «война — мир» в условиях социально-экономических и военно-политических кризисов, которая применима для изучения как доиндустриальных, так и постиндустриальных обществ. Идеи были апробированы в монографиях, статьях и докладах 1986–2009 гг.

По существу, была представлена достаточно полная картина, чтобы получить объемность изображения «зависимого типа развития» восточного социума в процессе вовлечения его в военные, политические и экономические подсистемы мирового разделения труда. Эта концепция получила поддержку научной общественности на международных конгрессах по изучению Юго-Восточной Европы. Проблемы рассматривались на многочисленных примерах Османской Турции, ее балканских территорий, постепенно выходивших из-под власти Высокой Порты. Результаты получили высокую оценку российских, а также зарубежных исследователей аналогичных проблем³.

³ Шеремет В. И. *Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века*. М.: Наука, 1986; *Коллективные труды: Реформы и революции на Балканах*. М. Наука, 1994;

В. И. Шеремет впервые разработал представление о взаимосвязи военных и социокультурных вопросов в Новое время, дал аргументированную оценку соотношения внутренних (социально-экономических) и внешних экономических аспектов Восточного вопроса, геополитических и военных факторов в период перехода бывших османских владений на Балканском полуострове от феодализма к капитализму.

Серьезным вкладом В. И. Шеремета в историческую науку стала разработка в 1970-х – начале 1990-х гг. проблемы балканской контактной социально-политической и экономической зоны в дихотомии «Восток — Запад». Сформулировано и введено в понятийный аппарат обоснование специфической османской цивилизации, ее становления и развития (работы 1998–2006 гг.).

Юбиляр предложил также оригинальную концепцию Восточного вопроса с учетом истории постепенного включения Османской империи и ее регионов в мировое разделение труда. Концепция была впервые доложена на II Всесоюзной конференции Ассоциации востоковедения (1991 г.), затем на других национальных и международных конференциях востоковедов и вошла в научный оборот (см. статью «Восточный вопрос» в энциклопедии «Отечественная история», т. I, М., 1994)⁴.

Вскоре после создания Российской Академии естественных наук В. И. Шеремет по конкурсу стал ее членом-корреспондентом по Отделению военной истории (1992 г.). В 1996 г. он был избран действительным членом РАЕН и академиком-секретарем (руководителем) созданной им Секции (ныне — Отделения) социокультурных и цивилизационных проблем и региональных конфликтов. Признанием общественной значимости его работ явилось избрание членом ряда международных научных сообществ.

В. И. Шеремет продолжает уделять немало внимания и общим проблемам истории Нового и новейшего времени в их интеграционном смысле. Со времени создания (1990 г.) он ряд лет был членом правления Ассоциации европейских исследований (Совет Европы – Институт Европы РАН). За сравнительно недолгий период работы ведущим научным сотрудником Института военной истории МО РФ (1993–1997 гг.) он принял самое пло-

Александр I, Наполеон и Балканы. М.: Наука, 1997; Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000.

⁴ Там же, в энциклопедии, были опубликованы основанные на новых документах базовые статьи, касающиеся Балкан и Турции в Новое время как «контактной зоны Запад — Восток». См. также комментарии В. И. Шеремета к публикации документов, осуществленной МИД РФ: «Внешняя политика России XIX – начала XX века. Документы и материалы». Т. XVI. М., 1994.

дотворное участие в разработке проблем восточных войн и шире — всей восточной политики Руси — России в VIII–XIX вв. Частично опубликованные, эти исследования вошли в такие фундаментальные коллективные труды, как «Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней» (т. 1–3, М., 1994); «Военная история Государства Российского» в 30 томах — Т. 1 «Скажите всем, что Русь *всегда* жива...» (М., 2004) и др.

С начала 1990-х гг., после перехода по предложению Отделения истории РАН на работу ведущим научным сотрудником в Институт славяноведения РАН, а с 1998 г. — главным научным сотрудником Института Востоковедения РАН, в исследованиях В. И. Шеремета возобладали новые аспекты. Это, прежде всего, стремление обобщить международное влияние мировых экономических циклов на Османскую империю. Во-вторых, оценить цивилизационное значение османского «мира-экономики». В-третьих, в контактах с востоковедами, военными историками и архивистами Москвы в полной мере стало развиваться как направление в творчестве создание серии политических портретов «устроителей государств» в странах Востока (Чингисхан, Тамерлан, Александр Невский, Иван III Великий и Зоя (Софья) Палеолог, Бабур, Акбар, Сулейман Кануни, Ататюрк, Чан Кайши и др.). Они были опубликованы в 1994–2006 гг. в журнале «Наука и религия» и в энциклопедических изданиях «Всеобщая история», «Великие правители», «Великие полководцы» (М.: АВАНТА+, 2005–2006), а также в изданной правительством Москвы книге «Духовные светочи Москвы. Храмы, люди, судьбы» (М.: «Белый город», б/г).

Оригинальные методики раскрытия роли исторических личностей в развитии социокультурной среды, предложенные В.И. Шереметом, привлекли внимание современных российских политиков. Итогом стало его участие в «Библиотеке Единой России» (М., 2006), в книге «В. В. Путин: Не время подводить итоги» (М., 2008) и опубликование ряда статей общественного звучания о роли востоковедов в инновационной политике РФ (2008–2009 гг.).

В обстановке активного творческого поиска, характерного для востоковедов ИВ РАН и ученых-междисциплинарников, работающих под эгидой РАН, В. И. Шеремет получил стимул и возможность приступить к полномасштабным исследованиям в новой для российской науки области — исторической конфликтологии. И шире — к глобальным проблемам взаимосвязи цивилизационных и ноосферных (по В. И. Вернадскому) процессов. Принципы исторической конфликтологии на основе истории Османской империи были впервые изложены В. И. Шереметом на рос-

сийско-американском семинаре в 1992 г. (см.: «Проблемы региональной и глобальной безопасности в конце XIX – начале XXI в. Вооруженные силы и высшее военное образование». М.: АВИАР, 1993).

Как результат этих исследований опубликована книга (первая в России, посвященная этим проблемам, достаточно редко, впрочем, анализируемым и в других странах) — «Империя в огне. Войны и реформы на Балканах и Ближнем Востоке» (М.: АВИАР, 1994). В этой книге, изданной, к сожалению, минимальным тиражом, автор использовал не только методы исторической конфликтологии, но также и оригинальную социокультурную методику исследования исторического процесса, показал перспективность приложения методов нелинейной причинности к исследованию естественно-социальных процессов.

Применение нестандартных методов в изучении глубоких социальных проблем было характерно для старой петербургской школы востоковедения. В этом смысле В. И. Шерemet продолжает традиции своих учителей на Восточном факультете Ленгосуниверситета — выдающихся востоковедов, специалистов по ментальной истории и культуре Востока В. В. Струве, И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровского, А. Н. Кононова, В. С. Гарбузовой, И. П. Петрушевского. В его лекционной манере, в общении с аспирантами и докторантами неизменно отмечаются та требовательная теплота общения и то стремление подставить свое плечо талантливому ученику, которые отличали «великих стариков» — востоковедов Петербургской школы ориентализма. Под его руководством защищено 11 кандидатских и 3 докторские диссертации. Количество выступлений в качестве официального оппонента по кандидатским и докторским диссертациям, внешних отзывов учту не поддается...

Последнее десятилетие стало для В. И. Шеремета особенно плодотворным. Продолжается его активная работа (личная и в руководимом им Секторе документальных публикаций ИВ РАН) по поиску в российских архивах документов по истории Османской империи и русско-турецких отношений и подготовке их к изданию. С 1998 г. В. И. Шерemet возглавляет журнал «Восточный архив» (издание ИВ РАН и Общества востоковедов РАН), вносит большой личный вклад как автор и руководитель научного и издательского коллектива в развитие архивного востоковедения в России, в поиск и открытие жемчужин архивных глубин нашей страны.

Вторым изданием вышла давно ставшая библиографической редкостью монография «Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки» (М., 2007). На жур-

нальных и книжных страницах обрел вторую жизнь незаслуженно позабытый военный разведчик и публицист, один из организаторов Морского Генерального штаба России А. Н. Щеглов (1875–1953). Массу интересного узнали читатели «Военно-исторического журнала», «Воинского братства», «Родины», изданий Центра общественных связей ФСБ об особой склонности к политической разведке княгини Е. Р. Дашковой и ее патронессы Екатерины II, о разведывательной деятельности М. И. Кутузова — выдающегося организатора спецопераций на Ближнем Востоке...

Серия удачных, построенных на архивах работ о героическом облике представителей российских спецслужб на Востоке в XVIII — начале XX в. и применение принципов исторической конфликтологии к объяснению современных кризисов были оценены и в военных кругах. В 2000–2001 гг. В. И. Шерemet успешно трудился (параллельно с работой над архивным востоковедением в ИВ РАН) в качестве руководителя экспертно-аналитической группы при Генеральном штабе ВС РФ. Труды не публиковались.

И все же венцом работы В. И. Шеремета в истекшем десятилетии явилась подготовленная по его программе международная конференция (2006 г.), посвященная 150-летию выхода России из Крымской войны 1853–1856 гг. Его эссе в 2-х частях «Непобежденные» (М., 2006 г.) послужило основой для серьезных подвижек во взглядах ученых и общественности на якобы полностью проигранную Российской империей войну с западными державами и их восточными союзниками.

Следующая международная конференция (2008 г.), также инициированная и в научном плане подготовленная В. И. Шерemetом, «Архивное востоковедение», закрепила его приоритет в разработке базовых принципов этого научного направления. Серия статей в специальных и общенаучных изданиях (2004–2009 гг.), четыре кандидатских и две докторских диссертации, в которых использовались наработки В. И. Шеремета по архивному востоковедению, содействуют укреплению научного интереса к этой отрасли ориенталистики.

Естественным развитием долгой работы В. И. Шеремета над методикой архивных исследований и его активной общественной позиции явились два новых направления в его работе. В 2009 г. он был приглашен в состав Экспертной группы специалистов высшей квалификации Главной редакционной комиссии по подготовке 12-томной «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 2009 г. под его редакцией как знатока архивной работы с документами и при его углубленном, детальном и обстоятельном

рецензировании вышли энциклопедические издания «Книга памяти. Герои Социалистического Труда Ленинграда и области» в 2 томах (СПб., 2009) и «Герои Родины в названиях улиц Москвы» (М., 2009).

Продолжается и другая, весьма важная грань деятельности В. И. Шеремета — учебная работа. Ей отдано более сорока лет. Число разработанных и прочитанных курсов вряд ли можно сейчас перечислить. Он имеет ученые звания профессора по кафедре политической истории (1988 г.) и профессора военной истории (1995 г.), почетного профессора Московской юридической академии МВД РФ (1998 г.). В. И. Шеремет активно участвовал в становлении нового для России типа — негосударственного высшего учебного заведения. Был первым проректором по науке и одним из создателей ныне хорошо известного Московского гуманитарного института им. княгини Е. Р. Дашковой (1992–1997). С 1997 г. он сосредоточился на профессорской работе в Московском государственном гуманитарном университете им. М. А. Шолохова по кафедре всеобщей истории и теологии, где ведет курсы новой и новейшей истории Востока и геополитики, публикует научно-педагогические пособия.

В конце 1990-х гг. совместно с преподавателями Вологодского педуниверситета и учебно-издательского центра «Истоки» (Москва) В. И. Шеремет создал на основе социокультурного подхода к образованию комплекты учебников и учебных пособий по программе «Истоки». Подготовлен ряд пособий для учителей и школьников младших классов. При этом в учебных пособиях «Древний мир» и «Родная история» был использован богатый преподавательский опыт В. И. Шеремета и новейшие социокультурные методики. Совместная с Л. В. Зелениной программа для средней школы «История мировых цивилизаций» продолжает использоваться в школах России.

Романтик архивных изысканий и мастер пера, В. И. Шеремет к своему 70-летию подарил читателям, совместно с супругой и многолетним соавтором Л. В. Зелениной, первый на русском языке историко-документальный по жанру и гаремно-приключенческий по захватывающему сюжету трехтомный роман, который вышел уже несколькими изданиями под названиями «Прекраснейшая» (журнальный вариант), «Императрица в парандже», «Тень за троном» (М., 2002, 2006–2009). Здесь, в свободном полете таланта, знатоки Востока показывают эпоху реформаторства Селима III в Турции, раскрывают судьбы русских разведчиков «времен Очаковских и покоренья Крыма», быт и нравы благонаправленного и таинственного султанского сераля...

За защиту интересов Родины В. И. Шеремет удостоен ряда ведомственных (КГБ–ФСБ) и государственных наград.

За разработку методики исторической конфликтологии В. И. Шеремет получил почетную академическую награду РАЕН — медаль имени Петра Капицы «Автору научного открытия». За многолетний безвозмездный труд по руководству социокультурными исследованиями для школы — Серебряную медаль имени Павла Третьякова. За работы по истории Османской империи, истории Балкан и международных отношений он награжден Почетным орденом РАЕН «За заслуги в развитии экономики и культуры» I степени. За цикл трудов по истории мировых цивилизаций и диалогу культур «Восток — Запад» он удостоен звания «Рыцарь науки и искусства» с вручением Знака РАЕН «Разум. Доблесть. Честь», а также Диплома и Почетной медали Е. Р. Дашковой «За выдающийся вклад в развитие отечественной словесности». За крупный вклад в развитие отечественной школы В. И. Шеремет награжден Серебряной медалью Национального комитета кавалеров русских императорских орденов «За служение Свободе и Просвещению».

В. И. Шеремет находится в звездном периоде своего творчества. Он полон новых исследовательских идей и проектов.

Д. Д. Васильев

Раздел 1

Россия и Турция

Россия и Турция: развитие взаимных представлений народов

«Состояние народа турецкого, — писал в 1703 г. чрезвычайный русский посол в Стамбуле П. А. Толстой, — суть гордое, величавое и славолюбное, а паче возносятся от того, что во время кровавых войн союзу ни с кем для помощи себе не имеют и не требуют». Посла поражала одна особенность этого народа — склонность, как он писал, к «междоусобному государственному смятению и то, что турки глаголют о себе, яко суть народ свободный, чего ради и высочайшие их особы имеют к подлому народу ласкательство и склонность не так от любления, как боятся от них бунту»¹.

Видимо, такое достаточно одностороннее и отвлеченное восприятие южного соседа доминировало в России по крайней мере до середины XIX в., и отголоски его можно проследить и в более позднее время.

Следуя принципам нелинейной причинности в развитии столь сложного объекта исследования, как русско-турецкие отношения в контексте темы «Россия и Балканы», полагаю необходимым предпослать общий обзор развития взаимного узнавания друг друга соседними народами с периода более раннего, чем тот, которому посвящен публикуемый материал. Это важно прежде всего потому, что взаимные представления народов складываются веками. Вычленишь, например, только XVIII век — означало бы лишить смысла саму идею формирования взаимных представлений как научного феномена на пересечении истории и этно-социальной психологии. Балканский же фактор неизменно присутствовал в этих связях, он требует дополнительного изучения, которое и ведет автор.

¹ *Русский посол в Стамбуле. Документы.* М., 1989. С. 37.

Обоюдное знакомство и установление культурных и научных связей постоянного характера, которые только и могли дать сравнительно верную зарисовку образа соседнего народа, было на протяжении веков спонтанным вплоть до установления регулярных, дружественных связей между Москвой и Анкарой в начале 1920-х гг. Различия не столько этно-религиозного, хотя и это весьма важно, сколько военно-политического характера между Османской и Российской империями, противостояние геополитического характера в бассейнах сразу трех морей — Азовского, Черного и Средиземного, включая, естественно, Черноморские проливы, а также в Балканском регионе, долго определяли характер русско-турецких отношений.

Искажающим фактором в их развитии было влияние дипломатии западноевропейских держав, игравших на противоречиях «Московии и Туркомании», России и Османской Турции; сказывались также годы воздействия фанариотского драгоманства и греческого клира на выработку «русского курса» Высокой Порты. О таких людях, негативно влиявших на взаимные представления и в России, и в Турции, упоминал П. А. Толстой. Они, «сшивая ложь, много писали к Москве неправды, являясь якобы доброхотствуют (так в тексте. — В. Ш.) христианскому государю, а самой вещью делали добра туркам...». Писаниям их верили и в Москве, и в Стамбуле, а все было ложно и фальшиво².

Объективные потребности двух соседних государств в общении создавали предпосылки к взаимному познанию отличий государственного устройства, особенностей жизни и культурно-психологических. Процесс этот был длительным, противоречивым, но неуклонно последовательным и имел форму преимущественно культурных связей.

Первые известия на Руси о тюркском населении Малой Азии восходят к XII в. и содержатся в «Повести временных лет» и в «Житии и хождении Даниила, русской земли игумена». Ордынское правление в русских землях принесло на столетие обобщенное представление обо всех тюрках и монголах как о «демонах зла», включая не имевших с Ордой ничего общего сельджуков и турок-османов Малой Азии. Турки-османы в качестве соседей и объекта внимания московских великих князей появились в конце XIV — начале XV в. в контексте борьбы Византии с тюркскими бейликами (княжествами). Немногочисленные паломники духовного звания, проходившие через османские территории при посещении Святых

² Русский посол в Стамбуле. Документы. М., 1989. С. 38.

земель в Палестине, оставили крайне скудную информацию о турках, причем отношение к ним формировалось под влиянием местных христиан-греков и было примитивно отрицательным³.

Достоверных сведений о том, что знали о русских землях в Сельджукском государстве, в Конийском султанате и при первых Османах, турецкие хроники не содержат⁴.

Перелом наступил после падения Византии и захвата Константинополя турками в 1453 г⁵. Присоединение Крыма к Османской империи вскоре за этим, в 1475 г., вывело русских и турок на прямые контакты, причем достаточно массового уровня. Имели место перманентное вооруженное противоборство в контактных зонах Балканского региона и нерегулярные торговые связи прямого и транзитного характера, чаще всего через земли Дунайских княжеств. Носителями информации о турках, об их нравах и обычаях стали уже не отдельные пилигримы с их «туннельным видением» ситуации, а реалистичные и предприимчивые торговцы, посещавшие весь Балкано-Малоазийский регион, и воины русских пограничных засек, постоянно сталкивавшиеся с турками и «навещавшие» их земли не менее регулярно и с теми же целями, что и турецко-крымское воинство — русские.

Сохраняют значение как источник представлений о турках-османах записки русских священнослужителей, регулярно посещавших после 1453 г. патриарха в Константинополе.

В нравах и обычаях ставшей после вхождения на вассальной основе Крыма в империю Османов уже не столь отдаленной «Туретчины» русских купцов и воинов поражала прежде всего склонность турок к «возмущениям государственным и бунтам, творимым не иначе, как по совету и попушению своих духовных», т. е. мулл, имамов, дервишей — исламского клира. Сильно удивляло русских людей полное воздержание турок от пьянства, которое «честные особи из турок почитают за грех и за стыд».

³ См.: «Хождение инокa Зосимы» (1419–1420). *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1889. Т. VIII. Вып. 3; Данциг Б. М. *Ближний Восток в русской науке и литературе*. М., 1973. С. 15–18.

⁴ Запорожец В. М. *Сельджуки*. М., 2011; Kurat A. N. IV–XVIII. *Yüzyıllarda Karadeniz kuzeyindeki Türk kovimleri ve Devletleri*. Ankara, 2002. О культурно-исторических параллелях см.: Шеремет В. И. *Божественная Флейта Мира*. В кн.: Джан Ш. *Мевляна Джалаледдин Руми*. М., 2008. С. 15–27.

⁵ Падение Византии и Царьграда вызвало к жизни целый ряд произведений — повестей и сказаний, в том числе мистического содержания, выходящих за рамки данной статьи. См.: Кононов А. Н. *История изучения тюркского языка в России*. Л., 1982. С. 31.

Отмечались скромность и упорядоченность быта простых турок, верность взятым на себя долговым обязательствам; настораживало неискоренимое чувство превосходства над любым иноземцем.

Лица «посольского и церковного дела» отмечали в Турции прежде всего великое утеснение греков и «вкоренение превеликого перед собой страха в сербах, волохах, греках и прочих народах». Примечательно, что «страхолюбие турок» по отношению к подданным-балканцам в записках мирян осознается как следствие «безмерного стяжательства придворных верхов, янычарских начальников и самих султанов», порождение и неизбежность бесчисленных войн, смут и мятежей в турецкой земле. В записках конца XVII и начала XVIII в., принадлежавших перу духовных особ, все историко-этнографические сведения об османских турках сводились к «бессерменству», понимавшемуся как угнетение православного христианства на Балканах и проявление кары Всевышнего.

Исключением можно назвать «Проскинтарий» строителя Богоявленского монастыря Арсения Суханова. Один из образованнейших людей XVII века, ведавший одно время Московским печатным двором, А. Суханов настолько увлекся богатой культурной жизнью турецкой столицы и нескольких крупных городов в Анатолии и на Балканах, что, будучи там в 1651–1654 гг., собрал около пятисот ценнейших османских хроник и оставил исполненное уважения и симпатии к жителям — туркам и нетуркам — описание селений, городов, нравов и обычаев простолюдинов. Людей, как он писал, прямых, честных и «гостеприимству приверженных до крайности»⁶. Повторюсь, что оценка эта носила этнически безадресный характер.

Благожелательность Арсения Суханова в описании Турции, его откровенно отрицательное отношение к раболепствовавшему перед Портой греческому высшему духовенству, обманывавшему, по его словам, православных подданных как в пользу турецких властей, так и в своих корыстных целях, поистине удивительны для записок тех лет. А. Суханов, кроме «дел духовного чина и обряда», имел ряд поручений, связанных с польско-турецко-казацкими и русско-турецко-украинскими делами. Заметим, что иерархи восточной православной церкви не раз обращались к русскому царю, призывая его заключить союз с казацкими гетманами и, возможно, с Молдавией и Валахией для войны против Османской им-

⁶ Проскинтарий Арсения Суханова / Под ред. Н. Ивановского. *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1888. Т. VII. Вып. 3.

перии. Использовались в этом плане путешествия на Балканы и в Малую Азию русских светских людей⁷.

Выполнить деликатные поручения и притом оставить объективное и доброжелательное описание потенциального военного и постоянного религиозного противника — и сейчас достойное упоминания деяние Арсения Суханова. Тем более что его записки переиздавались и изучались в годы русско-турецких войн конца XVIII в.

На формирование представлений о турке-противнике эпохи «екатерининских войн» определенное влияние оказал русский аноним — некий боярский сын, по воинской службе «рейтарь», взятый в плен крымскими татарами и проданный в рабство туркам. В османской армии опыт воинов-иноземцев ценился высоко, и «сын боярский» не составил исключения. Гребцом на галерах, а затем в армейских отрядах этот аноним за 62 месяца в Османской империи побывал, в сущности, везде — от Белграда до Багдада. Он вернулся домой в 1674 г. Его «Описание турецкой империи», естественно, носит соответствующую эмоциональную окраску — автор воспринимал турок как врагов и в конце концов бежал на родину, что делает ему честь — ренегатов османы всячески ублажали, но поймав беглеца, казнили бы люто⁸.

Географические и этнографические сведения «рейтаря» использовались его современниками и военными в XVIII в., содействовали формированию образа опасного противника, особенно в «делах осадных и оборонительных». Этот безымянный военный человек одним из первых в России развенчал образ непобедимого и страшного янычара. Он отмечал, что многие из янычар «плохо обучены и больше думают о семье и о пропитании», чем о ратном деле. Зато он предупреждал современников, что очень опасны в сражениях хорошо подготовленные части из «балканцев» — босняков, определенно причисляя к последним и албанских мусульман. Военные столкновения с османскими войсками уже в первой половине XVIII в. полностью подтвердили эту оценку.

В целом в первой половине XVIII в., т. е. накануне серии ожесточенных войн, которые во многом изменили обстановку в России, отношение к соседнему народу сложилось как бы в двух измерениях. Религиозное сознание русского общества и мощное давление монголо-тюркского со-

⁷ См.: Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. 1634–1637. *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1891. Т. XI. Вып. 3.

⁸ Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок, во второй половине XVII века. *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1891. Т. XII. Вып. 3.

циума, затем крымского (татарского) — турецкая экспансия в отношении юга и отчасти центра Московского государства — в XV–XVII вв. определили преимущественное восприятие турка как чужака, злонамеренного и безбожного. Сказывалось, безусловно, влияние исторического опыта славян Балканского полуострова, попавших под османское иго, остро воспринимавшееся русскими по аналогии с татаро-монгольским игом, от которого они избавились всего лишь при жизни прадедов.

Вместе с тем, как уже отмечалось, существовала позитивная заинтересованность в достоверном осмыслении образа соседа. Известна оценка моего ныне покойного учителя академика А. Н. Кононова русско-тюркского двуязычия Киевской Руси как следствия широко распространенных смешанных браков⁹.

Общепринято понятие «Великая Степь». Это своеобразная контактная зона тюркских и восточнославянских этносов. Ее языки, нравы и обычаи не были чужды славянам. В свою очередь славянский мир не был чем-то совершенно закрытым для тюркских военно-политических объединений.

Однако социально-психологическая закрытость османского и исламского общества и деление населения мира на мусульман и покорившихся миру ислама — «дар уль-ислам» и на неверных (а значит, они объект завоевания, покорения) — «дар уль-харб» создавали особые препятствия для овладения турками-османами языком северного соседа, знаниями о нем.

В торговом обмене османы лично не участвовали практически до XIX в.; они избегали прямого участия, но сохраняли за собой контроль и финансирование сделок.

Ходоки из России на Восток (в Иерусалим, в Афон), а также русские купцы и дипломаты несравнимо чаще посещали османские земли, чем турки «Московию». Знание турецкого языка русскими людьми не шло ни в какое сравнение со знанием русского языка турками. Известно, однако, распространение языка сербских подданных в качестве языка делопроизводства в Высокой Порте в конце XV – начале XVII в.

Всем известный Афанасий Никитин вставлял в «Хождение» десятки турецких и сотни тюркских слов. Андрей Лызлов, автор «Скифской истории» — популярной в русском обществе XVIII в. книги о турках — знал разговорную турецкую речь и читал турецкие тексты, написанные арабским шрифтом. Специфические турецкие термины, требующие для историка разъяснения сегодня, тогда включались в русские повествова-

⁹ Кононов А. Н. *История изучения тюркского языка в России*. С. 24.

ния без объяснений и оговорок. Среди донских и запорожских казаков, особенно в семьях от смешанных браков, турецкий язык был бытовым разговорным. Русские лучше знали и намного лучше понимали своих соседей, чем те – русских.

Османы почерпнули первые сведения о «Московии» из трудов арабских и персидских авторов (первые из них побывали на Руси в IX–X вв.), из произведений византийских авторов, достаточно популярных в образованных кругах Высокой Порты вплоть до середины XVIII в. Наконец, через Константинопольскую патриархию, с которой Порта поддерживала оживленные контакты через ведомство реис-эфенди, ведавшего, кроме внешних сношений, делами подданных-немусульман.

Было одно обстоятельство, дававшее туркам превратное представление о соседе. О нем следует сказать особо. Дело в том, что после вхождения Крыма в Османскую империю рынки Стамбула несколько столетий подряд пополнялись десятками и сотнями тысяч русских невольников, захваченных крымскими ханами. Османский галерный флот еще в начале XVIII в. был укомплектован почти исключительно русскими гребцами-рабами. На рынках Стамбула русские рабы, по свидетельству европейских путешественников XVII – начала XVIII в., составляли большинство. Много полонянок и рабов-мужчин попадало в Малую Азию на домашнее услужение и на земледельческие, в первую очередь, безумно тяжелые ирригационные работы. Всех их ждала скорая гибель либо ассимиляция с потерей веры и языка. Видимо, нет среди сопредельных русскому народу нации, в которую влилось бы больше восточнославянской крови, чем в турок-османов...

До сих пор в турецкой народной традиции девушка-турчанка мечтает о голубоглазом белокуром женихе. Идеал красоты для стамбульского турка конца XIX – начала XX в. — светлые глаза и русые волнистые волосы, — отдаленное проявление этих процессов в историческом сознании турок.

Судьба русских пленников, и в немалой степени пленниц, была печальна. Очевидно, что знакомство с собственным рабом (рабыней) с севера не стимулировало развитие таких разнообразных и достаточно полных представлений о русских, какие имелись в России о своих южных соседях.

Только на рубеже XVII–XVIII вв. в Османской империи появилось подробное и сравнительно достоверное описание областей, населенных русскими и украинцами. Оно было составлено самым известным турецким путешественником Эвлией Челеби, который из пятидесяти лет странствий около пяти лет провел в «землях славян». Он прошел путь от

Крыма и Азова до Львова и Киева, был в Черкассах и Чигирине, хорошо знал ситуацию в Поволжье и Подонье.

В отношении страны «Мужикистан», расположенной, по его словам, в Подмосквии, он давал, возможно, из соображений самоцензуры правоверного мусульманина, нелепые сведения, искажавшие быт и верования христианского населения. Примечательно, что Эвлия Челеби первым из восточных путешественников отмечал, что русские («московиты») и украинцы («русы»), хоть и очень близкие, но разные народы по языку и обычаям. Здесь он был вполне точен и наблюдателен.

Участник крымско-турецких набегов в XVII в., скованный шариатскими представлениями о злодеях-казаках, о «бритоголовом народе», как он их называл, Эвлиея Челеби отдавал дань воинскому мужеству «русов и московитов», называл их «стойким, упорным и сердитым народом»¹⁰. Его путевые записки о восточнославянских землях были широко популярны в образованном турецком обществе и в XVIII, и в XIX в. Последнее их издание относится к 1991 г.

Переход в Османской империи от поверхностных (полученных чаще всего через вторые руки — от европейцев на службе у Высокой Порты) сведений и впечатлений о России к более систематическому осмыслению процессов, имевших место в стране северного соседа, связан с общей модернизаторской тенденцией в политической и культурной жизни, отмеченной в правление султана Ахмеда III (1703–1730).

Русь, Россия до этого времени не воспринималась как Запад. Высокая Порта была информирована о реформах Петра I, о росте влияния России на европейские события через европейские посольства в Стамбуле, через свои редкие чрезвычайные миссии ко дворам западных держав. Однако в Высокой Порте периода первых двух десятилетий XVIII в. сложилось ошибочное мнение, что Россия лишь подражает Западу в военном деле и в государственном управлении. Поэтому полностью игнорировалось то поворотное и самобытное движение, которое происходило в петровской России. Заимствования в военной сфере осознавались в Турции делом достойным и богоугодным, освященном улемами, но лишь в отношении Западной Европы, от которой турки понесли ряд тяжелых поражений, а

¹⁰ Эвлия Челеби. *Книга путешествия* / Под ред. А. Д. Желтякова. Вып. 1. *Земли Молдавии и Украины*. М., 1961; Вып. 2. *Земли Северного Кавказа, Поволжья, Подонья*. М., 1979. Примечательно, что в основных чертах заметки Челеби относительно украинских земель совпадают с впечатлениями жителя Дубровника Мата Гундулича, посетившего те же земли через 30 лет после турецкого путешественника. См.: Kraslić S. Dnevnik s puta u Urajinu i Tursku dubrovačkog poklisara harača Mata Gundulića. *Anali Zavoda*. Dubrovnik, 1983. Sv. 21. S. 1–23.

не из России Петра I, продвижение которого к Черному морю удачно, по мнению Порты, было остановлено на Пруте в 1711 г.¹¹.

Если в Турции абстрактный образ русского, упорного воина и крепкого раба, не дополнялся никакими существенными чертами, а власти не поощряли развитие культурных взаимообогащающих контактов, то в России дело обстояло совершенно иначе.

Петр I принял ряд мер, дополнивших широкое использование на государственной службе лиц, практически знавших язык, нравы и обычаи турок. Бывший господарь Молдавии Дмитрий Кантемир стал советником царя по восточным делам и специально по его распоряжению подготовил два труда (1716, 1720 гг.) по османской истории, основанных на источниках балканского и турецкого происхождения¹². Были изданы в переводе с французского Коран (1716 г.), карты и атласы Османской империи (1722–1724 гг.), началась подготовка переводчиков («толмачей») с турецкого на профессиональной основе.

Следует отметить, что зарождение при Петре I практического востоковедения, в первую очередь османистики, было нацелено на перспективу, на длительное и всестороннее изучение истории, языка, культуры, особенно «живых черт» турецкого народа.

Все же формирование образа соседа-турка в русском обществе XVIII в. проходило не под влиянием ученых изданий, а через записки пилигримов и торговцев, т. е. тем же путем, что и в прошлые годы. Например, шесть изданий в 1778–1819 гг. выдержали и побили все рекорды тиража «Записки монаха Антиохийского В. Григоровича-Барского (Плаки-Альбова)», который странствовал на Балканах и на Ближнем Востоке в 1723–1727 гг.¹³. Религиозная нетерпимость православного монаха к исламу проходила красной нитью через всю его работу, широко распространявшуюся в списках (помимо печатных изданий), и добавляла негативизма в отношении к басурманам. Вместе с тем национальной предубежденности у В. Барского нет вообще. Образные описания деятельного и жизнерадостного турецкого народа читались в русском обществе как увлекательная беллетристика и в XVIII, и в XIX в.

¹¹ Kunt M., Aksin S. *Türkiye tarihi. Osmanlı devleti. 1600–1908*. Cilt III. İstanbul, 1990. S. 55.

¹² Dimitrie Cantemir. *Historian of South East European and Oriental Civilizations. Extracts from the History of the Ottoman Empire* / Ed. by A. Duğu and P. Cernovodeanu. Bucharest, 1973. 395 p.; Кононов А. Н. *История изучения тюркского языка в России*. С. 39–40.

¹³ *Первое полное издание «Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки Альбова уроженца киевского, монаха антиохийского путешествие»*. СПб., 1778. Последнее переиздание 1885–1889 гг.

Достоверная и обширная информация о турках поступала от чрезвычайных послов (резидентов) России в Османской империи А. Вешнякова, И. И. и А. И. Неплюевых, П. А. Толстого. Однако она мертвым грузом оседала в архивах и лишь в кратких фрагментах появлялась на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», которые мало были доступны широкому читателю России в XVIII в.

Исследованиями Б. М. Данцига (1973) и А. Д. Желтякова (1980) установлено, что русско-турецкие войны 1768–1774 и 1787–1791 гг. породили обширную литературу военного характера о Турции. В ней все большее место занимали сведения о немусульманских подданных Высокой Порты. Образ турка как военного противника дополнялся чертами турка как торгового конкурента в Черноморье и Средиземноморье, жесткого правителя и угнетателя братских балканских народов. Традиционные формы поношения мусульман, ритуально повторявшиеся в списках и сочинениях XVI – начала XVIII в., отступали и заменялись достаточно пренебрежительными, но нередко вполне реалистичными в применении к правящим кругам эпитетами типа «неискусен в правлении, больше имеет склонение покоитися, нежели пребывать в трудах», и т. д.

Появилась масса работ краеведческого характера в переводах с европейских языков, причем далеко не всегда тех авторов, которые глубоко знали жизнь турок-османов по личным наблюдениям. Тогда-то и разошлись по России фальшивые образы ленивого турка, восседающего с кальяном в окружении волнующих воображение многоамного российского обывателя одалисок в прозрачных покрывалах...

В последней трети XVIII – начале XIX в. чрезвычайными послами и посланниками в Турции служили высокообразованные дипломаты и военные — Н. В. Репнин, Я. И. Булгаков, М. И. Кутузов, В. П. Кочубей, В. С. Томара, А. Я. Италинский. После 1794 г. развернулась деятельность Военно-топографического депо, выполнявшего, среди прочих, функции военной разведки России. Из посольств и от военных топографов потекли отличные по качеству и по точности зарисовки костюмов, лиц, жанровые сцены, не говоря уж о многочисленных атласах, картах, статистических и этнографических описаниях. Читатель России не без удивления увидел до деталей схожие костюмы и оружие запорожцев и османов, привычную для малоросса арбу и другие предметы обихода (сундуки, рундуки, утварь и пр.), необычайно похожие на те, что были обычными для юга России.

В Османской империи дипломаты-турки, естественно, также представляли свои отчеты и донесения, служившие важным источником знаний.

Впервые приведем полный перечень чрезвычайных турецких посольств в Россию в XVIII в. Это посольства Мехмеда Али (1740–1742), Дервиша Мехмеда Эмин-паши (1740–1742), Дервиша Мехмеда-эфенди (1755), Шехиди Османа-эфенди (1757–1758), Белиргяха Мустафы Расыха-эфенди (1793–1794). В современной Турции их отчеты опубликованы и доступны как турецким, так и зарубежным ученым. Современники о них за пределами владений Высокой Порты не ведали. И очень жаль.

Все до одного турецкие послы были людьми живыми и общительными. Порой настолько, что, например, штат посольства Расыха-эфенди, возвращавшегося из России в исходе 1794 г., увеличился «на три младенца мужского пола, к которым он выказывал отеческие знаки внимания». Дело в том, что молодой посол, понравившийся статью и обхождением самой царице Екатерине Алексеевне, приглянулся также и некоторым «особам женского полу при Е. И. В.»¹⁴...

Впрочем, не только балы и маскарады при дворах царей и вельмож в Петербурге поражали турецких послов в России. Они подробно описывали Новоладожский канал и его шлюзы (Мехмед Эмин), петербургскую верфь и кронштадские доки (Дервиш Мехмед). Расых-эфенди не только был потрясен женскими прелестями северянок, но и оставил лучшее на Ближнем Востоке описание дороги Москва – Петербург (1793 г.) и отчет о работе тульских оружейных мастерских, где он приобрел ряд образцов ружей и, кажется (хотя здесь отчет невнятен), кое-какую технологическую документацию.

Подобные описания Мустафой Расыхом жилых домов, облика, образа жизни и культурных интересов российских горожан пронизаны симпатией и неподдельным интересом. Без (или почти без) традиционного поношения неверных. Примечательно, что, став позднее во главе оттоманского флота, он сохранил симпатии к России (быть может, благодаря сыновьям).

Все отчеты о России давали сведения о ней как о державе, существенно обогнавшей Османскую империю на пути военного и технического прогресса, и были далеки от снисходительности отчетов XVI–XVII вв. Это в полной мере относится и к оценкам русских, с которыми общались османские дипломатические представители в XVIII в.

¹⁴ О деятельности турецкой миссии в России во главе с Расыхом-эфенди и русской в Стамбуле во главе с М. И. Кутузовым см.: Шерemet В. И. *Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке*. М., 1994. С. 66–70; Шерemet В. И. «Мужикистан» и «Туретчина». *Родина*. 1998. № 5–6.

Перемены отражали существенные сдвиги, наметившиеся в османском обществе в сторону европеизации и общего прогресса. Кроме того, османская правящая верхушка в XVIII в. как бы переплавила в себе значительную часть балканской феодальной аристократии, стала более терпима и к ним, и к воззрениям на соотношение светской и религиозной власти. Россия с ее мощным влиянием царя на церковь в XVIII в. воспринималась более благосклонно, чем, например, Франция после 1789 г. с ее, как говорил Селим III, «ужасающим безбожием».

Высокой Порте и султанам стали очевидны грандиозные сдвиги в послепетровском российском государстве. В то же время (конец XVIII в.) нараставшая на Западе промышленная революция пугала и казалась недостижимой. Реформы Петра I стали изучать, к опыту России начали тянуться. В 1731 г. первопечатник Ибрагим Мутаферрика в «Основах мудрости и устройства народов» приводил реформы Петра I как образец для подражания.

Следует заметить, что турки, оказавшиеся в России в плену, тоже писали свои воспоминания. Некоторые из них стали достоянием русской читающей публики уже в XIX в.

Большой интерес представляет сочинение Ресми-эфенди «Сок достопримечательного. О сущности, начале и важнейших событиях войны между Высокою Портой и Россией от 1182 до 1190 гг. гиджры» (1768–1774). Рукопись была переведена с турецкого языка и опубликована знаменитым бароном Брамбеусом — О. И. Сенковским. Сочинение написано очень живо, остроумно, автор настроен по отношению к победителям-русским весьма дружелюбно. Победа России в войне 1768–1774 гг. побудила его внимательнее приглядеться к стране, ее истории и народу, дать свое истолкование событий. Многое ему, человеку другой культуры, совершенно непонятно в русских, как и в других европейских народах.

Вот, например, одно из его рассуждений: «С некоторого времени по дивному распоряжению Аллаха все их короли (речь идет о российских императорах. — В. Ш.) бывают женского рода, и нынешний их повелитель (т. е. Екатерина II. — В. Ш.) принадлежит, как известно, к тому же полу... Племя франков, или, как у них говорится, европейцев чрезвычайно подобострастно к своему женскому полу. Оттого-то они так удивительно покорны, послушны и преданы этой чарыче¹⁵...»¹⁶.

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. С. 72.

Автор старается понять, что же принесло России победу в 1774 г. Он отмечает, что русские издавна утвердили «за собой славу народа храброго и воинственного», анализирует разнообразные военные хитрости, применяемые ими, а также взаимодействие войск. Ресми-эфенди специально указывает на обычай москвитян «с пленными мусульманами не употреблять ни жестокостей, ни побоев; гяур позволяет им жить по своему обычаю и не говорит ничего обидного для их веры; многим же дает свободу, для того чтобы они бесполезно его не обременяли. У него нет в заводе выдавать по червонцу награды за всякого взятого пленного, за всякую голову, отрезанную Аллах вест где и у кого...». Особое внимание автор обращает на дисциплину в русской армии: «Надобно еще прибавить, что они душой и телом привязаны к своим государям и удивительно послушны офицерам старше себя чинами: там, где их поставят... они стоят, как камни»¹⁷.

Очень ценную и разнообразную информацию о культурной жизни России и о том, как ее воспринимали образованные турки в XVIII в., давали своим читателям записки Махмеда Неджати-эфенди, находившегося в русском плену в 1771–1775 гг. По разысканиям В. Д. Смирнова, Мехмед Неджати был финансовым доверенным и личным секретарем Ибрагим-паши, командующего турецким войском (сераскера) в Крыму во время войны 1768–1774 гг. Из четырех лет плена три года он вместе со своим бывшим сераскером находился в Петербурге; во второй части своей записки (часть первая посвящена положению турецкой армии в Крыму) он подробно описал многие стороны культурной жизни Петербурга тех лет. Его изложение дает вместе с тем представление о том, как традиционно образованный турок конца XVIII в. воспринимал культурные развлечения столичного света, свидетелем которых ему довелось быть.

Вот как он описывает, например, представление в дворцовом театре Екатерины II в главе «О комедии»: «Комедия значит собрание песен и стихов... Зал представления сорок аршин длины и пятнадцать аршин ширины. По обеим сторонам его устроены в три яруса ложи и друг против друга два киоска: один для кралицы, другой для ее сына. А в середине этой комнаты представляют комедии и другие игры, называемые опера... Показываются солнце, и луна, и звезды; идет снег и дождь, являются сады, разные города, крепости и разные подобные этим штуки; играют музыканты. По четырем сторонам зала свечи во всех вкусах; перед каждым музыкантом горит по

¹⁷ Там же. С. 77, 75.

одному светильнику, чтобы они могли смотреть на ноты и исполнять написанную в них музыку. Такого рода вечера бывают по три, по пяти раз каждый месяц. На них тоже рассылают приглашения на особых штемпелеванных билетах, по одному для трех или пяти персон... Этот порядок установлен для всех, кто бы они ни были... Здесь обычай таков, что если кралице нравится чья-нибудь игра, то от полноты своей щедрости вместо бакшиша она бьет рукой об руку, мужчины и дамы делают то же, как будто они давали этим золото. Актеры, тоже довольные, радуются и изыскивают удовольствие, говоря: «Мы понравились кралице, она нам хлопала руками». Это оттого, что они не знают, что такое подарки и щедрость, и бывают даже огорчены, когда им не рукоплещут. Какая неистощимая казна эти «браво»! Таков же обычай у них, когда нужно было бы давать деньги... Назначенный к нам драгоман, когда его спросили, объяснил нам значение рукоплесканий, делать нечего — и мы били в ладоши»¹⁸.

В таком же духе Мехмед Неджати писал и о балах-маскарадах. «Это — бабья воркотня, но она у них считается большим искусством... Маскарад есть тоже род увеселения, для которого собираются во дворце кралицы, в трех больших залах, идущих один за другим; в хрустальных люстрах горят свечи, и различного рода увеселения продолжают до утра. Мужчины и женщины, взявшись за руки, гуляют из одной комнаты в другую, надев на лица маски: мужчины замаскировываются женщинами; на всех разноцветные платья, и таким образом любуются друг на друга. Однажды и сераскер-паша был приглашен туда».

А вот как он описывал званые обеды в богатых семьях: «Кушанья приготавливаются из рыбы, говядины и дичи, медвежатины и раков. Сварив говядину с капустой, сколько нужно, приносят в металлической кастрюле и ставят на стол... а в нее кладут большую ложку; каждый берет стул и садятся по обе стороны стола. Наложив большой ложкой капустного рассолу, кислых щей с куском вареной говядины к себе на тарелку, едят; потом еще берут по большой ложке и опять едят. Точно так же едят и другие кушанья, находящиеся на столе, и пьют. Тарелки и ложки переменяют. Таким образом, обед кончается часа через четыре, потому что они за столом разговаривают о делах своих. Так поступают все, будь он хозяин дома или нет, все равно. Всякий, поевши немного, встает, прохаживается, ведет беседу, потом опять приходит и ест, все равно, в своем ли это доме или друг у друга...»¹⁹.

¹⁸ *Русская старина*. СПб., 1894. Кн. 31. С. 102.

¹⁹ *Там же*. С. 206.

Мехмед Неджати подробно описывал архитектурные достопримечательности Петербурга, в частности, Кунсткамеру, отмечая, что посетителей, кто бы они ни были, «охрана пропускает только по специальным билетам». Неву он сравнивал с Босфором и Золотым Рогом, подмечал разные черты хозяйственной жизни и быта города: заготовку льда на Неве для мясных и рыбных лавок, устройство домов, вывески на лавках с изображением продаваемых в них товаров, деревянные тротуары для пешеходов, свайные фундаменты домов, осветительные лампы на столбах и особые столбы на перекрестках с надписями, обозначающими «название мест, рынков и площадей; всякий видит, в какую сторону ему нужно идти; если же он неграмотный, то спрашивает у караульного». Среди достопримечательностей Царского Села он особо отмечал знаменитую на весь мир янтарную комнату в Екатерининском дворце и искусственный грот, оформленный в восточной стили.

Четырехлетнее пребывание в России и, по-видимому, достаточная свобода общения, в том числе и при возвращении из плена в Стамбул через всю Россию (Ижора, Вышний Волочек, Торжок, Тверь, Москва, Орел, Киев, Измаил), дали Мехмеду Неджати возможность весьма подробно ознакомиться с внутренним состоянием государства. Он приводит весьма точные сведения о повинностях и налогах, о крепостнических порядках, организации почтовой службы и почтовых станциях, состоянии дорог, о пожарах и эпидемиях и т. д. Особое внимание наблюдательный турок уделял российской армии и флоту, отмечая более высокую выучку и дисциплину русских солдат и матросов, более четкую организацию гарнизонной и интендантской службы, чем это было в турецкой армии, которую Неджати оценивал весьма критически.

Таким образом, Мехмед Неджати дал разностороннюю, в целом нелицеприятную оценку многим сторонам внутренней жизни России, и его записи можно рассматривать как ценный вклад в ознакомление турок с русскими.

К сожалению, такая информация о жизни русского общества в сочинениях турецких авторов была скорее исключением, чем правилом. В целом, даже образованные турки в XVIII в. имели весьма смутные представления о России, о жизни русского общества. В Османской империи не было написано или издано ни одной специальной книги о России, не существовало традиции изучения русского языка, не имелось ни одного перевода на турецкий с русского. Такое положение сохранялось длительное время еще и в XIX столетии.

Россия по сравнению с Турцией в познании своего южного соседа ушла гораздо дальше. В противоположность турецкому образованному слою, по существу не видевшему в России ничего, кроме военного соперника, в русской науке и культуре XVIII в. появилось отчетливое понимание необходимости изучения Востока, прежде всего Османской Турции.

В заключение кратко рассмотрим, как на основе представлений XVIII в. развивались «образы соседа» в России и в Турции XIX в.

Большой вклад в формирование вполне конкретного и реального образа южного соседа вложили многие тысячи паломников к Святым местам, сотни ученых, журналистов, писателей, дипломатов и военных России, в период после Адрианопольского мира 1829 г. посещавшие Турцию практически без ограничений. Одновременно изучение османских турок в этнографическом и социально-политическом аспектах широко велось при Азиатском департаменте МИД Российской империи, в Петербургском университете, в Одессе (Ришельевский лицей), в Казани, Москве, Харькове, во многих военных учебных заведениях России. Большой вклад в ознакомление широкой общественности с нравами и бытом турок внесли Историческое, Географическое и Археологическое общества. В том числе изданием и переизданием описаний Турции XVII и XVIII вв.

Постепенно многие крупные журналы и газеты открыли свои представительства в Османской империи. С 1897 г. ежеквартально публиковались Сборники консульских донесений с самыми последними сведениями из жизни Турции. Национальный характер турок стал излюбленной и благодатной темой этих донесений. Причем часто давались экскурсии в описания и оценки XVIII – начала XIX в.

Русских художников XIX в. неизменно влекло на Босфор. Несколько картин И. К. Айвазовского из его стамбульского цикла и сейчас составляют гордость национальных музеев Стамбула и Анкары. К. Брюллов, В. Верещагин, К. Петров-Водкин и многие другие художники оставили изумительные по точности зарисовки быта и нравов Турции, причем практически всех слоев общества. С 1869 г. стала выходить легендарная «Нива», где только за первые тридцать лет было помещено более двух тысяч рисунков, видов и типажей населения Турции, а также гравюр с картин художников и путевых зарисовок путешественников²⁰. Учитывая исключительную популярность в народе «Нивы» в дооктябрьской России, можно согласиться с П. Н. Милюковым, который, призывая к походу на Босфор в

²⁰ Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала «Нива» за 30 лет. 1870–1899. СПб., 1902.

годы Первой мировой войны, заметил, что всякий русский знает Стамбул с его проливами по нивским картинкам лучше своего губернского города.

В конце XIX – начале XX в. с образом турка русское общество больше, чем в конце XVIII – начале XIX в., стало связывать слепой религиозный фанатизм толпы по отношению к армянам, грекам, болгарам, другим христианам.

Довольно четко разделились в русском общественном сознании правящие круги Османской империи и простые «турки с улицы». Например, композиции К. Брюллова, посвященные простому люду Турции, характеризуются жизненностью эпизодов, меткостью типажа, тонким пониманием национального характера, окрашены особым жизнерадостным юмором, что резко отличается от того сарказма, с каким Брюллов описывал турецких вельмож и привилегированных чиновников²¹. В середине XIX в. О. И. Сенковский писал, что «отчаянная безнравственность той части турецкого общества, в которой сосредоточивается правительство или которая состоит с ним в непосредственной связи, совершенно не подлежит сомнению. Эта часть общества в самих же турках возбуждает ужас и отвращение... В частной жизни турки обнаруживают много хороших качеств, которые приятно принять в счет даже в неприятеле. Они вообще смиренны, внимательны к удовольствию других, вежливы с чужими и ... в примечательной степени честны и прямотушны»²².

Практически то же самое повторила журналистка Ариадна Тыркова, много лет прожившая в Турции: «Многое в них (турках. — В. III.) вызывало во мне симпатию и уважение, — честность простонародья еще резче подчеркивала развращенность правящих классов, чиновников, больших и малых, равно невежественных, презирающих труд физический и умственный»²³.

Весьма показательно, что читающая русская публика живо интересовалась турецким фольклором. Об издании в то время в Турции, например, русских сказок или пословиц сведений у меня нет.

Первые переводы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого на турецкий язык появились в 90-х гг. XIX в. Их распространение было крайне ограниченным, за исключением севастопольского и казачьего циклов Л. Н. Толстого.

²¹ Ацаркина Э. *Карл Брюллов*. М., 1963. С. 50–151.

²² Сенковский О. И. *Обозрение Оттоманской империи, Валахии и Молдавии...* Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. С. 50.

²³ Тыркова А. *Старая Турция и младотурки*. Пг., 1916. С. VIII.

Террор в политической жизни конца XIX – начала XX в., характерный для Османской империи времен Абдул Хамида II, сказывался на формировании образа русского — «злого, мрачного, грубого, невежественного». Влияние политических установок снижало уже достигнутый в Турции уровень интереса к России, к русским людям, к другим населявшим ее народам. Даже вольная антихамидовская печать и младотурецкая пресса высказывались, как правило, отрицательно о северном соседе.

Источником иной, менее предвзятой информации о русских стали для османов на рубеже XX в. их соотечественники, возвращавшиеся из русского плена²⁴. Это отмечали русские путешественники, посетившие Турцию после войны 1877–1878 гг.²⁵. Объяснение этому внешне противоречивому факту следует искать в быстрой передаче турецких пленных на родину²⁶. И в немалой степени отсутствию предвзятости к поверженному противнику, что было характерно для российского общества²⁷.

Империя Романовых и империя Османов приближались к своему последнему, для обеих династий роковому, столкновению в 1914 г. Впереди были мировая война и революция...

Осенью 1914 г. османский поверенный в делах в России Ниязи Фахретдин-бей писал: «Война с Россией, зачем? Для кого? Мы только-только начали понимать друг друга». Он был прав, этот единственный из послов, имевший личный пропуск в Императорскую Публичную Библиотеку, любимец модных салонов и победитель шутивого конкурса, объявленного петербургскими дамами в 1913 г., на лучшие мужские усы²⁸.

...Весной 1918 г. в Стокгольме бывший военно-морской атташе России в Стамбуле А. Н. Щеглов вспоминал: «Лучшие мои годы я отдал Стамбулу. Его я люблю, знаю его добрых людей. Что мне теперь...»²⁹.

Теперь нам доводится собирать все доброе и светлое, что было между нашими народами. Знать и уважать обычаи и нравы соседа, изучать становление и развитие их взглядов друг на друга.

²⁴ На это обстоятельство обратила мое внимание В. С. Соломко, которой я приношу глубокую благодарность, равно как и за предоставленные материалы.

²⁵ *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1885. Т. IV. Вып. 4. С. 180.

²⁶ Елисеев А. В. *По белу свету*. СПб., 1896. Т. 3. С. 335.

²⁷ Карцев Ю. А. *Семь лет на Востоке*. 1879–1886. СПб., 1906. С. 38–39.

²⁸ Шеремет В. И. Прощальная депеша турецкого посла. *Северный Вестник*. 1991. № 3; Шеремет В. И. Забытый резидент. *Там же*. № 4–5.

²⁹ Шеремет В. И. Босфор. *Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки*. М., 2007. С. 57; Шеремет В. И. «Образ соседа»: конфликтологический анализ. *Постигая военную историю*. Вып. 4. М., 1994. С. 46–47.

Ункяр-Искелесский договор 1833 года

175 лет назад, в апреле 1833 г. на азиатском берегу Босфора, в местности, называемой Ункяр-Искелесси, высадился русский десантный отряд. Ему предстояла невиданная в истории русско-турецких отношений задача – защищать... турецкого султана. Под Махмудом II качался трон, причем не просто из-за деятельности какой-то группы заговорщиков или недовольных военных — угроза нависла над существованием самой династии Османов, которая к тому времени просуществовала уже около 600 лет.

Махмуд II правил Османской империей с 1809 г. На его правление пришлось две войны с Россией (1806–1812 и 1828–1809) и три крупных восстания в европейских провинциях: в Сербии, Дунайских княжествах Молдавия и Валахия (это территория современной Румынии) и в Греции. Сербия добилась того, что получила права внутреннего самоуправления, восстание в Дунайских княжествах было довольно быстро подавлено, а в Греции...

Греческие повстанцы сумели привлечь к себе внимание всей Европы. В разных странах возникали так называемые филэллинские общества (по-гречески это означало «любящие греков»), в Грецию, сражаться вместе с повстанцами против турок-угнетателей, отправлялись добровольцы из Италии, Германии, Польши, Венгрии, из других стран. Самый известный из них — это поэт-романтик лорд Байрон, который отправился в Грецию после вынужденного отъезда из Англии: за свое поведение, нарушавшее все нормы цивилизованного общества, он был подвергнут остракизму.

Восстание в Греции началось в 1821 г. Присланная Стамбулом армия, формировавшаяся еще по средневековым принципам, самостоятельно справиться с восставшим народом не могла. Тогда в январе 1824 г. Махмуд II призвал на помощь войска своего вассала — правителя Египта Мухаммеда Али.

Этого вассала по его мощи вполне можно было сопоставить с его сюзереном. Придя к власти в Египте в 1806 г., Мухаммед Али пятнадцать лет выстраивал свою армию по европейским образцам, пользуясь помощью европейских инструкторов-офицеров, которым он щедро платил. С февраля 1825 по июнь 1827 г. регулярные египетские части при поддержке турецких войск, преодолевая сопротивление героически сражавшихся, но плохо вооруженных и раздираемых внутренними противоречиями греческих отрядов, овладели большей частью Мореи.

Воспользовавшись тем, что в его распоряжении оказалось большое, обученное и вооруженное по-европейски войско, Махмуд II исполнил свою давнюю мечту: уничтожил корпус янычар. 29 мая 1826 г. он подписал указ о создании новой регулярной армии.

Однако результатом этой реформы стало то, что в распоряжении султана оказалось всего несколько сотен верных ему войск. Все остальные слепо подчинялись своему главнокомандующему, сыну Мухаммеда Али Ибрахим-паше.

Победа Ибрахим-паши над греками означала бы переход Мореи под управление Мухаммеда Али (кстати, родом албанца), мощная держава которого получила бы опорные базы и на европейском, и на азиатском, и на африканском берегах Средиземного моря. Это было бы угрозой влиянию России в Средиземноморье и британским связям с Индией одновременно. Поэтому не стоит удивляться тому, что правительства великих держав не остались в стороне от событий на Балканском полуострове. После долгих и сложных переговоров 6 июля 1827 г. в Лондоне был подписан договор между Англией, Францией и Россией о решении греческого вопроса. Греция должна была оставаться под сюзеренитетом султана, но при этом получить определенную автономию.

Стамбул категорически отверг идею о посредничестве великих держав в решении конфликта. Султан надеялся в течение года покончить с бунтовщиками. Даже разгром при Наварине (20 октября 1827 г.) турецко-египетского флота (66 вымпелов, 222 орудия) союзной эскадрой (27 вымпелов, 1298 орудий) не заставил Махмуда II отступить. Наоборот, он резко ограничил русскую торговлю, которая велась через Черноморские проливы. В декабре того же года он призвал всех мусульман Османской империи быть готовыми к джихаду – священной войне с неверными. В Петербурге это воззвание расценили как прямой вызов. 26 апреля 1828 г. Россия обнародовала манифест о войне с Османской империей, хотя фактически военные действия начались тремя неделями ранее.

Стамбул был вынужден воевать на трех фронтах: на Дунае, на Кавказе и в Греции. К середине лета 1829 г. военное поражение турок было очевид-

но. 20 августа пал Адрианополь — старинная столица османских султанов. К концу месяца русские разъезды были видны со стен Константинополя.

Переговоры о мире длились менее двух недель: со 2 по 14 сентября 1829 г. Именно тогда впервые проявились блестящие дипломатические способности графа Алексея Федоровича Орлова, сумевшего добиться принятия практически всех выдвинутых Россией условий. После этого Николай I назначил А. Ф. Орлова послом в Константинополь. По сложившейся к тому времени за сто с лишним лет традиции, выполнение условий договоров с Османской империей занимало, как правило, от двух до пяти лет. Орлов добился, казалось, невозможного: ему удалось завершить этот процесс в течение десяти месяцев.

Греция была провозглашена республикой, ее первым президентом стал Иоаннис Каподистрия, бывший статс-секретарь Александра I. Вскоре он погибнет от рук заговорщиков, и тогда великие державы добьются того, что Греция станет королевством с Оттоном Баварским во главе: в 1830 г. по Европе катилась волна революций и восстаний, слово «республика» и так пугало до дрожи все правительства.

В 1830 г. рухнула династия Бурбонов во Франции, ее сменила Орлеанская династия. В стране была установлена конституционная монархия. В том же году в Европе появилось новое королевство: Голландское королевство раскололось на две части — Нидерланды и Бельгию. Кстати, этот процесс непосредственно затрагивал интересы Российской империи, ведь голландской королевой была младшая сестра Николая I, Анна Павловна. Вспыхнуло восстание в Варшаве и других городах Царства Польского, на подавление бунта пришлось бросить армию... Неудивительно, что и Османская империя не осталась в стороне от этих событий. Там они вначале приняли привычный облик очередного восстания сепаратистски настроенного паши, но масштаб восстания оказался беспрецедентным.

Мухаммед Али, правитель Египта, которого тайно поддерживала Франция, несколькими годами ранее убедился, насколько слаба и не способна к серьезным боевым действиям армия султана. Теперь, когда бушевала вся Европа, что могло быть проще, чем попытаться увеличить собственные владения и добиться независимости, а если повезет, то и... Военные действия начались в 1831 г. и длились два года.

Египетские войска подходили все ближе и ближе к османской столице. И тогда Махмуд II сделал то, чем в эпоху наполеоновских войн удивил всю Европу его двоюродный брат Селим III: в момент неминуемой катастрофы обратился за помощью к России. Потому-то и высадился на азиатском берегу Босфора русский десант. Одновременно в Константинополь для

ведения переговоров о заключении союзного договора приехал чрезвычайный посол граф Алексей Федорович Орлов.

Европа всполошилась. Такое усиление русского влияния на Константинополь! Неслыханно! Немыслимо! И Англия, и Франция потребовали от Мухаммеда Али немедленно вывести его войска и примириться с Махмудом II, чтобы уничтожить самый предлог для пребывания русских войск на территории Османской империи.

Послы великих держав зачастили в султанский дворец. Под их давлением султан пошел на серьезные уступки своему мятежному вассалу: Мухаммед Али получил в свое наследственное правление не только Египет, но также Сирию и Палестину и территорию вокруг Аданы. За это он обязывался и далее признавать сюзеренитет султана и удалить свои войска из Анатолии. В мае 1833 г. было подписано соответствующее соглашение.

После этого русский десант начали выводить из Ункяр-Искелесси, но еще до того, как последний русский солдат взшел на борт корабля, 8 июля 1833 г. был подписан союзный русско-турецкий договор.

Договор устанавливал, что между Россией и Турцией «мир, дружба и союз будут навеки существовать». Обе державы обязывались друг другу «подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление». Кроме того, Россия обязывалась в случае необходимости по просьбе султана предоставлять Османской империи «воинскую и морскую помощь». Срок действия договора определялся в восемь лет.

Но важной дипломатической победой Орлова были не шесть гласных статей договора, а дополнительная — «отдельная и секретная». Высокая Порта обязывалась в обмен на отказ России требовать помощь, предусмотренную I статьей договора, по требованию Петербурга закрывать Дарданелльский пролив, «то есть не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом».

Англия и Франция протестовали против заключения этого договора, но сделать ничего не могли. К сожалению, Николай I сам предпочел пойти на некоторые уступки и вскоре заключил с Австрией так называемую Мюнхенгрецкую конвенцию, которая связала свободу действий российской дипломатии на Ближнем Востоке. А в 1841 г., после истечения срока Ункяр-Искелессийского договора, была заключена Лондонская конвенция, которая отныне устанавливала международную регламентацию режима Проливов. Однако все это не умаляет успехов российской дипломатии, которая сумела в 1833 г. одержать впечатляющую победу в Ункяр-Искелесси без единого выстрела.

Русско-турецкие экономические связи в середине XIX века

Взаимоотношения России с Османской империей середины XIX в. во многом определяли международное положение на Ближнем Востоке. Дипломатические отношения между Россией и Турцией в этот период, достаточно изученные, должны быть объяснены также с точки зрения динамики торговли до и после Крымской войны, изменений таможенной политики, переговоров о торговом договоре 1846 г.

Рассматриваемый в статье период с начала 30-х до начала 60-х гг. XIX в. представляет особый интерес при изучении русско-турецкой торговли. Установившийся в конце 1820-х гг. курс царского правительства на укрепление отношений с Османской империей сочетался с выработкой новых представлений в правительственных кругах о значении турецкого рынка, как и азиатского в целом, для сбыта русской промышленной продукции. Транзит русских сельскохозяйственных продуктов через Черноморские проливы приобретал все большее значение в ущерб двусторонней торговле через европейскую границу.

Изучение торговых связей между Россией и Турцией в начале 1830-х гг. было предпринято по инициативе А. П. Ермолова. Данные по торговле включались в статистико-географические описания как приложения³⁰. Работы Ю. А. Гагемейстера обобщали данные таможи, материалы прессы и носили характер конъюнктурных обзоров³¹. В эти годы по

³⁰ Евецкий О. *Статистическое описание Закавказского края*. СПб., 1835. Ч. 1–2; *Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях*. СПб., 1836 и др.

³¹ Гагемейстер Ю. А. О европейской торговле в Турции и Персии. *Журнал мануфактур и торговли*. Ч. 1, № 1–3, 1838; его же. *Закавказские очерки*. СПб., 1845; его же. Взгляд на промышленность и торговлю России. *Русский вестник*. 1857. № 1.

Малой Азии путешествовали известные русские исследователи Востока: М. П. Вронченко, И. Н. Березин, П. А. Чихачев. М. П. Вронченко был, вероятно, первым русским исследователем, который обратил внимание правительственных и деловых кругов на столкновение во второй половине 1830-х гг. торговых интересов России и Англии в глубинных районах Анатолии и дал подробный анализ экспортно-импортных возможностей азиатского рынка³².

Работавшие в Турции в 40–50-х гг. XIX в. И. Н. Березин и П. А. Чихачев в своих очерках отмечали сохранение традиционных торговых связей России и Турции в самых сложных условиях торговой и политической экспансии западных держав, поддерживали идею об использовании торговли для защиты и восстановления политических позиций России на Ближнем Востоке³³. Работы русских экономистов середины XIX в. содержали данные по торговле России и Турции в общих разделах статистики и специальных подсчетов, но оценки места и значения турецкой торговли, особенно в азиатской торговле, разрознены и относятся обычно к ограниченному периоду – в 2–5 лет³⁴.

В статьях и обзорах по внешней торговле России второй половины XIX – начала XX в. авторы неправомерно придерживались точки зрения о полной зависимости Турции от западных держав в течение всего XIX в.³⁵.

Как показал в обстоятельном историографическом обзоре Л. С. Семенов³⁶, советские историки изучали экономические предпосылки войны 1853–1856 гг., развитие внешней торговли России в середине века, в том числе и с Турцией, соперничество России и Англии на Среднем

³² [Вронченко М. П.]. *Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М. В. Ч. I–II*. СПб., 1839–1840.

³³ Березин И. Н. *Современная Турция. Отечественные записки*. 1856. № 1, 2 и др.; Чихачев П. А. *Великие державы и восточный вопрос* / Сост. В. В. Цыбульский. М., 1870.

³⁴ Например, Брун Ф. К. *О внешней торговле Новороссийского края и Бессарабии с 1839 по 1843 г.* Одесса, 1846; Неболсин Г. П. *Статистическое обозрение внешней торговли России*. Ч. 1–2. СПб., 1850; Семенов А. В. *Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г.* Ч. 1–3. СПб., 1859.

³⁵ Скальковский К. *Суэцкий канал и его значение для русской торговли*. СПб., 1870; Шавров Н. А. *О путях для торговли России с Англией*. СПб., 1873; Гулишамбаров С. Н. *Итоги торговли и промышленности России императора Николая I. 1825–1855*. СПб., 1896.

³⁶ Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века*. Л., 1975. С. 6–10. Закавказской русско-иранской торговле преимущественно в 60–80-х гг. посвящена интересная статья Т. Л. Морозовой «К истории отмены закавказского транзита» (*История СССР*. 1977. № 3. С. 128–140).

Востоке в середине века, влияние политических отношений России с европейскими державами на восточную политику царизма. Оценки положения на рынках Османской империи были даны в работах А. Ф. Миллера, А. Д. Новичева, В. Я. Гросула, Н. А. Дулиной, Е. Е. Чертана, Н. Михова, Н. Тодорова, Х. Глушкова, М. Тодоровой.

Зарубежная историография, включая и турецкую, касается русско-турецких торговых отношений лишь в связи с общим обзором международных отношений, торговой политики западных держав на Ближнем Востоке, процессом «европеизации» Турции. Собственно экономические отношения России либо опускаются, либо упоминаются в связи с борьбой за выход в Средиземное море³⁷.

С 80-х гг. XVIII в. и вплоть до 1846 г. торговые связи между Россией и Турцией регулировались на основе торгового трактата 1783 г., дополненного по Адрианопольскому миру 1829 г. положением о свободной коммерческой навигации в Проливах. В 1831 г. стороны заключили тариф на 12 лет об уплате трехпроцентной пошлины с объявленной стоимости товаров, ввозимых в Турцию или вывозимых оттуда российскими подданными.

Общий тариф в том же 1831 г. был дополнен Положением о торговле Закавказского края, по которому был запрещен беспошлинный транзит в Иран и привоз в Закавказье иностранных товаров с пятипроцентной пошлиной³⁸.

Все внимание царской администрации в Закавказье было направлено на борьбу с европейской конкуренцией на иранском рынке. В Закавказье для некоторых турецких товаров были сделаны изъятия. Параллельно осуществлялась рекомендация министра финансов Е. Ф. Канкрин об усилении сбыта русских мануфактурных товаров в Азию³⁹. В 1832 г. был разрешен «торг без свидетельства» на Черноморском побережье Кавказа для русских купцов и допускался свободный приезд «покупщиков из турок».

Казалось бы, в этих условиях турецкие торговцы должны были воспользоваться благоприятной ситуацией. Однако положение торговца-турка, не защищенного системой национального законодательства и

³⁷ Karkar Yakub N. *Economic Development in the Ottoman Empire, 1856–1914*. Economic Research Inst., American University of Beirut. 1968. Pp. 99–104; [Karpat K., ed.] *The Ottoman State and Its Place in the World History*. Leiden etc., 1974.

³⁸ См. Рожкова М. К. Из истории экономической политики российского царизма в Закавказье. *Исторические записки*. Т. XVIII. 1946. С. 181–183; Морозова Т. Л. *К истории отмены закавказского транзита*. С. 130.

³⁹ Семенов А. В. *Изучение исторических сведений...* Ч. II. С. 232.

облагаемого в пределах Османской империи более высокими налогами, чем иностранный купец, заставляло его искать выход в приобретении за несколько тысяч курушей *берата* – грамоты, разрешавшей вести внешнеторговые операции на правах иностранных купцов⁴⁰.

Незначительное увеличение ввоза русских товаров в Турцию за первую половину 1830-х гг. при быстром росте английской торговли и усиление политического влияния Англии на Ближнем и Среднем Востоке вынудили царское правительство в 1836–1837 гг. активизировать действия по реализации планов расширения восточной торговли, обеспечив участие казны в «составлении партий товаров» для Смирны, Константинополя и Трабзона⁴¹.

В правительственных кругах, в среде предпринимателей и купцов центра и юга России обсуждались проекты акционерных обществ для торговли с Востоком (Турция, Иран, Средняя Азия и Китай)⁴². Несмотря на поддержку Николая I, полагавшего «делом сим не медлить», российско-азиатская компания так и не была организована.

Менее всего хотели рисковать в торговых кругах южнорусских портовых городов, уже столкнувшихся с трудностями конкуренции на турецком рынке. В Одессе, Феодосии, Таганроге купцы уже знали о намерении Порты «изменить привычный ход торговли на европейский манер», в то время как в Петербурге еще строили необъятные планы покорения Азии русскими товарами, а на деле оказались неподготовленными к пересмотру сложившейся за полвека системы торговых отношений с Турцией. Все это, а также разразившаяся в Турции чума, плохая организация ярмарок русских товаров, нераспорядительность турецких властей, умелые контрмеры английских конкурентов помешали царским властям достичь ожидаемых результатов⁴³.

В 1835 г. в ходе переговоров с Турцией Англия требовала отмены системы монополий в Турции и одновременного повышения как английского,

⁴⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1839. Д. 45. Л. 124–125. А. П. Бутенев — К. В. Нессельроде, 20 март (1 февр.) 1839. См. также [Вронченко М. П.]. *Обозрение Малой Азии*. Ч. II. С. 285–286; *Обозрение российских владений за Кавказом*. Ч. 4. С. 238; Tengirşenک Y. K. *Tanzimat devrinde osmanlı devletinin harici ticaret siyaseti. Tanzimat*. İstanbul, 1940. S. 4–6.

⁴¹ См. Киняпина Н. С. *Политика русского самодержавия в области промышленности*. М., 1966. С. 103–105; Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения...* С. 128.

⁴² Рожкова М. К. *Русские фабриканты и рынки Среднего Востока*. С. 149–151; Киняпина Н. С. *Политика русского самодержавия...* С. 105–108.

⁴³ Е. Ф. Канкрин поспешил, уведомляя Николая I об успешном сбыте товаров в Трабзоне, тогда как основная партия товаров в Смирне и Константинополе осталась нереализованной.

так и русского тарифов⁴⁴. Учитывая требования Лондона и собственные интересы, в 1837 г. Порты обратилась к правительству России с просьбой досрочно изменить тариф 1831 г. в связи с ростом мировых цен на промышленную продукцию и пересмотром тарифов по торговле с Англией, Францией и Австрией. В конце 1838 г. турецкое правительство выразило пожелание, чтобы Россия, наравне с другими державами, приняла условия англо-турецкой торговой конвенции от 16 августа 1838 г. в качестве основы для нового торгового договора⁴⁵.

Обе стороны высказались в пользу нового торгового договора. Но, несмотря на давление английской дипломатии, его заключение было отложено на восемь лет. Причина этого, в дополнение к распространенному тезису о выгодности для России прежних условий 1783 г.⁴⁶, заключалась также в механическом перенесении на экономические отношения с Турцией принципа *status quo*, которому царская дипломатия следовала в отношениях политических. При этом недостаточно учитывалась постепенная переориентация Порты от союза с Россией 1833 г. на достижение союза с Англией⁴⁷. Первым шагом Порты в этом направлении явилось подтверждение капитуляционного режима в англо-турецкой конвенции 1838 г. Одновременно режим свободной торговли стал составной частью политики реформ, провозглашенной Гюльханейским хатт-и шерифом 1839 г.

Царские дипломаты в Константинополе и Лондоне усмотрели в англо-турецкой конвенции 1838 г. и обращении Порты к России с предложением о пересмотре договора 1783 г. еще одну «рискованную новацию». Движимые стремлением «не допустить демократической пропаганды»

⁴⁴ Tengirşen Y. K. *Tanzimat devrinde osmanlı devletinin harici ti-caret siyaseti*. S. 11–12.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1842. Л. 325–325 об. По конвенции 16 авг. 1838 г. на ввозимые в Турцию британскими подданными товары налагалась 5-процентная пошлина, на вывозимые — 12-процентная; внутренние пошлины отменялись, равно как и система государственных монополий, обеспечивавшая относительную стабильность в снабжении городского населения продовольствием и сырьем для производства. Сохранилось высокое обложение национального производства и внутренней торговли. Прогрессивная турецкая историография рассматривает это соглашение как кабальное, заложившее основу превращения Турции в полуколоннию западных держав. Cem Y. *Turkiyede ger: kalmisligin tarihi*. Istanbul, 1971; Kazgan G. *Ortak pazar ve Tiirkiye*. Istanbul, 1970. S. 109.

⁴⁶ Puryear V. J. *International Economics and the Diplomacy in the Near East. A Study of British Commercial Policy in the Levant. 1834–1853*. Stanford, 1935. P. 197–199; Новичев А. Д. *История Турции*. Т. III. Л., 1972. С. 102.

⁴⁷ Подробнее см. Шерemet В. И. Некоторые вопросы английской политики на Ближнем Востоке во второй четверти XIX в. *Актуальные вопросы истории США и Англии в новое и новейшее время*. Л., 1975.

вблизи российских портов, они всячески откладывали пересмотр старого и заключение нового договора⁴⁸. Медлили, полагая, что экспорт русского хлеба и других «сырых продуктов» в Англию и Турцию — вне соперничества с английскими промышленными товарами на турецком рынке или с сельскохозяйственной продукцией других стран на английском рынке⁴⁹. Выжидали, как завершится борьба Австрии за «изъятие» Дунайских княжеств, Боснии и Герцеговины из сферы действия конвенции о свободной торговле.

Сосредоточив все внимание на разработке новой (Лондонской) конвенции о Проливах, которая должна была, по мнению К. В. Нессельроде⁵⁰, защищать интересы России, и полагая, что торговые интересы страны обеспечены принципами наибольшего благоприятствования (1783) и свободы коммерческой навигации в Проливах (1829), царская дипломатия ограничилась введением с 13 октября 1842 г. нового тарифа⁵¹.

Определенный на 12 лет тариф учитывал изменения цен за 1821–1841 гг. и включал существенное дополнение — беспошлинный транзит через турецкую территорию хлеба из России без включения в документы, т. е. без оплаты при проходе Проливов⁵².

В течение последующих пяти лет российские торговцы в Османской империи оказались в выгодном положении. Получив сертификат на торговые операции в российском консульстве, они платили лишь 3–5 % пошлин вместо узаконенных в 1838 г. в Турции 9–12 %. Имея одновременно *тезкере* — разрешение Порты на оптовую и розничную торговлю внутри страны, они подпадали под отмену всех внутренних пошлин⁵³.

Однако благоприятное положение российских торговцев и выгодный для них тариф 1842 г. не привели к ожидаемому укреплению России на турецком рынке. Стимулировался преимущественно зерновой экспорт через Проливы в страны Европы при сокращении промышленного экспорта непосредственно в Турцию. Усиливались экономические противоречия царизма с Портой,

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1841. Д. 111. Л. 457–499. Переписка посла в Константинополе В. П. Титова и посла в Лондоне Ф. И. Бруннова.

⁴⁹ Там же. Ф. Канцелярия, 1839. Д. 45. Л. 103об. А. П. Бутенев — К. В. Нессельроде, 20 января (10 февраля) 1839 г.; ф. Отчеты МИД, 1842 г. Л. 324–327об.

⁵⁰ Там же. Ф. Отчеты МИД, 1840 г. Л. 36об.

⁵¹ См. Тариф о сборе пошлин с привоза в турецкие области и вывозимых оттуда российскими подданными товаров. [Гельсингфорс, 1843].

⁵² АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1842. Л. 325–327.

⁵³ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 1471. Л. 58–59, А. Н. Иванов — В. П. Титову, 1 (13) апреля 1844 г.

расширявшей односторонний с русским сельскохозяйственный экспорт в Европу. Англия, Австрия, Франция увеличивали из года в год вывоз хлеба из османских владений на судах под своими флагами. Дипломатические и торговые представители этих держав в Константинополе требовали более жесткого контроля над торговыми операциями российских подданных, включая провоз зерна через Проливы и посредническую торговлю иностранными товарами во внутренних районах Малой Азии. Представления выслушивались и откладывались для обстоятельного изучения, как обычно говорил министр торговли Сарым-эфенди.

Новый договор был, наконец, заключен 30 апреля 1846 г. в Балта-Лимане, под Константинополем⁵⁴. Договор был подготовлен комиссией, в состав которой входили посол России, министр торговли Турции, видные коммерсанты обеих стран. Представители России подчеркивали в ходе переговоров, что они «соображаются с интересами Порты», особенно с усилением притока иностранных товаров, разрушающих местное производство⁵⁵. Не лишне отметить, что этот тон, «столь же лояльный, сколь и благонадежный», был принят в переговорах с Турцией через пять лет после подписания Лондонской конвенции 1841 г., ограничивавшей для России использование Проливов, через два года после провала инициативы Николая I об установлении, совместно с Англией, контроля над Турцией. Провалы и просчеты в дипломатии царизм тщетно пытался подправить «на ниве коммерческой».

Эти обстоятельства должны также приниматься в расчет при рассмотрении столь долгих проволочек с заключением нового договора. Русско-турецкий торговый трактат 1846 г. формально входил в серию соглашений Порты о свободной торговле с европейскими державами, но при этом содержал и отличия. Подтверждение для российских торговцев принципа наибольшего благоприятствования (ст. I, V), которым они пользовались с 1783 г., дополнялось уравниванием в правах российских торговцев и лиц, торгующих под флагом России на османской территории, с подданными Порты (ст. V, XV). С российских товаров для Дунайских княжеств и Сербии пошлины взымались только на месте (ст. XVI).

Вводились ограничения, которых не было в аналогичных договорах с западными державами: полный запрет «мелочного торга», торговли ору-

⁵⁴ Торговый трактат между е. в. императором всероссийским и е. в. императором оттоманским. Гельсингфорс, 1847; Noradounghian G. *Recueil d'actes internationaux de L'Empire Ottomane*. Vol. II. Paris, 1900. P. 371–379.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1846 г. Л. 216.

жием (ст. X), занятия ремеслами и владения ремесленными мастерскими (ст. VI). Рыбой, табаком, вином, квасцами, солью могли торговать только подданные Порты. Правда, позднее Порта перенесла эти ограничения и на западноевропейских коммерсантов, действовавших в Турции.

Турецкие торговцы на территории России получили права наибольшего благоприятствования (ст. XVII). По этому договору Порта восстановила свое традиционное право временного эмбарго на экспорт зерновых (ст. IX), уничтоженного англо-турецкой конвенцией 1838 г. Ратифицированный в июне 1846 г. договор вступал в действие с 13 июля 1846 г. сроком на 10 лет. Сохранялся в основном тариф 1842 г.⁵⁶

В целом договор, действовавший до 1863 г., носил взаимовыгодный характер. Единственный из серии фритредерских договоров Порты, он учитывал исторически сложившиеся и необходимые для турецкой стороны ограничения во внешней торговле. Однако ни договор 1846 г., ни ряд постановлений русского правительства в защиту торговых операций в Закавказье и на восточном берегу Черного моря не могли сдержать растущего влияния промышленно развитых капиталистических держав Европы на торговые отношения России и Турции.

Рассмотрим динамику и содержание русско-турецкой торговли в середине века. За период 1830–1860-х гг. во внешнеторговых оборотах России Турция оказалась отодвинутой с третьего места, после Англии и Германского Таможенного Союза, на шестое-седьмое. Специфичность русско-турецкой торговли через европейскую границу, включая черноморские порты и закавказскую границу, заставляет проводить дифференцированное исследование «европейского» и «азиатского» направлений единого процесса.

После 1833 г. русская таможенная статистика отделила азиатскую торговлю от европейской. Появилась возможность выяснить медленный, но неуклонный рост доли торговли через азиатскую границу в общем объеме русско-турецкой торговли — от 3,41 % (302 тыс. руб. серебром) в 1833 г. до 22,12 % (3649 тыс. руб. серебром) в 1861 г.⁵⁷ Оборот по азиатской границе утроился с 1833 по 1838 г. и достиг 901 тыс. руб. серебром⁵⁸. До Крымской войны обороты азиатской торговли России с Турцией

⁵⁶ Срок действия тарифа продлевался до 1856 г. и предусматривал постоянную оценку товаров в ценах 1836 г. АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1845 г. Л. 217 об.

⁵⁷ *Государственная внешняя торговля России (далее ГВТ) за 1833 год*. СПб., 1834. С. 37; ГВТ за 1861 г. СПб., 1862. Табл. XIX.

⁵⁸ ГВТ за 1833 г. С. 37; ГВТ за 1838 г. СПб., 1839. С. 44.

вырастали примерно на 2 %, превысили в 1845 г. 1 млн руб. серебром, удвоились в 1852 г. (14,51 % общего оборота с Турцией)⁵⁹. После войны азиатская торговля быстро восстановилась⁶⁰ и приблизилась в начале 1860-х гг. к 4 млн руб. серебром, составив 25 % всего оборота с Турцией. В 1860-х гг. Порта заняла третье место в азиатской торговле России после Китая и Персии, оттеснив последнюю в 1870-х гг.

Торговля по азиатской границе характеризовалась положительным сальдо для Турции, за исключением 1851-1852 и 1852-1858 гг., когда торговый баланс складывался в пользу России. Темпы роста импорта из Турции несколько уступали темпам расширения экспорта. Турецкий импорт в предвоенный период достигал максимума в 1849 г. — 907 тыс. руб. серебром и в 1852 г. — 929 тыс. руб. серебром⁶¹.

Война 1853–1856 гг. оказала меньшее воздействие на импорт, чем на экспорт. В годы войны через азиатскую границу в Россию было ввезено товара на 1874 тыс. руб. против 1539 тыс. руб. серебром вывоза⁶². Импорт из Турции после 1859 г. превысил 2 млн руб. (1859 г. — 1953 тыс. руб., 1860 г. — 2177, 1861 г. — 2053 тыс. руб.). С середины 1860-х гг. вплоть до 1876–1877 гг. наблюдалось почти двукратное преобладание импорта из Турции над экспортом⁶³.

Динамика торговли с Турцией по азиатской границе
в среднем за год в тыс. руб. серебром и в процентах
в среднем за каждое последующее пятилетие*

Годы	Экспорт	Величина экспорта в %	Импорт	Величина импорта в %
1833–1837	241	100	324	100
1838–1842	397	164,7	397	122,5
1843–1847	466	117,3	580	146,1
1848–1852	385	58,5	469	60
1857–1861	1260	327,2	1479	315

* Подсчитано по данным ГВТ за 1833–1861 гг. СПб., 1834–1862

⁵⁹ ГВТ за 1845 г. СПб., 1846. С. 70.

⁶⁰ К концу 1856 г. — 1 084 тыс. руб. серебром (7,41 % всего оборота). ГВТ за 1856 г. Табл. XIX.

⁶¹ ГВТ за 1849 г. СПб., 1850. С. 87.

⁶² ГВТ за 1853–1856 гг. СПб., 1854–1857. Табл. XIX.

⁶³ Журов Ф. Влияние последней войны на внешнюю торговлю России. СПб., 1880. С. 8–9.

На протяжении 1830-х – середины 1840-х гг. русский экспорт через азиатскую границу колебался в пределах 4–5 % от суммы русско-турецкого экспорта в Азию, превысив полмиллиона руб. лишь в 1846–1847 гг. Как известно, эти годы вообще отмечены высокими размерами торговых оборотов России⁶⁴.

Новое расширение экспорта приходится на конец 1840-х – начало 1850-х гг., когда экспорт в Турцию превысил 6 % от всего вывоза в Азию⁶⁵. Дальнейший рост русского экспорта в Азию (1082 тыс. руб. серебром в 1852 г.) приостановился из-за войны России с Турцией. Несмотря на почти полное прекращение экспорта в Турцию в 1854–1856 гг., его объем за годы войны в целом (1853–1856 гг.) составил 385 тыс. руб. серебром, т. е. стал выше, чем в мирные 1830-е гг. (см. табл. 2)⁶⁶.

В первые послевоенные годы экспорт в Азиатскую Турцию стабилизировался на уровне 1,2–1,5 млн. руб. серебром. Экспорт в Турцию возрос в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. более чем на 9 %, тогда как азиатская часть общерусского вывоза — только на 7,7 %⁶⁷. В середине 1860-х гг. доля экспорта в Турцию продолжала увеличиваться и в 1872–1876 гг. составляла в среднем 25,7 % (2,5 млн руб.) из 9,7 млн русского экспорта в Азию⁶⁸.

Таким образом, отчетливо проявляется тенденция роста русского экспорта в Малую Азию со второй половины 1840-х гг., сменившая застой в вывозе 30-х – начала 40-х гг. (см. табл. 2). В отличие от возрастания экспорта в Турцию по азиатской границе, объем экспорта по европейской границе с начала 1830-х гг. и вплоть до 1848 г. почти не менялся. Лишь в канун войны определилась тенденция к расширению русского экспорта в Турцию. За тридцатилетие экспорт увеличился лишь на 55 %, тогда как импорт — на 70 %. Торговля по европейской границе составляла от 96 % (в начале 1830-х гг.) до 90 % (в начале 1840-х гг.) общего оборота с Турцией. За исключением 1834, 1854 и 1855 гг., баланс торговли по европейской границе складывался в пользу России. Наиболее значительное положительное сальдо Россия имела в 1830 г. — 5,5 млн руб. ассигнаци-

⁶⁴ Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения...* Гл. II.

⁶⁵ Подробнее о тенденциях азиатской торговли России см. Рожкова М. К. *Экономические связи России со Средней Азией. 40–60-е годы XIX века.* М., 1963. С. 56.

⁶⁶ Действовала тенденция сохранения торговых связей, несмотря на военные действия, что отмечено мной для предшествующих периодов. См. Шеремет В. И. *К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII – начале XIX века. Историография и источниковедение стран Азии и Африки.* Вып. 2. Л., 1968.

⁶⁷ Подсчитано по таблицам вывоза в Азию в сборниках ГВТ за 1857–1865 гг.

⁶⁸ Виды внешней торговли России за 1872–1876 гг. СПб., 1873–1877.

ями, 1835 — 2,6 млн руб. ассигнациями, а также в 1850–1852 гг., когда экспорт в Турцию превышал импорт на 1,8–2,6 млн руб.⁶⁹.

В период Крымской войны объем торговли по европейской границе сократился с 10,4 млн руб. серебром в 1853 г. до 6,6 млн руб. серебром за 1854 и 1855 гг. вместе взятые. Импорт в Россию составил: в 1854 г. — 2,7 млн, в 1855 г. — 2,0 млн руб. серебром; экспорт: 1,5 млн и 0,3 млн руб. серебром соответственно⁷⁰. После войны обороты русско-турецкой торговли превысили довоенный уровень⁷¹, при этом экспорт в Турцию превышал импорт (см. табл. 3).

С середины 60-х гг. соотношение экспорта и импорта стадо меняться в сторону увеличения импорта. В 1872–1876 гг. вывозилось через европейскую границу в Турцию в среднем по 7,7 млн руб., из Турции ввозилось по 16,8 млн руб.

Обратимся к анализу товарной структуры, начав с европейской части русско-турецкой торговли. На протяжении всего рассматриваемого тридцатилетия сельскохозяйственная продукция Юга России (зерновые, икра, масло и сало, живой скот и др.) составляла подавляющую часть русского экспорта в Турцию по европейской границе, включая черноморские порты⁷². Среди зерновых (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза) более 90 % занимала пшеница (см. табл. 4).

Первые крупные партии муки (365 тыс. четвертей) были вывезены в Турцию в 1846 г.⁷³, и вскоре Турция стала вторым по значению потребителем русской муки. В 1850-х – начале 1860-х гг. для потребления преимущественно в Константинополе, Смирне и черноморских городах Турции вывозилось в среднем по 100 тыс. четвертей муки ежегодно⁷⁴.

⁶⁹ ГВТ за 1830 г. С. 30; ГВТ за 1835 г. С. 37; ГВТ за 1850–1852 гг. СПб., 1851–1853. Табл. IX.

⁷⁰ ГВТ за 1854–1855 гг. СПб., 1855–1856. Табл. IX.

⁷¹ В 1856 г. — 13,5 млн руб. серебром, в 1856 г. — 16,9 млн руб. серебром. *ГВТ за 1856–1857 гг.* Табл. IX.

⁷² В 1830 г. «жизненные припасы» составили 83 % экспорта, в 1840 г. — 89 %, в 1850 — 58 %, в 1860 — 71 %. ГВТ за 1830–1860 гг. СПб., 1831–1861. Общий анализ черноморской торговли дан в кн.: Золотой В. А. *Внешняя торговля южной России в первой половине XIX в.* Ростов н/Д, 1963; Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения...* Гл. II, IV.

⁷³ ГВТ за 1846 г. СПб., 1847. С. 49.

⁷⁴ ГВТ за 1850–1862 гг. СПб., 1851–1863. Одесская мукомольная компания «Бродский и К°» работала в 1860-х гг. преимущественно по заказам Константинополя, где коммерсант имел своих представителей. Крупными потребителями муки этой компании были также Бейрут, Порт-Сайд и Александрия в период строительства Суэцкого канала. См.: Янсон Ю. *Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе.* СПб., 1870. Приложения. С. 14; Скальковский К. *Суэцкий канал и его значение для русской торговли.* С. 98, 100.

Если в целом по зерновым Турция отодвигалась в числе потребителей быстро развивавшимися капиталистическими державами, то потребности европейского рынка и определенные успехи турецкой экономики эпохи Танзимата превращали Россию и Турцию в конкурентов на европейском хлебном рынке. В 1829–1831 гг. турецкое правительство отменило существовавшие несколько столетий регламентированные поставки зерна из Дунайских княжеств и сняло запрет на вывоз зерна из Османской империи⁷⁵.

Динамика экспорта России в Азиатскую Турцию*

Годы	Всего в Азию в среднем за год в тыс. руб. серебром	В Азиатскую Турцию в % от экспорта в Азию
1833-1837	5166	4,7
1838-1842	7457	5,3
1843-1847	9619	4,8
1848-1852	10490	6,3
1853-1856	9704	4,0
1857–1861	12735	10,0

*Подсчитано по данным ГВТ за 1833–1861 гг. СПб., 1834–1862.

Динамика торговли с Турцией по европейской границе в среднем за год в тыс. руб. серебром и в процентах в среднем за каждое последующее пятилетие*

Годы	Экспорт	Величина экспорта в %	Импорт	Величина импорта в %
1833-1837	3017	100	4030	100
1838-1842	4925	98,1	3806	94,4
1843-1847	4979	101	3507	92,1
1848-1852	6173	124	4348	123,9
1853-1856	3662	59,3	3993	91,8
1857-1861	7777	212,3	6853	171,6

*Подсчитано по данным ГВТ за 1833-1861 гг. СПб., 1834-1862.

⁷⁵ О регламентации зерновой торговли в Турции см.: Тодоров Н. *Балканский город XV–XIX веков*. М., 1976. С. 105.

Вывоз пшеницы в среднем по пятилетиям*

Годы	В тыс. руб. серебром	В тыс. четвертей	В % от вывоза из России
1833-1837	1666	366	37
1838-1842	3126	560	26
1843-1847	2822	552	17
1848-1852	3640	703	22
1856-1861	4492	543	45

* Подсчитано по данным ГВТ за 1833-1862 гг. СПб., 1834-1863.

В 1830-х гг. ускорилось экономическое развитие Молдовы и Валахии, болгарских земель. После 1838 г., когда были сняты ограничения на участие иностранцев в экспортной торговле Турции, хлеб из европейских провинций Порты через Галац, Браилов, Салоники и другие порты на английских и австрийских судах стал вывозиться в Европу в размерах, сравнимых с вывозом из России в Турцию⁷⁶. Складывался один из двух центров столкновения интересов Англии и России на Ближнем Востоке, отмеченных К. Марксом и Ф. Энгельсом⁷⁷.

Появление на рынках Южной Европы и Англии в 1840-х гг. крупных (до полутора-двух млн четвертей) партий хлеба из Турции⁷⁸ поддерживалось в известной мере за счет закупок хлеба в России (по полмиллиона четвертей в конце 1830–1840-х гг.). Прекращение поставок хлеба в Турцию в период войны 1853–1856 гг. и возобновление операций после войны соответственно отразилось на турецком зерновом экспорте. Более ранние, по сравнению с Россией, сроки созревания зерновых в Турции и ее балканских владениях, а также в Египте; более низкие вывозные тарифы и фрахт при сравнительной близости к Турции европейского потребителя, располагавшего мощным флотом, делали более выгодной для Турции

⁷⁶ Например, в 1839–1847 гг. вывоз пшеницы из Галаца и Браилова составил в среднем 927 тыс. четвертей в год; в 1847 г. вывоз превысил 2 млн четвертей. Подсчитано по данным: Неболсин Г. П. *Статистическое обозрение внешней торговли России*. Ч. 1. С. 151 и Farley J. L. *Modern Turkey*. L., 1872. P. 194, 231–233.

⁷⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 11–14; Т. 10. С. 605.

⁷⁸ В 1847 г. Турция ввезла в Англию 1,56 млн четвертей зерновых, в 1849 — 1,11 млн четвертей. В эти годы из России Турция получила только пшеницы 0,7 млн четвертей и 0,5 млн четвертей соответственно. См.: Неболсин Г. П. *Статистическое обозрение внешней торговли России*. Ч. 1. С. 80–81; Farley J. L. *Modern Turkey*. P. 191–195.

продажу в Европу своего хлеба и части закупленного в России, а также покупку русского хлеба для потребления в столице и Западной Анатолии. В середине XIX в. только Константинополю с населением свыше 800 тыс. человек нужно было около 130 тыс. четвертей русской пшеницы из тех 500–700 тыс., что поступали из южных портов России⁷⁹. 350 тыс. четвертей продавалось в Грецию, на Крит и на острова Ионического моря. Следовательно, в Западную Европу перепродавалось не более трети закупавшейся пшеницы.

В районе Проливов и на ближайших территориях Турции, очевидно, оставалось около двух третей закупавшегося в России хлеба. Два других вида экспортных товаров поглощались почти на 100 % турецким потребителем: сливочное масло и икра. В Турцию уходило от 38 % до 56 % экспорта масла в 1830-х – начале 1850-х гг. и до 85 % масла после 1856 г. (преимущественно через сухопутную границу в Европейскую Турцию и черноморские порты в Малую Азию). Стоимость экспорта масла колебалась между 320–570 тыс. руб. серебром и установилась на средней — около 1 млн руб. в 1860-х гг., что составляло 75 % вывоза в 1864 г., 90 % в 1867 г. Около 70 % вывоза икры также приходилось на Турцию⁸⁰.

В 1830-х – начале 1840-х гг. сохранялся сравнительно высокий спрос на русские промышленные изделия. По отзывам современников, «предпочтение отдавалось железу заводов Демидова и Пашкова»⁸¹. Как отмечал Ю. Гагемейстер, в середине 1830-х гг. в Северной Анатолии «даже неохотно покупают английское железо, между тем как на русское всегда бывает сильное требование»⁸². Повышенным спросом пользовались русские пилы и топоры, подковы и гвозди, латунная посуда, отличавшаяся дешевизной и хорошим качеством⁸³. В 1830 г. в Турцию было отправлено полуфабрикатов и изделий из железа 18,2%, из меди — 3,3 % от стоимости этих видов экспорта. Наиболее крупные партии железных изделий были проданы в Турцию в 1834 и 1835 гг.: на 1,2 млн руб. ассигнациями

⁷⁹ Часть хлеба шла на снабжение и оплату рабочих нескольких государственных фабрик, где денежная оплата не обеспечивала и трети прожиточного минимума. Тодоров Н. *Балканский город*. С. 274. Сборы зерновых в Анатолии, составлявшие 20–25 млн киле, не покрывали потребности населения.

⁸⁰ ГВТ за 1830–1867 гг. СПб., 1831–1868.

⁸¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 19. Департамент внешней торговли. Оп. 3. Д. 952. Л. 7.

⁸² Гагемейстер Ю. А. О торговле в Турции и Персии. *Журнал мануфактур и торговли*. Ч. 1. 1838. № 1–3. С. 307.

⁸³ Там же. С. 309; [Вронченко М. П.] *Обозрение Малой Азии...* Т. II. С. 277.

и 1,6 млн руб. ассигнациями, что составило 33,8 % и 27,8 % от стоимости соответствующих видов экспорта из России⁸⁴. На эти же годы приходится и максимум продажи меди в полуфабрикатах, изделий из меди и латуни: 0,5 млн и 0,2 млн руб. ассигнациями, что составляло 5,1 % и 3,6 % от сумм вывоза этих товаров по европейской границе.

В 1840–1850-х гг. Порты прибегала лишь к эпизодическим незначительным закупкам меди, медных и латунных изделий в России. Налаживалась собственная добыча и обработка меди. Продолжал расти ввоз из Англии и Франции предметов обихода из сплавов меди, олова, свинца⁸⁵. Закупки в России полуобработанного железа, изделий из железа, чугуна и стали составляли около 20 тыс. тонн в год — 17,4 % русского экспорта железа по объему и 10–12 % по стоимости (подсчитано по данным ГВТ за соответствующие годы). Во второй половине 1850-х гг. примерно уравниваются закупки в России готовых изделий и полуфабрикатов, «доводившихся» в национальных мастерских под Константинополем, в городах Европейской Турции, близ Анкары и в Восточной Анатолии. Вывоз металлов и металлоизделий в Турцию в 1850-х — начале 1860-х гг. составлял 9–10 % стоимости этого экспорта в Европу. К 1850-м гг. английские, французские ножевые, скобяные изделия, оловянная посуда заполнили, благодаря массовому дешевому фабричному производству и умелому подражанию национальным ремесленным образцам, рынок Западной Анатолии. В Восточной Анатолии устойчивый спрос на русские металлические изделия оставался стабильным.

Со второй половины 1840-х гг. ввоз железа «не в деле» нередко обгонял ввоз готовых изделий. В Малой Азии продолжали работать мастерские, применявшие русские заготовки.

В конце XVIII и в начале XIX в. видное место в экспорте в Турции занимали канаты и парусина, закупавшиеся казной для нужд османского флота. В начале 1830-х гг. Турция закупала этой продукции на 0,5–1 млн руб. ассигнациями, что составляло 28 % (1830), 38 % (1831) от стоимости данного вида экспорта⁸⁶. Создание национальных мануфактур снизило к началу 1840-х гг. потребности в русской парусине и канатах. Однако в периоды внешнеполитической напряженности или военных действий 1839–1841 гг., 1848 г. Порты прибегала к закупкам в России заготовок

⁸⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1484. Подсчитано по данным российского консульства в Смирне за 1830-е гг.

⁸⁵ Bailey F. E. *British Policy and the Turkish Reform Movement*. Cambridge (Mass.), 1942, append.

⁸⁶ ГВТ за 1830–1831 гг. С. 30, 37.

такелаж на суммы в сотни тыс. руб. серебром; в 1848-1849 гг. в Турцию было продано 15% всего экспорта веревок и канатов⁸⁷.

Максимум продажи как металлоизделий, так и снаряжения для флота приходилось на предвоенные (1852 – начало 1853 г.) и послевоенные (конец 1856 – 1857 г.), когда Порты вела большие работы по восстановлению разгромленного флота.

Современники⁸⁸, а позднее исследователи⁸⁹ отмечали большое значение в русском экспорте в страны Востока текстильных изделий. Однако значительные партии текстильных товаров русским купцам удавалось продавать только в 1830 и 1834 гг. Со второй половины 1830-х гг. турецкий рынок в Европейской Турции был практически потерян для русских текстильных товаров.

Сокращение экспорта хлопчатобумажных тканей и изделий, производившихся в Закавказье, современники⁹⁰ объяснили ростом английского экспорта в Турцию, что не замедлило отозваться на традиционно взаимосвязанных хозяйствах Анатолии и сопредельных областей России. После Крымской войны текстильные товары почти полностью исчезают из списков экспорта как в Европейскую, так и в Азиатскую Турцию. Вместо них экспортируется сырье для производства шерстяных и шелковых тканей. Видное место в экспорте заняла овечья шерсть. Наиболее значительные поставки шерсти различных сортов были сделаны в 1834–1835 гг. и в 1852 г.⁹¹

После организации в Сливно, Пловдиве, Измите, Токате и некоторых других городах Турции в конце 1830-х – в 1840-х гг. суконных фабрик и в связи с ростом вывоза шерсти в Европу изменился характер экспорта. Начали закупаться для национального производства партии качественной шерсти, а продаваться в Англию и Францию грубые сорта шерсти, в том числе закупленные в России. К середине 1850-х гг. турецкое сукноделие не выдержало конкуренции с европейскими тонкими сукнами, но продолжало производить традиционные грубошерстные сукна, в связи с чем закупалось больше низкосортной черкасской шерсти. На экспорт в Европу отправляли мериносую и ангорскую шерсть⁹².

⁸⁷ ГВТ за 1848-1849 гг. С. 49.

⁸⁸ См. *Речи, говоренные на торжественном акте в Московской практической академии*. М., 1839. С. 31, 70.

⁸⁹ Рожкова М. К. *Экономические связи России со Средней Азией*. Гл. III, IV.

⁹⁰ Гегемейстер Ю. А. *Закавказские очерки*. Ч. 3. С. 5, 13–15; [Вронченко М. П.] *Обозрение Малой Азии...* Т. II. С. 279–280.

⁹¹ См. *Очерки экономической истории России в первой половине XIX века*. М., 1959. С. 190–191.

⁹² *Annual Statement...* L., 1855. P. 209, 211–212.

В пределах 0,5 млн руб. серебром закупки русской шерсти осуществлялись до начала 1870-х гг., при этом все большая часть операций с шерстью стала производиться через азиатскую границу. В составе промышленного сырья вывозилось сало, ворвань, рыбий жир. Крупные партии сала закупались для нужд национальных предприятий, особенно в конце 1840-х и в 1850-е гг.: на 343 тыс. руб. — в 1850 г., на 290 тыс. — в 1851 г. Широкое внедрение машинной смазки из дешевого кокосового масла, поступавшего из английских владений в устье Пальмовых рек (Западная Африка), вызывало сокращение со второй половины 1850-х гг. спроса на сало и ворвань из России⁹³.

С середины 1840-х гг. быстро рос экспорт шелка-сырца через азиатскую границу: с 11 тыс. руб. серебром в 1831 до 0,5 млн руб. в 1853 г. и более чем миллиона руб. в 1860 г., что составляло 89,2% всего вывоза шелка-сырца в Азию⁹⁴. Происходило своеобразное восстановление традиционных поставок шелка из Закавказья (особенно Шемахи) на обработку в Анатолию. В 40–50-х гг. XIX в. Франция увеличила закупки шелка-сырца в Сирии и Юго-Восточной Анатолии. Значительно сократившиеся, но действовавшие в ряде городов центральной и восточной части Малой Азии шелкоткацкие мастерские стали больше ориентироваться на дешевый экспортный шелк.

Среди постоянных статей экспорта в Турцию неизменно значился скот: крупный и мелкий рогатый, но преимущественно лошади⁹⁵.

При рассмотрении состава импорта из Турции прежде всего обращает внимание, что ввоз продовольствия по номенклатуре остается неизменным (фрукты, вина, кофе и др.) со второй половины XVIII в. Так, Турция была в течение почти столетия главным поставщиком сухофруктов, расходившихся из Одессы и Таганрога по всей России. В середине 1830-х гг. 42,6 % всего импорта фруктов в Россию приходилось на Турцию⁹⁶. Со второй половины 1850-х и до конца 1870-х гг. по европейской границе поступало от 32 до 36 % всех закупувавшихся за рубежом фруктов.

В течение десятилетий население Закавказья, Крыма и других причерноморских областей России использовало шелковые, шерстяные и бумажные изделия из Турции⁹⁷. Царское правительство не считало ввоз турецких

⁹³ Семенов А. В. *Изучение исторических сведений...* Ч. III. С. 83.

⁹⁴ ГВТ за 1841–1860 гг. СПб., 1842–1861. Табл. XIX.

⁹⁵ Государственный исторический архив Республики Азербайджан. Ф. 829. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3об.

⁹⁶ ГВТ за 1834–1838 гг. СПб., 1835–1839. С. 40–41.

⁹⁷ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 956. Л. 3; Обзорение российских владений за Кавказом. Т. 1. С. 264.

тканей опасным для российского мануфактурного дела. Льготные тарифы на турецкие ткани действовали и после отмены транзита иностранных товаров через Закавказье, и после принятия ряда охранительных тарифов на хлопчатобумажные ткани.

С середины 1830-х гг. правительство и торгово-промышленные круги первоочередное внимание обращали на рынки Средней Азии и Китая при весьма благоприятной для русской торговли конъюнктуре в 1839–1840 гг. в Персии⁹⁸. Но в этот период приток английских хлопчатобумажных товаров в Турцию возрос и к середине 1840-х гг. удвоился. Национальное ремесленное производство Турции было сокрушено машинной продукцией Великобритании, что не могло не сказаться на русско-турецкой торговле. После 1835 г. английские фабрики, как отметил российский консул в Смирне А. Н. Иванов, начали производство муслиновых тканей специально для турецкого рынка, по турецким образцам⁹⁹. «Вдвое дешевле и несравненно лучше русских» по качеству¹⁰⁰, английские ткани сначала смешались с собственно турецкими, а затем почти полностью заменили их при ввозе в Россию¹⁰¹.

Максимум ввоза хлопчатобумажных изделий из Турции в 30-х гг. приходился на 1831 и 1838 г., когда закупки только изделий превышали 1 млн руб. ассигнациями (около 18 % этого вида экспорта)¹⁰². В 1840-х гг. хлопчатобумажных изделий из Европейской Турции ввозилось в среднем на 268 тыс. руб. серебром, т. е. около 12 % импорта из Европы¹⁰³. Ввоз через азиатскую границу составлял в среднем 314 тыс. руб. серебром.

К началу 1850-х гг. через европейскую границу из Турции вывозилось ежегодно в среднем 20,7 % (по 326 тыс. руб.) всего импорта хлопчатобумажных изделий. Более значительным был ввоз по азиатской границе — в среднем по 390 тыс. руб. в год, что составляло 16,8 % ввоза хлопчатобумажных изделий.

⁹⁸ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1840 г. Л. 312.

⁹⁹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1479. Л. 7–7об. А. Н. Иванов — В. П. Титову, 16 (28) января 1872 г.

¹⁰⁰ Гагеместер Ю. А. *Закавказские очерки*. Ч. 3. С. 15.

¹⁰¹ В 1836 г. Порты обратилась к царскому правительству с просьбой предоставить на льготных условиях сбыт в России хлопчатобумажных тканей, производившихся на казенных предприятиях в Западной Анатолии. Экспортные операции должны были осуществляться турецкой казной. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе, 1846. Д. 1489. Л. 80. В. П. Титов — А. Н. Иванову, 7 (19) июня 1846 г. Первая известная нам попытка Порты вести торговлю с Россией по государственным каналам получила опору в русском закавказском тарифе 1861 г.

¹⁰² ГВТ за 1831, 1838 гг. СПб., 1832, 1839. С. 40–41.

¹⁰³ ГВТ за 1840–1849 гг. С. 57–59.

бумажных изделий из Азии; ввоз продолжал возрастать в последующие годы. В 1860 г. через азиатскую границу из Турции поступило 71,89 всего ввоза хлопчатобумажных тканей из Азии¹⁰⁴. Так же, как и в Иране, ряд анатолийских мануфактур «доводил» английские ситцы-заготовки, продавая их затем в Россию¹⁰⁵.

Западноевропейские торговцы закупали преимущественно турецкий шелк-сырец. В Россию ввозились, как правило, ткани, что помогло сохранению ряда мануфактур в Западной, Южной и Юго-Восточной Анатолии. Основная масса шелковых тканей и изделий ввозилась по европейской границе, что составляло около 3 % от стоимости ввоза этих изделий в Россию. В 1860-х гг. доля Турции в импорте различного вида шелковых материй поднимается до 10 % (в среднем 400 тыс. руб. в год¹⁰⁶). Закупки изделий сокращались.

По мере развития в балканских провинциях Турции суконного производства в Россию стали поступать грубошерстные (по преимуществу) турецкие ткани. Первые партии сукна были закуплены в 1847–1848 гг. Накануне Крымской войны около 15 % ввоза шерстяных и суконных тканей составляли поставки из Турции. Во второй половине 1850-х – в 1860-е гг. увеличился ввоз шерстяных тканей из Пруссии и Англии, но турецкие сукна все же составляли около 9 % стоимости соответствующего ввоза. На фабриках и мануфактурах Сливно, Силистрии, Пловдива перерабатывалась местная и привозная шерсть, в том числе из России, и, следовательно, обе страны участвовали в мировом торгово-промышленном обмене.

Часть сукон, а также льняных тканей с середины 1850-х гг. поступала с государственных турецких фабрик. В импорте турецкого сырья преобладали хлопок-сырец (в пределах 3–5 % стоимости этого вида импорта) и деревянное масло, использовавшееся для смазки веретен (5–6 % стоимости данного вида импорта). Поступали они главным образом через черноморские порты. Стабильный для середины 1830-х – начала 1850-х гг. ввоз хлопка в пределах 200–260 тыс. руб. серебром начал расти во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. в связи с сокращением поставок хлопка из США и Египта, увеличившего продажу хлопка в Европу¹⁰⁷.

¹⁰⁴ ГВТ за 1860 г. СПб., 1861. Табл. XIX.

¹⁰⁵ В русских торгово-промышленных кругах и в 60-х, и в 70-х гг. неоднократно обсуждалось, как отличать турецкие ситцы от сделанных «под турецкие». См.: Журов Ф. *Влияние последней войны на внешнюю торговлю России*. С. 15.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 19. Оп. 944. Л. 173; ГВТ за 1860–1865 гг. СПб., 1861–1866. Табл. XIX.

¹⁰⁷ Эти поставки оказались, вместе со среднеазиатским и персидским хлопком, важным элементом развития хлопчатобумажного производства Юга и Центра России. Подробнее

Закупавшееся в Турции деревянное масло, в среднем по 332 тыс. руб. в 1840-х – начале 1850-х гг., составляло 5,5–6 % всего ввоза масла. Сокращение поставок турецкого деревянного масла в Европу¹⁰⁸ совпало с ростом фабричного производства в России. Уже в 1853 г. было закуплено деревянного масла более чем на 0,5 млн руб., в 1857 г. ввоз его из Турции составил 14 % – 571 тыс. руб. и продолжал расти¹⁰⁹.

Главными центрами торговых операций были Одесса, Константинополь, Смирна, Феодосия, Трабзон, сформировавшиеся как таковые еще в начале XIX в. По мере развития торговли по азиатской границе все большее значение приобретали Эрзерум и Ахалцих, где перераспределялись товары, прибывшие морем в Трабзон, а также Тифлис, Ереван и Александрополь, где совершалось большинство сделок по закавказской торговле. В 1840–1850-х гг. в качестве крупного торгового центра-посредника вырос город Кайсери в Анатолии. Введение беспошлинного транзита через Тифлис, Редуткале и Нахичевань, рассматривавшегося царским правительством как одна из мер оживления торговли через восточное побережье Черного моря, не достигло главной цели – вытеснения Трабзона, центра транзитной торговли с Центральной Анатолией и Средним Востоком, но содействовало росту оборотов Редуткале и Нахичевани в собственно русско-турецкой торговле.

Интересны наблюдения над составом флагов, под которыми перевозились торговые грузы двух стран¹¹⁰. К концу 1830-х гг. каждое четвертое судно, приходившее в русские черноморские порты с грузом, помеченным «из турецких владений», и каждое третье, уходившее в порты Турции, несло османский флаг. Русские и турецкие корабли осуществляли около 60 % всего грузооборота.

Постепенно число судов под турецким флагом росло. Уже в 1844 г. суда под турецким флагом составили около 24% в перевозках, под русским — 21 %. После Крымской войны и последовавшей нейтрализации Черного моря 57 % судов, уходивших в турецкие владения, и 61 % — прибывавших оттуда, несли флаг с полумесяцем. Под русским флагом проследовало,

см.: Исаев Г. С. *Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в России. 1880–1768*. Л., 1970.

¹⁰⁸ Англия, Бельгия, Франция перешли к более дешевым смазочным маслам на основе пальмового сырья из африканских колоний.

¹⁰⁹ ГВТ за 1853, 1857 гг. СПб., 1854–1858. Табл. XIX.

¹¹⁰ Подсчитано по данным о судоходстве, помещенным в сборниках ГВТ за соответствующие годы; Брун Ф. К. *О внешней торговле Новороссийского края и Бессарабии за 1846 год*. Одесса, 1847; его же. *О внешней торговле... с 1834 по 1843 год*. Одесса, 1846.

соответственно, 16 % и 15 % всех кораблей. Корабли под турецким флагом составляли в среднем 10 % от общего числа судов, проходивших через южнорусские порты. Турецкий флаг оставял позади французский, но отставал от греческого, австрийского и английского в перевозках товаров в русско-турецкой торговле¹¹¹. Суда под русским флагом были четвертыми в списке судов на Константинопольском рейде и четвертыми-пятыми в Смирне после греческих, австрийских и английских судов.

Если обобщить данные таможенной статистики Смирны, к которой обращался русский консул А. Н. Иванов, то на долю России приходилось в 40-х гг. 4–5 % общего тоннажа и 4,25,4 % от числа всех судов, посетивших Смирну¹¹². Очевидно, что максимальную выгоду от участия в перевозках грузов между портами России и Турции получали греческие, австрийские и английские судовладельцы. Со второй половины 1840-х гг. австрийские и английские судовладельцы начали пользоваться «удобным флагом» Порты, что и объясняло быстрый рост числа судов под турецким флагом. Снижением в 1841–1848 гг. сборов с «маломерных» судов под турецким флагом¹¹³, что должно было оживить непосредственно турецкое судоходство в Черном море, воспользовались не турецкие, а австрийские и греческие судовладельцы.

В острой конкурентной борьбе за участие в торговых перевозках наиболее активными были представители австрийских (с 1828 г.) и английских (с 1836 г.) пароходных компаний. Пароходы-фрегаты под русским флагом, начавшие с 1838 г. регулярные рейсы Одесса — Константинополь¹¹⁴, не выдержали конкуренции. В Лондоне особенно ревниво относились к русскому торговому судоходству. Нейтрализация Черного моря после 1856 г. понималась в Лондоне как закат военного и отчасти коммерческого присутствия кораблей под российским флагом. Оживление торговли, особенно морской, в первые послевоенные годы обеспокоило английское правительство. Как писал Ф. И. Бруннов, британские государственные деятели видели в купеческих кораблях возрождавшийся черноморский флот России¹¹⁵.

¹¹¹ См. Краткий обзор внешней торговли России по европейской границе. СПб., 1871.

¹¹² АВПР. Посольство в Константинополе. Д. 1483. Л. 9; д. 1481. Л. 189.

¹¹³ См. Кайданов Н. *Краткий хронологический обзор действий департаментов внешней торговли и таможенных сборов по части торговли России с иностранными государствами*. СПб., 1890.

¹¹⁴ Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения*. С.125–126.

¹¹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1858. Д. 96. Л. 58–259. Ф. И. Бруннов — К. В. Нессельроде, 8 (20) июля 1858.

Лондонский кабинет давал понять русскому послу, что после Парижского мира 1856 г. на Черноморском побережье сложилась новая ситуация, и Россия не должна распространять свое торговое влияние далее государственных границ. Однако торговля между двумя соседними странами продолжала развиваться, и укрепление торговых отношений в определенной мере отражало складывавшийся курс Петербурга и Константинополя на отмену парижских ограничений, на развитие экономических и политических связей. При этом черноморская и левантийская морская торговля, а также развитие дунайского речного судоходства рассматривались Петербургом как весьма важные инструменты мира на Ближнем Востоке¹¹⁶.

Традиционные экономические связи России и Турции претерпели к середине XIX в. значительные изменения. Обе страны были вовлечены в мировой товарооборот. Стимулировался экспорт в Европу сельскохозяйственной продукции как юга России, так и Турции при непосредственном участии торгового капитала и судов ведущих западноевропейских держав. Торговые связи двух соседних стран, вопреки негативным факторам, продолжали развиваться в течение всего периода и оставались сферой сотрудничества даже во время войны 1853–1856 гг. Обоюдная заинтересованность в ряде вопросов, в том числе и торговых, определяла совместные выступления двух черноморских держав против навязанной им в 1856 г. нейтрализации Черного моря и по некоторым другим проблемам в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в.

¹¹⁶ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1858. Л. 20–23об., 145, 199.

Малоизвестные материалы по истории русско-турецких отношений после Берлинского конгресса 1878 года

Не прошло и недели после того, как 1 (13) июля 1878 г. завершился пересмотревший итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Берлинский конгресс, а в помещении августейшего совещательного дивана при Абдул Хамиде II собрались высшие духовные и светские сановники Османской империи. Отличие именно данного заседания дивана, дела обычного для турецкой правительственной практики – подводить итоги крупным событиям во внешней или внутренней политике, было в следующем.

Помимо шейх уль-ислама, пяти-шести известных богослужителей-муфтиев, основных министров — военного и военно-морского, иностранных дел, торговли и финансов, — пашей-губернаторов всех европейских и большей части азиатских провинций, а также военачальников от командующих корпусами и выше, присутствовали руководители полицейского ведомства. Причем в значительном (9 человек) количестве. Они привели с собой несколько опрятных, неброско одетых людей, которые скромно уселись темной кучкой в углу «дивана» и принялись испуганно тереть четки, норовя, как отметил наблюдавший за ходом заседания современник, найти среди бусин свою судьбу или, по крайней мере, богатое наследство¹¹⁷.

Августейший диван под личным председательством султана заслушал везиров и улемов, участвовавших и в войне 1877–1878 гг., и в мирных

¹¹⁷ Архив Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС). «Материалы Командующего оккупационными войсками в Болгарии Дондукова-Корсакова. 1878 г.»; б/н, б/л. Многие материалы хранения еще ждут научной обработки и введения в исследовательский фонд.

переговорах с Россией в Сан-Стефано. Решили, что 22 статьи Берлинского договора, которые касались статуса Восточной Румелии и Болгарии, надлежит считать «двадцатью двумя ранами в теле империи Османов». Но ранами не смертельными, подлежащими врачеванию с абсолютно положительным прогнозом. Основанием тому была уверенность, высказанная участниками заседания, что Османская империя, формально вошедшая в «европейский концерт» еще на Парижском мирном конгрессе 1856 г., уверенно исполнила свою собственную партию и в событиях 1876–1878 гг. на Балканах. С огромным для империи уроном, материальным и человеческим, но выстояла в одиночку против России, и в критический момент «Сан-Стефанского расчленения по живому» (слова анатолийского муфтия Абдул Керим-заде) не была оставлена Западом «на расправу русским».

Вместе с тем прозвучали решительные речи против тех европейских держав, которые оказали недостаточную моральную, военную и дипломатическую помощь «сражавшемуся за свободу Балкан (!) турецкому солдату». Собравшиеся сочли, что доверять нельзя ни Лондону, ни Парижу, чуть-чуть можно только Берлину. Как говорилось на заседании, нельзя верить Петербургу и его помощникам по вытеснению Стамбула с его «законных, исторических земель в Европейской Турции». К последним были отнесены Сербия, Черногория, обе части Болгарии, Македония, Греция¹¹⁸.

Оказалось, что пособияники удаления турок с «исконных (так в документе. — *Авт.*) балканских земель» имеются в крупных городах Европейской и Азиатской Турции, даже в арабских вилайетах. Было принято решение: подобную крамолу искоренять, не допускать, а через доверенных людей докладывать непосредственно султану обо всем, что касалось главной проблемы — удержания любой ценой за Стамбулом оставшихся на Балканах владений, не отступая при этом от турецкой конституции 1876 г. как основы общего устройства порядка во всех областях Османской империи.

Неприметные люди из угла «дивана» с полным пониманием потряхивали кисточками на фесках, смотрели бодро, глаз не опускали. Жесткие пальцы крепко сжимали четки. «Хафие» и «джурналджи» (тайные агенты и доносчики) обретали особый статус охранителей Богоспасаемого Предела.

Во внутренней и внешней политике Османской империи почти на три десятка лет начинался период «зулюма» (тирании, гнета). Нацеленный

¹¹⁸ Там же. Л. 14.

своим острием на внутреннюю политику — сохранение в неприкосновенности режима абсолютной личной власти султана Абдул Хамида II, «зулюм — террор» имел и внешнюю направленность. «Зулюм» в той или иной форме в отношениях с бывшими владениями, получившими в XIX в. свободу и независимость, — проблема почти не исследованная ни османистами, ни балканистами.

По косвенным замечаниям отечественных, турецких и европейских исследователей, подробнее — по агентурным данным русской военной разведки на Балканах и в Малой Азии, по сообщениям русских дипломатов и военных агентов-атташе из Стамбула и из балканских столиц, а также по материалам европейской прессы за 1880-е — 1900-е гг. выясняется следующее.

Сделав систему доносов на имя султана нормой во внутренней политике, Абдул Хамид распространил практику некомпетентного двурушничества и дипломатической сверхгибкости, доведенной до неопределенности, на отношения с ближайшими соседями — балканскими державами. Впервые на это обстоятельство обратил внимание личный секретарь Абдул Хамида Тахсин-паша¹¹⁹. Он же отметил, что сама перспектива появления конституции в Болгарии пугала султана больше, чем ограничение его прав как властелина империи.

В своих мемуарах, опубликованных уже в кемалистской Турции (1931 г.), он писал, что султану вместо дипломатической почты подавались доносы разного уровня, а сочиненные наспех сведения о жизни зарубежных стран — вместо объективных оценок исключительно сложной обстановки в сопредельных балканских государствах.

Выдающийся турецкий историк 1950-х – начала 1980-х гг. Энвер Зия Карал также отмечал, что дух деспотического режима царил и во внутренней, и во внешней политике¹²⁰.

Понимания принципиальных перемен, которыми следовало руководствоваться в отношениях с бывшими вассалами — новыми суверенными соседями, не было. Оно пришло с огромным опозданием, уже после и под влиянием кемалистской революции. К таким выводам пришли историки только современной Турции (конец 1980-х – начало 1990-х гг.).

¹¹⁹ [Tahsin Paşa]. *Abdulhamid ve Yıldız hatıraları*. İstanbul, 1931. S. 21.

¹²⁰ Karal E. Z. *Osmanlı tarihi. VIII cilt. Birinci Meşrutîyet ve istibdat devirleri. 1876–1907*. Ankara, 1992. S. 210; Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи* / Перев. с англ. яз.; отв. ред. М. С. Мейер). М.: Крон-пресс, 1999. С. 580–582.

Реалистичный курс балканской политики, в первую очередь в отношении конституционализма в Болгарии, Стамбул так и не выработал. Результаты были плачевными. Причем как для самой Турции, — для ее этнического ядра, титульной нации, — так и для национальных меньшинств, оказавшихся разбросанными между бывшей метрополией и новой для них этнической родиной (болгары, македонцы, греки Малой Азии, сербы, румыны и т. д.), которая раньше (Греция в 1830 г.) или позже (Болгария) обрела политическую и экономическую независимость; для десятков и сотен тысяч переселенцев, которые направлялись из Европейской Турции в национальные государства и, наоборот, из таковых — в пределы Османской империи.

Отношения с суверенными соседями — балканскими государствами, реализуемые на уровне доноса о неблагонадежности провинциального паши, и «дипломатия исподлобья», полная агрессивной недоброжелательности либо истеричной недоверчивости, в связях с Россией, Англией, Францией, Австро-Венгрией и Германией, дали свои плоды в серии международных кризисов и конфликтов¹²¹. Выплеснулись в Балканских войнах и в Первой мировой войне — событиях, фатальных по своему исходу для османской государственности с ее семью столетиями непрерывной традиции. Однако бережность к собственным традициям в сочетании с отторжением интересов ближайших соседей — в данном случае интересов болгарского народа, среди которых конституция занимала одно из первых мест, принесла особые осложнения, причем в значительном спектре связей внешнеполитического характера.

Как известно, для России главным, если не единственным, положительным итогом событий 1877–1878 гг. явилось крушение «крымского концерта 1856 г.» в составе Османской империи, Англии, Франции и Австрии. Стамбул же, напротив, полагал, что война укрепила «крымскую систему». Это было ошибочное, основанное на иллюзиях и собственных пожеланиях Абдул Хамида II соображение, ничего общего с действительностью не имевшее.

Столь же превратно, а в конечном итоге — пагубно для внешней политики Османской империи трактовалась вся балканская политика России. Впрочем, ошибка Высокой Порты имела определенное основание. Россия не стремилась ни к продвижению на Балканы, ни к овладению Проливами, во всяком случае, в конце 1870-х и в 1890-х гг. При этом в

¹²¹ Киняпина Н. С. *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века*. М.: Изд. МГУ, 1994. С. 8–14.

Санкт-Петербурге считали, что болгарские земли должны быть буферной зоной против движения Англии, возможно, других держав, к Проливам¹²². Абдул Хамид II внимательно выслушивал заявления российских дипломатов на сей счет и демонстрировал, как писал его секретарь Тахсин-паша, неизменное и полное удовлетворение. Однако когда султан оставался наедине со своими «джурналджи», его настроение и тон резко менялись. Позднее следовали и выводы, жесткие, и рекомендации турецким ведомствам иностранных и военных дел.

Дело заключалось в том, что весьма существенно расходились заверения российских дипломатов и военных о миролюбии России и сообщения с мест — из Европейской Турции, вышедшие из-под пера домогавшихся выдвижения бесчисленных султанских доносчиков. Кстати, о конституциях, так пугавших далеко не робкого по характеру султана, прямо не говорилось.

Нет никаких оснований сомневаться в искренности канцлера А. М. Горчакова и военного министра Д. А. Милютина, которые по своим ведомствам жестко требовали от русских дипломатов и военных, представителей на болгарских землях — беречь мир как зеницу ока и ограждать покой в Румынии, Македонии и, «где возможно», в Европейской Турции¹²³!

В то же время консульские сообщения, стекавшиеся в Стамбул из Салоник, Монастыра, Битола, Восточной Румелии, равно как и ленты телеграфных сообщений, пестрили сведениями из первых рук: христианское население Европейской Турции подогрето событиями 1876–1878 гг. и готово взяться за оружие; в поддержку ли России, или в своих интересах, без учета позиции Петербурга, — по-разному¹²⁴. Накал страстей был везде очень высок. Как меланхолично заметил османский историк тех лет Ахмед Расым, реаяя, ставшая свободной, привычно бунтовала без всякой конституции.

Кипение страстей в Восточной Румелии подогревал любимец султана генерал-губернатор Алеко-паша (А. Богориди), сын лояльного Порте правителя острова Самос. Алеко-паша докладывал султану о смутах, ловил и отправлял на расправу в Стамбул смутьянов, якобы конституционалистов, которых сам же и готовил. Цель — одна. Доказать свою незаменимость

¹²² Там же. С. 10.

¹²³ Из «Переписки Командующего оккупационными войсками в Болгарии и Румелии генерала Дондукова-Корсакова с Главным Артиллерийским Управлением. 1878–1879 гг.» Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 6. Оп. 1. Д. 590. Л. 20–24.

¹²⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1470. Доклады по периодической печати Александру II. 1878–1881 гг. Л. 40–44 и след.

(срок его полномочий истекал в 1882 г.) и получать деньги от Порты. Как, впрочем, и от России...

Нестабильность внешнеполитического курса самого Абдул Хамида II, осложненная его манией доносительства и отказом учитывать реальное положение дел, создавала искаженное представление о заведомо определенной и четко очерченной ситуации. Так, исказились имевшиеся тенденции к смягчению русско-турецких отношений, что могло улучшить внешнеполитические условия провозглашения Тырновской конституции 1879 г.

Дело заключалось в следующем. Алеко-паша ожидал притока оружия из России для вооружения (и перевооружения) верных лично ему так называемых восточно-румелийских милицейских формирований. Однако в Петербурге уже сложилось определенное мнение — с турками на новом, после войны 1877–1878 гг., этапе надлежит развивать дружественные отношения, не давать повода к недовольству. Всячески при этом используя недовольство султана в отношении захватнических действий Англии на Кипре, Австрии — в Боснии и Герцеговине. По инициативе России началась подготовка к подписанию нового русско-турецкого договора. Лучшей демонстрацией лояльности Петербурга сочли передачу Высокой Порте трофейного тяжелого оружия (пушки, мортиры, боезапасы к ним), показательно собранного специальными командами из состава русской Действующей армии на Дунае. Одновременно было решено по согласованию со Стамбулом передать часть вооружения, тяжелого и легкого, молодой болгарской армии и восточно-румелийским милиционерам.

Дипломаты России и Турции в Стамбуле осенью 1878 – зимой 1879 г. подготовили и заключили договор, зафиксировавший положения Берлинского трактата взамен отдельных статей Сан-Стефанского договора¹²⁵. Военные же российские специалисты с августа 1878 г. по июнь 1879 г. развернули в Болгарии целую систему по сбору, ремонту, передаче в Турцию, Болгарию и Восточную Румелию «употребленной по назначению боевой техники». Занималось этим многотрудным делом подразделение, равное по штату управления Отдельному корпусу, укомплектованное полностью — от генерала-командира до писаря-журналиста¹²⁶.

К весне 1879 г. список всего собранного и отремонтированного русскими оружейниками военного имущества составил несколько внушительных

¹²⁵ См. *Сборник договоров России с другими государствами*. М., 1952. С. 207–210.

¹²⁶ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 6. Оп. 1Л. Д. 590. Л. 4. Материалы Полевого Артиллерийского Управления.

томов. В болгарскую армию ушла, например, 8-орудийная скорострельная батарея, 12 стволов 24-фунтовых осадных орудий, 46 дальнобойных орудий. Все в рабочем состоянии и с боезапасом на 10–15 тысяч выстрелов. В Болгарию также ушло более 10 тысяч карабинов, винтовок и револьверов, 38 млн шт. патронов к ним¹²⁷.

Алеко-паша заваливал Порту просьбами о помощи, в первую очередь, оружием, ссылаясь на появление отрядов, вооруженных русскими ружьями¹²⁸. «Ведомости Полевого Артиллерийского Управления», хранящиеся в бумагах Императорского российского Комиссара в Болгарии (май-август 1879 г.), гласят совсем иное. До осени 1879 г. в Восточную Румелию было направлено: 56 113 винтовок Крка с 7 млн патронов, 34,5 тысяч винтовок Шнейдера с 29 млн патронов. А сверх того – ушаты, ведра, палатки, мешки, совки и... строевые лошади. Всего 6 тысяч наименований воинского снаряжения. Все это безвозмездно. За то же время в Румынию ушло, но уже за наличный расчет, 25 тысяч винтовок Крка с запасом в 9 млн патронов, 16 пушек с боезапасом на 5000 выстрелов и многое другое¹²⁹.

Примечательно, что по документам нет ни одного случая самозахватов болгарскими боевого оружия, не зафиксировано и отказов при стрельбе отремонтированных для них образцов оружия. Русская армия освободилась от военных излишков, сделала это гласно, в интересах и по согласованию со всеми участниками конфликта, отнюдь не стимулируя политическую напряженность.

Стоимость вооружения, поставленного в Восточную Румелию, учитывалась при определении суммы турецкой контрибуции (802,5 тысячи франков в пользу Петербурга) и списывалась с долга Стамбула.

Все эти обстоятельства были оценены Стамбулом как очевидное свидетельство миролюбивых настроений и открытости русской политики. Это было подчеркнуто в неоглашавшейся части беседы генерала Н. Н. Обручева с Абдул Хамидом II. Недоверие дивана первых послевоенных месяцев было поколеблено. Появились тенденции к сближению.

¹²⁷ Там же. «Ведомость артиллерийского и иного имущества, переданного болгарскому земскому войску и для Восточной Румелии (30 мая 1879 г. ст. ст.)». Л. 80–106об.; ср.: *Краткая история Болгарии*. М.: Наука, 1987. С. 248.

¹²⁸ О политике Стамбула в Восточной Румелии см.: Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи*. С. 584–585. Сообщения о провокационных докладах Алеко-паши документально подтверждаются. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. Турецкая война. Оп. 107. Д. 103. Л. 140–215 и др.

¹²⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 6/12. Д. 1131. Л. 198–133, 140–166; Ф.16. 1877/1878. Оп.107. Д.105. Л.18–180 и след.

Однако эти горы оружия, оставленного Россией в руках незрелых правителей, сыграли впоследствии отрицательную роль на Балканах. Ведя свои конституционные политические игры, Алеко-паша первым начал приторговывать «излишками» русского оружия, продавая его на Балканах и в арабских землях. Балканы накапливали пороховые заряды, которые могли взорвать едва пробившееся движение к консолидации сил на конституционной основе.

Параллельно, в Стамбул шли потоки сообщений от так называемых «джурналджи», которые увидели в выполнении Россией своих обязательств перед Болгарией, Восточной Румелией и Стамбулом то, что хотел видеть Абдул Хамид II — основание для недоверия и репрессий. Осложнение греко-турецких и турецко-черногорских отношений, равно как и сербская политика России, ситуацию на Балканах не смягчали. Провозглашение 16 (28) апреля 1879 г. в средневековой столице Болгарии Тырновской конституции и ее утверждение Учредительным собранием было фактом волеизъявления болгарского народа. Русско-турецкие отношения могли бы сыграть значительную стабилизирующую роль в подготовке этого знаменательного для всей Юго-Восточной Европы события.

Неконструктивная политика султана в отношении свободных и суверенных болгарских земель и не слишком удачная, на мой взгляд, деятельность русской военной администрации в связи с перераспределением массы оружия во многом осложнили введение в жизнь конституции 1879 г.

Царьград — Константинополь — Стамбул в русской поэзии¹³⁰

Русскими историками и литераторами много написано о Константинополе — Стамбуле. Как отмечал посетивший Османскую империю в XIX в. наш соотечественник, «горячо и полно в течение столетий протекала жизнь этого удивительного города...»¹³¹.

Тесные торговые, политические и культурные связи Русского государства с городом на Босфоре насчитывают многие столетия. Русские писатели, поэты, историки на протяжении нескольких веков создали огромный блок литературы обо всех сторонах жизни Константинополя. Наша цель — показать, как появилась, а потом углублялась, развивалась в русском поэтическом творчестве XVIII–XIX вв. тема Стамбула, какое наполнение она обретала в тех или иных исторических условиях.

Однако сделаем несколько шагов назад, в глубь веков.

Стены Византийской империи рухнули, и звуки первого азана, прочитанного турком-победителем в поверженном городе 29 мая 1453 г., возвестили о новой странице в истории Константинополя.

Падение Константинополя (Царьграда), имевшее огромное значение для христианского Востока, получило на удивление полное освещение в русской литературе начиная уже с XV в.¹³² Большинство свидетельств, исторических повестей и легенд о падении Константинополя опубликованы в сборнике, вышедшем в 1956 г. под редакцией М. Н. Сперанского, «Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII вв.».

¹³⁰ Статья написана в соавторстве с Л. В. Зелениной. — *Ред.*

¹³¹ К. Д. *Два года в Константинополе и Морее (1825–1826)*. СПб., 1828. С. 11.

¹³² Шеремет В. И. Русские и турки: развитие взаимных представлений. *Россия и Балканы*. М.: Изд. РАН, 1995. С. 280–281; Данциг Б. М. *Ближний Восток в русской науке и литературе*. М.: Наука, 1973. С. 19–20.

Первое впечатление об этом событии нашло отражение в записях устных рассказов очевидцев об осаде города, в документах (например, в грамоте митрополита Ионы 1454 г.), в преданиях устного характера. В этих рассказах налицо «характерные черты фольклорного повествования: взятие города восточной хитростью и коварством, подкупом, а с другой стороны, – отзвуки фактических событий»¹³³.

Московское правительство XV–XVI вв. деятельно собирало сведения о своих соседях. В первой трети XVI в. появляется цикл произведений о падении Константинополя как своего рода историческая повесть и публицистика тех лет.

Это «Краткая повесть» (перевод с греческого 1508–1520 гг.) и так называемый «Лирический плач 1512 г.». Не позже 1530-х гг., как указывают исследователи, появилось первое собственно русское произведение на ту же тему — «О взятии Царьграда от безбожного турецкого царя Магомета, еже бысть в лето 6961-е».

«Повесть» содержит подробные сведения о самом городе и о силах турок. В конце повести ее автор, Нестор Искандер, пишет: «Царства Греческое, Сербское и иные многие пленили турки, наша же Российская земля... растет и мледеет...»¹³⁴. Наш вечно бунтовавший классик, все звавший Русь к топору, Н. Г. Чернышевский на сей счет почтительно заметил, что «...эта “Повесть” должна быть почитаема рассказом, во все не лишенным исторической достоверности», и рекомендовал ее молодежи¹³⁵.

Позже были написаны несколько воинских повестей о падении Царьграда, которые в середине XVI в. вошли в популярную «Книгу Степенную царского родословия». Затем эти тексты были включены в состав Хронографа 1617 г., в деталях повествующего о взятии Константинополя Мехмедом II. Вокруг Хронографа 1617 г. в течение XVII в. были созданы рукописные сборники, в которых исторический факт падения Царьграда с учетом смены поколений читателей, возвращенных Смутным временем, в значительной степени подвергся художественной обработке. Несмотря на появление новых переводных источников, эти повести еще долго сохраняли свою популярность¹³⁶.

¹³³ Сперанский М. Н. *Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII веков*. М., 1956. С. 191.

¹³⁴ Там же. С. 199.

¹³⁵ Чернышевский Н. Г. *Соч.* Т. II. М., 1949. С. 693.

¹³⁶ Сперанский М. Н. *Повести и сказания...* С. 225.

Следует отметить, что в 1953 г. в связи с 400-летием падения Константинополя вышли работы турецких исследователей: Агах С. Левенд «Стамбул в диванной поэзии», Абдулкадир Карахан «Любовь поэта Наби к Стамбулу», Осман Атилла «Стамбул в наших тюрюю», Вахья Кемаль «Истанбул» и другие. Все они в той или иной степени отмечали, что это событие нашло свое место в поэзии славянских народов. Любопытно, что 450-летие этого события (2003) таких размышлений в современной турецкой литературе уже не вызвало.

Отзвуки событий 1453 г. можно найти в русской литературе и в XVIII в. Через 300 лет после падения Константинополя А. П. Сумароков дает в стихотворении «Осада Византии» столь детальное воспроизведение событий, какое можно было получить, только внимательно ознакомившись с хронографами и повестями. Великий поэт России пытался дать свой анализ событий, произошедших в Царьграде. Его утверждение, что надо было, «всем соединясь», отражать натиск врага, обращало на себя особое внимание славянского мира:

Когда приступом Магомета
Византия была совсем осаждена,
Единым только тем она побеждена,
Что зрелу разуму они не подчинились,
И все, вбежав во храм, во храме затворились¹³⁷.

Перед глазами поэтов XVIII в. проходит целая серия военных конфликтов с Османской империей, и их произведения, посвященные южному соседу, проникнуты ратным духом. Они в большинстве случаев замалчивают неудачи русских воинов, например, эпохи Петра I, Анны Иоанновны, и воспевают в одах (которые являются основной формой произведений указанной тематики) действительно огромные успехи русского оружия. Можно выделить как весьма показательные вирши Ломоносова и Хераскова.

М. В. Ломоносов в 1739 г. написал «Оду на победу над турками...». Исторически достоверно описывая падение крепости Хотин, поэт обращается к Стамбулу, который является для него воплощением всех сил, враждебных России; впрочем, в его одах на эту тему звучит уважение к своему сильному турецкому противнику.

¹³⁷ Сумароков А. *Творения*. СПб., 1769. С. 64.

Дым, пепел, пламень изрыгает
Стамбул, но чтоб орлов сдержатъ полет,
Таких препонов нет на свете¹³⁸...

В довольно сдержанных тонах приветствует успехи русских войск в 1739 г. М. М. Херасков. И для Ломоносова, и для Хераскова более желанной темой, чем военные действия, было заключение мира. Об этом свидетельствует ода Хераскова «На мир с Оттоманскою Портою...»:

Мир, украшенный цветами, вещает кроткими устами:
«Замкнешь войны ужасный рок»¹³⁹.

В целом ряде других стихотворений поэты первой половины XVIII в. приветствуют мир на Востоке как крайне желанный для России. Причина определенной сдержанности авторов в этот период, быть может, кроется в незначительности военных успехов (если они вообще были) начала XVIII в. Еще живы были воспоминания о неудачных Азовских походах Петра I, а в 1739 г. Россия заключила в Белграде весьма невыгодный мир с Турцией, получив лишь небольшую территорию в Приазовье. И воспевать-то было нечего при всем желании¹⁴⁰.

Во второй половине XVIII в. положение резко изменяется. Правительство Екатерины II ведет успешно войны (1768–1774, 1787–1791) с тремя подряд султанами — Мустафой III, Абдул Хамидом I, Селимом III. Войска А. В. Суворова и П. А. Румянцева наносят решительные удары по объединенным силам турок и крымчаков-татар. Отчаянные сражения у Рябой Могилы, на реке Кагул и при реке Ларга незамедлительно становились темой поэтического вдохновения, как только общество узнавало о них¹⁴¹.

В. П. Петров, тогда самый популярный, а ныне незаслуженно забытый придворный одописец эпохи Екатерины II, разразился в этот период целой серией од, откликаясь на малейшее движение воюющих сторон. Будучи при дворе императрицы, он получал все последние известия и незамед-

¹³⁸ *Русская поэзия* / Под. ред. С. А. Венгерова. СПб., 1897. Т. I: XVIII век. С. 140.

¹³⁹ Там же. С. 145.

¹⁴⁰ Киняпина Н. С., Георгиев В. А., Панченкова М. Т., Шеремет В. И. *Восточный вопрос во внешней политике России*. М., 1978. Глава 1.

¹⁴¹ *Русская поэзия*. Т. I. С. 151.

лительно описывал их в своих творениях. При этом он был осторожен в каких-либо прогнозах, даже поэтических, придворному пииту, казалось бы, простительных. Так, он пишет о начале военных действий в 1768 г., подчеркивая, какая колоссальная сила пришла в движение:

...Уже противники России
Стекаются ко Византии
Из Мекки и Каира врат...
Теснят передним над Дунаем,
На заднем воинство их краем
В Стамбуле движется еще¹⁴².

Воспевая русских воинов, Петров при этом постоянно обращается к Царьграду, называя его «сердцем Азии», «блестящим городом»¹⁴³. Любопытно, что, стремясь объяснить причины русско-турецких войн, Петров обвиняет султанское правительство в неутолимом желании повелевать миром — Востоком и Европой:

Чтобы света трон была султанская софа,
Стамбул — державный мир,
И Август — Мустафа¹⁴⁴.

В одах В. П. Петрова впервые появляются мотивы, которые можно найти в русской поэзии XVIII–XIX и начала XX в.: он первым из поэтов начинает говорить об исторической преемственности Царьграда и двух русских столиц, Москвы и Петербурга, о необходимости передать «второй Рим» в русские руки. Он вкладывает в уста некоего Бехмета-паши, защитника Рушука, осажденного русскими частями, следующие слова:

И если рассудить по-мусульмански, здраво,
Они и на Стамбул имеют сильно право:
Владели греки им; их вера в Русь прешла.
Так, по наследству, их туда ж столица шла¹⁴⁵.

¹⁴² «Его сиятельству графу П. А. Румянцеву, 1774 год». *Русская поэзия*. Т. I. С. 152.

¹⁴³ «Из воинского стана под Дунаем». *Там же*. С. 154.

¹⁴⁴ «Осада Рушука». *Там же*. С. 156.

¹⁴⁵ *Там же*. С. 156.

Эту же тематику ратного противоборства развивал в 80-х гг. XVIII в. забытый ныне Н. Николаев. Привлекают внимание его «воинские оды». В большом произведении «На взятие Очакова» он говорит о больших трудностях, пережитых русскими солдатами. После жесткого, почти в стиле реляций описания сражений фанфарно звучит его призыв к захвату Стамбула, высказанный по-солдатски прямолинейно:

Солдаты в парад!
Глядь мусульманин... Русский Царьград!

Однако следует отметить, что среди русских поэтов второй половины XVIII в. царили прямо противоположные настроения. Среди иначе воспринимавших события поэтов XVIII в., посвятивших свои стихи Стамбулу, особенно хочется отметить А. Д. Кантемира и И. Я. Хемницера.

А. Д. Кантемир, создатель русского классицизма, был сыном молдавского господаря Дмитрия Кантемира, который в 1711 г. заявил Петру I о желании отдаться под покровительство России. Будущий поэт Антиох Кантемир блестяще знал турецкий, арабский и другие языки Востока, поскольку воспитывался в Стамбуле — в детстве он содержался при дворе султана Ахмета III в качестве заложника. В своих письмах и воспоминаниях он оставил много ценных сведений о жизни Стамбула, причем различных его слоев — от султанского двора до домов-крепостей христиан Перы и Галаты. В сочинениях Кантемира звучит доброжелательность к обоим народам, «кои в мире жить должны». Тезис, прямо скажем, редкостный в то грозное время, но не раз им повторенный.

По-своему продолжил в литературе (и политике) ту же линию блестящий российский дипломат и поэт И. Я. Хемницер. 5 августа 1780 г. он как представитель Российской империи был на аудиенции у султана Абдул Хамида I. Еще до этого Хемницер неоднократно бывал в Стамбуле в связи с переговорами о так называемой «Изъяснительной конвенции», дополнившей Кючук-Кайнарджийский трактат 1774 г. Он живо интересовался историей и архитектурой Стамбула. В его письмах содержится ряд тонких литературных зарисовок из жизни города.

«... Канал Царьградский!... (т. е. Босфор. — *Авт.*). Что за вид! Его за первое место считают, здесь, в Стамбуле, где каждое место первым почтеться может» (из частного письма).

Хемницер подробно описывает жуткий пожар в Стамбуле, свидетелем которого он был, подчеркивая, что «всяк спасал соседа, не взирая на веру

оного и достаток...». Рассказывая в другом письме о прогулках по городу, о встречах с его жителями, радушно к нему относившимися, он подчеркивает, что «...в Стамбуле порой принимают русское подданство турки и не турки, что имя российское защитой здесь служит теперь и прочим...» (а не только православным, что определял договор 1774 г. — *Авт.*)¹⁴⁶.

Крупнейший поэт второй половины XVIII в. Г. Р. Державин ярко и образно воспевал военные и дипломатические успехи России, порой в таких метафорах, которые умиляли до слезы современников и вызывают сдержанную улыбку у читателя XXI в.

Поникли гордой Мекки брови,
Стамбул склонился вниз челом...¹⁴⁷.
(«На взятие Измаила»)

В войне 1787–1791 гг. Россия одержала ряд крупных военных побед. Великий поэт, отвергнув «гудок и лиру», — его признанные орудия как «русского Горация и Анакреона», вооружается боевой трубой, призывая к походу на Босфор.

Не вновь ли то Олег к Востоку
Под парусами флот ведет,
И Ольга к древнему потоку
Занятый ею свет лиет...
...Ахеея спасть, агарян стерть,
Град Константинов Константину
И мир Афету водворить...¹⁴⁸.

Следует отметить, что и Державин, и его современник поэт И. Ф. Богданович, вторивший «великому пииту», как и ряд других литераторов конца XVIII в., представители эпохи классицизма, прибегали к несколько завуалированным образам античности и русской истории. Частое упоминание имени Константина — это не только воспоминание о Константине Великом, но и откровенный политический намек. Второй внук Екатерины II был крещен греческо-византийским именем Константин, между Россией и Австрией шли туманные переговоры о

¹⁴⁶ Хемницер И. Я. *Биографические заметки. Там же*. С. 401–403.

¹⁴⁷ Державин Г. Р. *Стихотворения*. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1957. С. 58.

¹⁴⁸ Державин Г. Р. *Сочинения с объяснительными записками Я. Грота*. СПб. 1846–1883.

создании на руинах покоренной Османской империи христианского государства во главе с новым Константином... Этим, по-видимому, и объясняется особенность творческой манеры авторов, тонко чувствующих ветер политических перемен.

Шло время. Отношения с Османской империей стали составной частью Восточного вопроса¹⁴⁹. Теперь все чаще в русско-турецкие отношения вмешивалась большая европейская политика. Проблема Константинополя — и политическая, и литературная — всякий раз всплывала при обострении Восточного вопроса.

Эта проблема волновала ряд выдающихся поэтов XIX – начала XX в. А. С. Пушкин, Л. А. Мей, Ф. И. Тютчев, А. Г. Майков, И. А. Бунин и другие русские поэты посвящали строки Стамбулу как «столице Востока» и объекту определенных политических вожделений. Всякий раз при начале (или угрозе начала) русско-турецкой войны поэтическая мысль обращалась к Стамбулу.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. дала русской поэзии два стихотворения, навеянные одним эпизодом из русской истории. Практически одновременно два блестящих поэта, Ф. И. Тютчев и А. С. Пушкин, написали стихотворения под одинаковым названием — «Олегов щит».

Оба автора опирались на апокриф из русских летописей о том, что во время победоносного похода на Византию Вещий Олег прикрепил свой щит на ворота Царьграда. Кстати, это был не символ победы, а наоборот, знак того, что полководец, чей щит украшает ворота города, взял его под покровительство и защиту. Ф. И. Тютчев писал свои строки, когда русские войска под командованием И. А. Дибича с боями продвигались вперед:

Олегов щит

Молитва магометан

«Аллах! пролей на нас твой свет!

Краса и сила правоверных!

Гроза гяуров лицемерных!

Пророк твой — Магомет!...»

Молитва славян

«О, наша крепость и оплот!

Великий бог! веди нас ныне,

Как некогда ты вел в пустыне

Свой избранный народ!»

¹⁴⁹ Зеленина Л. В., Шеремет В. И. Черное море: «русские берега у турецкого берега?». XVIII век: славянские и балканские народы и Россия: [Лит. заметки]. М., 1998. С. 99–118.

Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула —
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит¹⁵⁰.

(1828 г.)

А. С. Пушкин впервые упомянул о щите русского князя в 1822 г., в «Песне о Вещем Олеге»:

...Твой щит на вратах Цареграда...

Вновь он обратился к идее щита Олега годом позже Тютчева, когда российские полки остановились у старинной столицы османов Адрианополя, откуда были видны золотые купола мечетей и дворцов Стамбула. Угроза вмешательства европейских держав в войну на стороне Османской империи заставила Санкт-Петербург остановить свою армию на подступах к Константинополю. Мирный договор был подписан в Адрианополе 14 сентября 1829 г., и поэт придал этому факту поэтическое истолкование:

Олегов щит

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели,
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил¹⁵¹.

(1829 г.)

¹⁵⁰ Тютчев Ф. И. *Стихотворения, письма*. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. С. 57.

¹⁵¹ Пушкин А. С. *Собр. соч. в 1 т.* М.: Худ. лит., 1984. С. 93.

Надо отметить, что интерес к Востоку существовал у Пушкина и ранее. Об этом свидетельствуют знаменитый «Бахчисарайский фонтан» и «Подражания Корану», источником для которых послужило прозаическое французское переложение священной книги мусульман. Но его внимание к этим проблемам вполне объяснимо обострилось в годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг., о чем свидетельствует «Путешествие в Арзрум», опубликованное в 1835 г.

А. С. Пушкин не воспел, как сам он писал в предисловии к первому изданию «Путешествия», «побед нашего оружия». Поэт обращал внимание больше на быт и нравы турецкого населения. Говоря о разрушавшем Османскую империю сепаратизме местных правителей — пашей и беев, он отметил, что «между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвой», и в качестве свидетельства этому приводит созданную им еще в 1831 г. великолепно стилизованную «турецкую поэму», приписав ее бывшему янычару Аминю-оглу:

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут — и так оставят,
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

В нем веры чистый жар потух,
В нем жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят;
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум;

Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Святые воды нас поят;
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены там сидят¹⁵².

В рукописи стихи имеют продолжение, не опубликованное при жизни автора:

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар –
Тогда нас буря долу гнула
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликал псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась, мертвецы
Окоченелые чернели.
Алла велик – тогда султан
Был духом гнева обуян...¹⁵³.

Великий русский поэт облек в стихотворную форму конкретный факт из турецкой истории, которой живо интересовался. Напомним, что корпус

¹⁵² Там же. С. 453.

¹⁵³ Пушкин А. С. Сочинения. Л., 1936. С. 653.

янычар был физически уничтожен султаном Махмудом II в 1826 г. В своем более позднем творчестве поэт к теме Востока уже не обращался.

В отличие от Пушкина, Ф. И. Тютчев много раз возвращался к военно-политическим аспектам темы Стамбула. Отнюдь не равнодушный к политике И. С. Аксаков объяснял это тем, что поэт много лет провел на дипломатической службе, а с 1858 г. был Председателем «Комитета цензуры иностранной»¹⁵⁴. Позиция Тютчева в вопросе о Стамбуле ужесточалась по мере его служебного восхождения и общего политического крена вправо.

Очередное обострение Восточного вопроса пришлось на период революционной волны в Европе — 1848–1849 гг. Весной-летом 1848 г. русские войска были введены на территорию принадлежавших Османской империи Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии. 150-тысячная русская армия под командованием И. Ф. Паскевича во время так называемой Военной тревоги 1849 г. вошла в Венгрию.

В эти годы в воззрениях дипломата и поэта Тютчева вполне определенное место заняла идея захвата Стамбула. Программное стихотворения этой поры — «Рассвет».

Рассвет

Не первый раз кричит петух;
Кричит он живо, бодро, смело;
Уж месяц на небе потух,
Струя в Босфоре заалела.

Еще молчат колокола,
А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.

Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

Раздайся, благовестный звон,
И весь Восток им огласится!

¹⁵⁴ Аксаков И. С. *Биография Ф. И. Тютчева*. М., 1886. С. 65.

Тебя зовет и будит он, —
Вставая, мужайся, ополчися!

В доспехи веры грудь одень,
И с Богом, исполни державный!
О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!¹⁵⁵
(Ноябрь 1849 г.)

Мечты о Царьграде, о водружении русского флага на Босфоре переполняли русское общество рубежа 1840-х – 1850-х гг. Россия неуклонно двигалась к войне с Османской империей, которая и началась в октябре 1853 г. Однако большинство русских поэтов, ранее призывавших к продвижению на берега Черноморских проливов, не поддерживали массовую истерию, поднявшуюся, в частности, в печати.

Ф. И. Тютчев тоже промолчал. Он только еще раз вернется к теме Царьграда, но совсем по иному поводу. 15 октября 1869 г. будет опубликовано его стихотворение «Современное», посвященное торжествам по случаю грядущего открытия Суэцкого канала. Здесь описание Стамбула – всего лишь фон, на котором происходят события, причем подано оно в достаточно ироничном плане. Поэт явно сатирически воспринимает процесс европеизации Османской империи, бурно (и не всегда разумно) проходивший в годы правления султана (в стихотворении он назван падишахом) Абдул Азиза (1861–1876 гг.), приведшего страну к полному экономическому краху.

Современное

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.

И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.
Угощает он на славу

¹⁵⁵ Тютчев Ф. И. *Стихотворения*. М.: Прогресс-Плеяда, 2004. С. 297.

Милых западных друзей —
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.

Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.

Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.

И при криках иступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настежь распахнул.

Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!

И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!

И всех ярче и милее
Светит тут звезда одна,
Коронованная фея,
Рима дочь, его жена.

С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра,
В сонме царственных гостей

На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею все склонилось:
Солнце с Запада взошло!

Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, —

Только там, где тени бродят,
Там в ночи из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан¹⁵⁶...

В 1855 г. в Сербии появилось анонимное стихотворение «Песнь Победы», пользовавшееся там огромной популярностью и рисовавшее взгляд балканских народов на «седмихолмую красавицу Босфора» и на русских как освободителей Царьграда. Хорошо известно оно стало и в России. В русском переводе оно использовалось официальной пропагандой и широко расходилось в качестве приложения к лубочным картинкам времен Крымской войны.

На гору всходят знамена,
Полки светлеют на поляне:
Встает великая война;
То идут с Севера славяне,
С своею дивною судьбой,
На крестоносный с турком бой!
Дрожи, Стамбул, заслышав горе!
Созрели над тобой века...
Тебя с подножья смоем море.
Дрожи! уж сильная рука
Подъята над твоей главою!..
Недаром язвой моровую
Издавна ты в народах слыл...
И без разбора всех губил!..

¹⁵⁶ Тютчев Ф. И. *Стихотворения, письма*. С. 276–277.

За серба, за болгар, за грека,
За всех, в ком образ человека
Свинцом тяжелыя пяты
Топтал, бесчеловечный, ты!
Но страх объял твои уж грады,
Твой день последний наступил...
Не будет для тебя пощады
За то, что сам ты не щадил!¹⁵⁷

Новый всплеск патриотических чувств вызвала очередная русско-турецкая война в 1877–1878 гг. Надо сказать, что в целом России эта война была совершенно не нужна, и в значительной степени российское правительство оказалось втянутым в нее благодаря общественному мнению страны, которое требовало поддержать угнетенных братьев-славян. Соответственно, и многие поэты сбивались на строки, звучавшие почти в стиле од времен Екатерины I, как, например, у А. Г. Майкова:

«Здесь царь — помазанник! Стратег Востока — там!

Туда указано пред смертью Византией», — патетически восклицает поэт¹⁵⁸.

Майковым же написано стихотворение «Как отблагодарил султан московского царя», которое перекликается с вековой давности одой Петрова о праве России на Стамбул. Майков пишет, что к подаркам царю следует приложить ключи от города:

Все равно отдать придется позже
И с великим для себя позором!¹⁵⁹

Общее направление мысли у подавляющего большинства русских поэтов в этом направлении, наверное, может быть выражено строками из его же «Кантаты»:

Возлюбил тебя и избрал Господь
Повязать тебе Константинов меч
И венчаться венком Мономаховым¹⁶⁰.

¹⁵⁷ Альбом-монография «Царьград». Петроград, 1914. С. 60.

¹⁵⁸ Майков А. Г. *Полн. собр. соч.* СПб., 1914. С. 701.

¹⁵⁹ Там же. С. 709.

¹⁶⁰ Там же. С. 245.

В эпоху Серебряного века русские поэты не воспринимали Османскую империю как нечто, достойное поэтического описания. Их влекли другие, дикие, экзотические страны, а не государство, куда из черноморских портов России совершались регулярные пароходные рейсы. Единственным исключением, пожалуй, стало творчество И. А. Бунина.

Во время своих многочисленных поездок по Востоку в 1904–1907 гг. поэт не раз посещал Стамбул, любовался его сказочно прекрасными дворцами, мечетями. Вот как Бунин передает свои впечатления от посещения мечети Айя-София, бессмертного творенья византийского зодчества, ставшей гордостью и предметом забот многих поколений турок (с XV по XXI в.):

Светильники горели, непонятный
Звучал язык — Великий шейх читал
Святой Коран, — и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадал...¹⁶¹

Поэт отмечает, что в начале XX века Стамбул утратил блеск, забыл свое прежнее величие.

Стамбул

Облезлые худые кобели
С печальными молящими глазами —
Потомки тех, что из степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Был победитель славен и богат,
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград,
И предался, как сытый лев, покою.

...И прах веков упал на прах святынь,
На славный город, ныне полудикий,
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой¹⁶².

(1904 г.)

¹⁶¹ Бунин И. А. *Сочинения*. М.: Правда, 1956. Т. 2. С. 340.

¹⁶² *Альбом-монография «Царьград»*. С. 78.

А. М. Горький, кстати, имел нахальство обозвать эти бунинские строки «барской неврастений».

29–30 октября 1914 г. нападением на русские суда в Черном море и обстрелом Севастополя, Феодосии, Новороссийска «Турция совершила свое последнее безумие и бросилась в безнадежную войну с Россией»: так сказал, возможно, лучший знаток Османской империи тех времен Агафангел Крымский¹⁶³.

И русскую поэзию захлестнула волна шовинистических настроений. Это было время, когда, по словам Валерия Брюсова, «националистам» делались упреки за ослабление «великой идеи взятия Константинополя»¹⁶⁴. Нет смысла приводить трескучие фразы о необходимости осенить «второй Рим» крылами скипетроносного орла, укажем только на одиозный, но изысканно изданный, за сотню лет не потускневший альбом «Царьград», где была сделана соответствующая подборка стихотворного и прозаического материала о Турции.

Заканчивая краткий экскурс в старую русскую поэзию о Стамбуле, можно сказать, что на протяжении веков не ослабевало внимание русских поэтов к взаимоотношениям между нашими странами, к судьбе столицы нашего южного соседа, имевшей особое место в историко-литературной традиции.

В XVII–XVIII вв. русские писатели и поэты вносили свой вклад в борьбу на южных рубежах России, за выход России в Черное, Азовское и Средиземное моря. В XIX в. экономическое положение России, ее политические и экономические интересы уже не требовали захватов на счет Турции, не соответствовали и даже противоречили ее стратегическим планам в Европе и на Востоке. Это отразилось, за небольшим исключением, и в поэзии. Неизмеримо большее значение имела в имагологическом контексте переводческая деятельность русских поэтов и прозаиков¹⁶⁵.

Существовали долгие и плодотворные для культуры периоды добрососедских отношений между нашими странами. Изучение историко-литературных материалов, как русских, так и турецких, позволит и в будущем освещать различные стороны русско-турецких отношений, что должно

¹⁶³ Крымский А. Е. *История Турции: Очерк*. М., 1915. С. 37.

¹⁶⁴ Брюсов В. Я. *Стихотворения*. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1952. С. 243.

¹⁶⁵ Библиографию стихотворных и прозаических работ отечественных авторов о Турции и переводы с турецкого см.: Сверхевская А. К., Черман Т. П. *Библиография Турции (1713–1917)*. М.: Изд-во Вост. лит., 1961; Сверхевская А. К., Черман Т. П. *Библиография Турции. Лит. на рус. яз. (1917–1975)*. М.: Наука, 1975; Желтяков А. Д. Русско-турецкие культурные связи. *Россия и Восток*. СПб.: Лексикон, 2002. С. 354–388.

содействовать лучшему взаимопониманию между Турецкой республикой и Россией.

Современные нам авторы вновь возвращаются к теме Стамбула — Константинополя, близкой к восприятию ее у поэтов конца XIX — начала XX в.: вечный город как нечто, существующее вне времени и пространства. Свидетельство тому — многочисленные описания города на Босфоре у И. Бродского. Таков непознаваемый Стамбул в его стихотворении *Ritratto di donna*:

Нога в чулке из мокрого стекла
блестит, как будто вплавь пересекла
Босфор и требует себе асфальта
Европы или же, наоборот, —
просторов Азии, пустынь, щедрот
песков, базальта...
Что перед ней сейчас? Зима. Стамбул.
Ухмылки консула. Настырный гул
базара в полдень. Минареты класса
земля-земля или земля-чалма
(иначе — облако). Зурна, сурьма.
Другая раса¹⁶⁶.

(993 г.)

И снова — вечный Константинополь (именно так, не Стамбул!) в стихотворении А. С. Кушнера:

Считай, что я живу в Константинополе,
Куда бежать с семьею Карамзин
Хотел, когда б цензуру вдруг ухлопали
В стране родных мерзавцев и осин.

Мы так ее пинали, ненавидели,
Была позором нашим и стыдом,
Но вот смели — и что же мы увидели?
Хлев, балаган, сортир, публичный дом.

¹⁶⁶ Сочинения Иосифа Бродского. Т. III. СПб., 1992. С. 267–268.

Топорный критик с космами патлатыми,
Сосущий кровь поэзии упырь
С безумными, как у гиены, взглядами
Сует под нос свой желтый нашатырь.

И нету лжи, которую б не приняли,
И клеветы, которую б на щит
Не вознесли. Скажи, что тебе в имени
Моем? Оно тоскует и болит.

Куда вы мчитесь, Николай Михайлович,
Детей с женой в карету посадив?
На юг, тайком, без слуг, в Одессу, за полночь —
И на корабль! — взбешен, чадолюбив.

Гуляют турки, и, как изваяние,
Клубясь, стоит густой шашлычный дым...
Там, под Айя-Софией, нам свидание
Назначил он — и я увижусь с ним¹⁶⁷.

(2002 г.)

¹⁶⁷ Кушнер А. С. Но было тайное тепло. *Новая газета*. 2004. № 19 (949). 22.03–24.03.2004. С. 22.

Раздел 2

Век Екатерины
и Александра

Второй брак императрицы

В ноябре 1796 г. скончалась одна из замечательнейших женщин Государства Российского императрица Екатерина II. Пятью годами раньше, в пронизанных осенними ветрами просторах Юга России где-то между Яссами и Николаевым, ушел из жизни некоронованный российский государь — светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический.

Сколько разного было написано о взаимоотношениях этих двух великих личностей, так много сделавших для величия земли русской. На основе новых архивных документов мы прослеживаем глубоко личностные моменты их жизни как беззаветно любящих друг друга людей и как государственных деятелей, для которых самым главным в жизни была судьба России.

Неделю курьер, загоняя лошадей, мчался в Петербург с мрачной вестью, с ужасом размышляя, куда его теперь сошлют.

Государыня только взглянула на письмо, коротко охнула и тяжело повалилась на руки подоспевших придворных. Часа через три ей пустили кровь. Еще пять или шесть часов дворец замирал от отчаянных криков императрицы великой державы, от рыданий женщины, потерявшей любимого человека и остававшейся в ослепительном величии. Тогда, в 1791 г., ей шел шестьдесят третий год.

По распоряжению врача ей дали снотворного. Она заснула, глядя на портрет светлейшего. Поутру в «Дневнике» ее секретаря появилась запись: «Слезы и отчаяние... Проснулись в огорчении и слезах. Жаловались, что не успевают приготовить людей на смену (Г. А. Потемкину. — В. Ш.). Теперь не на кого опереться»¹.

¹ Просто и торжественно писал о кончине светлейшего известный военный историограф Н. Н. Бантыш-Каменский в частном письме князю А. Б. Куракину 22 октября 1791 г.

Горе захлестнуло ее могучий, казалось, не знавший сомнений разум. Через положенные по православной вере скорбные девять дней она скажет: «Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал». Как всегда в минуты сильного душевного волнения, немного путалась в русском языке. Повторяла: «Его не можно было купить».

Все свои последние пять лет она проживет с этой незатухающей болью. Ее сердце, ранее отдаваемое новой родине — России и «миленькому Гришеньке», отныне заполнено только заботами о стране. А образ «мужа и первейшего друга» приобретает очертания государственного уровня.

«С прекрасным сердцем, — писала она очередной бессонной ночью на исходе октября 1791 г. — он соединял необыкновенно верное понимание вещей и редкое развитие ума. Виды его всегда были широки и возвышенны. Он был чрезвычайно человеколюбив, удивительно любезен, а в голове его непрерывно возникали новые мысли».

«Мой единственный, мой любимый, а я жена твоя, связанная с тобою святейшими узами». «Ласка наша есть наичистосердечнейшая любовь, и любовь чрезвычайная». Такие слова из уст и из писем (частью изданных, частью нет) могущественной, если не всемогущей повелительницы России, какой была Екатерина II, воспринимаются однозначно. В том же смысле, что и в наше время. Это был брак довольно долгий — 16 лет, брак счастливый, по меркам бурного и буйного XVIII века. Прекрасный союз двух выдающихся людей, гениев России, необычайно близких духовно.

«У него была смелость в сердце, смелость в уме, смелость в душе. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил». Так писать через считанные дни после кончины любимого человека могла только очень сильная женщина с душой нежной и возвышенной. И очень сильно любившая.

Большое чувство пришло к Екатерине Алексеевне далеко не сразу. Они впервые увиделись в июле 1762 г., когда 23-летний вахмистр Григорий Потемкин, сияя восторженным блеском фиалковых глаз, ловко подал свой темляк к шпаге Екатерине II, после переворота принимавшей присягу гвардии.

«Светлейший... 5 (16) октября все кончил. И дела, и предприятия. В день Покрова, чувствуя тяжесть, примирился с Богом, получа же облегчение, вздумал переменить воздух. Поехал из Ясс в Николаевск с князем Голицыным и племянницами. Отъехав 40 верст, почувствовал паки тяжесть. Остановился, велел постлатъ на землю плащ, облокотился на подушки, и подняли — уже мертвого. По вскрытии тела нашли, что гнилая горячка и молошница были».

У Софьи-Фредерики-Амалии Ангальт-Цербстской, принцессы из заштатного немецкого княжества, к этому времени были позади унылая юность и безрадостные годы постылого династического брака с Петром III, презиравшим елизаветинскую Русь. Суровую жизнь лишь отчасти скрашивало стремление познать загадочную для нее страну. Были по крайней мере четыре любовных «случая». Причем первого «вельможу в случае» — С. В. Салтыкова в 1752–1754 гг. ей, тогда великой княгине, навязала сама императрица Елизавета Петровна, крайне раздраженная тем, что после девяти лет ее брака с будущим царем Петром III наследника престола так и не «образовывалось». Потом Сергей Салтыков был удален от двора — назначен посланником, «ибо себя нескромно вел», по словам самой Екатерины Алексеевны, ставшей, наконец, матерью будущего императора Павла I.

Станислав-Август Понятовский «за глаза отменной красоты» (к этой детали мужской внешности Екатерина Алексеевна всегда питала слабость) был приближен в 1756–1758 гг. и затем тоже беззвучно удален, впрочем, очень почетно — на польский престол.

Куда значительно и дольше прочих, в 1762–1772 гг. «вельможей в случае» и конфиденнтом, подготовившим государственный переворот, который и привел на престол Екатерину II, был Григорий Орлов. Могучий красавец и «авантюрьера в Европе из первейших», а также его братья полагали, что обрели в Екатерине Алексеевне что-то вроде идеальной пожизненной ренты. Ан нет. «Он сам при мне скучал», — рассказывала Екатерина о своих «любовях» «ненаглядному Гришеньке Потемкину». Быстро разочаровал ее и А. С. Васильчиков, «особо близкая персона» в 1772–1773 гг. Оба они замучили императрицу своим беспутством и «настырным суванием в дела государственные» настолько, что, «впавши в дешперацию» — сиречь отчаяние, Екатерина Алексеевна обратила, наконец, свой взор на неприметного доселе Г. А. Потемкина.

Тогда, в дни переворота летом 1762 г., исправивший конфуз с утерян-ным темляком вахмистр вернулся в строй подпоручиком. И не более. А далее — с ее стороны редкая, но любезная улыбка, легкий кивок головой. С его стороны — обожание, восторженное преклонение перед «ангелом на троне», беспорочная служба. Он «наблюдал за шитьем казенных мундиров», заседал в Синоде (благо за плечами Смоленская семинария и дворянская гимназия при Московском университете). Выполнял несколько мелких дипломатических поручений, отличившись при этом присущим ему изяществом ума и осмотрительной самостоятельностью. Деятельно

заседал в комиссии по духовно-гражданской части знаменитого екатерининского «Уложения» — своего рода свода указов и распоряжений по делам административного свойства.

На свое 30-летие в 1769 г. за усердную службу получил камергерский ключ — стал обладателем высшего придворного чина и в звании генерал-майора был отправлен на войну с турками.

Беспримерная храбрость и умелое командование отличали генерала Потемкина. Так бы и соперничать ему на поле брани, если не с самим А. В. Суворовым, то, во всяком случае, с М. И. Кутузовым. И не знаю, кто кого бы затмил. Однако случилось так, что уныние императрицы «от общества своекорыстных дураков» и кошмар пугачевщины совпали с отменной характеристикой, которую давал Г. А. Потемкину прославленный фельдмаршал — «орел императрицы» Петр Александрович Румянцев в письмах сестре Прасковье Александровне Брюс, более известной при дворе как «Брюсша». А та, ближайшая наперсница (и сводня) Екатерины II, довела мнение брата до сведения императрицы.

Тогда-то и призвала его в Петербург приветливым письмецом одинокая в своем царственном величии женщина.

Он был принят во внутренних покоях императрицы 15 февраля 1774 г. Да там и остался, поселенный так, чтобы и глаз видел, и рука достала.

Античного облика атлет ростом под 190 см, с орлиным носом, светло-русыми выющимися волосами, нежным румянцем на упругих щеках. И глаза — переменчивые, от ярко-васильковых до яростно фиолетовых. Уже в марте он — «мой богатырь, милуша, скакун ненасытный, парюш (т. е. попугайчик)». Открылась переписка (более 400 только опубликованных писем и записок), тайная и явная, предельно обнаженная в искренности чувств и в значимости столь долгожданного этой замечательной женщиной союза.

Потемкина отличало не только могучее тело, но и блистательный ум. «Голубчик, — пишет в исходе февраля 1774 г. не государыня, но счастливая женщина. — Благодарю за хлеб, за соль. Гришёнко мой, накормил-напоил вчера. Однако не вином же...»

В марте того же года, когда еще бушевала крестьянская война на Яике и Волге, скалили зубы враги на юге и на западе, а первые восторги нового счастья обретали очертания долгожданного покоя души и тела, императрица писала: «Самый лучший пример перед собой имею. Вы умны, вы тверды и непоколебимы в своих принятых решениях, чему доказательством служит и то, сколько лет вы старались около нас, я сие не заметила, а мне сказывали другие...»

Нотка сожаления о потерянном времени будет перемежаться с растущей «доверенностью» и любовью. Она, самодержавная во всем, почла за необходимость объясниться с «батей и милушей» относительно своего альковного опыта. Перечислив в своей открытой манере фаворитов, уже упомянутых выше, она писала: «То было, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею, и если б я в участь получила смолоду мужа, которого любить могла, я бы вечно к нему не переменилась...» Это строки из ее «чистосердечной исповеди» перед человеком, которого она безумно полюбила, единственным, которому верила во всем.

8 июля 1774 г., в Троицын день, в небольшой, удаленной церкви Святого Самсония на Выборгской, тогда лесистой, стороне Петербурга состоялось венчание Екатерины Алексеевны и Григория Александровича. Обряд провел духовник императрицы Иван Панфилов. Венцы держали доверенная камер-фрау Мария Саввишна Перекусихина, племянник Потемкина, его адъютант граф Александр Николаевич Самойлов и камергер Евграф Александрович Чертков. Все они — лица из ближайшего окружения новобрачных. Брачная запись, заверенная Перекусихиной, свято хранилась у князя П. Д. Волконского и исчезла в личных бумагах Николая I, другая — у А. Н. Самойлова и была положена с ним в гроб. Существовал и еще один список — копия. Она хранилась у графини Александры Васильевны Браницкой, урожденной Энгельгардт, «Санечки», племянницы и возлюбленной Г. А. Потемкина.

Напомним, что одна из дочерей Александры Васильевны, Елизавета Ксаверьевна Браницкая, стала супругой Михаила Семеновича Воронцова, выдающегося государственного деятеля России первой половины XIX в., незаслуженно оскорбленного Пушкиным в эпиграмме о «полумилорде, полукупце». Сама же Александра Васильевна, любимица светлейшего князя, была с ним в последние минуты жизни и получила из его слабющих рук некий сверток бумаг. Елизавета Ксаверьевна свято хранила заветную шкатулку и категорически отвергала любые посягательства на ознакомление с ее содержанием. Существует легенда, что княгиня Воронцова бросила шкатулку с бумагами с борта корабля в Черное море ради сохранения тайны этого брака.

Еще один список о брачной записи, врученный Екатерине, бережно хранила упомянутая Мария Саввишна Перекусихина (1739–1824). Без малого сорок лет она была абсолютно доверенной личной горничной императрицы. Жила в комнате, смежной с ее спальней, одевала и

раздевала царицу, подавала ей утром то чашку крепчайшего кофе, до которого Екатерина была охотницей чрезмерной, то иные «житейские необходимости».

Екатерина II, блестяще разбиравшаяся в людях, доверяла Перекусихиной полностью и безгранично, доверяла свою личную жизнь и устройство сверхделикатных контактов, и государственных, и вполне интимных.

— Мария Саввишна да Гришенька, — вот кто меня никогда не продадут, — говаривала императрица. И действительно, старая дева Перекусихина никогда никому не обмолвилась ни словечком о «комнатных обстоятельствах» своего друга и госпожи, да и о «вельможах в случае», которых сама же и проводила в постель к императрице. Ее преданность и достойная восхищения сдержанность вызывали уважение столь всеобщее и глубокое, что Павел I, разогнавший всех, кто был близок ко двору Екатерины, пожаловал Перекусихиной солидную пенсию и большой земельный надел под нынешним г. Пушкиным, близ Санкт-Петербурга.

Из заветного ларца Перекусихиной брачная запись императрицы и Потемкина перекочевала в начале 1820-х гг., когда старушке было за 70 лет, к Александру Павловичу (Александру I), который, кажется, не слишком вникал в бабушкины секреты, а затем к Николаю Павловичу (Николаю I).

Тот к вопросам своего происхождения был щепетильно пристрастен, историей Романовых интересовался чрезвычайно и драгоценный список схоронил так, что известно о нем было только Александру II, а позднее и Александру III. Знал ли об этом деликатном документе Николай II и где он хранится сейчас — это предмет моих нынешних поисков.

Со списком же Потемкина дело обстояло еще более примечательно. Светлейший, как известно, завещания достоверного и официального не оставил. Последний фаворит императрицы Платон Зубов, люто ревновавший императрицу к Потемкину, попытался сыграть на ее безмерном горе и выговорить себе право докладывать государыне о делах и бумагах политического и личного свойства, оставшихся после смерти светлейшего. Речь шла прежде всего о завершении Ясского мирного договора с турками. Но сверх того оставалось колоссальное имущество светлейшего — 6 000 душ крепостных в России, 70 000 — во вновь присоединенных западных и южных землях и огромное количество бриллиантов (на сумму примерно 15 миллионов русских рублей золотом в оценке 1795 г., то есть более триллиона рублей на современные деньги).

Особенно интересовали П. А. Зубова бумаги и личная переписка. Однако здесь он получил «укорот»; во-первых, от генерал-майора Василия Степановича Попова, правителя канцелярии светлейшего; во-вторых, от генерал-поручика графа А. Н. Самойлова, потемкинского конфиденанта и первого уполномоченного России на мирных переговорах с турками. Платон Зубов трижды жаловался Екатерине, что он, дескать, до наиважнейших бумаг не допущен. На что получал ответ:

«Уважь, Платоша, незабвенной памяти заслуги покойного князя Потемкина, не оставляй без особого уважения и тех, как под его руководством служили. Сообразуйся с общими видами...». А «виды» определял — как политические, так и имущественные, оставленные светлейшим, — ни много, ни мало, Государственный Совет, созданный для этого приказом императрицы. Не получил «шустрый Платоша» никаких деликатных бумаг. А заветные списки — их унесли с собой в XIX век верные памяти светлейшего Самойлов и «Санечка». И никто эти бумаги более не увидел. Хотя о существовании знали многие.

Вернемся к Екатерине и Потемкину.

...После венчания молодые отъехали в Москву, Коломенское, Царицыно. Подалее от всезнающих взоров двора. Расставались на день-два. Писали записки: томление, нежность, забота. Конечно, императрица занималась и государственными делами, а мысль летела к любимому.

Смотрела план московского Екатерининского дворца и обнаружила, что покои Потемкина «так далеки и к моим почти не проходимы». Полтора года назад сама велела заделать двери, чтобы «докучливый» (А. С. Васильчиков) не бегал... А теперь «нашла шесть покоев для тебя, так близко, так (они) хороши, как лучше быть не может. С вами все становится легко. Вот что значит воистину любить. Прощай, миленький!»

Строили планы. У него, вице-президента Военной коллегии и кавалера ордена Александра Невского — идеи об упрощении солдатского обмундирования, совершенствовании образцов оружия. Чуть не каждый день — разговоры о России, о Тавриде, о Крыме, о Босфоре... Ему внимала влюбленная женщина, охваченная пламенем страсти и яростным стремлением созидать. Она не скупилась на ласку, на признание ума и силы своего долгожданного.

«Голубчик мой дорогой, я вас чрезвычайно люблю. И хорош, и умен, и весел, и забавен, и до всего света нужды нет, когда с тобой сижу. Я отроду так счастлива не была, как с тобой». Грандиозные планы Потемкина идеально совпадают с ее собственными — круг забот императрицы огромен,

любовь женщины на троне — всемогуща. На все у нее хватало сил, а ведь полсотни лет на плечах — отметили в 1779 г. И почти обо всем советовалась с ним, «первейшим в душе и светлейшим в свете»:

«Мой друг, нужно ли давать фельдмаршалу П. А. Румянцеву титул Задунайского?»

«Батя, я приказала князю (Г. Г. Орлову) вам отписать, что я (барону Х. И. Генкину) возвращаю секунд-майорский чин. Добра ночь». Бог мой, какие мелочи, рядом с главным: «Теперь читай в душе и в сердце моем. Я всячески тебе чистосердечно их открываю, и если ты сие не чувствуешь и не видишь, то недостойн будешь той великой страсти, которую произвел во мне...»

Светлейший князь Священной Римской империи (этот титул даровал ему император Иосиф II после выгодного для России и Австрии Кючук-Кайнарджийского мира с Османской империей) месяцами пропадал на Юге. Готовил и осуществил — всем на диво без кровопролития — присоединение Крыма в 1783 г. Деятельно строил Екатеринослав, Херсон, Николаев и особо — жемчужину короны, Севастополь. «Я, матушка, — писал он, — прошу воззреть на Севастополь как на такое (место), где слава твоя оригинальная, и ты не делишься ею с предшественниками...» За хлопотами забывал отозваться, «небрежничал в письмах». Это прощалось. Когда же наступало промедление в делах и движении бумаг официальных, Потемкин получал отменную выволочку:

«Я дурачить вас не намерена, да и сама дурую охотно слыться не хочу... Горячиться по-пустому не буду, а... прошу, написав указ порядочно, прислать тотчас к моему подписанию. Дурак, гяур, москов...»

Светлейший летел через Россию, и снова они были вместе. Любили, работали. «По вашей милости, хронология истории России или, лучше сказать, моих воспоминаний о России становится самой блестящей частью. Превеличайшее спасибо». Это из письма, помещенного 1784 годом.

Вместе надумали и совершили грандиозную поездку на Юг России в 1787 г. Подготовку к поездке Потемкин вел три года. Злые языки, завидуя феноменальной энергии светлейшего, назовут сделанное им «потемкинскими деревнями». А очищение Днепра от порогов и превращение его в судоходный водный путь России, а Черноморский флот! Да сам факт, что императрица в завершение своего шеститысячеверстного пути безбоязненно проезжает через только что присоединенный Крым, где столетиями бушевала ненависть ко всему «московскому»!

«Ты первый мне в делах военных и всех протчих, и это несумненно», — повторяет императрица. С годами остывала страсть, одолевали заботы, хворала чаще, не всегда бросалась по первому зову своего «Гришёнка», даже когда жили в Петербурге. Нормальная, человеческая записка: «У меня понос пресильный с шестого часа. Боюсь прохода через студеную галерею (в Зимнем дворце), при такой сырой погоде умножит рези. А что ты болен, о том сердечно жалею».

Привечала кое-кого к себе в покои. Светлейший всегда знал об этом. Обычно от нее же самой — из писем, когда сидел в Новороссии, из доверительных бесед, если был в Петербурге. К концу своих дней она сама пересчитала своих фаворитов — «за всю жизнь двадцать». Впрочем, по придворным меркам XVIII в. — не так уж и много. Общий принцип эпохи гласил: за грехи молодости будем молиться в старости. А наступление старости всячески старались отдалить, в том числе и молодыми фаворитами.

Светлейшего (да и саму императрицу) эти мимолетные увлечения не слишком беспокоили. Смущал обоих только молодой Аполлон — 23-летний Платон Зубов. Ему «случай» выпал довольно долгий — с 1789 г. И последний. Своими чувствами о нем Екатерина II тоже поделилась со своим «золотым тигром»: «Люблю очень это дитя. Он ко мне очень привязан и плачет как ребенок, если его ко мне не пустят. Воля твоя во всех распоряжениях, кроме тебя, никому не вверяюсь». Шел 1790 год.

Григорий Александрович и сам далеко не монашествовал ни у себя в Таврическом дворце в Петербурге, ни на далеком Юге России. Однако на этот раз почуял угрозу. Не себе. Ей. «Грабят тебя братья Зубовы, матушка! Из разоренной Польши по 200 тысяч тянут!»

Разобраться не успел. Докончил с триумфом вторую войну с турками (1787–1791), подготовил блистательный Ясский мирный договор. И покинул свою любимую, ангела, матушку-государыню... В салонах Петербурга и Москвы долго шептались — Зубовы отравили...

Она состарилась разом. Жила через силу. Много молилась. Повторяла: «Заменить его невозможно, потому что надобно родиться таким человеком, как он, а конец этого столетия как-то вовсе не предвещает гениев...»

Прошло уже двести с лишним лет со дня кончины Екатерины II — русской императрицы, женщины, умевшей любить и пестовать таланты, умевшей любовь и долг вплетать в венец Отечества...

«Потемкинская деревня» Архивное востоковедение против рефлексивного мифа

Миф-образ «потемкинской деревни» не нуждается в разъяснении уже более двух столетий. Абсолютная проверяемость данного мифа на генетические корни и его чужеродность (о чем см. ниже) за два века фактически не подверглись ни хронологической, ни смысловой трансформации–адаптации.

Этот миф в силу причин, выходящих за рамки данного доклада, уже на рубеже XVIII–XIX вв. и вплоть до наших дней обрел свое место в ряду устойчивых мифов массового сознания. Таких, как мифы о «неизменности» и «фатальности» русской судьбы («что было, то и будет»), о «русской скорби», «русской бесшабашности», о барине, который «приедет и все-всех рассудит»... «все воруют, все равно разворуют»...

Ментальность доиндустриального русского общества, реализуемая в попытках (вполне удачных) исторического самооправдания: светлейший князь Потемкин, дескать, матушке-царице глаза отводил избой из досок да соломы, а нынешние «потемкины» жухлую траву зеленой краской красят и будущими нанотехнологиями сколковские пустыри прикрывают и т. д. — может и должна преодолеваться. Жестко, убедительно, проверяемо в каждом слове.

Архивное востоковедение, раскрытию (формированию принципов) которого было посвящено немало докладов и материалов предшествующей конференции (2008 г.), есть один из реальных и действенных методов преодоления мифов, деформирующих историческую память, и тем особенно опасных для переходного общества России.

Первые упоминания о «потемкинских деревнях» содержатся в оценках триумфальной поездки Екатерины II через Юг России в присоеди-

ненный в 1783 г. Крым (январь – июль 1787 г.). Они прозвучали из уст злейших врагов светлейшего князя Г. А. Потемкина и его планов мирного освоения Причерноморья. Среди них были президент Коммерц-коллегии А. Р. Воронцов; его брат — русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов; управляющий Дворянским и Заемным государственными банками П. В. Завадовский; княгиня Е. Р. Дашкова (Академия наук); генерал-губернатор Малороссии П. А. Румянцев и другие; зарубежные враги учету не поддаются. В их числе были и венценосные особы: Иосиф II (Священная Римская империя германской нации, чаще исследователи называют ее правителя австрийским императором, хотя Австрия как государство появится на карте Европы только в 1806 г.); Станислав Август (Речь Посполитая, т. е. Польша), Густав III (Швеция).

Записи в путевых журналах Екатерины II (архивы) и заметки в мемуарах участников вояжа (как отечественных, так и зарубежных) позволяют судить о том, что злые шутки о «картонных кораблях» Севастополя и фокусах с одной-единственной жареной курицей на три-четыре деревни принадлежат (независимо друг от друга) Иосифу II и русским противникам Г. А. Потемкина. Первый был недоволен размахом «греческого проекта» Екатерины II и слабым, по мнению Вены, отпором Екатерины II халифатским идеям Абдул Хамида I. Вторые — масштабностью и успехами мирного освоения Россией Причерноморья.

«Документальность на европейском уровне» скепсису императора и злопыхательству русских недругов светлейшего придал посол Швеции в Стамбуле Г. Ю. фон Хейденстам (о его миссии см.: *Die Papieren des Gustav der III-s*. Hamburg, 1845. Bd. III), а разоблачил его тогда же посол России в Стамбуле (документы не опубликованы). В основе фальшивых донесений Хейденстама лежали слухи, поступившие в Стамбул из окружения Иосифа II и Екатерины II. Цель посла была — укрепить франко-турецко-шведское сотрудничество в Европе и на всем Ближнем Востоке ценой любого умаления России. Вскоре, всего через несколько месяцев, будет спровоцирована очередная русско-турецкая война, а когда она завершится, погибнет сам Потемкин...

Первыми, кто подтвердил подлинность (пусть и при некоторой недостроенности) поселений, укреплений, флота и т. д., были «соглыдатаи» из османов — янычары славянского происхождения, наблюдавшие за августейшим вояжем, видимо, от днепровских порогов до Севастополя. Их наблюдения и выводы стали известны Я. И. Булгакову (см. его архив). Их знала русская военная разведка в Стамбуле в 1912–1914 гг.

(А. Н. Щеглов, 1875–1953 гг.). Подтверждались как язвительные эскапады полузабытыми мемуарами спецпредставителя Иосифа II при cortege Екатерины II Шарля де Линя (Ligne Ch., prince de. *Mémoires et mélanges historiques et littéraires*. Paris, 1827. Т. II).

Так привлечение архивных свидетельств в сочетании с опубликованными источниками различного происхождения, прочитанных глазами специалиста по архивному востоковедению, позволяет раскрыть целевые установки пустого, но злого мифа.

«Осведомительные службы»

М. И. Кутузова

Подобно океану объемля собою все сущее, история российская и живет по океанским законам: в постоянном движении видимых и подводных течений, в смене приливов и отливов, мертвой зыби и штилей. Время от времени ее сотрясают штормы, вздымая разрушительные девятые валы смутных времен. И тогда низвергаются одни и волею часто слепого случая возносятся на пьедесталы другие кумиры...

Слава Богу, эти напасти миновали Михаила Илларионовича Кутузова. Ему простили даже считавшееся долгие годы губительным решение, принимая которое, он, говорят, побелел за одну ночь как лунь — ибо в ту ночь один поставил на карту честь и судьбу России. Признано было, что решение, принятое им тогда, единственно верное.

Он был открыт, насколько мог быть открыт человек его нрава и положения. Но эта открытость — обманчивая, часто принимавшаяся за простоту худшего толка, — и стала главной тайной его личности, не разгаданной и доселе. Хотя, как представляется, тайны здесь нет. Просто совершенное им нужно мерить мерой, соответствующей масштабам этого человека. И судить его следует по его собственным нравственным законам, выстраданным годами ратных трудов.

Его портреты писали знаменитые живописцы. Ни один, однако, так и не разглядел его до конца. От всех портретов остается ощущение масок.

Было в этом величественно-государственном, аристократическом и вместе с тем как бы крестьянском обветренном лице что-то неуловимое, ускользающее, как улыбка Джоконды. Но и здесь отгадка проста. Черты, складывавшие и выражавшие эту незаурядную натуру, пытались осмыслить порознь и к тому же как нечто обретенное под опекой государей императоров.

А для него военная служба была не частью, пусть и счастливо найденной, его существования — была она самым образом жизни его, в

которой призвание управляло всем: силой страстей и желаний, кругом интересов, выбором целей и путей их достижения, и такая жизнь была для него естественна, как дыхание.

Дальний пращур его по отцовской линии пришел на Русь, служить великому князю Александру Невскому, в 1252 г. Имя мужа сего, «честна, и праведна, и преданна», было Гавриил, и пришел он на Русь с берегов Вислы, из той земли, которая нынче называется Пруссией. И хотя числился он из «немцев», то есть российской речи не понимающим, происходил означенный Гавриил, как еще в прошлом веке установил российский военный историк Н. Ф. Дубровин, из племени славян-прусов. Так что хоть и «из немцев», а по крови, выходит, исконный был, наш — может, голос крови и позвал его на Русь в какой-то лихой для него час?

(Говаривали одно время, совсем не шутя, что и Пруссия-то некогда По-Руссией называлась. Вот бы взяться за эту задачу лингвистам, историкам языка — да сыщешь ли их сегодня?)

Правнук того Гавриила уже прочно обосновался в российской истории под именем Федора Кутуза. От него фамилия Кутузовых и пошла. Были они, Кутузовы мужского пола, от пращуров — воины. Спин в боях врагу не казали, защиту Отечества почитали высшей доблестью и добродетелью, уважение к трудам своим тяжким солдатским принимали как должное, потому — заслужили.

И по материнской линии было кем гордиться: прабабка будущего победителя Наполеона была замужем за князем М. Ф. Пожарским, отцом Дмитрия Михайловича, спасителя Москвы в 1612 г. За подвиг тот увековечен князь на памятнике, всему миру известном, скульптора И. П. Мартоса — на Красной площади стоит, от Василия Блаженного храма в нескольких шагах.

Отец, всеми силами души почитаемый (без матери еще в младенчестве остался), генерал инженерной службы, высокой по тем временам образованности человек. А еще дядя не менее любимый рядом — адмирал Иван Логвинович, рассказами о заморском в восторг приводящий. Книжки в доме все по военным наукам, разговоры в доме — о наилучшем устройении армии. Предки, на полях брани прославленные, каждую минуту рядом незримо — уже к двенадцати (!) годам Михайла Кутузов и голову не ломал, по какой стезе жизнь направить. Не первейшая ли обязанность дворянства российского — служить отечеству военной опорой?

Так рождались династии и закладывались традиции — из уважения, почитания и любви вырастали.

Отец на личном примере добросовестности, прилежанию и ответственности учил. Дядя рассказами о диковинах заморских воображение будоражил. Годы спустя Михаил Илларионович в письме к дочери (это было, к слову, письмо из Стамбула, разговор о нем впереди) вспоминал, как заслушивался, бывало, «сказками» дядюшкиными о стране, где «мужики ходят в широких шароварах, а женщин своих держат взаперти и платками им личину укрывают». Особенно же запомнилось, что те, в шароварах, которые турками прозываются, все при ужасных усах и преогромных саблях-ятаганах, кои в любую минуту готовы в ход пустить. Очень хотелось все это повидать своими глазами, не думал, что сподобится — ан повезло...

В четырнадцать, за два года вместо положенных четырех, окончена соединенная артиллерийская школа. Успехи по всем дисциплинам отменные (так ведь не просто необходимое для избранного дела усваивал — жил всем этим, дышал!), особенно же по математике и языкам. Две эти страсти останутся на всю жизнь.

В четырнадцать лет, капралом, начинает Михаила Кутузов свою военную карьеру преподавателем в той же школе, которую окончил сам. Отмечается начальством как, безусловно, способный к этому роду деятельности. В шестнадцать лет получает прапорщика — первый свой офицерский чин. Что наши отпрыски в эти годы?

Кажется, все наперед отлажено: вот она, парадная лестница, шагай. Вот Михаил уже флигель-адъютант у петербургского и эстляндского генерал-губернатора — остро наблюдательный, он много для себя почерпнет на будущее из собственного опыта «вращения в верхах». Хотя и его самого со временем причислят к царедворцам, и он вполне умело будет держать положенный при дворе политес, все же и там будет он выбиваться из общего лощеного ряда — предпочитавший жить по собственному уму, а не по капризам властителей.

Во флигель-адъютантах, близко наблюдая чуждую его нраву придворную возню, протомился недолго. Повинуясь внутреннему побуждению (службу военную выбрал, чтобы жить, а не отбывать сроки от ордена до чина), Кутузов начинает настойчиво проситься в армию, на настоящую службу. И в августе 1762 г., получив чин капитана, семнадцатилетний Кутузов отбывает в Новую Ладогу, командиром роты в Астраханский пехотный полк. Явившись к месту теперь уже настоящей полевой службы, юный ротный представляется тоже только что назначенному командиру полка. Имя его — Александр Васильевич Суворов.

Воистину, как говаривали в старину, Бог знает, кому помогает. То, что юный Кутузов еще только искал ощупью, примеряя ситуации жиз-

ни армейской на разнообразные положения повседневной окружающей жизни, Суворову уже было ясно как день. Солдаты, офицеры — семья. Армия — дом. Командир — отец, хозяин дома, глава. А в семье, дабы держать лад и порядок, приходится быть всяким — и жестким, и уступчивым, и осмотрительным, и хитрым. Что такое тактика, если армия — это люди, а сражение, в сущности, — схватка характеров? Та же житейская хитрость, опытность, осмотрительность; в стратегии все это помножается на дальновидность. Откуда взять? Из житейского (армейского) опыта собственного и старательно изученного такого же опыта других. Юный Кутузов правильно начал; теперь, коли выбрал для себя эту жизнь, ему должно изучить ее со всем прилежанием.

Мнится, не без подсказки Суворова юный ротный с головой погружается в ее постижение.

Пушкарь он по образованию. Боевые свойства пехоты изучает под присмотром Суворова, великого его знатока. Затем восемь лет командует легкоконными полками и три года — егерским корпусом.

Достигший в конце своей пятидесятилетней военной карьеры всех мыслимых высот, он был обласкан при дворе трех императоров (пережив пятерых), был сказочно богат. Но...

Восемь с лишком лет он прослужил капитаном. Пять лет — подполковником. И генерал-майора получил только на сороковом году жизни. Ровесники, выбравшие для себя путь наверх по дворцовым паркетам, получили все это раньше. Но он ведь не густых эполет домогался. Двор играл в интриги, устраивал перевороты, плодил фаворитов. Кутузов служил. Гениальность его заключалась в многогранности его военного таланта. Гениальность Суворова в том, что он умел разглядеть этот талант и помог ему развиваться.

Уходило в прошлое романтическое отрочество российской армии — время лобовых ударов и богатырских схваток в чистом поле. Военное дело все более становилось наукой, многогранной и многонаправленной. Именно два этих человека, пожалуй, впервые в России обосновали необходимость существования двух служб. Разведки — не как вспомогательной, а основной, упреждающей исход сражений, ударной силы. И контрразведки — как основного инструмента, с помощью которого можно разрушить замыслы противника задолго до того, как он начнет вводить в сражения свои регулярные части, и тем самым сохранить жизни тысяч и тысяч людей.

Заметив в Кутузове исключительное любопытство к окружающей жизни и такие же исключительные способности к языкам (Кутузов, уделяя их изучению всякую свободную минуту, знал французский, немецкий, англий-

ский, польский, шведский, турецкий и латынь), именно Суворов угадал в нем прирожденного разведчика. Разведка — это знание мира. Кутузов прекрасно разбирался во всем спектре военных и военно-инженерных наук, хорошо знал историю, международные отношения и дипломатию.

Полководец с талантом разведчика и дипломата — явление уникальное не только для России. Жизнь вскоре предоставила Кутузову возможность показать, что он может и как полководец, и как солдат невидимого фронта.

В 1768 г. началась первая из двух русско-турецких (иначе — «екатерининских») войн за овладение Крымом и выход в Черное море. Завязываются бои на реке Прут. Турки ломают стеной («тучей», заметил один очевидец). «Вверенные попечению» Кутузова части встретили турок с поразительным для обстановки спокойствием. Войска Кутузова, как писали потом военные историки, «не дрогнули под сильным огнем неприятеля, неподвижно стоя сомкнутым фронтом».

Кутузов оставался спокоен. Он знал то, чего пока не знали другие. Примерно за сутки до боевого соприкосновения на ту сторону Прута сходили посланные Кутузовым «верные люди». Находить их среди местного населения ему было нетрудно. Знание языков несет с собой знание нравов, обычаев, привычек, характеров и многих иных особенностей еще вчера незнакомых народов; если уважаешь национальные особенности, легко бывает найти нужный общий язык.

Вернувшись, верные люди доложили: наступающий на позиции Кутузова Абди-паша, «военачальник скорее храбрый, нежели предусмотрительный», форсируя Прут, утопил почти все огневые припасы. Оставшегося паше хватит едва ли на залп.

Кутузов так и сказал, выйдя перед пораженным его уверенностью строем: не бойсь, ребята, после второго выстрела скиснет Абди-паша, а уж дальше действовать — как учили! И все вышло, как он сказал. И по войскам прокатилась слава провидца.

В боях при реке Ларге Кутузов, продумывая, по обыкновению, наперед все варианты необходимых действий и их такого же необходимого обеспечения, лично допрашивает взятых в бою пленных (позже они стали именоваться по-русски образно — «языками») самых разных сословий. Допрос не допрос — так, разговор дружелюбный, перемежаемый внезапными точными вопросами о том, о сем: о жизни, о службе, о семьях, о богатстве и бедности... А в итоге получает в руки точное расположение турецкого опорного лагеря — со всеми «секретами» и засадами — на казавшемся неприступным холме. Батальон гренадер, водительствоваемый

лично Кутузовым, ворвался на холм по тайной, указанной Кутузову его разведчиками тропе, нанося противнику, как записано в реляции, «чувствительнейший» урон. Два бунчука-штандарта взяли, окончательно сломив волю к сопротивлению, а уж оружия — нескладное число.

С этого времени команда разведчиков всюду сопровождает Кутузова. Команда — несколько своих, способных к этому трудному делу, но больше — бывшие местные жители, знающие все вокруг «на прострел».

Именно эта команда помогает Кутузову справиться с крепостью Исаки: разведчики разузнают, когда к осажденным намереваются прибыть корабли с боеприпасами и подкреплением. Точный огонь безукоризненно расставленных Кутузовым батарей лишает крепость ожидаемого «сикурсу». Полторы тысячи пленных, двадцать орудий — такой на этот раз добывает Кутузов военный трофей.

Майорский чин и орден Св. Георгия IV степени — за шесть лет, прожитых в непрерывных сражениях. Подполковничьи эполеты — за бой в августе 1774 г. и тяжелое ранение под Алуштой. Ранение — «в левый висок пулею, которая вылетела близ правого глаза... на другой стороне лица».

Кутузов-строевик на время отходит в тень. Начинается время Кутузова — разведчика и дипломата. Герой крымских батальон примечен Екатериной — взбалмошная была императрица, но умела, однако ж, отличать не только фаворитов, но и полезных Отечеству людей.

Кутузов — расходы берет на себя казна — уезжает лечиться. Италия, Голландия, Англия, Германия... Его принимал со всею любезностью Фридрих Великий. Говорили о многом. Фридрих «остался поражен» познаниями российского подполковника во всех вопросах, коих касалась беседа, будь то природа войны или «философическое» обоснование необходимости мира, искусство, политика, тонкости дипломатии или государственного устройства. Его видели в студиях известных художников — и здесь он никому не показался дилетантом.

Не обходил Кутузов стороной тамошние военные академии — и здесь скоро отказались от всяких попыток втереть иностранцу очки. «Разговаривал везде с большим политесом и на языке собеседника».

И вот еще — специально для любознательных — такая деталь. Путь и время следования по Европе Кутузова удивительным образом совпали с путешествием по тем же краям еще одной примечательной, до сей поры толком, кажется, не изученной личности — наперсницы Екатерины, ее эмиссара, умнейшей женщины России княгини Е. Р. Дашковой.

Не выполняли ли оба они общую для них тайную волю императрицы — умными и опытными глазами поглядеть, что там и как в Европе, чем дышат царствующие дворы, чего хотят, какие игры заводят, к чему готовятся, так ли благодушны к России, как уверяют о том в любезных депешах? Французов вон как вдруг обеспокоили российские успехи в Причерноморье, растущее российское влияние на Балканах... Кто, как не стратег и тактик Кутузов, умеющий завлекать в сети своего обаяния, и Дашкова, женщина ума великого, острого и разностороннего, смогут ответить на эти важнейшие для России вопросы?

Известно, правда, что отношения двух Екатерин были сложны — а как разойтись на узком пространстве без высечения искр двум умным женщинам с одинаково сильными характерами и волей? Но ведь все эти то «отлучения», то новые «приближения», а вдобавок и ссылка вполне могли быть, как говорят в разведке, всего лишь легендой — дабы увести внимание от «объекта» и тем облегчить главную его работу... Лечение, или, как писано в одном из источников, «полезные для Отечества путешествия» Кутузова заканчиваются в 1777 г.

Кутузов возвращается в армию. Вновь — под командованием Суворова, теперь уже в знакомом Крыму, где Александр Васильевич занимает должность командующего всеми российскими войсками. Крым тех дней напоминал закипающий котел. Признанный формально независимым от Турции еще в 1774-м, в состав России Крым вошел только в 1783 г. В те дни будущее его было покрыто безвестностью.

Оголять Юг империи, подставляя плодородные земли янычарам, было ни в коем случае нельзя. А смешанное крымское турецко-татарское, армянское, греческое, еврейское и славянское население раздирали противоречия.

Запах пороха присутствовал в крымском воздухе постоянно. Уяснив и взвесив все это, Кутузов, с благословения наставника своего, создает и возглавляет Бугский егерский корпус. По-нынешнему тех егерей можно было бы назвать частями специального назначения. И возрождает при штабе корпуса группу разведки из особо доверенных людей. Кого относил он к этому разряду? «Люблю людей неприметных, но смысленных и к дознанию благополезных по службе вещей способных».

Вот эти-то люди постоянно и снабжали Кутузова необходимой как воздух информацией о перемещениях войск крымского хана, о причинах бунтарских настроений среди крымчаков и недовольства среди переселенцев — греков и армян. Со всею серьезностью усаживается корпусной командир за изучение турецкого языка — «дабы в переговорах с крымцами

и турками по охране побережья... все наивозможнейшие пользы извлечь». (То ли не пример для потомков?) Каждодневно обращаясь среди крымчаков, многое время проводя за беседой с татарами и турками, наезжающими из Османской империи, о быте, нравах, привычках, обычаях, а в особенности о порядках в сипахийских (иначе — тяжелоконных) и янычарских войсках, Кутузов быстро овладевает турецко-крымчацким разговорным наречием.

Затем переходит ступенью выше — к овладению турецким (османским) языком литературным, на коем совершается у противника все делопроизводство...

Все бумаги — заданные вопросы и полученные ответы, вызванные сведения, собственные выводы и предположения — аккуратно складываются в специально для того приобретенный сафьяновый зеленый портфель, с которым отныне Кутузов неразлучен. А для наилучшего овладения языком, «употребив все средства, какими располагает его натура», добивается благорасположения *башкятиба* — старшего письмоводителя двора последнего крымского хана. И... «Грамоту турецкую постигаю на живых бумагах, только вчера полученных из османской столицы».

Правда, и у башкятиба замечают то ковшик серебряный, золотом насыпанный доверху, то табакерку дивной работы... но это ведь плата за труд. И он очень усерден в учебе и уважителен, этот кривой на один глаз, полноватый в талии, но живой и отменно внимательный к местным жителям и их заботам русский бригадир.

Несомненно, что практически бескровным вхождением Крыма в состав Российской империи история обязана не только административной деятельности светлейшего князя Потемкина и подвигам Суворова, но и незаметной, где разъяснительной, а где осведомительной (стало быть, предупреждавшей нежелательные инциденты) деятельности командира корпуса егерей. «Ой, умен, ой, хитер, его никто не обманет», — так оценивал военно-дипломатические «занятия» корпусного командира Суворов...

1786 год. Канун второй (1787–1791) «екатерининской» войны. Егеря Кутузова держат границу по Бугу. Отменно налаженная служба и в особенности, как свидетельствовал документ, «основательнейшее и вполне подтвердившееся во вновь начавшейся войне знание обстановки в ближайших турецких тылах» вознаграждаются свыше «Владимиром» второй степени Большого креста.

И еще ранение — «...пуля попала в щеку и прошла насквозь в затылок». Но всего четыре месяца спустя Кутузов приступает к планомерно-

му изучению «крепчайшего из орешков» — турецкой крепости Измаил. В соответствии со специальным орденом светлейшего князя Потемкина, предписывающим Кутузову обеспечить постоянное наблюдение за всей территорией, занятой действующей турецкой армией на Дунае. Учащаются казачьи рейды по ближайшим оперативным турецким тылам.

С полной нагрузкой работает питаемая «незаметными людьми» Кутузова «летучая почта». «Незаметные люди» растекаются по Измаилу. И летят донесения: «...в Измаиле смятение в войсках противу ихнего сержанца — командующего, во время которого побито до двухсот человек, и многие потом взяты и отправлены в крепость Тулчу за Дунай».

«Ежедневно турки, которые только способ избрать могут, уходят за Дунай...» В лагере осажденных смута и дезертирство нарастают. Кутузов ждет. Под Очаковым его находит казак — двух лошадей загнал, а сам приемышом из-под Измаила.

— Ну что?

— Янычары котел опрокинули!

Вот оно.

В крепости, значит, взбунтовались «элитные» части, главная надежда обороны. Знак тому — перевернутый «ротный котел» — казан для общего плова.

Но «янычары котел опрокинули» — еще и условная фраза. В мозаику наблюдений, собранную стараниями «незаметных людей», ложится последний камешек.

— В крепости, — доложил Кутузов Суворову, — пятнадцать тысяч войска, а не тридцать пять. И янычары котел перевернули. Бог даст, осилим.

В разгар знаменитого, вошедшего во все военные учебники штурма Суворов назначает Кутузова комендантом Измаила. Первое, что делает этот знающий местные дела до тонкости человек, — берет под охрану колодцы и хлебные склады. Потом было дело при Мачине, когда Кутузов, прорвавшись из окружения, нанес сокрушительный удар по неприятельскому флангу.

— Случай представился, — по обыкновению уклончиво объяснял Кутузов свою удачу непосредственному начальнику князю Н. В. Репнину. Умолчал, что обходной маневр ему помогли сделать и направление главного удара подсказали «два коновода» из обоза разгромленного великого везира. Разведчики — люди, умеющие вовремя промолчать...

Война заканчивается Яским миром 1791 г. Отмеченный за Мачин и Измаил еще двумя «Георгиями» Кутузов вроде бы остается не у дел.

И тут императрица вспоминает: и Суворов не единожды говорил, и любимец ее Потемкин незадолго до кончины своей едва ли не слово в

слово с Суворовым молвил: негоже такую голову без дела держать; при его, Кутузова, способностях можно попробовать употребить одного и по дипломатической части. В той же Турции. Язык знает. В нравах разбирается. И при мире их видел, и в бою. Авось при своем упорстве и уме сладит с хитростью прославленной людей восточных. Случилось это в 1793 году.

...Потерпев сокрушительное поражение в войне с Россией, высший исполнительный орган при султани Селиме III — Высокая Порта — принимает решение досконально изучить политическую обстановку в дальних и окружающих странах — чтобы выработать новую «линию поведения» и начать коренные преобразования в самой Турции. Сказать по-нынешнему — турки заварили у себя перестройку.

Вчера еще закрытая для европейцев страна организует чрезвычайные дипломатические посольства в западные столицы. Их главная задача — сбор широкой международной информации. «Чтобы, — как писалось в одной турецкой инструкции, — избежать односторонней ориентации и предотвратить вмешательство держав при переговорах Высокой Порты с одной из них».

В числе первых Турция обменивалась чрезвычайными посольствами с Россией. Представлять в Турции Россию был назначен Кутузов. Послом в Россию поехал доверенный Селима, его стремянной — «кетхуда августейшего стремени» Мустафа Расых-эфенди. Ему было тогда тридцать пять лет. Кутузову — сорок восемь.

Расыху вменялось в обязанность: всемерно свидетельствовать о мирном и дружеском расположении Османского государства к России, добиваться скорейшего освобождения пленных, содействовать восстановлению торговых отношений, собрать максимум сведений о взаимоотношениях европейских держав в связи со встряхнувшей Европу французской революцией. Дипломатического опыта Расых не имел, но был человеком начитанным, любознательным и, главное, преданным Селиму.

Как свидетельствуют старые турецкие хроники, провожая своего стремянного в Россию, Селим в приватной беседе с ним наставлял Расыха так:

— Мы проиграли русским подряд две войны. Чем мы прогневили Всевышнего, что шатер русских побед стоит теперь на поле нашего поражения? Разберись там, в стране Мужикистан... И ещн. Как получается, что храбрыми воинами, сокрушившими сынов ислама, управляет женщина? Какова она, чариче (царица) Екатерина? В чем ен сила? Разберись.

Получил наставления и Кутузов. В инструкциях российскому чрезвычайному в Оттоманской империи послу, разработанных под личным наблю-

дением Екатерины, говорилось: «главная задача его посольства... сохранить мир и доброе согласие с Портою, нужные для отдохновения... в трудах и беспокойствах, империей нашей понесенных». Кроме того, Кутузов получил еще и негласное указание императрицы «склонить Диван турецкой и кого придется из особ, к султану приближенных, дабы соединиться с европейскими дворами противу Франции. И особ таких искать повсеместно».

А чтобы поездка была Кутузову в приятность, чтобы ему лучше думалось и живее работалось, в портфель его заветный сафьяновый положена была еще и «бумага», извещавшая новоиспеченного дипломата о пожаловании ему двух тысяч крепостных в Волынской губернии и должности генерал-губернатора Казанского и Вятского — с выплатой жалованья, разумеется, и немалого, в период его спецкомандировки в Стамбул.

Султан Селим III был не скуп, но беден. Обещал своему посланцу: ежели миссия его завершится успешно, получит он, Расых, в жены одну из сводных сестер Селима. Тоже, конечно, немало: родня султана — многие привилегии, но так трудно было Селиму переступить собственную гордость...

Стамбул к моменту появления в нем Кутузова был отнюдь не сонно разнеженным и тихим, каким обычно рисовали восточные города мимолетные путешественники-европейцы. В Стамбуле ключом была политическая жизнь.

Во-первых, Селим III был не таким уж записным «азиатом» — читал, хотя и не особенно афишируя это среди придворных, европейские газеты, сносно говорил по-французски; к моменту появления Кутузова вокруг султана вились политические и военные курьеры революционной Франции (шел знаменитый «девяносто третий год»), всячески стремились привлечь султана на свою сторону — чтобы силой помог разорвать кольцо враждебных революции европейских монархий.

Во-вторых, оставались нерешенными собственно русско-турецкие вопросы: захирела торговля, томились в турецком плену русские воины, желали перейти в русское подданство некоторые православные подданные султана — сербы, болгары, греки. Да и у турок еще всю саднила в памяти боль недавно понесенных от России поражений.

Кутузов взялся за всю эту гору вопросов, как всегда, обстоятельно, по каждому прежде семь раз отмерял и решал их осторожно, не стеснясь уступать там, где, чувствовал, нужны уступки, но упираясь насмерть там, где, как он считал, нельзя уступать ни сантиметра. Все время помнил (и преемникам своим завещал) о том, что любой вопрос должен решаться,

как бы трудно то ни было, ко взаимному – обязательно – интересу сторон и обоюдной же пользе.

И эта его служба была, как и прежняя, жизнью, к какой он привык, в которой чувствовал себя как рыба в воде, а потому — «Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная. Ежели ее делать, как надобно», — писал жене из Стамбула... Преуспел же он во многом уже с первых шагов потому, что тщательно, по всем правилам организовал службу наблюдения и сбора информации.

Так, после «размена» посольств в первых числах июня 1793 г. под Дубоссарами на Днестре Кутузов недалёкую, в сущности, дорогу от Днестра до Стамбула растянул на три месяца, повелев сопровождавшим его как следует глядеть по сторонам и все примечательное запоминать, и сам неустанно занимался тем же.

Добравшись до особняка посольства, российский чрезвычайный посол лишь накоротке передохнул, а сразу после вечернего намаза принял «не установленное лицо из турок, с которым... имел разговор на ихнем басурманском языке, всех прежде удалив». Информация была и впрямь наиважнейшая. Назавтра Кутузову предстояла встреча с великим везиром, и «лицо из турок» сообщило Кутузову о привычках второй персоны в империи, включая и такие «мелочи»: Ахмет-паша немного знает по-французски, чем очень гордится; терпеть не может шербету и не сидит на мягком. Надо ли говорить о том, что состоявшаяся на следующий день встреча с великим везиром прошла в обстановке полного взаимопонимания, сердечности и поразила всех исключительным взаимным политесом?

Когда же во время первой официальной аудиенции везир и сам султан Селим посетовали на то, что русское посольство двигалось в Стамбул очень уж медленно, Кутузов застонал артистически и причиной внезапного недомогания назвал те же хворобы, коими маялся и сам более молодой султан: прострел в спине и жжение в правом боку.

Разговор шел, как положено, через толмача. Но в этом месте Кутузов вступил сам и, на хорошем турецком выразив султану соболезнующее понимание, щедро поделился с ним рецептами, как и чем утишить хворобу. И опять турки не поняли, что тут сработала все та же впрок собранная Кутузовым информация, «домашние заготовки» и, конечно, профессиональное использование ситуации.

Поэт и реформатор Селим! Знать бы ему, что «Ларионыч» не двинулся в путь, пока в зеленый сафьяновый портфель не легли подробные словесные портреты придворных и «характеристические черты» самого

султана! Не знал султан и того, что более двух десятков молодых людей, составивших позже сердцевину Военно-топографического бюро, проинструктированные лично послом, тщательно снимали во время неспешного движения в Стамбул через Дунайские княжества и Европейскую Турцию планы местности, места возможных стоянок войск (вдруг да пригодится, политика дело перевертливое!) и уточняли с помощью самых разных «попутных» источников расстановку сил в окружении султана.

Нельзя было спешить Ларионычу в Стамбул потому, что надлежало ему лично оценить собранные сведения, доложить в Петербург о привычках и намерениях едущего гораздо скорее (боялся не успеть до морозов) турецкого посла.

При Расых-эфенди среди его проводников по России, рекомендованных крымскими мурзами, кстати, был отменно знакомый Кутузову, знавший и по-русски, и по-турецки человек – ну так на то она и есть служба...

Со всем вниманием, заинтересованностью и готовностью помочь любыми советами отнесся российский посол к реформаторским начинаниям султана, в том числе и в области реорганизации армии. Именно Кутузов первым сообщил в Петербург наиболее достоверные сведения о военных преобразованиях в Турции, особенно в военном судостроении. Попутно в беседах, ненавязчиво, но неотступно внедрял в сознание султана мысль о том, что Россия должна и будет иметь сильный флот на Черном море и Турции придется с этим смириться. Крым отныне для Турции, говорил Кутузов, отрезанный ломоть.

О предоставлении свободного прохода российским военным кораблям через Проливы Кутузов заговорил только однажды, и то как бы между прочим. Встретив ожесточенное сопротивление турецкого вице-адмирала Шеремет-бея, более к этой теме не возвращался, добавив только одно: будь турки и русские заодно — никто бы на Проливы не покушался.

Информация об этом моменте беседы через французского поверенного достигла Парижа, затем — Лондона.

С известной осторожностью, но автор все же допускает (представляя себе характер Кутузова и его изобретательность), что эту утечку организовал сам Ларионыч. Российским дипломатам оставалось только точно проследить за реакцией европейских правительств...

Неотступно исполняя скорректированные под свои возможности, способности и переменчивые положения текущего момента распоряжения императрицы, Кутузов постепенно, приучая турок к себе, установил кон-

такты с широким кругом придворных султана — особенно тех, кто желал прогрессивных реформ, с искусной неторопливостью просвещая их насчет российских настроений в отношении Турции и возможных в них перемен.

В очередной раз принял в посольстве целую колонию армянских купцов. «Зачем приходили — неясно, но многие уходили воодушевленные», — докладывал Селиму Шеремет-бей. Вице-адмирал не доверял Кутузову до такой степени, что на свой страх и риск учредил за ним наружное наблюдение, отмечавшее все передвижения российского посла-генерала. Кутузов, однако, быстро вычислил «топтунов». Щедрые подаяния были опущены в уныло пустовавшие кружки нескольких деревней, постоянно слонявшихся возле посольского особняка — наблюдатели исчезли. И снова «...прибегал турок Ахметка, сидели запершись, а чаю истребовали шесть чайников...»

Когда зашли в тупик переговоры по торговому тарифу и определению размеров пошлины за проход Проливов, Кутузов опять уединился с документами из зеленого сафьянового портфеля и на этот раз долго изучал список самых любимых и влиятельных жен султана Селима.

На следующий день потрясенный Стамбул увидел российского хитрована в саду, примыкавшем к гарему.

По законам ислама гарем, или харам, что означает «запретное место», вместе с примыкающим садом, зверинцем и прочим, составляющим Сераль, закрыт для взоров мужчин старше четырнадцати. Нарушителя запрета ждет суровая кара. И вдруг!

Ларионыч, конечно же, рисковал. Но вместе с тем знал, что делал. Стремительным, но галантным напором, учтивостью, красноречием, обильно сдобренным драгоценными украшениями, точно рассчитанными на личные вкусы обитательниц гарема, чрезвычайный российский посол покориł «роزاریй падишаха».

Султан-валиде, матушка Селима III, и две ее наперсницы поняли прозрачные намеки уруса на важность развития торговли с Россией. (Матерью Селима была Михри-шах, образованная и умная женщина. Дочь православного священника из Грузии, похищенная разбойниками и проданная в Сераль, она стала любимой женой, другом и советником султана Мустафы III. Владела итальянским и французским языками, французский язык Кутузова ей очень понравился. — В. III.) Приветливо ободрили затянутого в мундир и потому нещадно страдавшего от стамбульской жары чрезвычайного посла, в продолжение целого часа не поднимавшего взгляда на трех прелестнейших женщин Востока.

Как смеялся Селим, когда начальник охраны с серьезным и потерянным видом доложил ему, что русский посол был пропущен в гарем беспрепятственно, поскольку он главный евнух императрицы Екатерины!

А «достовернейший» слух о том и о подарках русской императрицы обитательницам гарема быстро пустили по городу все тот же «шустрый Ахметка» и еще два-три человека из посольского картографического бюро. Турецкая одежда очень шла к их загорелым усатым лицам, а разговорную практику где же еще и отрабатывать, как не на Капалы-Чарши — Крытом рынке Стамбула, действующем и поныне?

Автору потребовалось около двадцати лет для того, чтобы установить имена женщин, которые в обществе Михри-шах встретили в султанском саду русского посла. Одной из них была Нахш-и диль, в девичестве Эме де Ривери, любимая жена предшественника Селима III на троне султана Абдул Хамида I, мать будущего султана-реформатора Махмуда II. Бездетный из-за перенесенной в юности свинки, Селим воспитывал маленького Махмуда как родного сына. Через Нахш-и диль, симпатизировавшую ему во всех начинаниях, Селим поддерживал негласные контакты с Францией — ведь любимой кузиной Нахш-и диль была Жозефина де Богарнэ, в третьем браке Бонапарт...

Второй собеседницей Кутузова была родная сестра Селима III Хадиджа-ханум, блестяще образованная женщина, говорившая на европейских языках, принимавшая у себя жен европейских дипломатов. Хадиджа-ханум пользовалась полным доверием Селима. В сафьяновом портфельчике Кутузова отложилось: Хадиджа-ханум «под именем и в облике армянки» часто бывает в приморских городах Европы. Зачем? Чьи поручения она там выполняла? Об этом особый разговор. Для нас важно другое: все три розы в «Гюльшен-и хулефа», «цветнике халифов», были компетентны в вопросах, которые обсуждали с Кутузовым, и абсолютно не случайно «учинили променад в подходящее время и в надлежащем месте». Правда, на людях Кутузов настаивал, что все вышло случайно.

Торговые вопросы с Турцией решились в неделю. Связывать судьбу Турции с взбодораженной Францией султан передумал. По случаю невиданной в османской истории беседы иностранного посла с обитательницами гарема Селим вручил Кутузову для передачи Екатерине богато изукрашенный набор для верховой езды — седло и сбрую. Полюбоваться ими читатели смогут, оказавшись в Оружейной палате.

...Мог ли не искушенный в российских дворцовых порядках турецкий посол Мустафа Расых-эфенди сравниться с Кутузовым в трудолюбии?

Окруженный бесконечной чередой военных смотров, парадов, разводов караула, потрясенный прелестью обнаженных плеч российских красавиц, Мустафа Расых-эфенди посылал домой с каждым разом все более короткие депеши. Потом и вовсе умолк на два месяца, увезенный императрицей весной 1794 г. в увеселительную поездку по случаю масленицы. При этом посол утратил контроль над своим штатом настолько, что Екатерина II, отнюдь не ханжа, вынуждена была написать гневное письмо канцлеру А. А. Безбородко: надлежит принять самые срочные меры к тому, чтобы турецкий посол «запретил своим людям шалить в доме князя Вяземского (резиденция посольства. — *В. III.*) так, как они шалили на Москве в доме князя Волконского (место временной остановки посольства. — *В. III.*), где перерезали все фамильные портреты и бюст князя Михаила Николаевича разбили. А если шалить станут — выслать без церемоний».

В конце концов порядок наладился. Расых получил указание султана считать основные вопросы подлежащими разрешению в Стамбуле. При отъезде императрица одарила посла богатыми подарками, и расстался он с Петербургом с явным сожалением, хотя другом России так и не стал.

Мирные отношения в Причерноморье остались в сохранности и, больше того, упрочились. В 1799 г. был заключен первый российско-турецкий военный договор. Русские военные корабли впервые прошли через Черноморские проливы.

Кутузов при сем уже не присутствовал, вникая в тонкости скандинавских дипломатических интриг. Но сведения о Турции, собранные им, не только сослужили добрую службу его преемнику на посольском посту в Стамбуле В. П. Кочубею, но и весьмагодились при заключении Бухарестского мира в 1812 г., за тридцать семь дней до нашествия Наполеона. Бухарестский мир — подписание мирного договора с Турцией — стал вершиной дипломатической деятельности будущего героя Бородино.

Селим III не раз, как свидетельствует турецкий историк, тепло вспоминал Кутузов-пашу. И Кутузов считал время, проведенное в Стамбуле, счастливейшим в своей жизни.

М. И. Кутузов навечно вошел в мировую историю как один из величайших полководцев. Кто знает, как бы повернулась история, может, не только России, стань он профессиональным разведчиком — задатки к этой работе, и немалые, у «Ларионыча» были...

Гласный соглядатай турецкого султана при дворе русской царицы, или Как русские красавицы отвлекли турецкого офицера от выполнения его долга

«Мы не всегда воюем, но торговали — всегда. Поезжай, мой эфенди, и разберись, что выгодно Высокой Порте, а что надо им, москвитам». Так, довольно обыденно для наших прагматических дней, но поразительно для 1793 г. напутствовал своего чрезвычайного посла в Петербурге султан Селим III (правил в 1789–1807).

Пару лет назад Яским мирным договором, стоившим жизни его творцу светлейшему (в смысле не только титула, но и ума и дальновидности) князю Г. А. Потемкину, завершилась очередная русско-турецкая война (1787–1791). Петербург и Стамбул изнемогли до крайности, а тут еще из Франции приходили известия, и всемогущую Екатерину II, и едва удерживавшего трон Селима III напугавшие до необходимости посоветоваться.

В Стамбул Екатерина направила великого знатока Востока, свободно говорившего (и немного писавшего) по-турецки, героя двух войн с турками — М. И. Кутузова. «Ой, умен, ой, хитер, — говаривал о нем его учитель А. В. Суворов. — Никто его не обманет». Поехать в Стамбул к туркам и разузнать все о реформах и торговле, вызволить русских пленных, уразуметь, будут ли османы сражаться «со старыми своими друзьями французами», — такие задачи поставила императрица наводившему страх на османов «Кутуз-паше». В обмен ждали «лицо высокое и доверенное».

Так и получилось. Султан чрезвычайно радушно принял Кутузова, а в далекий Петербург отправил своего стремянного, 35-летнего красавца и храбреца, отважно воевавшего с русскими, Мустафу Расыха-эфенди.

Надо сказать, что Кутузов от деликатной миссии долго отнекивался: дескать, стар (47 лет), хвор, немощен (две раны в голову перенес), где Стамбул-Царьград, а где его подагра... Не вышло. Матушка-императрица решений не меняла. Мустафа Расых-эфенди в дорогу собрался живо и не без удовольствия. Дело в том, что посольства Османской империи в Петербурге, начиная со времен Петра I, были нередки (1722, 1740–1742, 1755, 1758). Послы при этом бывали «обласканы соразмерно и надлежаще».

Дорогу, по которой надлежало ехать в чужие страны, послы тех времен определяли себе, как правило, «по собственному разумению». Кутузов и Мустафа Расых-эфенди встретились в первых числах июня 1793 г. под городом Дубоссары на Днестре. Оттуда Кутузов, охая и вздыхая, но при том зорко озирая возможные пути наступления на Стамбул, медленно двинулся к турецкой столице.

Молодцеватый турецкий посол с ветерком промчался через Юг России, а вот под Тулой придержал коней. Его вмиг стали интересовать природа, люди, их быт, занятия. Словом, все. Особенно то, что касалось тульских оружейных мастерских, объемов производства, новых видов оружия. Подаренное ему ружье с новым образцом ударно-спускового механизма уже через 11 дней оказалось в руках султана. Оно и сейчас украшает одну из витрин стамбульского дворца-музея Топкапы.

Любопытному и, как оказалось, весьма начитанному султанскому стремянному было чрезвычайно интересно узнать, как долго шли отряды Ивана Болотникова на Москву, как передвигались войска обоих Лжедмитриев, I и II-го, в районе Москвы в эпоху Смутного времени и польско-шведского вторжения в начале XVII в.

Потрясением для посла стали сведения, что из Москвы до самого Петербурга можно добраться по рекам — через Вышневолоцкую речную систему и Ново-Ладожский канал. Причем пройдут там не только легкие кораблики, но и грузовые суда! Он немедленно вознамерился погрузить на таковые свое посольство (около сотни человек, да еще лошади, багаж, драгоценные и весьма объемные подарки...), однако ему деликатно, но твердо напомнили:

— Государыня-императрица ждут!

Посол с очевидным сожалением сообщил Селиму III, что москвиты хранят тайны своих водных путей, как османы — свои гаремы.

По приезду в Петербург Расых-эфенди окунулся в пьянящую атмосферу блестящего двора Екатерины II. Посол деятельно наносил визиты

русским военачальникам, охотно принимал приглашения ознакомиться с учениями, строевой и огневой подготовкой войск, расквартированных в окрестностях столицы. Он был любезен в общении, щедр на подарки — дорогие сабли, кинжалы-ханчеры и подарочного исполнения ятаганы, «изделия для курения табака», как правило, в золоте и драгоценных камнях, не задерживались в сундуках («сандыках», если по-турецки) посла.

В камер-фурьерских записях, где фиксировался каждый шаг царствующей особы, появились отметки о том, что османский посол беседовал с государыней почти приватно, в малом кругу, и... по-французски. Восхищенное общество на рождественских вечерах и на гуляньях масленичной недели 1794 г. отмечало отменную учтивость, «совершенный политес и бойкий до смелости французский выговор босфорского, страшно выговорить, янычара».

В отношении Мустафы Расых достоверно известно, что в янычарском корпусе он никогда не служил, происходил из вполне известной и уважаемой служилой военной знати. С ранней юности был в окружении будущего османского владыки — наследника престола, шахзаде Селима III. По инициативе матери Селима, образованной и дальновидной Михри-шах (по происхождению дочери грузинского священника), не раз выезжал во Францию. Сопровождал (и охранял) другого наперсника шахзаде, Исхак-бея, приемного сына маркиза де Верженна, посла Франции в Стамбуле и затем министра иностранных дел Людовика XVI незадолго до революции. Так что деликатности манер и галантности обращения нашему «*petit yanissar*» («маленькому янычару» ростом за 180 см!) было не занимать.

Правда, два обстоятельства задевали мужчин и заставляли дам обиженно надувать губки. Мустафа-бей категорически отказывался принять чарку русской водки — даже после участия в смотрах и маневрах на жутких морозах зимы 1793–1794 гг. — и не танцевал. Зато, как записала в своем дневнике одна петербургская прелестница, «дышал почти в самое декольте жарко, а глазом своим черным едва не...». Дальше текст оборван.

Глаза Мустафы Расых-эфенди действительно имел острые. И когда стало известно, что поездки в полковые квартиры, в цейхгаузы и на литейные пушечные дворы занимают посла «сверх меры и приличности», Екатерина II улыбнулась с пониманием:

— Развлеките молодца.

С достоверностью восстановить калейдоскоп балов, маскарадов и прочих увеселений той зимы не представляется возможным. Донесения в Стамбул, которые и поныне хранятся в Госархиве Турецкой респуб-

ки (они лишь частично опубликованы), становились все реже и короче. Описания Адмиралтейской верфи, Кронштадта, Шлиссельбурга и петербургских рейдов, столь пространные и точные в первые месяцы посольства, к лету исчезают полностью.

Кунсткамера, раритеты Эрмитажа, Невская перспектива, высокие по стамбульским меркам и ровно выстроенные дома Петербурга, его правильное строение, где каждый знает, куда идти следует, чтобы скорее прийти (последнее Мустафу радовало до крайности, ибо Стамбул не знал ни названий улиц, ни нумерации домов) — вот на что удалось переключить внимание излишне любознательного османского посла. Он также получил подробные сведения о реформах Петра I в устройстве регулярной армии и органов государственного управления. Отдельная записка была посвящена делению России на губернии и службе генерал-прокурора.

Любопытно, что Мустафа Расых с большим одобрением писал о петровской практике возвышать людей по способностям и усердию вне происхождения. В судьбах крещеного еврея Павла Шафирова (вице-канцлера и дипломата, барона), мелкого уличного торговца Александра Меншикова, вознесенного титулом светлейшего князя, как правильно оценил Мустафа Расых, «на шестое небо», турецкий посол усматривал сходность с османскими порядками. Примечательно также, что привычное для османов прозвище Петра I «дели Петро» («отчаянный, безумный Петр» — вспомните пушкинское: «делибаш уже на пике...») в бумагах этой поры не употребляется. Более того, следует отметить, что традиция турецких историков сравнивать серию реформ Селима III и его преемника Махмуда II с реформами петровскими вполне прослеживается от подробных и благожелательных донесений Мустафы Расыха.

Не обходилось без курьезов. Если не по-европейски образованный, то, по крайней мере, повидавший Европу, Мустафа Расых так и не уразумел две вещи. Во-первых, как решаются урусы своих жен и дочерей с голыми плечами и прочими прелестями на всеобщее обозрение, называемое балом, преспокойно выставлять, а после, о ужас! домой пускать? И другое — почему, выпив жгучей белой жидкости, известной от арабов халифата под названием «ал-когол», или «простого вина», урусу положено громко кричать на манер птицы утки, в озерах близ Петербурга многочисленной?.. Давно я, о читатель, над османскими и русскими архивными документами работаю, но ответа на второй вопрос посла так и не отыскал...

Из Стамбула Мустафа Расых получал инструкции и краткую информацию о деятельности его партнера по обмену посольствами — Куруз-

паши. Дела у Кутузова шли, как всегда, более чем успокоительно. Он даже умудрился посетить султанский гарем, представившись главным евнухом царицы Екатерины... Впрочем, это уже другая история...

По-видимому, бойкие красавицы из окружения императрицы увлекли-таки нашего «янычара» в «блажь увеселительную». По весне-лету 1794 г. он на какое-то время даже утратил контроль за своим штатом, начавшим «нарушать порядок благочиния». В поведении людей из окружения посла появились такие отклонения, что императрица, сама отнюдь не ханжа, направила канцлеру князю А. А. Безбородко гневное письмо. Она потребовала, чтобы османский посол «...запретил своим людям шалить в доме князя Вяземского [резиденция посла. — *В. III.*] так, как они уже шалили на Москве в доме князя Волконского, где перерезали фамильные портреты и бюст князя Михаила Николаевича разбили. А если и впредь шалить будут, выслать без церемоний!»

Мустафа Расых некоторые меры принял, дела успешно шли к завершению. Селим III и Екатерина II обменялись комплиментарными посланиями. Таковые хранятся в архиве, а султанский дар императрице — драгоценный набор для верховой езды, седло и сбрую в мерцании старого золота, рубинов и изумрудов — вы, читатель, можете и сейчас увидеть в Оружейной палате Московского Кремля.

К исходу 1794 г. Мустафа Расых покинул Петербург, «отмеченный знатными подарками чариче Катерины». Штат его посольства неожиданно увеличился — на двух младенцев мужского пола. Позже они воспитывались в стамбульском доме Мустафы Расыха вместе с другими его сыновьями. Судьба их известна. Дети Петербурга стали выдающимися «мужами меча» Стамбула.

А еще был в Петербурге посол турецкий, так тот из Императорской Публичной библиотеки не выходил. К тому же стал победителем объявленного петербургскими дамами конкурса на «самые красивые усы»... Впрочем, как сказала Шехерезада, это сказка уже следующей ночи...

«Россиянка» — тайный эмиссар императрицы

«Россиянка» — так подписывала свои труды княгиня Екатерина Романовна Дашкова, блестяще образованный человек, писательница и педагог, натуралист, филолог и композитор... Все эти дарования щедро воплотились в одной женщине, сумевшей стать, наравне с коронованными особами, — Елизаветой Петровной и Екатериной II — символом России эпохи Просвещения, когда необычайно высоко ценились тайная дипломатия и политическая разведка.

Она родилась и воспитывалась в старинной дворянской семье Воронцовых, известной с XI века. Представители этой семьи дали России в XVIII и XIX вв. много выдающихся государственных деятелей. Екатерина II как-то заметила о Воронцовых, которых недолюбливала: «Мой Бог, как они все горды и упрямы, но как полезны Отечеству!»

Действительно, отец и дядя Екатерины Романовны Дашковой занимали первые места в воинской службе и в определении внешней политики России в середине XVIII в. Любимый старший брат Александр Романович Воронцов был другом и, видимо, спасителем первого диссидента России А. Н. Радищева. Дипломат и военный, он, кроме того, более двадцати лет возглавлял российскую Коммерц-Коллегию, ведавшую внутренней и внешней торговлей страны, а в 1802–1804 гг., когда вся Европа была готова сорваться в бездну очередной войны против наполеоновской Франции, он направлял внешнюю политику России и сумел удержать свою страну в стороне от разгоравшегося конфликта.

Когда ей не исполнилось и шестнадцати лет, она вышла замуж за красавца лейб-кирасира, Рюриковича в семнадцатом колене, князя Михаила Дашкова. И сделала это так, как поступала всю жизнь, — решительно, изящно, но достаточно жестко.

...Однажды молодой князь, наслышанный о добровольном затворничестве Екатерины Воронцовой, позволил себе в общении с ней несколько более любезностей, чем полагалось по этикету. Она позвала своего дядю, вице-канцлера: «Дядюшка, князь Дашков делает мне честь, просит моей руки». Гвардеец ступшевался, но возразить первому сановнику империи не посмел...

Судя по всему, брак оказался счастливым, но длился он недолго. В 21 год она уже вдова с двумя детьми. И, кажется, в ее жизни больше не было мужчин. Рождение двоих детей она считала, как всякая любящая мать, важнейшими событиями своей жизни. Но все же самыми славными и лучезарными стали для нее дни и белые ночи Петербурга 27–28 июня (9–10 июля) 1762 г. Она провела их в седле и в карете, рядом со своей подругой и кумиром — будущей царицей Екатериной II. Они были долгое время настолько неразлучны, что в свете их за глаза называли Екатерина «большая» и Екатерина «малая». А в эти два дня и две ночи, когда решалась судьба трона России, обе они были облачены в мундиры Преображенского полка. И впереди Екатерина Дашкова — со шпагой в руке, готовая победить или умереть. Вместе со своим мужем — «милым Мишей» и с братьями Орловыми она сыграла решающую роль в подготовке и организации переворота, поставившего во главе России Екатерину II.

Впервые они встретились, когда Екатерине «маленькой», тогда еще Воронцовой, было пятнадцать лет, Екатерине «большой» — двадцать семь, на празднике по случаю Рождества, который решила посетить будущая правительница России, а в это время — несчастная, отвергнутая мужем, наследником престола: Петр Федорович ни от кого не скрывал намерения «сменить свою немецкую ледышку на русскую пышку» — на старшую сестру Кати Воронцовой, Елизавету Романовну.

Все произошло довольно артистично, Екатерина Алексеевна уронила веер. Быстрая, грациозная Катя подхватила его и подала в глубоком поклоне. Так кланяются не отвергнутой жене наследника, а императрице. Глаза двух женщин встретились. Они улыбнулись друг другу... До самой смерти Екатерины II продолжалась дружба двух замечательных женщин России, хотя временами она прерывалась взаимным охлаждением.

Муж Екатерины Романовны, князь Дашков, скоропостижно скончался на тридцать втором году жизни. И с тех пор все ее чаяния сосредоточились на детях. Все семейство Воронцовых отличалось устойчивым интересом к британской конституционной монархии, к вековым традициям парламентаризма, к чисто английскому предпринимательству. Дашкова не только восхищалась всем этим, но и пыталась реализовать по крайней

мере некоторые британские достижения на российской почве. И старший сын, лицом и статью — вылитый отец, служил ей первейшим объектом для применения новых принципов воспитания и обучения.

После долгого раздумья она решает, что мальчик ее получит домашнее воспитание — у нее под рукой, а образование — в Великобритании, в Эдинбурге. Шотландия не раз посылала в Россию своих лучших сыновей. В Лондоне, Оксфорде, Кембридже слишком много светских соблазнов. А в провинциальном Эдинбурге ничего подобного нет... Да и стоимость обучения и проживания в Шотландии почти вчетверо дешевле... В 1770 г. Дашкова выехала в Европу.

Свой отъезд она описала так: «Скромное черное платье, такая же шаль и самая простая прическа скрывали меня от любопытных глаз...» Облик безутешной вдовы и настойчивый слух о том, что целых пять лет (!) императрица не отпускала ее от себя, больше привлекали внимание, чем помогали поддерживать элегантное инкогнито. К чему бы это?

Попасть в Англию удобнее морем. Дорога эта хорошо известна и российским, и британским капитанам еще со времен Ивана Грозного. Однако у Дашковой путь иной: задачи другие. Впереди Берлин — владение прусского короля Фридриха II.

Остановившись в Данциге, тихая вдова замечает в гостинице картину с изображением эпизода из недавней Семилетней войны, где прусские солдаты одолевают русских. Однако к утру цвета мундиров перекрашены. Теперь картина переменялась — победа явно на стороне русских. А Дашкова с первой зарей уже мчалась в экипаже.

Статс-дама «шалила» и в Ганновере. Отправившись со своей компаньонкой в оперу в одеждах немецких дам, она сумела сообщить принцу Мекленбургскому через его адъютанта курьезную вещь, что она и ее подруга — оперные певица и танцовщица, едут издалека и подыскивают себе место...

Эпатаж, игривость молодой вдовы? В немецких землях должны были легко догадаться, кто это так старательно скрывается под вуалью и посещает главные политические центры Европы. В Берлине король Пруссии — гроза Европы — принял ее, как она писала, немедленно, едва ли не в дорожном платье. Они говорили долго. Король теперь знает о ближайших планах России — это выход к Черному морю и долгая вялая война с Турцией (1768–1774), затрагивающая интересы только двух сторон. Фридрих II понял намек, что если Пруссия не вмешается в спор России и Турции, то о разделе польских земель Берлин и Петербург сумеют договориться полюбовно.

После долгого путешествия по Европе Дашкова прибыла в Лондон. Здесь предпринятые ею поездки далеки от привычных маршрутов, которыми пользуются даже самые любопытствующие путешественники по Великобритании. В первую очередь в поле зрения Дашковой — извечные полуваги Англии: Шотландия и Ирландия.

Везде княгиня ведет неспешные, уважительные беседы с высшим католическим и англиканским клиром — об уважении Екатерины II к разным христианским толкам в России, об интересе к культуре и языкам всей Великобритании, а не только собственно Англии. Она подчеркивает, что потомки древней династии шотландских королей — Брюсы уже второй век служат России верой и правдой. Дашкова ненароком поясняет: Россия тоже расширяет свои владения, в нее входят и иные народы, иные верования. Императрица Екатерина всем находит доброе слово...

К ее словам в Англии и подвластных ей землях прислушивались особенно внимательно: многие понимали, что именно из-за неумения министров Георга III учитывать особенности развития британских колоний самая драгоценная из них, Америка, откололась от метрополии, там полыхает война, которая, оказывается, небезразлична и России...

Только вскользь, между делом, Дашкова заметит, что сейчас Россия занята на Востоке сугубо «собственным делом», выяснением отношений с Турцией. Деликатный намек будет принят во внимание. Пока главным соперником России на Востоке остается Франция. Англии не до этого, она слишком занята войной против Америки. Но это пока. К концу правления Екатерины ситуация резко изменится, и Англия попытается поднять против России половину Европы. Но это будут уже времена «Очакова и покоренья Крыма».

В Великобритании Дашкова отлично знала, с кем необходимо встретиться, кто имеет реальное влияние при дворе, а с кем общаться не стоит, чтобы не утратить благожелательное отношение высших чинов Британской империи. Раньше ее старший брат граф Александр Романович Воронцов был полномочным представителем России в Лондоне.

В отличие от него, его младшая сестра Екатерина Романовна прибыла в Британию как частное лицо и беседы вела сугубо приватные, вроде бы ни к чему не обязывающие, но для России чрезвычайно полезные.

Оставив сына в Эдинбургском университете, Дашкова возвращается на континент. Ее ждет Париж, замечательные встречи с великими вольнодумцами-энциклопедистами. Ближе всего ей по духу оказался Дени Дидро. Ему уже под шестьдесят, но он сохранил всю живость ума и общительность, которыми славился еще в юности. Двадцатисемилетняя Дашкова

очаровала его. Позже он писал: «Я провел с ней — это было в декабре 1770 г. — четыре вечера, от пяти часов до полуночи, имел честь обедать и ужинать. Княгиня Дашкова — русская душой и телом...»

Дидро нарисовал и полный портрет Екатерины Романовны: «Невысокая, с открытым высоким лбом и пухлыми щеками, глубоко сидящими глазами, не большими и не маленькими, с черными бровями и волосами, несколько крупным носом, чувственным крупным ртом, крутой и прямой шеей, высокой грудью... В движениях ее много живости, но нет грации, обычной для придворных дам».

Все заметил легендарный сердцеед Европы. Все, что касалось внешности. Но он, кажется, не уловил, что его собеседница осторожно уходит от обсуждения со старым вольнодумцем вопросов религии. Разговоры между ними больше касались проблем устройства государственных учреждений, крепостного права; особенно много говорили о парламентаризме. Потом Дашкова перевела тему беседы на ходивший в списках в парижских салонах труд очевидца воцарения Екатерины II — секретаря французского посольства в Петербурге К. К. Рюльера «История, или анекдоты о русской революции 1762 года».

Можно себе представить реакцию самой Екатерины, прочитавшей один из этих списков, доставленный ей разведкой прямым из Парижа в 1769 году!

Мелодичная речь молодой женщины, ее грудной низкий голос, исполнявший романсы и песни собственного сочинения под клавесин...

«Что за женщина! — томился Дидро. — Такая ароматная, такая чувственная... и такая умница!» Так вспоминал он позже о своей гостье. И вот уже Дени Дидро торопливо записывает под ее диктовку «Подлинные, из уст княгини Дашковой» рассказы о событиях 1762 г. На основе этих записей он составляет «Опровержение “Истории...” господина Рюльера».

Дени Дидро хорошо знают во всей Европе. Его слово — закон для любого, кто берет в руки перо и бумагу. Дидро быстро добывается того, чтобы сочинение Рюльера не было опубликовано в виде книги. Действительно, «История...» будет напечатана только в 1797 г. — после смерти Екатерины, когда большинства из участников тех бурных дней уже не будет в живых, а после революционной бури во Франции, после войны, захватившей не только Европу, но и Азию, Америку, Африку, вообще мало кто будет заинтересован тем, что же происходило в Петербурге и Петергофе в уже столь далекие дни, тридцать пять лет назад...

Вечера, проведенные Дашковой в обществе мудрого старика, не прошли даром: воля Екатерины «большой» была выполнена. А кое-какие заметки из тех, что были надиктованы и перебелены в доме Дидро, позже лягут в основу будущих «Записок княгини Дашковой»...

К чему теперь встречи с самым Рюльером, который сутками караулит выезд княгини, через Дидро молит своего кумира о встрече, о нескольких минутах, чтобы уточнить что-то там в «Истории...»

— Он утомителен в своем рвении, — небрежно бросает Дашкова. — Не принимать.

Дидро машет рукой:

— Скажите ему, что я поговорю с ним позже, а княгиня больна...

Позже Дидро, несколько остынув от первых впечатлений и первых восторгов, запишет: «Она не говорит всего, что думает, но то, о чем говорит, излагает просто, сильно и убедительно...»

Огромный интерес Дидро к России, стране, породившей, по его собственным словам, «такое чудо, как княгиня Дашкова», привел его в 1773 году в Петербург. Впрочем, в столице Дашковой не оказалось. Там его встречала сама Екатерина «большая», очаровавшая философа своими «поисками» просвещенной монархии. А княгине Дашковой императрица еще до приезда Дидро велела удалиться в Москву. Свои романы, даже сугубо научные, а точнее — научно-политические, Екатерина разыгрывала без посредниц.

Впрочем, все это будет позже.

А пока снова дорога. В Женеве Дашкова встречается с самим Вольтером. Ему уже 76 лет. По отношению к своей посетительнице он комплиментарен и даже лстив. Дашкова отмечает неестественность такого поведения: «Пресловутая французская вежливость, — пишет она, — у него не исходит от сердца».

Вольтер же заметил, что он еще интересен Дашковой, а значит — и коронованной особе в Петербурге. Его переписка с Екатериной продолжается, она даже оживает за счет новых впечатлений — от Дашковой.

У самой Дашковой, должно быть, тоже отлегло от сердца — Вольтер постоянно держит портрет Екатерины перед глазами; судя по всему, он не будет опасно злословным. Этого нельзя допустить в европейском общественном мнении. Язык Вольтера заставлял шататься короны.

Но сейчас причин для беспокойства нет. Вольтер пока с ними — с обеими Екатеринами.

Из Женевы Дашкова едет в Дрезден, потом снова в Берлин... Два года поездок по Европе. Наконец-то все поручения выполнены, и Дашкова,

отменно обласканная и щедро вознагражденная 60 тысячами рублей из личных средств императрицы, возвращается в Россию. Сначала она живет в Петербурге, затем в Москве и под Москвой, в своем изумительном имении Троицкое. Все больше и больше отдаляется она от столицы, от двора. Милость монархов изменчива. Ее кумир, ее императрица была к ней не просто холодна. Много хуже. Она сердилась и подозревала княгиню во всех грехах. И особенно попрекала ее за доносительство.

Однако в личных письмах к Дашковой царица пока сохраняет любезность. Эту двойственность их взаимоотношений подметил пытливый мальчик — старший внук императрицы, будущий русский царь Александр Павлович. В 1795 году он с величайшим уважением к Екатерине Романовне сказал:

— Несмотря на недостатки княгини Дашковой, — да и кто их не имеет! — это честная и добродетельная личность...

Находясь в своего рода полуссылке, Дашкова обрела неожиданную моральную поддержку от всесильного и мудрейшего князя Григория Александровича Потемкина. Светлейший мало о ком отзывался с такой трогательной уважительностью, как о Дашковой. Он похлопотал и о том, чтобы состоялась вторая долгая поездка княгини Дашковой в Европу.

Ее сын отлично учился и в 1779 году с блеском окончил Эдинбургский университет, став первым русским, получившим там степень магистра искусств после защиты диссертации по философским основам искусства трагедии. В 1781 году он был избран членом британского Королевского общества, находившегося под высочайшим покровительством британской Академии наук. По этому случаю 17-летний молодой князь и его матушка были приняты королем Георгом III.

Нет, Павел Дашков отнюдь не был так «прост», как ядовито заметила о нем Екатерина II. Слишком уж сын Екатерины Дашковой, унаследовавший красоту и силу отца и способности матери, отличался от ее собственного сына — Павла Петровича. К тому же молодой Дашков и его мать, поддержанные Потемкиным, с негодованием отвергли малопрстойное предложение Григория Орлова приблизить («и очень-очень приблизить!») красавца и умницу Павла Дашкова к императрице... Об этом недоброжелатели не преминули, соответственно подав дело, сообщить императрице. Этого монархи тоже не прощают. П. М. Дашков стал генералом, но «большого ходу не имел, несмотря на свои дерзания».

Неудачный, с точки зрения матери, брак, он обвенчался с дочерью купца, заставил вспылчивую и очень гордившуюся чистотой своей крови

княгиню Дашкову порвать все отношения с сыном, в котором она теперь полностью разочаровалась.

Конец 1770-х – начало 1780-х годов. Княгиня Дашкова в центре всех крупных научных дискуссий в европейских университетах, при этом она особо интересуется организацией научной деятельности. На сей раз она не чуждается проявлений открытого преклонения. Сам великий Гудон отливает ее бронзовый бюст и ставит на обозрение рядом с бюстами Вольтера и Бенджамина Франклина.

Во время очередного визита во Францию Екатерине Романовне «оказалось скушным» прибыть в Версаль. Королеву Марию-Антуанетту она принимает у себя по-домашнему. Музицировали вместе, пили чай и ничем не осложнили отношений между Францией и Англией, чем был бы чреват формальный визит первой статс-дамы России ко французскому двору.

Как бы Дашкова ни отмахивалась от намеков, что она «дипломат из первых в Европе», по ее собственному выражению, «душе ее было вполне покойно располагаться между Наукой, Искусством и Политикой».

1781 год. Дашкова в Вене. Конечно же, только для осмотра знаменитой картинной галереи и императорского музея. Весьма удачно, как всегда, как-то само по себе, чисто случайно ее приглашает на беседу премьер-министр Австрии граф В. А. Кауниц. Ему она приватно, но подробно излагает понимание «Греческого проекта» Екатерины и путей сотрудничества Австрии и России в возможном воссоздании на развалинах Османской империи самостоятельных греческого и славянского государств — наследников Византийской империи. Затронуты и вопросы взаимодействия Российской и Австрийской империй в делах культуры и торговли.

На сей раз ей не пришлось петь романсы. Все было просто, достойно и очень весомо. И главное — к очевидной пользе и для ее Отечества, и для императрицы, и для нее лично... Награды за второй европейский вояж были весомы: имение Круглое, дома в Петербурге и в Москве, чин капитана гвардии для сына, а главное — «просите, мой друг, что Вам угодно...»

Она не просит ничего. И получает — не назначение, а августейшую просьбу. Стать директором Академии наук в Петербурге.

Две Екатерины окончательно договорились обо всем как раз на Рождество, конце декабря (старого стиля) 1782 г. Были выделены средства от казны на покупку для директора пристойного особняка на Английской набережной, дом 16. Деликатность ситуации заключалась в том, что формально президентом Императорской Академии наук в 1746–1798 гг. был Кирилл Разумовский, «по совместительству» — гетман Малороссии и

генерал-фельдмаршал. Он возглавил Академию, созданную еще Петром I, в возрасте 18 лет лишь потому, что был родным братом тайного супруга императрицы Елизаветы Петровны — Алексея Разумовского. Академическая мантия была явно не по плечу бывшему пастуху. «Прискучив учеными делами», он довел Академию до состояния «совершенно развалившегося воза», как горестно заметила Екатерина Романовна, принимая дела по Академии.

Кандидатура императрицей была подобрана идеально. Трудно было бы найти и в европейских, и в русских научных кругах личность более просвещенную и высокоавторитетную.

Пробил звездный час Екатерины Дашковой. Первые самостоятельные научные идеи сформировались у Екатерины Романовны во время ее поездки по Европе.

«Невежество и деспотизм суть главные наши супостаты, коих преодолеть нужно через науку, — писала она. — А еще надо изжить две российские беды: говорить “как-нибудь обойдется” и употреблять кнут как пружину государства...»

За 11 лет своего фактически полного руководства Академией Дашкова буквально возродила ее на принципах единства науки и образования, подготовки кадров. Типография, дабы печатать труды академиков, создание условий, «ограждение их от тщетных забот о ежедневном пропитании, кои иссушают мозг и холодят душу», — в этом Дашкова увидела свой долг перед российской наукой и выполняла его с присущей ей последовательностью. Буквально на глазах возродилась к жизни Императорская Академия наук.

Были изданы труды М. В. Ломоносова. Ее попечением выходят два периодических издания, публикуются карты России, описания российских провинций. Цвет русской интеллигенции собрала вокруг себя Дашкова в Российской Академии — Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, М. И. Херасков, Я. Б. Княжнин. В XIX в. членами Российской Академии станут И. А. Крылов, В. А. Вяземский, А. С. Пушкин и другие светочи Отечества.

«Доблестный начальник», «покровительница муз», она, вероятно, первая в России осознала важность объединения естественных и государственных наук как в самом начале — при гимназическом образовании молодежи, так и «поощрение наук, когда оные станут предметом деяний ученых мужей».

Член Филадельфийского философского общества, рекомендованная туда самим Бенджаминотом Франклином, и деятельный сотрудник Вольного

российского научного собрания, Дашкова много работает сама — переводит, сочиняет, редактирует. История, словесность, воспитание юношества... и венец ее организаторской и научной деятельности — Словарь Академии Российской.

Дашкова проводит свои идеи в жизнь с твердостью, мало импониравшей Екатерине, которой в ту пору всюду мерещились вперемешку Пугачев, якобинцы, Франклин... В конце 1791 г. скончался Г. А. Потемкин. Дашкова утратила стойкого сторонника своих действий. Очередное охлаждение в дружбе двух Екатериин было неизбежным.

14 августа 1794 г. Дашкова простилась с членами Российской Академии и академиками Петербургской Академии, поцеловав каждого. Она уезжала в двухгодичный отпуск. Оказалось — в отставку.

С приходом к власти Павла I Екатерина Романовна была удалена в ссылку, в новгородское захолустье. Томила, диктовала и правила свои «Записки». Просила разрешения вернуться в любую из столиц. Ее конфидененты при дворе положили одно из таких прошений под распашонку младенцу Николаю, будущему императору Николаю I.

Павел Петрович взял сына на руки, письмо выпало. Император прочел и улыбнулся:

— Слегка подмочено, но к ее репутации это не относится. Пусть возвращается в свое Троицкое...

Она пережила еще одного монарха. В марте 1801 г. Дашкова вернулась в свой дом на Никитской в Москве (сейчас на этом месте здание консерватории). Была обласкана при дворе, но от прежних должностей отказалась. Последние ее годы прошли в одиночестве, заполненном завершением мемуаров. Впервые ее «Записки» были изданы только в 1840 г., в Лондоне.

— Какая женщина! Какое сильное и богатое существование! — сказал о ней А. И. Герцен.

Созданное три года назад в Петербурге Воронцовское общество ревнителей истории этой замечательной семьи в 1993 г. провело международную конференцию, посвященную 250-летию со дня рождения Е. Р. Дашковой. Сейчас готовятся к печати новые исследования, посвященные нашей замечательной соотечественнице, ее негласной деятельности.

1996 год — 200-летие со дня кончины императрицы Екатерины II. На международной конференции по этому поводу пойдет речь и о двух Екатеринах. И, конечно же, о значении политической разведки в истории нашего Отечества в период их царствования тоже.

Русское присутствие в Средиземном море Геополитические маневры и военные действия периода русско-турецкой войны 1768–1774 гг.²

К середине XVIII века Центральное Средиземноморье, в совокупности акваторий Эгейского и Ионического морей, собственно Средиземного (в другом наименовании — Белого) моря, а также земли материковой Греции и многочисленных островов стали своеобразной контактной зоной трех цивилизационных потоков и объектом геополитических устремлений Екатерининской России.

Первым был мощный прорыв России в Средиземноморье, на рынки Южной Европы. Без стабилизации международно-правового режима Черноморских проливов, без гарантий для торгового обмена Европа — Россия через Босфор и Дарданеллы, без посредничества многочисленного греческого торгового флота в торговле на Черном море, а турок-османов и европейских негоциантов — в Средиземном таковой прорыв остался бы на уровне геополитических амбиций Петербурга.

Завершился этот прорыв к исходу 90-х гг. XIX в., а вхождение России в эту контактную зону начиналось с освоения пространства, наиболее благоприятного для Петербурга и в известной мере подготовленного им в геополитическом и историко-культурном отношении. А именно — с островов Ионического и Эгейского морей, где память населения о России сохранялась с петровских и допетровских времен благодаря,

² В основу статьи положен не публиковавшийся ранее доклад, прочитанный автором на международной научной конференции «Русское присутствие в Эгейском море. 1768–1774 гг.». Наусса, Парос (Греция), 3–6 октября 2001 г.

в первую очередь, общим духовным, восточно-христианским в своей основе, ценностям.

Вторым цивилизационным прорывом было стремительное нарастание освободительного антиосманского движения греческого населения как островной, так и материковой Греции. Это движение отражало социально-экономический уровень развития региона, авангардный по сравнению с остальной османской метрополией. Торговый и культурно-религиозный обмен православных — греков и русских реализовывался преимущественно через островную часть контактной зоны, которую османы могли контролировать в наименьшей степени, утратив преобладающие геополитические позиции.

Наконец, **третий** поток — это устремление греческой формирующейся буржуазии к обмену культурными и материальными ценностями с Францией, Англией и другими странами Европы, что не исключало, а предполагало торговое взаимодействие с партнерами на Юге России и поиск защиты у русского флота³. Это и явилось важной составляющей экономического и отчасти — военного обеспечения средиземноморского вектора русской геополитики.

Россия раньше других держав осознала важность подробного картографического и гидрографического описания греческого Средиземноморья. В Российском государственном военно-историческом архиве (Москва) хранится обстоятельный «Атлас архипелажских островов»⁴, составленный по личному распоряжению императрицы Екатерины II. О большом внимании императрицы к этой проблеме свидетельствует, в частности, ее деятельная переписка с руководителями Первой архипелагской экспедиции в Средиземном море графом А. Г. Орловым и адмиралом Г. А. Спиридовым в самом начале похода русской эскадры в Средиземное море в 1769 г.⁵

³ Подробнее см.: Шеремет В. И. *Война и бизнес: Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время*. М.: TBS, 1996. С. 63–114; Mantran R. *Commerce maritime et économie dans l'Empire ottoman au XVIIIe siècle. Économie et société dans l'Empire ottoman (fin du XVIIIe – début du XXe siècle)*. Paris, 1983. P. 289–296.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 434. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–44; Смилянская И. М. К истории средиземноморской политики Екатерины II. *Восточный архив*. Вып. 2–3. М., 1999. С. 87. Имеется основанное на «Атласе...» издание. См.: *Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясняющее положение островов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей, число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории и с тремя чертежами*. СПб., 1786.

⁵ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве МИД. *Сборник Русского исторического общества*. Т. X. СПб. 1872. С. 385; *Век Екатерины II: Дела балканские*. М.: Наука, 2000. С. 93–113.

В предисловии к Атласу его составители — русские моряки с полным основанием заявили, что первое описание Архипелага по всем правилам гидрографического искусства сделали именно российские мореплаватели.

Основные цели средиземноморского похода и причины особого интереса Петербурга к этой зоне Екатерина сформулировала четко: «Получить порт на острове... или на твердой земле... который стараться будем при мире [с Османской империей. — *Авт.*] удержать»⁶. Союзники-соперники в борьбе за Восточное Средиземноморье — Россия и Англия в те годы, то есть в эпоху екатерининского прорыва, не скрывали своих намерений включить какой-либо из средиземноморских островов в политическую игру: обмен, например, острова Минорка на отказ России от политики вооруженного нейтралитета.

Впрочем, эта политическая торговля относится уже к 1780-м гг., когда Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. открыл Босфор и Дарданеллы для русского торгового мореходства, а вхождение Крыма в состав Российской империи и русско-турецкий торговый договор 1783 г. улучшили позиции Петербурга в регионе в целом.

«Торгу» морских держав вокруг опорных баз в Средиземном море предшествовала деятельная и весьма хитроумная комбинация едва зарождавшейся российской «негласной» политической разведки и ее опытной «гласной» дипломатии. Хорошо известно, что еще Петр I с энтузиазмом, но непоследовательно, а потому безуспешно пытался объединить морские силы России, Австрии, Венеции и Ордена госпитальеров (Мальтийского Ордена) для действий против османов на море. Предполагалось, что на суше к Генуе и Пьемонту присоединятся «всегда бунтующие против турок греки»⁷.

Существенно опережавший военно-политическое обеспечение религиозно-доктринальный характер балканских идей Петра I оказался бесконечно далек от действительности. Ни Морея, ни Архипелаг на легковесные призывы не откликнулись. Разведывательное по заданию, невооруженное русское судно «Армонт» под Андреевским флагом «было встречаемо в Средиземном море с воодушевлением, но... не более того»⁸.

Ситуация изменилась после Семилетней войны, когда предприимчивая Екатерина II и не менее энергичный османский султан Мустафа III

⁶ Цит. по: *Восточный архив*. Вып. 2–3. С. 86. Подробнее о взглядах императрицы и ее окружения см.: *Век Екатерины II: Дела балканские*. С. 40–93.

⁷ См.: *Материалы для истории русского флота*. Ч. XI. СПб., 1886.

⁸ *Каллистов Н. Д. Архипелажская экспедиция. История русской армии и флота*. Т. 8. М. 1912. С. 53.

поняли, что от развития событий в Морее и на акваториях Эгейского и Ионического морей зависит новая политическая конфигурация и в Средиземном, и в Черном морях.

Стамбул стремился в корне подавить освободительное движение греков, поддерживал антирусские выступления в Польше, опирался на Францию, отчасти на Швецию и Австрию. Любая связь между фигурантами такого альянса предполагала использование морских путей. Фактическими хозяевами таковых путей (формальными оставались османы) были греки, мореходы и судовладельцы во многих поколениях.

Система Северного союза, прорабатывавшаяся в начале царствования Екатерины, в целях реализации упомянутого выше «екатерининского прорыва» предусматривала, кроме всего прочего, налаживание коммуникаций в Средиземном море. Это требовало большого числа морских офицеров для флота, предпочтительно с боевым опытом и единоверцев. Всем этим требованиям удовлетворяли греческие мореходы⁹.

В свою очередь, греки были заинтересованы в активной политике с применением военных акций. Единоверная Россия, в 1768 г. поднявшая, наконец, флаг борьбы с османским режимом, воспринималась греками как держава-освободительница. Этому способствовало и то обстоятельство, что центр греческой эмиграции в России с XVII в. город Нежин был заселен жителями Эпира, Македонии и островов Эгейского моря. Экономически активные, они были патриотами новой родины, но и преданными сынами Эллады, где у них, как правило, оставались прочные родственные и... деловые связи¹⁰. Греки участвовали также в экономическом освоении Юга России. Для них активная позиция России по защите своих южных рубежей и обеспечению безопасности морской торговли означала реальные шаги к освобождению от османского ига — как фактора и политического, и экономического.

Мощный стимул развитию процессов в архипелагской контактной зоне дала русско-турецкая война 1768–1774 гг. Автору этих строк уже приходилось обращать внимание на тот факт, что в самой России конца XVIII в. трагическая участь гонимых греков, черногорцев, сербов, болгар воспринималась как наследие ненавистного татаро-монгольского владычества, сокрушить которое «Господь доверил русскому народу»¹¹.

⁹ Шеремет В. И. *Война и бизнес*. С. 63–86; Черкасов П. П. Франция и русско-турецкая война 1768–1774 гг. *Новая и новейшая история*. 1996. № 1.

¹⁰ См.: *Век Екатерины II: Дела балканские*. С. 80–81.

¹¹ Шеремет В. И. Генерал-аншеф А. Г. Орлов: «На кону стоял весь европейский политик России». *Военно-исторический журнал*. 1996. № 5. С. 51.

Таковы были основные экономические и идеологические принципы, на которых выстраивались политические комбинации. Уместно заметить, что на первом же заседании Государственного совета 4 (15) ноября 1768 г., созванного Екатериной в связи с войной с Турцией, обсуждался вопрос о действиях в Архипелаге. Речь шла о главной для того момента политической цели Петербурга — обеспечить свободу российского судоходства на Черном море. Как заметил блистательный герой Семилетней войны генерал-аншеф П. И. Панин, без похода в Архипелаг и без склонения на свою сторону воинственных островных греков «обойтись никак не возможно».

Его поддержали и другие военачальники и политики. Екатерина подтвердила — без помощи греков невозможно оградить юго-западные границы Российской империи.

Вероятно, это и было одно из первых документально засвидетельствованных выступлений в правительственных кругах России в пользу того, что Россия может выйти в мировой океан не просто через Черноморские проливы, но только опираясь на «конфиденцию и доверенность морского народа Архипелага»¹².

Раскрывая соотношение политических и силовых акций в Средиземноморье, следует сделать еще одно замечание. Блистательному и победоносному проходу российской эскадры в Архипелаг в 1769–1770 гг. предшествовала некая таинственная «авантюра», осуществленная самой императрицей и ее конфидентами — ближайшим окружением.

Екатерина II еще в 1763 г. через доверенных лиц стимулировала строительство компанией тульских коммерсантов торгового судна, специально подготовленного для плавания в «Медитерренском море». В итоге же появился... боевой фрегат для плавания в Средиземном море «и особливо среди островов»¹³.

В Российском государственном архиве древних актов (фонд 10 — «Кабинет Екатерины II») содержатся, на наш взгляд, не вполне достоверные сведения о том, что походу такого «фрегата-купца» в Средиземное море предшествовала поездка в Морею двух греков, дабы уведомить местных негоциантов и доверенных лиц о скорой войне за освобождение от турецкого ига.

¹² Золотарев В. А. *Под российским Андреевским флагом* / Предисл. В. И. Шеремета. М.: Русина; Полководцы Отечества, 2000. С. 15.

¹³ Смилянская И. М. *К истории средиземноморской политики...* С. 90.

Курировали тайных эмиссаров на Пелопоннес братья Алексей и Григорий Орловы, сами «авантюрьеры из первейших», но при полном доверии императрицы.

Отчеты этих греков — Георгия Папазоли и Манолиса Саро были переполнены восторженными описаниями того, что греки Мореи только и ждут прихода избавителей-русских, они «бросились бы тотчас на соединение с русскими... но надобно снабдить их пушками». Отчет долго вдохновлял воинственную императрицу и ее конфиденотов — «инспираторов греческого пробуждения» братьев Орловых, а много позднее в той же тональности и без должной критики был воспринят историками XIX в.¹⁴

Турецкие века-и нювисы, т. е. официальные историографы, дотошно фиксировавшие любые смуты или призывы к ним, исходившие из страны «Мужикистан», т. е. из России, об этих эмиссарах не сообщают, что, впрочем, не означает, что среди греков не провозглашалось о скором приходе русского флота к берегам Мореи.

В Архиве внешней политики Российской империи в фонде 41/3 («Сношения России с Венецией») отложились документы о некоем венецианском банкире и аристократе Пано Маруцци, которому покровительствовал хладнокровный и осторожный глава Коллегии иностранных дел Н. И. Панин. Венецианский маркиз Пано Маруцци, янинский грек по происхождению, взял на себя финансирование русской Архипелагской экспедиции. В обмен он получил русское подданство, орден Св. Анны и некие туманные перспективы вознаграждения от России, но в «земле, где оный [маркиз Маруцци. — В. III.] нам [Петербургу. — В. III.] со временем и не бесполезен быть может»¹⁵.

Документы российских архивов содержат еще ряд секретных проектов, впрочем, не столь масштабных, относительно подготовки восстаний на Балканах в поддержку похода российской эскадры. В первую очередь речь идет об островах Архипелага и о жителях Черногории, которые во времена Петра I охотно поступали на морскую службу России. Спустя полсотни лет в их семьях хранились «ласковые грамоты» петровской эпохи, иные «знаки отличия», тщательно сберегаемые.

¹⁴ *Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX веков.* СПб., 1873; Соловьев С. М. *История России с древнейших времен.* Соч. Кн. XIX. М. 1994. С. 272.

¹⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Ед. хр. 13. Л. 1; Восточный архив, № 2–3. С. 95.

Естественно, что широкую известность в Морее и на островах Архипелага получило выступление в Государственном совете России графа Г. Г. Орлова с предложением создать фонд освобождения православных христиан. Средства его предполагалось направить на подготовку восстания в Морее, в Архипелаге и на материковой Греции против казавшегося пошатнувшимся османского владычества¹⁶.

Эйфорию Г. Г. Орлова в Петербурге и немалую активность метавшегося по Южной Европе А. Г. Орлова, который, где мог, тайно вербовал греческих судовладельцев и капитанов, дабы «разжечь сильный огонь» в Архипелаге и в Черногории и помешать туркам противодействовать русской эскадре в Средиземноморье, следовало бы рассматривать с учетом двух обстоятельств.

Во-первых, «сокрушительной приверженности» значительной части екатерининского окружения к тому, что мы сейчас назвали бы созданием на Балканах сети агентов влияния из «числа природных греков». Во-вторых, единодушием греческих коммерсантов из Нежина и других городов Юга России, но более всего греческой аристократии, обосновавшейся в Венеции, Черногории, Италии, во всем, что касалось подрыва османского господства на торговых путях Черного и Средиземного морей¹⁷.

Трезвая сдержанность Екатерины и Н. И. Панина, присущая им, когда надо было переходить от широковещательных заявлений к реальным шагам, не позволила горячим головам ни в России, ни в Греции броситься в убийственный омут неподготовленных восстаний. «Регулярство и послушание» вкупе с собственными усилиями народов по освобождению от «иноземного (читай — турецкого) ига» оставалось в центре внимания Екатерины и ее адмиралов в период похода русских кораблей в Средиземном море. Отнюдь не всеобщее «сокрушение устоев и порядков» в населенных христианами землях было ее целью, а создание такого соотношения сил, чтобы «злочестие агарян» [османское иго. — *В. III.*] пало вследствие коллективных усилий славян, греков и держав, «в соседстве с ними обретающихся»¹⁸.

¹⁶ *Архив Государственного совета*. СПб. 1869. Т. I. С. 357.

¹⁷ Подробнее см.: *Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век*. М.: Гелеос, 2000; В. И. Шеремет и др. *Разведка была всегда...* М.: Армада, 1998; *Tajne operacije ruskih specijalnih službi od IX do XXI veka*. Beograd: Paideja, 2001. S. 70–108.

¹⁸ Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова-Чесменского. *Сборник Русского исторического общества*. СПб. 1867. Т. 2. С. 2, 31; *Восточный архив*. Вып. 4–5. М., 2000. С. 94–95.

На это были направлены не столько благозвучные прокламации для «простого народа», сколько выверенные и осторожные послания Петербурга к властям Венеции и к Мальтийскому ордену, содержавшие заверения, что Россия готова действовать в интересах общего порядка на море, против «пиратства, злодейства и угнетения». Последнее можно было воспринимать как угодно, но только не как идею разжигания всеобщего пожара в османских владениях. Умеренность Петербурга первыми правильно оценили именно мальтийские рыцари, приходившие на службу во флот России строго в индивидуальном порядке и не участвовавшие в политических демаршах братьев Орловых в Южной Европе и на Балканах¹⁹.

Итак, к началу Архипелагской экспедиции в Петербурге уточнили возможности и состав естественных союзников России в Средиземном море: греки островов и Мореи (Пелопоннеса), — определили и конкретные военные цели: разгром морских сил Османской империи в Средиземноморье. Наступало время военных действий.

В феврале 1770 г. 1-я эскадра Архипелагской экспедиции под командованием адмирала Г. А. Спиридова достигла полуострова Мореи, где располагались внушительные силы войск Османской империи, и высадила десант. При поддержке восставших греков русские моряки вскоре овладели городами Мизитра (Мистрас) и Аркадия. Турки, обескураженные объединенным натиском, терпели одно поражение за другим, теряя контроль над побережьем.

Вскоре подросла 2-я эскадра под командованием английского контр-адмирала на русской службе Джона Эльфинстона. Развернулись широкие военные операции против турецких эскадр в морских водах; одновременно осуществлялись множественные десантные операции. В них неизменно принимали участие греческие повстанцы, легкие на подъем и скорые на отступление при первых же неудачах.

Но массового греческого повстанческого движения, на которое рассчитывали в Петербурге, не было. По свидетельству современников, маломерные греческие суда не могли на равных участвовать в морских сражениях, а страх перед возмездием турецких карателей на суше заставлял их не ходить в дальние (даже в пределах Эгейского или Ионического моря) походы²⁰.

¹⁹ Шеремет В. И., Зеленина Л. В. Россия и Мальта: триста лет дружбы. *Военно-исторический журнал*. 1998. № 6. С. 72–80.

²⁰ Веселаго Ф. Ф. *Краткая история русского флота. С начала развития мореплавания до 1825 года*. Изд. 2-е. М.–Л.: Военно-морское издательство НК ВМФ СССР, 1939. С. 96; Шеремет В. И. *Генерал-аншеф А. Г. Орлов...* С. 52–53.

Оторванность от родных берегов, отсутствие надежных баз и лукавая, двойного стандарта политика петербургских властей — греков освобождаем, но порядки соблюдаем, — заставили главнокомандующего силами Архипелагской экспедиции А. Г. Орлова и его адмиралов принять беспримерное по смелости, скорее политическое, чем военное решение.

Дать сильному турецкому флоту генеральное сражение в греческих водах. На виду у Греции и всей Европы. Либо победа, либо... Впрочем, другого варианта не существовало. Дисциплина и боевая выучка на русских кораблях, душевный подъем простых греков, которые умоляли российских моряков взять «их жизни в обмен на свободу», были поразительны.

— Расею обороняем, — говорили на кораблях, — христиан освобождаем. За такое дело и помереть можно!²¹

Наступательная тактика и не в последнюю очередь моральная поддержка греков, советы их опытных капитанов и лоцманов оправдали себя. 10 (21) апреля 1770 г. бригадир артиллерии Иван Абрамович Ганнибал после непродолжительной, но плотной блокады взял город и крепость Наварин на берегу Ионического моря. Впоследствии А.С. Пушкин с гордостью писал о своем прадеде — «арапе» Петра Великого Абраме Ганнибале, о подвиге своего двоюродного деда Ивана Ганнибала:

И был отец он Ганнибала,
Пред кем из чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин²².

Победа при Наварине над турецким флотом, располагавшим существенным преимуществом в пушках, имело огромное значение и для русской эскадры, и для греков.

Дело в том, что на кораблях под османским флагом служили смешанные команды — из турок и греков, которых набирали с островов и из прибрежных селений. Раздираемым этническими и религиозными противоречиями османским экипажам впервые противостояла сплоченная сила. Это были моряки русского военного флота, боевая выучка и самоотверженность которых поражали современников.

²¹ Шеремет В. И. *Генерал-аншеф А. Г. Орлов...* С. 53.

²² Пушкин А. С. *Стихотворения, поэмы, роман в стихах*. М.: Воениздат, 1989. С. 170.

По словам османского летописца, русский флот был, вероятно, «перенесен из страны Мужикистан, из моря, Балтик называемого, через Джебель ат-Тарик [Гибралтар. — *В. III.*] прямо в Богоспасаемые пределы не иначе, как волшебством. Может быть, волей Всевышнего...»²³.

В мае-июне 1770 г. русская эскадра предприняла ряд попыток сблизиться с главными силами турецкого флота. Безуспешно. Турки уклонялись от генерального сражения.

20 июня 1770 г. (по старому стилю) в Петербург идет раздраженно-хвастливая депеша А. Г. Орлова: «...Неприятель везде бежит, укрываясь между Архипелажских островов»²⁴.

Однако дело обстояло не так просто. Опытный турецкий реала-бей, второе лицо в командовании флотом, бывший алжирский пират на османской службе Джезаирлы Хасан-бей постепенно стягивал разбросанные по десяткам гаваней Средиземноморья боевые корабли к проливу и острову Хиос у Эгейского побережья Малой Азии.

Припомним, что вся островная и часть материковой Греции были охвачены повстанческим движением. Район острова Хиос и города Чесма на анатолийском берегу относились к местам, где еще не пылал пожар восстаний. Турки стремились измотать русских, запутать в бесчисленных проливах Эгейского архипелага. Задача была увести их подальше от Мореи, подставить под огонь береговых батарей и «сломать» о приморские крепости, которые османские гарнизоны обороняли умело и стойко.

И еще два обстоятельства, забытые современными исследователями. Во-первых, Хасан-бей намеренно завлекал русские парусные корабли в систему мелких гористых островов, так как здесь они должны были обязательно «потерять ветер» и могли стать сравнительно легкой добычей опытных и беспощадных абордажных команд турецких гребных галер типа «кадырга» и «кырлангыч»²⁵.

Во-вторых, в арсенале османского флота еще со времен средневековья присутствовало такое грозное оружие, как брандеры. Под клотик начиненные порохом и нефтью, ведомые смертниками-шехидами, эти кораблики должны были спалить дотла большую часть русского флота.

²³ Гюльшен-и хюлефа (*Сад халифов*). Дер-и саадет (Иstanbul), 1793. С. 871 (арабская графика); Шеремет В. И. *Генерал-аншеф А. Г. Орлов...* С. 54.

²⁴ Цит. по: Тарле Е. В. *Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769–1774*. М.–Л.: Изд-во Академии наук, 1940. С. 40.

²⁵ О роли гребных галер в османском флоте и их тактике в сражениях XVIII в. подробнее см.: *Селим-челеби*. Султанша — сестра императрицы. *Геополитика и безопасность*. Вып. 4. М., 1996. С. 39–41.

Выполнить этот замысел могли только высокопрофессиональные и очень мужественные моряки. Такие у османов были. И если на практике все обернулось совсем иначе, то благодаря превосходству русских моряков в боевом искусстве, флотской выучке, решительности и вновь — помощи греческих шкиперов.

23 июня (4 июля) 1770 г. русская эскадра, наконец, настигла османский флот, вставший на якорь в Хиосском проливе, в виду Чесменской бухты и крепости с тем же названием на берегу Малой Азии.

Удачное кильватерное построение по ветру помогло русским кораблям сблизиться с турецкими многопушечными линейными кораблями. А те встали (скорее всего, были намеренно так поставлены греческими лоцманами) столь неловко, что как бы отгородили верткие, не нуждавшиеся в ветре османские боевые галеры от надвигавшихся русских кораблей.

Исход боя не был предreshен до последнего момента. Два героя — капитаны флагманов, Г. А. Спиридов и Хасан-бей пошли на взаимный таран, заливая друг друга пушечным и ружейным огнем. Спиридов облачился в парадный мундир, приготовил пару пистолетов, обнажил шпагу. Вызвал к себе на ют музыкальную команду. Осенил каждого крестным знаменем и приказал:

— Играть до последнего!

На 100-пушечном «Реал-Мустафе» 40-летний Джезаирлы Хасан-бей с двумя ятаганами в руках уже готов был ринуться на борт русского корабля во главе абордажного отряда. Не пришлось.

Рухнула со всем своим пылающим такелажем грот-мачта «Реал-Мустафы», упала прямо поперек сцепившегося с ним русского флагмана «Евстафий». Через несколько минут сильнейший взрыв зарядных погребов уничтожил оба флагмана.

За считанные секунды до рокового взрыва Спиридов спустился в шлюпку и отплыл через кипящее море огня. Капитан же «Евстафия» Александр Круз оставался на горящем корабле вместе с отважно игравшими музыкантами. Их выбросило в море взрывной волной. Хасан-бей тоже встретил взрыв на капитанском мостике. Он был изранен, упал в воду. Его подобрала подоспевшая с берега шлюпка.

Русским кораблям и морякам предстояло свершить то, что томительно и долго обдумывали политики, — добыть и закрепить победу российского флага в Средиземном море. Через несколько часов после сражения в Хиосском проливе А. Г. Орлов, не заботясь о красоте слога и правилах грамматики, написал самый знаменитый приказ в своей жизни:

«Наше дело должно быть решительное, чтобы оный [османский. — В. III.] флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы иметь к дальним победам свободные руки»²⁶.

Решение ворваться в набитую турецкими кораблями Чесменскую бухту было из тех, что принимают раз в жизни. На рейде Чесмы стояло 15 турецких линейных кораблей, 6 фрегатов, множество других судов. Неудачная атака могла стать последней для русской эскадры. Пути отхода были фактически отрезаны... И грянул бой.

...К утру 26 июня (7 июля) 1770 г. турецкий флот перестал существовать. Триумф русского оружия был полный. Потерь кораблей в русской эскадре не было²⁷. На наградной медали участников Чесменской эпопеи изображен горящий турецкий флот и выбито одно слово: «Был». Говорили, что так предложил Алексей Орлов.

За 1771–1773 гг. русские корабли в Архипелаге перехватили свыше 360 турецких судов, осуществлявших военные перевозки. Практически все было осуществлено с помощью греческих капитанов. Война 1768–1774 гг. в немалой степени была выиграна благодаря Архипелагской экспедиции. После Чесмы последовало трехлетнее пребывание российского Андреевского флага в греческих водах²⁸. Греки вооружались, а главное, — поверили в возможность путем военных действий освободиться от османского ига. Фактически они уже не складывали оружия до полной победы и освобождения после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и провозглашения Греческой республики.

Так реальная боевая действительность и взаимопомощь русских и греков на море оказались действеннее многолетних политических комбинаций. Впрочем, без таковых, а также без союзнического взаимодействия с Англией и благожелательной позиции влиятельных торгово-мореходных кругов Южной Европы само осуществление выдающегося по своему размаху и решительности прохода российских военных кораблей в Средиземноморье оставалось бы призрачной мечтой еще нескольких поколений политиков и военных, причем не только в России.

Впрочем, в итоге сомкнулись три вектора — выход России в Мировой океан, свобода Греции и свободное коммерческое, выгодное всему торговому миру плавание в Черном и Средиземном морях.

²⁶ Веселаго Ф. Ф. *Краткая история русского флота*. М.–Л.: Военно-морское изд-во, 1939. С. 96.

²⁷ Золотарев В. А., Козлов И. А. *Три столетия Российского флота. XVIII век*. СПб., 2003. С. 374–387.

²⁸ Там же. С. 387–394.

Генерал-аншеф А. Г. Орлов: «На кону стоял весь европейский политик России»

Флоту — слава! Отечеству — польза!
*Из реляции генерал-аншефа А. Г. Орлова
после Чесменского сражения,
направленной в Санкт-Петербург
27 июня (8 июля) 1770 года*

Более чем два с четвертью века отделяют нас от легендарного морского сражения при Чесме летом 1770 года. «Дело при Чесме» вошло в учебники военной истории всех стран. Чесма знаменовала выход России на просторы Мирового океана. Чесма — это немеркнущая слава России, увековеченная в одной из трех полосок на форменке российского моряка.

«Ревность и желание всех находящихся со мною заслужить милость великой нашей государыни и оказать Отечеству услугу, — повергнуть гордость неприятеля и прославить морские наши силы — некоторым образом удовольствованы»²⁹, — так докладывал в Петербург 27 июня (8 июля) 1770 г. о только что происшедшем легендарном Чесменском сражении главнокомандующий морской экспедицией в Средиземном море граф Алексей Григорьевич Орлов. Брат Григория Григорьевича Орлова, того самого «вельможи в случае» при матушке-императрице Екатерине II, что возводил ее на трон в 1762 г., поскромничал в своей реляции. Через день после сражения он еще не осознал грандиозности события, случившегося в далеком от России Эгейском море.

²⁹ *Русский Архив, издаваемый Петром Бартечевым. М., 1876. Кн. 2. С. 279.*

«На-тка, что наши аржанушки чудесят», — писал Орлов под свежим впечатлением от Чесмы. «Аржанушки» — русские моряки, основной рацион которых подчас состоял из одних ржаных сухарей, да и тех было не вдосталь, обессмертили в ночном Чесменском сражении 26 июня (7 июля) 1770 года Российский военно-морской флаг.

Дорога к победе была трудной. Второй год шла русско-турецкая война (1768–1774) — первая из двух екатерининских войн за выход России к Черному и Средиземному морям.

Османская империя, утратив былую мощь и славу владычицы Черного, Красного и Белого (Средиземного) морей, упорно сопротивлялась появлению русского торгового и тем более военно-морского флага на просторах южных морей. В первую очередь речь шла, естественно, о Черном море. Россия была отрезана от средиземноморской и черноморской торговли, от сколько-нибудь стабильных морских связей с Южной Европой. Босфор и Дарданеллы, в который турецкие султаны традиционно на протяжении веков видели собственность Османской империи, были наглухо закрыты для российского флота. Поборы османских властей за перевозки русских товаров на турецких судах были столь велики и столь произвольны по форме взимания, что делали морскую торговлю России в том регионе совершенно невозможной. Торговля, мануфактурное производство, сельское хозяйство Центра и Юга России задыхались без обеспеченного вооруженным присутствием, безопасного выхода к Черному, Азовскому и Средиземному морям.

Нельзя не учитывать и того, что на огромных пространствах между Черным, Азовским и Каспийским морями в предгорьях Кавказа обитали полукочевые народы тюркско-калмыцкого этнического круга. Они являлись предметом постоянных воцелений Стамбула и Тегерана. Попади эти племена под владычество Турции или Ирана, жизненно важные для России берега теплых морей были бы еще более отдалены от нее во времени и пространстве.

И еще одно обстоятельство. Всего век назад от екатерининской эпохи, в период правления на Украине сына Богдана Хмельницкого Юрия, предавшего дело отца, в 70-е гг. XVII в. вся Правобережная Украина пусть короткий срок, но входила в состав Османской империи. Это явилось следствием антирусской политики части казацкой старшины, вступившей в сговор с исконными врагами украинского народа — турками, крымскими ханами и польско-литовскими феодалами. Соглашения эти сгинули вместе с интриганами, боровшимися с «москалями» любыми способами,

но память о стоявших на Подолии турецких гарнизонах была свежа и на протяжении XVIII века³⁰.

Отточенным ятаганом над горлом Южной России нависал Крым. Его правители — бахчисарайские ханы из рода Гиреев были прямыми потомками Чингисхана. На протяжении столетий они выступали союзниками Турции, Литвы и Польши, а иногда и Швеции в их борьбе за обладание русскими землями и ослабление российской государственности.

С начала XV в. крымские ханы — вассалы Османской империи — изматывали молодое, еще не оправившееся от ордынского ига Московское государство постоянными военными набегами. Четыре столетия подряд русские полоняне не только из южных, но и из центральных районов России пополняли несметные ряды рабов-гребцов на галерах. Тысячи русских рабынь, проданных на невольничьих рынках Стамбула и Измира, Анталы и Алеппо, Бейрута и Каира, давали жизнь новым подданным османских султанов.

Далее терпеть этот разбой новая сильная Россия не могла.

Русский народ, как, наверное, никакой другой народ в мире, отзывчив на чужое горе. За Дунаем и Прутом, на Балканах стонали под османским гнетом десять миллионов славянских и греческих братьев, свято веривших, что Москва — оплот православия — поможет им в неравной борьбе за свободу. В самой России XVIII в. трагическая участь греков, черногорцев, сербов, болгар, «волохов» (валахов) и молдаван воспринималась как наследие ненавистного ордынского владычества, сокрушить которое «Господь доверил русскому народу».

Петр I и его преемники прекрасно понимали эти народные чувства и не раз бросали полки на юг, к Черному морю. Но успех отдельных военных экспедиций не менял радикально геополитическую ситуацию. Силен был еще Стамбул, а Парижу и Лондону, Вене и Стокгольму совсем ни к чему было появление новой мощной силы — русского флота на морях, а русского рубля — на рынках Южной Европы.

Перед Россией к исходу XVIII века сама история поставила задачу выйти, наконец, вопреки ожесточенному сопротивлению крымских работорговцев и османских янычар, козням коварных европейских коммерсантов, к Черному и Средиземному морям, к Атлантике, иначе говоря, восстановить прерванные татаро-монгольским нашествием вековые

³⁰ О полузабытой истории борьбы Москвы и Стамбула за Украину см.: Шеремет В. И. Борьба с турками-османами на суше и на море. *Военная история Отечества*. М.: Мосгорархив, 1994. Т. 1. С. 173–188.

контакты восточных славян с народами Средиземноморья, Южной и Западной Европы.

Перечисленные выше социокультурные факторы тесно переплетались между собой. Именно они во многом обусловили тот факт, что в России все войны с Турцией в XVIII в. воспринимались как войны народные, а также имели заметный религиозный оттенок.

Защита юга России и выход к Черноморским проливам, причем с двух сторон, с Дунайского театра военных действий к Босфору, а через Средиземное море к Дарданеллам — таков был грандиозный замысел Петербурга в войне с Турцией 1768–1774 гг.³¹ Екатерина вознамерилась, как она говорила, «подпалить Турецкую империю со всех четырех сторон». В этой связи важнейшая роль отводилась грандиозной морской экспедиции Андреевского флага с Балтики в Средиземное море к Дарданеллам.

Первую эскадру, начавшую Архипелагскую экспедицию, возглавил бесстрашный и в то же время осторожный адмирал Г. А. Спиридов (общее командование осуществлял генерал-аншеф А. Г. Орлов). К тому времени Григорию Андреевичу Спиридову было 56 лет. 40 лет он проплавал на кораблях. По праву ему выпала честь руководить беспрецедентным в истории России предприятием.

Последовательно на протяжении 1769–1774 гг. вслед за эскадрой Спиридова еще четыре эскадры Балтийского флота (20 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирский корабль, 26 вспомогательных судов — всего более 50 вымпелов) одна за другой совершили многомесячные переходы из Балтийского моря вокруг берегов Центральной, Западной и Южной Европы в Средиземное море. В этих трудных походах русским морякам довелось испытать на себе не только штормы коварной Атлантики. Они столкнулись и с настороженным отношением англичан, ревниво следивших за прохождением российского флота через Па-де-Кале, Ла-Манш и Гибралтар, и с откровенной враждебностью французов и испанцев, вознамерившихся было помешать переброске русских кораблей. Западноевропейцам явно не нравилось появление Андреевского флага в этих водах.

Но вопреки всему две русские эскадры уже в первой половине 1770 г. оказались в тылах Османской империи — в Восточном Средиземноморье, Ионическом и Эгейском морях. Совершенное ими плавание не может не

³¹ Подробнее см.: Шеремет В. И. Война и бизнес. *Власть, деньги и оружие на Ближнем Востоке и в Европе*. М.: TBS, 1996. С. 69–81.

удивлять, ведь и сегодня оно относится к морским переходам высшей категории сложности.

И тем не менее поход прошел успешно. Выйдя из Кронштадта 18 июля 1769 г., 1-я эскадра адмирала Г.А. Спиридова в феврале 1770 г. достигла берегов принадлежавшего Османской империи греческого полуострова Морея (ныне Пелопоннес) и высадила первый десант. В этом же месяце русские десантные войска совместно с восставшими греками овладели городами Мизитра (Мистрас) и Аркадия. На подходе к греческим берегам была уже 2-я эскадра под командованием контр-адмирала Джона Элфинстона, англичанина на русской службе, опытного командора. Наряду с высадкой десантов эскадра Спиридова разворачивала действия против турецкого флота в прибрежных морейских водах. Однако, несмотря на успешное начало операции, у генерал-аншефа А. Г. Орлова, под общим командованием которого действовали русские эскадры и силы десанта, были основания для тревоги.

Он довольно быстро расстался с надеждами, которыми в начале экспедиции был полон. Из Петербурга виделась Высокая Порты, павшая в прах под ударами греческих повстанцев и русского флота. Однако всеобщего восстания балканских подданных султана все-таки не произошло. Восставшие греки на островах в Ионическом и Эгейском морях, к которым подходили русские корабли и на которые высаживались десанты, хотя и «присоединились к ним (русским войскам. — В. III.), в значительных массах и с полной готовностью шли против ненавистного им неприятеля, — писал известный историк русского флота Ф. Ф. Веселаго, — но во время боя при первой опасности обращались в бегство, оставляя в жертву туркам малочисленные отряды русских. В случае же успеха их невозможно было удержать от варварских истязаний побежденных неприятелей»³².

Оторванность от родных берегов, отсутствие собственных баз и ненадежность поддержки местного населения побудили А. Г. Орлова и его адмиралов принять очень смелое, но единственно верное решение. Турецкому флоту надлежало дать генеральное морское сражение. И либо победить, либо... А вот другого варианта ни для русского командования, ни для экипажей не существовало.

Дисциплина, боевая выучка и гордое воодушевление грандиозностью стоявшей задачи были на эскадрах поразительны.

³² Веселаго Ф. *Краткая история русского флота. (С начала развития мореплавания до 1825 года.)* Изд. 2-е. М.; Л.: Военно-морское изд-во НК ВМФ СССР, 1939. С. 96.

— Расею обороняем, — говорили на кораблях, — христиан освобождаем. За такое дело и помереть можно!

И не случайно ни одного дисциплинарного проступка за весь многомесячный поход!

Наступательная тактика оправдала себя полностью. 10 (21) апреля 1770 г. бригадир артиллерии Иван Абрамович Ганнибал после непродолжительной, но плотной блокады взял город и крепость Наварин на берегу Ионического моря. Впоследствии А. С. Пушкин с гордостью писал о своем прадеде — арапе Петра Великого Абраме (Ибрагиме) Ганнибале и о подвиге своего двоюродного деда И. А. Ганнибала:

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
и пал впервые Наварин³³.

Заметим, что И. А. Ганнибал, овладев этим укрепленным пунктом, успел сделать весьма точные схемы Наваринской бухты. В знаменитом Наваринском сражении 1827 г. они очень помогли российским флотоводцам одержать победу над турками³⁴.

Надо отдать должное: у русских моряков в 1770 г. противник был опытный и мужественный. Командовал турецкими эскадрами алжирский реала-бей (вице-адмирал) 40-летний Хасан Джезаирлы-бей, опытный и удачливый флотоводец. Номинальный главнокомандующий военноморскими силами Османской империи 60-летний Хусамеддин Ибрагим-паша купил свой пост капудан-паши в начале апреля 1770 г. В морском деле он не понимал ровным счетом ничего, но надеялся регулярно получать призовые деньги за корабли «франков» — европейцев, появившиеся в водах Османской империи. Он быстро понял, что русские корабли в Средиземном море — это воля Аллаха, и после двух-трех столкновений на море и на суше с «северными дьяволами», происшедшими у него на глазах, почел за благо отправиться руководить укреплением береговых батарей Дарданелл. На кораблях действующей эскадры более не показывался и в распоряжения своего заместителя-алжирца не вмешивался.

³³ Пушкин А. С. *Звезда пленительного счастья. Стихотворения, поэмы, роман в стихах*. М.: Воениздат, 1989. С. 170.

³⁴ Подробнее см.: Шеремет В. И. *Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса*. М.: Восточная литература, 1975.

Следует учесть, что экипажи османских кораблей были набраны из жителей средиземноморского побережья Турции, искусно владели абордажным боем и умело работали с такелажем.

Турецкий флот имел сильную артиллерию. Участник похода, будущий прославленный русский адмирал, а в начале Архипелагской экспедиции капитан-командор С. К. Грейг в своем дневнике составил таблицы с перечислением кораблей и количества пушек на каждом из них в русской и турецкой эскадрах накануне решающих сражений. Из таблиц видно, что если русские линейные корабли все имели по 66 пушек (за исключением «Святослава», вооруженного 80 орудиями), то флагманский турецкий корабль нес 100 пушек, другой линейный корабль — 96, еще четыре — по 84, один — 80, два — по 74, семь — по 60, на остальных было установлено от 40 до 50. По свидетельству Грейга, «турецкая линия баталии была превосходно устроена...»³⁵. Турки после Наваринского боя, перед Хиосом и Чесмой против русских имели 16 линейных кораблей, 6 фрегатов и более 60 каравелл, галер (их обслуживали и русские гребцы-рабы) и брандеров. На них стояло более 1400 орудий.

Эскадра Г. А. Спиридова насчитывала после соединения 22 мая 1770 г. с прибывшей 2-й эскадрой контр-адмирала Дж. Элфинстона 9 линейных кораблей, 3 фрегата и 18 других кораблей и транспортов. Общее вооружение ее составляло около 740 пушек³⁶. В артиллерии противник превосходил почти в два раза.

Но не стоит забывать при этом, что значительную часть экипажей турецких кораблей — до одной трети, а то и более — составляли греки, угнетаемый турками народ. Жители островов и побережий, потомственные умелые мореходы, они исправно выполняли свои обязанности, когда вели охоту за отдельными европейскими каперскими (то есть частновладельческими, специально вооруженными для действий на морских коммуникациях противника) кораблями или грабили торговые (в том числе русские) суда. При Чесме же, как ранее при Наварине и Хиосе, они дрогнули.

Смешанным, раздираемым этническими и религиозными противоречиями османским командам противостояла доселе невиданная здесь сплоченная сила — моряки русского военного флота, который, как писал

³⁵ Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход. *Морской сборник*. СПб.: Изд. Морского ученого комитета. 1849. Т. II. С. 801.

³⁶ *История русской армии и флота*. М.; СПб., 1912. Т. 8. С. 62–65.

турецкий летописец, «был, вероятно, перенесен из страны Мужикистан, из моря, называемого Балтик, через Джебель ат-Тарик³⁷ прямо в Богоспасаемые Пределы не иначе как волшебством. Может быть, волей Всевышнего»³⁸.

В мае-июне 1770 г. русская эскадра предпринимает попытки сблизиться с главными силами турецкого флота. Алексей Орлов и его брат Федор, также ставший участником экспедиции в надежде заслужить громкую славу и высокий чин, шлют в Петербург донесения, свидетельствующие, что неприятель уклоняется от боя.

Так, 26 мая (ст. ст.) 1770 г. Ф. Г. Орлов сообщает Екатерине, что «он со Спиридовым в подкрепление Элфинстону гоняется за турецким флотом, который после двух ошибок бежит, сломя голову...»

20 июня (ст. ст.) 1770 г. императрице направляется аналогичное донесение, дескать, «неприятель везде бежит, укрываясь между Архипелажских островов» (т. е. островов Эгейского архипелага)³⁹.

Думается, братья Орловы не совсем верно оценивали ситуацию, объясняя маневры османских капитанов исключительно боязнью боя с русскими. Ту же самую ошибку, кстати, повторил и известный советский историк Е. В. Тарле, с привычной для него легкостью рассуждавший в своих работах о русско-турецких войнах о «непобедимом страхе» турецких флотоводцев и сухопутных военачальников перед русским флагом. При этом он совершенно игнорировал известные факты отчаянной храбрости янычар, проявленные ими в сражениях с русскими, полководческого мастерства многих султанских визирей. Вспомним, что Малаховым курганом в 1855 г. мощным штурмом овладел алжирский зуавский полк. А хитроумная западня, в которую попал в Прутском походе 1711 г. Петр I, настолько ловко устроенная, что не оставила ему ни единой лазейки? Ведь Екатерине Алексеевне пришлось тогда пожертвовать личными драгоцен-

³⁷ Распространенное в то время на Востоке название Гибралтарского пролива. — Ред.

³⁸ *Гольишен-и хулефа (Сад халифов)*. Истанбул. 1793. С. 871 (арабская графика). Сходное удивление, смешанное с мистическим ужасом перед русским флотом, внезапно и столь грозно явившимся в турецкие воды, испытали многие османские государственные деятели и военные. В России их записки активно переводили в период Крымской войны 1853–1856 гг. См: *Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией*. Пер. с турецк. СПб., 1854; О сожжении турецкого флота при Чесме, из историографа Османской империи Ахмеда Васыфа-эфенди. Пер. с турецк. *Труды и летописи Императорского Общества истории и древностей российских*. М., 1837. Ч. VII.

³⁹ Цит. по: Тарле Е. В. *Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769–1774*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945. С. 40; Русский Архив, издаваемый Петром Баргеновым. Кн. 2. С. 278.

ностями, чтобы выручить великого супруга из того отчаянного положения, в котором он оказался вместе со всей армией.

Данные турецких хронографов конца XVIII в. свидетельствуют, что и алжирец реала-бей имел хитроумный план уничтожения русской эскадры. Свой коварный замысел он реализовывал постепенно, незаметно стягивая разбросанные по десяткам гаваней Средиземноморья корабли к проливу и острову Хиос у малоазиатского побережья Турции.

Закономерен вопрос: почему именно этот район флотоводец султана выбрал в качестве западни, в которой предстояло погибнуть кораблям «неверных»? Объясняется это целым рядом причин — и геополитического, и оперативно-тактического характера.

Припомним, что вся островная и часть материковой Греции были охвачены повстанческим движением. Массовым недовольством, по свидетельству турецких хроник, были охвачены не только греческие, но даже османские поселения на Эгейском побережье Малой Азии. Фактически пламя восстания из колоний перекинулось на метрополию. Чесма относилась к местам сравнительно тихим и спокойным на анатолийском, далеком от военных действий берегу.

Далее, Екатерина II отправила флот «поднимать» не только Грецию, но и Левант, т. е. все Восточное Средиземноморье⁴⁰. Это обстоятельство опять-таки проглядел (или проигнорировал) Е. В. Тарле, анализируя цели и задачи 1-й Архипелагской экспедиции.

Известно, что А. Г. Орлов деятельно контактировал с влиятельными христианами Ливана, с арабскими шейхами Сирии и Палестины, стремившимися проводить самостоятельную внешнюю политику. Правитель Египта мамелюк Али-бей аль-Кабир к 1770 г. твердо придерживался курса на достижение независимости от Высокой Порты, он уже два года как не платил дань Стамбулу и не поминал в хутбе — пятничной молитве — имя османского халифа-падишаха — главы правоверных, что означало дерзкий вызов султану. Абхазский выходец, Али-бей сам объявил себя независимым султаном Египта, повелителем Белого (Средиземного) и Красного морей. Он захватил область Хиджаз на Аравийском полуострове и вступил в союз с одним из арабских шейхов Палестины Дагером, устоявшим позднее под натиском самого Наполеона.

⁴⁰ Рескрипт императрицы Екатерины I, данный на имя графа Алексея Орлова, 29 января (ст. ст.) 1769 г. *Сборник Русского исторического общества*. СПб., 1867. Т. 1. С. 2–13.

Али-бей настойчиво заверял А. Г. Орлова, что его родина — далекая от Египта Абхазия — мечтает отдаться под русское покровительство, а сам он — правитель Египта — лучший и вернейший друг России!

Андреевский флаг на пирамиде Хеопса, русские моряки в Каире и Александрии, в Бейруте и Палестине, где масса арабов-христиан, — такое было для османских правителей как дурной сон. Чтобы не допустить этого, султан и капудан-паша приняли решение во что бы то ни стало отвлечь русский флот от побережья Египта, попытаться «замотать» его в узкостях бесчисленных проливов Эгейского архипелага, подставить под огонь береговых батарей, уничтожить на анатолийском берегу русские десанты, если таковые будут высажены. А уж на своей земле воевать турки умели. В этом вскоре убедились и П. А. Румянцев и А. В. Суворов. Впрочем, и А. Г. Орлов не раз «спотыкался» о приморские крепости в Греции, которые оборонялись янычарскими гарнизонами с поражающим даже его упорством и какой-то особенной цепкостью.

И еще два обстоятельства, отмеченные современниками в документах, но почему-то забытые историками. Во-первых, Хасан-бей потому намеренно привлекал русские парусные корабли в систему гористых мелких островов, что здесь они обязательно должны были «потерять ветер», маневренность, а значит, могли оказаться сравнительно легкой добычей умелых и беспощадных абордажных команд гребных галер (их было сосредоточено в намеченном районе около двух десятков), не зависевших от ветра, как парусники⁴¹. Во-вторых, в арсенале османского флота еще со времен средневековья присутствовало такое грозное оружие, как брандеры. Летом 1770 г. Хасан-бей имел под рукой не менее полутора десятков брандеров, под клотик начиненных порохом, нефтью и легковоспламеняющимся составом, унаследованным османами еще от византийцев, знаменитым «греческим огнем».

Как собирались применить брандеры, поведал русским морякам один из уцелевших в огне Чесмы и спасенный капитаном Ф. Клокачевым турецкий офицер. Его рассказ в изложении современника А. Я. Глотова был опубликован в 1820 г. в журнале «Отечественные записки». Вот его фрагмент: «Флот вашего величества многочисленнее русского флота, — докладывал султану Мустафе III свой план морских сражений с русскими Гассан-паша (Хасан-бей. — *В. Ш.*). — Чтобы истребить русские корабли,

⁴¹ О роли гребных галер в османском флоте, применявшейся их экипажами тактике абордажного боя подробнее см.: Селим-челеби. Султанша — сестра императрицы. *Геополитика и безопасность*. 1996. № 4. С. 39–41.

мы должны с ними сцепиться и взлететь на воздух, тогда большая часть вашего флота останется и возвратится к вам с победою»⁴².

Выполнить этот замысел, надо признать, могли только высокопрофессиональные и очень мужественные моряки. Хасан-бей деятельно следовал своему плану. И если вышло совсем иначе, то лишь благодаря превосходству русских моряков над противником в боевом искусстве, флотской выучке, наконец, мужестве и решительности.

В двадцатых числах июня 1770 г. развязка начала приближаться столь же стремительно, как налетал порывами северо-западный ветер, попутный кораблям под Андреевским флагом. 23 июня (4 июля) 1770 г. русская эскадра настигла османский флот, бросивший якоря в Хиосском проливе, в виду Чесменской бухты и крепости с тем же названием на берегу Малой Азии (Анатолии).

Пока Г. А. Спиридов и А. Г. Орлов уточняли до 10 утра 24 июня (5 июля) детали боевого построения, ветер постепенно стихал. Однако удачное кильватерное построение по ветру помогло русским, хотя и медленнее, чем хотел Спиридов, но неуклонно сближаться с османскими линейными кораблями. Последние встали (или были намеренно поставлены греческими лоцманами⁴³) так неловко, что как бы отгородили османские боевые галеры от русских кораблей. И тут русские моряки совершили поразительный по точности и слаженности действий маневр. При почти стихшем к полудню ветре русская эскадра сумела развернуться бортом к туркам и открыла убийственный прицельный огонь с 0,5 кабельтова, т. е. примерно с 90 метров!

Казалось бы, исход боя был предрешен. Однако линейный корабль «Евстафий», на котором держал флаг Г. А. Спиридов, открылся огню трех самых мощных османских кораблей из-за того, что шедшую первой «Европу» капитана Ф. Клокачева стало сносить на камни.

Для команды «Евстафия», которого в свою очередь сносило прямо на османский флагман — 100-пушечный «Реал-Мустафа» под ураганным огнем двух других турецких кораблей, оставалось лишь одно — с честью погибнуть. Парусные гиганты сближались неотвратимо, посылая друг другу ядра и ружейные залпы. Г. А. Спиридов облачился в парадный мундир, обнажил шпагу, приготовил пару пистолетов и вызвал к себе

⁴² Цит. по: Тарле Е. В. *Экспедиция русского флота в Архипелаг в 1769–1774 гг.* М.; Л.: Военмориздат, 1945. С. 1.

⁴³ Эта версия современных турецких историков еще нуждается в достаточно веских доказательствах.

на ют музыкантскую команду. Каждого из музыкантов осенил крестным знамением и приказал:

— Играть до последнего!

Чудовищный грохот столкнувшихся бортами многопалубных гигантов на миг заглушил прощальный марш оркестра. В горячке начавшегося абордажного боя мало кто заметил, что загорелась грот-мачта «Реал-Мустафы». Подрубленная кем-то из русских безымянных героев, она рухнула со всем пылающим, как факел, такелажем поперек сцепившегося с ним «Евстафия». Сильнейший взрыв зарядных погребов уничтожил оба флагмана.

За считанные минуты до рокового взрыва Спиридов спустился в шлюпку и отплыл через кипящее море огня. Эскадра не могла остаться без командира. Капитан же «Евстафия» Александр Иванович Круз до последнего мгновения оставался на юте с отважно игравшими музыкантами. Его и еще 60 человек выбросило взрывной волной в воду. Погибло более 600 русских и до 800 турецких моряков. Хасан-бей тоже встретил взрыв на капитанском мостике. Он был изранен, но спасен подоспевшими с берега шлюпками.

Бой продолжался менее двух часов⁴⁴. Шлюпки — русские и турецкие — подбирали, по свидетельству очевидцев, и своих, и чужих. Гибель флагманского линейного корабля и тяжкие раны Хасан-бея потрясли турок.

Капудан-паша тем временем лихорадочно укреплял береговые батареи Чесменской бухты. На берег выкатывались бочки с порохом, спешно догружались стоявшие в бухте брандеры. Однако поспешность и непредусмотрительность не всегда сопутствуют успеху.

Тем временем на русской эскадре состоялся совет. По предложению Спиридова и с одобрения всех капитанов было принято решение: атаковать и уничтожить османский флот, укрывшийся в Чесменской бухте. Сделать это должна была группа из четырех брандеров под прикрытием огня остальной эскадры. А. Г. Орлов, не заботясь о красоте слога и соблюдении орфографических правил, набросал краткий и предельно доходчивый приказ: «Наше дело должно быть решительное, чтоб оный (османский. — В. Ш.) флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы иметь к дальним победам свободные руки»⁴⁵.

На русской эскадре при полном единодушии был сформирован ударный отряд под командованием С. К. Грейга: брандеры — зажигательные

⁴⁴ Соколов А. Н. Архипелагские кампании. *Записки Гидрографического департамента Морского министерства*. СПб., 1849. Т. 7. С. 283–284.

⁴⁵ Цит. по: Веселаго Ф. *Краткая история русского флота*. С. 99.

суда и корабли прикрытия. Решимость немедленно «идти в дело» была так велика, что даже бесстрашный рубака и фаталист Алехан Орлов трижды осаживал на совете горячившихся капитанов, неоднократно требуя перепроверить диспозицию.

Труднее всего оказалось отобрать командиров и экипажи для зажигательных судов-брандеров. Добровольно вызывались все, и офицеры, и матросы! А ведь идти предстояло почти на верную смерть — брандер, буксируемый десятивесельной шлюпкой, следовало вплотную подвести к вражескому кораблю и намертво сцепиться с ним крючьями. Только тогда, когда будет подорван заряд на зажигательном судне и огонь перекинется на неприятеля, команда могла сойти в шлюпку и спастись от мощнейшего взрыва, который мог последовать в любое мгновение, от пальбы батарей — чужих и своих, поскольку корабли прикрытия начинали обстрел врага тотчас после сцепления брандера с выбранной целью.

Последнее слово было за А. Г. Орловым.

Решение генерал-аншефа ворваться в Чесменскую бухту было из тех, что принимают раз в жизни. На карту ставилась и собственная судьба (ему никогда не простила бы неудачу недолголюбивавшая его императрица), и само существование эскадры и, как повторял уже в преклонные годы Орлов, «на кону стоял весь европейский политик России» — авторитет российского государства, впервые выведшего свой флот в мировые воды. Человек исключительного личного мужества, который в возрасте далеко за пятьдесят участвовал в кулачных боях и, бывало, «ссаживал» бойцов на двадцать-тридцать лет моложе себя, он «ужаснулся от предстоящего», как сам признавал потом в донесении Екатерине.

И было от чего! На рейде Чесмы стояло 15 турецких только линейных кораблей, а также 6 фрегатов, «множество полугалер, фелуг, шебек и других малых судов». Неудачная атака могла стать последней для русской эскадры, тем более, что и турки готовились применить свои брандеры. Пути отхода были фактически отрезаны дюжиной крупных островов, усеявших Хиосский пролив и Чесменскую бухту...

Несколько позже Орлов писал: «Англичане, французы, венециане и мальтийцы, живые свидетели всем действиям, признавались, что они никогда не представляли себе, чтоб можно было атаковать неприятеля с таким терпением и неустрашимостью»⁴⁶.

⁴⁶ Цит. по: Тарле Е. В. *Экспедиция русского флота в Архипелаг в 1769–1774 гг.* С. 43–44.

И вот наступила ночь на 26 июня (7 июля). «Пополуночи: 1 час. Ветер посредственный, небо малооблачное, светлая луна и блистание звезд...», — так описывается состояние погоды к моменту начала атаки в шканечном (корабельном) журнале флагманского корабля «Три иерарха». Здесь уже двое суток не смыкал глаз Алексей Орлов. Спиридов и Грейг вышли в авангарде кораблей прикрытия.

Линейный корабль «Европа» под командованием капитана Ф. Клокачева (того самого, который сутками ранее «открыл» «Евстафия» врагу, сойдя с курса, и был тотчас «пожалован» Спиридовым: «Поздравляю вас матросом!») около часу ночи на всех парусах ринулся к стоявшей плотно и беспорядочно османской эскадре. Он вызвал огонь на себя — ураганный, но не прицельный. Турки никак не ждали такого самоубийственного прорыва. «Можно ли воевать с безумцами», — пытался оправдать беспечность своего флота турецкий летописец. Но это было не безумие, а хладнокровный расчет и редкое мужество.

Через полчаса подошли еще три русских корабля. А когда через час к горловине бухты стянулась уже вся русская эскадра и запылали подожженные метким огнем первые турецкие корабли, мишенями стоявшие на зеркальной глади бухты, вперед рванулись брандеры. Три из них целей не достигли, но один — под командованием лейтенанта Д.С. Ильина — буквально прилип к борту 84-пушечного турецкого корабля и поджег его. Каково же было самообладание Ильина и его команды, если, «отъехав на шлюпке от горящего гиганта, он остановился и посмотрел, каково будет его действие». Так записал очевидец.

К трем часам ночи ветер совсем стих, возможности маневра у турецких парусных кораблей не было никакой. К исходу ночи Чесменская бухта превратилась в море огня. Горели и взрывались турецкие брандеры, так и не использованные неприятелем, огонь с загоревшихся парусных кораблей от полыхавшего факелами такелажа перебрасывался на еще не тронутые пламенем. «Пожар турецкого флота сделался общим... — записал в “Собственноручном журнале” С. К. Грейг. — Легче вообразить, чем описать ужас, ошолобление и замешательство, овладевшие неприятелем. Турки прекратили всякое сопротивление, даже на тех судах, которые еще не загорелись; большая часть гребных судов или затонула, или опрокинулась от множества людей, бросавшихся в них»⁴⁷.

⁴⁷ Морской сборник. 1849. Т. II. С. 811.

Население городка Чесма и прилегающих селений в панике покидало свои дома. Западная Турция содрогнулась, ожидая вторжения русских войск.

Орлов, действительно, вскоре высадил десант; не встречая сопротивления, моряки прошли по горящему городу, где полыхали склады боеприпасов. Забрали 19 медных пушек и, как своеобразный военный трофей, «довольно штук шелковой материи с казенной султанской мануфактуры». Затем «в порядке удалились на свои корабли». Порядок в полумертвом от страха городе еще двое суток поддерживала специально отряженная Орловым команда.

«Разора и бесчинств не замечено, раненых турок перевязали. Многих спасали от огня себе в риск», — доложили А. Г. Орлову.

Линейный корабль турок «Родос» и пять боевых галер были взяты в качестве трофеев. Остальные сгорели. Флот — слава и гордость Османской империи — перестал существовать.

Султан Мустафа III после Чесмы занемог, устранился от дел. Подолгу уединялся в серале с любимой женой Михри-шах и маленьким сыном, будущим султаном-реформатором Селимом III (правил в 1789–1808). Он угасал, печально повторял, обращаясь к сыну: «Мой шахзаде, наследник и опора трона Османов, тебе надлежит изучить приемы франков и москвитов и превзойти их». Мустафа III скончался в 1774 г. — не вынес катастрофы военного поражения, предопределенной Чесменским сражением...

Триумф русского оружия был полный. На наградной медали участников Чесменской эпопеи изображен горящий турецкий флот и выбито одно слово: «Был». Считают, что так предложил Алексей Орлов. Г. А. Спиридов, оценивая результаты Чесмы, писал в Петербург: «Честь Всероссийскому флоту! С 25-го на 26-е неприятельский военный флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили, а сами стали быть во всем Архипелаге... господствующими»⁴⁸.

Потерь кораблей в русской эскадре в сражении при Чесме не было. В личном составе — 11 человек убитыми. Турки потеряли убитыми и ранеными от 11 до 12 тыс. человек⁴⁹. Чесменское сражение 1770 г., как и Синопский бой 1854 г., являются блестящими примерами уничтожения неприятельского флота в собственной базе.

Русские моряки при Хиосе и Чесме, а эти сражения следует рассматривать в единстве, смело отошли от шаблона линейной тактики, в то время

⁴⁸ Цит. по: Золотарев В. А., Козлов И. А. *Флот государства российского*. М.: АВИАР, 1992. С. 97.

⁴⁹ *Морской атлас*. М.: Изд. Главного штаба Военно-Морского флота, 1958. Т. III, военно-исторический. Ч. I. Л. 16, табл. Г.

незыблемой для флотоводцев Западной Европы и Турции. Прекрасное взаимодействие корабельной артиллерии и брандеров в ходе ночной атаки, флотоводческое искусство Г.А. Спиридова, С. К. Грейга, А. И. Круза, Д. С. Ильина и многих других капитанов, помноженное на массовый героизм матросов, обеспечили блестящую победу.

Несомненна выдающаяся роль главнокомандующего экспедицией А. Г. Орлова, заслуженно получившего титул графа Чесменского. Он умел воодушевлять командиров, ставил им ясные оперативные задачи и в то же время показывал масштабные стратегические перспективы. Не досаждал подчиненным мелочной опекой, не подменял их в том, что касалось флотского дела, организации морского сражения и управления боем. Он давал широкий простор инициативе подчиненных. Вот строки из его приказа накануне дела при Хиосе.

«По неизвестным же распоряжениям неприятельского флота, каким образом оный атаковать, диспозиция *не предписывается* (курсив мой. — В. Ш.), а по усмотрению впредь дана быть имеет»⁵⁰.

В эпоху заорганизованности и муштры это был незаурядный поступок. Но при этом Орлов относился к руководству экспедицией с величайшей ответственностью и поправлял флотских начальников, когда это было необходимо. Так, он в корне пресек самоубийственную идею Г. А. Спиридова тотчас после Чесмы прорываться через Дарданеллы и одним ударом флота с высадкой десанта в район Стамбула попытаться закончить войну. Ничем, кроме гибели кораблей и людей под огнем береговых батарей, эти действия закончиться не могли.

Оценив обстановку, Орлов обеспечил плотную блокаду Дарданелл, что дало возможность отрезать дунайскую турецкую армию от баз снабжения в Греции и Восточном Средиземноморье. Сковав здесь значительные силы турецких войск, он существенно помог русским войскам разгромить полевые турецкие армии на Дунае. За 1771–1773 гг. русские корабли в Архипелаге перехватили свыше 360 торговых турецких судов, осуществлявших перевозки в интересах действующей армии.

Активность флота, нарушившего морские коммуникации турок, предопределила многие славные победы сухопутных войск России. В 1774 г. был заключен выгодный для России и всего славянского мира Кючук-Кайнарджийский мир.

⁵⁰ В память Чесменской победы. Сб. документов. Одесса, 1886. С. 9.

После Чесмы последовало трехлетнее пребывание Андреевского флага в греческих водах. Эллины вооружались, а главное, поверили в свои силы и уже не прекращали вооруженной борьбы с угнетателями вплоть до завоевания независимости после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Балканы становились на путь освободительной войны с османским гнетом.

Более демонстративный, нежели военный, характер имели десантные операции русского флота по взятию Бейрута в мае 1772 и июне 1773 г. Цель их была достигнута — дружественным шейхам помогли поверить, что Россия союзников не оставляет. Ливанские друзья получили захваченные у турок пушки и оружие, русские — несколько сот тысяч курушей из захваченной казны местного турецкого паши, которые пошли на жалованье и продовольствие матросам эскадры. Но Орлов при этом категорически отверг как «невместную» просьбу о русском протекторате над Ливаном ливанского эмира Юсефа Шахаба, который после Чесмы осаждал просьбами о принятии его в подданство Екатерины⁵¹.

Чесма знаменовала мощный и необратимый геополитический прорыв российской державы и на Западе, и на Востоке. Россия стремилась при этом не к расширению своих границ, а к их укреплению.

Благодарные современники высоко оценили героизм отважных сынов Отечества. По горячим следам в Екатерининском парке Царского Села гениальный Антонио Ринальди воздвиг три величественных монумента в ознаменование побед русского оружия. Два из них в память Архипелагской экспедиции — Морейскую и Чесменскую колонны.

В сознании россиян Наварин, Хиос и Чесма запечатлелись навечно. Память об этих подвигах воодушевляет все последующие поколения русских военных моряков.

⁵¹ Этот факт не единичен. Еще в январе 1771 г. население 25 островов Архипелага по собственной инициативе приняло российское подданство. Правда, ненадолго.

Россия и Мальта⁵²

В ночь на 12 мая 1698 г. на берег Мальты, небольшого острова в Средиземном море, сошел с корабля Борис Петрович Шереметев, неофициальный посланник русского царя. 14 мая он был принят тогдашним великим магистром Мальтийского ордена Раймоном де Переллосом, которому вручил грамоту Петра I.

Чем же привлек к себе внимание Петра полузабытый Европой островной мирок? Привлек настолько, что туда был послан один из его доверенных людей, заслуженно имевший титул «ближнего боярина»? Почему именно там за полгода до Шереметева побывал, говоря по-современному, один из руководителей российской внешней разведки – граф Петр Андреевич Толстой, оставивший подробнейшее описание крепостей и портов Мальты и Гозо? Чтобы ответить на эти вопросы, надо разобраться в международной обстановке того времени.

В конце XVII в. в Восточном Средиземноморье шла длительная война (1683–1699). Против Османской империи выступила Священная, или Антитурецкая, Лига — Польша, Венеция, Папское государство, Священная Римская империя германской нации, Мальта. С 1686 г. в Лигу вступила Россия, которая уже имела дипломатические и военные связи со всеми членами антиосманской коалиции, кроме Мальты, которой рыцарской рукой правили иоанниты, или, иначе говоря, госпитальеры.

В сущности, этот крошечка-союзник не обладал ни войсками, ни деньгами, ни значительным политическим влиянием. Однако в России эпохи царевны Софьи, а затем ее прославленного брата царя Петра I очень интересовались Мальтой. Много разговоров было об особом «рыцарском коварстве» и интригах, о чрезвычайной опытности мальтийских рыцарей во всем, что относится к делам военным и полити-

⁵² Статья написана в соавторстве с Л. В. Зелениной. — *Прим. Ред.*

ческим. Говорили всегда уважительно, но... с опаской: таинственных мальтийцев побаивались.

Мальта с 1530 г. была центром Ордена рыцарей Святого Иоанна, основанного в Иерусалиме в 1048 г. Первоначальной заботой этого рыцарско-монашеского братства был скромный уютный госпиталь во имя Святого Иоанна для паломников, прибывавших в Иерусалим поклониться Гробу Господню. Именно поэтому рыцарей называли не только иоаннитами, но и госпитальерами.

С 1118 г. рыцари-иоанниты взяли на себя защиту христианских паломников на дорогах Святой Земли. Сопровождали их усердно и деятельно. Защищали мечом, молитвой и врачеванием. Они составляли надежнейшие эскорты для всех, кто шел с миром древними дорогами Палестины. Причем защищать путников приходилось и от «чужих» — мусульман, и от «своих» — от христиан. Известно, что Крестовые походы, проходившие под эгидой Папы Римского, как правило, оборачивались кровавыми столкновениями католиков из Западной Европы с православными христианами, составлявшими значительную, если не большую часть подданных Византийской империи. Сколько же боев приняли рыцари-иоанниты, сколько накопили тайных знаний и богатств, защищая пилигримов, а нередко и наследуя их имущество, главным образом драгоценности, которые, как правило, брали с собой в дорогу путники многих стран и разных сословий.

Боевая выучка, мастерство врачевания своих и чужих ран прекрасно совмещались с особым духом Ордена — отрешенностью и обособленностью. От всего и от всех! Им, владевшим поголовно (!) основами гипнотического внушения, не составляло труда остановить мановением руки, да и просто взглядом безумца-рыцаря или фанатика-сельджука! Они, постигшие тайные врачебные познания халдейских мудрецов и уже в XII в. имевшие от древних арабов знания о строении человеческого тела примерно на уровне начала XX в., умели многое — зашить рубленую рану, остановить (или открыть) кровь, вылечить кишечные расстройства и прочие хвори, поражавшие паломников. Были среди рыцарей и такие, которые владели приемами психотерапии, — совсем не лишнее умение, ибо средневековые психозы, включая экстазные состояния паломников, бывали порой пострашнее песчаных бурь и скоротечных схваток с сарацинами.

Почти два века иоанниты врачевали, молились, собирали знания и вполне мирно уживались с местным населением — и мусульманским, и православным... В 1238 г. появилась папская булла, обвинившая иоан-

нитов в нарушении благочестия. Ватикан был взбешен тесными и благополезными связями рыцарей со всемирно знаменитыми сирийскими врачевателями, преимущественно мусульманами.

Отличительна почти забытая особенность этих рыцарей: они не миссионерствовали, не стремились обратить в католицизм местное население. Не потому ли обрели госпитальеры долгую, до наших дней, жизнь в истории? Во всяком случае, это была сила, которую уважали в Средние века и на Западе, и на Востоке.

С ними будут негласно сотрудничать, выказывать уважение и стараться не сталкиваться даже легендарные исмаилиты-ассасины — ночной ужас крестоносцев. То была особая каста профессиональных убийц, положившая начало террору и выработавшая основы конспирации, не знавшая жалости в своих акциях устрашения. Но мальтийский супервест — короткий рыцарский плащ с восьмиконечной звездой госпитальера — надежно охранял тех, кто носил его, от безжалостного кинжала ассасина.

Три монашеских по форме и высокочеловечных по сути обета, которые с конца XI в. принимали (и принимают) на себя госпитальеры, просты:

Послушание.

Благочестие.

Нестяжание.

Это было близко и понятно и католику, и православному, и иудею, и мусульманину. Всем!

Происхождение знаменитого Мальтийского креста теряется в III–IV вв. нашей эры. Восемь углов символизируют добрые качества христианина.

Есть и другое объяснение. Согласно древней легенде, такой крест был нашит на плаще рыцаря, изрубленного врагами. Рыцарь пал, залитый кровью, а крест на его супервесте остался безупречно белым. И почти тысячу лет рыцари носят алый супервест с белым крестом тех же очертаний, — но только в походах. В обычной жизни (и до сих пор) на них черный плащ с белым крестом на левом плече.

Безупречность репутации первых поколений госпитальеров была столь велика, что они становились третейскими судьями в спорах тех, кто не признавал подчас ни Бога, ни черта, ни своего короля. Порой рыцари-иоанниты выполняли роль военной полиции, умиряя словом и мечом оголтелых, одуревших от крови и грабежей крестоносцев.

По мальтийской легенде, иоаннитов не было среди крестоносцев, в 1099 г. заливших кровью и разграбивших Иерусалим, причем не только древнюю иудейскую и мусульманскую его части, но и христианскую.

И еще одна легенда. Когда в 1187 г. великий предводитель мусульман Салах ад-дин (Саладин) изгнал крестоносцев из Иерусалима, в плен попал один госпитальер. На допросе гневный вопрос задал ему Саладин:

— Как допустили вы, сыны Святого Иоанна, беззаконие в Святом Городе? Или забыли вы все три обета?

Молчание было ответом иоаннита победителю крестоносцев. Трижды задавал свои вопросы рыцарю воин ислама.

Молчал рыцарь-госпитальер. И ничего не понял разгневанный султан. Не заметил отрешенного взгляда за горизонт...

— Кинжалом взломайте уста нечестивцу! — велел Саладин.

Бросились к стоявшему на коленях госпитальеру... И отшатнулись. Он был мертв. Последним усилием рыцарь остановил свое мужественное сердце.

Велик в боях, но несправедлив в гневе был знаменитый султан. Затмила ему разум непокорность госпитальера. Увидел врагов в тех, кто ими не был. И началось!

— Убивайте собак-госпитальеров, где застигнете!

Алый супервест стал приговором к адским мукам, если раненый рыцарь попадал в плен к воинам Саладина и его преемника Бейбарса. Заметили ли они, что в определенный момент рыцари уходили из жизни по собственной воле, с улыбкой на устах, не нарушая, впрочем, христианского запрета на самоубийство. Останавливали сердце, когда палач мог бы вырвать унижающий рыцаря стон или мольбу о пощаде...

Тогда султаны придумали нечто худшее, чем смерть. Госпитальеров продавали на галеры. Однако феноменально закаленные и выносливые, целители по духу и навыкам, иоанниты выживали чаще, чем ожидалось.

Кроме того, Орден стремился выкупить всех своих рыцарей — и живых, и мертвых. По одной цене! Невероятной удачей для алжирских и тунисских галер было заполучить такого гребца в кандалах — он становился живым талисманом...

Испытав галерный кошмар и изучив ломаными ребрами и разодранными руками все тайны гребного дела, иоанниты создали свой гребной флот. И в течение шести веков были непревзойденными мастерами военного галерного флота. Причем искусство управлять ресурсами человеческого тела иоанниты успешно сочетали с боевыми искусствами. Сражаться голыми руками и тем, что попадало под руку, они умели, как никто на Западе. Мало кто — на Востоке.

Когда работороговец покупал рабов для рыцарских галер на невольничьих рынках Измира, Крита или Александрии, отчаянные крики и вопли

заполняли базары до высокого средиземноморского неба. Рабы с Востока и Запада хотели, чтобы их заметили и отобрали именно на те галеры, где суровые рыцари с белым крестом были беспощадны... и давали шанс душе и телу раба-галерника. Только на галерах госпитальеров у рабов был шанс выжить и вернуться на родину.

В боях, которые вели крестоносцы, именно госпитальеры всегда прикрывали отступавших, оказывали помощь раненым, причем и своим, и чужим. Отступая, иоанниты уходили налегке — унося с собой только оружие и древние рукописи. «Знания порой дороже жизни», — повторял великий магистр (гроссмейстер) Ордена Элион де Вилленёв.

В начале XIV в. король Франции Филипп Красивый уничтожил орден рыцарей Храма — тамплиеров. Многих из них пытали, чтобы узнать, какие сокровища хранят, в частности, госпитальеры — их собратья в алых супервестах. Но откуда это было знать развращенным богатством храмовникам — ведь честью и мудростью иоанниты не делились ни с кем!

Тевтонский орден не раз предлагал госпитальерам, «собратьям по Воинству Христову», объединить усилия, чтобы уничтожить «диких славян», живших в сказочно богатых землях Великого Новгорода и Пскова. Иоанниты не участвовали в походах рыцарей-католиков на Русь и Балтику (по крайней мере, организованно). Они, благодаря связям с Ираном и Китаем, знали, что с 30-х гг. XIII в. надвигается черная туча полчищ Чингисхана. А перед войсками степняков Центральной Азии прокатилась еще одна сокрушительная волна тюркского — сельджукского — нашествия на Европу. И после них тоже.

Турки-османы вышли к Босфору и Дарданеллам, начали вторжение на Балканы. На пути этого нашествия и встали рыцари-госпитальеры.

На Кипре до 1308 г., на Родосе до 1522 г. они создали мощные опорные базы-крепости, которые стали труднопроходимым барьером для установления османского господства на всем Средиземноморье.

В русском повествовании о «хождениях» (т. е. путешествиях) в Святую Землю, о злоключениях наших паломников в турецком плену можно встретить немало упоминаний о могущественных и таинственных рыцарях с белым крестом на плащах. Кого-то, брошенного в выгребную яму, они спасли и вылечили, кого-то выкупили с турецкой галеры, кого-то отбили, помогли бежать, и не только от турок...

В одном из величественных храмов современной Мальты — в кафедральном соборе Святого Иоанна (1573) есть потрясающее по выразительности надгробие одного из великих магистров Ордена — Никола

Котанера (1660–1663). Оно покоится на плечах двух согбленных гребцов. Одна фигура изваяна из черного мрамора — явно африканец. Глядя на другую, авторы содрогнулись. Безмерная боль и непоколебимая сила застыли навечно в беломраморной, филигранно проработанной фигуре нашего соотечественника — несомненно, славянина.

Согласно одному из преданий, это символ Запорожской Сечи, одно время находившейся в боевом содружестве с Мальтийским орденом. Другое предание говорит, что это польский магнат, князь Радзивилл, раб-галерник у османов, освобожденный рыцарями и долго живший при Ордене на Мальте.

По третьей версии это своего рода признание особой роли наших предков в истории мальтийского гребного флота. Выносливые, неприхотливые, не подверженные многим болезням, косившим народы Запада, наши русские предки чрезвычайно ценились как «двигательная сила» на боевых галерах рыцарей.

Весьма неоднозначно складывались стародавние отношения Ордена с Русью, Россией. Госпитальеры очень внимательно следили за возрождением Руси после ордынского ига. Видели в Московском княжестве союзника по борьбе с турками-османами. Они (во всяком случае, так гласит легенда) помогли Софье-Зое Палеолог и ее братьям покинуть Константинополь, разгромленный османами в 1453 г., и приветствовали брак Софьи с великим князем Московским Иваном III в 1472 г.

По некоторым восточным хроникам, госпитальеры полувеком раньше вошли в контакт со злейшим врагом османов — Тамерланом, отговорили его от походов на Север, то есть еще на жившую «под Ордой» Русь, передали через лазутчиков ценные оперативные сведения и тем самым помогли разгромить османов в 1402 г. под Анкарой...

Легенды и предания минувших эпох... Они объясняют по меньшей мере две ситуации — многовековую вражду госпитальеров с турками и осторожность в делах и связях с Восточной Европой.

...В 1522 г. 700-тысячная армия султана Сулеймана Великолепного сумела принудить к сдаче пятитысячный отряд госпитальеров, защищавших Родос. Опять же по легенде, султан Сулейман обещал «розе своего сердца», любимой жене Анастасии Гавриловне (Роксолане, Хуррем-султан) в подарок именно Родос, остров Роз, «мечту Средиземного рая». Хуррем-султан, или Смешливая султанша, подарок получила, но была разочарована. Она имела пристрастие поигрывать... ушами врагов своего возлюбленного супруга. Хорошо просоленные и просушенные, аккуратно отрезанные уши

врагов падишаха нанизывались на шелковые нити вперемешку с драгоценными камнями... С Родоса она не получила ни одного уха.

Рыцарь по духу и воспитанию, Сулейман Великолепный за невиданное мужество отпустил на свободу всех рыцарей Родоса. И не сожалел, что они ушли с оружием. Все они, пять тысяч человек, кое-как разместились на тридцати судах, а на двадцати остальных увезли... архивы, рукописи, книги, древнее которых были разве что египетские свитки.

Вот об этом утраченном трофее Сулейман Законодатель жалел до конца своих дней...

...В 1530 г. император Священной Римской империи Карл V передал иоаннитам свои коронные владения — острова Мальга, Гозо и Комино. С тех пор Орден стал именоваться Мальтийским.

Рыцари продолжали борьбу на море — с турками-османами, алжирскими пиратами, корсарами-ренегатами. Не забывали и о своей первоначальной миссии госпитальеров: больницы Мальты славились по всему Средиземноморью и Магрибу. Морская академия Мальты считалась лучшей в мире. Мальтийский коллеж вскоре получил статус университета. А общедоступная публичная библиотека в столице Мальты Валете была одной из крупнейших не только в Европе, но и на Востоке. Причем здесь, на Мальте, свободно общались с европейскими коллегами ученые из Османской империи — географы, историки, алхимики, медики. В напоминание об арабских и турецких поселениях остались на современной карте Мальты кварталы Мдина (Медина), Рабат, Зейтун, Мджар (Маджар) и другие. Мальта всегда умела хранить чужие тайны, — как, впрочем, и вклады. Не хуже, а порой и лучше, чем Швейцария...

Что касается Ордена, то он в эти годы объединял в своих рядах до 10 тысяч человек, разделенных на восемь «языков». Ему принадлежали огромные земельные владения по всей Европе. Первый серьезный удар по Ордену нанесла Реформация: как правило, в протестантских землях его имущество конфисковывалось. Но военное могущество Ордена, особенно в Средиземноморье, оставалось неоспоримым, а многовековые тайные связи и знания поражали.

Не удивительно, что Петр I, придя к власти и вскоре приняв решение ехать в Европу за опытом, послал близких ему людей — П. А. Толстого и Б. П. Шереметева — именно на Мальту. Борис Петрович Шереметев стал первым русским кавалером ордена Святого Иоанна Иерусалимского. А сопровождавший его советник Алексей Курбатов даже принял там капище. Того же ожидали и от Шереметева, но тщетно.

Личному посланцу русского царя была оказана единственная в своем роде честь: Шереметев на сутки стал адмиралом мальтийского флота и удачно командовал боевой операцией против турецкой эскадры. Есть все основания полагать, что умница Борис Петрович «смотрел» мальтийских мореходов «в деле» перед тем, как пригласить их на русскую службу. Что-то не сладились... Впрочем, была достигнута негласная договоренность, что Мальта не станет укрывать сановных беглецов из России. Кого боялись упустить? Загадка Петра!

После поездки Шереметева на Мальту, которая и по сей день неизменно включается во все обзоры истории Мальтийского архипелага, военная и политическая жизнь Мальты надолго оказывается в фокусе большой морской политики держав. На то были очевидные политические причины, а также «резоны деликатные», не столь явные. Со времен вольтеровской «Истории Петра Великого» бытует версия, что в свите Шереметева был некий молодой человек, ростом на голову выше прочих; он отличался особой любознательностью в делах корабельных и держался со свободой и непринужденностью, которых другие свитские Бориса Петровича как бы и не замечали... Не забудем, что все материалы Вольтеру посылала сама Екатерина II, в российской истории весьма сведущая.

Во всяком случае, в кругах самого Ордена сейчас никто не сомневается, что Петр инкогнито посещал Мальту, разрабатывая свой план выхода к теплым морям.

Но вернемся к европейской политике рубежа XVII–XVIII вв.

Англия и Турция (Османская империя); Франция и Турция; Россия, Турция и державы — все эти и многие другие комбинации государств, включая Испанию, Португалию, Неаполь и другие итальянские земли, свои средиземноморские интересы неизменно увязывали с Мальтой и Орденom.

Стратегическое положение Мальтийского архипелага очевидно, но исследователи нередко упускают из вида то огромное влияние, которое оказывал Орден на арабских североафриканских правителей. Полунезависимые от османских султанов деи и беи Магриба — Алжира, Туниса, Марокко и даже мамлюкского Египта — вынуждены были считаться с позицией мальтийских владык. Мощный галерный флот, неприступная крепость в Валете (при отменно защищенной бухте) превращали мальтийцев либо в желанных союзников, либо, что бывало чаще, в противников, которых лучше не иметь. Посредниками же рыцари были безупречными — молчаливыми и точными во всех обязательствах.

В России в то время вырабатывалась новая стратегическая линия взаимоотношений с державами — близкими, как Швеция и Турция; дальними, как Англия, Голландия и... Мальта.

Примечательно, что первому постоянному посланнику России в Константинополе П. А. Толстому перед этим важнейшим назначением была поручена миссия именно на Мальту: боевое мастерство мальтийского галерного флота и непревзойденный трехвековой кровавый и героический опыт отражения осады прибрежных крепостей — вот что было в центре внимания одного из руководителей петровской военной разведки. Ведь, собственно говоря, именно традиции мальтийского флота легли в основание боевого пути флота российского, галерной его части.

Уже в бытность свою на посту «орта ильчи» — полномочного посланника России в Османской империи (с 1701 по 1713 г.) П. А. Толстой не раз возвращался к своим двухлетним мальтийским впечатлениям. Одним из итогов его поездки (1697–1699) на Мальту стал общий негативный отзыв о перспективах галерного флота, даже оснащенного современными орудиями.

Исследователи в России и за рубежом неоднократно отмечали, что так называемые статейные списки Толстого (посольские отчеты) отличались высоким уровнем осведомленности по кораблестроению и организации морского дела. Информация по этим вопросам к нему и его преемникам П. П. Шафирову, А. И. Дашкову, И. И. Неплюеву стекалась ручейками тонкими, но живительно важными от венецианцев и мальтийцев. Лишь на исходе своего пребывания в Турции, причем под сильным давлением Петербурга, Толстой постепенно смещает акценты в контактах на торговцев и ученых из Рагузы (Дубровника).

Ослабление связей России с Мальтой объясняется не только переменами в политике Петра и его ближайших преемников, когда крошечному архипелагу оказалось сложно привлекать внимание вышедшего к Балтике северного исполина. К тому же вплоть до того времени, когда великим магистром Ордена был избран португальский рыцарь Манозль Пинто де Фонсека (1741–1773), мальтийцев раздирали внутренние распри. Не слишком способствовало контактам с Россией и то обстоятельство, что великий магистр Марк Антуан Зондари (1720–1722 гг.) являлся племянником Папы Александра VII и укреплял, как мог, позиции Ватикана на Мальте.

Португалец, родственник королевского дома Антуан Манозль де Вильена (1722–1736 гг.) и его преемник, выходец с острова Минорка

Раймон дю Пьюи (1736–1741 гг.) весьма успешно боролись с алжирскими пиратами, активно торговали рабами, в том числе и перепроданными через Стамбул несчастными жертвами набегов крымских ханов на южно-русские земли. Но им были далеки соображения, как мы бы сейчас сказали, геополитического порядка. О России как бы забыли.

При Пинто де Фонсеке поток информации о России на Мальту несколько усилился, хотя имел весьма специфическую окраску. Ученый-алхимик и любитель-биолог, великий магистр Пинто много общался с кудесником и путешественником Калиостро. Последнего, как известно, неукротимо влекло в Россию. Калиостро одно время выдавал себя за незаконнорожденного сына великого магистра и мага — все того же Пинто де Фонсеки и вещал об этом в салонах России, вызывая восторженное дамское «ах!». Часто экспансивного мага сопровождали двое скромных спутников: поразительной красоты молодая женщина и ее застенчивый, чуть косивший правым глазом супруг. Это были родная сестра Калиостро Джулия и ее муж Антонио Канова (1757–1822). Джулия и Калиостро записали для Ордена интереснейшие наблюдения о екатерининской России. Ну, а Антонио — тот самый великий скульптор, который своими работами (лучшие из них хранятся в Эрмитаже) обессмертил любимую им Мальту и Россию.

Ситуация с Калиостро, Россией, Мальтой и сейчас не вполне ясна. Впрочем, когда через пару лет после восшествия на престол Екатерина II поручила своему посланнику в Вене князю Д. А. Голицыну возможно скорее отыскать среди рыцарей на Мальте человека, способного возглавить строительство нового галерного флота в России, при поддержке Пинто таковой нашелся моментально. Напомним, что это было в 1764 г. Однако вмешались постоянные представители Франции, Испании, Австрии и Неаполя на Мальте. Они «разъяснили» командору Р. Мазену, опытному мореходу, что в России жутко холодно, апельсинов нет совсем, а на троне и вовсе мужеубийца воссела... Боевой адмирал заскучал и ушел в поход к алжирским берегам. За апельсинами?..

Суть дела, скорее всего, в том, что влияние держав, особенно Франции и Испании, в середине века существенно возросло, а легендарная морская выучка мальтийских мореходов падала по мере вовлечения великих магистров в политические интриги Европы и отвлечения от проблем флота.

Однако Манозль Пинто де Фонсека настоял на своем. На боевых галерах Ордена в течение последующих лет, вплоть до начала войны России с Турцией (1768–1774), проходили службу шестеро русских морских офи-

церов. Известна переписка великого магистра Пинто с Екатериной относительно прекрасных моральных и профессиональных качеств этих русских офицеров. Все шестеро россиян — А. Козлянинов, Н. Селифанов, А. Скуратов, Б. Мосолов, Х. Коковцев, Ф. Rogozin — вошли в состав экипажей русской средиземноморской эскадры Г. А. Спиридова. Среди них были участники легендарной Чесмы (1770), десанта на Бейрут (1773), совместной русско-турецкой экспедиции Ф. Ф. Ушакова и Кадыр-бея против Наполеона в Средиземноморье (1799).

Тем не менее разыскания авторов свидетельствуют, что Мальта не слишком много значила в планах Екатерины — ни в период так называемых двух екатерининских войн, ни позднее, в годы борьбы коалиции европейских держав с Наполеоном.

В планах Петербурга довольно четко просматривались такие близко расположенные к турецким Дарданеллам территории, как Египет, даже Сирия, некоторые острова Греческого архипелага. Примечательно, что в переписке Вольтера с Екатериной Египет упоминается много раз, но Мальта — ни разу. Екатерине был нужен прорыв в Черное и Средиземное моря, а не столкновения с державами, имевшими на Мальту свои виды.

Впрочем, напряжения избежать не удалось. После победоносной для России войны и Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Османская империя начала готовиться к реваншу, а Россия — к овладению Крымом и мощными турецкими крепостями на Дунае.

Из радужных планов императрицы, горестных вздыханий султана Абдул Хамида I и алчных амбиций австрийского императора Иосифа II в середине 80-х гг. XVIII в. начало материализовываться нечто химерическое, пугавшее почти два столетия все державы Европы, — «Греческий проект» Екатерины и Иосифа II. Венценосцы задумали ни много, ни мало раздел Османской империи, воцарение второго внука Екатерины Константина в Константинополе и т. д. Под раздел попали бы и африканские владения Турции, расположенные вблизи Мальты.

Ответом «Греческому проекту» стало обновление идеи османского халифата, или султанского «патронажа» над всеми мусульманами в мире.

Халифат рыцарей не волновал, но «Греческий проект» встревожил крайне. Тем более что в то время откровенно враждебными были отношения Валеты и Лондона, поскольку около сотни мальтийских рыцарей воевали в Америке на стороне Соединенных Штатов в борьбе за независимость от Англии (1775–1781).

Неугомонный прожектор Иосиф, находившийся под сильным впечатлением от встреч с российской самодержицей и совместных поездок с ней по Югу России, побывал в Неаполе. И на Мальте заговорили, что Королевство обеих Сицилий, как формальный сюзерен Мальты, передаст Мальтийский архипелаг России, а Австрия, в свою очередь, получит в обмен... Впрочем, рыцарям было все равно, что отойдет Вене: Москва, Галиция, Краков или Нижний Новгород. Главное — они не хотели попасть под руку всеильной императрицы! Это уж точно, тем более что из первых уст им было известно, что некоторые из христианских правителей дружеских племен в Сирии действительно предлагали свои земли России. Знали в Средиземноморье и о Георгиевском трактате 1783 г. о покровительстве России Грузии. В том же году Крым — изумруд в рукояти кинжала османского падишаха — стал российской провинцией.

Всем также была известна угроза австрийского министра иностранных дел графа В. А. Кауница провести реформы на Мальте («так, как они нам видятся»). В свете «Греческого проекта», австро-русского альянса, следовавших разделов Польши можно себе представить, о чем толковали мальтийские рыцари в эти переломные для всей Европы годы.

Ситуация разрядилась с появлением на острове в январе 1770 г. первого постоянного дипломатического представителя России в ранге посланника — маркиза Кавалькабо, венецианца по происхождению.

В задачу маркиза входило, как значилось в его инструкциях, «стараться склонить (гроссмейстера Пинто. — *Авт.*) к вооруженному содействию России против Турции, выставляя на вид, что Орден Св. Иоанна Иерусалимского в самых обетах своих объявил постоянную войну неверным»⁵³. Фактически это означало, что Екатерина обращалась к мотивации Священной (Антитурецкой) Лиги конца XVII в., а не к политическим реалиям своего времени.

В конечном счете, даже не военные действия против османов, а неучастие Мальты в каких-либо совместных с Францией (инициатором войны Турции с Россией в 1768 г.) акциях против России было в центре внимания маркиза Кавалькабо.

Два личных послания императрицы к гроссмейстеру содержали благодарность Ордену за подготовку шести флотских офицеров и обещание оказывать помощь мальтийским рыцарям в их экспедициях. Долг вежливости? Не совсем, если учесть прочные тогда еще русские позиции на

⁵³ Цит. по: Перминов П. *Под сенью восьмиконечного креста*. М.: Международные отношения, 1991. С. 78.

Аляске и севере Калифорнии и активность рыцарей в борьбе Соединенных Штатов за независимость...

Мальтийские галеры ходили не только на север Атлантики, но и гораздо ближе — к Святым Местам Палестины. Рыцари сопровождали паломников из Европы за весьма значительное вознаграждение, достигавшее 300 золотых крон. Русское влияние в Сирии и Палестине было в эти годы в зените, поэтому плавание в водах Восточного Средиземноморья тоже могло рассматриваться как «экспедиция», которую поддерживает Россия.

Ответ Ордена Екатерине был почтительным, благодарным и очень осторожным. Рыцари обязались соблюдать нейтралитет, особо отметив, что военные действия на Леванте с их участием могли бы поколебать общий принцип невмешательства держав в войну России с Турцией. Орден разрешал стоянку и ремонт кораблей в Валете, ограничив их число — не более четырех одновременно.

Екатерина была несколько раздосадована, но, как всегда, сумела довольно скоро отделить дело от амбиций. Тем более что и А. Г. Орлова, инкогнито побывавшего на Мальте летом 1772 г., приняли чрезвычайно пышно, и ремонт русских кораблей осуществлялся быстро и качественно. Русскую миссию в Валете окружили почетом и уважением. Боевой корабль мальтийских рыцарей-добровольцев под командованием бывшего наставника русских офицеров графа Р. Мазена до конца войны сражался в составе эскадры Г. А. Спиридова.

В Петербурге в 1769–1776 гг. успешно осуществилась миссия видного мальтийского дипломата Мишеля Саграмызы, уроженца Вероны. По прямому указанию Екатерины II в пользу Ордена разрешился почти двухвековой спор о собственности рыцарей в Польше. Было учреждено приорство Польское с шестью командорствами. Известно, что еще великой княгиней Екатерина Алексеевна, в обход не жаловавшей мальтийцев Елизаветы Петровны, поддерживала приватные контакты с Орденом и его людьми в Варшаве.

В 1784 г. на Мальте было учреждено русское генеральное консульство. Это отвечало сразу двум целям русской политики в Средиземноморье: были пресечены распространившиеся было слухи о внедрении России на Мальте. «Наблюдение интересов коммерческих» (это относилось к портам Леванта и Южной Италии) и политических (повсеместно) стало делом дипломатов-профессионалов.

Правда, сначала казалось, что выбор генконсула был не очень удачен. В ранге «поверенного в делах» на должность был назначен капитан

II ранга Антонио Псаро. Кавалер ордена Георгия IV степени за войну 1768–1774 гг., он не был кавалером Ордена Святого Иоанна.

Случай редчайший: как правило, представитель какой-либо страны на Мальте должен был быть иоаннитом. Мало того, российский посол был грек, значит, православный, а не католик. Еще «хуже» — Псаро был родом из греческих торговцев-корсаров, врагов Ордена на протяжении столетий.

Но что делать — политические связи с Петербургом были для мальтийцев важнее формального рыцарства. Хотя и неохотно, Мальта согласилась на Псаро. И не ошиблась.

Грек был умелым моряком — он и сам садился на весла вместе с рыцарями, и командовал галерами во время показательных рейдов.

Кроме того, Псаро сделал два шага, которые вошли в историю отношений Мальты и России. Во-первых, демонстративно отправлял свои депеши в Петербург через почту Ордена: хотите — читайте, хотите — не вскрывайте! А во-вторых, договорился с начальником мальтийской таможни (он же — крупнейший банкир на острове) о чрезвычайно выгодном Ордену кредите для развития русской торговли в Средиземноморье. Раз другой он «невзначай» дал видным людям Ордена почитать депеши из Петербурга, в которых говорилось как раз о строгом соблюдении Россией интересов Мальты в «вооруженном нейтралитете» на морях.

Рыцари были растроганы. К тому же получили свои проценты в золотой монете. «Лучшего посла, чем грек Псаро, на острове еще не было», — констатировал Орден и поднес потомку греческих корсаров рыцарский меч. Но в члены Ордена его не приняли. А он-то даже пожаловал на ремонт Госпиталя свое годовое жалованье!

Великий магистр Эммануил Мари де Неж граф де Роган-Полдю (1774–1797) послал Екатерине II, совершавшей в 1787 г. свою триумфальную поездку по Крыму и южным губерниям, «Пальмовую ветвь» — символ бессмертной славы и побед. Жест, с политических позиций, очень смелый, если учесть, что Европа, как писал современник, «набычилась», а «Джон Булл» (т. е. Англия), тот и вовсе сжимал кулаки от ярости при одном упоминании о Севастополе, Крыме и Черноморском флоте России.

«Ветвь» эту доставил в Россию, по личной просьбе великого магистра, именно Антонио Псаро. Императрица торжественно вручила ее своему сподвижнику и тайному супругу Г. А. Потемкину для водружения на самом подходящем месте — на флагманском корабле нового Черноморского флота России.

Ошибка императрицы

Дорога домой не бывает слишком длинной. Так гласит молва. Так говорят старики, что в своих бурках, накинутых на сухие, но еще гордо расправленные плечи сидят в ожидании вестей. Своими крючковатыми носами, запавшими цепкими глазами и неспешной мудростью усталых воинов, повидавших жизнь, даривших радость и смерть, были похожи на орлов, подлинных властелинов долин и гор, что вместе с серовато-зеленым в этих краях Каспием составляли ханства Кубинское и Дербентское.

Шел палящий август 1775 года. Пыль над трактом, что ведет из чуть охлаждаемого морским ветерком Дербента на север, к русскому Кизляру, была так прокалена жаром, что уже не оседала.

Клубилась пыль, туманилась от зноя голова. Посланцы Фатали-хана Кубинского и Дербентского возвращались в родные края из поездки к русской царице.

Взметнулись чем-то встревоженные орлы. Взмах-другой могучих крыльев — они поплыли в высоком белесом небе, коротким клекотом обозначили недовольство: нет добычи здесь, будем искать... Старики были терпеливее, выдержаннее, мудрее. На все воля Аллаха Всевышнего! Иншалла! Образуется...

Посланцам хана было много хуже. В радостную пору цветения гранатов весной 1775 г. в далекую русскую столицу на Неве-реке, такой стылой, что на ее берег и летом без бешмета не выйдешь, отправились семеро (благословенная цифра!) храбрецов. Во главе их стоял Назир Кубинского ханства (первое лицо после хана) и правитель Дербента — мудрый и осторожный Мирзабек Фархадбеков, тень и меч воителя и устроителя земель северо-восточного Азербайджана Фатали-хана. «Первого человека при хане», как называли Мирзабека русские источники, сопровождали «мужики пера», что разумом светлы, знанием богаты, а преданностью хану прослав-

лены от реки Самур до реки Куры. Это были кятибы — письмоводители: Мирза Садых Мухаммадвелиев, Мухаммедабек Алибеков и Пири Саид Ахмедов. С ними также ехали «мужи меча» — славные в боях и переговорах Новруз Мурадов, Али Машанкулов и Сафарали Оджах Гулиев.

Уехало семеро джигитов, возвращалось шестеро. Да с таким настроением, что павлину без веера-хвоста и то на душе легче. Назира Мирзабека задержал в Кизляре вздорный, как больной евнух, и лукавый, как торговец несвежей халвой, русский воинский начальник генерал де Медем. Даже переводчик Василий Валуев, служилый русский дворянин, и тот пропал, как только Терек миновали. Главное же — они не смогли не только увидеть русскую царицу, но даже попасть в столицу Петербург. Дальше Москвы их не пустили, выше московских градоправителей не приняли. От того и дорога домой длиннее ночи без луны и душа болью звучит, как надтреснутый ребаб. А ведь как все выстраивалось!...

Присядь, о читатель, на ковер благомудрия в шатре размышлений, и я, недостойный, разверну перед тобой диван надежд и печали наших предков.

В 60-х — начале 70-х гг. XVIII в. императрица Екатерина II утвердилась в намерении обезопасить Юг России от крымско-турецких набегов и открыть, наконец, Босфор и Дарданеллы для русских торговых кораблей, чтобы те шли в Европу и далее, куда получится. Азербайджанские земли в то время претерпевали большие трудности. Их зажимали с севера воинственные южно-дагестанские и вайнахские (чеченцы, ингуши и др.) соседи, с юга и юго-востока — турки и персы, беспощадные друг к другу, а уж тем более к южно-кавказским азербайджанским ханствам-султанствам. Правители Северо-Восточного Азербайджана были вынуждены выстраивать политику сложную и долгую, как сказание певца-ашуга.

Наиболее деятельным, прозорливым и гибким показал себя Фатали-хан Кубинский и Дербентский. Опираясь на свой центр торговли и политики — древнюю Шемаху, царица которой, как было известно Пушкину, пленила царя Дадона, Фатали-хан был последователен в выборе основных военно-политических ориентиров. Традиционные многовековые связи (торговые, культурные, меньше — военные) Шемахи и Дербента с Московским государством стали для собирателя Северо-Восточного Азербайджана Фатали-хана основой политического курса, тернистого, но непреложного, как Великий Шелковый Путь.

На Большой государственной печати Фатали-хана явственно читаются (теми, кто владеет арабской графикой, разумеется) слова: «Судьба

начертана на зените неба, развернулось знамя Фатали»⁵⁴. Он с достойной твердостью отверг предложения османского султана Мустафы III о совместных действиях против русских войск во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., равно как и просьбу Стамбула, — по крайней мере, не допускать русские войска через территорию Кубинского ханства в Грузию. Рискуя столкнуться с сильными соперниками – ереванскими и бакинскими ханами, склонными к союзу с османами, Фатали-хан устоял, чем заслужил уважение ряда других азербайджанских ханов и грузинских картли-кахетинских правителей.

Екатерина «доброхотство» шемахинского владыки оценила. Коллегия иностранных дел России в феврале 1770 г. через консула в Сальянах (на р. Куре) передала ему «монаршее благоволение» и неопределенное обещание «достойного воздаяния»⁵⁵. Не Бог весть что, но хана и это вдохновляло.

Ему приходилось думать о ближайших противниках. В Персии (Иране) в то время грызлись, как шакалы у павшей газели, племенные вожди из зендов и каджаров. Наемники, лошади, провиант, — все это они так и норовили урвать на азербайджанских землях. Справедливо отмечал полузабытый источник «Асари–Дагестан» (издан: Махач Кала, 1927), что распространение своего влияния на Шеку, Гянджу, Карабах, Ардебиль, Тебриз (Тавриз) для Фатали-хана есть средство для спасения Кубы, Шемахи, Дербента и других его земель.

Любопытно, что в разгар Крымской войны (1853–1856) российская газета «Кавказ» (№ 94, 1854) опубликовала архивные записи рассказов русских купцов, торговавших в Шемахе и Дербенте: Егора Замятина, Степана Шарипина и Ивана Матвеева, — относящиеся к сентябрю 1769 г. Российские негодянты с большой симпатией и сочувствием говорили о попытках Кубинского хана утвердить «порядок без разбоя на дорогах и меру в торговле, чтобы в Тебриз, Решт, Казвин и куда далее ходить...».

Однако в 1771–1773 гг. ситуация сложилась для Фатали-хана неблагоприятная. Коалиция соперников – местных азербайджанских и аварских ханов оставила его, как грустно заметил русский консул А. Боголюбов, «в печали и молчаливости».

В июле 1774 г. произошли два разновеликих, но для нашего «дивана мыслей» примечательных события. Был подписан русско-турецкий мир-

⁵⁴ Указы Кубинских ханов. Тифлис, 1937. С. 61.

⁵⁵ Документы эти историкам известны. См.: Маркова О. П. *Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке*. М.: Наука, 1966. С. 141.

ный договор в Кючук-Кайнарджи, а за три тысячи верст от этой деревушки, на Гавдушанской равнине близ нынешнего г. Худата войска Фатали-хана были разгромлены объединившимися против объединителя врагами.

Шамхал (правитель, князь) Тарковский, что прислонялся тогда спиной к Каспию, владея землями к югу от реки Сулак, и по необходимости (поскольку был «сильно утесняем» кумыкскими и чеченскими набегами) остававшийся союзником Фатали-хана, почел важным сообщить в Петербург: «Фатали-хана разбили, более теперь он надеяться не может, как на Россию»⁵⁶.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. поражал современников (и в том пример нам, грешным) тем, как удачно русская дипломатия добилась «собственных видов и выгод». Например, ей удалось увязать открытие Черноморских проливов для торгового мореплавания под российским флагом с идеей формального права защиты православного населения Османской империи. Кавказские проблемы были сформулированы в трактате в самом общем виде и касались, прежде всего, Западной Грузии, где власть османской империи упразднилась. В то же время Восточная Грузия (Картли-Кахетия в своей основе), граничившая с владениями Фатали-хана, сохраняла свои довоенные границы и статус. И при этом турки согласились признать независимость Крымского ханства от власти турецкого султана, исчислявшейся с 1472 года.

Фатали-хан, как сообщали наблюдательные русские консулы, «с вниманием первостатейным» относился к трем вещам: ухоженности личного оружия, состоянию лошадей — своих и охраны, и... своевременности сведений от властительных соседей. Он, как пишут все источники, внимательно следил за развитием событий на русско-турецком фронте. Из числа первых ханов уяснил значение мирного договора и обратил внимание на то, что оба царя — и Западной Грузии, и Грузии Восточной — рассчитывают получить «подданство» России или какое-то покровительство, на манер того, что распространено над балканскими христианами⁵⁷.

Фатали-хан знал также, что обеты Петербурга царям Ираклию II и Соломону I были более чем сдержанными, но ведь и Египет и Сирию с Ливаном Екатерина в подданство принимать отказалась⁵⁸, а уж как еги-

⁵⁶ *Архив внешней политики Российской империи. Ф. Персидский стол. Д. 470. Л. 75; Абдуллаев, Гаси. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 525.*

⁵⁷ Цагарели А. *Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии*. Т. II. Вып. 2. СПб., 1902. С. 1–2, 4–6, 267–268.

⁵⁸ См. в настоящем сборнике статью «Россия и Турция: развитие взаимных представлений народов».

петское мамлюки того «искали»! Сам Вольтер в том пользу для России обнаруживал и за мамлюков перед государыней заступался...

Мнение великого вольнодумца о делах в безмерно далекой от него Кубе нам неизвестно. Документально подтверждены и давно опубликованы оценки ситуации в Северо-Восточном Азербайджане академиков Российской Академии наук С.-Г. Гмелина, Г. Гильденштедта, М. Биберштейна, И. Лерха.

В составе нескольких исследовательских экспедиций Академии наук, оплаченных такими известными меценатами, как А. А. Мусин-Пушкин и Вл. Орлов, в 1760-х – 1770-х гг. академики несколько раз проехали по охваченным междоусобной войной землям Азербайджана и Северного Кавказа⁵⁹. Авторитет российских ученых был столь высок, их лояльность и компетентность вызывали такое глубокое уважение у местного населения от хана до простого нукера, что посвист пуль над головой рассеянный Самуил-Готлиб Гмелин нередко принимал за полеты шмелей.

Человек достаточно доверчивый и искренний для своего положения, когда даже ишак мог лягнуть хана, Фатали-хан, тем не менее, не без основания сомневался в подлинных целях экспедиции С. Гмелина. Хан, добросовестно обеспечивавший конвой, провиант, короче – безопасность Гмелина, однажды все-таки не удержался (1770):

— Ваше собиране трав основано на сущем обмане и служит прикрытием для сбора совсем иных сведений. Как связаны между собой время восхода луны и число нефтяных колодцев? При чем тут подсчет их общих «доходов» и план бакинской гавани?

«Фет Али-хан... — писал Гмелин в очередном отчете в Петербург, — действительно помогал в моем путешествии... Между тем я старался убедительными доводами отвести его от ложного мнения, но из всего ясно приметил, что он при нем и остался».

Ситуацию тогда разрядила не сказочная, а живая, «во плоти, кружащей разум и лишаящей сна», жена Фатали-хана, красавица Туту-Бике, которая с 1766 г. самостоятельно управляла Дербентом и даже успешно отбила осаду города, учиненную осенью 1774 г. ее родным братом, уцмием (т. е. правителем) Каракайтага. А тогда, в 1770 г., мудро заметила, послушав про «петербургского сказителя»:

⁵⁹ См.: Гильденштедт А. *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа*. СПб., 1809; Гмелин С. *Путешествия по России*. Ч. 3. Экспедиционная комиссия 1768–1774 гг. *Вестник АН СССР*. 1931. № 7.

— Я служу тебе, мой хан, и храню Дербент. А он служит своей царице и протаптывает ей дорогу в Северный Иран. Беспокойная женщина — царица Екатерина. То в Крым смотрит, то... Одним словом, без мужа. Вах!

На исходе зимы 1775 г., когда солнце военного счастья Фатали-хана и Туту-Бике ушло за тучу сомнений, а враги умножились саранчой, случилась беда. Злой и опасный, как неперелинявшая гюрза, умций Каракайтага, чтобы уж вконец досадить Фатали-хану и непокорной сестре, захватил в плен всю экспедицию Гмелина. Зиндан не Большая гостиная в здании Академии наук... Умер академик.

Императрица в праведном гневе повелела «сделать надлежащее к освобождению» других членов экспедиции и уцмий Амир-Хамзу наказать. Отряд русских войск только начал выдвигаться из Кизляра в направлении злополучного Каракайтага, как Фатали-хан выслал упомянутую делегацию своих вернейших людей. Навстречу выступавшим, как бы заявляя: вот я, здесь, и буду с вами. Конечной целью этого первого посольства азербайджанских ханов было обратиться напрямую к Екатерине с просьбой о покровительстве России над Кубинским ханством.

Пространное послание на фарси, богато и изящно исполненное в лучших традициях восточной каллиграфии, и поныне хранится в Архиве внешней политики Российской империи.

Письмо до царицы дошло. Послы — нет. Почему?

Фатали-хан пространно, но четко и убедительно возводил к Петру I, к эпохе его Дербентского похода дружбу России и правителей Кубы — деда и отца Фатали-хана. Объяснял, что ни посулы и дары Стамбула, ни выгоды союза с Ираном, обещавшим помощь против внутренних врагов, не могли поколебать твердой решимости «...пребывая под стягом великой державы — России, найти убежище в милосердии ее высокого двора».

Дальше шло главное. Ссылаясь на «спокойствие, благополучие и самостоятельность в делах собственных [читай — внутренних. — В.Ш.]», обретенные крымским ханом в Крыму, а грузинами в Грузии, Фатали-хан просил у императрицы, по сути, немногого.

«Дать указание его превосходительству генерал-порутчику [де Медему, что стоял в Кизляре. — В. Ш.], дабы он в этой ...обстановке наказал и усмирил моих врагов и отвоевал полностью от неприятелей весь Ширванский край по эту сторону от реки Куры и предоставил мне с тем, чтобы я в

правлении большими делами был спокойным и самостоятельным в делах упомянутых вилайетов»⁶⁰.

По некоторым свидетельствам, изумруд души хана, нежная, как лунный свет на ланитах юной девы, многомудрая, как Шехерезада, свирепая, как волчица в гоне, Туту-Бике посоветовала вместе с письмом и богатыми дарами послать владычице Севера ключи от Дербента, которые она хранила в тени своих грудей... Мирзабек — глава миссии, так и сделал.

С мая по июнь 1775 г. через Астрахань, долго и трудно — в стране догорали пожары Пугачевского восстания — посольство добиралось до Москвы. Там их и задержали. В Петербург помчалось только письмо и ключи от Дербента. Ключам Екатерина умилилась — великий Петр держал их в своих руках, но оставил по принадлежности! Письмо изучали долго и основательно. Дабы на Москве гости не скучали, им отпустили кормовых 3439 рублей да 90 копеек. Огромные деньги! Ублажали в рамках дозволенного предписаниями ислама, показывали посланцам все красоты Москвы и Подмосковья.

За это время произошли серьезные подвижки в оценке ситуации самой Екатериной. Дело в том, что еще в середине июня 1775 г. в Петербурге был получен рапорт де Медема, сразу названный императрицей «престранным». Де Медем докладывал (рапорты из Кизляра на берега Невы шли, точнее, летели менее двух недель!), что противники Фатали-хана отступили, что хан при поддержке его воинского отряда обрел всю полноту власти и «вступил со всем владением под покровительство России».

Генерал ждал Андреевской звезды, славы, присылки войск и денег для приведения в порядок расстроенных дел в Кубинском ханстве. Схлопотал раздраженную резолюцию императрицы: «Чорт велел к Дербенту идти!»

Спустя четыре месяца, когда в «дело о нечаянном и ненужномобретении Дербента» был вынужден вмешаться Г. А. Потемкин, чтобы вызвать из окружения войско «незадачливого расширителя пределов российских», Екатерина II написала по поводу неуместного вмешательства де Медема в конфликт местных азербайджанских властелинов: «Советую возвратить [де Медема в Кизляр, на территорию России. — *Авт.*]: его превосходительства кратчайшее дурачество из дурачеств есть лучшее»⁶¹.

Мирзабек со товарищи пребывал в изумлении от непривычного быта и облика москвичей и Москвы, предавался долгим и многозначительным,

⁶⁰ Перевод XVIII века. Цит. по: Абдуллаев, Гаси. Азербайджан в XVIII веке... С. 545; Архив Государственного Совета. Т.1. Ч. 2. Стлб. 787.

⁶¹ См.: Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 27. СПб., 1880. С. 59-80.

но ничего не значившим беседам с русскими должностными лицами, кои выполняли краткое царское повеление: «обнадежить покровительством». За семьсот верст от преспокойной Москвы, в Петербурге, кипели страсти воистину государственного уровня. Были получены и деятельно обсуждались и в узком кругу — Екатерина II, канцлер Н. И. Панин, еще два-три человека, — и на Государственном Совете многочисленные послания.

Муртуза Али, шамхал Тарковский, засыпал Петербург и своего конфиденнта Г. А. Потемкина просьбами принять **непосредственно в российский подданство**. Деятельно домогался «совокупиться с Российской армией» ради сокрушения смутьянов и ниспровергателей друга России наивернейшего — Фатали-хана. Шамхал справедливо подчеркивал, что земли получил не из рук сюзерена — шаха Ирана, а от кубинского хана лично, значит, Ирану не место в делах, что меж верных друзей.

Не забудем, что Северный и Северо-Восточный Кавказ не были напрямую охвачены движением Е. И. Пугачева. Однако Пугачева поддерживал, и это все знали, причем не только грамотами и обещаниями звания паши, османский султан Мустафа III. Зловещий призрак присоединения к бунту недовольных русской политикой горцев Предкавказья являлся Екатерине не только по ночам, но и наяву в течение 1772–1774 гг. Куба, Дербент, Баку, Тарки — это, конечно, хорошо, но дагестанские войска подступают к Кавказской линии отнюдь не с барашками, халвой и пахлавой!

«Убийственной вестью» назвал Н. И. Панин восторженное письмо от Ираклия II, формально подданного Стамбула под именем Эрекли-хана, о нечаянной радости по поводу рейда де Медема на Дербент и желательности войны в Дагестане. Все во имя скорейшего принятия русского подданства⁶². Со стороны Екатерины и Панина тотчас последовала краткая резолюция: «невместно!» — и пространные рассуждения на очередных заседаниях Государственного Совета. Витиеватые, но благорасполагающие ответы пришлось давать Стамбулу, который очень внимательно отслеживал ситуацию на своих анатолийско-закавказских границах. Высокая Порта намеревалась при случае добить разобщенный Иран, и «русское ханство» на возможном пути янычар в земли кызылбашей было султану, что колючка саксаула в бешбармаке.

Высокую Порту умиротворили специальным посланием Екатерины о нерушимости всех статей и положений Кючук-Кайнарджийского мирного трактата. Чрезвычайный посол Н. В. Репнин письменно и устно

⁶² Цагарели А. *Грамоты...* Т. II. Вып. 2. С. 268–269.

заверял в Стамбуле Августейший Диван и вдумчивого Абдул Хамида I в том смысле, что на Кавказе — все спокойно, «никаких приращений не измысливается», а Турции с Персией воевать как-то не ко времени, лучше на Австрию, которая Дунайские княжества и сербов «мутит», обратить внимание...

Императрица и Государственный Совет, документы которого на сей счет доступны вам, о читатель, ибо полностью опубликованы, судили здраво. Мир с турками? Важно! Мир с Персией? Насколько возможно. Укрепиться в Крыму, потушить пугачевщину? Важнее всего! Славянам и грекам на Балканы идут успокоительные послания — Россия не забудет о судьбе своих православных братьев, а пока — потерпите ярмо турецкое, 400 лет носите, притерлось...

Мягко, но с приличной твердостью осадили грузинских ревнителей ярма российского — у вас есть свои законные властители в Тегеране и в Стамбуле. Договаривайтесь! Очень непросто оказалось с Азербайджаном. Пришлось вводить в операцию «тяжелую артиллерию» — замотанного благоустройством Новороссии светлейшего князя Г. А. Потемкина. Императрица предписала: «...чтобы со славой поправить усердный, но неосторожный и хлопотливый поступок де Медема, надлежит возвратить ключи Дербенту и восстановить Фет Али-хана»⁶³.

Все выстроено корректно, вполне в «екатерининском духе». Крымский вопрос, Черноморские проливы, будущий флот на Чрном море, умиротворение негодующих и не получивших поддержки балканских христиан, хорошая мина перед Западом, особенно Австрией, поскольку вызревает «Греческий роман» (ах, простите, «греческий проект» России с Австрией), а там и Польшу делить... Опять же Австрия, Пруссия... Турция...

Все верно, все во благо России.

— Так где же, в чем она — ошибка императрицы? — спросил, досадливо поморщившись, читатель.

— В деталях. И у великих бывают предосаднейшие оплошности. Либо — скрупулезно рассчитанные проколы, — так отвечал бы автор. — Судите сами.

Екатерина сформулировала свое отношение к ситуации, которое и легло в основу решения Государственного Совета⁶⁴, следующим образом:

⁶³ *Сборник РИО*. Т. 42. СПб., 1885. С. 401.

⁶⁴ Документы см.: *Архив Государственного Совета*. Т. I. Ч. 2. СПб., 1869. С. 788–789; *Сборник РИО*. Т. 45. С. 298.

«При всем истинном здесь императорского двора благоволении к хану Кубинскому и Дербентскому в рассуждении давно известного усердия его, и при [по]желании ему всяких выгодностей и успехов... ключи персидского [так в тексте, подчеркнуто нами. — В. Ш.] города Дербента... здесь ни к какому употреблению неудобны. Оные для доставления в их место при сем почтенному наибу дербентскому Мирзабеку и отдаются назад».

Пиллюлю надобно бы позолотить да подсластить. Слегка.

«Давно от здешних пограничных [российских. — В. Ш.] начальников похваляем [Фатали-хан. — В. Ш.] за доброе свое обхождение... в его местах подданными здешней империи разного звания людьми. По такому основанию... сей персидский [так в тексте. — В. Ш.] начальник [Фатали-хан. — В. Ш.] может иметь совершенную надежду на высочайшее ея императорского величества покровительство во всех случаях, настоящее Российского императорского двора положение дел с Персиею не отменяющих».

Вот оно — Фатали-хан признан подданным Персии (Ирана) со всеми проистекающими последствиями. Все доводы Фатали-хана в пользу отсутствия контактов с Ираном, определенность выбора: русская ориентация, — приняты во внимание не были. Призрак мира с полуразрушенной Персией обрел реальную силу, а фактически независимый азербайджанский правитель возведен в персидские пограничники.

Пиллюля была не только горькой, но и с ошибками в ингредиентах. Невместно, считала Екатерина, усматривать связь между положением Крымского и Кубинского ханств: «...Татары [крымские. — В.Ш.], кроме единозакония, совсем разной от турков народ и всегда в собственных своих местах обитавший ...почему и Высокая Порта согласилась, наконец, по здешнему требованию, на отлучение их из-под своей власти...».

Вах, лукавый калем нашей малики-императрицы, что вывел ты! Турки-татары «столь разные», что несколько лет спустя Дом Гиреев Крымских будет претендовать на трон османских султанов! И не без основания — чингизиды, пришельцы в Крым из Центральной Азии...

Раскуси пиллюлю, мудрый Фатали-хан, узри суть. Не следует, внушала Екатерина верному хану, на послов которого и не глянула, «и *заглядывать*ся на крымского хана, ибо он был в неравном с ним [Фатали-ханом. — В. Ш.] положении».

И «венец» — азербайджанцы, уверяла хана «русская немка» на престоле, с персиянами (иранцами) «по природе единой народ» и Персия — их Отечество. Не больше и не меньше.

Человек образованный, окруженный выдающимися, воистину образованнейшими людьми своего времени, Екатерина II не могла не знать о тюркской общности азербайджанцев, турок, татар. И об обособленности иранской этно-языковой группы. Да и шиитская ветвь ислама, господствующая в Иране, далеко не полностью доминировала в азербайджанских землях.

«Ошибки» просто быть не могло. Государственный Совет прояснил ситуацию, но не в послании к Фатали-хану, а в протокольной записи. Кубинский хан не может быть «приведен в независимое состояние». Все просто и ясно. Не подданства и властей российских на своей земле, а независимости и поддержки в борьбе против турок или персов, а также и своих соседей хотел строптивый хан. И это стало «непреодолимым препятствием» в поисках Фатали-ханом поддержки в строительстве сильного и единого государства.

Государственный Совет Российской империи постановил: «Советуется ему [Фатали-хану. — *В. III.*] искать всей помощи от Персии, по его от нее зависимости»⁶⁵.

Последовало также пространнейшее письмо канцлера Н. И. Панина Фатали-хану. Благожелательное до елейности и беспощадное в конце, как удар кинжалом под левую лопатку: «ни участвовать, ни помогать вам [императрица. — *В. III.*] средств не находит». Панин переписал с присущей ему точностью *личную* запись Екатерины.

Государственный Совет, однако, внял осторожным предложениям князя А. Вяземского (десять лет спустя он будет принимать в своем доме в Москве турецкого чрезвычайного посла Мустафу Расыха). Дескать, надо «умягчить присоветование хану в искании помощи от Персии... дабы оставить ему всегдашнюю на нас надежду...». Сошлись на «пристойном награждении» послам, богатых дарах хану и супруге его, на некоторых облегчениях общего торго в Астрахани и на Кавказской линии.

Шел уже сентябрь 1775 г., посольство с дарами, обременившими не хурджу́мы, но души гордых и сильных людей, возвращалось в свои многострадальные земли. Орлы улетели... Старики ждали. Иншалла! Все обзается!...

Нет повести печальнее, чем та, в которой в простёртую за помощью руку кто-то сильный и властный вкладывает походя блестящий камешек...

⁶⁵ Архив Государственного Совета. Т. I. Ч. 2. С. 789.

Отчего так тянуло русских правителей к «шемаханским царицам»

Достоверные сведения об устойчивом интересе наших предков к землям и народам современного Азербайджана восходят еще к IX веку. Предприимчивый торговый люд Древней Руси столь усердно осваивал западное побережье Каспийского моря, особенно район Баку, что аль-Масуди, арабский путешественник рубежа IX–X вв., не без удивления отметил, что «никто, кроме них [русов. — *В. III.*], не плавал по этому морю»⁶⁶.

Тюджары-торговцы из легендарной Шемахи тоже были людьми энергичными и деловитыми, дома не сидели, иной раз даже основывали целые торговые колонии. Селились большими семьями, но под сказочной красоты шелками-платками тщательно скрывали лучезарную прелесть своих лукавых жен и дочерей. Тех самых, которые с легкостью лишали самообладания властителей Руси — от царя Дадона и позже... Известный исследователь русской торговли М. Чулков еще в конце XVIII в. писал, что из найденных в устье Волги мусульманских надгробий самые многочисленные и богатые принадлежат торговым людям из Ширванского ханства и его столицы Шемахи⁶⁷.

Старые, за века сложившиеся торговые пути соединяли Шемаху с Дербентом, Баку и Ленкоранью на побережье Каспийского моря, с Тифлисом и Ереваном — на суше. А оттуда торг шел на всю Азию... Но и Европу правители Ширвана не забывали.

Ценивший красоту, но головы от нее не терявший Иван III Великий (1462–1505) обменялся посольствами с шемахинским правителем (ширваншахом) Фаррухом Яссаром в 1465–1467 гг. Уезжавшему в Шемаху русскому послу Василию Папену было наказано «товар смотреть», а пуще всего с людьми добрыми крепко дружбу водить.

⁶⁶ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Т. 38. С. 38.

⁶⁷ Чулков М. *Историческое описание российской коммерции*. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1781. С. 57.

В отчетах шемахинского посла на Москве тех же лет Хасан-бека едва ли не самые частые слова — «краса» да «гульбище». Что именно за этими выражениями стоит, мне не ведомо. Только вот занятно, что после приезда на Москву к Ивану III Софьи-Зои Палеолог, навязавшей на нашу голову в качестве герба свою двуглавую птичку, в отчетах очередного шемаханского посла Шахабеддин-бека (1499) уже одно только скучное благолепие, слегка приправленное восхищением от размаха московского каменного строительства...

Шли годы. Русь росла. К Московскому государству была присоединена Казань (1552), затем Астрахань (1556). Крахом окончилась попытка осуществить детскую мечту султана Селима II Пьяницы (1566–1574), сына Сулеймана Великолепного и его незабвенной прелестницы Анастасии Гавриловны Лисовской (Роксоланы, или Хуррем-султан), — прорыть Волго-Донской канал (1569) и пройти через Кавказ на Иран. Все эти события сметливый «шемахинский царь», как называют его документы русских архивов, — беглярбек (правитель) Ширвана Устаджлу Абдуллахан оценивал быстро и точно.

Еще дымилась Москва (1569), последний раз подожженная крымским ханом, а к Ивану IV Грозному уже засобиралось посольство от Абдуллы-хана. Возможно, первым из правителей Кавказа и всего Ближнего Востока беглярбек оценил принципиальность происходивших в регионе изменений.

Османь крепко увязли на Балканах. При Лепанто был разгромлен их огромный флот. Без флота империя — что янычар без ятагана. Персидские кызылбаши озираются то на османов, то на Великих Моголов — кто ударит первым. Москва овладела Великим Волжским путем, вышла на прямое пересечение с Великим Шелковым путем Китай — Индия — Персия — Европа. Благодаря этому появилась возможность укутывать прелести «шемахинских гюзелей» не только в русские соболя, но и даже в мануфактурные изделия ингилизов — мастеров далекой Британии. Далеко-далеко, за моря смотрел беглярбек, когда давал грамоты на свободную торговлю, да еще с обещанием лично оберегать безопасность московских и английских негоциантов в своем сказочном Ширване. Об одном просил Абдулла-хан, богатыми дарами услаждая злую душу царя Ивана: «...Чтобы царь и великий князь торговым людям Шемахи велел дорогу отворити и торг бы им велел давать поволной»⁶⁸.

⁶⁸ Цит. по: Кушева Е. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. *Исторические записки Института истории АН СССР*. Вып. 34. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 268.

Вах, как же не хватало достойного гарема московским великим князьям! Одна жена Ивана III — византийская принцесса Софья, но второй могла бы стать дочь великого покорителя Константинополя (1453 г.) Мехмеда Фатиха. Да, была у османского султана в запасе дочь для османского государя, была... И тогда не стало бы проблем у русских и османов — свояки! С царем Иваном IV дело обстояло бы и того проще. Ведь была же у Грозного жена из земель Северного Кавказа. Увы, одна! А если бы еще и из Шемахи привезли ему «гуляющий кипарис», «луноликую пери с телом, на которое молодой месяц взирает с вожделением»... А к тому времени, может быть, удалось бы и ледышку-англичанку сосватать?.. Было ведь дело, предлагал Иван Грозный, один из последних Рюриковичей, руку и сердце Елизавете Девственнице, последней из славной династии Тюдоров! Не сладилось дело, а жаль... Право же, гарем всегда был путем решения если не всех, то многих геополитических проблем. На Востоке, разумеется. Может быть, наши думы не зря этот вопрос перекачивают во рту, словно шекерлю фындык, орех в сахаре... И еще раз, вах!

В то далекое время, несмотря на отсутствие связей по женской линии, в Москве и Шемахе все же решили согласно: торговать для пользы обеим нациям, а людей Абдуллы-хана беспрепятственно и почетно в Архангельск пропускать, чтобы через Студеное море в Англию ходить и везде, где потребуется...

Вдумайтесь, читатель! Конец эпохи Ивана Грозного. Лютуют опричники. Поляки-шведы-крымчаки так и норовят загрызть Москву. И в это кроваво-смутное время далекая Шемаха, о которой Афанасий Никитин, наш первопроходец по Восходу Солнца, сказал с изумлением: бесподобна! — дает поразительные примеры компромиссов и торговых преференций! Нам бы так, господа в думках и меджлисах! У предков бы поучиться взгляду на мир и на будущее мира...

Однако в то время для местных правителей, как, впрочем, и всего населения азербайджанских земель (Ширвана, Шеки, Гянджи и других), главной заботой была отнюдь не перспектива вывозить шелк-сырец и шелковые изделия, хлопок и красители, фрукты и лошадей. Они были озабочены, прежде всего, проблемой физического выживания. Земли были плодородные, многочисленное население отличалось своим трудолюбием. Недаром славились местные земледельцы, скотоводы, умелые ремесленники, воины и мореходы. Стратегически перспективные азербайджанские земли издавна были яблоком раздора между османскими султанами и персидскими (иранскими) шахами.

Во второй трети XVI в. Ширванское ханство, утратив самостоятельность, стало провинцией Персидской державы. Но на этом злключения только начинались.

Стамбул и Тегеран делили, захватывали, разменивали азербайджанские долины и горы. Причем и та, и другая сторона стремилась внедрить в сознание местного мусульманского населения свое толкование исламских канонов. Османы — ортодоксальный *суннизм* с его приматом подчинения стамбульскому султану-халифу, единовластному владыке правоверных от Боснии до Теплых морей. Персы — *шиизм* с идеей подчинения богоизбранным имамам, воплощавшим всю полноту власти над разумом, душой и телом уверовавших.

Смена далеких претендентов на сюзеренитет: султана на шаха и наоборот, — приводила к обострению противоборства отдельных толков ислама со всеми насилиями, сопровождающими борьбу с «инакомыслием» где бы то ни было — хоть в Тюрингии и Саксонии, хоть в Тебризе и Гяндже. Оставаясь сугубо в рамках учения Священного Корана, местное население во имя физического выживания обращало свои взоры туда, где уважали их верования, могли помочь спастись от братоубийственных конфликтов и избежать участи жертв в бесконечных разделах между могущественными соседями — Турцией и Ираном.

Не удивительно, что в сообщениях русских воевод с застав на реке Терек в XVI–XVII вв. чередой шли в Москву такие строки: «...басурмане [общее название мусульманского населения в документах. — В. Ш.] в тех [азербайджанских. — В. Ш.] городах жилецкие люди говорят и желают все, чтоб им быти за великим государем» российским⁶⁹.

Многочисленность подобных сообщений известна, достоверность — неоспорима.

Однако! Нет прямых доказательств того, что «губерния, находящаяся по ту сторону Аракса от Персии», т. е. обширные азербайджанские территории ни о чем другом, как о «руке московского царя», и не мечтали. Скорее, об этом мечтали военные и дипломатические представители России в этих благословенных краях, а также путешественники и проезжавшие из России в Персию иностранцы на русской службе. Например, Корнелий де Бруинн, посетивший в 1707 г. Северо-Восточный Азербайджан, оставил восхищенные до умильности описания «шемахинских гурий», «...коим не чаршаф и не паранджа, а собственная их

⁶⁹ Цит. по: [Веселовский Н. И., сост.]. *Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией*. Т. 1. СПб., 1890. С. 943.

природная красота, целомудрие и мужского сословия всячески изъясляемое уважение суть лучшие покрывала». Впрочем, и он возвращался порой в состояние вменяемости, столь нужное для дела, к которому был приставлен. Шемахинцы, как писал де Бруинн, «открыто заявляют, что защищаться не будут в случае прихода русских и ... даже молятся, чтобы это время наступило... Присоединение области, где имеется прекрасный порт в Баку... было бы очень кстати для его царского величества и очень выгодно для его подданных, уже издавна ведущих там дела»⁷⁰.

Однако отнюдь не «чувствовосхитительные прелести» шемахинских райских дев, а трезвые торгово-политические расчеты вовлекали государя нашего Петра Алексеевича, известного на Востоке под именем «Дели Петро» (Петр Отчаянный, вспомните небезызвестных «делибашей» пушкинского Арзрума), в поход на Прикаспийские земли — Дагестан, Азербайджан, Гилян (1721). Азербайджанский историк профессор Гаси Абдуллаев относит появление у Петра «шемахинских мечтаний» еще к 1694 г. А царь Петр мечтал, как известно, предметно и деятельно. Между 1715 и 1721 г. он трижды направлял высокопоставленных и доверенных лиц на западные берега Каспийского моря, в Баку, Тарки и Шемаху, — для «наблюдения путей», а также для содействия улучшению условий русской торговли⁷¹.

Падение контролировавшей Северо-Восток Азербайджана династии Сефевидов в Персии (Иране) (1721–1722) и массированное вторжение турецких войск в Грузию и Шемаху (1723) заставило русских военных и дипломатических деятелей серьезно задуматься о системе своих геополитических предпочтений. Увы, судьбы азербайджанских земель решались не в Баку и даже не только в Санкт-Петербурге. При участии английской дипломатии, крайне заинтересованной в том, чтобы держать русского солдата подальше от каспийских берегов, в 1724 г. в Константинополе был подписан русско-турецкий договор. Произошел очередной территориальный размен: турки остались на оккупированной ими части Азербайджана, а также в Грузии, в Армении и в Курдистане. Вскоре, нарушая договор, они заняли и весь Южный Азербайджан, включая города Хай и Тебриз.

Россия по договору разграничения 1724 г. получила (эта ситуация продержалась до 1735 г.) узкую полосу Прикаспийских губерний, а также невнятное обещание султана-халифа Ахмеда III (1704–1730) в будущем

⁷⁰ Цит. по: Левиатов В. *Из истории Азербайджана XVIII века*. Баку, 1945. С. 65.

⁷¹ Соймонов Ф. *Описание Каспийского моря*. СПб., 1763. С. 28–32; Бакиханов А. *Гюлистан-и-рам*. Баку, 1926. С. 18–24; Абдуллаев Гаси. *Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения с Россией*. Баку: Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1965. С. 11–12.

удерживать крымских ханов от набегов, губительных для южнорусских земель. Надо сказать, что султан до конца своих дней невероятно кичился тем, что в свое время на реке Прут сумел разгромить самого «Дели Петра», а сожалел об одном: что не сообразил потребовать в качестве одного из условий мирного договора 1711 г. *чариче Катерину* в свой гарем — на первые должности... Опять гарем...

Обещание свое султан не сдержал. Набеги и пожары продолжались. Впрочем, не суждено было сбыться крупномасштабным планам Ахмеда III и Махмуда I (1730–1754) — отбросить Россию до Казани и Воронежа, а иранских кызылбашей отправить на галеры. Тогда Высокая Порта воцарилась бы на землях тюркских прародителей. К таковым они с легкостью причисляли и территории, населенные «заблудившимися в шиитской ереси» азербайджанцами.

В то же время выяснилось, сколь беспочвенными и неточными были расчеты, произведенные в тиши кабинетов, что выходили окнами на стылые воды Невы.

Планы петровского окружения оказались откровенно фантастическими. Это касалось, в первую очередь, идеи об установлении контроля над всем каспийским регионом — в качестве противовеса господству османов на Черном море и ради ослабления их позиций там. России уже почти сто лет не удавалось превратить Черное море из «османского озера» в «ручное зеркальце русского царя». Столь же нереальными были и «проекты» перенацеливания индийской торговли с азиатских караванных дорог на астраханские (а также, возможно, и бакинские) морские пути и далее — напрямую через Россию, через свежепорубленное «окно в Европу», чтобы стричь купоны с транзита.

По ряду косвенных свидетельств (заметки самого Петра, документы Тайного Совета, докладные военных и гражданских чинов из Астрахани и Прикаспийских провинций) можно судить о формировании в конце правления Петра Великого некоего грандиозного плана военно-торгового возвышения России. Причем древний Баку и юный Петербург должны были стать ключевыми пунктами колоссальной новой торговой артерии: Каспий — Волга — Вышневолоцкая и Нововоложская судоходные системы⁷².

⁷² См. документы: Гербер И. *Известия о находящихся в западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и о их состоянии в 1728 г.* СПб., 1760; *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 55. СПб., 1886. С. 110–114; Бартольд В. В. *Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира*. Баку, 1925. С. 113–116.

Запахи больших доходов явственно доносились до самого Санкт-Петербурга, дымками поднимаясь над бакинскими нефтяными колодцами. Тысячу пудов нефти, «если возможно, то и больше» требовал Петр доставлять из Баку. Ключом «ко всему нашему делу» называл российский император этот вечный город. Он имел в виду прежде всего русскую волжско-каспийскую альтернативу, которую стремился противопоставить налаженному британскому морскому пути — вокруг мыса Доброй Надежды и далее, к неисчислимым богатствам империи Великих Моголов на Индостане. Но в 1725 г. «ключ» выскользнул из холодеющих пальцев великого императора...

Его непосредственные преемники оказались чванливы, хвастливы и слабосильны. Где им было тягаться с упрямой волей возрождавшего силу и славу Ирана шаха Тахмаспа, — кровавого тирана, как Тамерлан, гибкого правителя, как шах Бабур, дальновидного государственного деятеля, как Петр. Да и османские гребные галеры-кадырга по-прежнему уверенно скользили по Черному морю. А на их веслах-то, как встарь, зависали могучие и несчастные рабы-галерники из русских земель, которые грабили, увозя в полон всех, кто только мог передвигаться, крымско-турецкие орды... Кстати, отсюда, от названия османской галеры, осуществленного на земле ада для гребцов — русское слово «каторга».

Тщетно писали в 1727 г. жители Шеки русскому коменданту Дербента: «Долго глядя на вашу дорогу, наши глаза потускнели, не знаем, чем вы заняты, медлить нехорошо, приезжайте скорее...»⁷³.

Оставленный без поддержки ограниченный русский воинский контингент в Прикаспийских провинциях (61 тысяча штыков) к 1731 г. «вымер от недокорма и хворобы» почти поголовно...

Подслеповатая Анна Иоанновна в своей восточной политике не видела ничего дальше необходимости «укорота крымчаков».

Рештский (1732 г.) и Гянджинский (1735 г.) договоры с Ираном поставили точку в затянувшейся интриге, которую вел Санкт-Петербург в Западном Прикаспии.

Взаимные торговые и политические влечения России и азербайджанских земель не были ничем реально подкреплены и оказались парализованными отдаленностью конфиденентов — как географической, так и ситуативной, последствием недальновидности правителей. Общим сторонам требовалось историческое время, чтобы осознать, как нужны они друг другу.

⁷³ Чит. по: Арутюнян П. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х гг. XVIII в. за присоединение к России. *Ученые записки Института востоковедения АН СССР*. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 135.

Повесть о том, как два императора делили Восток и Запад⁷⁴

Часть 1. Переговоры на плоту

Раннее утро. 25 июня 1807 г. по европейскому исчислению. Накануне и в течение всей ночи на левом берегу Немана, в районе небольшого приграничного городка Тильзит, стучали молотки, кипела бурная работа: шла подготовка к самому зрелищному, на века, событию из всех, которые произошли в ту эпоху, вообще отличавшуюся склонностью к эффектным акциям, к помпезной нарочитости поз и словес...

На плоту, который к утру надежно закрепили посередине Немана, были воздвигнуты два павильона белого полотна. Один, с вензелями «А» и «N», предназначался для высочайших персон; второй, без украшений, — для свиты и одного, и другого императора.

Внешний антураж встречи хорошо известен по многочисленным описаниям очевидцев, по рисункам и литографиям тех лет — в 11 часов утра лодка Наполеона, несмотря на достигнутую ранее договоренность, подплывает к плоту первой. Император французов, в мундире старой гвардии, с лентой Почетного легиона, встречает русского императора в мундире Преображенского полка, поднимающегося на подмости. Пылкая фраза Александра I: «Государь, я ненавижу англичан так же, как и вы!» Ответ Наполеона: «В таком случае все будет улажено и мир упрочен». Двухчасовая беседа с глазу на глаз, затем представления свитских...

Известно все: кто и когда кому каким глазом подмигнул... Обычно остается скрытым то, что же именно предшествовало этой встрече, а отчасти — и ее последствия.

⁷⁴ Статья написана совместно с Л. В. Зелениной.

Кстати, забавная деталь: на французских литографиях, запечатлевших встречу императоров, Александр и Наполеон изображены так, что кажется, будто они одного роста. На самом деле Александр Павлович был выше практически на голову.

Переговоры в Тильзите стали необходимостью после фактического крушения третьей и четвертой антинаполеоновских коалиций, сражавшихся с Францией в 1805–1807 гг. Первоначально третью коалицию составили Англия, Россия и Австрия в апреле 1805 г., но после Аустерлицкого сражения (2 декабря 1805 г.) Австрия заключила с Наполеоном мир в Прессбурге (23 декабря 1805 г.). Кстати, тогда же перестала существовать многовековая Священная Римская империя германской нации и родилась собственно Австрия.

Летом 1806 г. к сражающимся союзникам присоединилась Пруссия (так появилась четвертая коалиция), но вскоре потерпела поражения в сражениях при Иене и Ауэрштедте (оба произошли 14 октября 1806 г.). 18 октября королевское семейство покинуло Берлин и направилось в Кенигсберг. 27 октября Наполеон вошел в Берлин. В качестве своего личного трофея он отправил в Париж шпагу Фридриха Великого.

Теперь Наполеону противостояли армия России и уцелевшие, хотя и изрядно поредевшие прусские части. Битва при Прейсиш-Эйлау (8–9 февраля 1807 г.) была чрезвычайно кровопролитной, но не стала решающей. 25 апреля в Бартенштейне русский император и прусский король подписали новую конвенцию о совместных действиях, но иных союзников у них не оказалось. Ситуация осложнялась еще и тем, что в самом конце 1806 г., опять же не без вмешательства наполеоновской дипломатии, войну России объявила Турция, и Петербургу приходилось учитывать тот факт, что военные действия придется вести на два фронта. Единственным утешением были известия из Персии, с которой война шла давно, с 1804 г.: к концу 1806 г. русские войска заняли Дербент, Баку и Кубу. На этом остановились. Персиянам грозили, но не более того: сил не хватало.

Александр I еще в марте 1807 г. выехал из Санкт-Петербурга в войска, в район военных действий с французами, но к лету вернулся в пределы Российской империи. Вместе со своей свитой, в которой присутствовали ключевые фигуры дипломатического корпуса, он расположился в Тильзите, небольшом городке на левом берегу реки Неман. Город этот отличался разве что своей древней историей — он был основан в 1288 г. А так — двух-трехэтажные домики, кривые улочки, плавно перетекающие в дороги, что вели к немногим окрестным усадьбам. И совсем рядом — граница с Пруссией. А на прусской территории шли военные действия.

Вообще Европа воевала уже пятнадцать лет. Одно исключение — четырнадцать месяцев передышки после Амьенского мирного договора 1802 г. Единственными постоянными противниками в большой европейской драке были Великобритания и Франция. Россия то участвовала в военных действиях, то оставалась в стороне от них. В третьей и четвертой коалициях она была, пожалуй, одним из самых активных действующих лиц. Но к лету 1807 г. ее положение оказалось чрезвычайно серьезным.

Последний деятельно участвующий в боях союзник русских — Пруссия — разбита наголову. Отношения с Англией вызывали опасения. Наполеон предложил Пруссии наследственное владение английских королей — княжество Ганновер, что повлекло разрыв Англии с Пруссией и серьезное осложнение в отношениях с Россией. 25 марта истек срок действия русско-английского торгового договора, заключенного еще при Павле I, в 1797 г. Лондон предлагал возобновить его на прежних условиях, для британской торговли чрезвычайно выгодных. Однако за это десятилетие произошли серьезнейшие изменения, и ситуация уже не устраивала Санкт-Петербург. Все переговоры о договоре окончились неудачей.

Такое расхождение с Англией не могло не сказаться и на финансовых переговорах, которые велись уже в рамках коалиции: Россия должна была получать от Лондона заранее согласованные суммы для финансирования военных действий, однако сроки выплат, да и их размер часто менялись. К середине июня 1807 г. этот вопрос так и оставался неурегулированным.

В высших кругах Российской империи по поводу того, как следует действовать в сложившихся обстоятельствах, согласия не было. Ясно было одно: требуются решительные действия, но в каком именно направлении?

Сложились три группировки. Первая — это сторонники продолжения военных действий с опорой на Англию (А. А. Чарторыйский, П. А. Строганов и др.). Вторая, к которой, принадлежала, в частности, вдовствующая императрица Мария Федоровна, считала необходимым условием продолжения военных действий теснейший контакт с Пруссией. Это были министр иностранных дел А. Я. Будберг, главнокомандующий русской армией Л. Л. Беннигсен, деятельные граф Ф. В. Ростопчин, граф П. А. Толстой и др.

Однако была и третья группа — те, кто считал, что для блага России нужен союз с Францией или, по крайней мере, мир с ней. Это были сдержанный и дальновидный великий князь Константин Павлович, осторожный А. Б. Куракин, в конце 1806 г. назначенный послом в Австрию, но по просьбе Александра I задержавшийся в Тильзите, влиятельный

министр коммерции Н. П. Румянцев, М. М. Сперанский, звезда которого только поднималась, и др.

Однако окончательные решения принимал сам император.

Такова была ситуация к 14 июня, когда в битве при Фридланде русские войска под командованием Л. Л. Беннигсена и П. И. Багратиона были разбиты, остатки их отступали за Неман. Французской армии открылась прямая и удобная дорога на Кенигсберг, куда она и вступила вскоре.

Александр еще 12 июня выехал в войска, для инспекции прибывших из России резервов. Когда 15 июня в Тильзит дошли известия о катастрофе при Фридланде, из города началось если не бегство, то плохо организованное отступление. Александр уже не вернулся в Тильзит, а переехал на правый берег Немана, в совсем крохотный городок Амт-Баулен, что почти напротив Тильзита. Там у него состоялась беседа с английским послом лордом Гоуэром, который еще 11 июня прибыл в Тильзит.

Английский посол чрезвычайно опасался сепаратного мира России и Франции. Для Великобритании, которой с 27 ноября 1806 г. Наполеон объявил континентальную блокаду, была исключительно важна возможность торговать с Россией. Александр, в свою очередь, в полной досаде упрекал Лондон в полнейшей бездеятельности. Он говорил, что все разговоры о высадке английского десанта, о дополнительных субсидиях ни к чему не привели. Все это вызывало у русского императора сильнейшее раздражение.

Русская армия отступала к Неману. Французская неторопливо следовала за ней. В ночь с 18 на 19 июня последние русские батальоны и обоз перешли через Неман на правый берег по тильзитскому мосту, который потом сожгли казаки атамана Платова.

19 июня Наполеон въехал в Тильзит. Достоинно, но без помпезности.

В тот же день в Тильзит прибыл князь Д. И. Лобанов-Ростовский, получивший от Александра I полномочия на заключение перемирия. Всемогущего Ш.-М. Талейрана в это время в Тильзите еще не было, и переговоры с французской стороны вел сдержанный маршал Л. Бертье. Фактически единственным условием перемирия, на котором было приказано настаивать Лобанову-Ростовскому, было сохранение территориальной целостности Российской империи.

Поздно вечером 19 июня, уже после того, как Лобанов-Ростовский вернулся на правый берег Немана, к Беннигсену прибыл адъютант Наполеона генерал Ж. Дюрок, сердечное «Я» Наполеона. От имени французского императора он официально предложил русским заключить мир.

Далее события разворачивались стремительно, как и все, в чем принимал участие Наполеон.

20 июня Александр подписал князю Д. И. Лобанову-Ростовскому полномочия на заключение мира — пока сроком на один месяц.

21 июня подписывается перемирие, причем бессрочное. Наполеон тут же дает согласие на заключение перемирия с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III. Кроме того, стороны, т. е. Россия и Франция, соглашались назначить уполномоченных для заключения окончательного мира.

22 июня Наполеон ратифицирует текст перемирия. На обеде, который он дает в честь этого события, он в самых политических выражениях сообщает князю Лобанову-Ростовскому, что желает лично встретиться с русским императором.

Александр I в этот день выехал в Тауроген, еще один городок на правом берегу Немана, взяв с собой лишь несколько человек из ближайшего окружения. Видимо, на обдумывание ситуации Александру Павловичу, человеку быстрого ума, времени много не потребовалось.

23 июня Александр I ратифицировал текст перемирия и дал согласие на личную встречу двух императоров.

24 июня — обе стороны деятельно и как-то суетливо готовятся к переговорам. Принято решение о том, что встреча будет подчеркнута нейтральной — посреди реки, спокойной до меланхоличности. Начинается сооружение мощного плота — театральных подмостков для пышного спектакля.

Надо отметить, что для дипломатии эпохи Наполеона вообще было характерно активнейшее личное участие императоров и королей не только в непосредственном подписании конечных документов той или иной встречи, но и в их подготовке. Конечно, очень большое значение имели и те переговоры, далеко не такие зрелищные, которые вели между собой профессиональные дипломаты. И все-таки и современники, и мы, через пару веков, следим за фигурками первейших особ. Все, как они хотели...

25 и 26 июня встречи двух императоров прошли на плоту, затем, после того, как Тильзит был объявлен нейтральным городом, переговоры были перенесены туда. Александр I занял тот же дом, в котором жил до того, как пришло известие о битве при Фрилянде. Теперь во встречах императоров принимал участие и прусский король, а иногда и его супруга, прелестная умница королева Луиза, которую называли самой прекрасной из коронованных дам Европы. Английский посол, оставив в Тильзите неприметных конфиденстов, деликатно удалился в Мемель. Впрочем, оттуда

он вел активную переписку и с российскими дипломатами, и с собственным двором, так что оставался в режиме событий.

Внешне ситуация выглядела почти идиллически. По утрам два императора, иногда вместе с королем, откушав, выезжали на смотры или учения французских войск. Днем вели переговоры. Вечером — обед (всегда у Наполеона), тоже вдвоем, реже втроем. Иногда к ним присоединялся великий князь Константин Павлович (кстати, Наполеон обменялся с ним шпагами). Тогда с французской стороны к обедающим приглашался маршал И. Мюрат, женатый на сестре Наполеона Каролине. Таким образом сохранялся подчеркнуто семейный уровень общения. Иногда два императора поздним вечером, уже после полуночи, пользуясь прекрасной летней погодой и светлыми ночами, часами гуляли под руку по улицам Тильзита, беседуя, как позже вспоминал Наполеон, о политике, о философии... Короче — о вечном.

В наши дни профессиональные дипломаты подробно обсуждают все условия соглашений, которые предстоит заключить, выверяя каждый документ до последней запятой. Затем главы государств эти соглашения подписывают. В начале XIX столетия ситуация сложилась прямо противоположная: условия мирных договоров обсуждали между собой непосредственно императоры и короли, потом профессиональные дипломаты подписывали эти документы, а государи утверждали их. Тильзитские соглашения и их подготовка — один из самых ярких примеров тому.

Наиболее серьезные проблемы взаимоотношений двух империй, да и судеб Европы (и не только Европы!) обсуждались вплоть до 7 июля, когда были подписаны два договора — о мире и дружбе и о наступательном и оборонительном союзе. 9 июля оба императора утвердили эти договоры. Их положения общеизвестны — Россия признавала все завоевания Наполеона и те изменения на карте Европы, которые произошли к июню 1807 г.; Пруссия лишалась фактически половины своей территории, из отобранных у нее земель создавались королевство Вестфалия, где королем стал брат Наполеона Жером, и великое герцогство Варшавское; Россия присоединялась к континентальной блокаде Великобритании; затрагивались и проблемы Османской империи — Петербург согласился на французское посредничество при своих мирных переговорах со Стамбулом.

Фактически в Тильзите определилась линия раздела сфер влияния в Европе. Она пролегла от Гамбурга на севере до Бока-ди-Катарро на юге. Земли к западу от этой линии входили в сферу влияния Наполеона, к востоку — в сферу влияния России. Но если Наполеон оказался пол-

новластным хозяином на отошедших к нему землях, то влияние России было ограничено многочисленными условиями, в том числе и установленными в Тильзите.

Для Александра было очевидно, что мирный договор, подписанный в Тильзите, всего лишь обеспечит передышку перед очередной войной с императором французов.

Надо отметить, что в России условия мира с Наполеоном восприняли с таким возмущением, что Александру открыто напоминали о судьбе его отца, императора Павла I, который всего шесть с небольшим лет назад был убит после разрыва отношений с Англией и заключения союза с Наполеоном. О том, что в русском обществе ходят разговоры о свержении Александра I, уже осенью 1807 г. Наполеону доносил из Петербурга его посол — генерал Р. Савари. Александр никому ничего не объяснял, только в письме к матери, одной из главных противниц договора, уточнил: «Союз с Наполеоном — лишь изменение способов борьбы с ним».

Как именно разворачивалась ситуация в Европе — общеизвестно. Хотелось бы остановиться подробнее на делах восточных, на том, как отозвались тильзитские соглашения на Ближнем и Среднем Востоке, ибо там скрывались свои тайны.

И в переговорах, и в договорах в Тильзите много места было уделено Османской империи и ее роли на Востоке и в Европе, но не было сказано ни слова о Персии. Русская политика воспользовалась обоими этими факторами. Восточная карта была разыграна совершенно блестяще.

С Турцией все складывалось очень непросто. В декабре 1806 г. русская армия заняла Молдавию и Валахию. Русские войска захватили крепости Хотин и Бендеры и подошли к Измаилу, где и остановились. Далее военные действия шли с перерывами и остановками: сил на мощный прорыв у воевавшей с Наполеоном России просто не хватало, а в Стамбуле назревала смута, которая вылилась в государственный переворот в мае 1807 г. Султан Селим III был свергнут с трона, новым государем стал Мустафа IV. Французский посол в Стамбуле генерал О.-Ф. Себастиани продолжал обещать новому султану помощь и поддержку со стороны Наполеона. Поскольку французские войска уже два года занимали Далмацию, выйдя непосредственно к границам Османской империи, обижать посла выражением явного недоверия к его словам в Стамбуле не решались.

В соответствии со статьей Тильзитского договора, где говорилось о французском посредничестве в русско-турецких переговорах о мире, 9 июля, т. е. в день подписания договора, прямо из Тильзита Наполеон

направил в распоряжение русской Дунайской армии полковника графа А. Ш. Гийемино. С русской стороны переговоры были поручены сенатору С. А. Лашкареву. Переговоры в валашском местечке Слободзее шли неторопливо, условия перемирия оказались гораздо более выгодными для Стамбула, нежели для Петербурга. Александр I выжидал. С одной стороны, он не денонсировал перемирие, как, скажем, поступил с условиями договора, подписанного в Париже П. Я. Убри в 1806 г.; с другой стороны, русская армия по-прежнему стояла на берегу Дуная.

С Персией Наполеон установил контакт еще в 1805 г. Один за другим в Тегеран выезжали французские агенты: Жобер, Бонтан, Жуаннен, де Лабланш... Все они возили Фатх Али-шаху письма от Наполеона, в которых говорилось о желательности дружбы между Францией и Персией и о том, насколько сильным станет шах, если перевооружит свои войска по европейскому образцу. Шах принимал посланцев благосклонно, щедро одаривал, выслушивал внимательно. Ему больше ничего не оставалось. Со стороны Персидского залива его владениям грозила Англия, с севера — Российская империя.

Ситуация сдвинулась с мертвой точки после битвы при Прейсиш-Эйлау. Наполеон 17 января 1807 г. письмом, отправленным из Варшавы, сообщал Фатх Али-шаху о том, что он разбил прусскую и русскую армию и восстановил Польшу. Он также советовал шаху вернуть себе Грузию. Подразумевалось — с помощью Наполеона.

С ответным посланием шах отправил к Наполеону мирзу Махмеда Резу, которому были даны полномочия на заключение договора с Францией. Этот договор и был подписан в Финкенштейне 4 мая 1807 г.

Наполеон признал права персидского шаха на Грузию и обещал заставить Россию уйти оттуда. Кроме того, Франция брала на себя обязательство снабдить шаха ружьями и орудиями полевой артиллерии (при этом подчеркивалось — за плату), а также военными специалистами для обучения армии и переоборудования крепостей.

Обязательства шаха оказывались куда более обширными. Во-первых, разорвать отношения с Англией и объявить ей войну. Во-вторых, допустить в свои гавани французскую эскадру. В-третьих... И здесь все становилось на свои места: «воздействовать на афганцев с целью склонить их ...к союзу против Англии и совместной отправке армии в Индию», а также принять на своей территории и гарантировать свободный проход французской армии, которую Наполеон отправит сухопутным путем против английских владений в Индии.

Еще до подписания договора в Тегеран отправился с особой миссией генерал граф К. М. Гардан. Он вез с собой военных специалистов и инструкцию: разработать план похода на Индию совместной армией — от 40 до 50 тысяч французских войск, столько же персов, а также отряды афганцев, сикхов и представителей тех индийских княжеств, которые недовольны присутствием англичан на Индостане.

Миссия добралась до Тегерана в сочельник 1807 года, 24 декабря. Встречали ее с восторгом. Договор был немедленно ратифицирован, причем в соответствии с дополнительной статьей Франция получила в Персидском заливе остров Карек, на который еще в 1801 г. претендовали англичане. Это была намеренная пощечина Лондону. Реорганизация армии пошла полным ходом. Но...

Основной головной болью Тегерана в этот момент была Грузия. А Наполеон через два месяца после подписания договора с Персией заключил Тильзитский мир с Россией, причем в договоре, как уже говорилось, много внимания было уделено Османской империи, а Персии — ни слова. У Александра были развязаны руки. Да и армию теперь можно было резко усилить.

Фельдмаршал И. В. Гудович предъявил Тегерану ультиматум. Генерал Гардан предложил свое посредничество в переговорах, но оно было в резкой форме отвергнуто русской стороной. Против Гудовича выступила толком не реорганизованная армия, которой командовал наследник шаха — шахзаде Аббас-Мирза. Его армия была разбита под Нахичеванью. Русские войска заняли город.

Престиж Франции резко упал. Уверениям Гардана, что Наполеон заставит русских выполнить все его требования, уже никто не верил. Англия присылала в Тегеран своих уполномоченных, которые, в отличие от французской миссии, не были стеснены в средствах. А на Востоке внимательнее слушают того, у кого кошелек тяжелее или пушек больше...

Странная ситуация. Французская дипломатия потратила годы на то, чтобы установить доверительные отношения с Османской империей при Селиме III. И в Тильзите была готова все разорвать. Параллельно идут активнейшие переговоры с Персией, Фатх Али-шаху предлагаются оружие, войска, военные корабли, инструкторы... И — молчание в Тильзите.

Руки Российской империи на Востоке были развязаны.

Часть 2. Эрфурт: театр двух императоров

В начале сентября 1808 г. доселе тихий и сонный немецкий городок Эрфурт бурлил, как никогда за свою многовековую историю. Все аристократические особняки на главных улицах города, дома зажиточных бюргеров в боковых переулках и даже те жилища ремесленников, что были чище и просторнее прочих, срочно ремонтировались, красились и украшались. Маляры и обойщики трудились день и ночь. Самый популярный цвет в интерьере — темно-зеленый; главный орнамент — золотая пчела. Это любимый цвет императора французов и его излюбленный символ. Гораздо реже в отделке зданий встречается белый цвет и вовсе не видно золотых орлов — символов Российской империи и ее властителя Александра...

Отделку вели большей частью по приказам многочисленных государей, которые в последние годы оказались в вассальной зависимости от Франции. Всем им по распоряжению Наполеона были разосланы приглашения (а по сути — приказ) приехать в Эрфурт. Наполеон поставил перед собой задачу ослепить Александра и показать ему всю мощь своей империи. А то в последние месяцы в этом возникли сомнения...

Во-первых, Российская империя систематически уклонялась от соблюдения условий континентальной блокады. Наполеон не мог этого более допускать. Кроме того, события в Португалии и Испании разворачивались совсем не так, как надеялся французский император.

Что новая встреча двух императоров будет необходима, никто не сомневался уже на исходе переговоров в Тильзите: слишком много вопросов, причем высшего уровня, оставались нерешенными. В феврале 1808 г. Наполеон предложил Александру встретиться вновь и просил российского императора выбрать место встречи — любую точку на полпути между Петербургом и Парижем. Уже 13 марта Александр отвечает Наполеону согласием и сразу называет место — старинный университетский городок Эрфурт. Вероятно, он учитывал, что недалеко от Эрфурта располагалось великое герцогство Веймарское, где в то время жила его сестра Мария Павловна, супруга наследника великого герцога. А условие встречи — обсуждение именно проблем Востока.

Однако до намеченной встречи прошло более полугода. К этому времени Наполеон потерял завоеванную было Португалию, когда генерал Андош Жюно, герцог д'Абрантес, капитулировал перед англичанами в Синтре. Осложнилось положение в дружественной по отношению к

Франции Османской империи. В Испании же ситуация разворачивалась совершенно непредсказуемым образом.

В мае 1808 г. Наполеон, пригласив на встречу в Байонну королевскую семью Испании, потребовал, чтобы и король, и наследный принц отреклись от всех прав на трон, и прислал испанцам в качестве государя своего старшего брата Жозефа. Испанский король с королевой были отправлены фактически под домашний арест в Фонтенбло, а принц и другие члены королевской семьи в Валансэ — имение министра иностранных дел Франции Ш. М. Талейрана.

Однако против нового короля восстал народ, 23 июля у города Байлен в Андалузии был вынужден капитулировать французский корпус под командованием генерала П. Дюпона. Партизанская война в Испании, которую затем активно поддержат англичане, затянется на шесть лет — до 1814 года! Наполеон будет вынужден держать там целую армию численностью до 400 тысяч человек.

В Сербии в эти месяцы в основном соблюдалось перемирие, мелкие стычки с турками не в счет. А в Стамбуле в июле 1808 г. был свергнут профранцузски настроенный султан Мустафа IV, и на трон взойшел Махмуд II, относительно политики которого ничего известно не было. Однако его великий везир Мустафа-паша Байрактар был известен своей ориентацией на Англию.

Эти неудачи заставили Наполеона придать особое значение встрече с русским императором.

Вообще-то даже в сладком сиропе взаимной лести и красивых слов, звучащих и в личном общении в Тильзите, и в последующей переписке, постоянно присутствовала некая горчинка.

Все началось с того, что, когда тильзитское общение императоров уже приближалось к своему завершению, Александр I и Наполеон вручили по пять высших наград своих держав военачальникам и сановникам, присутствовавшим в Тильзите. Орден Андрея Первозванного получили сам Наполеон, его брат Жером (новоиспеченный король Вестфальский), Ш. М. Талейран, маршал И. Мюрат и маршал А. Бертье. Орден Почетного легиона из рук Наполеона, в свою очередь, получили Александр, великий князь Константин Павлович, министр иностранных дел А. Я. Будберг, а также дипломаты, поставившие свои подписи под Тильзитским договором, — А. Б. Куракин и Д. И. Лобанов-Ростовский.

Из лиц, награжденных орденом Почетного легиона, в Тильзите себя ничем не проявил только А. Я. Будберг, и Александр предложил

Наполеону дать орден не ему, а главнокомандующему русской армией Л. Л. Беннигсену. Наполеон категорически отказал. Позже, уже на острове Святой Елены, он заявил, будто бы ему стало противно, «что сын просит награду для убийцы своего отца» — Л. Л. Беннигсен был одним из участников заговора, который привел к убийству Павла I. Вероятно, Александр понял это. И отреагировал весьма своеобразно.

Теперь, после восстановления дипломатических отношений между Российской империей и Французской, последовало и возобновление работы посольств в Париже и Петербурге. Оба императора при этом нанесли друг другу изысканное оскорбление. Наполеон прислал на берега Невы Р. Савари, герцога Ровиго, участника расправы с герцогом Энгиенским в 1804 г.; на берега Сены был отправлен граф П. А. Толстой, еще один участник заговора 1801 г., причем ярый противник союза с Наполеоном. Уже в декабре того же 1807 г. его сменил А. Б. Куракин, с которым Наполеон познакомился в Тильзите. Но и от него Париж не мог добиться никаких уступок, если речь заходила об интересах России.

После Р. Савари послом Франции в Петербург приехал А. Коленкур, герцог Виченцкий. Александр встретил его чрезвычайно приветливо, приглашал на обеды в узком кругу и на военные парады, но когда французский дипломат заводил речь о том, что российская торговля нарушает континентальную блокаду, русский император почему-то его не слышал...

Помимо официальных писем, которые шли из Санкт-Петербурга в Париж и обратно через посольства, императоры обменивались и личными посланиями.

Вопрос о Востоке в очередной раз возник именно в личной переписке императоров зимой 1808 г. Наполеон предложил Александру I ту же приманку, которую в свое время усердно подсовывал еще его покойному отцу Павлу I — идею похода на Индию, а также намеки на возможность полного раздела владений Турции. И для обсуждения именно этого плана Наполеон предлагал Александру встретиться еще раз.

Вопрос Востока все время присутствовал в переговорах российских и французских дипломатов после Тильзита. В Париже обсуждались различные аспекты возможного раздела Османской империи. При этом, ничего не обещая России, Франция требовала для себя в качестве компенсации увеличения территории герцогства Варшавского, то есть плацдарма Наполеона у самых границ России. А турецкие территории российской армии еще предстояло бы завоевывать...

Конечно, для французского императора было важнее решить вопросы с вовлечением России в активные военные действия против Англии и Австрии. Но Индийский поход он почему-то считал для Александра столь же привлекательным, каким он был в свое время для Павла. На эти проекты, где уже проглядывали признаки мегаломании, в конечном итоге и сгубившей Наполеона как правителя, Александр ответил любезно и ядовито: «Такому высочайшему гению, как ваш, предназначено создать столь обширный план. Вашему же гению – и руководить его исполнением». В том же, что касалось дел европейских, и особенно континентальной блокады и военных действий, то Александр сумеет во время встречи настоять на столь туманных формулировках текста конвенции, что у России будут развязаны руки.

Насколько спонтанной и неожиданной для всех, включая ее непосредственных участников, получилась встреча российского и французского императоров в Тильзите, настолько же подготовленной и даже в каком-то смысле отрепетированной она была в Эрфурте. И здесь не зря на ум приходят театральные термины: Наполеон взял с собой в Эрфурт, по выражению французского историка А. Лависса, «самое блестящее, что у него было»: крупнейшего трагика Франции (да и, пожалуй, всей Европы) Франсуа Тальма и весь женский состав театра Комеди Франсэз.

Кстати, нельзя умолчать о личной смелости российского императора. Когда он собрался на новую личную встречу с Наполеоном, его уговаривали никуда не ехать, напоминали о Байонне, о судьбе испанского королевского дома. Многие, в том числе императрица-мать Мария Федоровна, опасались, что Александр будет фактически захвачен в плен. Тот все-таки решился ехать.

Первая встреча двух императоров состоялась 27 сентября на дороге, ведущей в Эрфурт из Веймара. Российский император вышел из кареты, французский — сошел с коня, и они, по словам наблюдавшего эту сцену Талейрана, обнялись «самым дружеским образом».

Эрфуртскую встречу Александра и Наполеона можно поистине назвать триумфом лицемерия.

Первые дни свидания были заполнены бурной светской жизнью: парады, маневры, пышные завтраки и торжественные обеды, театральные представления и блестящие балы... Но самым главным спектаклем через несколько дней, когда ушла эйфория, стали деловые встречи, без которых все-таки нельзя было обойтись.

Личные переговоры императоров проходили за кулисами того спектакля, который разыгрывался на эрфуртской сцене. Но и там не обходилось без

Театра. Чрезвычайная любезность и доброжелательность русского императора куда-то исчезали, когда в переговорах оказывались затронуты кровные интересы Российской империи или ее союзников. Однажды Наполеон изобразил приступ бешенства из тех, что до обмороков пугали его собеседников: он схватил свою шляпу, лежавшую на каминной полке, швырнул ее на пол и начал топтать. Александр отреагировал на это слабой улыбкой и словами: «Вы вспыльчивы, а я упрям. Будем рассуждать, или я уеду».

А рассуждать надо было о многом.

Иногда у наших современников возникает вопрос: а насколько затрагивали мир в целом события, происходившие в Европе в 1808–1809 гг.?

Мы говорим о глобализации так, как будто единство мира – это фактор последних лет, от силы – последних нескольких десятилетий. Это совсем не так. Европейская цивилизация осознала, что весь мир — это единое целое, в эпоху великих географических открытий, то есть в течение XV–XVI вв. Разумеется, это единство мира использовали в своих интересах — колониальные захваты стали привычным делом и продолжались фактически до начала Первой мировой войны. Но и обмен товарами, и, увы, обмен войнами, если так можно сказать, теперь уже имел глобальный характер.

В эпоху Наполеоновских войн, которые затронули всю Европу — ведь ни одно государство не сумело сохранить нейтралитет, даже Швейцария, которую еще генерал Бонапарт бесцеремонно превратил в Цизальпинскую, то есть находящуюся по другую сторону Альп, республику. А потом и вовсе присоединил ее к Франции. Так вот, это потрясение отразилось на всем земном шаре. Военные действия шли в Южной Америке — туда удалилось правительство Португалии, оккупированной Наполеоном. США вновь схлестнулись с Англией, своей бывшей метрополией. Вероятно, только Япония, еще не открывшая свои порты для Европы, оставалась в стороне. А европейские державы воевали между собой и в Южной Африке, и на Цейлоне, и в Индии.

Позже, когда Наполеон объявил континентальную блокаду Англии, оказалось, что от этого очень серьезно пострадали такие страны, как Дания и Швеция, не имевшие своих колоний и получавшие колониальные товары (т. е. чай, кофе, сахар, пряности, шелк, лак) именно через Англию и большей частью из ее колоний. Поэтому переговоры властителей двух континентальных империй отражались на судьбах всего мира.

Александр отстаивал свои интересы флегматично, но упорно. Наполеон с возмущением говорил Коленкуру, своему послу в Петербурге: «Ваш

император Александр упрям, как осел! Он притворяется глухим, когда не хочет чего-либо слышать!»

Атмосферы доверительного общения, какая сама собой сложилась в Тильзите, достичь явно не удавалось. Не помогли ни присутствие искренне восхищавшегося Наполеоном великого князя Константина Павловича, ни визит в Веймар, к Марии Павловне — ее холодное отношение к государю, чьи войска стояли на территории герцогства, не способствовало улучшению настроения. Наполеон, со своей стороны, решил, что она неинтересна и внешне, и в общении. Семейный уровень общения в этот раз государям не давался.

Надо сказать, что у Александра в Эрфурте нашелся совершенно неожиданный союзник. Им оказался человек, которого дипломаты Европы опасались чуть ли не больше, чем самого Наполеона — Шарль Морис Талейран, князь Беневентский.

Он уже не был министром иностранных дел Франции (Наполеон сместил его с этого поста вскоре после Тильзита), но приехал в Эрфурт в свите французского императора и принимал хотя и негласное, но самое активное участие в переговорах.

При первой же встрече наедине с русским императором Талейран предложил ему свои услуги. Он понимал, что неудержимое стремление Наполеона к господству сначала над Европой, а дальше, если получится, и над изрядной частью Азии приведет Францию к грандиозной катастрофе. Он заявил Александру откровенно: «Спасение Европы – в противодействии Наполеону».

Отныне и до свержения Наполеона Талейран будет сообщать в Санкт-Петербург и Вену исключительно важную информацию. Сначала «от души», а уже через полгода — за деньги, причем немалые: 100 тысяч франков в год. Его псевдонимы, под которыми он был известен российской военной разведке: кузен Анри, Анна Ивановна, Та.

Александру удалось добиться немалых уступок в вопросах о совместных действиях против Англии и Австрии. Обещание о войне с Австрией, которую вскоре начнет Наполеон, было столь туманным, что потом и саму войну России с Австрией будут именовать «бескровной и теневой».

Это не единственная «странная» война России, которую обусловили союзные отношения с Наполеоном.

Война с Англией, начатая после Тильзита — вообще фактически шла без сражений. Эскадра адмирала Д.Н. Сенявина, возвращавшаяся из Средиземного моря после совместных действий с англичанами против

турок, была блокирована у берегов Португалии в устье реки Тежу (исп. Тахо). Английский флагман высказал пожелание, чтобы корабли не сдались, а *были переданы* ему, причем так, чтобы «наименьшим образом задеть чувства Вашего превосходительства».

Корабли пришли к английским берегам под Андреевским флагом и с собственными командами.

В том, что касалось Пруссии, Александр I сумел на 20 миллионов снизить наложенную на нее контрибуцию и продлить срок ее выплаты на три года. В остальном его усилия остались тщетны. Кроме того, русской дипломатии не удалось заставить Наполеона отказаться от военных поставок великому герцогству Варшавскому — фактически плацдарму Наполеона у самых границ Российской империи.

Что же касалось территориальных приращений, то Франция признала как входящие в состав Российской империи Финляндию, Молдавию и Валахию. Финляндию Россия завоюет годом позже, а Молдавия и Валахия останутся недостижимы навсегда...

Кстати, война Швеции с Россией будет стоить ей династии: короля из династии Ваза сместят за проигрыш войны, его бездетный дядя выберет себе преемника — наполеоновского маршала Жана-Батиста Бернадота. Тот станет официальным наследником шведского престола в 1810 г., но в 1812-м не будет помогать Наполеону, а в 1813-м примкнет к антифранцузской коалиции. Династия бывшего сподвижника Наполеона продолжает править в Швеции и в начале XXI в.

Русско-французская конвенция была подписана 12 октября. А два дня спустя, 14 октября императорский кортеж вновь отправился по дороге на Веймар.

Они расстались на том же месте, где встретились немногим более двух недель назад. Оставив возле карет свиту, неторопливо шли по дороге, о чем-то негромко разговаривая. О чем именно — никто не знает. Оба императора, люди достаточно откровенные в том, что касалось их встреч, об этой беседе никому не сказали ни слова.

Кстати, красноречивая деталь: как уже упоминалось, встреча императоров в Тильзите оказалась запечатленной на бесчисленном количестве рисунков, акварелей, гравюр. Каких-либо изображений пышных празднеств и тесного, «дружественного общения» в Эрфурте почти нет.

Тильзит и Эрфурт дали России возможность мирной передышки. Это был не мир с Наполеоном, но скорее отсутствие войны с ним.

Французский император тем временем увяз на Пиренейском полуострове. Его недооценка народного возмущения и герильи — «малой», то

есть партизанской войны в конечном итоге дорого ему обойдется: вплоть до 1814 г. Наполеон будет вынужден держать там от 400 до 500 тысяч войска. Опираясь на испанцев, английские войска пройдут с боями от Атлантического океана до Пиренеев. В конце концов, именно английская армия под командованием герцога Артура Веллингтона, закаленная многолетними сражениями на испанской земле, нанесет Наполеону решающий удар в битве при Ватерлоо.

Последствия того, что Александр в Эрфурте последовательно уходил от обсуждения дел на Востоке — возобновление военных действий России против Османской империи в 1809 г., присоединение Бессарабии по условиям Бухарестского мирного договора, заключенного в мае 1812, за несколько недель до нападения Наполеона. Военные действия с Персией продолжались еще полтора года и завершились Гюлистанским мирным договором от 24 октября 1813 г., по которому за Россией признавалось право на Грузию, Имеретию, Мингрелию, Абхазию, Гурию, Дагестан и Ширван.

Франция будет постепенно утрачивать одну за другой свои позиции на Востоке. Сначала в Индии, затем в Иране. Дольше всего французское влияние продержится в Османской империи.

Русское влияние на Востоке сведется к торговым интересам на Среднем и Дальнем Востоке. На Ближнем Востоке соперничать начнут английские товары с российскими штыками и русским же идеализмом.

Литература и источники

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Т. III (1807 г.). М.: Политиздат, 1964.

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Т. IV (1808 г.). М.: Политиздат, 1967.

Зеленина Л. В. Европейская панорама. Мальта, Абукир и Пирамиды. Амьенский мир. Первое сербское восстание: начальный этап. Контурь доктринь статус-кво. Первое сербское восстание: кульминация и трагедия. *Александр I, Наполеон и Балканы*. М.: Наука, 1997. *Балканские исследования*. Вып. 18.

Вандаль А. *Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи*. Т. 1–3. СПб., 1910–1913.

Сироткин В. Г. *Дуэль двух дипломатий*. М.: Наука, 1966.

Троицкий Н. А. *Александр I и Наполеон*. М.: Высшая школа, 1994. *История в лицах*.

Шеремет В. И. *Война и бизнес: власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время*. М.: TBS, 1996.

Научное издание

Шеремет Виталий Иванович

ПОСЛЕДНИЙ ОСМАН

Избранные труды

Том 1

Редактор Д. В. Дубровская

Дизайн обложки, компьютерная верстка Н. В. Бусыгин

Подписано 11.10.2021 Формат. 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,42. Уч.-изд. л. 11,26. Тираж 500 экз. Зак. №.
Федеральное государственное Бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН 107031 Москва, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. Отделом И. В. Федулов
e-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, дом 28
тел. (495) 651-84-56

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. И. Шерemet

ПОСЛЕДНИЙ ОСМАН

Избранные труды

Том 2

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 63.3(5)
Ш 49

Ответственный редактор и составитель
Л. В. Зеленина

Рецензенты
д. и. н. В. В. Беляков
д. и. н. В. М. Запорожец

Утверждено к печати
Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН

Шеремет В. И.

Ш49 Последний осман. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. / Отв. ред. и составитель
Л. В. Зеленина; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 264 с.

ISBN 978-5-907384-62-0 (общ.)
ISBN 978-5-907384-64-4 (Т. 2)

В книгу вошли избранные труды по истории Османской империи и русско-турецких отношений выдающегося российского востоковеда Виталия Ивановича Шеремета (1940–2012), а также его статьи, в которых рассматриваются некоторые теоретические проблемы востоковедения.

ББК 63.3(5)

© В. И. Шеремет, наследники, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

На обложке: Левша [Мухаммед]. © And M. Osmanlı Tasvir Sanatları 1: Minyatür. С. 536.
İstanbul: Albüm [BL, Or. 2709]). IÜK T9364

Виталий Иванович Шеремет
(1940–2012)

Содержание

Раздел 1. Крымская война	7
Суэц и колониальные державы в 30–40-х гг. XIX века	9
Вольный город Иерусалим. Урок прошлого	18
Непобежденные. К 150-летию выхода России из Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.	20
П. С. Нахимов. Труженик войны	108
Раздел 2. Первая мировая война	121
Россия и Турция в канун Первой мировой войны в документах русских и турецких спецслужб	123
Забывтый резидент	132
О перспективах русско-турецкого военного союза	
К 90-летию начального этапа Первой мировой войны	166
Дарданелльская операция Великобритании в годы Первой мировой войны	
Силы и замыслы	180
Раздел 3. Вопросы теории	185
Становление Османской империи	187
Европейская Турция как контактная зона междивизиационного обмена в османскую эпоху. XIV — начало XX века	203
Султан и Патриарх. Заметки по исторической конфликтологии	211
Христианские подданные как иницилирующее начало и первый адресат османских реформ в XIX веке	217
О Парижском мире 1856 года	228
Проблема «свой — чужой» глазами христианского Запада и мусульманского Востока. Эволюция во времени и пространстве	232
Архивное востоковедение: пыль веков или информационное оружие эпохи глобализма?	255

English Resume

Vitaliy I. Sheremet. Vol. 2 The Last Osman

The book includes selected works on the history of the Ottoman Empire and Russian-Turkish relations by the outstanding Russian orientalist Vitaly Ivanovich Sheremet (1940–2012), as well as his articles, dealing with some theoretical problems of Oriental studies.

Раздел 1

Крымская война

Суэц и колониальные державы в 30–40-х гг. XIX века

В истории стран Балканского полуострова и Восточного Средиземноморья вторая четверть XIX в. отмечена национальными движениями против османского господства и новым этапом колониальной экспансии капиталистических держав Западной Европы. Британский колониализм распространялся в направлении от Индии к Персидскому заливу и Аравийскому полуострову. В планах Франции после оккупации Алжира вновь выдвигались в числе ближайших целей Египет и Левант (Сирия и Палестина). Австрия заняла к 1840-м гг. Боснию и Герцеговину, но в Вене жаждали также влияния на торговых путях Черного и Средиземного морей, на Леванте. Интересы этих держав пересекались в нескольких точках. В начале 1840-х гг. «наибольшую остроту приобрели вопрос о Черноморских проливах и проблема коммуникаций между Западной Европой и Средним Востоком, Индией. В соответствии с Лондонскими конвенциями 1840–1841 гг. Босфор и Дарданеллы оказались поставленными под коллективный контроль держав. Россия и Франция были, однако, оттеснены, преобладание получила Англия»¹. Политика «свободной торговли», сокрушавшая национальное производство в Малой Азии, должна была быть распространена на другие территории Османской империи, прежде всего на сильный и независимый Египет — потенциальный центр объединения арабов.

В конце 30-х – 40-х гг. XIX в. между египетскими силами, представленными независимым от османского правительства пашой Египта Мухаммедом Али, и соперничавшими между собой Англией, Францией

¹ Подробнее см.: Киняпина Н. С. Георгиев В. А., Панченкова М. Т., Шеремет В. И. *Восточный вопрос во внешней политике России*. Гл. IV. М., 1978.

и Австрией развернулась борьба за Суэц — оптимальный путь из Средиземного моря к странам бассейна Индийского океана².

После захвата в 1834 г. о. Сокотра, в 1839 г. — Адена, а также после серии соглашений, навязанных шейхам Джавассы, Договорного Омана, Маската и Бахрейна, Англия имела в зоне Персидского залива и Красного моря лишь одного реального соперника — Мухаммеда Али, укрепившегося в Неджде и аль-Хассе и угрожавшего факториям Ост-Индской компании на Бахрейне и в Омане. Англо-австрийская интервенция в Сирии в 1840 г. и антиегипетские выступления в Ливане и Палестине положили конец планам правителя Египта создать общеарабское государство, включающее Египет, страны Леванта, Аравию³. При этом Франция, не оказавшая Египту военной помощи, на которую так рассчитывал в 1840 г. Мухаммед Али, и не сумевшая поддержать его на Лондонских конференциях, рисковала своими позициями в Египте и начала искать новые средства для их укрепления.

Одновременно ширилась торговая экспансия Англии, Франции, Австро-Венгрии в Малую Азию и страны Благодатного полумесяца. Экономическая жизнь в приморских городах Восточного Средиземноморья переориентировалась из центров национального производства в центры обслуживания внешней торговли со странами Запада и опорные пункты проникновения колониальных держав во внутренние районы Азии и Африки. «Революция» в морском транспорте в 30–40-х гг. XIX в. и переход к паровому и крупнотоннажному флоту использовалась западноевропейскими державами для обслуживания растущего грузопотока между Европой и Востоком и для оперативной переброски крупных контингентов колониальных войск⁴.

² Хорошо изучена история строительства Суэцкого канала и дипломатической борьбы Англии и Франции при пассивной роли Порты и самого Египта. См.: Ерофеев Н. А. *Английский колониализм в середине XIX в.* М., 1977. С. 129–162; Виноградов К. Б. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала. *Вопросы истории.* 1969. № 11; Vidalenc J. Le canal de Suez dans l'histoire 1854–1956. *Révue de l'histoire économique et social.* 1972. № 2. Важно, однако, изучить более ранние этапы этой борьбы и собственные проекты египетских властей в отношении Суэца, которые в историографии практически не освещены.

³ О первой попытке создания крупного арабского государства см.: Тума Э. *Национально-освободительное движение и проблема арабского единства.* М., 1977. С. 24–33. Об англо-египетских противоречиях на Аравийском полуострове см.: Kelly J. B. Mehemet Ali's Expedition to the Persian Gulf 1837–1840. *Middle Eastern Studies.* L., 1965. Vol. 2, No. 1. P. 31–65.

⁴ После 1834–1835 гг. были установлены регулярные пароходные сообщения между английскими и черноморскими портами Турции, Бейрутом, Александрией. С 1835 г. открылись линейные рейсы Марсель — Александрия. Спустя три года в портах Египта и Сирии появились пароходы

Воедино сплеталась борьба держав за азиатские рынки, новые колониальные владения и оптимальные пути к ним.

Узкому и ровному Суэцкому перешейку как будто самой природой было предуготовлено стать местом соединения Средиземного моря и Индийского океана посредством судоходного канала. Планы строительства такого канала уже вынашивались на протяжении многих лет⁵. Наиболее обстоятельно к проектам строительства морского канала через Суэц подходили во Франции. При этом правительственные круги Франции исходили прежде всего из стратегических соображений.

Речь шла о стремлении противопоставить французское влияние в Египте британскому — в Турции. Для Англии же проблема заключалась прежде всего в установлении контроля над транзитным путем Средиземное море — Суэц — Персидский залив и вытеснении Франции из Египта, подобно тому, как это произошло с Россией в Турции после овладения Англией транзитом Босфор — Трабзон — Тебриз.

Мухаммед Али, прекрасно сознававший важность налаженных коммуникаций как для развития экономики Египта, так и для его международного авторитета, позаботился о регулярном караванном сообщении между Средиземноморским побережьем (Александрия), Каиром и Красным морем (Суэц). С 1819 г. действовали канал Александрия — Атф на розетском рукаве Нила и несколько небольших, но тщательно оберегаемых от заносов каналов в низовьях Нила. Караванным путем и каналами пользовалась в 1841–1846 гг. египетская транзитная компания⁶, принадлежавшая английскому капиталу, но находившаяся под контролем чиновников Мухаммеда Али, лично следившего за своевременным повышением тарифов в зависимости от изменения мировых цен. Несмотря на многочисленные представления английских и австрийских консулов, капитаны и экипажи судов, перевозивших европейские товары во внутренних водах Египта и в Красном море, набирались только из египтян. Флаг поднимался османский⁷.

под австрийским флагом. К началу 1841 г. 76 пароходов Англии, Франции и Австрии поддерживали регулярные рейсы между Европой и портами Египта и Сирии, часть из них приняла участие в высадке десанта во время Сирийской экспедиции держав против египетских войск.

⁵ См.: Ерофеев Н. А. *Английский колониализм*. С. 132.

⁶ Компания «лопнула» в 1846 г. не без помощи Франции, как отметил английский исследователь: Hoskins H. L. *British Routes to India*. L., 1966. P. 241.

⁷ См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1842 г. Д. 2. Л. 3–19. Генконсул России в Александрии Л. И. Кремер — К. В. Нессельроде, 20 ноября (1 декабря) 1841 г.; *там же*, 1841 г. Д. 45. Л. 70. Посланник В. П. Титов — К. В. Нессельроде, 21 ноября (2 декабря) 1841 г.

В январе 1842 г. представителям европейских торговых компаний и дипломатам было объявлено, что Египет будет стремиться к созданию собственного торгового флота, способного широко участвовать в торговле между Востоком и Западом. Защищалось также право египетских властей устанавливать режим навигации на Ниле и в каналах — как существующих, так и будущих, в соответствии с интересами страны⁸.

Трудно согласиться с теми исследователями, которые трактуют отказы Мухаммеда Али предоставить концессию на строительство морского канала в 1834 г. французскому дельцу А. Фурнелю, а через десять лет сен-симонисту Б.-П. Анфантену как общее негативное отношение к идее канала между Средиземным и Красным морями⁹. Мухаммед Али, его сын — выдающийся военачальник и государственный деятель Ибрахим-паша, их ближайшие сподвижники Нубар Богос-бей, Артин-бей трезво оценивали неравные шансы Египта в борьбе за независимое политическое положение и торговые позиции и очень настороженно отнеслись к серии проектов путей через Египет или Левант далее на Восток.

Известно, что с начала 1830-х гг. правительство Англии и правление Ост-Индской компании уделяли особое внимание изучению перспектив направления грузопотока Англия — Индия через Суэц или через Тигр — Евфрат. Серию переговоров по этому вопросу вели с османским правительством посланники Англии в Константинополе и торговые представители Ост-Индской компании¹⁰. В свою очередь Франция в ходе Лондонских переговоров о Черноморских проливах в 1840 г. предлагала обязать Порту открыть и Евфрат, и Суэцкий перешеек для «свободной транспортировки товаров» европейских держав¹¹. Предложение было отклонено Англией и Россией, но французские дипломаты продолжали к нему возвращаться в контексте международной опеки над святынями Палестины и над христианским населением Леванта.

В июле 1840 г. Мухаммеду Али были предложены два французских проекта морского судоходного канала: Суэц — Каир протяженностью в 142 км и Суэц — Пелуза (к востоку от нынешнего Порт-Саида) — в 160 км¹². Французские представители убеждали правителя Египта, что

⁸ См. там же, л. 44–45: Л. И. Кремер — К. В. Нессельроде, 11 (23) января 1842 г.

⁹ Sabry M. *L'Empire Égyptien sous Mohamed Ali*. Le Caire, 1930, p. 564; Herschlag Z. Y. *Introduction to the Modern Economic History of the Middle East*. Leiden, 1964. P. 124.

¹⁰ Kelly J. B. *Britain and the Persian Gulf 1795–1880*. Oxford, 1968. P. 214–272.

¹¹ См.: АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1841 г. Л. 15.

¹² См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1842 г. Д. 2. Л. 80–101об.: Л. И. Кремер — К. В. Нессельроде, 8 (20) марта 1842 г. Планы и объяснительные записки.

акционерная компания А. Кордые и К^о не только построит в течение 5 лет канал глубиной до 10 м и шириной до 60 м, но и проведет со временем вдоль канала железную дорогу, «устроит показательные сельскохозяйственные и ремесленные поселения в зоне канала»¹³.

В объяснительной записке подробнейшим образом расписывалось, как повелитель Египта станет «политическим властелином» важнейших торговых артерий между Европой и Востоком. Мухаммеда Али убеждали, что вся Европа от Испании и Франции до Англии и Голландии станет ревниво соблюдать «неделимость, нейтралитет и независимость» Египта. Режим эксплуатации канала и право собственности на него, однако, не затрагивались.

Внимание каирских властей привлекал в это же время проект французского инженера Л. де Беллофонда, возглавлявшего в Египте ведомство дорог и мостов¹⁴. Разработанный по личному приказу Мухаммеда Али проект предусматривал строительство 180-километрового канала от Пелузы через полузабытые каналы фараонов, озеро Тимсах и Горькие озера до Суэца. При глубине в 9–10 м и ширине 50 м канал мог быть построен, согласно расчетам Л. Де Беллофонда, за 365 дней непрерывной работы 10 тысяч египетских солдат.

Относительно невысокая стоимость — 3,75 млн франков — и возможность обойтись без участия европейского капитала привлекли «живой и деятельный ум истребителя мамлюков». Разрабатывавшийся и обсуждавшийся в самом узком кругу советников (на этом настаивал Мухаммед Али) проект, однако, стал известен резиденту Ост-Индской компании в Александрии и через него «большой прессе Великобритании». Как писал Л. И. Кремер, английские газеты сделали все возможное, чтобы дискредитировать идею египетского морского канала как в техническом, так и в политическом плане.

Английский посол в Константинополе Стрэтфорд Каннинг в свою очередь не жалел усилий, убеждая Порту запретить любой проект «нового Босфора» как опасный для Османской империи и для мусульманского мира, поскольку он исходит от мятежного паши и приблизит коварную Европу к святым местам — Мекке и Медине¹⁵.

¹³ Стоимость 25 млн франков. Капиталы и техника в долг от А. Кордые и Ко, 12 тыс. постоянных рабочих от Египта, погашение долга в период строительства.

¹⁴ См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 33. Л. 350–367: посланник А. П. Бутенев — К. В. Нессельроде, 20 февраля (4 марта) 1843 г. Упоминание о проекте см.: Mazuel J. *L'oeuvre géographique de Linant de Bellofonds*. Le Caire, 1937. Pp. 236–244, 280.

¹⁵ Уместно напомнить, что в марте – апреле 1842 г. Каир и Константинополь «согласно от-

Начал быстро обрастать техническими деталями первый реальный проект займа Порте в 300 млн курушей (3 млн ф. ст.) от группы лондонских банкиров¹⁶.

Ч. Макгрегор, экономический советник британского посольства, один из соавторов печально известной конвенции 1838 г., представил Порте проект судоходного канала Кюстенджи — Силистрия, в обход «русского» устья Дуная. С министрами торговли и финансов Турции он вел одновременно переговоры о заключении англо-турецко-австрийского договора, предусматривавшего создание обширной зоны «свободной торговли» от Адриатики до Ирана.

Во всех проектах и на переговорах звучала одна общая мысль: Порте трудно контролировать положение на всей территории империи от Балкан до Аравии, и следует полагаться на английских друзей, которые позаботятся и о «спокойствии» на османских землях, и о выгодах для султанской казны¹⁷.

В Лондоне понимали, что ни Франция, ни Россия не допустят исключительного влияния Англии на египетских коммуникациях, и поэтому, отвергая на словах идею строительства столь нужного британскому флоту канала, активизировали восточную политику своего австрийского партнера и начали готовить экономическое соглашение египетских властей с Ост-Индской компанией под гарантией британского кабинета.

Австрия действовала согласованно с Англией в период кризиса 1839–1841 гг. В Вене, кроме того, уделяли большое внимание возможности использовать Суэц как транзитный путь для австрийских товаров. Емкость собственно египетского рынка канцлер К. Меттерних оценивал в 1,5 млрд флоринов ввоза из Австрии и в 200 млн флоринов вывоза из

вергли» все домогательства С. Каннинга на транспортировку через Суэц и Красное море 20-тысячного экспедиционного корпуса для военных действий в Афганистане (АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1842 г. Д. 40. Л. 432; В. П. Титов — К. В. Нессельроде, 6 (18) апреля 1842 г.).

¹⁶ Текст см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1840 г. Д. 44. Л. 443–458; В. П. Титов — К. В. Нессельроде, 24 сентября (16 октября) 1840 г. О займе 1840 г. см. Yeniyay N. *Osmanlı borçları tarihi*. 2-ci baskı. İstanbul, 1964. S. 11.

¹⁷ Проекты Макгрегора стали известны послу России в Лондоне Ф. И. Бруннову, сообщившему их в Петербург. В Константинополе все эти планы и пояснения Стрэтфорда Каннинга вызывали большое беспокойство. Заем был отвергнут. Ибрагим-паше рекомендовали отклонить проекты канала Суэц — Пелуза. Порта искала у России поддержки по вопросам навигации по Дунаю, на Черном море, в отношениях с Австрией и с Ираном. См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 33. Л. 549–550; Сарым-эфенди — А. П. Бутеневу, 18 ребнуль-завеля 1259 г.; и др.

Египта. 5600 австрийских судов общим тоннажем в 2,8 млн тонн могли бы, по мнению К. Меттерниха, принять участие в перевозках через Суэцкий морской канал, вывести Австрию к Красному морю¹⁸.

Вскоре после «фритредерских» договоров 1838–1939 гг. Австрия начала требовать от Порты, впрочем, безуспешно, учреждения консульства в Суэце. Интернационализация Черноморских проливов позволила австрийской дипломатии выступить в июле 1844 г. с инициативой установления международного статуса канала, который будет проложен на Суэце. Ближайшая задача состояла, по словам Меттерниха, в создании системы надежного контроля Австрии и Англии над судоходством в Средиземном море; «чтобы решить эту проблему, столь же важную, как и новую, надо достичь общего согласия о принципах навигации в новом Босфоре» на равных основах с Дарданеллами (и Босфором. — *В. III.*), т. е. исключить проход через новый канал всех военных судов¹⁹. Впрочем, исключение допускалось — для военных кораблей Британской Индии и собственно Великобритании, но «только в интересах охраны английских колоний», — подчеркивал Меттерних.

Международный статус будущего канала должны были обеспечить Англия, Австрия, возможно, Франция. Россия исключалась. Порту следовало индемнизировать увеличением египетской дани, египетские власти — правом следить за маяками на канале, содержать лоцманов и определять тоннаж проходящих судов.

Меттерних поторопился. До начала работ на Суэце оставалось 17 лет, до открытия канала — 27 лет. Основная борьба за Суэц была впереди. Тогда, в 1843 г., и Англия, и Франция, и стоявшая в стороне от этих интриг Россия Австрию не поддержали²⁰. В Каире и Константинополе проект Меттерниха не обсуждался.

Обеспокоенная Франция попыталась нейтрализовать австрийскую активность, поддержав новую миссию в Египет сен-симонистов во главе с Б.-П. Анфантенем, продолжавших добиваться разрешения на постройку

¹⁸ Данные были собраны генконсулом Австрии в Александрии А. Лорином, в дополненном виде разосланы К. Меттернихом австрийским представителям в Османской империи и стали известны в дипломатических кругах (АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 34. Л. 442: Л. И. Кремер — В.П. Титову, 26 июня 1843 г.).

¹⁹ См. там же, л. 209. Из письма К. Меттерниха А. Лорину, май 1843 г.

²⁰ См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 33. Л. 209–215: Л. И. Кремер — А. П. Бутеневу, 14 (26) мая 1843 г.; там же, 1844 г. Д. 41. Л. 566–567: Л. И. Кремер — В. П. Титову, 4 (16) июля 1844 г.

канала²¹. Одновременно в Александрию был послан новый генконсул — энергичный и жесткий Ш.-Ж. де ла Валетт, вручивший в конце ноября 1843 г. Мухаммеду Али подробный проект оборонительных сооружений в долине Нила, укрепленных карантинных на побережье Красного и Средиземного морей²².

Иной была позиция Англии после провала инициативы Меттерниха. Принимая в середине декабря 1843 г. Артин-бея, английский премьер Р. Пиль настойчиво подчеркивал, что Великобритания не заинтересована ни в канале, ни в железной дороге через Суэц; и просит лишь гарантировать провоз почты в Индию²³.

Впрочем, британский премьер недоговаривал. Внимание Лондона к проблеме Суэца обострилось, когда были получены сведения, что Мухаммед Али и Ибрахим-паша, видимо, окончательно высказались в пользу внутреннего судоходного канала Каир — Суэц при одновременном завершении большой Нильской плотины²⁴. Контроль над грузопотоком Александрия — Каир — Суэц и создание орошаемых государственных плантаций хлопка представлялись правительству Египта предприятием более важным, чем морской канал Суэц — Средиземное море, отвечавший, по его мнению, интересам европейских держав много больше, чем Египта. «А кроме того, — говорил Мухаммед Али, — я не хочу для Египта “нового Босфора” со всеми его старыми осложнениями»²⁵.

Подобная позиция вполне отвечала настроениям Лондона, как как исключалось, на время, как мы знаем, участие Франции в создании канала на Суэце. Летом 1842 г. Египет был вынужден признать условия англо-турецкой торговой конвенции 1838 г. Вступили в действие фритредерские принципы колониального ограбления под лозунгом равноправной торговли.

Англия сделала новый шаг к коммуникациям через Египет. Под руководством постоянного представителя Ост-Индской компании

²¹ См.: Ерофеев Н. А. *Английский колониализм*. С. 132.

²² См.: АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 85. Л. 84; В. П. Титов — К. В. Нессельроде, 24 ноября (6 декабря) 1843 г.; *там же*, л. 118–120: Л. И. Кремер — В. П. Титову, 23 октября (4 ноября) 1843 г.

²³ См. *там же*, д. 40. Л. 169. Л. И. Кремер — В. П. Титову, 27 декабря 1843 г. (8 января 1844 г.).

²⁴ Об экономической политике Мухаммеда Али см.: Аль-Барави Р. и Улеиш М. Х. *Экономическое развитие Египта в новое время*. М., 1954. С. 11–14; Тума Э. *Национально-освободительное движение*. С. 25–31.

²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 43. Л. 33. Запись Л. И. Кремера о беседе с Мухаммедом-Али.

в Александрии капитана А. Лионса, брата посла Англии в Афинах, осенью — зимой 1843 г. инженеры транспортного отдела компании разработали проект 80-мильной железной дороги Каир — Суэц. Компания готова была выдать паше безвозмездную ссуду в 1 млн ф. ст. при сметной стоимости проекта не более 800 тысяч ф. ст. Правитель Египта должен был получать 40 тысяч ф. ст. в год в виде пошлины за провоз любых грузов и проезд гражданских или военных лиц через Египет. Технический и административно-финансовый контроль должны были осуществлять особые чиновники Ост-Индской компании²⁶.

Еще в мае 1842 г. Мухаммед Али выражал готовность открыть и обеспечивать своими средствами и силами египетский участок почтово-пассажирской трассы Лондон — Суэц — Бомбей с таможенным центром в Каире. Однако атмосфера откровенного ажиотажа, возникавшая вокруг проекта железной дороги, встревожила и насторожила Мухаммеда Али.

Потребовалась миссия генерал-губернатора Индии Г. Хардинга в Каир в июле 1844 г., «совершенно случайная» встреча в Египте членов наблюдательного Совета Ост-Индской компании в сентябре 1844 г. А. Теранта и Э. Элленборо с вице-директором почтового ведомства Англии Р. Бёрном и консулом в Александрии Ч. Барнеттом, чтобы убедить правителя Египта отказаться от планов создания смешанной англо-египетской почтовой компании во главе с Ибрахим-пашой и согласиться на исключительные права Англии эксплуатировать важнейшую торговую артерию Египта Александрия — Суэц как часть магистрального пути Лондон — Бомбей. Компания сохраняла право на техническую доработку проекта железной дороги Каир – Суэц.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. совместными действиями Англии и Франции были парализованы все попытки сохранить египетский национальный контроль над Суэцем — важнейшей коммуникацией между Средиземным морем и Индийским океаном. Только в 1956 г. египетский народ взял судьбу канала в свои руки.

²⁶ См. там же, д. 0. Л. 171–172, 176: Л. И. Кремер — В. П. Титову, 27 декабря 1843 г., 15 января 1844 г.

Вольный город Иерусалим

Урок прошлого

Завершение практически безрезультатно очередного раунда палестино-израильских переговоров об установлении мира на Ближнем Востоке заставляет участников переговоров обратиться к помощи США и России. Державы, переставшие противоборствовать, конечно, окажут миротворческое влияние. Оно будет тем более позитивно, если будет учтен исторический опыт.

Сто пятьдесят лет назад, когда Сирия и Палестина входили в империю султана Махмуда II Реформатора, казалось, открылся путь к мирному труду и покою на благословенной земле. К началу 1840-х гг. относится идея, возникающая, по существу, одновременно в еврейских банкирских домах Лондона и в султанском дворце на Босфоре. Тупиковую ситуацию, которая заключалась в бесконечной череде восстаний и междоусобиц местного населения — евреев и арабов, оказалось, можно разрядить. Возник проект превратить Иерусалим в вольный город, с равным представительством в управлении евреев, арабов и... турок.

В Стамбуле идея сразу обрела поддержку. Влиятельные финансовые еврейские круги Европы стали быстро обдумывать вопросы еврейской колонизации Палестины. Обнаруженные мною русские документы той эпохи свидетельствуют, что Николай I с одобрением отнесся к возможности создания вольного города Иерусалима. Державы Запада и России могли начать новый этап ближневосточной политики, не оглядываясь с подозрением на партнера — не держит ли тот в рукаве палестинскую карту. Выигрывал мир. Выигрывало арабо-еврейское население — земли пророков и мудрецов. Кстати, личный посланец Папы Римского в беседе с Махмудом II тоже одобрил идею создания вольного города.

Но вмешались силы, позднее получившие название неконтролируемого фактора мировой политики. Начались бесконечные переговоры и столь известные и ныне согласования позиций. Время шло. Революции 1848–1849 гг. потрясли Европу, всполошили Восток, бросили русские войска в карательный поход в Венгрию, турецкие войска — в Дунайские княжества, на территорию современной Румынии. В Иерусалиме и Палестине сосед стал с подозрением поглядывать на соседа. Кое-где вынимали оружие... А потом пришла Крымская война. И уже не мирные переселенцы, а еврейский экспедиционный корпус для захвата Крыма, похода на Украину и Польшу начал собираться в апельсиновых рощах Хайфы...

Иерусалим так и не стал вольным городом, не вдохнул свежего воздуха, свободного от раздоров и соперничества...

Вечный Город — он принадлежит Человечеству.

Непобежденные

К 150-летию выхода России из Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.

В марте 2006 г. исполнилось 150 лет одному из самых бесспорных, как казалось десятками лет, и, возможно, одному из наименее понимаемых мирных договоров России с внешним миром. Еще современники в 1850-х – 1860-х гг. расценили Парижский мирный трактат от 18 (30) марта 1856 г., завершивший Крымскую (Восточную) войну, однозначно как сокрушительное поражение России.

Правда, «западники» усматривали тому одну серию причин, славянофилы — другую. Политическая эмиграция в лице А. И. Герцена из сытого и обеспеченного, далекого от действительных российских нужд и тревог Лондона укоряла, не скрывая злорадства, — предупреждали, мол! Вот и получите позорный мир! Н. Г. Чернышевский уже «точил топор» и даже спустя пять-семь лет все сокрушался, что война «не нанесла России удара слишком тяжелого». Н. А. Добролюбов и еще кое-кто из круга светлых умов Отечества поучали, что каждый «...любящий Россию должен непременно желать, чтобы нас почаще били».

Что и говорить о суетной толпе публицистов, журналистов, энергичных толкователей событий в европейской прессе и о скороспелых брошюрах о войне в Крыму на тему дня. Все вдруг увидели то, что хотелось — ниспровержение российского колосса.

Серия действительно фатальных военных неудач России начала XX в. и социальные катаклизмы, завершившиеся крахом российской государственности в 1917 г., сделали проблему всей Крымской войны 1853–1856 гг. и Парижского мирного конгресса темой удобной и понятной для новых властей в России. И надолго — с 1920-х и до начала 1990-х гг.

Прекрасный повод для разоблачительства и всякого поругания царского прошлого и вероломства западных держав!

Оставим сейчас в стороне политическую подоплеку изнурительного для истории и публики бичевания пороков самодержавной России и Парижского мира как самого порочного в русской дипломатии. Академик Е. В. Тарле, любимец нескольких политических режимов в России, самозабвенно тому предававшийся, уже давно в иных мирах. Полемика возможна не с лицом, а касательно фактов и значения Парижского мира и всей войны в целом.

Россия *согласилась* на мирные переговоры в Париже. Война с державами не стала Отечественной войной с последствиями негативно предсказуемыми. Мирный договор, подписанный в Париже, действительно знаменовал военное поражение феодальной монархии — России от союза промышленного капитализма и его резервной зоны, исламского Османского государства, шедшего по пути реформ и модернизации быстрее, чем Россия. Заметим, что Парижский мир все же явил новую эпоху — вскоре в России было отменено крепостное рабство, начались промышленная и военная перестройки.

Проворовавшиеся «паркетные генералы» в миг Парижского соглашения утратили смысл и назначение. Голодная и полураздетая русская армия (когда же будет сыт русский солдат?) ушла с разбитых бастионов Южной стороны Севастополя. Но мир запомнил, как русские старики, ветераны-инвалиды, защищали ценой жизни Аландские острова, а монахи, крестьяне и охотники отбросили десанты союзников на Русском Севере и в Приморье. Гением и трудолюбием военного реформатора Д. А. Милютина, новой плеяды гражданских и военных чинов пошел ускоряться процесс освобождения и обновления России, переставшей (на время) оглядываться на ненадежные союзы на Западе. Соседнему государству — Турции — мир 1856 г. дал мощный толчок к частичной либерализации, завершившейся установлением ограниченной монархии в стране азиатского деспотизма. Шло преодоление исламского отторжения от достижений западного мира, выравнивались права христиан и мусульман перед законом.

Западному миру Парижский мир 1856 г. ясно показал, что вооруженным путем Россию сломать невозможно. Побудить к пересмотру позиций — да, к гибким (или не очень) союзам — да. Поставить на колени — нет.

На Северную сторону Севастополя русские ушли непобежденными и в Париже заключили мирный договор, который, возможно, сохранил

европейское равновесие наиболее щадящим образом. Кровавых революционных событий по типу 1848 г. не последовало, а ведь и это могло бы иметь место, продлился война на 1856–1858 гг., как планировали в военных и финансовых кругах Лондона, и распространилась она на Восточную и Северную Европу, на Средний Восток.

Так что же дало Европе согласие России начать Парижские мирные переговоры, когда страна еще даже не поднялась на национальную войну с интервентами?

Западная Европа и вовлеченный в политический и военный обмен с нею Восток (Турция, Индия, Китай, Иран) отделались жестоким политическим и финансовым кризисом 1857–1858 гг., локальными национально-революционными бурями. И не более. Парижский мир в определенной мере обеспечил продолжение индустриальной революции среди западных держав.

Россия «прикрыла» неустойчивый социальный мир в странах-победительницах широко разлившимся в общественном сознании Европы удовлетворением от того, что «жандарм Европы» стоит на коленях, а его большая дубинка сломана. Черноморский флот упокоился на дне бухты в разграбленном Севастополе.

В первую очередь это было важно для Франции и Англии, которые за счет Крымской (Восточной) войны скомпенсировали последствия очередного, после 1847 г., экономического и социального кризиса. Режим победителей — в Париже и Лондоне — на гребне раздутых прессой успехов союзников и победной эйфории в обществе завершил второй и окончательный этап промышленного переворота. Наполеон III получил 15 лет (до 1870 г.) общественных восторгов: ну как же, победитель, покоритель Севастополя, «отомстивший русским за Березину». В Лондоне избежали, несмотря на системный кризис 1857 г., революционной бойни на манер революций 1848 г. на континенте; сохранили и укрепили Британскую империю, «подвинули» ее поближе к русской зоне интересов на Кавказе и в Центральной Азии.

Горделивая воинственная Сардиния и пока еще осторожничавшая, но сильная в военном смысле Пруссия устремились по пути объединения вокруг себя итальянских и германских земель как доказавшие свое право на гегемонию регионального уровня участием в победе над русским колоссом (Сардиния) или деятельным сочувствием к державам-воительницам (Пруссия).

Не забудем также, что перегретый котел национального движения в Индии все же рванул сипайским взрывом там, на Индостане, но не на

многонациональных и мультирелигиозных просторах Крыма и Кавказа, куда Лондон готовился перебросить сипаев, что вообще могло иметь трудно прогнозируемые последствия для всего Средиземноморья и Балкан.

Прекрасно вооруженный богатейшими банкирскими домами Европы — Ротшильдами и Монтефиоре еврейский экспедиционный корпус не вышел из-под Яффы на Одессу, не взорвал зыбкое социальное равновесие на Украине и в Польше своим походом через Юг России, предполагавшимся на 1856–1857 гг. Не сложился вариант провозглашения Иерусалима свободным городом, не началось переселение евреев в Иерусалимский пашалык.

Что же касается итогов войны 1853–1856 гг. для судеб балканского и ближневосточного православного (восточно-христианского) населения, пребывавшего под суверенитетом османского султана, то надо признать, что они до сих пор вообще не подведены. Ни политиками, ни историками. Толком никто еще не рассматривал весь процесс крупных подвижек русского влияния на христианском Востоке, включая и Сиро-Палестинский регион, и балкано-христианскую зону Османской Турции, активного участника войны.

Само мартовское «парижское сидение» 1856 г. закончилось для России военно-ограничительными, а не деструктивно-политическими статьями. В его ходе были отработаны, при сотрудничестве турецкой стороны и при консультациях с лучшими знатоками Православного Востока (Базили и круг его сослуживцев), предпосылки совместного исламско-христианского движения к модернизации, к реформаторству. В рамках сложившейся османской государственности, без смерти «больного человека на Босфоре», но с очевидной тенденцией к инициативной роли христианского реформаторского начала в многонациональной ближневосточной среде. Позднее, в конце 1870-х гг. Россия утратила завоеванные русской кровью и выдержкой дипломатов позиции инициатора перспективных преобразований для христиан и мусульман. Впрочем, это другая тема.

Не забудем, однако, что эпоха Крымской войны и Парижского мира открыла яркие страницы деятельности российских духовных православных миссий на Сиро-Палестинском Леванте. Равно как и активизации паломничества россиян-мусульман к святыням Мекки и Медины, Каира, Стамбула, Кума и Неджефа.

И совсем «мелочь»: вскоре после Парижского мира по всей России при всех православных церквях появились кружечки для пожертвований. С надписью «На улучшение быта православных паломников в Палестине». Русская душа болела за христианские святыни.

Так что же Крымская война для современного юношества, коему и Крым-то сам по себе уже не Россия, а перспектива совместных украинско-натовских военных маневров вырастает (ну, спасибо, СМИ!) до масштабов операции вторжения союзников в 1853–1856 гг.?

Мы хотим дать доступный самому широкому читателю непредвзятый, отстоявшийся за многие десятки лет авторской исследовательской работы в архивах и в полевых условиях объективный взгляд на столкновение интересов России и держав. Причем в зоне Крыма и Кавказа, Черного моря, Тихого океана, Дальнего Востока и Балтики. Простое перечисление основных театров военных действий (ТВД) в 1853–1856 гг. совпадает с горячими точками современных, т. е. наших дней, международных отношений.

Историческую правду можно замалчивать. Иногда — столетиями. Когда-нибудь либо она взорвет ситуацию, поскольку избыточно долгое умолчание неизбежно влечет повышение мощности информационного взрыва. Либо умолчание уведет наши представления о происхождении и динамике конфликта в сторону от вектора принятия оптимального решения. Все выходит худо, если не понять истоков столь глобальных событий, как война 1853–1856 гг. Мне менее всего хотелось бы декларировать ура-патриотические порывы и учить молодежь «Родину любить». Однако истинность деяний наших предков, если снять пресловутую ура-шелуху, будет весомее лакированных рассказов о матросе Кошке и Даше Севастопольской.

Итак, предлагается современный взгляд на события 1853–1856 гг. с опорой на неизвестные архивные документы, записки современников и книги авторов из числа стран — участниц конфликта. Обширная библиография преимущественно на русском языке (в целях массовой доступности) должна помочь читателю найти для себя чтение, расширяющее и углубляющее общие представления об эпохе и людях. Речь пойдет, естественно, о нашей Родине, в первую очередь, о ее интересах, потерях и обретениях. Полагаем также, что работа окажется полезной для учителей общеобразовательных школ России и библиотечных работников, которым выпадает сложнейшая миссия первыми, через новые книги, нести знание в самую широкую и любознательную российскую аудиторию.

В данной работе автор акцентирует наименее изученные либо оставшиеся в тени проблемы возникновения и завершения войны 1853–1856 гг. Фактографическая сторона военных действий хорошо известна, к тому же предлагается обширная военно-историческая библиография.

О прошлом и настоящем

«Восточная или Крымская, по своему театру действий, война была переломным моментом в истории международных отношений XIX века» Так начинал свою книгу (весна 1941 г.) П. Ф. Кухарский, ныне полузабытый, талантливейший любимый студент, затем аспирант блистательного академика Е. В. Тарле. «Пьер» Кухарский, как звали молодого ученого за увлечение языком и историей Франции его коллеги по Ленинградскому университету, погиб в ополчении в феврале 1942 г., защищая блокадный Ленинград²⁷. «Крымская война является одним из переломных моментов в истории международных отношений и в особенности в истории внутренней и внешней политики России»²⁸. Так начал свою триумфальную «Крымскую войну» (1950 г.) академик Тарле.

По свидетельству кандидата исторических наук, доцента И. Г. Гуткиной (скончалась в 1970 г.), преданной ученицы и многолетней добровольной помощницы Тарле, с которой автор данной работы имел честь работать, творчески сотрудничать на историческом факультете Педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде (1967–1970 гг.) и впитывать из первых уст живую историю трудов и жизни Тарле, Пьер Кухарский начал работу над Крымской войной около 1932–1933 гг. Он объявил об этом в газете «Рабочая Москва».

Е. В. Тарле начал получать из государственных архивов документы к будущему легендарному творению, по словам И. Г. Гуткиной, только в 1937–1938 гг. Первые фрагменты «Крымской войны», по свидетельству авторитетного тарлевского биографа Е. И. Чапкевича (1975), увидели свет в 1939–1940 гг. Причем как чтение для старшего школьного возраста²⁹.

Прошло 150 лет со времён «севастопольской страды» (Л. Н. Толстой) и Парижского мира 1856 г. и свыше полусотни лет со времен двух лучших работ о Крымской войне, т. е. книги П. Кухарского и работы Е. В. Тарле. История обрастает легендами, пополняется исследованиями и документальными публикациями. Причем как в России, так и за рубежом.

²⁷ Кухарский П. Ф. *Франко-русские отношения накануне Крымской войны*. Лен. гос. универ., 1941. С. 8.

²⁸ Тарле Е. В. *Крымская война*. Второе, испр. и доп. изд. АН СССР, М., Ленинград, 1950. Т. 1. С. 3. Переиздано в 2003, 2004 г. в различных издательствах.

²⁹ Тарле Е. В. Оборона Севастополя. *Пионер*. 1939. № 2. С. 79–87; его же. *Нахимов*. М., 1940. См. Чапкевич Е. И. Е. В. Тарле — историк Крымской войны. *История и историки*. Историографический ежегодник. 1975. М., 1978. С. 131–153.

Сохраняют значение и смысл самые общие оценки, данные событиям 1853–1856 гг. безвестным и. о. доцента П. Ф. Кухарским и академиком Е. В. Тарле. Однако сумма новых знаний о подвиге нашего народа, в очередной раз заслонившего Отечество от вторжения извне («Крымская экспедиция» ведущих европейских держав и Османской империи не имеет иного синонима, как *вооруженная интервенция*), равно как и новые подходы российской науки начала XXI в. к событиям, всколыхнувшим Россию XIX в., формируют иной, по сравнению с эпохой П. Ф. Кухарского и Е. В. Тарле, уровень постановки вопроса, качественно иных обобщений. Тем более что наше время динамичных и неравновесных процессов глобализации, гипертрофированного понимания зоной «золотого миллиарда», т. е. узкой и замкнутой на себя группы сверхразвитых держав, своей ответственности за адекватность политических и экономических сдвигов в мире запаздывающего развития интересам «клуба сильных» имеет определенные аналогии с серединой XIX в. Рассмотрим, в чем именно.

Завершив первый этап своих промышленных революций, Англия и Франция в 1850-х гг. предприняли фактическую сценарную разработку будущего передела мира. Вовлечение стран зависимого потенциала развития (политически это была Сардиния, экономически — Османская Турция) отмечало уже иной, непрямой характер силового воздействия в регионах стран второго эшелона развития (Россия) и отстававшего (Османская империя). Итак, силовому, в разных вариантах, воздействию подвергались и будущий союзник — Стамбул, и противник — Петербург.

Были испробованы новые формы коалиционных военных союзов, новые методы военно-финансового воздействия на нестабильную ситуацию в «горячих точках» Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. Приходится констатировать, что болевые точки середины XIX в. не только сохранялись полтора столетия, но «боль» геополитическая, социокультурная и этнорелигиозная сегодня иррадирует в самых неожиданных местах живого организма, именуемого Земля. Об этом чуть ниже.

Для истории России начала XXI в. остается принципиально значимым найти ответ на пару (всего пару?) вопросов. Как получилось, что Большая Кавказская война (1818–1864 гг.), война нашей страны и на своей территории — Российской империи вызвала столь острый интерес в Лондоне и Париже. Корреспондирует ли вообще борьба сановного Зимнего дворца с Гунибом и Видино мятежного имама Шамиля и упорное желание Парижа остановить Россию где-то за Терекком и Перекопом? Рассмотрим проблему.

Николаевская Россия, деятельно хлопотавшая о восстановлении «порядка и справедливости» вне своих границ — в охваченной гражданской войной Австрийской империи (1848–1849) и в бунтовавших против турок Молдавии и Валахии (1849), получила в 1853–1856 гг. полномасштабную войну сразу на шести фронтах, а именно: Кавказском, Дунайском, Крымском, Тихоокеанском (Камчатка), Северном (Соловки, Архангельск), Западном (Кронштадт, Балтика).

Изумленное сознание русских современников, сытенько дремавшее под полковые оркестры времен победы в Отечественной войне 1812 г., было потрясено в 1854–1856 гг.

Враг деловито занимает позиции в национальной святыне России — в сердце ее Юга, под стенами Севастополя! Пушки врага громят стены опоры православия — Соловецкой обители! Христианские святыни Святых Мест Палестины, как вмиг выяснилось, уже с 1830-х гг. стали почти не доступны русскому православному паломнику. Амбиции императора-заговорщика Наполеона III, закулисные маневры его дальнего родственника по материнской линии султана-халифа Абдул Меджида при поддержке джентльменов-финансистов лондонского Сити и прозелитизм католического владыки папского Ватикана едва не стерли за 15–20 лет все тысячелетнее присутствие России, культурно-религиозное и политическое, среди единоверного православного мира Сирии и Палестины, тем более — Балкан.

Пока Зимний дворец и Дворцовая, дом 6, где располагались тогдашние мидовцы, размышляли о судьбах османского султаната-халифата, уясняя степень его прогрессирующего, как им казалось, паралича, «больной человек на Босфоре», т. е. турецкий султан и его войско, ретиво поднялся с «одра болезни» за счет вливания западных «лекарств» в виде полновесных фунтов стерлингов и собственного боевого духа.

Для России просчет политического центра в этом вопросе едва не стал фатальным. Во всяком случае, торговые позиции на Ближнем Востоке мы тогда утратили и не восстановили до сих пор. Как, впрочем, и военно-политические, столь важные и колоссальной кровью обретенные в течение полуторавековой борьбы за Восток — от Петра I и до Лондонских конвенций о Проливах 1841 г.

Я повторю свой давний тезис: *в истории России война есть тяжкий труд всего народа*. Чья была война 1853–1856 гг.? В чьих интересах была развязана, и что она принесла нашему многострадальному Отечеству? Ответы получаются далеко не однозначные, если следовать правде де-

сятками лет замалчивавшихся архивных документов и стремиться взглянуть на совокупность фактов и обстоятельств, а также оценить интересы участвовавших сторон и, что принципиально важно для вооруженных конфликтов мирового уровня, не прямых участников событий.

«Инициативная роль Николая I во внезапном обострении Восточного вопроса в 1853 году не подлежит никакому сомнению, — писал Тарле семь десятков лет назад, — так же как не подлежит оспариванию несправедливый, захватнический характер войны против Турции, которую начал царь, отдав приказ о занятии русскими войсками Молдавии и Валахии в июне 1853 года».

Инициативность, внезапность — хорошие слова для развенчания «первого русского помещика», заинтересованного в защите своих торговых позиций на Юге России, на Леванте и на Балканах. «Безмерно преувеличивалось, — продолжал Тарле, — значение религиозного фактора». Емкая, или, как говорил сам Тарле, «немногословная формула» разоблачала царизм и заодно русскую православную церковь, безоговорочно, по мнению Тарле, поддерживавшую зарвавшегося царя.

Но что же искали индустриальные державы в регионах, где казалось бы, царил «жандарм Европы» со склонностью к высшей математике и большим физическим нагрузкам? И что подвигло турецкого султана — «больного на Босфоре» на столь отчаянный шаг, как война с усмирителем европейских революций в Польше (1830–1831) и Венгрии (1848–1849)?

У османских султанов за пятисотлетнюю историю династии накопилась масса недостатков. Но склонностью к самоубийству как монарха, как правителя не страдал никто. Тем паче, что в 1833 г., когда еще кипела и бурлила восставшая Польша, Николай I бескомпромиссно поддержал султана в его борьбе с мятежным правителем Египта. За спиной Мухаммеда Али отчетливо прорисовывались штыки и каски колониальных держав, а Николай I фактически спас султанский режим на Босфоре.

Подробный анализ будет проведен нами в большой монографии о событиях той эпохи, которая готовится к изданию. Здесь мы оценим ключевые моменты столкновения интересов держав и России в отношении ситуации на Балканах и Ближнем Востоке. Напомним, что Османская империя в 1853 г. простиралась от Индийского океана до Атлантического, занимала фактически весь регион Ближнего Востока и значительную часть Балканского полуострова.

Уже поэтому любая конфронтация двух соседей по Причерноморью и Кавказу выходила за уровень регионального, тем более локального конфликта.

Ватикан переходит в наступление

Религиозно-политическая составляющая Восточного вопроса, крайнее обострение которого повлекло за собой войну 1853–1856 гг., по разным причинам замалчивалась политиками и исследователями уже с 60-х гг. XIX в. и фактически до наших дней. Для советских ученых неодолимым был ленинский тезис о «несостоятельности дворянско-феодального крепостнического строя», что само по себе не вызывает сомнений, но недостаточно. Дореволюционных российских историков «глаголом жгли» затопление нашей национальной гордости — Черноморского флота и падение омытого русской кровью Малахова кургана под ударами зуавов — французских стрелков, выходцев из африканских колоний Парижа. Западные исследователи обходили весьма деликатную проблему объединения интересов банковских магнатов с функционерами Ватикана, т. е. с Римско-католической церковью, и исламским османским султанатом против Восточно-христианского православия и России, против ее интересов на Востоке в религиозно-культурном и экономическом отношениях.

Историография Османской империи и современной Турции с полной определенностью и гордостью всегда говорила о связях султанских министров с Ватиканом в канун Крымской войны. Однако кто владел старо-османским языком документов Высокой Порты XIX в.? Да и турецким-то владеет ограниченный круг историков. Эта идея так и осталась достоянием десятка османистов во всем мире.

Суть проблемы заключалась в следующем. С конца 20-х гг. XIX в. в Османской империи быстро набирал силу реформаторский процесс. К 1840-м гг. модернизации, вестернизации подверглись вооруженные силы, финансы, образование, госуправление. В 1839 г. было объявлено о правовом равенстве мусульман и немусульман. Серия торговых договоров Турции с западными державами (1838–1844 гг.) при всей односторонности в пользу европейских держав давала мощный стимул и для торговцев — османских подданных. Самыми богатыми, предприимчивыми, со связями в Марселе, Ливорно, Лондоне и т. д. были подданные султана из числа христиан. Причем значительную часть исключительно выгодной посреднической торговли «Европа — Восток» держали в своих руках торговцы-нетурки, обычно христиане, тесно связанные с торгово-политическими представителями Франции, Англии, Австрии на Балканах и Ближнем Востоке. Продвижению религиозно-культурному, т. е. прозелитизму католических и протестантских держав и их торгово-финансовых

представителей в Сирии, Ливане, Палестине, Египте, в Малой Азии серьезно мешало мощное традиционное, с XV в. устоявшееся, несмотря на падение Византии, влияние Восточно-христианской (православной) церкви в этих османских (в юридическом смысле) землях.

Еще более плотным было сотрудничество балканского, христианского по вере, торгово-предпринимательского люда с западными державами.

Традиционная, хоть и не всегда последовательная поддержка Россией и ее православной Церковью единоверцев на Балканах и в Восточном Средиземноморье после екатерининских войн с Турцией (1768–1774, 1787–1792) обрела правовую и устойчиво развивающуюся тенденцию. Это вызывало обостренную реакцию и в Стамбуле, ориентировавшемся на инициативные акции держав в развитии реформаторства, и в европейских столицах. Последние остро нуждались в обеспеченных коммуникациях через османские земли на Дальний Восток, в Индию, в Африку. Модернизация османского общества, почти на две трети состоявшего из немусульман (Балканы, Левант), создавала предпосылки сравнительно устойчивого, а главное — извне формируемого под запрос промышленной революции колоссального рынка сбыта, сырья и трудовых ресурсов.

Россия не могла в силу своего запаздывающего развития противопоставить индустриальным державам ничего, кроме духовного религиозного единства, основанного на общности восточно-православных ценностей. Правда, на стороне России оставался и еще один мощный фактор. Ее героическая армия, сокрушившая Наполеона, поддерживавшая легитимизм в рамках Венского Священного соглашения 1815 г.

Державы Запада готовились к новому, оптимальному для индустриального мира середины XIX века переделу Востока, причем желательно руками обитателей застывших в прошлом самих же восточных стран. Исламское государство — Османская Турция — с «управляемым» из Лондона, Вены, Парижа, продвинутым в культурном смысле христианским элементом 24-миллионного населения представлялось в планах колониальных глобалистов той поры идеальным компонентом новой системы международного разделения труда и охраны торговых путей «Европа — страны Индийского океана». Мешала Россия. Сама по себе наша страна представляла совокупность «центра силы», который надлежало предельно ослабить, и своей слабо развитой, «удобной» для расчленения периферии — Кавказ, Причерноморье (Крым), Дальний Восток. Эта периферия и стала мишенью при решении геополитических, экономических и, в

качестве первого шага, религиозно-культурных задач Англии и Франции в отношении Российской империи.

Документы Архива внешней политики Российской империи — например, отчеты МИД за 1841–1844 гг., изобилуют данными о готовности России по просьбе турецкого султана предоставить в его распоряжение мощную эскадру и 25-тысячный десант для сохранения во всей полноте суверенных прав на Черноморские проливы и любые другие земли. Петербург фактически отказался к 1841 г., т. е. ко времени подписания международного Лондонского соглашения о статусе Босфора и Дарданелл, от преобладающего влияния в Турции. Продолжалось таковое с конца 1829 г. (Адрианопольский мир) и включало Ункяр-Искелесийский военный договор 1833 г., серию уступок Турции и державам в отношении прав православного населения Балкан и Сиро-Палестинского региона.

Невыработанность определенного политического курса Петербурга в отношении турецких (османских) реформ, включая положение православных христиан, слабость торговых позиций и уступчивость царской дипломатии в ключевых вопросах (Проливы, открытие новых представительств (консульств) держав в крупных торговых и культурных центрах на Балканах и на Леванте), были по-своему истолкованы и использованы Западом. Святые места Палестины, включавшие вековые святыни иудеев, христиан и мусульман, стали объектом одновременно религиозного и торгово-политического давления на Турцию с целью распространения преобладающего влияния на всем Ближнем Востоке.

В 1839–1841 гг. Англия учредила вице-консульство в Иерусалиме и совместно с Пруссией добилась от султана разрешения на учреждение протестантского епископата и строительства в Иерусалиме протестантского храма. Немедленно свое консульство с мощным аппаратом служителей католического культа при нем открыла Франция. Обе державы требовали особых привилегий для своих единоверцев — подданных султана.

Ответный ход России на продекларированные акции Англии и Франции в защиту католиков и протестантов из армян, греков, арабов и выкрестов-иудеев был, на мой взгляд, решающим в том обвальном процессе гонки за преимущественные позиции в Святых местах Палестины, которая как повод и привела к вооруженному столкновению держав.

Российские дипломаты в Стамбуле выдвинули идею в рамках османской административно-территориальной системы выделить (учредить) Иерусалимский пашалык (условно — губернию). Предполагалось, что султанский ферман об учреждении нового пашалыка, включающего, раз-

умеется, Святые места, будет содержать пунктуальное перечисление прав православного населения и «станет основанием для разрешения грядущих споров с духовенством других толков и иными державами»³⁰.

В исходе 1841 г. Петербург осторожно поддержал иерусалимского митрополита Иакова, который жаловался, прибыв в Тифлис, на «бесчисленные захваты» католиками православных храмов в Мосуле и Алеппо. Позиция Петербурга формулировалась так: «Все наши действия по этому предмету (рост протестантско-католического прозелитизма и давление держав на султана. — *В. III.*) должны быть тем осмотрительнее и осторожнее, поскольку они не имеют основанием трактатных (т. е. Договорных. — *В. III.*) постановлений»³¹.

Реакция султанских властей на идею особого Иерусалимского пашалыка была заинтересовано выжидательной, западных держав — активно отрицательной.

Нарастание взаимного недовольства между конфессиями в Святых местах Палестины начало интенсивно использовать в торговых и политических целях султанское правительство — Высокая Порта. Продавались и перепродавались утверждения (ферманы) на кафедры митрополитов и патриархов, оказывалась поддержка тем иереям, за которыми стояли наиболее влиятельные торговые и финансовые представители Англии, Франции, Австрии. В гонке клубуков против полновесных фунтов стерлингов и франков православные иерархи все быстрее оттеснялись на вторые-третьи роли, стремительно падало их реальное духовное влияние на местную паству, (арабы, армяне, греки и др.), сокращались и без того не впечатляющие объемы сотрудничества православного клира Святых мест с церковными учреждениями в России.

В 1848 г. личный представитель папы Пия IX архиепископ Фариери был милостиво и сугубо конфиденциально принят султаном. Он получил после переговоров статус представителя при Высокой Порте, что означало восстановление прерванных Ватиканом в эпоху Крестовых походов (XI в.) отношений с исламским миром. Османские источники свидетельствуют, что наибольший интерес у Абдул Меджида вызвало послание Пия IX к православным подданным султана, прежде всего в Сирии и Палестине. Оно содержало предложение перейти «всем вместе и сразу» в католичество и получить тотчас покровительство папского престола, защиту и

³⁰ Цит. по: Отчет МИД за 1842 г. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Отчеты МИД, 1842 г. Л. 316–317.

³¹ Там же. Л. 315.

поддержку христианнейшего французского государства. В распространении соответствующих документов среди немусульман региона деятельно участвовали османские власти и очередной доверенный Пия IX епископ Валерга, утвержденный султаном в качестве главного «латинского патриарха Иерусалима». Начальник первой Русской духовной миссии в Святой земле архимандрит Порфирий (Успенский) оценил в 1848 г. совокупность действий Порты, Франции и Ватикана как полнейшее нарушение 400-летнего статуса христианских общин на Востоке, при котором иерархическое старшинство неизменно признавалось султанскими властями именно за православным патриархом Иерусалимским и всея Палестины.

Далекие от паникерства, трезвые и высокообразованные люди, горячие патриоты России, сам архимандрит Порфирий и наши дипломаты — посланник в Турции В. П. Титов и генконсул К. М. Базили — обобщили ситуацию: «Духовное влияние России на Святой земле падает быстро; еще быстрее упадет, если не принять мер, влияние политическое».

Был на исходе 1848 год — год революционных бурь в Европе. В МИДе и в Зимнем дворце предостережения восприняли серьезно, но реакция оказалась замедленной на несколько шагов по сравнению с динамизмом принца-президента Шарля Луи-Наполеона, объявившего себя в декабре 1851 г. императором Франции Наполеоном III, и папы Пия IX, деятельно его поддерживавшего в качестве «рыцаря католической веры».

Ватикан, заметим здесь, стремился отеснить на Востоке давних соперников — протестантов и англиканскую церковь, вытеснить их полностью, вернуть в лоно римско-католической церкви миллионы «заблудших душ» Православных Востока и Балкан. Наполеон III, слабая копия своего великого дядюшки Наполеона Бонапарта, полагал, что путь на Восток с «мечом и крестом» в конечном итоге приведет его к безграничной власти в Европе. Без России, погубившей Бонапарта, и, по возможности, без Англии, вечного соперника Франции в колониях Востока и Нового Света, а также в Испании, Италии, Греции.

Дела церковные, расчеты светские

Как известно из истории, при разделении в IV в. н. э. Восточной Римской и Западной Римской империи все святилища Святой Земли в Палестине отошли «под руку» иерусалимского духовенства. До раскола христианской церкви (1054) на Римско-католическую и Восточно-христианскую (православную) проблемы и разногласия клириков Святых

мест носили сугубо личностный характер. Установление султанского исламского режима в Константинополе (1453) и не сразу сложившиеся, но достаточно прочные и уважительные отношения султана-халифа (после 1517) и Вселенского патриарха в Стамбуле (Константинополе) обеспечивали в целом стабильную ситуацию в Святых местах.

После 1099 г. (взятие католической крестоносной ордой Иерусалима), как один из итогов Крестовых походов западного католического мира на Восток, сложился такой порядок в Святых местах Палестины, что из двенадцати главных христианских святынь девять оказались в руках католического клира. Однако три главных святыни все же хранились православными священнослужителями. В том числе заветный ключ от главных больших дверей Вифлеемского храма (церковь Яслей Господних) и другой ключ от Иерусалимского храма (церковь Гроба Господнего), их хранили совместно православные греки и армяне. Все церемонии по обряду совершались в присутствии и под контролем светских османских властей. Дело в том, что хранение ключа и в христианской, и в исламской традициях воспринималось как право на владение целиком святыней и право на первоприсутствие в храме. Следствием были упрочившиеся за века чисто земные, материальные интересы: пожертвования и сборы от паломников, от налогов за приобретение или удорожание недвижимости и т. д. Незначительное количество, временами 5–8 человек, иногда всего 3–5 человек, католических монахов проживали при храме Святого гроба, но они пользовались правами экстерриториальности и полной защиты турецких властей. Таково было содержание ст. 33 франко-турецкого капитуляционного договора 1740 г. Все спорные межконфессиональные вопросы были обязаны к всеобщему удовлетворению решать османские власти — паша (правитель) в Сайде и местный иерусалимский турок-градоначальник (мутасаррыф).

Мелкие свары в среде местного арабо-армяно-греческого восточно-христианского клира не прекращались с XI в. и продолжают поныне. Однако целенаправленный политический характер придали им Наполеон III и Пий IX. На мой взгляд, в отличие от позиции Е. В. Тарле, сдвиг в оценке Палестинских святынь как политического оружия или инструмента произошел не столько под влиянием необходимости для Наполеона III доказать Франции и миру мощь своей новой империи (что в принципе неоспоримо), сколько под влиянием факторов более фундаментальных, жестких и отчетливо прослеживаемых на уровне не столь давно открытых документов.

Активизация, потенциально исключительно мощная, русских инициатив относительно создания нового Иерусалимского пашалыка практически не исследована, поскольку все проблемы Святых мест Палестины погребла война 1853–1856 гг. Инициатива нашей дипломатии (1847–1848) о выделении Иерусалима в некую небольшую зону «вольного города» под общей османской юрисдикцией, но с серьезными, как у всякого пашалыка, правами не могла не подвигнуть циничного и жесткого прагматика — Наполеона III «Маленького» на самые решительные шаги и акции. И вот почему.

Россия существенно выиграла в глазах Высокой Порты тем, что содействовала — без компенсаций в торговом или политическом статусе — умиротворению в Ливане (1845), где местные жители — друзья-мусульмане и марониты-христиане, — опираясь на деньги и оружие соответственно «своих» держав — Англии и Франции, братоубийственно истребляли друг друга, а заодно и ненавистную, чуждую им турецкую власть. Война бушевала в этом богатейшем уголке Леванта. Введение в Ливане при самом активном участии русских дипломатов (консультации, советы, посредничество и т. д.) системы прямого султанского управления двумя противостоявшими религиозными общинами посредством уполномоченных османского центра (независимые от местных властей каймакамы Порты) приостановило гражданскую войну в Ливане, притушило на какое-то время братоубийство, ограничило возможности турецких пашей-сепаратистов и западных интриганов греть руки на пепелищах домов несчастных ливанцев.

Перспектива восстания в Молдавии и Валахии, в других европейских землях Османской империи как отзвук революций в Европе 1848–1849 гг. была по крайней мере отодвинута русско-турецкой Балта-Лиманской конвенцией 1849 г. Выходило, что наша российская дипломатия активно и конструктивно содействовала предотвращению разрастания вооруженных конфликтов в различных областях Османской империи.

Трудно винить Николая I в том, что он не поддержал революцию в Дунайских княжествах или не поспособствовал разгоранию гражданской войны в Ливане. В том и в другом случае власть турецкого султана могла бы рухнуть, но новый статус территории отнюдь не был бы определен повстанцами, его решали бы державы. И не в интересах России.

Большую настроенность Франции вызвали, кроме того, деятельные и в конечном итоге успешные представления Англии в пользу создания особого патриархата греков Ионических островов (1840 г.), «всецело рас-

положенного с умилением взирать на британского посла-благодетеля». Этот архипелаг лежал вблизи Греции, которую Париж считал страной своих особых интересов.

Россия и Англия достигли в 1841 г. взаимосогласия рассматривать хребты Гиндукуша как естественную разделительную линию британских и русских интересов к востоку от османских границ. Довольно успешно они взаимодействовали в посредничестве в ирано-турецком пограничном урегулировании. Николай I и высшие сановники России зачастили в Англию.

— Русские все лечат подагру на водах, на курорте в британском Бате и обсуждают, причем с пониманием, судьбу «больного человека на Босфоре». Неужели в Европе нет других целебных вод, — раздражался Париж. — Не слишком ли близко они, Лондон и Петербург, подвигаются друг к другу...

Был и еще один не забитый гвоздик в сапоге французского властелина. Английская и прусская дипломатия в Стамбуле тесно сотрудничали с богатой, обладавшей обширными и устойчивыми финансовыми и коммерческими связями и на Востоке, и в Европе еврейской общиной Турции (*яхуди миллет*). Со времени подготовки и подписания англо-турецкого торгового договора 1838 г. эти связи умножились за счет посреднической торговли и ростовщичества, запретного для торговца-мусульманина. Три года спустя этнический еврей-выкрест М. Соломон был назначен первым епископом англиканской церкви в Иерусалиме (1841 г.) Там он деятельно защищал торговые интересы и Берлина, и Лондона и одновременно склонял, как гласит документ, «иудеев Святого города ко Христу».

Святые отцы протестантской конфессии зачастили в Сирию и Палестину, т. е. в зону повышенных забот Парижа. В разбухенной самой Францией при поддержке Ватикана активности вокруг покровительства османским немусульманам выявился неожиданный для Парижа поворот.

В октябре 1845 г. представительная депутация от иудейского (*яхуди*) миллета — общины посетила британского посланника в Стамбуле и вручила ему снабженную многочисленными подписями петицию. В документе говорилось, что в Османской империи все православные подданные султана находятся под покровительством России, католические — Франции и других европейских держав. Только евреи-иудеи «страдают и мучаются без покровительства и почтительно просят королеву Великобритании взять их под опеку». Менее чем через месяц (!) пришло указание лорда Абердина британским дипломатическим

службам в Османской империи оказывать яхуди миллету все возможное содействие, общую же идею британского покровительства еврейскому населению «обсуждать с лицами, того заслуживающими своим влиянием и положением среди единоверцев»³².

Не укрылось от Парижа и то обстоятельство, что богатейшие и влиятельнейшие в мире еврейские банковские дома Ротшильдов и Монтефиоре из-за плеча британских дипломатов, стамбульских, палестинских яхуди-ростовщиков стали очень внимательно поглядывать на купола Святой Земли. А старые банки с интересами от Лондона и Марселя до Каира и Стамбула — это опасная сила... Во все времена.

Турки-османы не без успеха искали займы в Европе. Высокая Порта неспешно и со знанием дела готовила реформы всего финансового хозяйства империи и готова была заключить на выгодных для себя долгосрочных условиях заем в Англии, у английских Ротшильдов в первую очередь. Те же Ротшильды готовы были и Петербургу ссуживать... Для Шарля Луи-Наполеона все это выходило скверно. И Шарль Луи-Наполеон сделал решительные шаги в двух направлениях: к императорским регалиям и к Святой Земле.

С начала 1850 г. католическая пресса Европы, прежде всего подконтрольная Луи-Наполеону и Ватикану, бесчисленные «беспристрастные наблюдатели» обрушили на читающий мир проблему Святых мест Палестины. Русская зарубежная публицистика и пресса (бельгийская газета «Норд» и др.), финансирувавшаяся через К. В. Нессельроде, были буквально смяты шквалом измышлений и наветов на русскую Православную Церковь, на ее культурно-духовную миссию на Леванте и на Балканах, на все миротворческие усилия русской церкви и дипломатии.

Вопрос о ключах к храму Гроба Господня стремительно покатился, обрстая осложнениями, в сторону прямой конфронтации.

Бесспорно, у нашего пытливого читателя из числа юношеской аудитории, из учительного корпуса звучат настойчивые и требовательные голоса: «Неужели академик Е. В. Тарле, сам Тарле не знал этих фактов?» Отвечаю. Да, многого он не знал, ибо архивные подборки ему готовились по приказу “сверху”. Тщательно отбирались документы, укладывавшиеся в “пораженческую” концепцию, умаляющую место Православной Церкви в Восточном вопросе и дела “проклятого царизма”.

³² АВПРИ. Ф. Главный архив V-A₂. 1845 г. Д. 515. Л. 99; 14 (26) октября 1845 г. В. П. Титов — Н. М. Воронцову-Дашкову.

Тарле, виртуоз стиля, разрабатывал эту концепцию пораженчества, подстраивая свою книгу под интересы и взгляды самого “Хозяина”. Многого Тарле не успел оценить и обобщить, ибо работал над темой всего 3–4 года. Не знал он восточных языков и соответственно уникальных документов. Бог ему судья, но он крайне небрежно относился к интересам крупнейшей, фактически единственной державы Ближнего Востока, Балкан и Северной Африки — Османской империи, тем более к судьбам ее регионов; ряд использовавшихся им информационных блоков XIX века по Турции были инспирированы (через материалы А. Убичини) военным ведомством Османской империи и т. д. Об этом см.: Шеремет В. И. Османская империя и Западная Европа. М., 1986.

Святые места и бесчестные интриги

Во второй половине 1852 г., когда темные тучи конфликта все плотнее стягивались на высоком и прозрачном небе Палестины, наш мудрый и прозорливый генеральный консул К. М. Базили, кстати, уроженец Константинополя, настойчиво (и, как всегда, деликатно) акцентировал перед российским МИДом острейшие проблемы Святых мест в политическом и конфессиональном контекстах. Дадим ему слово после 150 лет молчания.

Он писал, что в политике Порты, в целом спекулирующей на грызне между православным и католическим клиром за места близ Гроба Господня, наметился сдвиг. В Стамбуле несколько озадачены той чрезмерной энергией, с которой французская дипломатия защищает и без того «безмерно фаворитизируемых Портой католических подданных султана». Так, в очередном споре греческого патриарха в Святых местах и епископа Бейрута Порта предложила третейское решение через мнение трех других независимых епископов, не прибегая к апелляциям ни к Папе Римскому, ни к султану как главе всех миллетов империи.

Вообще, как писал Базили, речь пошла не только о правах и интересах православной церкви на Востоке, а о позиции России в целом в Османской империи. «Определенная недоброжелательность к нам со стороны турецких властей и слепое их расположение к Западу, новые разочарования их в нашей [политической] линии могут привести к большому конфликту в Иерусалиме и других местах Святой Земли». Базили предупреждал, что протекторат Франции над католиками на Леванте фактически сложился; таковой же Англии — над протестантами, «отчасти над другими

христианами из числа армян, арабов и иудеями». Франция не вполне удачлива, писал он, в своих восточных делах, а потому ей выгодно поддерживать напряженность на Леванте. Франция доминирует во влиянии на Порту, но только благодаря бесчисленным интригам своих представителей в Стамбуле и в Святых местах. Основная мишень Франции — Россия, и Париж на все пойдет ради осложнения русско-турецких отношений.

Базили предельно четко указал, что вопрос о ключах в Святых местах сугубо принципиальный, это вопрос позиции державы, ее влияния на Востоке. Ключ, за который шла свара, от двери входа с юга в пещеру (храм) Рождества, очень важен в христианском мире, поскольку сама дверь ведет в главную часть пещеры (в кувуклию). Не менее важен и ключ от главных дверей храма в Вифлееме. «Борьба за древние ключи, — прогнозировал ситуацию К. М. Базили, — уже привела к конфликтам в христианском мире, но неминуемо будет использована для упрочения власти фанатичной части мусульманского сообщества, когда всерьез перессорятся державы, которые стоят за конфессиями»³³.

Наглядным примером того, как Франция манипулировала различными аспектами проблемы статуса держав в Святых местах, был малоизвестный «казус флагов», имевший место еще летом 1843 г. Дипломаты Франции в Египте, Сирии и Палестине забили тревогу по поводу того, что Франция утрачивает решающее влияние на реального правителя Египта Мухаммеда Али, крайне озабоченного объемами проводок судов через Суэцкий канал и соответственно отчислений в казну Каира. Другая проблема — наследственные права сыновей Мухаммеда Али на Египет, которые жестко оспаривала Высокая Порта. В этих комбинациях присутствовали английские и австрийские дипломаты как посредники, а финансисты Лондона и Вены как особо заинтересованные стороны. Напомним, что в ирано-турецком разграничении в это же время медиацию осуществляли Лондон и Петербург, но не Париж.

Вот тут и развернулось. Консул Франции в Иерусалиме де Лентиви официальным представлением к Порте потребовал право поднять национальный флаг Франции над консульством. Ему было отказано со ссылкой на отсутствие таковой практики и на особое положение трехконфессиональной святыни — Иерусалима при полной невозможности что-либо менять в статусе консульств. Имелась отсылка и на деликатную хрупкость межконфессиональных отношений. Консул упорствовал.

³³ АВПРИ. Ф. Главный архив V-A₂. 1852 г. Д. 100. Л. 22–23, 36–42. 10 (22) июня 1852 г., 24 декабря (ст. ст.) 1852 г.

Вмешался совещательный Диван при султанах. Его вердикт был таков: Франция необоснованно и любыми путями стремится приумножить свои права и преимущества в Святых местах Палестины и... в Магрибе. Посольству Франции было передано мнение Дивана: Алжир не считается «утраченной землей османов» и Палестина есть суверенная территория империи Дома Османов. Ретивый консул в Иерусалиме притих, но тут посол Порты в Париже Нафи-эфенди сделал представление Парижу, в котором говорилось, что не флаги в суверенном (для султана) Иерусалиме Франции надлежит поднимать, а... вернуть Алжир.

Реакция официального Парижа была истеричной, с элементами угрозы. Диван, Порты и султан Абдул Меджид, тогда еще молодой и нотами держав не обстрелянный, сдались.

Это было не в пример его отцу Махмуду II, который, владея языком в качестве родного, читал документы с листа, не вставая с миндера, и кое-что рвал без объяснения — французская кровь матери Эме де Ривери, кухни незабвенной Жозефины де Богарне Бонапарт, закипала в Махмуде II, когда Париж, именно Париж давил на потомка нормандских рыцарей и османских владык половины Европы.

Франция получила право поднять свой флаг над генеральным консульством в Бейруте. В обмен на отказ от французского флага в Иерусалиме, но с увеличением льгот для потенциальных паломников-католиков к Гробу Господа нашего Иисуса Христа. Консул де Лентиви вполне утешился эксклюзивным правом прикупить новый участок земли вблизи Святогробских святынь³⁴. Париж шел на Восток...

Любой конфликт на Востоке, как полагали на Дворцовой площади, дом 6, можно было уладить путем переговоров, пока Англия не заняла единую позицию с Францией, но Париж «уперся» в проблему Святых мест... Как полагал, успокаивая себя, чиновный Петербург, на Востоке все спокойно. Отношения султана и патриарха складывались к взаимному удовлетворению. Наблюдатели сообщали, что «новый Вселенский патриарх Германос был с почетом принят султаном» (1852). Православный клир Дунайских княжеств часто обращался в Высокую Порту, «лаская тайным видам ее на укрепление влияния [турецкого — *В. III.*] на внутренние дела всей Восточной [православной — *В. III.*] церкви». Чего же более...

³⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1843 г. Д. 34. Л. 439–532. Дешеш Л. И. Кремера В. П. Титову и В. П. Титова к К. В. Нессельроде. 27 июня (9 июля) 1843 г. и 24 августа (5 сентября) 1843 г.

Заметим, что в 1852 г. в России по приходам было собрано до 15 тысяч рублей серебром на Храм Гроба Господня и еще до 8 тысяч рублей серебром на церкви Святой Земли³⁵.

В 1852 – начале 1853 г. русские миссии (консулы и т. д.) в Османской империи согласно сообщали, что Порты и местные власти в Святой Земле строго и четко выполняют султанский ферман от 29 января (10 февраля) 1852 г. о защите святынь Палестины и регулировании межконфессиональных проблем через третейское содействие местного турецкого паши. Лучшего и желать нельзя.

Увы, оказалась вне августейшего уха Николая I идеальная формула К. М. Базили: «Опора на Православную церковь на Востоке и содействие Порте в выборе политической системы через реформы наиболее соответствовало бы интересам Российской империи на Востоке»³⁶. Император создал мощную, как он полагал, систему власти, был истинно верующим, православным монархом. По-настоящему услышать глас служителей Бога он не сумел. Или глас тот был недостаточно зычным?..

Деятели российской православной церкви на самых различных уровнях — от паломников и миссионеров до высших иерархов — били тревогу по поводу обвального роста прозелитизма на Ближнем Востоке, и в Святой Земле в первую очередь. Святейший Синод, в том числе Н. А. Протасов и С. С. Уваров, т. е. лица из «первоприсутствующих», с начала 1840-х гг. озаботились сбором достоверной информации о быстром росте культурно-политического и экономического влияния (в первую очередь торгового, но при этом под прикрытием высоких фраз о защите христианских духовных ценностей на Леванте) держав на Леванте и на Балканах. Масса документов на сей счет еще ждет своего исследователя. Признаем, что Дворцовая площадь, дом 6, слишком долго отмалчивалась на представления Церкви.

В начале ноября 1841 г. один из патриархов православной церкви в Османской империи Константин направил в Синод взволнованное по духу и острое по содержанию послание. В нем, в частности, говорилось, что чиновники Высокой Порты, пользуясь невниманием к проблеме российских дипломатов в Турции, фактически продают свое официальное покровительство и административную защиту православных церквей и монастырей, которые они, власти, должны осуществлять в рамках османских законов и русско-турецких договоров и соглашений. Напрямую

³⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, отчет за 1852 г. Л. 285–295об.

³⁶ Там же. Л. 21–23об.

вмешиваются в распри между католиками и православными в Турции, как правило, принимают сторону гораздо более богатых и связанных с Западом своих католических подданных.

Так, турецкие власти по согласованию с Папой Римским и его неформальными представителями в Турции встали на сторону епископа Максима, главы османских католиков в Александрии, Антиохии и Иерусалиме, с целью создать в Сирии (и, следовательно, Египте) единый католический духовный центр, тогда как малейшая объединительная тенденция православных епархий жестко пресекалась. Под видом стабилизации положения дел, как писал патриарх, Порта стремится изъять управление доходами православных монастырей из рук православного клира, хотя монастыри имели соответствующие султанские разрешения с XV–XVI вв.³⁷

В бумагах Синода отмечено, что к 1850 г. в Османской империи насчитывались 4 патриарха, 22 митрополита, 19 архиепископов, 120 епископов. Они окормляли примерно 9 миллионов 260 тысяч православных из общего числа османских подданных в 25,5 млн человек. «В иностранных землях живет 17 миллионов православных», — говорит документ³⁸.

Январем 1846 г. помечена записка «О бедственном положении православной церкви в Болгарии». Автором ее был выпускник Одесской семинарии «природный болгарин» Захарий Петров (Княжевский), который не сумел «приискать себе место» в среде православного клира болгарских земель, несмотря на самые положительные рекомендации своих российских пастырей. Впрочем, речь не о нем. Автор остро реагирует на попытку местных (в Болгарии) османских властей определенным образом подменить саму систему православного миллета как такового католическим, а поскольку это было столь же нелепо, как шиит в должности шейх уль-ислама суннитской уммы в Турции, то Порта «действовала ...рублем» (или, в данном случае — курушем).

После 1844 г. архиепископские кафедры стали, по личным наблюдениям автора, продаваться турецкими властями грекам-священникам любого ранга за наличный расчет. Место самого низшего звена — священника в болгарском селе едва грамотный грек выкупает у архиерея (тоже грека)

³⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода). Д. 28220. Л. 2–4; патриарх Константин — Н. А. Протасову. 4 (16) ноября 1841 г.

³⁸ Там же. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 503. Л. 1–10об. «Православные в Турции и Австрии». Составил К. С. Сербинович.

за полторы тысячи курушей (1 куруш — 6 копеек серебром). А место архиепископа, но уже у местного османского чиновного властелина, купить можно было за 300–500 тысяч курушей, т. е. от 180 тысяч до 300 тысяч русских рублей серебром.

«...Проторговавшиеся греки-купцы приобретают таковые места, — как пишет автор, — на самый последний момент, и в убытке не пребывают...» «...Такие иерархи, следуя османской вековой откупной системе, пасут себя сами, а не свое “стадо” (окормляемых). Живут роскошно, вовсе не радея о своем долге, питают закоренелое презрение к болгарам, их народности и языку, строго запрещают богослужение на языке славянском (болгарском), находя в том поддержку Порты...».

Захарий Петров, не драматизируя, а скорее концентрируя взгляд на главном, писал следующее. Молодежи из православных кругов очень трудно получить от Порты документы на поездку в Россию. Пропуск во Францию, Италию и Австрию выдается беспрепятственно, особо поощряются выпускники школ и кружков, расплодившихся вокруг католических миссионеров³⁹.

Архимандрит Владимир (Сухопан) прилагал свидетельские показания о том, что через турецкие власти можно купить благословение Константинопольского патриарха (4–5 тысяч курушей). «Избежание проклятия (местного, в Европейской Турции) лихоимца в митре стоит всего 300 курушей. Если не дашь, то в зиндан (тюрьму) к туркам и... по пяткам, чтобы кровь через чулки...» Все это с ведома и одобрения турка-муселима⁴⁰.

Документы, в том числе записка Захария Петрова, внимательно изучались в Синоде, о чем свидетельствуют пометки С. С. Уварова и Н. А. Протасова, копии шли к К. В. Нессельроде и, видимо, клались «под сукно». Впрочем, ряд столь же тревожных документов был не только изучен обер-прокурором Синода, но и доложен Николаю I. Тот многое, очень многое читал лично. Только вот на государственном уровне поддержки в должном объеме не последовало.

Царь затребовал, например, мнение Синода на пространную записку упомянутого архимандрита Владимира (Сухопана) из Константинополя (Стамбула) от 1(13) октября 1845г. Уроженец Австрии, архимандрит Владимир был истинным служителем православия, не столько патриотом России, сколь «радетелем душевным истинного, по вере и корню славян-

³⁹ Там же. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38206. Л. 2–6об.

⁴⁰ Там же. Л. 25–26об.

скому, сближения русского народа с единоверцами на Востоке» (из оценки записки, видимо, С.С. Уваровым).

Архимандрит Владимир обращал внимание Синода в России на проявления жестокого и далеко идущего по своим последствиям вмешательства Порты в имущественные споры между православными и католическими общинами и отдельными лицами, между клиром и прихожанами. Как писал отец Владимир, османские власти «близким к ним грекам предлагают за большие деньги целые приходы... У епископа, — писал он, — ищут успокоения как временного, так и вечного. ...Но [купивший свое место у турок. — *В. III.*] епископ считает епископство свое светским поместьем, которое он получил от константинопольского патриарха на откуп на неопределенное, большей частью весьма короткое время».

Преуспевают такие «клирики», по словам отца Владимира, «отменно на перепродаже мест, в бракоразводных делах и в исках касательно наложниц для мусульманских богатеев».

Архимандрит обращает внимание Синода в холодном Петербурге на огромную проблему — отсутствие должного внимания России к духовному просветительству через книги, школы и т. д., что влечет «незнание и отторжение в душах и мыслях единоверцев России в Болгарии и на Леванте». Наоборот, Франция не только щедро субсидирует стамбульского католического епископа (32 тыс. франков в год), но и открывает на деньги от правительства и с одобрения турок духовные семинарии и массу школ. Названы созданные всего за один год школы на острове Хиос, в Измире, две школы в Стамбуле, школы в Бейруте и Антиохии. В Бебеке, под Стамбулом, Франция открыла Духовную академию «с преимуществом поступления греческой молодежи, которая получает и образование, и перемену веры на католичество, и покровительство» (на основе капитуляций. — *В. III.*).

Любопытен еще один взгляд отца Владимира на «перспективный прозелитизм» французских духовных лиц в Турции вкупе с дипломатами. «Французское покровительство [с выдачей паспорта, т. е. двойное гражданство. — *В. III.*] располагает к переходу [в католичество], в особенности восточных армян, народа торгового. Они находят таким образом вернейшее поручительство для своей торговли и достаточную защиту против произвольной конфискации их имущества Портой, потому что им служат тогда [в случае конфликта с турками. — *В. III.*] посредниками... латинские священники, которые умеют всегда найти доступ к посланникам римско-католических дворов при Высокой Порте».

Архимандрит Владимир высоко оценивает проявления веротерпимости в Турции на всех уровнях — «от народного до чиновного». Но он справедливо обращает внимание на то, что специальный представитель Ватикана, высокий иерарх собора Святого Петра под защитой турецких кавасов (приставов) совершает помпезную многонедельную поездку по стране с мощами Святого Рената, «возвышая на Леванте и в Европе (Европейской Турции. — В.Ш.) интерес к политике Франции и Святого Престола». Замечание просто феноменальное для нашего перенасыщенного фундаментализмом времени.

Архимандрит Владимир мыслит широко и перспективно, видел глубокую политическую подоплеку в прозелитизме и сближении Порты с папским престолом. «Папа, — писал он, — старается распространить свое учение на (Ближнем) Востоке, а католические дворы, в особенности Франция, не жалеют денег, чтоб содействовать распространению папизма в османских пределах и через то парализовать нравственное влияние России на умы единоверцев на (Ближнем) Востоке».

Человек высокой моральной ответственности за судьбы своей паствы и очень наблюдательный аналитик, отец Владимир выделил несколько главных направлений, на которых прозелитизм смыкался с финансово-культурным и политическим давлением держав Запада в регионе. Напомним, в 1840-х гг. шла еще борьба политическая и духовная, а с 1848–1849 гг. усилился до кризисного уровня силовой компонент, вылившийся в Крымскую войну.

К этим направлениям архимандрит относил частую смену патриархов в Константинополе, что особо поддерживалось Портой (5 патриархов сменилось за 1840–1845 гг.). Невежественность и корыстолюбие — вот главные черты этих выходцев из фанариотских кругов Стамбула, где Порта черпала своих драгоманов, советников, лоцманов и ...священнослужителей. «...Фанариоты, обласканные Портой, всегда и во всем патриархами недовольны. Требуют их смены, а потому он (патриарх) обращает все внимание, чтобы возвратить себе издержанные на свое избрание суммы».

Другое направление — начальное обучение православных детей католическими, ибо других мало или вовсе нет, учителями-миссионерами. О таких учителях отец Владимир писал, что они утром дают детям уроки арифметики и французского языка, а ближе к вечеру работают на турецкие власти или на турок-торговцев (бухгалтерские расчеты, посредничество, толмачи и т. д.). Такие «пастыри», отмечал отец Владимир (как и упомянутый Захарий Павлов), отнюдь не видят насильственной

исламизации болгар, убеждают Порту не принимать от России никакой богослужебной литературы, что идет в дар православным. Зато фанариот — Константинопольский патриарх в циркулярном письме епархиям предложил митрополитам и епископам употреблять в личном общении и в быту только греческий язык, «заставляя забывать природные языки»⁴¹.

Как будто застеснявшись своего обличительства в адрес православного клира, отец Владимир обращает внимание Синода не только на «нравственное падение» русского влияния на Востоке, но и на то, что доходы от Святых мест уходят от «взора и пользы православия», а огромные, веками скопленные там сокровища, бесценные для духовного мира всего Православия, под угрозой. От «хищной Порты», от бесчестных фанариотов и от злонамеренного католического прозелитизма и тех, кто его «поправляет» против России⁴².

Какова была реакция Синода и чиновного Петербурга, включая самого царя? Извольте, читатель. К. В. Нессельроде отписал Н. А. Протасову 27 февраля (ст. ст.) 1848 г.: «...Вещи и богослужебные книги, собранные для Болгарии доброхотно в ряде епархий России, числом 13 ящиков... чтобы не возбудить неблагодарного внимания Турции, осторожно (так в тексте. — В. III.) переслать в Константинополь, а не в Болгарию»⁴³. Еще одно письмо К. В. Нессельроде Н. А. Протасову, 14 августа (ст. ст.) 1851 г.: «...Не следует беспокоить турецкую цензуру насчет книг церковного содержания; все, что собирается, следует направлять посланнику В. П. Титову в Константинополь на усмотрение его». Отсылать книги и т. д. православным на Левант считать «неудобоисполнимым»⁴⁴.

Сам В. П. Титов там, на месте, в османской столице, на все нестроение в делах восточного православия отзывался так: много пишут (о записках в Синод и прочем) любопытного, много правды, но много и пристрастного...

Шел уже 1852 год! Посланник наш блаженно покушивал яблочный кальян, вкушал покой, а мед прозелитизма заливал тем временем все трещины и щели нашего духовного нестроения на Леванте. Не повторять бы ошибок прошлого...

«...Бедность, обнищание торговцев из православных, ущемляемых согласно Портой и латинянами, — вот суть причина принимать право-

⁴¹ Там же. Ф. 797. Оп. 15. Д. 38106. Л. 49, 64–65. Письма Захария Павлова (Княжевского) в Синод от 26 июня и 14 июля (ст. ст.) 1846 г. С приложением писем православных из Стамбула.

⁴² Там же. Л. 26–28 об.

⁴³ Там же. Ф. 797. Оп. 1. Д. 38106. Л. 157.

⁴⁴ Там же. Д. 38106. Л. 157, 267–268, 270.

славных магометанскую или латинскую веру». Это уже из очередного, едва не кровью писаного послания Захария Павлова от 19 октября 1850 г.

И далее: «...иеромонахи исповедуют либо по-гречески, либо по-турецки. Не знаешь языка — уходи или... плати. Приобщение Святых тайн часто идет на турецком языке, не хочешь — иди в паломничество, а на какие деньги?»

Католические миссионеры, как писал Захарий Павлов, поступают очень умно. Они говорят: вас, православных грабят два волка — грек-пастырь и турок-чиновник. Папа Римский обещает вам сохранение родного языка в церквях, приумножение денег — в ваших кошельках, ибо Папа обеспечит вам защиту имущества, а детям вашим — школу и далее обучение на Западе. Что делает для вас, православных, Россия? — вопрошал, витийствуя, лукавый прозелит. Молчала горько паства православная...

«В каждом городке Болгарии есть по несколько десятков болгар, отступивших от православия, охладевших к религии, к своей народности, нерасположенных к России», — таков был печальный вывод Захария Павлова.

Человек более приближенный к мирским заботам, чем отец Владимир, этот «русский болгарин» прогнозировал (1850 год!) ситуацию, реализовавшуюся в Крымской войне. «В случае войны какой-либо европейской державы с Турцией болгары-римляне [католики], по всей вероятности, будут стоять за римлян или за христиан другого западного исповедания, а не за православных. Особенно при злокозненном влиянии отступивших от христианской веры [и перешедших в ислам и на турецкую службу. — *В. Ш.*] поляков и венгров, рассеянных по всей Турции... Напоенные западным духом, они все равнодушны к родине, неприязненны к России...»⁴⁵.

Противостоявшие в назревавшем столкновении стороны из этой сложнейшей ситуации делали выводы противоположные и... одинаково неверные. Николай Павлович записки и доклады читал прилежно, но вместо оказания помощи единоверцам, реальной, быстрой и действенной, сетовал: «Не велика моя надежда на них (задунайских христиан), разве на сербов. И до того удостоверения не очень (я) расположен идти далеко за Дунай».

Обнадеживался тщетной мыслью «замучить турок» демонстрациями силы, хотя в серии писем трезво оценивал русские силы в Закавказье как «недостаточные серьезным предприятиям»⁴⁶.

⁴⁵ Там же. Д. 38106. Л. 238–240.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1018. Оп. 10. Д. 32. Л. 3–Зоб. Николай I — И. Ф. Паскевичу. 21 ноября (3 декабря) 1853 г.

Западные советники при Порте, дипломаты-генералы и предприимчивые стамбульские коммерсанты с набором паспортов «первейших держав Европы» наперебой советовали туркам создавать ударные польские, венгерские, казацкие (некрасовские), еврейские легионы, набирать всех недовольных Россией в Дунайских княжествах и — вперед-вперед!

Светлейший князь Варшавский И. Ф. Паскевич, которого, по злому и несправедливому сарказму (в чем он превосходил даже Пушкина, в отношении, например, М. С. Воронцова) завистливого князя А. С. Меншикова, одолевали попеременно геморрой и охота к осведомительной деятельности, все это, т. е. «насупленность защищаемых Россией христиан, коим сие не в радость и не в пользу», а также сколачивание отрядов профессиональных военных волонтеров в Турции, предупреждал Николая следующим образом.

Инсургенты в Польше, Подолии, Волыни вполне ожидаемы и подкормлены, кто Австрией, а кто Лондоном и Парижем. Опасно, как он (Паскевич) считал, «появление партизанских отрядов» в Киевской и Херсонской губерниях, где много помещиков-католиков из поляков, а крестьяне сплошь православные. Конфиденты сообщали светлейшему (пугали?), что Париж обдумывает, не послать ли некие войсковые части в Австрию, да поближе к русской границе. «Достаточно появления одного французского корпуса, — писал “старый барс Кавказа, хитрый лис Варшавы”», — чтобы произвести если не восстание в Польше, то, по крайней мере, общее брожение умов».

«Заметки к воспоминаниям» — так называл Паскевич свои мысли, но не из ридикюля же он назвал царю примерную цифру в 26 тысяч франко-австрийских штыков у слабых западных границ России⁴⁷.

Запах пороха, или Аромат больших денег

То, что Крымская война явилась надменной Европе и равнодушному Востоку своеобразным клубком нескончаемых интриг, мы себе уяснили. Внесем ясность в непосредственные поводы и характер войны, оценим позиции участников.

Все знают, что война началась в 1853 г. и что во всем виноваты Восточный вопрос, царь и турки.

Однако русско-турецкий конфликт составил лишь фрагмент, хотя и принципиальный («пусковой»), в общей картине роста напряженности

⁴⁷ РГИА. Ф. 1018. Оп. 10. Д. 23. Л. 295–297, 350–352, 382 об.–384. Конец 1854 г.

международных отношений в регионе с общим населением более 300 миллионов человек. Это был регион Юго-Восточной Европы и Причерноморья, Сирии, Палестины и Ливана, Малой Азии и Закавказья. В такой последовательности (в географическом смысле) шло вовлечение в конфликт земель и территорий Балкан и Ближнего Востока. Тенденция 1830–1840-х гг. к закреплению индустриальной Европы в этой густонаселенной при высоком спросе на западные массовые дешевые товары контактной зоне Восток — Запад осложнялась до уровня конфликтности двумя обстоятельствами.

Во-первых, борьбой Англии, Франции и Австрии (при их внутренних противоречиях) против влияния России и особенно против любого вероятного сближения православной России и мусульманской Турции при христианском доминирующем населении Османской империи. Во-вторых, игрой держав на мультинациональной и мультирелигиозной нестабильности на землях, имевших решающее, веками устоявшееся транспортно-коммуникационное значение (Проливы, караванные пути, порты и их влияние на темпы и параметры формирования первого варианта мирового рынка сырья и готовой продукции).

Восточный вопрос, зародившийся в эпоху начала промышленного переворота в Англии и Франции (последняя треть XVIII в.) и совпавший с началом реформаторского, «под Европу», процесса обновления империи Османов, к середине XIX в. приобрел особую сложность и остроту своих многочисленных граней. Он стал узлом, в котором сплелись национально-религиозные движения покоренных турками народов на Балканах и на Ближнем Востоке. Причем некоторые из народов — греки, армяне, арабы Леванта и др. — уже вступили на путь внутренних реформ. Они использовали религиозный фактор как знамя национального возрождения, а экономические связи (транспорт, финансы, посредничество с Западом или Россией) применяли как оружие в борьбе с османами.

Восточный вопрос эпохи Крымской войны осложняли колониальные аппетиты держав первого эшелона индустриализации, готовившихся делить (переделит) и Африку, и Азию, равно и отстававшую в преобразованиях Россию. Духовные рубежи православной России на Балканах и в Святой Земле были незримы, но сокрушить их Западу было исключительно важно, чтобы нравственные начала русского православного влияния не могли скомпенсировать запаздывание экономического развития. Это получилось у России в великую эру екатерининского прорыва в Средиземноморье и Сиро-Палестинский

район в 1770–1790-х гг., когда Англия еще только «разгоняла» машины промышленного переворота.

Показательна статья в парижском официозном *Le Journal des Débats* (10.07.1850). В ней султана-халифа призывали встать во главе исламских подданных, чтобы подавить все выступления своих христианских подданных раньше, чем их, христиан Турции, поднимет против Стамбула Россия.

Чем не призыв к пресловутому джихаду? Пресса Франции, в несколько меньшей степени, но также и Англии, Австрии, Пруссии публиковала статьи, в которых «изучалась» перспектива всеславянского антиосманского восстания балканцев во главе с «православным вождем — русским монархом». Сирию, Палестину и в меньшей степени Египет запугивали новым крестовым походом православного русского царя против «сарацин Востока». Спасением и для Балкан, и для Сиро-Палестины должно было стать укрепление связей султана с Европой, опора султана-халифа на «цивилизованных и мирных» подданных, т. е. католиков и протестантов; сквозь зубы поминались иудеи, копты Египта. Все — тесно связанные культурно-религиозными и торговыми узами с западным миром, а не с Россией.

Османская империя и Россия с конца 1830-х гг. и до 1853 г. более или менее успешно уходили от ряда стимулировавшихся из Лондона, Вены, Парижа конфликтов. Среди таковых опасностей были революция 1848–1849 гг., краем опалившая Молдавию и Валахию — Дунайские княжества в составе Османской империи, и военная тревога 1849 г., когда флоты Англии и Франции стояли под парами, чтобы идти на помощь султану, равно и междоусобные конфликты в Ливане.

В период обострения социальной и политической нестабильности в Валахии Николай I 28 марта 1848 г. (старого стиля) твердо заверил султана Абдул Меджида, что Россия введет войска во владения султана *только по его, султана, личной просьбе*. 5-й пехотный корпус все же вошел 28 июня (10 июля) 1848 г. в Яссы, но не перешел реку Серет⁴⁸. Этот ввод войск прикрывал русско-турецкую границу. Реакцию Турции выразил ее великий везир: «Меня сейчас больше испугал бы уход русских войск из [восставших. — *В. Ш.*] княжеств, чем их присутствие»⁴⁹.

Порта уже отказалась от настойчивых предложений Луи-Наполеона относительно военного союза. Неудачей кончились попытки Лондона

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1848 г. Д. 43. Инструкции К. В. Нессельроде В. П. Титову в Константинополь.

⁴⁹ Там же. Д. 42. Л. 473. Из депеши В. П. Титова К. В. Нессельроде в Петербург.

навязать Стамбулу чисто военный заем на кабальных условиях и начать формирование христианских подразделений под командованием европейцев в составе мусульманских вооруженных сил Османской империи.

19 апреля (1 мая) 1849 г. Россия и Турция подписали Балта-Лиманскую конвенцию сроком на семь лет о двусторонней ответственности за поддержание мира на беспокойных границах в Дунайских княжествах. Отрабатался хотя бы в первом приближении механизм согласованных решений на случай восстаний в других областях Турции. Оказался «замиренным», как говорилось выше, «без крови за его пределами» Ливан. Состоялась важная дипломатическая акция — в России побывал специальный представитель султана, трехбунчужный паша и везир (министр) Фуад-паша.

Миссия Фуад-паши в Петербург во главе чрезвычайного посольства в сентябре-октябре 1849 г. носила характер дружелюбный и заинтересованный. В ходе официальных встреч в Азиатском департаменте МИД Фуад-паша подтверждал стремление султана все спорные вопросы решать на двусторонней основе. «Не только облачка, но даже легкой дымки, — заявил он, — не должно быть в отношениях двух держав... Все это [эмигранты, ренегаты, восстания и т. д. — *В. III.*] дело семейное, между Россией и Турцией... Мое правительство, — заверил он, — не желает никакого иностранного вмешательства в русско-турецкие отношения».

Действительно, в Петербурге Фуад-паша отклонил настоятельную просьбу австрийского посланника Блуменфельда о встрече. Он сослался на могущую возникнуть неловкость — он, Фуад, еще не был на аудиенции у русского императора. Более того, Фуад-паша просил передать Блуменфельду, что он здесь, в России, не для переговоров, а выполняет личное поручение султана — уладить кое-какие вопросы с русским царем. Как писал глава департамента, Фуад-паша категорически отрицал и саму возможность вмешательства не только Австрии, но и Англии в русско-турецкие отношения⁵⁰.

Сырая и ранняя петербургская осень 1849 г. вызвала обострение ревматизма у весьма слабого здоровьем турецкого посла. Кому положено, докладывали на Дворцовую, дом 6, что Фуад «с постелей не встает, кряхтит, пьет декохты и ведет оживленную переписку с Константинополем... Курьеры другой раз и чаю не выпьют, а уже в обратный путь...». К. В. Нессельроде и сам умел стонать и охать преизрядно и в болезни посла усматривал

⁵⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1849 г. Д. 204. Л. 119–120. Л. Г. Сенявин — К. В. Нессельроде, 3 окт. 1849 г.

«кое-что политическое». Впрочем, царю Карл Васильевич рекомендовал всячески демонстрировать доброе расположение к Турции, особенно в тот момент, когда в турецкой столице идут переговоры султана с англичанами. Впрочем, намекнуть Фуаду о возможности на основании Балта-Лиманской конвенции (сенед) обратиться к «военной», IV статье этого документа было вовсе не лишним⁵¹.

В октябре 1849 г. мощная британская эскадра уже шла от Мальты к Дарданеллам, чтобы «спасти» укрывшихся в Турции повстанцев 1848 г. от карателей — русских. Воинственный лорд Пальмерстон в беседе по этому вопросу с послом России в Лондоне Ф. И. Брунновым прошупывал почву. «...Посылка эскадры к Дарданеллам... это все равно, что поднесение баночки с нюхательной солью к ноздрям дамы, у которой со страху помутилось сознание... Другое дело, если бы морские державы послали свои флоты в Балтийское море...»⁵². Себя же лорд Пальмерстон именовал «рассудительным хранителем» склянки с нюхательной солью⁵³. Сама склянка, впрочем, напоминала мощный паровой флот. В послании Лондона к британскому послу в Стамбуле уже запахло порохом Севастополя: «Помните, что правительство ее величества не может колебаться в отношении выполнения просьбы Турции в помощи...»⁵⁴.

Вот незадача для Англии! Султан все еще полагался на проверенную временем благожелательную позицию России и просить державы вводить флот в Босфор не собирался. Адмирал У. Паркер не был допущен даже в Мраморное море, финансовые эмиссары Лондона разочарованно покинули Стамбул: султан не взял денег на войну.

Тогда, когда не сработали военно-политические и военно-финансовые рычаги подталкивания Турции к конфликту с Россией, державы перешли к последнему и, как оказалось, беспроектному варианту — проблеме Святых мест Палестины. *Отступить, уступить в защите духовных начал православия Россия не могла по определению.*

Какие силы были заинтересованы в том, чтобы жестко стимулировать замедлившееся было соскальзывание к «большой войне в Причерноморье» и ускорить столкновение двух причерноморских держав?

⁵¹ Там же. Л.1 23–124, 125–125 об. К. В. Нессельроде — Николаю I, 12 и 24 окт. (ст. ст.) 1849 г.

⁵² См.: Тагитов С. С. *Внешняя политика императора Николая I*. СПб., 1887. С. 606.

⁵³ Langford E. *Victoria R. I*. London, 1965. P. 254–255.

⁵⁴ *British and Foreign State Papers. 1854–1855*. Vol. 38. L., 1865. P. 1290–1291.

Английская дипломатия настойчиво и последовательно готовила военный союз с Османской империей с 1848 г. В замыслы Г. Пальмерстона в 1850–1852 гг. относительно войны, которую надлежало начать против России, входил главной задачей — территориальный экспансионизм в Европе, в Азии и Африке. Причем под флагом «спасения» Османской империи и по ее просьбе (то и другое для обмана общественного мнения собственной страны и для обоснования вмешательства во внутренние дела «спасаемого от русских государства османов»). Известно, что Пальмерстон своей «заветной целью» называл раздел России. При этом в награду за благожелательный нейтралитет или прямую поддержку он предполагал вознаградить российскими территориями Швецию, Пруссию и Австрию. «Крым и Грузию передать Турции. Черкессию либо сделать независимой, либо отдать под суверенитет султана»⁵⁵.

Подтвердить документальными данными соглашение о передаче Крыма или Кавказа Турции невозможно ввиду очевидной демагогичности заявлений Пальмерстона. Вместе с тем достоверно известно, что имперские интересы расширения территории Британской Индии в сторону Центральной Азии, сопредельной России, владели умами государственных деятелей Великобритании в период Крымской войны и обсуждались в прессе как нечто прозаическое — словно новый рецепт кекса к вечернему чаю⁵⁶.

К 1853 г. оформились английские планы оккупации Черноморских проливов и части Малой Азии, превращения Черного моря в «британский военный док», где корабли Соединенного Королевства должны были бы безраздельно господствовать и поддерживать распространение британского владычества на Месопотамию, на Курдистан. Высказывались предположения занять Багдад английскими войсками в качестве единственного средства, которое могло бы пресечь «русское давление на Турецкую империю в Азии, оградить персидскую границу, наконец, уравновесить русское присутствие в Закавказье, удержать русских подальше от северо-западных границ Индии».

В начале 1850-х гг. противоречия в Индии, окончательное завоевание которой формально относилось к 1849 г. (покорение Пенджаба), обострились до предела. Социальный и национальный конфликт населения Индии усугублялся деятельностью миссионеров, особенно рьяно насаждавших христианство в мусульманских районах. Перспектива участия взвинчен-

⁵⁵ Gueda P. Palmerston. L., 1926. P. 159–160.

⁵⁶ *Nineteenth Century*. Vol. I. L., 1877. P. 43.

ных прозелитизмом сипайских войск, в первую очередь из мусульман, в войне на стороне исламского султана-халифа должно было содействовать разрядке взрывоопасного положения в Британской Индии. Само присутствие сипайских войск в Турции, вблизи от западных границ Ирана, создание аналогичных сипаям частей в Турции при одновременном усилении англо-индийского контингента в Северо-Западных провинциях Индии недалеко от «Русской Средней Азии» — все это отвечало бы стратегическим планам Лондона в отношении и Османской империи, и Ирана, и... непокорного Афганистана. Оставалось лишь заставить сражаться самих турок, создать ситуацию лобового столкновения с русскими, а там... Главное, писали английские газеты, — «заставить ленивых турок воевать».

Отметим также, что в 1853 г. заканчивался десятилетний срок перемирия Англии с шейхами на южных берегах Персидского залива. Пребывание усиленной британской эскадры в Заливе в годы Крымской войны и серия провокаций против Бендер-Аббаса и принадлежавших Ирану островов осуществлялись силами султана Омана под прикрытием флага Османской империи. В том же 1853 г. против проанглийского правителя Бахрейна выступили шейхи Аль-Катифа и Неджда — формальные подданные Османской империи. Борьба с ними, вмешательство в местные конфликты под фальшивым лозунгом охранения целостности турецких владений составляли в 1853 г. одну из насущных проблем британской дипломатии в самой Османской империи — сюзерене этих земель — и командования британского экспедиционного корпуса, сформированного к началу 1853 г. для действий в районе Аравийского полуострова и Персидского залива. И это еще не все.

Кризис в отношениях между Россией и Турцией, превратившийся в войну на двух континентах, отвлечение сил России на войну с коалицией европейских государств было использовано Англией, Францией, затем США для достижения других политических целей на большом удалении от Османской империи — на Дальнем Востоке, в Китае и Японии. Предвоенные годы — 1850–1853 — стали периодом победного развития тайпинского движения, грозившего опрокинуть все зафиксированные в капитуляциях «успехи» Англии и Франции, а также США в Китае.

Военные действия Англии и Франции в районах русского Дальнего Востока, сопредельных с Китаем, позволяли, во-первых, бесперебойно снабжать оружием китайское цинское правительство в его войне против повстанцев-тайпинов и подготовить вторжение в Китай (1856). Во-вторых, втянув Россию в войну на Ближнем Востоке, Англия, Франция и США

смогли не только избежать совместного с Россией демарша в Цинской империи (соглашение об этом было достигнуто в мае 1853 г. в порядке отвлекающего Петербург маневра), но и попытались реализовать экспансионистские замыслы в отношении Камчатки и русского Приморья.

Готовилось также французское вторжение во Вьетнам, а гром пушек американского коммодора М. Перри знаменовал конец самоизоляции сёгуната Токугавы в Японии. США и Англия окончательно оттеснили Россию в борьбе за влияние в Японии. В условиях начавшейся Крымской войны преобладание этих держав было закреплено вследствие невыгодного для России Симодского русско-японского договора. Итак, наступление на Россию велось и в Западной Азии, и на дальневосточных рубежах империи.

В «подталкивании» турок к войне высокую заинтересованность с тех же имперских позиций неизменно проявляла Франция. В 1851 г. французская армия после трех лет упорных боев в основном подавила восстание в Малой Кабилии (Алжир). В 1853 г. развернулось новое восстание в Большой Кабилии. Вождь алжирских постанцев в 1830-х – 1840-х гг. Абд аль-Кадер, с 1852 г. проживавший в изгнании под Дамаском, поддерживал определенные связи с Алжиром. Во Франции было известно, что в Высокой Порте не исключали возможности восстановления османского господства в Алжире и связывали это именно с Абд аль-Кадером. Пресечь саму вероятность такого поворота событий, опасного для всех французских колоний в Африке, наиболее надежно мог все тот же военный союз с Османской империей. Нейтрализовать турецкое влияние в Магрибе, привлечь турок на свою сторону Франция и Англия, кроме того, стремились в связи с борьбой за влияние в Марокко и Тунисе, бывших под формальным протекторатом Стамбула.

Правитель Туниса Ахмед развернул к началу 50-х гг. XIX в. ряд реформ танзиматского образца, и с ним стремилась укрепить связи Высокая Порта. Перспектива усиления турецкого влияния в ливийском Триполи, а в 1851–1853 гг. Стамбул предпринял в этом направлении ряд конкретных шагов, столь же противоречила планам Франции и Англии по овладению этим районом, как и самостоятельное развитие некогда османских провинций — Алжира, Туниса или Марокко. Отвлечение сил Османской империи на войну с Россией и возможность контроля на правах военных союзников и советников над вооруженными силами Турции, включая ее северо-африканские территории, было умело использовано Англией и Францией для «расчистки» дороги и в Северную, и в Черную Африку, что южнее Сахары.

На территориях Османской империи в Северной Африке наиболее близко соприкасались границы колониальных империй Англии и Франции. Это усиливало их соперничество за влияние на турецкую армию, на возможности ее использования на рубежах колониальных владений в Африке. Армия Османской империи, перевооруженная и управляемая извне, могла быть нацелена на реализацию колониалистских планов держав за пределами Турции. В целом проблема «турецких сипаев» весьма убедительно вписывается в общее стремление Г. Пальмерстона и Наполеона III увеличить свои армии на перифериях колониальных владений, не прибегая к всеобщей мобилизации дома, в метрополиях. Лондону и Парижу было предпочтительнее действовать с помощью иностранных легионов, которые при необходимости могли транспортироваться их паровым флотом на большие расстояния — от Алжира до Бенгалии. Турецкая армия в этом отношении представлялась первым и самым перспективным опытом.

На ударную позицию выводилась Османская империя, оказавшаяся в 1850-х гг. в гораздо большем военно-политическом подчинении у западных держав по сравнению с Ираном, Китаем и Японией. Османская империя обладала необходимыми, с точки зрения держав, стратегическими данными и реформированной по европейскому образцу армией, вооруженной однотипным с Западной Европой стрелковым оружием и артиллерией, что существенно облегчало проблему снабжения турок боеприпасами, другим военным снаряжением. Однако сделало при этом турецкую армию и всю Османскую империю еще более зависимой от западных держав.

В начале войны

Итак, цели и задачи войны, ударное место в ней Османской империи были западноевропейскими державами определены. Изменение курса Высокой Порты в сторону мира могло сорвать длительно готовившуюся обширную экспансию держав. Этого не произошло, так как царь-рыцарь Николай I уже не мог не поднять расчетливо подброшенную ему перчатку.

Со стороны России эта «перчатка» выглядела как утрата Россией сколько-нибудь достойных уважения и признания в многомиллионном христианском православном мире позиций по защите Святых мест. Со стороны Турции «перчатка вызова» смотрелась как сохранение или потеря юрисдикции султана-халифа в Святой Земле, средоточии святынь трех мировых религий.

Высокая Порта рассматривала проблему участия христианских держав в судьбе иерусалимских Святых мест как закрепление ненавистного и нетерпимого для суверенной державы режима капитуляций, или иначе — неравноправных договоров Запада и России с Портой, заключенных в период с 1535 по 1774 г. — от Франциска I до Екатерины II. Любой, кроме султанского правления, режим Святых мест рассматривался Высокой Портой как коллективное или сепаратное вмешательство неисламских монархов с целью взять под контроль Святые реликвии и, по мнению султана и Порты, определять дальнейшую судьбу немусульманской, подавляющей, до 65–70 %, части населения Османской империи.

Для Англии, Франции, Австрии, других держав Европы Святые места действительно были связаны с последней возможностью минимизирующе воздействовать на Россию. И при этом одновременно решать перспективные проблемы культурно-религиозного манипулирования зоной высокой экономической значимости — Восточным Средиземноморьем, путями через Суэц в долину Тигра и Евфрата, через Синоп-Трабзон в Закавказье и далее на Средний Восток и в Индостан. Полузабытый Великий Шелковый путь и прогрессирующая военная мощь индустриальных держав! Мир мог быть иным, не подними Николай I сакраментальную «перчатку войны», но... Поразмыслите над этим, мой читатель.

В январе-феврале 1852 г. царь и султан обменялись письменными заверениями в стремлении сохранить мир. Абдул Меджид уверял Николая I, что считает своим личным долгом оберегать от злоупотреблений членов каких-либо конфессий христианские святыни в Иерусалиме; настаивал на своем праве проводить административные реформы, нужные его подданным всех религиозных убеждений⁵⁷.

Личные пометки Николая на неофициальных докладах ему от Нессельроде (5 и 26 апреля ст. ст. 1853 г.) свидетельствуют не в его пользу как прозорливого государя — император «закусил удила». Николай в этих пометках выражал твердое намерение занять Дунайские княжества, если Меншиков в Стамбуле не подпишет искомые соглашения. Следующий этап в таком случае включал признание Россией **независимости Дунайских княжеств** (последние три слова жирно подчеркнуты рукой царя. — *В. III.*).

Затем, полагал император, последует блокада Босфора. Следующим шагом ему выдалось признание Россией **независимости Сербии** (снова подчеркнуто — *В. III.*).

⁵⁷ АВПРИ. Ф. Главный архив V-A₂. Подлинные послания Абдул Меджида Николаю I на старо-османском языке.

Николай на первом этапе полагался на моральную поддержку Австрии; на втором — угрожающее для султана приближение австрийских войск к турецким границам в Буковине; на третьем — занятие ее Австрией, а также «признание Австрией независимости соседних нам [турецких] провинций». Николай I полагал, что Австрия должна удовлетвориться заявлением о согласованности позиций Вены и Петербурга.

Немаловажным моментом Николай считал заявить Европе и Австрии в числе первоочередных демаршей о готовности России строго соблюдать в Турции интересы христиан-католиков при соблюдении австрийским императором интересов православных подданных Турции⁵⁸.

Полагаю, что это были не общие суждения императора великой державы. Николай ошибался, но попусту воздух не сотрясал никогда. В Стамбуле это прекрасно понимали и относились настороженно к любому заявлению или действию Петербурга.

В августе 1852 – феврале 1853 г. Россия поддержала крохотную Черногорию, подписавшую мирный договор с Турцией как суверенное княжество. Русские дипломаты добились отзыва с Балкан карателя балканцев, будущего героя войны 1853–1856 гг. Омер-паши. В Стамбуле в эти же тревожные месяцы султан раз за разом отвергал попытки французского и британского посланника «открыть туркам глаза» на вероломство России» во всем, что касается христиан и военных реформ в Турции.

Царь-рыцарь, полагая, что честность есть лучшая политика и что джентльмены на Темзе правильно поймут собратьев по клубу великих держав с берегов Невы, совершил две фатальных ошибки. Послу Англии в Петербурге он прозрачно намекнул на необходимость Лондону и Петербургу поскорее договориться о совместной позиции в отношении судьбы «больного человека на Босфоре». Он тотчас получил холодное до враждебности предостережение со стороны Англии — «воздерживаться от энергических развлечений и морских демонстраций для принуждения султана». Николай, естественно, взвинтился и «закусил удила». Все это блестяще изложено у Е. В. Тарле, но лично я, как автор и историк, здесь на стороне Николая.

Другая ошибка Николая состояла в выборе личности своего чрезвычайного посла в Стамбул. Морской министр и член негласного Азиатского комитета при государе с 1829 г. князь А. С. Меншиков к материи тончайшей, как лепесток едва раскрывшейся фиалки, именуемой *дипломатия*

⁵⁸ АВПРИ. Ф. Доклады, 1853 г. Д. 30. Л. 133–134 об.

на Востоке, имел отношение столь же далекое, как янычарский ага к управлению пансионом благородных девиц. Третий по личной доверенности после князя И. Ф. Паскевича и графа А. Ф. Орлова при августейшей особе князь Александр Сергеевич был безумно храбр, несметно богат, абсолютно честен и ... любому дураку говорил в глаза его диагноз. Нельзя было посылать героя войны с турками 1828–1829 гг., честнейшего вояку к прожженным интриганам, осевшим при султанском дворе. Не гнулась спина верного сына великой империи в среде паркетных шаркунов, как не сгибалась она и под пулями в боях.

Провал миссии Меншикова колоритно и как-то сладостно выписал Тарле, упустив в своем разоблачительстве промахов светлейшего князя содержание **личных** инструкций Николая своему сугубо доверенному посланцу. Эти бесценные документы ждут своих публикаций.

Речь шла о дополнительных инструкциях касательно нормализации положения на русско-турецкой границе в районе Гурии и Кабулети, о пресечении газетно-журнальной и иной антирусской «ажитации в пределах Османской империи, включая Сербию, Сирию и Палестину».

Детализировались перспективы роста торгового обмена морскими путями. В самой общей форме говорилось об удачных для обеих держав временах, когда их объединяли военные договоры. И не более того.

Отдельный проект касался уравнивания права России оказывать покровительство православным подданным султана в почти текстуальном совпадении с таковым же правом, зафиксированным во франко-турецкой конвенции от 1740 г.

А. С. Меншиков, который, согласно его личному дневнику, изначально зрил себя во главе десанта на Босфор, брезгливо подаргивая раненным турецкой пулей плечом, демонстрировал недопустимое неуважение к османскому дворцовому протоколу на приамах. Посланники Англии и Франции раздували «досадные пассажи» Меншикова, запугивали султана: «Русские идут!». Абдул Меджид сделал в ответ на все нелепицы русского посла и демарши западных посланников отличный ход, оставшийся, увы, не замеченным ни тогдашней прессой, ни современными историками.

Второго дня месяца шабана 1269 г. хиджры, то есть 10 мая 1853 г., в ноте на имя Николая I султан брал на себя строгое обязательство ускорить и завершить разработку хатт-и хумайюна, иначе говоря — августейшего указа, предтечи знаменитого акта 1856 г. об уравнивании в правах христиан и мусульман при строгом соблюдении их интересов в Святых местах Палестины.

Формальная основа для урегулирования святоместных проблем была получена. Но это уже никого не интересовало — у войны своя логика.

Таковы основные вехи политического и дипломатического развития событий, малоизвестных или вовсе забытых, которые и привели к первому масштабному вооруженному противоборству держав эпохи промышленного капитализма.

«Печально приступили...»

26 июня (старого стиля) 1853 г. Николай I подписал Манифест о введении войск России в Дунайские княжества. 27 июня 1853 г. был обнаружен Манифест Высокой Порты к нации, призывавший к отпору врагу, но объявления войны не последовало. С 14 июня 1853 г. английская и французская эскадры стояли у входа в Дарданеллы, а посланники держав дорабатывали тексты залежавшегося военного договора держав с Турцией; султан с договором не спешил, но и не отказывался, как несколько месяцев назад.

Наиболее подготовленной к войне оказалась французская армия (около полумиллиона человек при 1182 орудиях). Уже несколько лет, после грозы 1848 г., она была готова как к акциям внутри страны, так и к действиям за рубежом. Затем шли турецкая (440–450 тыс. человек, 372 орудия) и сардинская (около 120 тыс. человек, 256 орудий).

Султаны готовили свою армию современного регулярного типа в течение 30 лет и добились немалых успехов. Сардинская, почти профессиональная по уровню подготовки, армия была готова к боевым действиям в любых условиях Южной Европы и Ближнего Востока.

Хуже были подготовлены русская и английская армии. Огромная русская армия (более одного миллиона человек на действительной службе) жила по законам и принципам крепостного права, давно изжитого на Западе и неизвестного в Османской империи. Яркие и точные оценки отсталости русской армии на всех уровнях и неподготовленности к боевым действиям в условиях многочисленных и разнесенных на тысячи верст театров военных действий дали М. И. Богданович, Н. И. Дубровин, А. М. Зайончковский, Е. А. Разин, Е. В. Тарле, И. В. Бестужев и др.

Наиболее полно и объективно моральный дух русской армии оценил «генерал от истории» А. М. Зайончковский в труде к 50-летию Крымской войны. «...Сила духа русского войска, его грозное спокойствие и беспримерная стойкость особенно проявлялись в минуту тяжалых испытаний,

когда для него наглядно была затронута честь русского государства или когда ему приходилось встречать врага на своей земле. Здесь русский солдат проявлял ту непреодолимую мощь, которая одинаково показала себя и в Отечественную войну 1812 г., и в Крымскую кампанию»⁵⁹. Автор привел также весьма нелицеприятную оценку высшего командного состава русской армии. Исходила она из уст барона Д. Е. Остен-Сакена, участника севастопольских боев: «Генералы наши, исключая единиц, не соответствуют офицерам и солдатам. Я не говорю о личной храбрости, которая одна не достаточна для генералов»⁶⁰.

Как точно подметил современный британский историк К. Хибберт (2004 г.), англичане и русские умели отменно маршировать и красиво умирать. Воевать и проигрывать большинство из них не умело.

В 1854 г. на действительной службе в британской армии состояло около 143 тысяч человек; в Британской Индии числилось более 300 тысяч сипаев и 35 тысяч собственно английских войск. Однако выделить для военных действий против России Англия смогла не более 30–35 тысяч солдат⁶¹.

Современники отмечали, что английская наемная армия приучена скорее к казарменному комфорту, чем к полевым условиям. «...Солдат отважен и стоек в бою, если он выпался, наелся и... выпил»⁶².

Французская армия, по оценке Зайончковского, строилась на «сознательном отношении к службе как офицеров, так и нижних чинов, считавших позором нарушать требования дисциплины... Война была нормальным явлением для французской армии, и короткие промежутки мира не давали ей возможности усваивать сопряженные с ним пагубные привычки»⁶³.

Все лето и начало осени 1853 г. на Дунайском театре происходило сосредоточение русских войск на левом берегу Дуная, турецких — на правом. Они выжидали. Последовало очередное заявление Австрии, которая

⁵⁹ Детальный поименный разбор служебных и личных качеств командования действующей армии по запискам современника. Зайончковский А. М. *Восточная война 1856–1853 гг.* Т. I. СПб.: Полигон, 2002. С. 520.

⁶⁰ См. нашу публикацию в журнале «Восточный Архив». № 14–15. М.: Изд. ИВ РАН, 2006.

⁶¹ *Army Estimates*. L., 1856. P. 4–5.

⁶² Хибберт К. *Крымская кампания 1854–1855*. Перев. с англ. М.: Центрполиграф, 2004. С. 21. Приношу благодарность школьному учителю и неугомонному исследователю С. П. Еремину (Москва) за возможность опереться на его блестящую диссертацию «Английская армия в Восточной войне 1853–1856 гг.» М., МПГУ, 2004.

⁶³ Зайончковский А. М. *Восточная война 1856–1853 гг.* Т. I. С. 595.

негласно вводила усиленные части в пограничные с Турцией районы и на словах предлагала примирительные усилия, известные как Венская нота от 2 августа 1853 г. Султану миротворческая лъстивость австрийского посла и посулы займов от австрийской ветви Дома Ротшильдов казались перспективнее, чем жесткая настойчивость французского и английского посланников.

26 сентября (нов. ст.) 1853 г. 160 высших сановников и священнослужителей Турции поддержали военный вариант разрешения конфликта и одобрили заем у «ингилизов» на строго военные цели. 1 октября (нового стиля) 1853 г. соответствующий султанский указ о войне с Россией в переводе турецких специалистов был отослан в столицы **западных** держав. России был предложен (4 октября) ультиматум о выводе русских войск из Дунайских княжеств. Двумя днями ранее последовала долгожданная на Западе личная просьба султана о введении эскадр Англии и Франции во внутреннее Мраморное море, фактически на стамбульский рейд. Таков выверенный мной по европейским и турецким источникам ход событий.

20 октября (1 ноября) 1853 г. Россия объявила о состоянии войны с Турцией. 22 октября (3 ноября) в официозном «Журналь де Санкт-Петербург» был опубликован царский манифест о состоянии войны с Турцией.

Анализ в совокупности турецких и европейских документов дает основание утверждать — Османская империя в бесконечных комбинациях европейских политиков искала и полагала, что нашла, свой шанс. Влиятельная часть генералитета и духовенства рассчитывала «под музыку европейского оркестра» вернуть себе Крым, часть Закавказья, заставить, наконец, Шамиля признать суверенитет Высокой Порты, подавить «христианских бунтовщиков» на Балканах и на Леванте, пересмотреть договоры 1774–1812 гг. Впечатляющие планы! В стамбульской прессе тех лет нет-нет, да и мелькали довольные замечания турецких финансистов, что война аннулировала обременительные для османского бюджета выплаты в пользу «этих ненасытных гяуров».

В среде историков, от Е. В. Тарле и после него, как-то забылось, что Россия постаралась возложить на Турцию бремя издержек присутствия русских войск в Дунайских княжествах в 1948–1849 гг. Исчисленная сумма в 3,5 миллиона рублей серебром за постой русских войск подлежала к выплате с 1 июля 1952 г. В канун конфликта, в 1853 г., Порта приготовила, но не спешила отдавать России около 2 миллионов курушей, т. е. 120 ты-

сяч рублей серебром⁶⁴. Огромная сумма для тощего турецкого бюджета, нацеленного на модернизацию страны.

На Дунайском театре стояла 87-тысячная русская армия, и она начала движение к мощной турецкой крепости Силистрия, где, как турки надеялись, русские увязнут, словно арба на дороге в распутицу. Так оно и случилось.

Главный же удар Анатолийская турецкая армия (или, по турецкой терминологии, корпус) наносила на Кавказе, где русский Отдельный Кавказский корпус (ОКК) был связан беспокоящими рейдами Шамиля и угрожавшими передвижениями войск шаха Ирана в Прикаспии. Что именно шахские войска могли сотворить в Армении, Грузии и Азербайджане, уцелевшие местные старики помнили с кровавого 1795 года. Поэтому прикрывать иранскую границу приходилось плотно, чем и воспользовались турки.

План вторжения на «русский Кавказ» был выработан стамбульским командованием, как следует из турецких документов, задолго до войны, еще в 1849–1850 гг., причем в полном секрете от будущих союзников. Считалось, что Кавказ — «дело исламское», османы решат его по-своему, без держав, «в подходящее время». Не получилось. Первые неудачи русского Отдельного Кавказского корпуса (ОКК), нацеленного в 1840-х – начале 1850-х гг. в первую очередь на замирение повстанцев горного Кавказа, сменились в 1854–1856 гг. впечатляющими победами. Во-вторых, после формального заключения военного договора англичане жестко контролировали Анатолийский корпус, так как придерживали его для реализации своих собственных стратегических планов на Среднем Востоке и на Северном Кавказе, намеченных на 1857 – начало 1860-х гг.

Стратегической целью наступавшего по нескольким направлениям Анатолийского корпуса было овладение центрами русской военной и гражданской администрации в Закавказье — Тифлисом, а также Александрополем и Ахалцихом. Предполагалось также операциями военно-морского флота Турции без участия англо-французской эскадры обезопасить коммерческую и военную навигацию на линии Стамбул — Синоп — Трабзон — Батум и наладить подвоз оружия и боеприпасов горцам Шамиля, которого султан уже рассматривал в качестве вновь обретенного вассала. Рановато, как оказалось...

⁶⁴ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, отчет за 1852 г. Л. 261–266.

Стратегической целью русского Отдельного Кавказского корпуса были мощная турецкая город-крепость Карс, где находился штаб Анатолийского османского корпуса, а также Эрзерум, Ардаган и Батум, т. е. узловые центры сухопутных и морских коммуникаций между Европой и Средним Востоком, проходивших через Трабзон — Эрзерум — Тебриз.

Первыми начали военные действия турки. 28 октября (старого стиля) 1853 г. силами турецкого десанта из Батума была захвачена небольшая русская крепость, скорее, таможенный пост на правом берегу реки Чолок. Однако дальнейшее наступление турок в Гурии, на Кутаисском направлении русскими войсками было приостановлено.

Крупные силы из состава Анатолийского корпуса действовали тем временем в Армении, на правом берегу реки Арпа-чай. 14 ноября 1853 г. в сражении при Баяндуре потрепанные в горной войне с Шамилем русские войска потерпели неудачу и понесли значительные потери. Причиной этого были неумелое командование, отсутствие налаженной разведки, громоздкое линейное построение русских боевых порядков, наконец, 5-кратное численное и 2-кратное в орудиях превосходство свежих регулярных турецких войск. Однако дальнейшее продвижение турецкого Ардаганского отряда на Тифлис через Ахалцих и Боржомское ущелье было приостановлено стойкими оборонительными действиями незначительных по сравнению с турками сил русских солдат при поддержке местных ополченцев. Заметим, среди них были и христиане, и мусульмане, оказавшиеся абсолютно невосприимчивыми к джихадским призывам эмиссаров Стамбула.

Джихад против исключительно православных русских, грузин и армян при том, что другие «неверные» (англичане, французы и прочие христиане) были признаны союзниками султана-халифа по «антирусскому джихаду», был, с точки зрения правоверного ислама, полным абсурдом. Напомним, что духовный и военный лидер горцев имам Шамиль и его сподвижники ратовали за чистоту ислама.

Еще более значимо положение, упущенное исследователями. Шамиль строил новое **исламское** государство с самим собой, наследственно, во главе, во многом используя, но всегда по-своему, ибо велик и мудр был этот горский лидер, идеи «пуритан и радикалов ислама» — ваххабитов Арабистана и отчасти идеи иранского шиизма. Реформы Танзимата, проводившиеся османскими султанами в этот период, их западный, далекий от традиционного ислама характер, будь они распространены на «Кавказ Шамиля», уничтожили бы саму почву для имамата Шамиля. Пришлось

бы сражаться и со Стамбулом султана-халифа, и с Петербургом русского царя, да еще и с гяурами-франками. Великий горец, «наемник капиталистов и слуга турок», по нелепой оценке Е. В. Тарле, избрал одного врага, которого признал всего через десяток лет своим покровителем — русского императора. Власти суннитов-реформаторов Шамиль — прагматик и суфий — предпочел далекого царя. Тегерану он не верил вообще, впрочем, ему там тоже не доверяли...

Вот главные причины, почему горцы не кинулись в кинжалы резать отступающих, малочисленных в начале войны русских солдат Отдельного Кавказского корпуса⁶⁵.

Уже 19 ноября (1 декабря) 1853 г. при селении Башкадыклар русские солдаты и грузинские ополченцы (около 12 тысяч человек) нанесли чувствительное поражение объединенным силам регулярной турецкой пехоты, польских легионеров и курдской конницы (не менее 21 тысячи человек). Сражение произошло почти синхронно с Синопским боем 18 (30) ноября 1853 г. Оба события стимулировали союзников на активизацию Крымской кампании.

Дальнейшие боевые столкновения зимой 1853-го и весной 1854 г. на Кавказском фронте решающего значения для хода войны не имели (Е.В. Тарле). Союзники, прежде всего англичане, в ходе кампаний на Кавказе в 1855–1856 гг. сосредоточили свои усилия (советники, новое вооружение, деньги) и энтузиазм османских генералов на укреплении и без того неприступного Карса (более 50 верст по окружности), а также крепостей Эрзерум, Батум и еще двух-трех поменьше. Все они располагались на подконтрольной Англии важнейшей торговой артерии Синоп — Трабзон — Тебриз — Британская Индия. Кроме того, Карс прикрывал направление на Месопотамию и Персидский залив от возможного наступления русских войск, чего панически боялся Лондон (не без основания); от шахского Ирана — Восточную Анатолию и Закавказье, которые Лондон уже считал зоной своих интересов.

В российском МИДе и в военном ведомстве внимательно следили за ситуацией и на Кавказе, и вблизи среднеазиатских границ. На Кавказе шла война, а общий курс дипломатии в Иране и Афганистане заключался в том, «...чтобы не подавать персианам повода к каким-либо законным жалобам или столкновениям на границе...»

⁶⁵ О внешнеполитических воззрениях и военной политике Шамиля подробнее см.: *Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия*. М.: Эхо Кавказа, 1997. С. 65–90.

Настороженность, вполне оправданную, вызвало у Петербурга известие о том, что в середине 1854 г. Тегеран посетила внушительная французская миссия. Целью миссии было «примирить шаха и англичан...», возможны были более глубокие варианты тройственного англо-ирано-французского сближения. Все закончилось франко-иранским торговым соглашением. Это хорошо, но что же делали некие французские наблюдатели в Коканде и Бухаре⁶⁶?

Уже после начала войны озабоченность в России вызывало и внезапное «возвышение интересов австрийских негодантов» к иранскому рынку. Впрочем, дальше помпезного визита тегеранских владык базара в Вену сюжет не получил развития. Однако англо-иранский договор 1856 г. упрочил влияние Англии в сопредельных России землях, а с учетом влияния англо-австрийских финансовых и коммерческих связей (Ротшильды, Ллойд и др.) обеспечил интересы австрийской транзитной торговли в Иран и через Иран, как это имело место в Османской империи. Австрия сумела кое-что выгадать, и не участвуя напрямую в восточном походе.

Вернемся к событиям военным. После плотной систематической осады и ряда кровопролитных для обеих сторон штурмов 14 (26) ноября 1855 г. 16-тысячный гарнизон Карса на самых почетных условиях (сохранение личного оружия офицеров, помощь всем раненым, свободный отъезд европейских волонтеров и т. д.) сдался войскам генерала Н. Н. Муравьева.

Для Османской империи Карс означал то же, что для России — Севастополь. Карс стал крупнейшей победой России в этой войне; козырной картой на грядущих мирных переговорах в Париже. Неоднозначные события 1853–1854 гг. происходили на европейском Театре военных действий.

Введение русских войск в Дунайские княжества не улучшило для России общую стратегическую обстановку. Прежде всего потому, что 81-тысячной армии вторжения под командованием генерал-адъютанта князя М. Д. Горчакова, человека предельно честного и абсолютно безынициативного, не представлявшего, как и его штаб, не говоря уж о войсках, конечной цели кампании за Дунаем, противостояла мощная турецкая армия. 145 тысяч хорошо обученных и лучше вооруженных солдат при почти 50-тысячном иррегулярном конном войске прекрасно знали, что гяуры пришли на *их землю*. 45-летний хорват Михаил Латтас, ставший мусульманином Омер-пашой, был опытным, умелым и осторожным военачальником, не боявшимся брать ответственность на себя. Увы, ни

⁶⁶ АВПРИ. Ф. Отчеты Азиатского департамента, 1855 г. Л. 211, 220–22 об.

Горчаков, ни А. С. Меншиков позволить себе этого не могли. Хуже всего было то, что 4-миллионное население Дунайских княжеств отнюдь не бросало «в воздух чепчики» по случаю вторжения русских войск. Освободителей здесь вовсе не ждали.

Дело в том, что процесс в целом перспективных реформ, проводившихся сверху, из Стамбула, шел вовсю. Помощь от России в свое время (революционное движение 1848–1849 гг.) не пришла вовсе, а имела другую цель — подавить бурю в Австрии. «Туземец смотрит косо, а просишь пить — делает вид, что не понимает», — вот яркая запись офицера русской армии. Дунайские княжества уже сориентировались на экономическое сотрудничество с Францией, Австрией, Англией и на политическое (временно) подчинение султану. До 5–6 тысяч инсургентов, участников антицаристского восстания в Польше 1831 г. и в Венгрии 1849 г., рвались в бой и были отличным резервом для Омер-паши.

В сражениях при селениях Ольтенице и Четати, при крепости Журжево осенью 1853 г. русские войска потерпели тактические поражения от численно превосходившего их в два-три раза противника. Турецкие регулярные части были дисциплинированы, хорошо управляемы и, к изумлению наших офицеров, активно и умело вязывались во встречный штыковой (рукопашный) бой. Неопределенность позиции Петербурга «договариваться, устрашая, или воевать до победы» оборачивалась жизнями стойких, но не понимавших за что воюют, русских солдат.

Форсирование Дуная 11 (23) марта 1854 г. крупными силами во главе с «легендой русской армии», престарелым душителем повстанцев и героем прошлых войн с турками князем Варшавским, графом Эриванским И. Ф. Паскевичем не изменило общего рисунка боевых действий. В середине апреля 1854 г. началась и в июне того же года закончилась отступление русских войск, а точнее говоря, очередным поражением осады Силистрии. Гордость империи Османов на Дунае господствовала в стратегическом плане на Дунайском театре и прикрывала театр от потенциального вторжения австрийских войск.

Сказывались цепкое и умелое сопротивление турецкого гарнизона, нависшая угроза удара турок из узлового опорного пункта — крепости Шумла. Наконец, 19 тысяч англичан и 41 тысяча французов из союзной армии с июля 1854 г. находились в приморской крепости Варна. Вместе с почти 100-тысячной армией Омер-паши и при недружественном нейтралитете Австрии все эти силы могли легко смять неуверенного ни в себе, ни в войсках русского командующего. До фактического столкновения войск

дело не дошло, потери русской армии были значительными, но не боевыми (эпидемии, плохое питание, почти полное отсутствие медицинской службы, небрежность командования и т. д.).

Главное — русская армия избежала весьма отчетливо вырисовывавшегося поражения. Мы ушли из Европейской Турции непобежденными. Так осознавали ситуацию в русской армии. Так оно и было.

Два главных события определяли общую перспективу в оценке событий конца 1853–1856 г. Это Синоп и Севастополь в военном плане. Затем мирные переговоры и договор о мире с державами в Париже.

Синопское сражение

18 (30) ноября 1853 г. в Синопской бухте под прикрытием береговых батарей из 38 орудий крупного калибра турки сосредоточили эскадру из 14 парусных, давно устаревших, но хорошо вооруженных кораблей (427 орудий), а также 2 пароходо-фрегата. На борту парусников находились войска и снаряжение для группы войск Кутаисского направления. Русская Черноморская эскадра под командованием П. С. Нахимова насчитывала 8 парусных кораблей, имела решающий перевес в количестве орудий (720) и в их качестве (72 бомбические пушки); неизменно более высокими были подготовка русских артиллеристов, морально-боевые качества русских моряков.

Смелый тактический замысел П. С. Нахимова состоял в нападении силами всей эскадры на скученно стоявшего на рейде противника, в эффективном использовании корабельной артиллерии всех калибров при сосредоточенном прицельном огне нескольких русских кораблей на одном турецком корабле или на батарее, в использовании высокой точности и скорострельности стрельбы⁶⁷. В полной мере оправдала себя нахимовская тактика постоянного боевого крейсерства, которую он отработал до совершенства в период своего участия в морской блокаде восточного побережья Кавказа в годы борьбы с Шамилем. Это позволило скрытно обнаружить врага, быстро поймать ветер, избежать прибрежных мелей и перестроиться для сокрушительной атаки.

30 ноября 1853 г. при Синопе состоялось последнее в истории крупное сражение парусных флотов. Была вписана славная страница в боевую летопись русского Черноморского флота. Очередная, после Чесмы

⁶⁷ О личности и роли П. С. Нахимова см. в данном сборнике статью «П. С. Нахимов. Труженик войны». — Ред.

и Наварина. Разгром старого турецкого парусного флота был полным — было уничтожено 15 кораблей и все береговые батареи. Турция больше не строила парусных кораблей. Русская эскадра потерь в кораблях не имела. На 268 убитых и раненых русских моряков пришлось около 3,5 тысяч потерь у турок.

Несмотря на то, что уничтожена была лишь устаревшая часть турецкого флота, сражение при Синопе сыграло решающую роль в подавлении инициативы противника — как Турции, так и англо-французской эскадры, на весь период войны на Черном море вплоть до самозатопления русской эскадры на севастопольском рейде.

Эвакуация Дунайских княжеств. Начало Крымской кампании

Победы российского оружия на суше и на море в исходе 1853 г. оказали принципиальное влияние на развитие вооруженного конфликта на Черном море и на его глобализацию. В Турции, по словам современника, иллюзии на победу рассеялись, как дым от каляна, и зять султана засобирился с чрезвычайным посольством к русскому царю с просьбой о мире. Это он поспешил — державы срочно выделили султану льготный заем на военные цели (11 миллионов франков), а франко-английская эскадра, нарушая все международные конвенции, до **заклочения** формального военного договора прошла Босфор курсом на Варну. Цель — угрожать русской Дунайской армии с ее слабо защищенного фланга, т. е. с болгарского побережья.

31 декабря 1853 г. Высокая Порта обратилась к деклариовавшей себя посредником Австрии с предложением восстановить мир с Россией на условиях держав. Эту последнюю мирную инициативу турок никто просто **не услышал**. Вене, Лондону и Парижу нужна была война, а не русско-турецкий мир. Исследователи вообще «потеряли» эту ноту вплоть до 1986 г.⁶⁸.

12 марта 1854 г. в Стамбуле был подписан первый в истории стран Ближнего Востока многосторонний (турецко-англо-французский) военный договор. 9 апреля 1854 г. — уже без турок и в секрете от них — был подписан англо-австро-франко-пруссский Венский протокол о незаключении сепаратных соглашений с Россией. Вопрос о реформах для христианского населения Турции предполагалось решать и без России, и без...

⁶⁸ См.: Шеремет В. И. *Османская империя и Западная Европа*. С. 198.

Турции. Короче говоря, ситуация обострилась и обнажилась, как кинжал в схватке.

Державы приняли решение добивать Россию на ее территории. В августе 1854 г. (одновременно с захватом Аландского архипелага на Балтике) союзники окончательно договорились об экспедиции в Крым. Главной целью была база Черноморского флота — Севастополь. Военные займы, которые должны были намертво пристегнуть Турцию к колеснице союзников, были согласованы. Австрия и Пруссия в апреле 1854 г. прикрылись дополнительным соглашением о мирных гарантиях в пользу Австрии, и Вена поспешила подписать со Стамбулом Военную конвенцию об оккупации Дунайских княжеств, полностью оставленных русскими войсками. Австрия и Пруссия высказались за свою долю при переделе сфер влияния на Балканах и на Леванте. Разумеется, по завершении русской экспедиции союзников.

Тем временем англо-французские войска оккупировали город Пирей в Греции, где ожидалось выступление греков в пользу России. К августу 1854 г. британские ружья, деньги и советники помогли Порте блокировать развитие курдского повстанческого движения, к которому могли присоединиться греки, армяне, айсоры, арабы Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Опасались, что и здесь Россия «приложит руку».

Однако державы стягивали вокруг России кольцо удушения не только через восточные окраины.

19 (31) августа 1853 г. союзники приняли последний вариант операции в Крыму. Высадка интервентов в незащищенной Евпатории началась в начале 9-го утра 14 сентября 1854 г.: около 28 тысяч англичан, до 8 тысяч турок и примерно 28–29 тысяч французов. Разбросанные от реки Альма до Севастополя, им противостояли не более 60 тысяч сухопутных русских войск, 34 тысячи человек личного состава числились по Черноморскому флоту. Общее командование силами армии и флота было возложено на князя А. С. Меншикова. Злые языки утверждали, что он так хотел стать во главе Босфорской экспедиции, что «накликал Босфор себе на голову».

О личностях нашего высшего комсостава написано много. Оценим интервентов.

Командовал английскими войсками лорд Фитцрой Джеймс Генри Сомерсет (1787–1855), одиннадцатый (самый младший) сын герцога Боуферта, ставший в 1852 г. первым лордом Рагланом. Корнет в 15 лет, лейтенант в 19, подполковник в 23 года, Фитцрой Сомерсет в 39 лет стал генерал-майором; кавалер ордена Бани (Англия), орденов Марии-Терезии

(Австрия), Святого Георгия (Россия) и т. д. Он сорок лет прослужил верой, правдой и всей душой при великом полководце, победителе Наполеона герцоге Веллингтоне, был рядом с ним при Ватерлоо, где потерял руку. Предельно скромный, честный, он не был генератором новых идей ни в военном деле, ни в политике — за шесть лет пребывания в Парламенте от него не услышали ни одного выступления, ни даже разговоров в кулуарах. Был холоден к живописи, книгам и музыке, предан идее величия Британской империи, прост в общении и любим в войсках. Ему было почти 70 лет, когда за «блестящую выдержку и тактичность», за отменный французский язык и, главное, за то, что тень великого герцога Веллингтона осеняла его благородное чело, лорд Раглан был предпочтен королевой Викторией и назначен (при трех сильных конкурентах) главнокомандующим на Востоке. Он сделал все, что мог, для победы под Севастополем, стал фельдмаршалом за Инкерман, но холера и осознание полной безнадежности «предприятия» унесли этого выдающегося человека 18 июня (нового стиля) 1855 г.

Совершенно иным по складу ума и характера был французский командующий, выходец из мелкобуржуазных кругов, талантливый во всем, кондотьер по призванию А. Ж. Сент-Арно. Он на деле был душой и мозгом армии.

За его спиной были опыт массовых «зачисток» повстанцев в колониальном Алжире и боев 1848 г. на улицах Парижа, знаменитый Иностраннный легион — «приют храбрецов и висельников». Годами балансируя между приступами личной храбрости, воинского искусства и полной беспринципности, А. Ж. Сент-Арно упорно шел к своей главной цели: «я должен прославиться».

Из рук Наполеона III Сент-Арно, деятельно помогавший совершить переворот и возвыситься племяннику гения с манерами элегантно авантюриста, получил в 1852 г. маршальский жезл и «всесилие на Востоке». В пределах, впрочем, экспедиционной армии в России. Государевым, т. е. наполеоновским оком при А. Ж. Сент-Арно был его старший адъютант и второе «я» Наполеона III полковник Трошу. Беспощадный к себе, к солдатам, прекрасный тактик, маршал Сент-Арно не мог, по определению, стать победителем в России. Его любимые «африканцы» прошли и по Южной стороне, и по Малахову кургану, но Сент-Арно не получил триумфа. Непостижимая стойкость русских солдат — «они, русские, — говорил Сент-Арно, — не умеют сдаваться», — непоколебимое спокойствие его коллег, британского командующего, необходимость считаться с «какими-то

турками» — союзниками по коалиции, явные просчеты и тайные планы парижского командования, нескончаемые тяготы «этой безумной войны» сжигали маршала. И, увы, дикая антисанитария во французском лагере... Все это свело в могилу под Севастополем и этого героя колониальных войн.

Преемником Сент-Арно по личному приказу Наполеона III стал сорокапятiletний «колониальный генерал» Франсуа Канробер. Император Франции вообще доверял «алжирцам», возвышал безоглядно тех, кто пошел с ним на декабрьский государственный переворот и тем более, как Ф. Канробер, безжалостно расстреливал врагов Наполеона «по единому движению лихо закрученных императорских усов». Мастер усмирять беспорядки в бедуинских кочевьях и городских кварталах, склонный к драматичности поз, наработанных в месяцы личного адъютантства при особе Наполеона III, Ф. Канробер оставался по сути умелым колониальным офицером, но не более того: настороженным к опасности, заботливым к подчиненным, быстрым в движениях и в принятии решений. Он, так же, как и Сент-Арно, был шокирован «непостижимым мужеством» солдат и офицеров русской армии. В конце концов Севастополь подкосил и его. Правда, не жизнь, а карьеру.

Крымская война оказалась первой для Европы войной «механизированной». Были использованы и чисто военные технологии — и русские, и союзники активно ставили морские минные заграждения, не только англо-французские части, но и турецкая армия была вооружена новейшими нарезными ружьями... Не были забыты и технологии гражданские. Для снабжения войск союзников в Крыму активно использовались пароходы, для удобства передвижения союзники прокладывали узкоколейные железнодорожные пути. Не говорю уже о том, что новейшее искусство фотографии вышло за пределы модных студий и пришло на поля сражений, правда, пока запечатлевая в основном славные страницы парадов и побед, но не горечь самых страшных страниц войны. Английский фотограф, первый в мире военный фотокорреспондент Роджер Фентон создал впечатляющую коллекцию снимков, посвященных жизни английского лагеря в Крыму (сейчас вся коллекция, 363 снимка, хранится в Библиотеке Конгресса США).

Кроме того, это была первая война, когда информация с театра военных действий становилась известной в западных столицах чуть ли не в считанные часы: на помощь пришел телеграф. Он и стал причиной скандальной отставки Ф. Канробера.

В начале апреля 1855 г. артиллерия союзников бомбардировала укрепления Севастополя на протяжении десяти дней. По логике военной науки, после этого должен был последовать штурм с участием войск всех союзников. Но командующие начали активно советоваться относительно различных деталей предполагаемого наступления с вышестоящим начальством, пребывавшим, соответственно, в Стамбуле, Лондоне и Париже. Из столиц требовали уточнить те или иные аспекты предполагаемых действий, стремясь согласовать все мелочи не на месте действия, а в штабах и военных министерствах. Споры длились четыре недели!

У Канробера лопнуло терпение. В ярости от такого мелочного вмешательства далекого штабного начальства в свои действия он подал в отставку с поста главнокомандующего и остался в Крыму в качестве командира корпуса, а затем пехотной дивизии.

Его преемником стал генерал Ж.-Ж. Пелисье, о котором тот же Роджер Фентон, обладавший острым глазом художника, сказал, что он напоминал дикого кабана. В отличие от куда более деликатного Канробера, Пелисье не терпел вмешательства Парижа в свои дела и вскоре даже на прямые указания Наполеона III стал отвечать весьма невежливо...

Отличался от своих коллег-союзников равный им по званию турецкий командующий. Омер-паша, этнический хорват, католик по вере, принял ислам в 21 год. Благодаря хорошему образованию (он был выпускником кадетской школы в австрийском Задаре), военным дарованиям, исключительному трудолюбию, стойкости к воинским невзгодам и лишениям был уважаем в войсках. От султана получил высший воинский чин в Турции — мушира и полное доверие. Даже снобы — британские высшие офицеры отзывались о нем: «В отличие от прочих турок [в составе союзных войск. — *В. III.*], ненавидит показуху, обладает дьявольской энергией. Он очень спортивен, отлично ездит верхом и вообще обожает лошадей...» Каратель в балканских провинциях, Ирии и Курдистане, Омер-паша умел, однако, считать боевые варианты; он изначально был против десанта на Крым, много лучше других понимая силу русских. Он вообще берег свои войска как мог. При первой возможности постарался лучшие части перебросить в Мингрелию и сам ушел подальше от своих «преданных союзников». Дожил до глубокой почтенной старости в своем босфорском имении, оставил массу детей и любопытные мемуары...

Таковы краткие эскизы облика командующих тремя армиями вторжения в Крым.

Севастополь — наша боль и наша слава

Дорогу к Севастополю интервенты прошли совсем не так легко и уверенно, как произвели высадку. 8 (20) сентября 1854 г. при крохотной речушке Альма произошло первое столкновение союзников и русских войск. Русские позиции были предпочтительными, поскольку опирались на господствующие высоты, но остались совершенно необорудованными. Двукратное превосходство в живой силе и несоизмеримость нарезных штуцеров против русских гладкостволок решило дело в пользу союзников, несмотря на разногласия Сент-Арно и лорда Раглана. Дико читаются британские документы о трофеях. А. С. Меншиков как главнокомандующий самонадеянно пригласил со специального помоста понаблюдать «за его победой» дам из «приличного крымского общества». Русские войска были разбиты, всех дам без потерь увезли с поля битвы еще до окончания боя, а англичане собрали трофеи — массу театральных биноклей, зонтиков и очень милых шляпок.

Союзники потеряли до 4,5 тысяч человек, наша армия — почти 6 тысяч. Впрочем, союзники, как писал француз-современник, после Альмы «разучились громко смеяться».

Союзники подступали к Севастополю, «слава Богу, — как сказал адмирал В. И. Корнилов, — прогулочным шагом». Дело в том, что интервенты были удивлены, как чисты, ухожены и даже богаты личные дома русских. Они не знали, куда девать награбленное — хрустальные люстры выше человеческого роста, прекрасный фарфор и позолоченные безделушки. «Никогда в жизни не ел столько жирной курятины, кур мы ловили прямо на марше», — отписал домой один из участников вторжения в этот благодатный край России.

Игривость тона камуфлировала отнюдь не победные настроения в армии союзников — сказывались многотысячные потери в личном составе и неколебимая стойкость русских боевых порядков. Наступать в глубину полуострова, т. е. на Симферополь, все три союзных командующих побоялись. Не решились они и с ходу атаковать Севастополь. За 10–11 дней передышки, которую наши войска получили после высадки союзников, В. А. Корнилов, возглавивший оборону города-крепости, совершил почти невозможное. Была создана укрепленная позиция протяженностью почти в 2 километра, где разместились на оборудованных позициях 29 орудий большого калибра и заняли рубежи более 11 тысяч солдат гарнизона. 9 (21) сентября 1853 г. семь кораблей были затоплены и загородили собой вход в бухту, матросы ушли на позиции.

Корнилов был везде, его слышали и видели все — от князя до рядового. Отметим, что неимоверный по физической тяжести труд оборудования закрытых позиций и пр. вершился со словом Божиим, солдаты, матросы и горожане «внимали В. А. Корнилову с беспредельной доверенностью и горячей молитвой».

Вице-адмирал Корнилов отличался той особой религиозностью русско-го военного человека, которая в трудную минуту личной, или, что важнее, общей опасности давала ему полную уверенность в помощи Господней. Притом что он лично и все его окружавшие точно и наилучшим образом выполнили свои воинские обязанности, истовая вера спланивала всех перед интервентами.

Особо ценил вице-адмирал присутствие священников в боевых порядках. В его глазах мир земной и мир горний были практически неразделимы в великой и тяжелой страде обороны Отечества. Вера и Верность были для него неразрывны, и единство это служило опорой ему и вселяло силу в солдат и матросов и после гибели Корнилова.

«Донесите вы до солдата слово Господа нашего Иисуса Христа, а потом я и сам доведу до него слова государя императора», — говорил он священникам. Сочетание горячей искренней любви и трезвого командирского расчета, казалось, помогали Корнилову перенести все — и неприязнь к нему князя А. С. Меншикова, и практически непреодолимые проблемы организации обороны почти с нуля.

Видевший его в последние недели жизни штабной офицер записал «для памяти себе и для науки внукам»: «...С губ адмирала не сходила легкая улыбка. Его глаза, всегда такие пронизывающие и все понимающие, сияли ярче обычного. Он держал голову всегда гордо и прямо, всегда несколько сутулый, он, казалось, выпрямился и стал выше ростом».

Корнилов, получив приказ отстоять Севастополь любой ценой, воспринял это как испытание в вере. Любимец Николая, он отверг предложенный ему царем перевод на относительно спокойную службу на Балтике, отослал жену с детьми, в том числе с новорожденной дочерью, а сам решил разделить участь флота. Он как герой погиб на боевом посту 5 (17) октября.

Его преемника П. С. Нахимова, человека одинокого, вся жизнь которого прошла на кораблях, на флоте да и в войсках любили за глубокую человечность, за бережность к жизни рядового, за личную скромность и мужество. Его называли в глаза не по должности, а по имени-отчеству, за глаза — с суровой нежностью — наш «Нахименка-бесшабашный».

Он был смертельно ранен на Малаховом кургане 16 (28) июня 1854 г. и скончался два дня спустя.

В. А. Корнилов, П. С. Нахимов и их верные соратники адмирал В. И. Истомин (третий организатор обороны Севастополя, убитый прямым попаданием вражеского ядра возле Малахова кургана 7 марта 1855 г.) и военный инженер Э. И. Тотлебен сумели в сложнейших условиях под огнем противника совершенствовать оборону города, создавать систему укреплений, многие из которых остались неприступными твердынями.

38-летний подполковник Эдуард (Франц) Иванович Тотлебен, прибалтийский пруссак по происхождению и внешности (могучий рост и крепость тела, властные манеры при пронзительном холодном взгляде), был истинно русским патриотом. Он, служака и чистая душа, не распознал в главнокомандующем А. С. Меншикове скрытую неуверенность честолюбца и как-то раз резанул тому в глаза правду-матку о слабости севастопольских укреплений как следствии его, Меншикова, промахов. Несмотря на полную уверенность со стороны князя М. Д. Горчакова, оценившего широту и таланты молодого фортификатора еще при Силистрии, а возможно, и вопреки поддержке Горчакова, умнейший, но обидчивый до детскости в поступках и завистливый к чужой сильной мысли, светлейший князь Меншиков сходу отверг блестящую идею Э. И. Тотлебена о немедленном начале работ над эластичной и мобильной системой оборонительных сооружений Севастополя. Мол, уже осень, разве противник решится высаживаться на берег в такое время года! А тот решил. И теперь прочная, глубоко эшелонированная оборона Севастополя возводилась усилиями солдат, матросов и всего населения буквально под огнем противника.

От идеи взять Севастополь с ходу союзникам пришлось отказаться. Началась осада города. Тотлебен продолжал руководить оборонительными работами, но после ранения был вынужден оставить Севастополь. Но это позже. А пока...

Как уже сказано выше, Меншиков, натура которого годилась скорее для красочной битвы в поле, чем цепкой обороны крепости, не сильно озаботился укреплением сухопутной части Севастополя. Поэтому англо-франко-турецкий десант, несмотря на «заминку» при Альме, 29 сентября создал реальную угрозу для города и базы Черноморского флота. Русская сухопутная армия дважды пыталась остановить наступление союзников, но неудачно. А.С. Меншиков всю жизнь прожил беззаботно, «по обстоятельствам», и здесь, под Севастополем, руководствовался тем же принципом. Не прошло...

Замедленность действий Меншикова и его полевой армии стимулировали французов и англичан на обходные маневры на суше, с тем, чтобы сначала разбить осажденных на Южной, хуже оборудованной стороне, а потом добивать — на Северной.

5 (17) октября 1854 г. состоялась массированная артиллерийская обработка союзниками укреплений Южной стороны. 1462 орудия интервентов, разумеется, могли бы подавить 270 русских орудий в ходе шестичасового огневого шквала. Людей наших подавить было невозможно. Они устояли. Интервенты на наступление в этот день не решились, перенесли генеральный штурм Севастополя на 6 (18) ноября 1854 г.

За этот месяц произошли существенные подвижки в ситуации. В бою при Балаклаве, главной опорной базе союзников, русские войска проявили оперативную инициативу, но без необходимого усиления второй линии наступления, которое и захлебнулось. Сказались также «нестроения» союзников и слабая управляемость тремя национальными группировками, в результате чего бессмысленно (но не бесславно!) под нашими пушками погибла почти вся бригада английской легкой кавалерии, ее краса и гордость, сыновья британской аристократии...

Можно сказать — они искали славы. Мы защищали свою землю, иначе быть не могло.

Балаклава, Альма, редуты и бастионы Севастополя несколько взрумили тех в Лондоне и Париже, кто бросил свою молодежь на Россию. Еще раз отложить генеральный штурм союзников заставило сражение на Инкерманском плато, одном из доминирующих над Севастополем. Инициатива русских войск снова была парализована плохой управляемостью и несовместимостью наших плотных боевых порядков с противостоянием скорострельному нарезному оружию интервентов. Более 10 600 наших солдат и офицеров только в этом бою заплатили жизнью за военно-техническую отсталость своей страны. Союзники потеряли около 4 700 человек. И все же, безнадежный для нас штурм Севастополя союзники еще раз отсрочили. Развернулась позиционная война.

Инвалиды, горожане и монахи против морского десанта союзников

На Балтике и в Беломорье союзники воспользовались стратегией косвенных сближений. Морская кампания союзников на Балтике имела основной целью изолировать Россию от потенциального и опасного для

Англии по стратегическим соображениям союзника — Дании, от принадлежавших России территорий в Финляндии, от Швеции. Они стремились нанести максимальный урон устаревшему, но с огромной огневой мощью русскому парусному Балтийскому флоту, мечтали жестко блокировать Гельсингфорс, Свеаборг и Кронштадт. Главное было ослабить Россию на Балтике и закрыть по возможности надолго выход в Атлантику.

В середине июня 1854 г. адмирал Чарльз Нейпир покружил вблизи Кронштадта и убедился в его неприступности. Что до шальной идеи британских лордов прорваться в Петербург, то посол Сеймур заметил, что вообще-то можно, но Зимний дворец слишком велик, чтобы «перенести его и водрузить в Трафальгарском сквере» в Лондоне. Неприступны были берега и порты в Эстонии и Латвии. Оставался Бомарсунд — крепость и культурно-торговый центр Аландского архипелага, что лежит между Финляндией и Швецией (сейчас под юрисдикцией Финляндии) и с 1809 г. входил в состав России. Сейчас и тогда эти острова были предметом споров между шведами и финнами.

Аландским кусочком сыра Лондон надеялся заманить в ловушку Швецию и включить ее в стародавний (еще 1788 г.) план союза с Турцией при патронаже Лондона, а потом быстренько поделить в России, «что захватить удастся». Ведь в свое время, в эпоху войны 1787–1791 гг., турки готовы были послать янычар на штурм Петергофа (!), а шведскому королю Густаву III мерещился победный шведский поход к Персидскому заливу⁶⁹...

В 1854 г. планы были примерно на том же уровне, с разницей в том, что на Аландах стояло при орудиях всего 1600 человек из 2175 человек гарнизона, живших в недостроенных укреплениях, и размещались устаревшие на полсотни лет орудия малого калибра. 12-тысячный десант (преимущественно французских моряков) не решился штурмовать крохотный гарнизон, отвечавший убийственной меткостью огня. 123 русских солдата центрального форта держались под прицельным, как на учениях, огнем англо-французской эскадры ровно неделю. В плен попали, отказавшись сдаться, тяжело раненный командир подполковник Тешэ и 4 или 5 коммендоров. Живые русские солдаты ушли в город Або непообежденными. Французский командующий десантом Барагэ д'Илье дал знать стоявшим насмерть героям, что озлобленные французы готовы к штыковому удару и не пощадят никого. Гарнизон (в живых осталось менее полусотни человек) решил спасти семьи мирных жителей и сложил оружие.

⁶⁹ Подробнее см.: Шеремет В. И., Зеленина Л. В. *Тень за троном*. М.: РИПОЛ-КЛАССИК; Наталис, 2006.

Шел август 1854 года. Русские ушли из Силистрии, союзники еще не осели под Севастополем. Кровожадному читателю на Сене и Темзе нужны были сведения о великих победах на Востоке, где именно — под Кюстенджи, Ольтеницей или Або — значения не имело. В глазах «военных партий» Европы разгром и полное уничтожение Бомарсунда должны были уравновесить шокирующий эффект нахимовского триумфа при Синопе.

Русские могилы, часто безымянные, ухожены и бережно охраняются памятными на Добро и Честь жителями современных Аланд (лето 2005 г.). В России все пережившие плен у британцев бомарсундцы были награждены и отмечены Александром II.

Тогда, в 1854 г. в Соловецком монастыре и на самих островах несвойственные сану и возрасту обязанности старшего воинского начальника взял на себя архимандрит Александр. Белое море подверглось вторжению двух 60-пушечных паровых британских фрегатов. Монахи и инвалидная команда располагали двумя трехфунтовыми пушчонками, 20 пудами пороха и массой топоров и секир времен царя Федора Иоанновича. Девятичасовая прицельная пальба по стенам монастыря успеха интервентам не принесла — монастырь и его насельники от предложения сдаться отказались. Они решили умереть в бою. Убоявшись очевидной стойкости невидимого за вековыми стенами противника, фрегаты ретировались без десантирования.

Жестокой бомбардировке в августе 1854 г. был подвергнут г. Кола. Маленький приморский городок под Архангельском (всего 745 жителей!), где стояло гарнизоном 50 инвалидов, при поддержке горожан отбил три попытки британского десанта. Городок был разрушен английской бортовой артиллерией полностью, но люди устояли и тем возвысили русский флаг на Белом море.

1–2 сентября 1854 г. порт Петропавловск-на-Камчатке был подвергнут мощному артиллерийскому обстрелу англо-французской эскадры (126 дальнобойных орудий). Затем последовал десант, численностью до 1000 человек, который обрушился на главные городские укрепления.

Менее 300 русских матросов при поддержке всего одной конной пушки взяли интервентов в штыки. Победили мужество и умение сражаться компактными боевыми группами в 30–40 человек. До трети интервентов и 115–120 русских пали в этом кровавом боестолкновении. Тогда же стало известно о смерти британского адмирала Д. П. Прайса. Ходили слухи, что тот покончил с собой, сказав окружению, что это самый большой позор британского флага... Адмиралтейство Великобритании лишило всех уцелевших офицеров знаков отличия.

Россия устояла на своих самых дальних и незащищенных ничем, кроме воинской доблести своих сыновей, позициях. Наш легендарный адмирал Г. И. Невельской заметил в своих записках, что в Лондоне и Париже после невероятного с военной точки зрения успеха полубезоружного гарнизона Петропавловска раздавались голоса, требовавшие наказать Россию тотальным потоплением всех судов под российским флагом, встречаемых в Тихом океане.

Заметим здесь, что не слишком масштабные, но сугубо победные «деяния простого народа» на Балтике и на Камчатке, а именно так осознавали их, например, бывшие декабристы, гармонизировали сложные отношения в российском обществе. Знаменитый декабрист Сергей Трубецкой называл победу на Камчатке «домашним делом» из-за русской привычки считать всю Сибирь «одним двором, одним семейством»⁷⁰.

Таков был резонанс героических усилий русских людей в самых далеких уголках великой державы. Фрагментарность событий и низкий уровень боестолкновений на Балтике, русском Севере и на Камчатке не следует преуменьшать. Наши предки сражались в абсолютно безнадежных на успех условиях и побеждали. Они, монахи, горожане, солдаты и матросы, не дали державам **установить систему анклавов**, без своих войск, на русской земле. Подобная тактика в эту эпоху, например, в многомиллионном Китае в 1840-х – 1850-х гг. сработала безупречно для интервентов.

Угроза на западных границах

Можно сколько угодно ругать нерешительность А. С. Меншикова и «старческую вялость» И. Ф. Паскевича в Варшаве. «Клевреты царя» (А. И. Герцен) знали больше, чем говорили. Австрия подготовила осенью 1854 г. ударную группу войск в 125 тысяч человек в Галиции. Пруссия придвинула к вожделенным границам Царства Польского до 180 тысяч отборных войск. По сугубо закрытому мнению руководства Военным министерством, «выдержать общую войну со всею Европою Россия могла бы не иначе, как имея всегда по полумиллиону войск»⁷¹. В наличии под ружьем было на конец 1854 года 186 тысяч человек.

С наибольшей четкостью и прямоотой остроту ситуации сформулировал в исходе 1855 – первые дни 1856 г. мудрый воин и «ревнитель госу-

⁷⁰ Рекомендую для юношества книгу А. И. Шепарневой «Крымская война в оценке русского общественного мнения. 1855–1856». Орел, 2005.

⁷¹ Цит. по: Бескровный Л. Г. *Русское военное искусство XIX в.* М.: Наука, 1974. С. 268.

дарственности российской» Паскевич в записке лично к императору. «... Сохранение Крыма и побережья Черного моря едва ли не гораздо важнее не только влиянием на Европу, но и на Азию и в особенности на наши закавказские области; я, однако же, отнюдь не полагаю, чтобы для сохранения нашего обладания на Юге следовало бы бросить Польшу без боя». Предлагалось на западном направлении (Петербург, Прибалтика, Финляндия, Польша) сосредоточить 347 батальонов пехоты, в Южной полевой армии иметь 165 батальонов и в Крыму — 434,5 батальона⁷².

Приоритеты были обозначены. Судьба Севастополя вырисовывалась вполне определенно.

Острой проблемой для наших войск на всех театрах военных действий явился «нежданный вовсе властями» (Б. Н. Чичерин) недостаток минимально обученного резерва и «малое до изумления» (Б. Н. Чичерин) число добровольцев. 29 декабря 1854 г. (10 января 1855 г.) появился Манифест о созыве Государственного подвижного ополчения.

Придать событиям характер Отечественной войны, однако, не получилось. Числившиеся на бумаге 359 тысяч человек собирались на основе *общинной повинности*. Это было не земское, *народное* по сути войско, а резерв Действующей армии. Выборными были (и не все) офицерские должности, на усмотрение местного дворянства. Личность *вождя* — «сурового проконсула Кавказа» и героя войны 1812 г. А. П. Ермолова не устроила Николая I. Проблема «зависла», а там и «войну повели к окончанию» (А. Б. Никитенко). Заметим, что обстоятельства и перспективы этого ополчения совершенно не изучены в нашей литературе.

Малоизвестен нашей читающей аудитории даже сам вопрос о первоначальном, как тогда, писали, «воспламенителе войны» в сознании российского общества.

Восточный вопрос и русское общественное мнение

События, связанные с обострением русско-турецких отношений и с последовавшей войной, всколыхнули общественное мнение России, но не столь глубоко, как ее последствия. Остается в литературе слабо освещенным вопрос об отношении русского общества к проблеме турецких реформ (Танзимат), к русско-турецким отношениям вообще как к состав-

⁷² Цит. и расчет см.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА (Военно-ученый архив). Д. 5584. Л. 4–400.

ной части Восточного вопроса, стимулированного до кризисной фазы внешними факторами.

Острый кризис 1853 г. в отношениях с Турцией, внешне весьма благоприятно развивавшихся, как уже говорилось, после Ункяр-Искелесийского союзного договора 1833 г. и отмеченных военным сотрудничеством в 1848–1849 гг., был достаточно неожиданным для широких кругов русской общественности. В России со времен М. И. Кутузова и его небрежного — «турку мы всегда побьем» привыкли свысока говорить о турецких реформах, о шаткости политики Высокой Порты. Поэтому жесткий тон, уверенная мотивация позиции турецких памфлетистов, не только на равных соперничавших с дипломатами и публицистами под прикрытием П. А. Чихачевым, К. М. Базили, Л. О. Тенгоборским в 1850–1853 гг. на страницах европейской периодики, но и весьма успешно привлекавших к танзиматорам симпатии европейской общественности, вызвали в русской печати вначале растерянность, затем разброд оценок и лишь в отдельных случаях стремление разобраться, а что же, собственно, происходит.

В условиях достаточно распространенного под воздействием панславизма и официозных маршей «Москвитянина» сочувственного отношения в России к «войне за Святые места» уже в самом начале ее формировалась у части русского общества мнение, что «не турок есть подлинный противник России». По словам современника — публициста Д. П. Мордовцева, появлялось, кроме того, ощущение, «как многого России недостает, чтобы торжествовать над всеми». Вооруженное столкновение с Турцией поставило перед думающей Россией вопрос, насколько глубоко оказались реформы у южного соседа, которого почитали лениво дремлющим с кальяном, а тот оказался сытым, бодрым, хорошо одетым и со скорострельным штуцером в руке.

«В начале войны, — писал осенью 1856 г. видный критик николаевской рутины, западник П. А. Грановский, — за исключением немногих благомыслящих, все шло смело, без рассуждений, хотя и без патриотического воодушевления за правительством. Мы так были уверены в своей силе, что все дело принимали почти за шутку... Оказалось — турок не шутит... Трудно приходится нам в неравной борьбе...»

Турецкий вопрос в его дипломатическом и военно-политическом аспектах послужил своеобразным индикатором уровня оппозиционности к царизму в различных и по-разному его критиковавших кругах русского общества. Осмысление во многом ошибочности прежних представлений

о реформах в Турции содействовало эволюции взглядов либеральных критиков царизма. Коснемся некоторых из них.

Славянофилы 1840–1850 гг. А. С. Хомяков, С. Т. Аксаков и К. С. Аксаков, Ф. И. Тютчев, А. П. Блудова и другие полагали русскую и шире — православную, прежде всего славянскую, общину идеалом общественного развития и средством противодействия капитализму, как они его понимали, в России, на Леванте и на Балканах. Обострение Восточного вопроса, включая конфликт с Турцией, воспринималось ими через перспективу движения патриархальных общинников-славян под эгидой «царя-батюшки» против западного капитализма, прежде всего в лице Австрии (!), и восточного деспотизма с «западными подпорками» — то есть Высокой Порты. Единственное решение турецкого вопроса, которое они видели накануне и в начале кризиса 1850-х гг., состояло в сокрушении Турции, становившейся, на их взгляд, оплотом индустриального Запада, в овладении Стамбулом (Константинополем) и в создании некоего «славянского единения».

Наиболее дальновидные из славянофилов увидели, что за столкновением с турками неизбежно последует война с европейскими державами (ожидали — с Австрией и Англией). Однако и они (А. С. Хомяков, А. Д. Попов) упорствовали в идее «святой войны» (далеко ли уходя от «священной войны» — джихада, за которую ратовали в Стамбуле). Они не увидели глобальности катастрофы в столкновении с союзом капиталистических держав и реформированной ими Турции. Славянофилы неправомерно преувеличивали готовность царизма «спасти единоверцев» и лишь давали повод турецким памфлетистам на страницах прессы Англии, Франции, Бельгии сообщать о захватнических настроениях в русском обществе.

Вероятно, из этих кругов только дипломат, поэт и мыслитель Ф. И. Тютчев, профессионально изучавший Восточный вопрос, уже осенью 1853 г. сумел понять, что перед Россией главный противник не Турция, как трубил официоз, а западные державы, Турцию использовавшие. Он, правда, весьма идеалистически расценивал причины обострения турецкого вопроса в 1850-х гг. как конфликт между славянством-православием и западным безбожием — революцией. Тютчев сокрушался, что, дескать, «революция захватила уже и Стамбул». Он скорее как опытный дипломат, чем вдохновенный поэт, пришел к выводу, одним из первых в России, о столкновении феодальных устоев России с кардинальными переменами в обществе, идущими на Запад, в качестве главного содержания событий первой половины 1850-х гг.

Под влиянием изначально оказавшейся гораздо более тяжелой войны с турками и их союзниками, чем ожидалось, наиболее трезво настроенные славянофилы переходили от утопических планов «благоустройства христианских подданных Порты» к реалистичной критике внутреннего положения в России, где ситуация с личными свободами податного населения была хуже, чем в не знавшей крепостничества Турции.

В России 1850-х гг., когда, по словам П. А. Грановского, «голос имеет одно правительство, да тупые или немые патриоты, зовущие турка побить», война с Турцией заставила взглянуть критически на всю внутреннюю и внешнюю политику империи даже такого верного адепта царизма, как М. П. Погодин. Начав с одобрения Крымской войны, в которой он сначала узрел борьбу с «турецким варварством», Погодин по мере развития событий начал все более глубоко задумываться, почему «варвары-турки» лучше одеты, вооружены и обучены, почему народы Европы видят в самодержавной русской политике «главнейшее препятствие их развитию и преуспеванию».

Исследователь истории русского панславизма У. Пихт (Германия) в обстоятельной монографии о Погодине (1960) акцентировал крайнюю националистичность публикаций Погодина в 1853–1856 гг. Он убеждает читателя, что его труды якобы статично следовали задачам царской дипломатии в решении того, что Пихт называет «славянский вопрос в Османской империи». Возможно, это верно, но развитие во взглядах Погодина и славянофилов вообще происходило, и весьма интенсивно, в короткие месяцы начала (до Севастополя) войны с Турцией и державами, а затем произошла смена парадигмы развития России.

Известно, что в конце 1854 – начале 1855 г. при сокращении своих внешнеполитических высказываний Погодин в ряде статей и выступлениях по внутренним проблемам все больше ратовал за развитие просвещения и организацию специального образования в гражданской и военной сфере, за промышленное развитие и совершенствование путей сообщения, высказывая новые для него идеи в рамках буржуазной реформаторской направленности. Учитывал он и определенный успех преобразований эпохи Танзимата. Каково для николаевской России? «Большой человек на Босфоре» в качестве примера? Это сейчас все очевидно, а 150 лет назад...

В конце 1840-х гг. Погодин призывал сколачивать «славный союзец» миллионов славян под сенью самодержавия. Турецкий вопрос тогда заключался для него прежде всего в освобождении от османского ига всех славян. За это он деятельно ратовал, опираясь на личные связи с пред-

ставителями общественности славянских народностей. Где восточные православные люди Ближнего Востока — осталось и ему, и мне, в 2006 г., не ясно.

Кризисное развитие русско-турецких отношений в 1852–1854 гг. воспринималось Погодиным как близкое крушение двух главных угнетателей своих христианских подданных — Турции и Австрии. Однако не произошло ни «всеобщего воодушевления славян», ни увенчания российской монархии. Россия «терпела укорот», а подданные Османской империи с нетерпением ожидали не мифического освобождения, а окончания войны и осуществления обещанных Портой реформ.

С конца 1854 г. все реже звучат его «общеславянские беседы», он больше не прогнозирует судьбу Турции, а все более говорит о русской действительности. В его призывах слышится скорее страх перед революцией, которая от его «возлюбленных славян» может перекинуться на Россию, а не перспективы возрождения утраченной века назад государственности христианских подданных Порты. Однако отчетливо видно и стремление уберечь самодержавие от воздействия пагубного примера. Влияние Погодина на губернскую публику, мало знакомую с идеями вестернизации, было велико, и любое его сомнение шло на пользу критических программ осмысления русской действительности с привлечением турецких примеров.

Тенденция обратиться к внутреннему «неустройству России» в период войны с Турцией прослеживается в письмах других славянофилов в 1854–1856 гг. См., например, переписку А. С. Хомякова и А. Н. Языкова об исключительной важности проблемы крепостничества по сравнению с «цареградским вопросом», т. е. с падением Царьграда в русские руки и прочей ерундой.

Обострение отношений с Турцией было использовано также группой либералов-западников для осуждения с новых буржуазных позиций внутренней и внешней политики царизма. Своего рода программным документом западников явилась статья Б. Н. Чичерина по Восточному вопросу, в которой с наибольшей полнотой отразились и политическая изоляция режима Николая I, и оторванность его от динамических сдвигов в мире, и крайняя отсталость царизма в экономическом отношении, даже по сравнению с европеизировавшейся Турцией.

В среде западников весомо прозвучал и голос Грановского, который первым из современников в России заявил, что «война России с Турцией — это война с реформами». Западные державы хотя бы словом поддержива-

ли турецкое реформаторство, а Россия, по Грановскому, — старотурецкий уклад. «У нас самих, — с горечью, предвидя военное поражение, писал он, — все общественное устройство основано на тех же началах», (что и в султанской Турции. — В. III.).

Патриот России Грановский объективно видел, что Турция оказалась в подчиненном положении в рамках военного союза с державами. Вероятно, единственный из общественных деятелей России этих лет, Грановский заинтересованно отметил, что для Турции «война вредна», а перспектива остаться независимой от могущественных военных союзников Англии и Франции весьма слаба. «Турция неминуемо должна совершенно внутренне преобразоваться или пасть», — писал он. Поскольку интересам России больше отвечает сохранение Турции, чем усиление других держав за ее счет, то продолжение реформ в послевоенной Турции и сближение с ней России отвечало бы, по мнению Грановского, и российским видам на Ближнем Востоке.

Западники Грановский и Чичерин на примере крупных просчетов царской политики в отношениях с Турцией показали, что «произвольность и нелепость» действий царизма в делах собственной страны переносились на внешнюю политику, тогда как действия другой стороны объективно не оценивались. Однако разоблачительные мотивы в их характеристике восточной политики Николая I были больше полемикой со славянофильством о «крестовом походе рыцарей христианства против угнетателей — турок».

Чичерин противопоставлял гибкую политику продвижения на Ближний Восток с учетом всех фактов международных отношений в Европе «любому твердолобству». Один из первых отечественных историков новой формации, Чичерин указал на связь внутренней и внешней политики России на Востоке, на необходимость «материальными средствами», то есть экономическими преобразованиями обеспечить активную восточную политику России, и прежде всего в отношении Османской Турции.

В заключение уместно привести несколько оценок турецкого вопроса русскими революционными демократами. Моя, авторская негативная оценка «размахивания топором» очевидна, но Чернышевский, если не витийствовал, был прозорлив и корректен. Он возлагал ответственность за обострение Восточного вопроса и отношений с Турцией в начале 50-х гг. прежде всего на правительство бывшего «гения республики, ставшего императором» — Наполеона III. Тот нарушил «тишину в Европе», чтобы «отвлечь внимание Франции от внутренних постыдных дел шумом иностранной политики». Чернышевский справедливо упрекал в разжигании

кризиса также и российских «трактирных бреттеров», маниловых, собакевичей, чичиковых, наводнявших царскую Россию этого периода.

Хорошо известна убедительная характеристика причин враждебности английских фабрикантов и промышленников США, положенная Чернышевским в основу его анализа Гражданской войны в США. Однако позиция Англии в начале 50-х гг. и принципиальное значение англо-русского торгового соперничества в Проливах, в Галаце, на Дунае и в Трапезунде трактуются Чернышевским, увы, как второстепенные по сравнению с тщеславными хитросплетениями кучки европейских дипломатов и амбициозных распрей двух деспотических монархий — России и Турции.

У Чернышевского встречались фритредерские идеи, близкие к взглядам Кобдена и Брайта, об исключительно торговых интересах России в Проливах и неизменном ее стремлении к сохранению мира с Турцией при полной ненужности для России Черноморских проливов. Вместе с тем оценки Чернышевского, сделанные им в полемической форме разбора фундаментального труда английского участника событий под Севастополем А. У. Кинглейка о Крымской войне, имели важное значение для последующего формирования русского общественного мнения. Именно Чернышевский дал отповедь славянофильской проповеди «всеславянского братства», но, в отличие от либералов-западников, он указывал, что царизм, «освобождающий славян», принесет им лишь иную форму угнетения.

Многие, даже радикально настроенные современники второй половины 1850-х — начала 1860-х гг. считали турецкую проблему вообще обременительной для русской дипломатии, склонялись к абсурдной по определению идее восстановления влияния России в Стамбуле силой оружия. «Скептик и циник» Чернышевский не только положительно оценивал возможность позитивного решения Восточного вопроса и конфликта с Турцией, что нередко вовсе отрицалось, но и намечал реальный для этого путь: создание федерации демократических национальных государств на месте деспотических режимов, таких, как Австрия, Турция и, конечно, Россия.

Чернышевский, единственный из общественных деятелей того времени, призывал отделить отношение к Османской империи как деспотическому государству от отношения к турецкому народу, носителю ряда положительных черт, рядом с которым, по его словам, было бы «легко уживаться славянам».

История его поддержала нашими, т. е. России после 1991 г., отношениями с Турцией как со стабильным и перспективным партнером в широкой сфере добрососедских контактов.

Единственным препятствием тогда, в 1850-х гг., по Чернышевскому, были русский царь и турецкий султан, мешающие подлинной свободе русского и турецкого народов, их равноправию на основе дружбы. Довольно сложно спорить по этому поводу, да и стоит ли? В конце концов, Турецкая республика после 1923 г. разрубила вместе с державами и Россией Восточный вопрос.

Обстоятельства крайнего обострения кризиса самодержавия в новой фазе конфликта с Турцией оказали мощное воздействие и на формирование взглядов молодого Н. А. Добролюбова. Особенно важно, что в 1854–1856 гг., когда в войну с Россией оказались втянутыми 10–12 народностей Европы и Азии, Добролюбов приближался к убеждению, что подлинный мир между народами и их сближение возможно только на путях глубокого социального «обновления народов». При этом Россия, избавившаяся от внутренних угнетателей, вошла бы в братство с другими народами, и возможно, Турция была бы в числе первых.

Волею судьбы в период всего развития Восточной (Крымской) войны представителем русской общественности на Западе был А. И. Герцен. Его взгляды времен Крымской войны, связи с либеральной критикой, публицистическая деятельность рассматривались в литературе, хотя его полемика с турецкими разведчиками-памфлетистами в Бельгии должна быть раскрыта отдельно⁷³.

Здесь следовало бы отметить следующее. Турецкий вопрос и отношения с Портой воспринимались Герценом не столько как международные проблемы, что было характерно для его современников, сколько как проявление предопределенного судьбами исторического развития столкновения славянскообщинной России с индустриальным Западом. С конца 1840-х гг. Герцен развивал идею о неизбежной войне между Россией и Турцией, которая положила бы конец не только угнетению славян и православных вообще султаном, но и самодержавию в России как следствие. Герцену виделась некая абстрактная социальная демократическая федерация со столицей в Стамбуле.

По мере обострения Восточного вопроса и отношений с Портой после 1851 г. он все более отчетливо понимал (особенно после государственно-

⁷³ Подробности см.: Шеремет В. И. *Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века*. М.: Наука, 1986.

го переворота Луи-Наполеона во Франции), что развитие кризиса идет в направлении столкновения России с Францией, которой война нужна в первую очередь, а также с Англией, и лишь вторично втягивается Турция, которую державы делают «застрельщиком войны».

Герцен напрочь отметал в своих выступлениях и письмах столь распространенные тогда в печати Запада и у некоторых русских публицистов утверждения об извечном антагонизме русских и турок, о некоей вражде Креста и Полумесяца. За что ему безмерная признательность от нас, живущих в тревогах начала XXI века. Он доказывал, что конфликт раздираемых противоречиями европейских держав более значителен, чем русско-турецкий конфликт, что простые люди имеют общего врага — феодальные монархии и общую цель — социальную революцию. Глубже многих современников понимая эволюцию интересов держав Европы и России, он, в отличие от Чернышевского, резко обличал колониальные планы Англии на Ближнем Востоке. Ошибаясь в оценке революционной ситуации в Европе и переоценивая силу турецкой реакции, Герцен вместе с тем умел делать и конкретные выводы в изменившейся ситуации. Призыв к революции он дополнил уже в ходе русско-турецкой войны призывом к русским солдатам «воспользоваться бурей», объединившись со всем трудовым людом, смести царизм. Первый призыв к вакханалии гражданской войны?

В 1854–1855 гг. Герцен снимает всякие упоминания о Стамбуле как о столице действительно нелепого по сути «демократического славянско-го братства». Он приходит к убеждению, что установление подлинного мира «праздника народной братовщины» и, естественно, завершение конфликта, в который оказались втянуты народы России, Турции и Европы, возможно, но только с победой социализма. Речь шла об утопическом славянском «общинном социализме». Впрочем, идея радикального завершения войны с Турцией и Восточного вопроса воплотилась, когда рухнули романовская Россия и османская Турция в горниле событий 1914–1918 гг. Так или иначе, но революции на Неве и на Босфоре обеспечили решение Восточного вопроса.

Турецкий вопрос как часть Восточного вопроса, таким образом, явился не только пробным камнем взглядов многих общественно-политических деятелей России середины XIX в., но и содействовал более определенному выяснению их позиций. Россия двинулась навстречу новому подъему в общественном развитии. Пробуждалось и общественное сознание турецкого этноса в Османской империи. Впрочем, это уже другая книга...

Общественное мнение в стане наших противников также заслуживает особой книги. Здесь ограничимся следующим обзором. Эра промышленной революции с ее практически моментальной телеграфной связью и скоростными по тем временам паровыми судами обеспечила доселе невиданный обмен информацией. Телеграфная связь Лондон — Ставка союзников под Севастополем — Калькутта и Бомбей (Индия) работала бесперебойно и, разумеется, использовалась англичанами в военных целях.

Никогда доселе не нагнеталось столько антирусского психоза в западном, да и в восточном общественном сознании. Причем от Лондона до Дели и Мельбурна. Из Австралии, например, поступали под Балаклаву сведения, что «волонтеры в Сиднее и Мельбурне упражняются в стрельбе и рукопашном бою, что они придут на помощь собратьям под Севастополь и отразят при случае русский десант в Австралии». Из Бомбея и Калькутты сообщали, что «там спешно складывают печи для каления ядер, которыми будут отбиваться от вторжения русских». Телеграф приносил сведения, что Англия разрешила своим сипаям наниматься на военную службу к хану Коканда, и что англо-мусульманские войска будут сражаться с русскими от Босфора до Пешавара. Разве что Тропическую Африку не «поднимали в ружьи» под крики прессы «русские идут!».

Вполне реалистически и без огласки начал осуществляться план Банка Ротшильда о создании Отдельного еврейского корпуса из числа *яхуди* — иудейских подданных султана. Вооружение, содержание — полностью от Банка Ротшильда, офицеры — англичане. Военно-учебный центр планировался близ современного города Хайфа. Стратегический план корпуса — высадка в Одессе и стремительный рейд на север (Киев — Варшава) для освобождения Украины и Польши от власти царя. Идея, живо и гласно дискутировавшаяся в британском парламенте, поддерживалась крупным англо-еврейским капиталом в Лондоне и в Турции и отвечала планам Лондона о переселении какой-то части еврейского населения Европы в Палестину. При этом гарантии держав по нейтрализации Иерусалима должны были уравновесить всполошившие финансово-дипломатические круги предложения России об Иерусалимском пашалыке.

Ротшильды и Монтефиоре уже начали было под Яффой создавать центры боевой подготовки этого корпуса под видом работ по посадке цитрусовых плантаций. Сдача Южной стороны и затем Парижский мир приостановили эту многоцелевую комбинацию.

Вооруженное столкновение России и Турции на Кавказе и на Дунае ускорили присылку в Стамбул 31 января (нов. ст.) 1854 г. деятельного и энергичного посланника Северо-Американских Соединенных Штатов. Новый посланник сосредоточился на сути конфликта России и Турции.

Собственно Малая Азия, даже Балканы и Левант не занимали серьезных позиций в перечне приоритетов САСШ на Востоке. Первые места принадлежали Европе, Тихому океану, Японии, России, странам Магриба. В январе 1854 г. министр иностранных дел Англии лорд Дж. Кларендон попытался было припугнуть американцев «счастливым согласием и полным взаимопониманием» между Англией и Францией. Причем не только на Востоке, но во всех других частях мира⁷⁴. Вашингтон сделал свой выбор в пользу врага Англии — России, слишком большое ослабление которой в Европе могло бы стимулировать недавнюю по историческим меркам метрополию, то есть Англию, на усиление своих позиций в Новом свете.

В американской прессе в начале 1854 г. прокатилась волна статей в пользу союза с Россией, что с удовлетворением отметила пресса в России. (См. «Московские ведомости» от 22 июля 1854 г.).

Интервенция союзников в Крым и осада Севастополя были довольно долго объектом искажавших ситуацию, часто совершенно фантастических сообщений британской прессы. Иной информации у Вашингтона почти не было. Однако и верить тому, что «русский царь сбежал из своего Ледового (Зимнего) дворца и скрывается где-то в лесах между Москвой и Казанью», здравомыслившая и неизменно настороженная по отношению к «птичкам с Флит-стрит» Америка не хотела. Правда о стойкости Севастополя и восторженно воспринятая в сначала в Калифорнии, а затем и в других штатах весть о «позорной эскападе, кровавой промашке» союзников у Петропавловска-на-Камчатке, судя по сообщениям русских дипломатов в Америке, окончательно переломили мнения американцев в пользу России. Окрепло намерение Вашингтона узнать из первых рук о том, как «старая Россия» оставила за флагом «драчливого галльского петушка и облезлого британского льва» (из «Московских ведомостей» за 1855 г.)⁷⁵.

В Америке нашлось несколько сотен добровольцев, готовых принять участие в обороне Севастополя. Их просьба была вежливо, но твердо отклонена, так как Петербургу было важнее знать, что англичане не смогут

⁷⁴ Hansard's *Parliamentary Debates*. 3rd series. Vol. CXXX. P. 43.

⁷⁵ См.: Болховитинов Н. Н., Полевой Б. П. Общественность США и оборона Севастополя. *Новая и новейшая история*. 1978. № 4. С. 42–44.

привлечь деятельных мореходов западного побережья США к пиратству на русском Дальнем Востоке и т. д. Зато 43 высокопрофессионально подготовленных врача-добровольца помогали лечить русских раненых в Крыму.

Несколько офицеров-американцев тщательно изучали опыт борьбы севастопольского порта и портовых укреплений против комбинированных действий десанта и флота. Они выполняли прямое указание военного министра США. Их опыт считался очень ценным в период Гражданской войны в США и организации обороны Нью-Йорка. Удивляет, насколько точны были данные американских военных о составе, боевых качествах и потерях сторон в Крымской кампании⁷⁶.

Первыми в западном мире, возможно, именно американцы выдвинули на страницах «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Геральд» и других газет мысль о том, что «Севастополь — это не Петербург», что падение Малахова кургана есть лишь частный эпизод, а Россия не проиграла войну, а «свернула ее». Отмечалась позитивная роль России в 1830 г., позволившая США установить дипломатические и выгодные торговые (судоходство в Средиземном море) отношения с Высокой Портой⁷⁷.

В ходе войны наметились перспективные проекты на закупки в США современного стрелкового оружия (Кольт и др.), а также в отношении судоходства в Русской Америке. Впрочем, звучали и другие голоса о необходимости избавиться от русского присутствия на Аляске и в той же «Русской Америке»...

Парижский мир был встречен в Америке с определенным разочарованием: деловые круги не заработали на военных поставках, «красноундирщиков»-англичан русские мало потрепали... В целом же события 1853–1856 гг. продвинули русско-американские отношения в сторону лучшего понимания интересов сторон. Коммодор М. Перри, под прицелом своих скорострельных корабельных пушек взломавший самоизоляцию Японии (1854), вполне сочувствовал доблестным русским морякам, но высказывал некоторое сожаление, что война России с Англией и Францией не продлилась подольше... В успехах русского флота он, впрочем, не сомневался.

⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2352. Материалы переписки военного министра США с великим князем Константином Николаевичем, февраль 1860 г.

⁷⁷ Подробнее см.: Шерemet В. И. *Турция и Адрианоопольский мир 1829 года*. М.: Наука, 1975. Подборку материалов см.: АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1856 г. Д. 241 (брошюры, пресса США времен войны); «Морской сборник», 1858, № 12 (обзоры прессы, мнения военных и пр.).

Оставление Южной стороны Севастополя

После Инкермана, его потерь и крайнего ожесточения в бою обе стороны несколько изменили тактику. Русские войска старались беспокоящими вылазками и комбинацией полевой и крепостной систем обороны оттеснить интервентов от городских укреплений. Противник наращивал силы — подошли сардинские и новые турецкие войска, вел минную войну, накапливал оружейные припасы и личное оружие. Совершенствовались средства связи, управляемость и координация действий флота и сухопутных сил. Создавалась новая инфраструктура в зоне боевых действий — узкоколейка, гужевые дороги, терминалы и пр.

Союзники хорошо понимали, что если война для России и не приобрела общенародный характер, то это по неорганизованности генералов, а не от недостатка патриотизма. Можно было подстегивать усердие турок и зуавов-африканцев расстрелами из пушек на манер расправ с сипаями (опыт на сей счет у английских офицеров, переведенных из Британской Индии, был отмененный). Можно было вдохновлять турецкое правительство очередным крупным военным займом (турки получили 8 млн фунтов стерлингов займов, истратили еще 11 млн фунтов своих средств, а долги за участие в войне платили до 1914 г.). Нетрудно было обещать Сардинскому королевству территориальные приращения, прозрачно намекать на выгоды Австрии, Пруссии, Швеции... Но бурлила Британская Индия, где вскоре начнется грозное антиколониальное сипайское восстание. Непокойно было во Франции. Лондону, Парижу, да и Стамбулу, где всн чаще вспыхивали острые бунты против разнузданно державшихся в исламском городе союзников-оккупантов и раздавались требования туркам быстро-быстро уйти из Крыма, срочно были нужны победные акции. Близилась кульминация севастопольской эпопеи.

Ситуация в гарнизоне весной — летом 1855 г. ухудшалась. Были большие потери в личном составе, из-за отсутствия боеприпасов нередко молчали наши пушки. Самоотверженность русских врачей во главе с создателем военно-полевой хирургии Н. И. Пироговым и женщин из местного населения (Д. Ткач — Даша Севастопольская, Варя Велижева и др.) не могла восполнить катастрофическую нехватку самого примитивного инструмента и перевязочных средств. Дерзкие по смелости, хорошо продуманные вылазки охотников-добровольцев (первые герои морской пехоты — П. Кошка, П. Шевченко, А. Рыбаков и др.) отбили у французов и турок охоту к рукопашному бою. Изменить общую ситуацию, переломить ее в пользу

осажденных было реально, как считает авторитетный английский историк Кристофер Хибберт (2004), опираясь на растущую боевую инициативу русских войск, на увеличение численности гарнизона (до 110 тысяч человек) и уверенность, обретаемую постепенно, командования⁷⁸.

Кончина Николая I (18 февраля 1855 г.), увольнение им буквально в последние часы жизни с поста главнокомандующего А. С. Меншикова и назначение деловитого П. Д. Горчакова (17 февраля 1855 г.), неудачная попытка русских войск отбить Евпаторию (17 февраля 1855 г.), а также прибытие свежих войск союзников — все это стимулировало их осадные работы. Упорно носился слух, что сам (!) Наполеон III прибудет под Севастополь, и уж тогда...

28 апреля 1855 г. на Елисейских полях произошло малопонятное покушение на Наполеона III, и он отказался от идеи «совершить личный поход на Россию». А если в Севастополь прибудет молодой и энергичный Александр II? — озабоченно вопрошали союзники и писали домой тревожные письма.

6 (18) июня 1855 г. союзники предприняли мощную артиллерийскую обработку русских укреплений и пошли в атаку. Потеряв до 16 000 человек (против 4 800 у русских), союзники споткнулись на боевой выучке и мужестве русских солдат и матросов. Злейшие враги Николаевской России К. Маркс и Ф. Энгельс признали, что союзники потерпели первое серьезное поражение. Однако закрепить успех в сражении при реке Черная 6 (18) июня Горчаков не сумел, потерял до 8 000 человек и на сей раз утратил всякую инициативу.

Новые командующие союзников — решительный и беспощадный Ж.-Ж. Пелисье, недавно ставший маршалом, третий у французов после А. Ж. Сент-Арно и Ф. Канробера, и терявшийся на фоне «бешеных французов» британский генерал У. Симпсон повели свои войска на последний штурм становившегося для них братской могилой Севастополя.

Последовали 17–20 августа и 5–8 сентября (нов. ст.) 1855 г. обстрелы основных укреплений огнем из 807 орудий (против 540 у русских). В атаку на главные опорные точки обороны 2-й бастион и Малахов курган союзники (при решающей роли Пелисье) бросили 57 500 человек против 40 тысяч защитников города. Штурм начался 8 сентября 1855 года около полудня. К исходу дня бои затихли.

Наши солдаты и матросы выходили из-под огня кто группами, кто поодиночке с полностью расстрелянными подсумками и изломанными

⁷⁸ Хибберт К. *Крымская кампания 1854–1855 гг.* / Перев. с англ. М.: Центрполиграф, 2004.

в штыковых схватках ружьями. Напряженные и кровопролитные бои закончились взятием только Малахова кургана, но это была высота, где против 1 400 наших героев действовало более 6 тысяч французов. Она господствовала над городом, над переправой между Северной и Южной сторонами. Русское командование приняло единственно верное решение. В ночь на 9 сентября 1855 г. русские войска неожиданно для неприятеля взорвали склады и укрепления и, разводя за собой понтонный мост, в полном порядке отошли на Северную сторону. Через два дня вблизи от нее были затоплены остатки Черноморского флота — 12 парусных кораблей, 10 пароходофрегат, 6 транспортов.

Седоусые, прокопченные пороховой гарью, израненные ветераны Наварина и Синопа со слезами на глазах вставали на колени. В лучах предзакатного солнца под воду уходила черноморская слава России...

Союзники вошли в разгромленную и безжизненно пустынную Южную часть города. Русские войска готовы были продолжать борьбу. Стало «ясно, что Севастополь не истощил силы России в такой мере, как силы союзников», — разочарованно подвел Ф. Энгельс итог 349-дневной обороне города.

Разгромлены наголову были «паркетные генералы». Боевые — оставались со своими солдатами. Непокоренными уходили офицеры и рядовые — герои Балаклавы, Инкермана и Малахова кургана. Мы потеряли при обороне Севастополя 102 тысячи человек, союзники — 71 тысячу...

50-тысячная русская армия заняла господствующие Инкерманские и Мекензиевы высоты и уже в свою очередь систематически громила огнем интервентов, пытавшихся закрепиться на Южной стороне. Союзники тщетно попытались прощупать нашу оборону в Керченском проливе, под Одессой, Николаевом, Херсоном, Очаковым, в Днепро-Бугском лимане. Занять им удалось лишь Кинбурн при 30-кратном перевесе сил и при оборонительных сооружениях времен А. В. Суворова (1787–1788).

Россия сосредоточилась. Россия вставала на большую и беспощадную войну. К этому союзники оказались не готовы. Дальше Южной стороны Севастополя в Россию им ходу не было. Героическая 11-месячная оборона Севастополя стала одним из выдающихся военных событий нового времени. В истории русского военного искусства — это пример совместных действий армии и флота перед лицом технически и численно преобладавшего противника. Морально-боевые качества русских воинов и патриотизм населения, сражавшегося рядом с войсками, были проявлением единства нашего народа перед лицом иностранного вторжения.

Тайная война на переговорах о мире

Мирные переговоры, как правило, выявляют скрытые мотивы войны. Так было и на парижских мирных переговорах. Россия на Востоке (державы включали сюда и Черное море с Кавказом) и положение христиан в Османской империи — вот главные проблемы, вокруг которых сконцентрировалась борьба на мирном конгрессе в Париже.

Обсуждение тех или иных вариантов вывода России за предел возможности оказывать влияние на положение христианской церкви на Востоке предпринимались державами-союзниками еще до Парижа. При активном посредничестве Австрии в течение 1854–1855 гг. состоялось 14 (!) заседаний по предварительным условиям в Вене и одно — в Стамбуле. Выявилась взаимосвязь ограничительных намерений интервентов в отношении Черноморского флота и судеб христиан на Балканах и на Леванте.

Еще шла война, а русская дипломатия уже выдвинула перед державами «Предложения относительно прав христиан и их церкви». Документ был примечателен стремлением возложить на религиозные общины обязанности и права по развитию реформаторского движения в Османской империи. Святые места Палестины без детализации включались в общую канву межконфессионального и гражданского урегулирования. «Предложения» России были с большим подъемом встречены в среде православных и в Сиро-Палестинском районе, и на Балканах. Однако Высокая Порта не увидела в документе «своего вопроса» о капитуляциях, а державы Запада — механизма «выдавливания» России из христианской среды региона.

Следующий шаг России сделала уже в ходе мирных переговоров в Париже (февраль – март 1856 г.). Глава русской делегации генерал-адъютант и шеф Корпуса жандармов А.Ф. Орлов изначально предложил заложить в трактат о мире статью о совместных гарантиях держав равных прав всем миллетам (общинам) и равных прав подданных султана вне их вероисповедания. «Да это хуже ноты Меншикова в 1853 году», — воскликнул Дж. Кларендон, глава английской делегации, и уронил свеженабитую трубку. Он предпринял попытку «забыть» о Святых местах и связать права христиан в Дунайских княжествах с отказом России в пользу Турции от всех ее земель на левом берегу реки Кубань. Это был откровенный шаг Лондона к столь желанному разделу Юга России.

На заседании 26 февраля 1856 г. английская делегация сделала попытку увязать в один пакет возвращение России разгромленных Аландских островов с ее отказом от стратегического Карса и с прекращением

«протектората России в Имеретии, Гурии, Абхазии и Мингрелии». Это означало бы отдать державам всю Грузию, добровольно вошедшую в состав России. А. Ф. Орлов сделал вид, что ничего не понял в проекте. Он просто встал и вышел, пожав плечами — господа, здесь нет предмета для обсуждения.

Далее я вновь принципиально расхожусь с Е. В. Тарле, утверждавшим, что выдвинутый вслед за этим унижительным для России предложением вопрос о положении христиан в Турции «не имел даже и тени серьезного, реального значения в тот момент»⁷⁹.

Ситуация складывалась так. А. Ф. Орлов вне заседаний, кулуарно, достиг прямого согласования позиций с турецкой делегацией о демилитаризации Аландских островов и о нейтрализации Черного моря, кое в чем уступив туркам. В свою очередь личный и доверенный представитель султана великий везир Али-паша проявил понимание в защите А. Ф. Орловым позиций России в Восточном вопросе. Только поэтому, то есть благодаря русско-турецкому взаимопониманию, срыва работы конференции, как надеялась британская делегация, не произошло.

«Оставались еще некоторые трудности», — легко взмахнул пером Тарле. На деле это были интересы России в христианском мире в целом и в вопросе о судьбах единоверцев в контексте османских реформ. Не меньше трудностей скрывалось и в стремлении держав лишить Турцию права участвовать в устройстве послевоенной судьбы Дунайских княжеств. Заметим, что они стали фактической житницей Англии, начинавшей второй этап промышленной революции. Принципиальной проблемой всей Европы и Турции стал вопрос о смешанной Дунайской комиссии и о статусе судоходства по Дунаю.

Тем временем в кулуарах А. Ф. Орлов, Али-паша и «наш лучший знаток духовных дел на Востоке» генконсул в Сирии и главный советник нашей делегации К. М. Базили обсуждали варианты более десяти проектов развязывания узлов со Святыми местами и общим положением христиан. Тарле их либо опустил, либо деликатно, как всегда, сnivelировал.

Идеи Базили — Орлова, оглашенные на мартовских заседаниях, сводились к самому конструктивному на данном остром периоде мирного урегулирования предложению. Возвратиться к довоенному положению православных и католиков в Святых местах с последующим обсуждением всеми сторонами процесса коллективных мер контроля за реализацией

⁷⁹ Тарле Е. В. *Крымская война*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. II. С. 571.

положений султанского указа (принят 18 февраля 1856 г.) о полном уравнивании в правах христиан и мусульман в Османской империи.

Али-паша внес предложения о невмешательстве держав в отношения султана с его христианскими подданными, регулируемые принятым указом от 18 февраля 1856 г. (знаменитый хатт-и хумайюн 1856 г.); прозвучала также мысль об отмене режима капитуляций в контексте подчиненного экономического положения Турции, неравноправных торговых договоров с Западом.

Проблема торговых предпочтений в пользу держав на Ближнем Востоке (зона ответственности Высокой Порты), в Причерноморье, на Северном Кавказе и в Закавказье (зона русской ответственности) была столь важна для английской делегации, что лорд Кларендон под тем или иным предлогом возвращался к ней, даже если обсуждались тематически весьма отдаленные статьи будущего мирного трактата.

Так, при обсуждении формулы включения в трактат упоминавшегося хатт-и хумаюна и «суверенной воли» в отношении реформ (см. протокол № XIV, закрытая редакция, которая есть в материалах АВПРИ) Кларендон предложил либо в полном объеме пересмотреть, либо обновить все торговые договоры, имеющиеся между договорантами.

А. Ф. Орлов заметил тут же, что имеется сложившаяся и довольно сложная система торговых договоров всех держав с Турцией, существуют различия в текстах при том, что все договоры — двусторонние. Мрачно хмыкнул в седые усы:

— Вообще-то и полномочий таковых не имеем...

Как раз он-то, всесильный государственный муж и довереннейшее лицо отца и сына — Николая I и Александра II, имел «полную мочь». Знал и понимал Орлов, умница и «сын России, щит империи» (Николай I) — «англичане под себя гнут и из нас всех гнутые ножки удобных кресел делают...»

Лорд Кларендон был изощрен, как и положено министру иностранных дел, и настойчив, апеллируя к Али-паше, графу Александру Валуевскому и австрийскому дипломату И. Хюбнеру. Он сформулировал новое видение Лондоном ситуации, которую мы сегодня назовем формированием единого мирового рынка эпохи завершения промышленной революции.

Как говорил благородный лорд, Турция стала частью европейской политической системы. Поэтому лучшим свидетельством единства взглядов держав на проявления заботы властей каждой страны о благе своих подданных было бы войти опять-таки в общее и всеми здесь, на конгрессе,

одобренное соглашение по коммерческим вопросам. И тем самым гармонизировать вопросы торговли и навигации с новым статусом Османской империи среди европейских держав.

Граф Александр Валевский (министр иностранных дел Франции, внебрачный сын Наполеона I и двоюродный брат императора Наполеона III) как глава конгресса «живо поддержал» витию-лорда в том, что новые обстоятельства, т. е. мирный трактат, равно как и обнародованные султаном меры по развитию страны, требуют общих гарантий европейских держав.

К. Б. ди Кавур, сардинский премьер, со свойственной ему горячностью и сарказмом (как же трудно ему было удерживаться от жгучих прений по любому вопросу!) заметил следующее. Ни одна страна по сравнению с Турцией не имеет столь либерального торгового уложения и нигде нет такой анархии в толковании такового уложения, как в Турции. Нигде нет такой «свободы» для иностранных коммерсантов и такого произвола властей в отношениях с ними, как в Турции.

Выговорился и умолк. К. Буоль и О. Т. Мантейфель (один от Австрии, другой от Пруссии) в унисон заговорили об избыточности в числе и запутанности в сути торговых договоров держав с Портой. Лукавый австриец Буоль поймал паузу и добавил, что общее торговое соглашение — это хорошо и важно, но следует учитывать и вековые традиции связей держав с империей Османов, да и нынешнее положение в Европе весьма-весьма сложное...

Заметим, что именно Австрия под гром севастопольской битвы обновила — освежила торговые преференции с Турцией, упрочилась в коммерции в Египте, на Дунае, даже в Иране.

Али-паша в своей мягкой, чуть застенчивой манере («лиса во фраке», как назвал его А. Ф. Орлов) поставил все на свое место. Он сказал, что надо назвать вещь тем, что она есть. Все вышесказанное делегатами есть не что иное, как попытки уйти от проблемы капитуляций, которыми державы сковали Османскую империю.

Заметим, что слово *капитуляции* как нечто неприличное в обществе вообще делегатами не произносилось. Очевидно, что державы *изначально* намеревались сохранять эти политико-торговые кандалы на ногах делавшей первые шаги в европейское индустриальное сообщество Османской Турции.

Великий везир Али-паша, полагая, без домашних заготовок, так как никто не знал, как и о чем пойдет очередной спор, воссоздал перед делегатами историю капитуляций, «горькую до пронзительности» (К. М. Базили).

Досталось и османским султанам, которые с XVI в. «надменностью и гордыней заменили должную проницательность в делах с хитроумной Европой». Впрочем, более всего и справедливо до хрестоматийности, хоть в вузовские учебники по истории Востока сегодня включай, досталось державам — Франции, России, Англии. Али-паша на примерах последних лет показал, как, прикрываясь юридической неподсудностью, неприкосновенностью личности и имущества, заложенных в «проклятии Турции — капитуляциях» (Али-паша), иностранные коммерсанты, их представители в Османской империи, бесчисленные, как мухи на дохлой собаке, вице-консулы, консульские чины при посольствах и коммерческих канцеляриях вмешиваются в административное управление на местах. Они оказывают все мыслимое и немыслимое покровительство «своим нациям и своим **единоверцам** [выделено мной. — В. III.] и, преумножая их число в Османской империи, содействуют превращению таковых в государства в государстве и делают таких покровительствуемых неодолимым препятствием всякого улучшения общего положения в империи»⁸⁰.

Пока разгоряченный речью великий везир приходил в себя после «паузы явного смущения и раздумий» (А. Ф. Орлов), слово взял второй французский представитель, Ф.-А. де Буркенэ. Он, видимо, с согласия А. Валуевского, сказал: «Мирный трактат непременно *положит конец всяким капитуляциям* [курсив мой. — В. III.]. Личные привилегии, некогда [с XVI в. — В. III.] предоставленные Портой иностранцам в Турции, разрослись в пределах, вызывающих сожаление. Решать проблему надо, — продолжал де Буркенэ, — но и надлежит установить некое равновесие между реформами и гарантиями для иностранцев по отношению к мерам и последствиям, этими реформами предусматриваемыми».

Пространность и жар речей кое-как остудил А. Валуевский. В его редакции все делегаты согласились со следующим:

Во-первых, необходимо пересмотреть соглашения, определяющие торговые отношения Высокой Порты с державами, равно и условия пребывания иностранцев в Турции. А во-вторых, вернуться к данному вопросу после подписания мирного трактата и затем на особой конференции в Стамбуле выработать сообща меры, могущие дать удовлетворение законных интересов всех заинтересованных сторон⁸¹.

Таково было первое, многообещающее, но не реализованное вплоть до 1914 г. намерение держав пересмотреть кабальный режим капитуляций,

⁸⁰ АВПРИ. Ф. *Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 276. Л. 100–200об.*

⁸¹ Там же. Л. 201.

фактически ставший инструментом деформации собственного модернизаторского пути развития Турции.

Среди первых вопросов мирной конференции оказалась позабытая историками, поскольку формально не подтверждалась и не публиковалась, Торговая конвенция между Россией и державами. По проекту, изученному в первом чтении делегатами, все порты России объявлялись открытыми для международной торговли. Равное право торговать через все порты договаривающихся сторон предоставлялось русским купцам. Сохранялись все прежние (до 1856 г.) торговые договоры России, возможность их обновления и заключения новых. Обговаривался обмен коммерческой информацией об операциях на Черном море. Особо подчеркивалась заинтересованность договаривающихся сторон в обеспечении безопасности торговых операций в Черном море и на его берегах, т. е. на русском и турецком побережьях⁸².

Вскоре союзники предложили в развитие положений о торговле в русских портах свою трактовку международной конвенции о Проливах от 18 июня 1841 г. Напомним, что речь шла о праве Османской империи закрыть Босфор и Дарданеллы в случае угрозы целостности и суверенности османской державы. Предложение Англии и Франции должно было заменить конвенцию 1841 г. на статью Парижского трактата об обязательстве и России, и Турции соблюдать в своих черноморских портах полную свободу торговли и предоставить консулам великих (читай — торгово-промышленных) держав право наблюдать за соблюдением Россией и Турцией всех принципов и положений международного права.

Пространные и (да простит читатель) неудобопонимаемые с точки зрения нормальной логики переговорного процесса положения о правах наибольшего благоприятствования, международном характере торгового судоходства и по Дунаю, и на Черном море, включая Черноморские проливы, и, следовательно, коммерческую навигацию в Восточном Средиземноморье могут рассматриваться с одной позиции. Державы вырабатывали ограничительные статьи по судоходству на Черном море постепенно, стягивая ограничительными условиями руки и России, и Турции.

Постепенно выработался проект русско-турецкой конвенции о нейтрализации Черного моря как акта двухстороннего — Россия и Турция.

⁸² Там же. Л. 32–38 об.

Таковой текст остался в неоглашавшихся подготовительных материалах⁸³. Определенное сближение А. Ф. Орлова и Али-паши по проблемам нейтрализации Черного моря изменило планы английской и французской сторон.

Любопытна была не получившая развития английская идея (проект статьи IV): Возвращение России Севастополя, Балаклавы, Керчи, Евпатории, Еникале и Кинбурна обусловить отказом России от Карса и всех занятых Отдельным Кавказским корпусом турецких крепостей в Восточной Анатолии. России надлежало также признать новую границу с Европейской Турцией⁸⁴.

Пролонгированную дискуссию по этому сюжету, вряд ли заранее договорившись, учинили А. Ф. Орлов и Али-паша. Русский представитель ядовито заметил, что Карс совсем не Балаклава, а Эрзерум вовсе не Кинбурн, хотя бы по периметру крепостных стен... И вообще, надо бы Пруссию привлечь к работе над статусом Проливов...

Али-паша вдохновенно вещал о всеобъемлющем милосердии султана к своим подданным, воплотившемся в хатт-и хумайуне от 15 февраля 1856 г., о всеобщем, вне религии, равенстве подданных перед законом дома Османов, о сияющих даях великих реформ Танзимата... Французским языком великий везир Али-паша владел виртуозно, был нетороплив, элегантен и уморил всех до непонимания исходного текста обсуждаемых статей.

Шеф корпуса российских жандармов А. Ф. Орлов поднаторел во многих сидениях по разным поводам у себя в Петербурге и, заручившись поддержкой австрийского представителя, увел (на данном этапе) обсуждение весьма для российской стороны щепетильное в сторону высоких истин. Орлов и Хюбнер предложили отметить в трактате, что все взятые на себя султаном обязательства по хатт-и хумайуну целиком и полностью соответствуют интересам, достоинству и суверенной воле османского султана. Представители Англии, Франции и Австрии ввязались в пространную дискуссию, как лучше подчеркнуть в трактате то обстоятельство, что хатт-и хумайун не создает основы и перспективы вмешательства третьих сторон в отношения султана-сюзерена и его подданных различных религий. Было очевидно, что любое «прикосновение» к теме прав конфессий трактовалось союзниками как попытки России вернуться к проблеме защиты православия в Турции.

⁸³ Там же. Л. 64–68.

⁸⁴ Там же. Л. 75–76 об.

Али-паша молчал, улыбался тихо и загадочно. Потом произнес:
— С его величеством османским падишахом надо связаться... По телеграфу, например...

На том делегаты и разошлись. До следующего заседания.

Здесь приведены лишь примеры тех обстоятельных, как правило, глубоких и яростных дискуссий *по каждому пункту* мирного трактата. Публикация рабочих вариантов и закрытых уже 150 лет от общественности и ученых всех протоколов Парижского конгресса есть задача титаническая, но сколь полезная для просвещения...

Издание документов из парижского портфеля нашей делегации, поразительных по своей точности формулировок К. М. Базили и А. Ф. Орлова и адекватности дипломатического языка ситуативным нюансам положения в Сирии, Палестине, Болгарии, возможно, представило бы новую яркую страницу борьбы России за права и обязанности христиан в динамичном мире индустриального прагматизма.

В 10 утра 18 (30) марта 1856 г. Парижский мирный договор был подписан. Его текст публиковался неоднократно⁸⁵.

Общественное мнение России, как это у нас издавна водится, по-разному оценивало севастопольскую эпопею и Парижский мир. Так, западники в лице таких крупных фигур, как С. М. Соловьев, А. В. Дружинин, считали, что Севастополь был именно оставлен, как Москва французам в 1812 г., и жалели, что враг не двинулся вглубь России, где его ждала гибель. Лейпциг, Кульм и Бородино менее значимы в истории России, чем Севастополь (А. В. Дружинин). Задолго до В. И. Ленина западники — Б. Н. Чичерин, Н. И. Барсуков, С. М. Соловьев и другие — считали, что здание российского государства было «гнилым в самом основании», тогда как войска отличились неустрашимостью и ушли на Северную сторону, по словам Т. Н. Грановского, «преумножив своей волей к победе славу российского оружия».

Выводы западников звучали достаточно взвешенно и прагматично: уберем крепостное рабство и, не пытаясь догонять «могущественных бойцов, владеющих всеми средствами образованного мира», т. е. Англию и Францию, возвысим Россию до европейского уровня. (К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин).

⁸⁵ См., например, Тарле Е. В. *Крымская война*. Т. II. С. 604–610.

Славянофилы (А. С. Хомяков, И. С. Аксаков, И. В. Киреевский и др.) вообще не считали, что Севастополь пал вследствие военного поражения. Они полагали, что это чисто политические игры К. В. Нессельроде и высших, «паркетных» генералов. «Это Божья кара, — писал Аксаков, — за гниль правительственной системы...» Они, славянофилы, называли Парижский мир оскорбительным и позорным и никогда не писали о «поражении», «разгроме» и т. д. Вообще не считали Россию проигравшей стороной (оценка А. И. Шепарневой, 2005). Именно славянофилы первыми заговорили о том, что восстанавливать влияние и могущество в Европе России надлежит через Ближний Восток, через восточное христианство.

Наиболее взвешенными взглядами на Севастополь и Парижский мир, с элементами цивилизационного подхода к оценке противоречий общественных систем и борьбы за мировое переустройство были таковые умудренных изгнанников — декабристов. В. И. Штейнгель, И. И. Пущин, С. П. Трубецкой сетовали, что «не могут личный опыт положить, как и жизни свои, на севастопольские редуты». Они упорно не считали сдачу Южной стороны поражением в войне. Называя войну 1853–1856 гг. безумной (А. Ф. Бриген), Парижский мир полагали «постыдным, но дающим спокойствие и порядок, так необходимые для проведения внутриполитических преобразований» (Н. В. Басаргин). Целая серия любопытных заметок и мыслей мудрецов-декабристов была использована через несколько лет великим военным реформатором Д. А. Милютиным (военный министр в 1861–1881 гг.), сблизившим армию и общество в постоянной готовности дать отпор потенциальному агрессору.

Эпилог

В Крымской войне наш народ, как и в Отечественных войнах 1610–1612, 1812, 1941–1945 гг., совершил великий бессмертный подвиг. Вопреки логике войны, к которой власти готовились и не сумели подготовиться, и многим военачальникам, не размышлявшим о кровавой цене победы, морившим голодом, обкрадывавшим солдат-героев, Народ заслонил Отечество.

Бескомпромиссный патриот России, осознававший свою преступную для образа страны сопричастность и личную ответственность за все и ко всему, что с Россией происходит, правитель от Бога, император-полковник Николай Павлович не хотел пережить национального, как ему казалось, унижения. Он ушел из жизни до окончательного завершения

Севастопольской эпопеи. Нам он оставил болезненный вопрос: как получилось, что тридцать лет укрепления столпа его власти обернулись вопиющей зыбкостью *основания* этого «столпа», слепотой в отношении очевиднейших социальных и политических перемен в западном индустриальном мире, пренебрежением к жизненным интересам Турции — ближайшего соседа, который мог стать последовательным союзником, а стал противником на следующие 70 лет (до кемалистской Турции начала 1920-х годов).

Две империи первыми столкнулись в войне 1853–1856 гг., и обе потерпели поражение — Россия и Турция. Потребовалась смена политических режимов в обеих странах в 1917–1923 гг., чтобы синдром конфликтности был излечен крушением лишенной исторической перспективы государственности: и царизма, и султаната.

Тогда, в 1853–1856 гг. народ России подставил плечо, подпер покачнувшийся в Крымской войне столп власти. Император Николай I явил свою волю и умение ответить личной жизнью за дикие провалы в политике 1840–1850 гг. Народ его оплакал, но...

Через 60 лет, в 1917 г. безответственный и слабый царь оказался не нужен своему народу. Столп государственности рухнул, похоронив и самого Николая II, и государство, так и не приспособившееся к сдвигам, столь декларативно представленным ей в феноменальном военном крымском союзе банкиров Англии, политических авантюристов Франции и реформаторов-исламистов Турции.

С Крымской войны начался закат династии Романовых. Русский народ призвал их на царство в жестокую годину иностранного вторжения и гражданской смуты начала XVII в.; в середине XIX в. дал Романовым шанс укрепить и возвеличить Российскую державу. Не сумели... «Полупобеды или частичные победы» (В. И. Ленин) имели место, но за место в среде великих держав Россия должна была бороться не штыком, а золотым рублем. Не поняли: ни император, ни золотые мундиры на Дворцовой, дом 6...

Склонил усталую седую голову мятежный Шамиль (1859); франко-прусская грызня и благожелательная позиция Стамбула помогли России добиться отмены унижительных ограничений Парижского договора (1871). Казалось, освободили Болгарию (1878), а по сути — добились реформаторство в Османской империи. Болгария погрузилась на многие годы во внутренние распри, не без основания виня в них «братушек-освободителей». Мы вошли, наконец, в Центральную Азию, оседлали Великий Шелковый

путь, подступили к Британской Индии... И все. Дальше был очередной после Севастополя шок — падение Порт-Артура, героизм отчаяния при Цусиме и очередной «похабный» мир (Портсмутский).

Начиная с Парижских мирных переговоров 1856 г., великие державы, составляющие ныне ядро «золотого миллиарда», ни разу не оставили Россию — Советский Союз один на один с противником при выработке условий каких-либо мирных договоров...

Известны подробности всех сражений Крымской войны. Слава Богу, с молитвой упокоились останки участников боев с обеих (и всех) сторон.

Мы свято чтим память наших солдат, матросов, генералов и адмиралов. Отдаем дань мужеству и профессионализму несигибаемого лорда Раглана, маршала Сент-Арно, маршала Омер-паши (М. Латтаса) и других участников эпопеи. Они выполнили свой солдатский долг с честью. Мир их праху.

Имена Корнилова, Истомина, Нахимова, Тотлебена, Хрулева для нас в одном ряду с героями войны против монголо-татарского вторжения XIII в. и героями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это бессмертие и есть социокультурная память нашего народа. Мы со школы помним об отмене (1861) крепостного рабства, едва ли не главным итоге «проклятой войны». Истина из ряда вечных, но стоит помнить, что крепостничество было уже подорвано изнутри десятилетиями народных движений и сверху — волей самодержца, готовившего наименее болезненный для общества вариант отмены крепостничества.

Среди остающихся для новых поколений историков Запада и Востока проблем Крымской войны есть такие, которые требуют иного документального обоснования. Среди них обострение конфликтов в сипайских (туземных) войсках Британской Индии, которые должны были быть брошены на Россию. Дальневосточная авантюра САСШ, взломавших под гром севастопольских боев самоизоляцию Японии (1854). Япония, к слову, втягивалась в модернизаторский процесс эпохи Мэйдзи и стала задумываться о принадлежности Курильских островов и Камчатки, на которые так рьяно нацелились было британские войска...

«Восточная война» в России с участием Англии и Франции корреспондируется по времени и в определенной мере по геополитическим установкам держав с «опиумными войнами» этих держав в Китае, с военной экспансией Франции в Индокитае. Войны промышленных держав на Востоке захватывали целые регионы. Возможно, Большая Восточная война после Крыма распространилась действительно на огромных просторах тогда еще неподколониального мира — от Туниса и Алжира до

Ирака и Афганистана. «Еврейский десант» на Одессу, «сипайский» на Севастополь — оба остались на бумаге, равно как и британско-турецкая экспедиция через Восточную Анатолию на юг Каспийского моря, во владения персидского шаха.

Может быть, это была не столько Крымская, сколько действительно мировая Восточная война. Современники именно так и называли события 1853–1856 гг. Вспомним, что современники называли по-своему, т. е. Великой войной, Первую мировую. Кто будет жить, тот будет изучать.

Можно с убедительностью констатировать, что после 1856 г. ни Запад, ни Россия, ни Восток (как Ближний — Средний, так и Дальний) не возвратились к средневзвешенной устойчивости, установленной Венской системой и Священным Союзом 1815 года.

В центре событий, породивших новые форматы отношений держав и методы реализации принципиально иных, по сравнению с доиндустриальной эпохой, интересов держав, оказались Россия и ее ближайший на Юге сосед — Турция.

Отношения между Петербургом и Стамбулом в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в. стали объектом и инструментом политических, религиозных и военно-экономических маневров великих держав, а итогом стала русско-турецкая локальная война 1853 г., быстро переросшая в мировой конфликт 1854–1856 гг. Поскольку противостоявшие в конфликте стороны — великие державы (Англия и Франция) и Россия — сделали именно Османскую империю зоной столкновения интересов, обобщенно именуемого «обострением Восточного вопроса», логично будет всякий раз просматривать восточную политику России с учетом ее интереса в Европе и наоборот.

П. С. Нахимов. Труженик войны

*Посвящается 150-летию окончания
Крымской (Восточной) войны*

Война в истории России есть тяжкий труд всего народа. Жизнь и воинские подвиги замечательного российского флотоводца Павла Степановича Нахимова (1802–1855) слиты в скромном до самоотречения ратном труде во имя Отечества и флота.

Еще гремели залпы наполеоновской поры, когда сын отставного майора и средней руки смоленского помещика Павел Нахимов был зачислен в Морской шляхетский (дворянский) корпус. Пока — кандидатом.

Шел 1813 год. Российская армия держала Заграничный поход, преимущественно пеший. Однако морская слава России времен Ф. Ф. Ушакова и новые задачи защиты морских рубежей подвигали дворянских недорослей, особенно из небогатых семей, искать место на военно-морской службе через престижный и полностью за счет казны содержавшийся Морской корпус.

Дворянское происхождение было обязательным. Началам арифметики, русского и иностранных языков мальчики должны были быть обучены. Отцов и сыновей привлекало не только вполне пристойное казенное содержание и традиционно высокий уровень образования моряков, но и ревниво охраняемое начальством равноуважительное (по заслугам и усердию не отцов, но сыновей) отношение к мальчикам — независимо от родовитости и принадлежности к тому или иному толку христианства.

Шесть лет в корпусе пролетели в напряженной учебе: Павел числился в лучших. Рядом были друзья — оставивший потомкам бессмертный «Живой словарь великорусского языка» Владимир Даль, проводивший в вечность А. С. Пушкина, и «чистая душа, прозрачный, как Адриатика

на рассвете» Дмитрий Завалишин, поэт и будущий декабрист, в конце жизни — адмирал.

В начале января 1818 г. Павел Нахимов закончил Корпус. По успехам в науках и практике он шел шестым из ста десяти. Из их «шестерки» в истории флота и в памяти российской остались лишь он да гидрограф М. Ф. Рейнеке. Определенный на Балтику мичман П. С. Нахимов несколько лет, которые позднее он назвал «премерзейшими», провел в Кронштадте: то стоял «при берегу» в составе 23-го экипажа, то томился «в стоянии на рейде». Балтийский флот был в небрежении у императора. Нахимов скучал, хирел... выпивал. Аттестации были, впрочем, преотменные: «к службе усерден и знающ... поведения благородного, в должности усерден... исполняет с расторопностью...»

Настоящая служба началась в 1822 г. на военном фрегате «Крейсер» под командованием одного из первооткрывателей Антарктиды М. П. Лазарева.

Во время кругосветного перехода из Кронштадта, вокруг мыса Доброй Надежды и мыса Горн к берегам «русской Америки», т. е. к владениям Российской Американской компании, завершилось формирование основных черт личности и профессиональных качеств П. С. Нахимова. О первых записал в своем дневнике сослуживец Нахимова Михаил Бестужев: «Он сильно чувствует, но слов не теряет... Впрочем, моряки вообще более других замыкаются в самих себе...»

Павел Степанович поражал сослуживцев собранностью, замкнутостью и обостренным вниманием к нуждам экипажа, «нижних чинов», которых его кумир Лазарев, казалось, вовсе не замечал. Молодой офицер все время пополнял знания, учился «на походе». Так, во время стоянки в Лондоне Павел Степанович, отказавшись от обычных для «расслабляющихся» офицеров увеселительных мест, долгие часы проводил в Библиотеке Британского музея, в отделе карт. Общался со стариками-матросами, доживавшими в доме ветеранов, уточнял памятные им детали сражений великого британца Горацио Нельсона, на свое мизерное лейтенантское жалование скупал карты, астролябии, справочники... Едва не погиб, спасая на учебной стрельбе оплошавшего канонира. Нормальная палубная служба...

Беспощадный в своей требовательности Лазарев оценил молодого лейтенанта: «Он единственный [на «Крейсере». — *В. III.*], кому вся жизнь — море, и ничего, кроме моря...». Орден Владимира 4-й степени открыл череду высоких наград П. С. Нахимова. И что было дороже всего — пришла полная доверительность со стороны прославленного адмирала.

Шел декабрь 1825 года. Была Сенатская площадь. Среди декабристов стояли друзья... Мысли Павла Степановича на деликатный сей предмет: «бунтовать, не бунтовать вместе с флотскими друзьями», — остались неизвестными.

Известно, однако, что он досадливо отмахнулся от предложения престижной службы в Петербурге в Гвардейском флотском экипаже (уже после декабрьского восстания) и убыл в Архангельск. Там под командованием Лазарева принял деятельное участие в строительстве новых кораблей. На одном из них — линейном корабле «Азов», которым командовал Лазарев, ушел в Средиземное море, на явно близившуюся войну с Турцией.

Эта работа дала столь полное знание материальной части парусного флота, что, будучи уже при адмиральских чинах, после Синопа, прославившись на флоте и в России, Павел Степанович, нет-нет, да и брал в руки «струмент» и «укорял» передового корабельного плотника, но не крепким флотским словом, а спорым и точным ударом — долота ли, топора ли, — в нужное место. Услышал как-то Павел Степанович неторопливый матросский говорок на полубаке, где отдыхали матросы: мол, нашему Степанычу да вольную взять от флота и с его по плотницкой части мастерством пойти по Руси-матушке, сколько бы изб, хором-теремов поставил!.. Павел Степанович, возможно, тогда и произнес свое знаменитое:

— Да-с, не задалось: ни семьи, ни избы. Всей жизни — море. Так-то! Отдыхайте, братцы...

Сражение в Греческой бухте Наварин (Новарино) 8 (20) октября 1827 г. в составе англо-русско-французской эскадры против турецко-египетского флота принесло Нахимову известность на флоте как бесстрашного, хладнокровного командира, умелого организатора убийственной для неприятеля дуэли корабельных батарей. За Наварин Нахимов получил «от своих» орден Святого Георгия 4-й степени, производство в капитан-лейтенанты и новенький трофейный корвет в командование. От союзников — исключительно почетные награды: британский орден Бани, французский орден Почетного легиона и греческий орден Спасителя. Это свидетельствовало о международном признании боевых заслуг молодого офицера.

Что произошло? Сам Нахимов о Наварине обмолвился (эпистолярно) лишь однажды в письме к другу М. Ф. Рейнеке: «О любезный друг! Кровавопролитнее и губительнее этого сражения едва ли флот имел. Я не понимаю, как я уцелел».

Сражение действительно было из тех, что определяют карту мира. Дело в том, что с весны 1821 года Греция была охвачена национальной

войной за освобождение от четырехвекового османского ига. К осени 1827 года перевес сил был на стороне повстанцев, но вмешался египетский правитель Мухаммед Али-паша, имевший гораздо более сильную, чем турецкие каратели, армию и самый современный флот.

Египетский паша, формальный вассал Османской Турции, вынашивал планы занять на Ближнем Востоке и в Средиземноморье место своего ослабевшего сюзерена — турецкого султана. Рубить греков-бунтовщиков означало для Мухаммеда Али сделать решительный шаг к господству на всем пространстве Восточного Средиземноморья и фактически отрезать турецкого султана от его владений на Балканах. Это коренным образом изменило бы ситуацию в Южной и Восточной Европе, едва-едва успокоившейся после бурь наполеоновских походов.

Державы Священного Союза — Россия и Франция, а также формально не входившая в Союз Англия по букве Венского договора 1815 г. должны были сохранять неизменность легитимного порядка, включая власть османского султана, — *статус кво* в Европе.

Складывалась парадоксальная ситуация. Державы были обязаны предотвратить вторжение египтян в еще подвластную Стамбулу Грецию, но при этом надлежало пересечь избиение карателями греков, провозгласивших свое отделение от Османской империи.

Англо-французская эскадра первоначально намеревалась только предотвратить высадку египетского десанта в Наваринской бухте, только заблокировать смешанную турецко-египетскую эскадру. Тогда бы Лондон и Париж имели время оказать политическое давление на Стамбул и Каир, решить греческий вопрос в свою пользу. Николаевская Россия жестко требовала остановить резню повстанцев-греков.

Русская часть объединенной эскадры имела предписание «действовать по обстоятельствам, но с решительностью». Приказ был доведен до сведения всех офицеров малочисленной, но хорошо обученной русской эскадры. Среди них был и лейтенант Нахимов.

На русском флагмане «Азов», к строительству которого он «приложил руку и часть души», Павел Степанович командовал, или, как сказано в реляции, «находился при управлении всеми парусами и орудиями на баке». Именно орудия Нахимова подавили левую бортовую артиллерию турецкого флагмана Тахир-паши и тем внесли замешательство в действия противника (флагман смолк, и турки дрогнули).

«Азов» удачно поймал ветер и буквально прорвал строй вражеской эскадры. Вот тут-то Нахимов и его люди «поработали с двух бортов»,

сметая шквальным огнем такелаж и живую силу — палубные команды турок и египтян. Когда флагманская «Азия» английского адмирала Э. Кодрингтона оказалась зажата двумя «египтянами», только орудия Павла Степановича предотвратили неминуемую гибель «британца»...

«Казалось, весь ад разверзся перед нами», — писал через пару дней Нахимов. В этом бою Нахимов, как сказано в наградном представлении, «действовал с отличною храбростью и был причиною двухкратного потушения пожара...». Суровый М.П. Лазарев после боя обнял Нахимова (небывалое дело!) со словами: «Ты дважды спас жизнь нам всем, а мне — честь». В Наваринском сражении окрепла дружба трех «азовцев» — М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, П. С. Нахимова.

Египетский десант был сорван. В 1828–1829 гг. Россия разгромила турок, и в 1830г. Греция была признана суверенной державой.

Сам Нахимов получил еще одно признание, которое многого стоит. С Наваринского сражения на российском флоте он стал известен просто как... Павел Степанович. И только! На флотах так именовали с полтора десятка командиров: Федор Федорович (Ушаков), Дмитрий Николаевич (Сенявин), Михаил Петрович (Лазарев)...

В 1830-х –1840-х гг. продолжалась с небольшими перерывами (лечение в Германии и Англии, «стояние» на Балтике) палубная служба Нахимова на Черном море. Контр-адмиральский флаг он поднял в 1846 г. в разгар Кавказской войны (1818-1864).

События ее разворачивались в основном в горных районах Дагестана, Чечни, Ингушетии. Черноморскому флоту досталась не слишком заметная, но крайне напряженная крейсерская сторожевая служба вдоль всего побережья Западного Кавказа — от устья реки Кубань до города Потти.

Нахимов командовал отрядом, дивизией, отдельной эскадрой кораблей. Он обеспечивал точное взаимодействие российских сухопутных войск, сражавшихся с мюридами Шамиля, предотвращал поставки оружия горцам через Стамбул, Синоп, Трабзон из Англии и Франции, отвечал за гидрографическое обеспечение десантных операций, т. е. его корабли детально картировали районы боевых действий, а затем и весь театр боевых действий.

Можно с уверенностью сказать, что для П. С. Нахимова не было ни одной неизвестной, не занесенной на точные карты бухты или мели от Синопа до устья Кубани. Блестящая Синопская операция 1853 г. была обеспечена годами кропотливой «черновой» работы флотоводца в период Кавказской войны. С экипажами отрабатывались все возможные опера-

ции с парусами в бухтах и вблизи скалистых берегов, а с комендорами — слаженность огневой поддержки десанта.

Обеспечивать скрытность переходов кораблей от турецких и западных соглядатаев, добиваться управляемости сухопутных сил и флота в условиях горной войны (!) — все эти действия, ставшие славой русской военной науки, приходилось выполнять в сложных международных условиях. В 1840-х гг. Англия и Франция, стимулируя военные реформы в Турции, всячески разжигали реваншистские настроения в стамбульской верхушке и сепаратистские устремления среди части горских племенных вождей Кавказа.

Павел Степанович деятельно участвовал в воспитании у моряков-черноморцев того, что он называл «запальчивым энтузиазмом экипажа». Речь шла о высочайшей мореходной выучке, помноженной на сознательное выполнение поставленных боевых задач. И это касалось всех — от командиров линейных кораблей до каждого матроса или канонира.

Историк флота и очевидец многих событий войны 1818–1864 гг. и Крымской войны М. И. Скаловский писал, что в напряженные предкрымские годы П. С. Нахимов стяжал всеобщую любовь морского сообщества. «Он был искренне любим всеми моряками, как офицерами, так равно и матросами... Если молодой матрос, млея от восторга и усердия, норовил “во фронт встать”, да еще фуражку сдернуть, Павел Степанович только махал рукой, иди, дескать, действуй. Иногда и выговаривал: “Что вы мне кланяетесь?.. Смотрите лучше за своим делом-с”». Сам Нахимов писал: «Матросы любят и понимают меня; я этой привязанностью дорожу больше, чем отзывами каких-нибудь чванных дворянчиков...».

От Греческой войны и Наварина до долгой Кавказской войны и Синопа крепло внутреннее взаимопонимание адмирала Нахимова и его подчиненных. Без этого Севастополь не устоял бы в роковые 1854–1856 гг.

В Крымскую (Восточную) войну 1853–1854 гг. с коалицией держав в составе Англии, Франции, Сардинии и Османской империи Россия оказалась вовлечена с той же неумолимой предопределенностью, с какой свершаются все глобальные катастрофы.

Противостояние Англии и Франции, вступивших в эпоху промышленного капитализма, требовавшего устранения любых потенциальных конкурентов на рынках Востока и Южной Европы, и с другой стороны — крепостнической России, в своем развитии отстававшей от Запада на эпоху, но упорно

отстаивавшей мнимое право, опираясь на многочисленную (но технически слабую) армию, диктовать свои варианты решения ряда международных проблем (Святые места в Палестине, ситуация в Дунайских княжествах и др.), проявилось, однако, не в Европе, а на Кавказе и на Дунае.

Война 1853–1856 гг. началась как русско-турецкая. Модернизированная английскими и французскими инструкторами, оснащенная современным нарезным оружием, только единичные образцы которого имелись у русских, османская армия стремилась взять реванш за многочисленные потери в русско-турецких войнах конца XVIII – первой трети XIX в. Целью турок были Западный и Южный Кавказ, а также весь Крым.

Синопская бухта на турецком, южном берегу Черного моря, идеально защищенная от штормов, десятилетиями служила как мирным целям (русско-турецкая торговля), так и военным (поставки оружия и снаряжения для горских племен Кавказа). К середине ноября 1853 г. в Синопской бухте, где были в то время лучшие в Турции условия для ремонта кораблей, собрались три четверти турецкого флота. В. А. Корнилов, командовавший Черноморским флотом, и П. С. Нахимов, «строго наблюдавший», то есть блокировавший своей эскадрой выходы турок к Кавказскому побережью России, просчитали два варианта событий.

Громада турецкого флота могла обрушиться на слабые укрепления России на западном побережье Кавказа; но могла в один переход оказаться и в виду Феодосийской, вообще незащищенной бухты. Кавказская война грозила перерасти в Большую Кавказскую. Еще более грозной представлялась опасность выхода в Черное море находившихся на рейдах на Босфоре и в Мраморном море англо-французских быстроходных и хорошо вооруженных пароходо-фрегатов. Они могли блокировать русскую Дунайскую армию с моря и нанести удар по Севастополю и Одессе. В этом никто ни в Петербурге, ни на Черноморском флоте не сомневался. Грозила Большая Европейская война.

Оставалось одно — нанести упреждающий удар.

Нахимов провел операцию блестяще. По некоторым поздним воспоминаниям ветеранов-черноморцев, именно Павел Степанович предложил «старому азовцу», а в 1853 году своему командиру В.А. Корнилову внезапным, как в Наварине, ударом разрушить все планы и турок, и их западных советников.

Подоспел из Петербурга Манифест о войне с Турцией и приказ, «чтобы при нападении на турецкие военные суда, стоящие на рейде у Синопа, не было по возможности нанесено вреда городу».

В половине десятого утра 18 ноября 1853 г. «при тумане и дожде, но всеобщем воодушевлении» (так записал очевидец) эскадра Нахимова (8 вымпелов, 720 орудий) начала быстро втягиваться в Синопскую бухту, где турецкие корабли стояли под прикрытием береговых батарей. Без единого выстрела, не отвечая до поры на ураганный огонь противника (520 орудий на 16 турецких кораблях, стоявших на якоре близко от берега, и более 180 на береговых батареях Синопа) корабли эскадры Нахимова вышли на предельно близкое расстояние — прямых бортовых залпов. Нахимов выстроил эскадру так, что одна часть бортов подавляла крепостные орудия, а другая — корабли турок.

Год за годом изучая тактику турок и собирая сведения об их береговых укреплениях от Босфора до Трабзона, Нахимов позволил себе, на первый взгляд, убийственный маневр — идти на огонь. Но турки-то били не по корпусу, а по такелажу, стремясь остановить русские корабли и вызвать пожары. На этом знании турецкой тактики строился расчёт Нахимова. Его корабли, даже теряя паруса, выходили на дистанцию прицельного поражения, и не парусов, а крюйт-камер, пороховых погребов турок. Знал Нахимов и другое. Турки на своих береговых батареях пренебрегали надежными укрытиями для канониров.

И этот урок Нахимов вскоре учел в Севастополе, всемерно оберегая орудийную прислугу. В Синопе береговая артиллерия была подавлена в течение 2-х часов, не более.

Как записал очевидец, «в четвертом часу пополудни турецкий флот оказывать сопротивление перестал». Он был уничтожен меткой стрельбой орудий, использовавших новейшие бомбические зажигательные заряды. Были уничтожены также все береговые батареи. Как база турецкого флота и, возможно, флотов союзников Синопская бухта была выведена из строя на тридцать с лишним лет.

«Синоп-город, — писал Корнилов, — теперь развалина, ибо дело происходило под его стенами, и турки с судами бросались на берег и зажгли их. Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура! Нахимов!»

Еще один урок извлекли Нахимов и Корнилов — через год, в Севастополе, не было пожаров от сознательно выходивших из боя и догоравших на берегу, среди построек, русских кораблей.

Севастополь и вся Россия ликовали и чествовали героя. И по заслугам! Но сам он был хмур. Едва отвечал на восторги и восхваления.

Нахимов узнал по каналам военно-морской осведомительной службы то, что терзало его до конца дней. В Синоп по согласованию с ко-

мандованием англо-французской эскадры, ждавшей на Босфоре повода ворваться в Черное море и напасть на русских, были сведены и хладнокровно поставлены под уничтожение устаревшие турецкие парусные корабли. Понаблюдавший пару часов за исполнением этого дьявольского замысла военно-морской советник при султана англичанин Адольф Слейд (Мушавер-паша) ушел с места сражения на скоростном пароходе-фрегате в Стамбул.

Повод для активизации западной дипломатии и военных был в глазах Европы идеальным: злые русские уничтожили стоявший на якоре флот, сожгли мирный город! Так как же они обходятся со своими горцами! Запад должен вмешаться!

Не прошло и недели, как были завершены затянувшиеся было переговоры о военных займах туркам от банкиров Лондона и Парижа.

Отдельно финансировалось строительство военного парового флота Турции с тем, чтобы «навсегда отбросить Россию от Черного моря». Комбинация была просчитана и решена двумя кузенами — османским султаном Абдул Меджидом и императором Франции Наполеоном III. Первый был внуком Эме де Ривери (жены султана Абдул Хамида I), а второй — внуком Жозефины Бонапарт. Дамы приходились друг другу кузинами и были близки с детства и даже став, одна — османской султаншей Нахш-и диль, а вторая — императрицей Франции, по возможности поддерживали контакты. Таковы свидетельства французских и турецких архивов, которые автор собирает более тридцати лет.

Синопские восторги испарились в России быстро, как выдыхается позабытая бутылка шампанского. В первых числах сентября 1854 г. англо-франко-турецкие уже силы высадились под Евпаторией и двинулись на Севастополь, где, по словам очевидца, «царили общее недоумение и паника жителей... Переполох в это время в Севастополе был ужаснейший». Понадобились вновь исключительная внутренняя собранность Нахимова и его уникальный дар вести за собой людей и при том уметь подчиняться.

По странной прихоти главнокомандующего всеми, то есть морскими и сухопутными войсками на Крымском полуострове светлейшего князя А. С. Меншикова оборона Северной стороны Севастополя была поручена адмиралу В. А. Корнилову. Южная, зажатая между бухтой и морем, — П. С. Нахимову.

Итак, Павел Степанович оказался, во-первых, на суше, которой, как он любил говорить, «по возможности избегал-с»; во-вторых, противостоял плотной блокаде с моря и с суши. После затопления в Севастопольской гавани подавляющей части парусных кораблей Нахимов остался адмиралом без флота. Причем первую свою победу в Севастополе, возможно, самую для него тяжелую, одержал... над старым другом и формально командиром В. А. Корниловым.

Рыцарь моря, романтик боя, В. А. Корнилов требовал выйти на всех парусах навстречу паровому флоту союзников и «разогнать врага на воде». Нахимов отчетливо осознавал самоубийственность и бессмысленность такой жертвы. Он был готов и сделал это — затопил корабли, многие из которых были ему как родные: водил либо строил. Нахимов настаивал: «Стоять нам всем на земле, пока живы, да и после...»

По настоянию Нахимова экипажи затопленных кораблей не были разъединены. Морские батальоны расположились привычным порядком, сообразно, конечно, сухопутному боевому расписанию, но ощущая, как в море, локоть друг друга. И так же привычен был облик обходившего батареи и укрепления «Степаныча»...

«Высокого роста, несколько сутуловатый и не тучный [как многие большие морские начальники. — *В. III.*]; всегда опрятный, он отличался свежестью своих воротничков... скуластое живое лицо выражало всегда состояние духа, мягкие голубые глаза светились умом и смыслом...»

Издалека приметный в своем адмиральском сюртуке с золотым шитьем и сиянием эполет, Нахимов был желанной целью для вражеских снайперов с нарезными дальнобойными винтовками. «Не могу-с иначе, — говорил он, обходя на виду у неприятеля укрепления. — Морской офицер должен быть до последней минуты пристойно званию одет, да как-то это дает мне больше влияния не только на наших [матросов. — *В. III.*], но и на [сухопутных. — *В. III.*] солдат». И был прав. Не парадное декларативное геройство, а смертельно опасная, но нужная всем жителям города-воина работа среди своих, матросов и солдат, рискующих жизнью, как он считал, больше его, адмирала...

Современников поразило, как П. С. Нахимов за считанные недели привел хаос и неорганизованность в налаженный, едва ли не расписанный по корабельному строгому распорядку общий слаженный труд по уверенной и стойкой обороне города. Нахимов не был баловнем Победы, он был ее тружеником. Он верил только в своих «матросиков», в их стойкость и умение побеждать сноровкой и отвагой.

Подсчитать число возведенных заново и ремонтировавшихся за одну ночь укреплений практически невозможно. Моряки, солдаты, ополченцы-горожане стали единым экипажем. На море так: одни стоят у орудейных портов и ведут огонь, другие споро чинят повреждения корпуса, паруса и рангоут...

В марте 1855 г. возведенный в звание полного адмирала Нахимов был назначен исполняющим обязанности военного губернатора Севастополя и перенес мужественную деловитость организованной обороны на весь город. Он добился главного — враг раз за разом откладывал генеральный штурм. При естественной убыли в орудиях и острой нехватке боеприпасов («Воруют-с — даже порох и ядра! Да-с!» — с горечью повторял Павел Степанович) он удачным расположением батарей, прицельностью «пушечной работы», умелыми беспокоящими контр-маневрами нескольких русских пароходо-фрегатов, опираясь на мужество редевшего на глазах гарнизона, повергал англичан и французов в глубокое раздумье о губительности для них, оторванных от своих баз, штурма Севастополя.

Нахимов остановил наступательный порыв мощнейшего десанта тройственного союза.

Он не мог переломить ход заранее проигранной войны, однако мужество моряков и сухопутных войск Севастополя вдохновляли жителей Петропавловска-Камчатского, Архангельска и Соловков, Аландских островов. В Кронштадте матросы говорили: «Ежели англичанка [имелась в виду британская королева Виктория, крайне воинственно настроенная против России. — *В. Ш.*] сунется, прибежит Нахимка — враз успокоит...»

Известия о стойкости Севастополя облетали мир — Лондон и Париж, Вену и Бомбей. Офицеры армии США, буквально умолившие русское командование разрешить им пребывание под огнем, детально на планшетах отобразили систему обороны Севастополя. В период Гражданской войны в США (1861–1865) в ожидании войны с Англией северяне-янки укрепили Нью-Йорк по опыту нахимовских бастионов.

Сипайские части в англо-индийской армии всячески уклонялись от отправки в «гибельный Севастополь». Так и не двинулся с места дислокации (в районе нынешнего Тель-Авива) ударный еврейский корпус, сформированный и снаряженный на деньги банка Ротшильдов. Корпус должен был после падения (как предполагалось, скорого) Севастополя двинуться через Крым на Киев, «поднять Украину и освободить Польшу». Турецкие, самые боеспособные и умелые бойцы, адаптированные к местности и

климату, понесли огромные потери и были в основной массе переброшены на Кавказское побережье, где и застряли...

Вязкая оборона основных укреплений Севастополя, удачное сочетание морских рейдов и скоординированных действий на суше перемалывали силы наступавших союзников. Крымская кампания имела шансы перерасти в новую Отечественную войну. Какое место занял бы тогда Нахимов, можно только предполагать. Такой сценарий пугал и Петербург, и западные столицы.

28 июня 1855 г., в канун праздника Святых Петра и Павла, на 300-й день после высадки союзников в Крыму и на 267-й день бомбардировок Севастополя, Нахимов был смертельно ранен в голову снайперской пулей из дальнобойного штуцера. К этому времени погибли его ближайшие друзья и сподвижники адмиралы Корнилов и Истомин...

Его похоронили под рокот боевых корабельных барабанов, игравших «полный поход» — высшая посмертная честь моряку «за военные отличия». Павла Степановича осеяли два адмиральских флага — по званию, и один — кормовой флаг с корабля, на котором Нахимов был при Синопе.

Павел Степанович был погребен 1 июля 1855 года в склепе собора Св. Владимира рядом с Лазаревым (тот скончался в 1851 г.), Корниловым, Истоминным.

Пал под ударами превосходящих сил Малахов курган, многие другие укрепления. В полном порядке, сохраняя знамена и оружие, бережно вынося всех раненых, нахимовские герои покинули пепелище Южной стороны и отступили на Северную сторону.

Армия, Флот и Россия еще могли сражаться и победить. И не только на Юге, ее противники — не столько военные, сколько политические и финансовые — это прекрасно осознавали.

Последовали мирные переговоры в Париже. Заключенная там система соглашений получила название Парижской. Ключевую роль в ней играли взаимоотношения царя и султана — повелителей Черного и Средиземного морей... Однако Россия утратила (на пятнадцать лет, до 1871 г.) право держать военный флот на Черном море.

Возрождался новый, паровой флот России с именем Павла Степановича Нахимова, флотоводца, великого труженика во имя морской славы Отечества.

Раздел 2

Первая мировая война

Россия и Турция в канун Первой мировой войны в документах русских и турецких спецслужб

Устойчивый, систематический сбор сведений военного, экономического и культурно-политического характера о Турции и турках фиксируется автором этих строк со времен создания (по инициативе А. В. Суворова) осведомительной службы по османской армии М. И. Кутузовым в 1793–1794 гг. Аналогичную деятельность в Османской империи предпринял по приказу Селима III вице-адмирал османского флота Васыф Шермет-бей на рубеже 1780–1790-х гг. Позднее эта деятельность то угасала, то раздувалась властями обеих стран¹. Все определяли изменчивые военно-политические и экономические факторы².

Турецкие разведслужбы (личная султанская и вторая — общевойсковая) начали собирать корректные сведения (вне обычной для турок XVIII–XIX вв. «коллекции слухов») под влиянием неудач России в войне с Японией. Есть новейшие данные турецких архивов, что к этому секретных эмиссаров Абдул Хамида II, известных в Стамбуле под наименованием «джурналджи», подвигли японские агенты в Османской империи уже в 1904–1906 гг.³

¹ Шермет В. И. *Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты*. М.: АВИАР, 1994. С. 66–70. Документы см.: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1117. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–8, 50–58 об. «Сведения из Константинополя»; там же. Ф. 19. Оп. 4. Д. 121. Л. 78–110. «Описание пути...».

² Шермет В. И. *Война и бизнес. Власть, деньги и оружие: Европа и Ближний Восток в Новое время*. М.: ТБС, 1996. С. 123–148, 521–527. Документы см.: Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. Военно-ученый архив (ВУА). Д. 9468. Ч. 1–2; Российский государственный архив Военно-морского флота (далее РГА ВМФ). Ф. 19. Оп. 4. Д. 125. Л. 30–31 об., 113–113 об. Сведения, поступавшие по линии генерал-квартирмейстерского отдела Штаба Действующей армии; там же. Ф. 19. Оп. 4. Д. 324. Агентурные сообщения из Константинополя.

³ Engin V. *II Abdulhamid ve Dış politika*. İstanbul, 2005 (Абдул Хамид II и внешняя политика). *Sultan II Abdulhamid'in Arşivinden Dünya*. İstanbul, 2010 (*Султан Абдул Хамид II и мир по архивам*).

В России формировать специальный «альбом» — сборник документированных данных разведуровня начал Осведомительный отдел Кавказского военного округа в 1905 г., когда в Петербурге были получены первые данные о тайной организации в среде офицеров Македонской группировки войск Османской империи (офицеры-младотурки)⁴. Балканские войны Турции с соседями заставили Генеральный штаб плотно заняться сбором и анализом данных о турецком военном потенциале.

Сбор информации об османах активизировался и уточнялся с осени 1913 – весны 1914 года. Инициатива составления «панорамного освещения» Турции принадлежала, во-первых, руководителю военно-морской, наиболее действенной части русской разведслужбы на Ближнем Востоке в 1909-1915 гг. А.Н. Щеглову. Во-вторых, генерал-квартирмейстеру Ставки Верховного главнокомандующего — шефу военной разведки генерал-лейтенанту Ю. Н. Данилову⁵.

Генерал Ю. Н. Данилов, находясь в плену предвзятых мыслей (сложившихся, впрочем, на основе сообщений от своей резидентуры), считал, что Стамбул не имеет альтернатив военной политики. Только в русле и в лоне союза с Германией и Австрией. Данилов предложил Генеральному штабу свое видение перспектив конфликта с Турцией. Иного развития событий он вообще не увидел. По моему мнению — не захотел увидеть, положив под сукно доклады А. Н. Щеглова, сообщавшего о наличии в Турции серьезной «мирной партии»⁶.

Данилов считал, что операционной базой османов будет район Эрзерум — Карс — Тифлис. В основе его убеждения лежали не новейшие разведданные и донесения из Стамбула 1912 – начала 1914 г., а общий анализ военных действий между Россией и Турцией в 1853–1856 и 1877–1878 гг.⁷.

⁴ Очерки истории внешней разведки. Т. 1. М.: Международные отношения, 1996. С. 229.

⁵ См. Записку Ю. Н. Данилова о вариантах военных действий Тройственного Союза против России от 10 апреля 1914 г. Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1118. Л. 101–101об. Об А. Н. Щеглове и его донесениях см.: РГА ВМФ. Ф. 898 (личные бумаги); о подготовке России и Турции к войне: Ф. 401, 404, 417, 418. Шеремет В. И. *Босфор: Россия и Турция в период Первой мировой войны. По документам военной разведки*. М.: ТБС, 1995. С. 7–51; 2-е изд., испр. и доп. М.: Истоки, 2007. Шеремет В. И. «Средств личных вовсе никаких не имею. Силы и умение положил на служение Отечеству». *Спецслужбы и человеческие судьбы*. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 9–46. Малевинская М. Е. *Военно-морские рапорты как источник по истории Азии во второй половине XIX – начале XX века* (по материалам РГА ВМФ). Автореф. дисс. ...канд. истор. наук. М., 2004.

⁶ Шеремет В. И. *Босфор*. Изд. 2. С. 92–101.

⁷ Зайончковский А. М. *Подготовка России к мировой войне*. М., 1926. С. 23–25.

Определенные основания для оказавшихся далеко не оправданными выводов у шефа военной разведки, признаем, были. Это и нелояльность к османам армянского и курдского населения Карского вилайета (это исторический факт), и активное строительство властями Османской империи дорог широтного направления через Карс. В России это строительство восприняли как своего рода дубль Багдадской железной дороги к Абхазии, Аджарии, к «русской» Грузии. В действительности речь шла о широтных магистралях транс-анатолийского торгового пути Стамбул — Тебриз — Северо-Западная Индия.

Русская военная контрразведка⁸ своевременно получила сведения, но не сумела оценить масштабы и роль японских «наблюдателей» и советников при турецких штабах в этом регионе в 1904–1914 гг. Сказывалось и пренебрежение к «азиатам», будь то турки или японцы — все едино, «что они понимают», «они всегда нам враги». Кроме того, только в 1908 г. при директоре Департамента полиции М. И. Трусевиче была создана контрразведывательная комиссия из числа чинов Военного министерства и МВД для противодействия «турецким розыскам на русском Кавказе». Жандармское, по составу, начало этой комиссии, ее заданность на искоренение «революционной заразы» в России и в младотурецкой Анатолии объясняют непонимание либо нежелание видеть суть событий в сопредельных районах Российской и Османской империй.

Российские военно-морские агенты и отдельно — агенты военные акцентировали в своих донесениях за 1908–1913 гг. (сводных аналитических справок пока обнаружить не пришлось) следующие представления с мест.

В Европейской Турции и в Западной Анатолии идет нарастание экономического, а после укрепления власти младотурок — и военного влияния Германии. Отмечается общий рост благосостояния в христианских селениях и кварталах городов в Европейской Турции при падении уровня жизни мусульман. Военно-морские агенты опирались на торговую статистику турецких портовых властей и подчеркивали, что «торговые обороты и особенно перспективы таковых с Югом России и российским Кавказом затмевают все, касаемое войны за потерянный [в 1783 г. — *В. III.*] Крым, Анапу и прочее... В портовых городах стало заметно процветать больше купцов-турок, и все за счет посредничества торговли России с Западом. [...] Торговец-турок боится даже не войны с Россией, а даже вскользь брошенного воинственного намека. От воинствующих, а это больше нищие

⁸ Положение о контрразведывательных отделениях при армейских штабах, инструкция начальникам КРО и штаты КРО были утверждены военным министром В. Сухомлиновым 8 июня 1911 г. после затяжных двухлетних дискуссий в полицейском и военном ведомствах.

дервиши и бродячие музыканты, скорее отодвигаются, не забыв бросить пару пиастров. Турки в обороте [с Россией. — *В. III.*] войны страшатся больше, чем христиане. Говоря при том, что христианам есть куда бежать или хватать второй паспорт [двойное и пр. подданство. — *В. III.*], а нам — мусульманам — куда? Арабы нас, турок, ненавидят, в Боснии [исламизированной. — *В. III.*] голодно и приюта нет... Мир — наше спасение...»⁹.

Иные настроения наблюдались в Восточной Анатолии. В исходе лета 1908 г. врио начштаба Кавказской армии генерал Н. Н. Юденич докладывал «наверх», что, по данным разведки, в Карсе де-факто сложилась мощная турецкая резидентура, хотя таковых органов турецкая армия еще не знала. Хорошо образованный, энергичный пограничный комиссар по службе и — негласно — глава резидентуры в Карсе Хасан Фахри-бей заблаговременно, как считал Юденич, собирал чисто военную информацию в пограничье Ольты — Саракамыш, действительно ставшем в 1915–1916 гг. зоной напряженных боев. Однако отмечалось, что параллельно Фахри-бей ведет работу с очень дальним прицелом. «Готовит настроения в пользу турок» в смешанных по национальности селениях на русской стороне — в десятках, а то и в сотнях верст вглубь российской территории; ведет политическую панисламистскую пропаганду под видом культурно-религиозной работы близ Тифлиса и даже дальше, на Северном Кавказе. Деятельно формирует антирусские настроения, развивая идеи пантюркизма и духовной власти османского султана-халифа; засылает своих агентов в Поволжье и Среднюю Азию. В Стамбул сообщает данные о якобы массовом недовольстве всего Предкавказья и Поволжья, причем и мусульман, и немусульман, властью Петербурга...

Хасан Фахри-бей деятельно, но, как стало ясно позднее, в 1915–1916 гг., сугубо неверно формировал у своего стамбульского командования образ готовых восстать против ига России тюркских этносов Юга и Кавказа. Работал ли он на члена младотурецкого триумvirата, военного министра Энвер-пашу, будущую «среднеазиатскую надежду» В. И. Ульянова-Ленина (в 1920–1921 гг.) и эмира басмачей Средней Азии (в 1922–1923 гг.)? Пока не ясно.

Интересно, что при Фахри-бее подвизался пылкий молодой дервиш, талантливый сказитель и толкователь Корана Саид Нурси. Этот человек станет с годами «певцом туранизма» и столь яростным апологетом воинствующего джихадизма, что уже в наши дни его учение «нурджу-лук» («светоносность» ислама) будет запрещено как экстремистское. И в

⁹ Здесь и далее цитаты приведены по донесениям А. Н. Щеглова. См.: Шеремет В. И. *Босфор*. Изд. 2. С. 60–94.

современной Турции, и в Российской Федерации. Фактически на сотню лет вперед заглянули идеологи — разведчики эпохи младотурок! Оценить это дальнейшее направление младотурецкой разведки в русском Управлении генерал-квартирмейстера не смогли.

Русский военный агент в Стамбуле полковник И. А. Хольмсен и посол Н. В. Чарыков писали в Петербург как об отдаленной опасности о деятельности исламских проповедников в тюркоязычных районах России и далее до Афганистана и Индии; сходные данные сообщал военно-морской агент А. Н. Щеглов¹⁰.

Что же касается предметной «военно-разведывательной» деятельности турецких спецслужб в зоне ответственности русской Кавказской армии в 1913–1914 гг., то она, как свидетельствуют буквально все исследователи, отечественные и турецкие, была парализована русскими спецслужбами. Реальной картины русского Закавказья в военном плане турецкие агенты создать не сумели.

Следует отметить, что оценки текущей и перспективной ситуации в отношениях между Турцией и Россией, взгляды на баланс сил в Европе и на Востоке, на позицию России существенно различались в зависимости от ведомственной принадлежности их составителей. Турецких армейских офицеров, занятых в разведывательной службе, интересовало, что естественно, создание оперативной картины главного, как полагало военное ведомство Турции, — Кавказского театра военных действий. О единичном случае перспективного видения и глубокого внедрения агентов влияния панисламистов и пантюркистов мы упомянули, но это особая тема. У турецкой *военной разведки* кавказско-анаатолийского и европейско-черноморского направлений не было сомнений ни в том, какая страна будет противником, ни в том, что война, и «очень большая» (Энвер-паша), неизбежна.

Образ военной России формировался как образ изначально ослабленного противника. Причины слабости — тяжелая война на Дальнем Востоке; внутренняя нестабильность как следствие сложных и не понимаемых русским крестьянством (как полагала турецкая разведка) реформ П. А. Столыпина; вялость военных преобразований, низкая боеспособность русских резервных, запасных частей; крайняя слабость мобилизационно-организационной деятельности Генштаба: большое германское влияние на высшее военно-дипломатическое руководство России, отсутствие либо крайне низкая эффективность шоссейно-железнодорожной

¹⁰ РГВА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 63, 78, 626; там же. Оп. 1. Д. 3827 и др. Шеремет В. И. *Босфор*. Изд. 2. Приложения.

системы и т. д. При этом отдавалось должное моральным, особенно религиозно-патриотическим и коллективистским чертам рядового состава русской армии и отчасти офицерства. Вывод был очевидный: *в этой войне младотурецкая по духу, обновленная и оснащенная Германией османская* (именно так!) *армия одержит победу. По крайней мере, на Кавказе.*

Иначе выглядели оценки и выводы дипломатов, служивших в России, Австро-Венгрии, балканских странах. Младотурки по формальному участию в движении «Единение и прогресс» или по близости к его руководству, на 90 % военные по образованию, чаще всего полученному в Германии, и по предшествующей деятельности, эти дипломаты многие события в России кануна войны видели иначе, чем их товарищи, в буквальном смысле, из военных органов. Видели больше, шире, возможно, глубже. Настроены были по-другому.

Ограничимся мнениями двух турецких послов — в Петербурге и в Вене. Фрагменты их личной переписки в копиях, частично дешифрованной в 1914–1915 гг., частично — автором статьи в наши дни, дошли до нас благодаря искусству сотрудников Морского генерального штаба (до осени 1917 г.), а затем архивистов нового советского государства.

Из числа «фракийский лъвов» — младотурок были оба. Посол в Вене Хюсейн Хильми-паша и его друг, посол в Петербурге Ниязи Фахретдин-бей. В целой череде писем Хильми-паша обращал внимание своего петербургского коллеги и друга на бесперспективность упований России в возможных конфликтах на Юго-Востоке Европы на христианских подданных Стамбула, как это было в прошлых войнах. Сейчас (1913 г.) все они обрели национальные государства и ждут помощи скорее от Запада.

Другая опасность — беженцы-христиане, но особенно турки-мусульмане как следствие Балканских войн. «Турецкие беженцы, — писал Хильми-паша, — хлынули в Восточную Анатолию из бывшей Европейской Турции, а там их не ждали... Они опасны, ибо могут стать орудием в руках любого, кто пообещает им вернуть земли на Балканах... Они — символ и провозвестник крушения самой Турецкой империи».

Переселенчество и фанатизм утративших родной очаг людей — часть национального горя Турции, но если грянет война и на дорогах Восточной Европы и Юга России появятся еще миллионы славянских беженцев, то «рухнут многие кабинеты». Так писал из Вены Хильми-паша.

«Нет, право, — делал он вывод, — нельзя воевать на Балканах. Нельзя!»¹¹.

¹¹ Цит. по: Шеремет В. И. *Босфор*. Изд. 2. С. 50.

В июне 1914 г., т. е. до сараевского убийства, Хильми-паша поделился с Фахретдин-беем своим планом предотвратить *возможную войну в Европе*. Надо создать союз России, Турции и молодых славянских государств с возможностью присоединения любого другого государства. Цель — предотвратить вторжение Австро-Венгрии на Балканы, ибо это, как считал посол, станет началом страшного пожара, который может уничтожить сразу три империи — Османскую, Австро-Венгерскую и Российскую...¹²

Хильми-паша делился с другом резкой оценкой панисламизма младотурецкого руководства, как не оправдавшего себя в идее халифата османского султана, так и особенно вредного в «напряжении умов и сил на Балканах и в России сейчас», т. е. в 1914 году.

Из переписки послов удалось выяснить, что, помимо воинственного и русофобски настроенного Энвер-паши (его настроения, однако, не помешали ему после падения своего правительства бежать в Советскую Россию), в руководстве младотурок имелись (1913–1914) люди, стремившиеся избегать любых осложнений с Россией. Они были готовы до середины 1920-х гг. занимать выжидательную позицию на Востоке и в Европе; активизировать ее в 1930-х; к концу 1940-х – началу 1950-х занять прочное лидирующее положение на Балканах и Ближнем Востоке. Все — при сохранении мира с Россией. Правда, и здесь планировалось то, что в переписке послов деликатно называлось «активной политикой среди тюркоязычного населения России и балканских стран...»

В отношении царского правительства послы полагали, что ситуация достаточно прочна в политическом смысле, но закончит перевооружение Россия только к середине лета 1917 года. «Поэтому, — писал в Вену, опираясь на беседы с русскими генштабистами, Фахретдин-бей, — воевать раньше этого срока не входит в планы русских»¹³.

Турецкий посол в Петербурге горько сетовал на своего атташе по военно-морским делам (1911–1914), некоего Али Мухтар-бея, в 1908–1911 гг. адъютанта самого Энвер-паши. И было на что сетовать. Атташе сверял свои шаги в русской столице не со своим послом, а с посланником Австро-Венгрии. Депеши Мухтар-бея в Стамбул содержали преимущественно «поношения» в адрес свиных отбивных, черной икры и слишком крепкой русской водки, сетования по поводу излишне долгих праздников в конце одного года и начале нового ... Нет, русские не хотят, просто не смогут воевать! «Мы, турки, будем воевать! Или все совершенно погиб-

¹² Там же. С. 53.

¹³ Там же. С. 54.

нем, или отыграем великую славу Дома Османов! Война, война! Скорее! Русские уже на Босфоре!». Так обобщили позицию турецкого атташе умельцы из Осведомительного отдела, знакомясь с письмами Мухтар-бея.

Посол Фахретдин-бей, человек трезвый (во всех смыслах) и осторожный, категорически отрицал возможность положительных для Турции перспектив в войне с Россией, отвергая саму возможность поднять «сразу и вдруг» мусульманское население России на войну.

В конце лета – начале осени 1914 г. он писал в Вену: «Я не раз зондировал русских, не считают ли на Певческом мосту [где был расположен МИД. — В. III.] турок более удобными и менее капризными союзниками, чем тех, с кем связывают Россию скорее исторические реминесценции, чем политические и военные реалии XX века?» И сам отвечал: «Русские не доверяют болгарам; к румынам их доверие также сильно поубавилось, как, впрочем, и к грекам... Нам, туркам, верят менее всего»¹⁴. Тут, видимо, Фахретдин-бей глубоко вздохнул, перо дрогнуло в крепкой руке, привычной к поводьям, — посол упорно пользовался в Петербурге изумительным аргамачом, демонстративно пренебрегая новехоньким «Руссо-Балтом». Бумага письма чуть прорвалась, появилось небольшое чернильное пятно, аккуратно присыпанное тончайшим песком с золотыми блестками.

Посол с полным основанием полагал, что Османская империя будет проигравшей стороной при любом исходе мировой войны. «Победа русских повлечет за собой в будущем разрешение вопроса о Проливах [Босфоре и Дарданеллах. — В. III.] и предъявление некоторых других требований. Естественно, — продолжал он, — что после [тут он, видимо, долго выбирал слово — поднятое перо подсохло, и на бумаге последовал сухой росчерк, затем обведенный с очевидным нажимом. — В. III.] умаления Австрии русские станут хозяевами на Балканах». Ниязи Фахретдин-бей призывал своего венского корреспондента и, пожалуй, стамбульское руководство крепко, как он выразился, призадуматься над опасностью окончательно утратить позиции на Балканах.

«Если русские и победят [Ниязи Фахретдин-бей был очень турком и отнюдь не желал видеть традиционного противника в числе победителей. — В. III.], то между Россией и Англией, которые ныне случайно объединились против общего соперника — Германии, тотчас произойдет естественное охлаждение». В итоге нового этапа соперничества Англии и России неизбежно и очень серьезно пострадает Турция.

¹⁴ Там же. С. 55.

«Если верх возьмет Германия, — рассматривал он иной исход войны, — то разве могут быть сомнения в том, что немцы сделают из Турции второй Египет, после того как захватят в свои руки правление»¹⁵.

Он очень хорошо знал ситуацию, этот элегантный, подтянутый красавец-турок, победитель шутивого конкурса петербургских дам на самые красивые мужские усы. Кто еще из послов имел формуляр в Императорской Публичной Библиотеке? Фахретдин-бей имел. Из регулярно прочитываемых там газет, как и от своего конфиденнта в Вене, он знал, что кайзер назвал русского министра иностранных дел С. Д. Сазонова и одного из лидеров младотурок Талаат-пашу, посмеявшихся мирно встретиться в Ливадии летом 1914 г., «двумя восточными негодьями», а младотурок — «изолгавшимися, ненадежными, чванливыми и продажными». Известен был и разнесен прессой по Европе в мае 1914 г. «окончательный приговор» Вильгельма II: «Турцию нельзя более спасти. Она теперь ничего не стоит. Она может попасть в руки Антанты, иначе говоря, развалиться на куски».

Фахретдин-бей заметно волновался. Ажурная вязь арабского письма стала стремительно скручиваться книзу, почти сливаться изящным узором в стремительном полете мысли. «Необдуманное выступление может оказаться гибельным для государства». И точка. Четкая и определенная, как след от пули.

«Что делать? — спрашивал сам себя посол. И отвечал. — Надлежит принять необходимые меры и произвести частичную мобилизацию, сохраняя при этом нейтралитет. В зависимости от оборота, который примет война, быть готовыми ко всякой случайности и выступить при удобном случае...». Печальным прощанием Османской империи с империей Российской прозвучала фраза из письма Ниязи Фахретдин-бея в Вену от 3 сентября 1914 г.:

«Сазонов, русский министр иностранных дел, сказал мне на днях: “Если вы начнете войну, Россия вам этого никогда не простит. Я верил в вас, в турецкий нейтралитет и вел политику в соответствии с этим. Но теперь, — заключил Сазонов, — я несколько этому не верю...” Вот и все, мой досточтимый паша. Совсем все. Я в скором времени буду иметь честь увидеться с вами».

Легкий росчерк подписи завершил письмо. Песок с золотыми блестками лег на плотную, по-старинному скатанную бумагу.

Хильми-паша так и не получил это письмо. Оно прошло через умелые руки офицеров отдела дешифровок с Певческого моста, обрели первозданный вид печати на свитке. Однако письмо задержалось при отправке адресату, а там и мир перевернулся. Империи Османов и Романовых рухнули.

¹⁵ Там же. С. 58.

Забытый резидент

Знать, но не воевать.

А. Н. Щеглов

В разведку приходят, как известно, разными путями. Кто по велению души, кто по прихоти военной судьбы, кто по казенной надобности, то бишь по воле начальства...

Чтобы на должность резидента ссылали инициатора реформ разведслужбы российского императорского флота, да еще в такое «нецивилизованное местечко», каким представлялся Европе Стамбул в начале XX в., — в этом, право же, было нечто особенное...

С эпохи Екатерининских войн и до Первой мировой войны в русской военной разведке на Ближнем Востоке служили люди, получившие блестящее общее образование и военную подготовку. Некоторые из них вошли в историю как крупные исследователи Востока. Например, М. П. Вронченко, П. А. Чихачёв, переводчики Шекспира и античных авторов, а на склоне лет — почтенные сановники Российской империи. О них мы расскажем в свое время. Но целый ряд имен по тем или иным причинам оказался в забвении. Особенно это относится к сотрудникам разведывательной службы военно-морского ведомства царской России. К последним принадлежал выходец из небогатой дворянской семьи Александр Николаевич Щеглов (1875–1953). Выпускник Кадетского корпуса и Морского корпуса в Санкт-Петербурге, он несколько лет отдал морю.

Трудно сказать, почему мальчика так потянуло к морю: семья была в основном связана с землей. Это была семья, где много и честно трудились, мечтали, вместе поднимали детей.

В церковной книге петербургского храма Рождества Христова что на Песках есть запись под номером 23510 от 26 апреля 1875 г. по старому стилю. Она гласит, что у надворного советника и делопроизводителя Главного Выкупного Учреждения Министерства финансов Николая Карповича Щеглова и законной его супруги Ольги Александровны крещен младенец мужского пола — Александр.

В свидетелях значились псаломщик церкви, тетушка — вдова коллежского секретаря Пелагея Карповна Никитина и дядя — Сергей Карпович Щеглов, в ту пору студент Петербургского Университета.

Вот оно — начало. На руках дяди Сергея младенец благополучно прибыл в дом № 25, что по 5-й улице Рождественской части Петербурга, ныне 5-й Советской (дом этот я видел в полном порядке месяц назад). Да, кажется, так и вырос на руках любимого дядюшки. Сам Николай Карпович стал отцом в 43 года и был гораздо дальше от сына, чем его младший 25-летний брат.

Николай Карпович имел дело с земельными вопросами, его брат Сергей посвятил себя почвоведению прибрежной балтийской зоны. Своего дома Сергей Карпович не имел и грел душу у очага старшего брата. Отдавал все силы души племяннику, рассказывал о славных традициях русского флота. Истории привычного и простого быта строителей верфей и портовых сооружений, для которых подбирал подходящие места Сергей Карпович, сплетались с рассказами о первых русских мореходах, обошедших вокруг земного шара, о деяниях героев Чесмы и Синопа. И эти рассказы были мальчику ближе и понятнее, чем заботы отца.

Впрочем, служба у отца складывалась так, что вряд ли оставались силы на неспешные домашние беседы. Шутка сказать, поставил на ноги младшего брата — помог окончить университет, да еще содержал оставшуюся без средств, вдовой при трех сиротах, сестру Пелагею.

Сам Николай Карпович в 1864 г. окончил Петербургский университет кандидатом административных наук с правом на чин X класса, что было большим успехом для того, кто мог полагаться только на свои собственные силы.

А далее потянулись годы и годы службы в финансовом ведомстве. Уже в марте 1869 г. Николай Карпович стал коллежским асессором, а на Рождество 1872 г. за отличие по службе произведен в надворные советники. За восемь лет «трудом и усердием», как говорится в его послужном списке, продвинулся с X класса Табели о рангах в VII класс, что само по себе было гражданским подвигом. На Пасху 1877 г. он стал коллежским

советником, что соответствовало чину полковника или капитана первого ранга. Пределом возможного для худородного Н. К. Щеглова был V класс статского советника, полученный им в 1880 году. А на следующий год Николай Карпович был уволен в отставку по прошению — болел.

В сухом и емком послужном списке уместилась вся его жизнь.

Вот две записи. За годы службы, т. е. с 1864 по 1881 г., в отпуске был в 1865, 1867, 1872 и в 1880 гг. Причем дважды — в отпуске по 28 дней, и только уже в чинах позволил себе два отпуска по два месяца. Как записано в документах, «являлся на службу неизменно в срок и никогда не подвергался ни одному из тех случаев, которые лишили бы его права на получение Знака Отличия за беспорочную службу».

И еще две записи приковывают внимание в деле Николая Карповича. Одна: «Жена и сын неизменно при нем». Трудно, но примерно жил человек. На склоне лет переехал с семьей из довольно шумной Рождественской части, что недалеко от нынешнего Московского вокзала, в небольшой домик в Царском Селе.

Другая запись: «Имения ни у него самого, ни у родителей, ни у жены, ни родового, ни благоприобретенного у означенного статского советника Щеглова Н. К. — нет».

Звучит несколько печально, но торжественно и возвышенно. Вот так-то. В Выкупном ведомстве, при закладных, векселях, деньгах, оборотах — всю жизнь. И ничего. Ни имения, ни значительных средств.

Поднял брата, племянников. А вот сына поднять не успел.

Все Щегловы не были увешаны орденами, но трудились очень много и честно. Пример строгого следования долгу, принятым этическим нормам и нравственным идеалам — это у Александра Николаевича Щеглова было от семьи.

Единственное, против чего резко взбунтовался Александр, — так это против чиновничьей рутины, которой были подчинены жизни отца, дяди, других родственников. Он выбрал себе другой путь.

29 мая 1888 г. вдова статского советника Ольга Александровна Щеглова подала прошение в Канцелярию Морского Училища о принятии ее единственного сына в Училище. На прошение была наложена резолюция: «К испытаниям допустить».

Вот радости-то было. Но нет. Другая, более властная рука красным карандашом — до сих пор не выцвел! — поперек тщательнейше выписанного на гербовой бумаге прошения начертала два загадочных слова: «Оспа, полиция». Но все уладилось.

Вот они, столь любезные русской душе Справки.

Во-первых, коровья оспа привита по всем правилам за день до подачи прошения. А за второй справкой Сашиной матушке пришлось побегать. И вот и она.

«Г-ну Начальнику Николаевской Морской Академии и Морского Училища.

Жена статского советника О. А. Щеглова и сын ее Александр за время проживания в Царском Селе в политической неблагонадежности замечены не были». Подписано полицмейстером г. Царское Село 30 июня 1888 г.

Все. Можно нести документы. Перебелили прошение. Столь велико было желание Александра связать судьбу свою с морем, что прибавила Ольга Александровна к новому прошению одну фразу: «Прошу принять сына своекоштным пансионером, если бы не выдержал экзамена». Не простое это было решение для вдовы средней руки чиновника — на свой счет одеть-обуть, содержать воспитанника Морского Кадетского Корпуса. Слава Господу! Все уладилось.

По результатам вступительных экзаменов Александр был зачислен воспитанником на полном довольствии. Через несколько месяцев началось его «продвижение по службе». Воспитанник А. Щеглов был назначен комендором 5-й роты. «Усерден в науках, правдив и старателен», — отметило начальство при первом «производстве» нашего героя. Ему шел тогда 14-й год.

Так что на вопрос, когда и почему А. Н. Щеглов связал себя с морем, ответим просто — судьба.

В 1894 году гардемарин Щеглов в числе лучших воспитанников последнего курса получил свою первую награду — серебряную медаль в память коронования Николая II. К этому времени за плечами у него уже были четыре месяца похода кадетом на корвете «Боярин». А первый поход после выпуска, мичманом, будет на знаменитом броненосце «Три Святителя»...

...Станислава III степени он получил в 1901 г., будучи лейтенантом. Экзотический османский орден «Меджидийе» и французский Орден Кавалерского Креста Почетного Легиона украсят его мундир в 1902 г. — «за особые отличия» в период плаванья русской эскадры в Средиземном море. В течение двух последующих лет его работы гидрографического направления будут отмечены прусским Орденом Красного Орла, греческим Кавалерским Крестом Спасителя, тунисским Орденом Нишан-и Ифтихар. Он будет долго, безнадежно долго ожидать обещанный ему

лично Николаем I Орден Владимира за инициативу по созданию Морского Генерального Штаба...

Долгие годы в личном деле Александра Николаевича Щеглова будет повторяться запись: «Личных средств не имеет, живет на офицерское жалование». А жалование это было весьма скудным. И вот грустная судьба русского офицера. Женатый первым браком на небогатой дворянской дочери Евгении Александровне Эбергардт (умерла в 1909 г.), он имел двоих детей: Ксению (род. 11 ноября 1898 г.) и Андрея (род. 14 ноября 1901 г.). В личном деле, как у отца, запись: «Ни у него, ни у жены его недвижимости или имения — нет». И так до конца, из года в год, вплоть до 1917 г., когда на последнем донесении внизу приписка его рукой «клером», без шифра: «Средств личных вовсе никаких не имею, как жить с семьей, не знаю. Силы и умение положил на службу Отечеству». Это будет в ноябре 1917 г.

А до этого Щеглов служил и на Балтике, и на Черном море, и на Средиземном. Он занимал достаточно хлопотную должность вахтенного начальника. Причем большую часть свободного времени — а много ли его у молодого офицера на боевом корабле! — Александр Николаевич посвящал не воспоминаниям о хорошо проведенном времени в прошлом порту захода и не предвкушениям развлечений в следующем порту, а самообразованию и размышлениям на довольно неожиданную тему.

Его чрезвычайно интересовала проблема совершенствования форм получения, систематизации и обработки «благополезных для флота данных», как он сам формулировал это в одном из писем.

К числу главных из этих «благополезных сведений» молодой лейтенант причислял разведывательную службу, ориентированную в первую очередь на интересы флота, и создание особых органов оперативного управления флота, в которые и вливалась бы, как он писал, «бодрящая струя живых сведений о противнике».

Идеи и фактический материал накапливались. Щеглов окончил Морской корпус в 1895 г. и следующие семь лет упорно работал, осваивая огромный объем информации, штудирова исторические исследования, прессу (ей он всегда уделял большое внимание) разных стран и, по мере возможности, не только современную ему, но и газеты прошлых лет.

И во всех портах и севера, и юго-востока Европы он стремился увидеть не только привычные и везде одинаковые швартовки, пирсы и развлекательные кварталы, но и те районы города, которые никогда не видят туристы, но где сосредоточены основные флотские службы.

2 (15) ноября 1902 г. А. Н. Щеглов завершил первый вариант предложений по созданию в составе Главного Морского Штаба России «особого оперативного отделения». Опираясь на опыт франко-прусской войны 1871 г., он убедительно доказал, что Пруссия начала исподволь собирать разведывательную информацию еще с 1853 г. и преуспела...

«Наши неудачи в начале войны с Турцией 1877–1878 гг., — писал Александр Николаевич, — происходили от незнания противника, отсутствия разведанных и оттого неверных оценок даже общей численности турецкой армии». Две проблемы серьезно мешали России, по справедливой оценке А. Н. Щеглова, в войнах с Турцией (и помешают в будущей войне с Японией): плохо поставленная разведка и слабо разработанные мобилизационные мероприятия.

Идеи о том, как справиться с первой из этих проблем, вынашивались Щегловым в годы службы сначала вахтенным начальником, а затем старшим флаг-офицером на кораблях Черноморского и Балтийского флотов.

Опыт походов в Средиземном море подсказал ему принципиальную важность, как писал он позднее, «достоверных и доставляемых оперативно сведений о положении дел по военной и политической части из стран, до которых имеем отношение в продолжение наших походов». Человек деятельный и собранный, Александр Николаевич уже в 1901–1902 гг. подготовил и доложил по команде два проекта.

Первый был связан с организацией «воздухоплавательного дела» на флоте. Речь шла об организации постоянного наблюдения за районом плавания с воздушных шаров типа аэростатов, которые базировались бы на кораблях. Делу был дан ход, отпущены средства, но, как водится в России, поскольку инициатор создания воздушной разведки был переведен на службу в Петербург, шары-разведчики совершили лишь несколько пробных полетов, и дело заглохло.

Второй проект Щеглова был ближе к жизни, к возможности воплощения его дальних планов. По собственной инициативе и только на личные средства он составил подробное военно-стратегическое описание Средиземноморья. На это ушло около пяти лет. Все увольнительные на берег молодой лейтенант посвящал изучению портов посещения, изучению газетной и любой другой печатной информации, сводил знакомства, уточнял... Пока все в рамках, или почти в рамках того, что мог позволить себе молодой офицер, активно интересовавшийся и местоположением древнего маяка в Александрии, и полузабытыми гаванями на островах Ионического архипелага, и, как бы между прочим, новинками

морского вооружения, приобретенными греческим королевским флотом. Заложились связи, знакомства в многочисленных городах Восточного Средиземноморья — в Турции, Греции, на Адриатике, принадлежавшей черногорцам, австрийцам, итальянцам. Как бы сам собой определился основной район интересов Щеглова. Тот, где он проведет самые светлые и счастливые, по его признанию, но и трудные годы уже как профессионал-разведчик.

Готовились статьи для «Морского сборника», доклады командованию. Две особы Царствующего Дома, совершавшие весной 1913 г. на канонерке «Уралец» плавание по Средиземному морю с заходами в Венецию и на остров Корфу, были поражены тем, насколько точными оказались все описания этих мест, сделанные А. Н. Щегловым еще в 1902–1903 гг., насколько они соответствовали увиденному, а, главное, прочувствованному.

Великий князь Николай Николаевич (одна из этих особ), наслышанный о Щеглове, к тому времени уже удаленному из Морского Генерального Штаба на Ближний Восток, вознамерился проверить наугад выбранную информацию из аналитических материалов Александра Николаевича под рабочим названием «О людях и местах Греции». Попросил, вызвав растерянность свиты и принимавших высокую чету местных властей, найти некоего Захаридиса, указав селение и точное расположение дома этого греческого торговца.

Ко всеобщему изумлению (а свита не знала замысла великого князя), Захаридис был немедленно доставлен и предстал перед Николаем Николаевичем.

Смущение и робость грека растаяли, как только было названо имя, под которым Щеглов общался с ним. Великий князь и Захаридис удалились в каюту, где беседовали полчаса. О предмете беседы командир канонерки в своем отчете сообщил коротко — «неизвестно». О поведении великого князя после беседы было отмечено: «Долго пребывал в задумчивости и глядел в сторону восхода».

Супруга великого князя Елизавета Маврикиевна тоже испытала на себе удивительные свойства подробных «описаний» Щеглова. В частности, он рекомендовал небольшим кораблям в этом районе «соблюдать предельную осторожность в период марта–апреля». Великая княгиня, женщина решительная до вздорности, потребовала выхода в открытое море вопреки щегловским предостережениям. Все обошлось. Однако, как свидетельствует отчет капитана, Елизавета Маврикиевна «перенесла килевую качку до

погружения в воду носового орла тяжело, но стоически, часто крестилась и обещала во всеуслышание своему супругу сведущих людей по морской части впредь слушать».

Команда «Уральца» получила по миновении шторма от имени августейших особ по десять чарок, кондукторы и боцман еще по пять рублей серебром, а создателю благополезного описания решили изъять особую милость. В чем она состояла, однако, узнать не удалось ни мне, автору, ни, кажется, самому Щеглову. Он уже был на наблюдательных пунктах очередных горячих точек балканских конфликтов.

Все самые первые работы и аналитические обзоры лейтенанта Щеглова по Средиземному морю были столь весомы, что учитывались при проведении стратегических игр в Главном Морском Штабе.

— Саня, откуда в тебе столько энергии? — не переставал удивляться его старый добрый товарищ и тезка Александр Колчак, будущий известный адмирал и верховный правитель России.

— Во-первых, у меня чернильница и перо—самописки. Они сами строчат. А еще, как ты помнишь, я орехи люблю — от них в мозгах прочищение делается, — отшучивался Щеглов. Но сделать он успевал действительно чрезвычайно много.

В тесной каюте корабля, в небольшой, но уютной квартирке на Адмиралтейском канале, дом 5 в Петербурге, где нечасто доводилось проводить свой отпуск, Александр Николаевич готовил и шлифовал главный план своей жизни — проект оперативно действующего морского генерального штаба с функциями, неизвестными неповоротливому и застывшему в косности Главному Морскому Штабу.

Прирожденный разведчик-аналитик, Щеглов готовил свой проект тщательно и, как тогда говорили, «весьма сберегаясь». Впрочем, по крайней мере три человека были изначально посвящены в секрет проекта. Саша — Александр Васильевич Колчак, ровесник и конфидент до своего трагического смертного часа на мерзлой земле Сибири. И два адмирала — Зиновий Петрович Рожественский и Александр Федорович Гейден. Их имена так же хорошо известны любому читателю в России, как и имя Верховного правителя России Колчака.

С перепиской Щеглова с этими замечательными людьми России, конечно же, неполной, автору удалось ознакомиться благодаря... Осведомительному отделу самого Морского Главного Штаба, где «игу чванства и пренебрежения, — как писал Щеглов Рожественскому в конце 1906 г., — привели империю к позору и войне с Японией».

По мере того, как множилось число трудов, проектов и докладных неугомонного Щеглова, росли и материалы на него в Осведомительном отделе. Там осели черновики и копии писем к З. П. Рождественскому и А. Ф. Гейдену, масса личных счетов крайне бедного, на одно жалование жившего офицера, черновики его литературных упражнений и еще многое...

И слава Богу, что дотошные умельцы из Осведомительного отдела столь деятельно «пасли» нашего героя. В уголке личного дела карандашная пометочка: «Деловит, порой суетлив, назойлив по государственному делу, личных амбиций не являет». Благодаря отдельцам сохранилась значительная часть из того документального наследия Щеглова, что в переплетенном виде отправилось «наверх» и сгинуло в болоте канцелярии Морского Министра. А объем информации нарастал. Благодаря усилиям З. П. Рождественского и А. Ф. Гейдена Щеглов был переведен с флота на берег, чтоб «закончил начатое в тепле и без качки, — как изволил пошутить Зиновий Петрович Рождественский, — а то пишете и без того мелко и неудобочитаемо»¹⁶.

Уже осенью 1905 г. два друга — лейтенанты А. Н. Щеглов и А. В. Колчак, два капитана 2-го ранга В. К. Панкин и М. М. Римский-Корсаков объединились в Санкт-Петербургский Морской кружок. В беседах в кружке, в обмене мнениями с маститыми адмиралами получила окончательное оформление пространная записка о коренных преобразованиях в деятельности всего морского ведомства России.

Все перипетии и козни морского начальства при обсуждении и проведении в жизнь указа от 25 апреля (ст. ст.) 1906 г. о создании Морского Генерального Штаба заслуживают особого рассказа. Достаточно сказать, что безвестный лейтенант добился того, что не слишком благоволивший к флотским император Николай II получил доклад Щеглова в обход морского министра, аккуратно все прочел и заявил:

¹⁶ С 26.01.1904 г. по 27.08.1905 г. состоял прикомандированным к канцелярии Особого комитета Дальнего Востока; с 27.08.1905 г. по 01.05.1906 г. состоял в 18-м флотском экипаже в Петербурге; с 01.05.1906 по 26.06.1906 г. «состоял в прикомандировании в Морском Генеральном Штабе»; с 26.06.1906 по 26.01.1909 г. «исполнял должность штаб-офицером высшего оклада Морского Генерального Штаба»; с 26.01.1909 г. в должности военно-морского агента в Константинополе (Стамбуле). Капитан-лейтенант с 13(26).04.1908 г., капитан 2-го ранга с 6 (19).12.1910; звание капитан 1-го ранга получил уже накануне Первой мировой войны. После Стамбула были Бухарест, Стокгольм и, наконец, трудная, честная жизнь в Париже. И скромный памятник на кладбище г. Медона под Парижем, где жил последние двадцать лет и скончался 9 января 1953 г. А. Н. Щеглов.

– В докладе и законопроекте так ясно и подробно очерчены все обязанности и деятельность органов Морского Генерального Штаба, что остается только сесть и начать работать.

Тем, кто тормозил вопрос, оставалось только повиноваться. Обращаясь к начальнику Походной Канцелярии графу Гейдену, который вместе с Рождественским, вернувшимся тогда из японского плена, продвигал докладную Щеглова, Николай II заметил:

— Какие дельные мысли о разведке!

Судьба резидента в Стамбуле была предрешена. В чем же состояли новаторские идеи Щеглова, и как они воплотились в жизнь?

Новацией было уже то, что в Морском Генеральном Штабе (Генморе) предлагалось заняться систематической работой по организации долговременной разведывательной службы на театрах возможных военных действий.

Обобщением ресурсных характеристик, открытой статистики, экономико-географических и военных сведений общего характера, равно как сбором и анализом разведывательных данных от закордонной агентуры должно было заниматься «Разведочное бюро Генмора». Всю работу в нем должны были осуществлять 1 штаб-и 3 обер-офицера из общего числа в 10 штаб-офицеров и 33 обер-офицера Генмора. Первым примером работы такого характера должна была стать деятельность группы по изучению войны западных держав с Китаем (так называемое усмирение «боксерского восстания» в 1900 г.). Заметим, что эта работа была проведена, собрана масса документов, которые осели в архивах...

Щеглов не устал повторять — для разведки нет ничего второстепенного в газетных публикациях. Он настоял на создании при Разведочном бюро отделения военной статистики. В штате состояли один штаб- и восемь обер-офицеров. Они деятельно трудились, и сегодняшний исследователь имеет уникальную и доселе не оцененную по достоинству и по перспективности возможность день за днем проследить по десяткам газет ход Балканских и Первой мировой войн. Корреспондентские сообщения, тщательно сверенные самим Щегловым, составляли важную часть его донесений из-за рубежа.

Вот какие задачи ставились сотрудниками Отделения иностранной статистики Разведочного бюро (представляется любопытным процитировать, с соблюдением стиля и лексики, как формулировались задачи Отделения):

«...Оно (отделение) изучает силы и средства вероятных противников (по театрам), освещает отделению русской статистики организационные

вопросы, составляя и обрабатывая для этого соответствующие справки по иностранным флотам, следит за всеми новшествами иностранных флотов, собирая и обрабатывая для этого все доступные полные статистические сведения».

Организационная сторона вопроса была тщательно продумана Щегловым и многократно обсуждалась им с коллегами и единомышленниками, в первую очередь с А. В. Колчаком. По каждому театру военных действий, говорилось в документе, создаются так называемые «1-й и 2-й столы по изучению противника».

В задачи 1-го стола входит:

- изучение общего финансового и военно-экономического потенциала противника;

- «наблюдение за направлением внешней и внутренней политики этого государства»;

- выяснение вероятного состава эскадр, отрядов кораблей и типов отдельных боевых кораблей и вспомогательных судов;

- «выяснение (всеми, особенно агентурными способами) вероятных пунктов и сроков сосредоточения неприятельских судов»¹⁷;

- дислокация флотов и войск в мирное время;

- наступательные и оборонительные планы;

- «военно-стратегическое и статистическое описание побережья противника»;

- «изучение, сколь возможно близкое, характеристики высших начальников противника»;

- «особенности тактического обучения флота противника, результатов его стрельб и маневров».

Предусматривалось также изучение «сухопутной обстановки», включая бюджет государства, как общий, так и по военному и военно-морскому ведомствам, для чего предполагалось использовать как легальные (военные атташаты и пр.), так и агентурные, глубоко законспирированные источники.

На офицере — главе 1-го стола лежала огромная ответственность. Ему вменялось лично отвечать за работу легалов и нелегалов по определению сильных и слабых сторон противника, трижды в год готовить подробные письменные сводки, а также обобщать данные в картограммах и таблицах.

Пожалуй, не меньшая нагрузка лежала и на 2-м столе. Через него собирались консульские (в копиях), финансовые (от агентуры и в копиях

¹⁷ «А почему только неприятельских?» — отметил при обсуждении проекта А. В. Колчак. Реакция А. Н. Щеглова на это предложение осталась неизвестной.

от посольских коммерческих канцелярий) сведения; анализировались и подшивались газеты с выделенными заметками, а также любые (включая частные, самого, на первый взгляд, незначительного характера) сообщения о политических событиях.

2-й стол ушами и глазами своих сотрудников на местах должен был доподлинно знать все передвижения военных кораблей, их вооружение, и как они прошли очередные ходовые и боевые (т. е. стрельбы) испытания.

Кроме очевидного накопления данных об арсеналах, доках, портах и прочего, 2-й стол был обязан иметь списки судов и расписания пароходных коммерческих линий. Агентуре полагалось по возможности лично посетить эти пароходы и определить их пригодность для военных целей.

Ну и, видимо, в свободное от морских прогулок время каждому резиденту надлежало «составлять и регулярно обновлять сводки законов и указов противника как по центральному, так и военно-морскому ведомству».

Разведчик может и должен литературно обрабатывать ту часть своих трудов, которая будет со временем открыта.

«2-му столу каждые два года следует издавать печатные сборники своих трудов для пользования “по принадлежности”, но следует иметь в поле зрения и общенаучные труды». Исключительно перспективной оказалась идея один раз в год силами всего Разведочного бюро составлять служебные таблицы «Сравнительные изменения в силе врага».

Собранные статистические и общего назначения стратегические материалы втуне не хранить, а публиковать в военных и военно-морских изданиях — таковы были мысли Щеглова.

Предлагался очень высокий уровень требований к сотрудникам Разведочного бюро и отделения иностранной статистики в частности. Достаточно сказать, что начальник отделения подчинялся лично первому заместителю начальника Генмора с обязанностью письменного доклада один раз в два месяца. Все офицеры отделения зачислялись на должность только после полугодовой стажировки под наблюдением упомянутого первого заместителя начальника Генмора и очень суровых экзаменов. Знание трех-четырех иностранных языков и длительная зарубежная практика в стране изучения считались само собой разумеющимися факторами наравне с пяти-семилетней службой после окончания Морского корпуса.

Идеи Щеглова после очередного замечания Николая II, сказавшего: «Вижу в них залог обновления и скорейшего развития флота», обретали воплощение.

9 (22) января 1906 г. из стратегической части Военно-морского Ученого Отдела были откомандированы 14 офицеров в Управление Морского Генерального Штаба. В очередную годовщину этого откомандирования в Посольство России в Стамбуле 9 января 1912 г. пришла телеграмма. Она была без имени адресата — «в русское посольство», на бланке Администрации почт и телеграфа Османской империи. Латинскими буквами в ней значилось (воспроизвожу по подлиннику):

Vas pomnim pervogo iniziatora shtaba i shlem nizkiy poklon Karsakoff Berens Samarine Keller Novikoff Borkovsky Guene Nischenkoff Kallistoff Yakovleff

Адресат ознакомился с телеграммой друзей по Морскому Генеральному Штабу, думаю, с неменьшим удовлетворением, чем с подписанным тогда же царским рескриптом о награждении А. Н. Щеглова, капитана 2-го ранга, орденом Станислава 2-й степени «в воздаяние отлично усердной службы Вашей».

Лично император и его лучший военно-морской агент, прибывший в Петербург для отчета, встретились в 12 часов дня 22 февраля (ст. ст.) 1912 г., когда в Зимнем дворце Николай II принял группу морских офицеров. Погода была сырая, форма одежды «парадная зимняя» чудовищно давила после легких стамбульских одежд. Рука государя показалась Александру Николаевичу вялой и холодной, глаза смотрели куда-то вдаль... В личном деле появилась запись: «Е. И. В. соизволили (капитана 2-го ранга Щеглова) благодарить и пожелать успеха в работе...»

Признание товарищей и наше с вами, читатель, внимание к необычной судьбе этого русского офицера, патриота и, строго говоря, отца-основателя военно-морской разведывательной службы России на Ближнем Востоке все время запаздывали. Видно, правы были наблюдательные и неторопливые офицеры из Осведомительного отдела, которые отмечали в нем полное отсутствие личной амбициозности...

Тогда, в 1906 г. успех всех предложений А. Н. Щеглова и высокая поддержка обеспечили, наконец, личное положение его — выходца из небогатой дворянской семьи, который не раз благодарил З. П. Рождественского за «подачу способов к пропитанию». Еще 27 февраля (ст. ст.) лейтенант Щеглов подает рапорт об увольнении со службы по домашним обстоятельствам — на крохотное жалование флотского на берегу невозможно

поддержать мать и двух сестер. Через месяц на Адмиралтейском канале у дома № 5 зачастили курьерские экипажи...

«Ваше высокоблагородие вызывается в Адмиралтейство тотчас же после заседания Цусимской комиссии, в 5 часов вечера».

Комиссии, заседания, личное участие в отборе первых сотрудников Разведочного бюро. И при этом составлялись новые разделы к курсу военной истории, наставления по работе агентурной сети в Средиземноморье, бумаги, докладные...

«Николаевская Морская Академия имеет честь пригласить Вас в одну из сред в январе или феврале сего 1908 года сделать сообщение о работе Морского Генерального Штаба с приглашением всех слушателей, начальствующих лиц и офицеров флота. Благоволите сообщить мнение. Спб. телефон Академии 266-00».

Телефон ему тогда еще, в 1906 году, поставили быстро — через три месяца, а квартиру не дали. Очередники и тогда, оказывается, казенную квартиру ждали подолгу.

Сохранилась написанная Александром Николаевичем от руки программа его выступления в Николаевской Морской Академии. Внимание привлекают два пункта:

«1. О методе разработки планов войны для сухопутных вооруженных сил». Сбоку помечено синим карандашом: «Особо сказать о политической разведке и оценке сил потенциального противника через агентурные данные и прессу».

«2. План развертывания морских сил». И снова — значение «глубокой и долгой разведки», «стратегическое развертывание на базе агентурных (сверху вставлено — “научно исчисленных”) данных о противнике». Разведка на флоте, ее взаимодействие с сухопутной...

Тысячи страниц аналитических документов на базе данных о Турции и Балканах остаются еще не известными специалистам-историкам.

Как всякому одаренному человеку, к тому же первопроходцу в таких сферах, как научная организация разведки и реформирование Морского ведомства, Александру Николаевичу пришлось испытать до дна чашу терпения и выдержки. Он читал лекции в Морской Академии, подбирал людей на длительную зарубежную службу, писал массу документов научно-организационного характера, а в это время за его спиной творилось что-то нехорошее...

2 (15) ноября 1907 г. в Морском министерстве состоялась очередная аттестация старших офицеров органов управления военно-морскими

силами. Среди первоначально поданных на аттестацию имени и.д. штаб-офицера высшего оклада Морского Генерального Штаба А. Н. Щеглова вообще не оказалось. Он вовремя заметил. Извинились — описка, матросик, дескать, новый, «Ундервуд» он еще не освоил...

Во второй список Щеглова внесли. Однако на заседание, где проходило голосование, «забыли» пригласить шестерых старших штаб-офицеров нового органа — Морского Генерального Штаба, ближайших сподвижников Щеглова. В итоге получилось следующее.

Вопросы при баллотировке на должность, которую Щеглов уже занимал, были поставлены так:

1. Обладает ли данный офицер необходимыми опытом, знаниями и характером?

2. Обладает ли данный офицер способностью для приобретения новых знаний?

23 из 45 членов аттестационной комиссии ответили отрицательно. 16 — положительно. Фактически для аттестации Щеглова не хватило голосов именно тех людей, кто лучше всего его знал и кого не пригласили. Т. е. тех, кто вместе с ним боролся за обновление морской политики, за создание новых органов — Морского Генерального Штаба, военно-морской разведки — ушей и глаз научного аналитического центра, мозга всего российского флота.

Много лет спустя, в эмиграции, старые боевые товарищи Щеглова в книге «Колыбель флота. К 250-летию со дня основания Школы математических и навигацких наук. 1701–1951» (Париж, 1951) воздали должное инициативе, энергии и настойчивости Александра Николаевича Щеглова. В книге говорится, что он первым жестоко раскритиковал «рутину и нестроение», царившие в Главном Морском Штабе, предложил и провел в жизнь его реформу. Мысли и практическая деятельность А. Н. Щеглова в налаживании систематической разведслужбы флота до сих пор остаются недооцененными.

Тогда, в 1907 году идеи и настойчивость 32-летнего старшего лейтенанта показались чиновникам в золотых эполетах чрезмерными. Ленив, нерешителен, к приобретению знаний не способен — вот вывод, который последовал из итогов заседания баллотировочной комиссии 2 (15) ноября. И следствие — с флота списать. Его — создателя Морского Генерального Штаба, инициатора Военно-Морской Академии! Любой бы дрогнул. Трое суток телефонные барышни Петербурга тщетно прозванивались в квартиру на Адмиралтейском канале. Кое-кто из друзей приходил. Первым, как

всегда, был выдержанный, внешне спокойный Саша Колчак. Негодовал энергичный, под стать Щеглову, помощник Начальника Генмора капитан 2-го ранга А. В. Шталь — также гордость русского флота.

6 (19) ноября 1907 г. Морскому Министру И. М. Дикову, о котором в 1951 г. знавшие его скажут осторожно «немножко самодур», была подана докладная записка (копия ее хранится и поныне в личном деле А. Н. Щеглова среди прочих документов в Военно-Морском Архиве в Санкт-Петербурге). Это документ трагической и поразительной силы. Когда-нибудь я опубликую его целиком как образец достоинства и мужества русского офицера. Перед чем или перед кем? Увы! Перед самым опасным противником — чиновной косностью.

Кратко и достойно перечислив всю свою службу — от плавания вахтенным офицером в Средиземном море до курса лекций по военно-морской истории, А. Н. Щеглов решительно отмел как несообразные выводы комиссии, которую назвал хлестко — «тирания толпы».

«Порядок, который сложился в Морском ведомстве, — писал Щеглов, — на руку всему бездарному... При его продолжении произойдет естественный отбор и продвижение ничтожества. Те же люди, которые хоть на один миллиметр выше общего уровня, покинут флот без сожаления, так как нельзя служить случайной власти. Отсутствие гарантий службы приведет к тому, что деятельные офицеры Морского Генерального Штаба, только что созданного, начнут разбегаться... Прошу выдать мне документ, что проект Морского Генерального Штаба был действительно мною разработан, каковой послужит мне пособием для приискания себе заработка, когда буду уволен из Морского ведомства» (Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота. Фонд 1234 (А. Н. Щеглов). Дело 8. Лл. 3–4.)

Докладная никого не потрясла, ничего не взорвала. Борьба между чиновными старцами в руководстве Морского министерства и молодежью в Морском Генеральном Штабе затягивалась. В сухопутном Военном министерстве назначенный в 1908 г. министром В. А. Сухомлинов усмотрел в параллельном Морском министерстве и в его Генеральном Штабе «много-много вольного» и подчинил себе начальника Генерального Штаба сухопутных войск, до того независимого от военного министра.

Предложения Щеглова о разведслужбе, о координации усилий военно-морской и военной сухопутной разведок оставались где-то в недрах громадных генеральских столов. Щеглов как лично известный государю и «благополезный» (признали все-таки!) офицер уволен не был. Однако и развернуться ему не давали.

Они ушли, как и пришли в Генмор, вместе — Александр Васильевич Колчак убыл командовать судном в экспедиции Северного Ледовитого океана, Александр Николаевич Щеглов получил возможность на практике реализовать свои идеи о разведке.

Много позже, весной 1918 г., в Стокгольме, где он застрял в связи с революциями 1917 г., Щеглов вспоминал работу в Турции — Османской империи — как самые счастливые годы жизни. Привычно перебирая любимые янтарные четки, под серым мартовским небом Швеции 1918 г. Щеглов мысленно видел другую весну и другое море.

...На берега Босфора весна приходит буйно. Красные маки, кажется, затапливают город и выплескиваются прямо в воды бухты Золотого Рога. Красное и серое... Красные и белые. Для тех, новых, кто пришел на Дворцовую в Петрограде в октябре 1917, он стал белым. Он не думал о том, какого он цвета, ни в феврале-марте 1917 г., ни позже, летом, когда старый друг Андрей Манделыштам, много лет служивший драгоманом российского посольства в Стамбуле и тоже попавший в Стокгольм, порвал предписание о возвращении в Петроград и отправился приватным образом в Париж. Туда, оказывается, еще в 1913 г. он перевел деньги, что лежали в банке в Петербурге, а потом и те, что получал в Стамбуле (и, кажется, не только из кассы российского посольства), и в 1920-е гг. безбедно жил и много писал.

А где теперь Саша Язьков, вспоминал в марте 1918 г. Щеглов, ближайший помощник в Стамбуле? Саша отпросился на Родину после отречения государя...¹⁸

Где Николай Корсун, мрачный армейский подполковник, полгода служивший в Стамбуле в аппарате российского военного атташе? Тот действительно ушел в революцию и, говорят, уже при штабе большевиков...¹⁹ А он, Щеглов, служил; вступал порой в столкновение с теми, кто сейчас собирает так называемое патриотическое воинство России. Но что теперь? Служба его в Стокгольме повисла в воздухе, средств на жизнь не дает. Новым властям на родине он не нужен, да и сам он о них имел самое смутное представление. Может быть, прав был последний посол России

¹⁸ А. Язьков принял участие в переводе кораблей Балтфлота из Ревеля в Кронштадт. Расстрелян по приказу Дыбенко вместе с командованием Балтфлота.

¹⁹ Н. Корсун стал крупным военным историком, комбригом, а затем генерал-лейтенантом Красной Армии, автором серии трудов по истории Первой мировой войны.

в Стамбуле М. Н. Гирс, когда весной 1914 г. советовал ему прикупить домик на острове в Мраморном море? Сидел бы сейчас и писал мемуары... В памяти русского офицера много интересного...²⁰

Щеглов вспомнил, как учили они, уже в чинах офицеры, замысловатый своими арабскими письменами турецкий язык в 1907–1908 гг. Как же пригодилось это потом! Стамбул 1909 г., когда туда попал Щеглов, живо представился ему калейдоскопом старого и нового.

Уже прошел год, как по стране прокатилась мощная революция, совершенная в 1908 г. младотурками, молодыми армейскими офицерами, и ограничившая деспотизм султана. К власти пришли новые, энергичные люди, хотевшие обновления одряхлевшей Османской империи. Куда они поведут обширную и богатую страну, владычицу Черноморских проливов и многих стратегических пунктов на Суэце, в Красном море и Персидском заливе?

Тогда, в 1908–1909 гг., в Петербурге на сей счет ясности не было. Представители от военной разведки работали в Турции достаточно активно. Однако круг освещаемых ими проблем был достаточно узок. Необходим был свежий взгляд, непредвзятый и острый ум аналитика. Кроме того, требовалось знание всего региона — политики, быта, нравов, идеологии — сочетании со специальной военной-морской подготовкой.

За привычными картинами гаремов, янычар и одалисок, которые бойко рисовала и русская, и европейская рука наблюдателя на час, поспешного туриста по экзотической империи Османов, следовало увидеть и описать старого, но по-новому сильного противника.

Выбор пал на Щеглова. Это была идеальная кандидатура. Знание Средиземноморья, языков, обычаев, неординарность взглядов...

Тогда, в 1909 г., прибыв в Стамбул на должность старшего военно-морского агента (т. е. атташе) России, Щеглов поразился развязности тона и поверхностности оценок, которые давал всем событиям на Ближнем

²⁰ Из депеши посла России М. Н. Гирса Морскому министру И. К. Григоровичу от 28 апреля (ст. ст.) 1913 г.: «Докладываю... о высшей степени полезной и плодотворной деятельности в Стамбуле капитана 2-го ранга А. Н. Щеглова... Имев случай неоднократно пользоваться содействием нашего морского агента, я считаю своим долгом отметить, что он неизменно спокойно и правильно разбирался в военно-политической обстановке и всегда своевременно осведомлял меня по всем военно-морским вопросам. Равным образом сделанная им оценка турецкого флота, так же как и доклад его о значении успешности для ведения русской политики на Ближнем Востоке сильного Черноморского флота и необходимости десантной операции, вполне подтвердились происшедшими военными событиями». РГА ВМФ. Ф. 418 (Иностранная статистика). Д. 2952. Л. 8.

Востоке посол Н. В. Чарыков, гофмейстер двора Николая II. Генерал паркетной службы, Чарыков заверял царя, беспечно проигравшего войну японцам, что Османская империя после своей революции 1908 г. уже «совсем ручная», а младотурки так и «вообще одержимы идеей дружбы с русскими». Что же до создания сильного Черноморского флота, в свое время зубной боли царя Николая I, так «они, турки, на то ни средств, ни желания не имеют». Гофмейстер знал настроения в Зимнем дворце, где и слышать не хотели, что турки уже совсем не те, что были разбиты в 1877–1878 гг.

Как много приходилось Щеглову узнавать и понимать!

Россия, потерпевшая поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., не имела права держать и строить военные корабли на Черном море. Как, впрочем, и Османская империя — держава из числа победителей. Таково было решение Англии, Франции и Австрии.

Российский канцлер Александр Михайлович Горчаков, не слишком таясь от своего старого друга, османского великого везира Фуад-паши, но в тайне от западных держав, подготовил и в 1871 г. обнародовал отказ России от унижительного для великой державы запрета иметь флот.

Отказ России от ограничений на морские вооружения в 1871 г. распространялся и на Османскую империю. Турецкие султаны в период 1870–1900-х гг. не жалели средств на новый военный флот в Черном море. Осознав все это, Щеглов быстро уяснил свою задачу в сложной ситуации: подружиться с турками, но четко держать курс на защиту интересов своей страны.

Это было тем более не просто, что российского посла-гофмейстера в Стамбуле мастерски водили за нос. Это прекрасно получалось у расторопных молодых людей из турецкого министерства иностранных дел, отличавшихся великолепным французским языком и отменными манерами, приобретенными в лучших военных училищах Европы. Они без конца возили Н. В. Чарыкова по пустующим верфям (еще эпохи Крымской войны), показывали театрализованные учения гребных лодок, где гребцы на потеху послу были наряжены в янычарские тюрбаны, запрещенные еще в 1826 г., забавляли скачками джигитов и бесконечными пантомимами жизни старой доброй Османской империи. Благо танцовщицы — француженки и гречанки — отлично демонстрировали танец живота и умело снимали семь покрывал, как истинные дочери гарема, о котором имели представление, пожалуй, столь же сладкое и далекое от правды, как и сам посол.

К тому же Чарыкову очень нравилась бирюза на старом турецком оружии, которое часто появлялось у почтительного и лукавого Мехмета в роскошной лавке недалеко от посольского особняка... И в донесениях Чарыкова в Петербург звучала успокаивающая мысль: у турок флота не будет, так и нам, в России, незачем тратить. Щеглов быстро понял, что турки говорят и показывают послу именно то, что тому приятно знать и хочется видеть. Он начал работать независимо.

Невысокого роста плотный шатен с небольшими усиками, опущенными по углам губ, Щеглов ничем не выделялся в разноязыкой стамбульской толпе. Он был неотличим в массе бесконечных пассажиров, переправившихся в Ускюдар — на азиатский берег Босфора. Частенько он не успевал вернуться с последним паромом обратно на европейский берег, в Перу, где находилась российская резиденция. Если же нанятая им лодка-кайик оказывалась в редко посещаемом европейцами месте, если вдруг там открывались взору новехонькие, на английский манер устроенные верфи или виднелись в закатных лучах силуэты снаряжавшихся боевых кораблей, которые были закуплены в Европе, — так это чистая случайность, не более того.

Именно так говаривал продрогший на жестоком босфорском ветру Щеглов, появляясь после таких okazji в доме начальника Русского (Черноморского) управления Морского Штаба Турции Али-бея или в доме директора Управления по делам печати Серет-бея. При этом он не выпускал из рук любимые янтарные четки. Ведь так удобно, перебирая бусины, подсчитать серые громады кораблей на дальнем рейде.

Он знал и уважал обычаи турок, этот «симпатичный петербургский шпион», как его за глаза называли в Стамбуле.

Если послу Чарыкову с насмешливой легкостью подсовывали откровенную липу, то трудно было обманывать человека, который, не приняв ислам, все же постится с тобой в рамазан, освоил зурну и наигрывает турецкие мелодии, берет уроки старинной, полузабытой османской каллиграфии. И уж тут снова дело случая, что уроки каллиграфии дает этому удивительному русскому Юсуф Али-бей, полковник Генштаба и знаток древностей Востока.

Я не берусь судить в деталях, как было дело, но в июне 1913 г., во время кровавой гражданской междоусобной бойни в Стамбуле, кажется, никто из окружения русского разведчика не пострадал. Все до одного конфиденты Щеглова оказались в это время — кто в Египте, кто в Греции, а кто и в Одессе. Об их безопасности позаботились двое — Щеглов и министр

внутренних дел Турции Джанбулат-бей. Среди них были два генштабиста, три сотрудника центрального аппарата МВД Турции и даже четверо юнкеров старшего выпуска Стамбульского пехотного училища. Предстоит еще выяснить их судьбу, а также узнать, кто же в Петербурге получал копии его депеш и кто так умело и твердо направлял его деятельность в Турции, причем под девизом: «Знать правду, а мир с турками сохранять всемерно».

Все это разительно отличалось от официального жесткого курса слов — Н. В. Чарыкова, а затем М. Н. Гирса. И было на пользу обеим империям. Обладание абсолютно достоверной информацией позволило позже военно-морскому командованию России не дать втянуть себя, например, в кровавую бойню на Галлиполийском полуострове в 1915 г. (см. ниже), несмотря на отчаянные призывы Лондона. Не бросился русский десант и на самоубийственную операцию по захвату Босфора, как ни нажимали на Петроград Лондон и Париж...

Влияние Щеглова было столь значительно, что еще и 1911 г. ему удалось своевременной информацией, переданной в Петербург через голову посла, и полученным оттуда так же напрямую ответом для военного министерства и для министерства внутренних дел Турции предотвратить разрыв отношений двух держав. Даже один этот эпизод его карьеры, а также описание остроумных способов его контактов с информаторами заслуживают отдельного очерка!

Пожалуй, никто из военных и дипломатов России на Босфоре не обращался к петербургскому начальству с просьбой о финансовом содействии «на цели деликатного свойства» так часто, как Щеглов. И получал его. Игра Щеглова стоила свеч. После долгих сидений Щеглова с его приятелями за костями, нардами, картами (судя по всему, он часто и помногу проигрывал!) или просто за кальяном в уютных кофейнях Перы и Галаты, кварталов Стамбула, населенных преимущественно европейцами, в Петербурге появлялись строго секретные документы с пометой «получено от Щеглова».

Я не люблю прохладный и терпкий дым кальяна, не выношу карты и нарды, но, кажется, готов стерпеть что угодно, лишь бы узнать, как появился у Щеглова (а теперь у меня на столе) сверхсекретный документ турецкого Морского Штаба, озаглавленный «Записка на случай войны с Россией. Составлена Рыза Шакир-беем, 8 отдел Морского Штаба Турции». В нем сформулирована стратегическая задача Турции — создать в ближайшие 3–5 лет мощный подводный флот, современный скоростной надводный флот и только тогда «начать осуществлять наступательные

операции против России», которая, как считали в Стамбуле, «еще не скоро воспрянет от непонимания роли флота».

Или другой документ «от Щеглова» — сообщение о ежегодных, рассчитанных вплоть до 1925 г. приращениях на 50 % военных расходов Турции на морские вооружения, которые начались еще в 1910 г. Это стало совершенным откровением для Петербурга.

Судя по архивным документам, Щеглов «проигрывал» своим турецким партнерам не только казенные суммы. К концу своей службы, к осени 1917 г., он остался без средств. Кто помог ему? Никто.

О том, как ценили «наверху» поразительную информацию Щеглова, свидетельствует один небольшой документ. Обращение Щеглова напрямую к морскому министру И. К. Григоровичу от 26 июня 1913 года.

«В продолжение 12 месяцев итало-турецкой войны и 8 месяцев балканской нахожусь почти непрерывно в зоне военных действий [сообщения оттуда — самостоятельный сюжет для целой книги. — *В. III.*]. Все чины иностранных посольств и мои коллеги по европейским военным миссиям получили 20 % надбавку к жалованию по вздорожанию жизни в Стамбуле. Я же — ничего, не говоря о личных пожертвованиях, от коих нельзя уклониться... Содержание же мое слагалось следующим образом: жалование по чину капитана 2-го ранга 184 руб., еще суточные. Всего 784 руб. в месяц. Если бы было благоугодно Вам распорядиться доплачивать мне 20 %, как всем за военные действия, выходило бы по 156 руб. в месяц. Всего за 20 месяцев войны Турции с соседями 3120 руб. » Григорович прочел, поразмыслил и велел — исчислить поэкономнее. Так и сделали.

Прибавку выплатили, но не от общей суммы, а от жалования, что выходило не по 156 руб. в месяц, а лишь по 24 рубля. Будь доволен, Щеглов²¹!».

²¹ История распорядилась с Иваном Константиновичем Григоровичем по-своему. Скупость его в отношении самого результативного военно-морского агента оценена не была никак. 31 марта 1917 г. он был уволен с должности морского министра постановлением Временного правительства и далее бедствовал нещадно. Спасли его от голодной смерти большевики. Вот выписка из документа о принятии его на работу в должность редактора военно-морской секции Архивного фонда: «Зачислить с 01.06.1919 г. как пострадавшего от Временного правительства с окладом в 5250 руб.» Минимум в Архивном фонде составлял 3300, а предел — 5850 руб. В «Обследовании материального положения И. К. Григоровича (1919 г.)» говорилось: «Средств к жизни за аннулированием небольшого капитала в Государственном банке не имеет. Живет лишь продажей своего имущества и рисованием на улице». Чтобы закончить этот сюжет, скажем, что в 1924 г. И. К. Григорович после многочисленных просьб получил разрешение на отъезд за границу. В Париже полуничий А. М. Щеглов встретил вовсе обнищавшего бывшего морского министра. Обнялись, да так больше и не расставались...

Щеглов видел, знал и понимал в жизни Турции то, что ускользало от внимания других европейцев. Он, как никто, умел связывать воедино мозаику мелких фактов. Например, до сих пор оставалось загадкой как для современников, так и для историков сегодня, почему вдруг собрался и в двадцать четыре часа покинул Турцию главный советник младотурок по военным вопросам германский генерал К. Лиман фон Сандерс, окруженный почетом и уважением, причем вполне заслуженно. Тайну его практически бегства прояснил Щеглов в своей очередной депеше на Дворцовую, 6. Жена и дочь генерала неосмотрительно затеяли прогулку на азиатском берегу Босфора. Вдвоем, без сопровождения и охраны... Женщины были изнасилованы туземными солдатами. Эта депеша Щеглова оказалась столь высокого уровня засекречивания, что появилась на свет из хранилища только в 1992 г.

И не было ни военной, ни дипломатической тайны в смене германских советников в Стамбуле. Была глубокая личная драма. И такие сведения тоже ценны, тем более через 80 лет домыслов и догадок.

Не работой одной живет разведчик — это очевидная истина. Были свои «внеслужебные» увлечения и у Щеглова. Касались они литературных упражнений. Две повести, новелла, два-три неоконченных фрагмента — наследие А. Н. Щеглова из области беллетристики. И сохранились они самым удивительным образом.

В июле–августе 1913 г. Щеглов был в отпуске дома, в Петербурге. Обрато в Турцию он возвращался через Англию, где его ждала очаровательная 18-летняя Джесси, верная спутница жизни в последующие сорок лет. Дальние поездки, мытарства эмиграции, воспитание двоих детей — все это в будущем... Александр Николаевич скончался 9 января 1953 г.; его жена (она была моложе его ровно на двадцать лет) переживет его на три с половиной года и скончается в больнице Сен-Клу под Парижем 9 июня 1956 г. Похоронены они рядом. Но, повторяю, все это — в будущем. А пока, в августе 1913 г. они думали только о будущем счастье.

Щеглов отплыл в Англию 28 августа (ст. ст.). Все почти вещи, включая книги и рукописи неоконченных трудов (среди них были и те самые художественные труды), запаковал в чемодан и уложил в специальный ящик. По квитанции № 5032494 Морской Транспортной и Страховой Компании багаж был отправлен в Стамбул, на адрес русского посольства.

Можно представить себе изумление чинов дипломатической канцелярии Морского ведомства России в Петербурге, когда через три недели после этого, 19 сентября к ним пришел военно-морской атташе Турции в Петербурге Ремзи-бей и вручил сильно попорченный чемодан, объяснив — это от Щеглова, из Стамбула, но пришло на его, Ремзи-бея, имя из стамбульской таможни.

В присутствии Ремзи-бея чемодан вскрыли (ящик где-то пропал). Остальное можно дополнить из рапорта на имя посла М. Н. Гирса, написанного Щегловым, который вернулся в Стамбул 1 (14) октября 1913 года и обнаружил, что, пребывая в Англии, якобы он лично умудрился переслать свой багаж обратно в Петербург, да еще в атташат Турции.

«Никогда, — писал он, — не верил в чертовщину, но теперь займусь этим всерьез. Вещи мои и документы в полном порядке. За исключением того, что с парадного мундира спороты две боковые пуговицы, галун расплетен, но на место уложен, а из платья недостает пары брюк. Да еще пропала визитка, вложенная в прорезь чемодана, и кое-какие пустые бумажки...». Позже на вопрос Гирса, какие же именно «бумажки» пропали, он пояснил кратко: «Так, кое-какие литературные опусы...»

Посол дал делу ход; подключилось руководство разведслужбы. Но никакого объяснения этому эпизоду так никто и не дал. Зато литературные опусы Щеглова... непостижимо переключались из турецкого атташата в Осведомительный отдел при российском разведывательном ведомстве.

Сам Щеглов этих бумаг больше не получил. Ему не довелось вернуться в Петербург — война, перевод в Румынию, затем Стокгольм, Париж... Да и не очень это значительно — его литературные странички. Если в служебных докладах и донесениях — упругий слог, масса острых психологических оценок, четкий, ясный и образный язык, то в повестях — совсем иное. Эти его труды — живое свидетельство того, что ни Свифта, ни Флеминга, ни Ле Карре из Щеглова не получилось.

От лица торгового агента в Стамбуле рассказывается о красоте города, о прелести Золотого Рога и проливов. «По весне в Стамбуле невыносимо. Уехать куда-нибудь, только не на Босфор, где сыро, сухо, жарко, холодно, дождливо и пыльно, и все это в одно время. ...Дрезден, Париж — куда угодно... Но нет, Босфор мой, и я люблю его, — он всегда иной, и в этом его прелесть».

Герой повести — любитель «вкусно пожить, погулять по набережным, так чтобы вдоволь прополоскать свои глаза видом хороших женщин, а

то занять место у кассы роликовых коньков и увидеть ножку, а при случае круглое коленко...»

«...Этот Стамбул. В этой узкой интернациональной дипломатической коробке люди совершенно перемешаны, наподобие сладких, горьких, больших и маленьких конфет...»

Право же, литература ничего не потеряла от пропажи этих рукописей, а силы и средства, потраченные турками на их поиск, отнесем на издержки стамбульской службы, считавшей, что о Щеглове ей положено знать все. Впрочем, турецкие «коллеги» последнего слова еще не сказали.

Подлинной поэзией творчества можно назвать донесения Александра Николаевича. Как высокое искусство читаются его политические и статистические обзоры о Балканах и Ближнем Востоке. А какой дар предвидения!

Именно Щеглов вычислил рост и качественные параметры морских вооружений Турции в 1910–1914 гг. Именно он передал в Петербург ошеломляющее сообщение: еще в ноябре 1912 г. турки были готовы купить у Берлина славу и гордость германского флота — тяжелый крейсер «Гёбен». При оценочной стоимости корабля в 50 миллионов марок Стамбул предлагал за него 75 миллионов! По своим боевым качествам «Гёбен» один перевесил бы силы Черноморского флота России!

Историкам известен только тот факт, что два года спустя Германия уступила Турции «Гёбен» и крейсер аналогичного типа «Бреслау» за символическую сумму. По данным же Щеглова, сделка вообще была фиктивной — Германия фактически навязала Турции корабли, чтобы заставить ее выступить против России. Выход этих крейсеров через Проливы в Черное море ознаменовал начало войны Турции осенью 1914 года со странами Антанты. Точные данные о начале военных действий — 5.30 утра 29 октября 1914 года (кстати, эти данные публикуются нами впервые) — были сообщены в Петербург Щегловым.

В последний предвоенный год, когда Турция уже не могла скрывать рост своих морских вооружений, Щеглов сумел подготовить почву для обращения Стамбула в Россию с заказом на строительство нескольких броненосцев для османского флота. Однако в Петербурге его донесение так долго ходило по кабинетам, изумляя своей небывалостью твердых российских чинуш, что от многочисленных пометок — «изучить», «доложить», «продумать» и даже «а с чего бы это?» — превратилось в продырявленный бюрократическими карандашами, сильно потертый листок. Он тоже лежит сегодня в архиве — памятник нашему бессмертному «как бы чего не вышло».

Тогда турки плюнули и быстро перекупили броненосцы у Аргентины и Бразилии. Россия потеряла и выгоднейший заказ, и доверие турок.

Впрочем, великий везир Османской империи, ознакомившись осенью 1913 года с расположением и отделкой помещений для рядового состава на русских военных кораблях, заметил в разговоре со Щегловым: «Слишком душно и тесно. Туркам это не подходит».

В Стамбуле любят кофе. Но, как истинный петербуржец, Щеглов предпочитал чай. Его любимым местом было небольшое заведение вблизи Старого моста через Золотой Рог. Отсюда город — как на ладони. Хозяин приносил чай в хрустальных, напоминающих грушу стаканчиках-армуди, присаживался к завсегдатаю. Оказывается, хозяин был потомком янычара, одного из тех, кого в 1826 году истребил султан Махмуд II, не раз повторявший, что он сделал это быстро и беспощадно, как царь Петр I, казнивший стрельцов. Текли долгие беседы русского и турка — о судьбах империи, о жизни османской столицы и провинций.

Щеглов потом многое запишет. Ряд неожиданных документов (листовки, чрезвычайные выпуски газет, воззвания противоборствующих политических группировок) приложит к донесению в Петербург. Не исключено, что именно в беседах на берегу Босфора он раскрыл авантюру британской разведслужбы, попытавшейся в 1913 году через подставных лиц купить землю и построить секретную гавань на Босфоре. Не здесь ли родились его отчаянные призывы к русской дипломатии на Балканах — «не увлекаться идеей триумфальной победы», «не ждать, что Балканы враз станут под русские знамена», «помнить, что разлад «отцов и детей» особенно резко подмечен именно у славян», а потому русских на Балканах ждет в лучшем случае «слабая вспышка народного энтузиазма, тогда как интеллигенция в Болгарии, Румынии будет против России». Следовательно, писал Щеглов, надо искать пути сближения со всеми странами региона, и в числе первых — с Турцией.

«Вздором, и притом опаснейшим» для судеб всего региона и для России называл еще в 1913 г. русский разведчик навязчивую царскую идею о водружении российского флага над Проливами. Не в этом ли разгадка того, что в 1914 г. Щеглова убирают из Стамбула — сначала в Румынию, а затем и вовсе в далекую Скандинавию, в Стокгольм.

В охваченном военной истерией летом 1914 г. Петербурге холодным душем стала яркая и объективная оценка ситуации, прозвучавшая из стамбульского центра русской военно-морской разведки: «Русский Черноморский флот абсолютно не готов к военным действиям, а по ско-

рости хода турецкие корабли превосходят русские на 2,5–3 узла». Щеглов отмечал, что «турки раздражены неловким посредничеством России в войнах Турции с балканскими странами в 1912-1913 годах», когда Петербург своими миротворческими по духу, но неуклюжими и ничем не обеспеченными заявлениями не только не способствовал миру на Балканах, а скорее разжигал в противоборствующих сторонах неоправданные надежды и как следствие — вражду.

Наконец, еще с ноября 1913 г. Щеглов категорически высказывается против любой операции военно-морского флота в Дарданеллах. «Бесполезная трата сил и человеческих жизней, — говорил он, — обойдется в 100 тысяч жертв». Щеглов ошибался в цифрах. Предпринятая по настоянию Уинстона Черчилля (в то время Первого лорда Адмиралтейства Великобритании) бесславная для Антанты десантная операция в Дарданеллах в 1915 г. унесла около полумиллиона человек с обеих сторон.

Профессионал высокого класса, сообщавший, в частности, регулярно и подробно о датах заседаний и о повестке дня германо-турецкого Бюро по контршпионажу, работавшего в Стамбуле весной — летом 1914 г., А. Н. Щеглов сделал все возможное, чтобы Россия и Турция не столкнулись на полях сражений.

Вот как это было.

Весной 1914 г. стамбульские газеты деятельно обсуждали возможную поездку группы высокопоставленных деятелей младотурецкого режима в Санкт-Петербург. Возглавить ее должен был председатель Комитета, глава правящего младотурецкого триумвиата Талаат-паша, женатый, кстати, на русской женщине. Высокий уровень делегации поддерживался также за счет включения в ее состав военного министра и другого члена триумвиата — Энвер-паши. О них мы расскажем ниже.

Когда в Петербурге стало известно, что в Россию собирается «друг кайзера и главный агент Германии на Востоке», как называли Энвер-пашу, объем и количество шифротелеграмм между Петербургом и Стамбулом, по моим подсчетам, утроились.

И морское, и военное ведомства России насторожились — чего хочет добиться в Петербурге этот непримиримый противник России и фактический лидер младотурецкого режима. Запросы были адресованы российскому посольству в Стамбуле, военному и военно-морскому атташе. Посол России М. П. Гирс и военный атташе генерал-майор М. Н. Леонтьев отделились общими рассуждениями в духе того, что 32-летнему Энвер-паше деятельность натуры и любовь к неожиданным поворотам в политике

дают как бы импульс к разъездам за рубеж. Детально перечислялись поездки военного министра в страны Западной Европы и в соседние балканские государства, встречи, имена, продолжительность некоторых бесед, вероятные и реальные темы. Все — как положено. За исключением главного — чего можно ожидать.

Дворцовая, 6 высказала Гирсу недовольство скудостью оценок. Причем в выражениях кратких, но энергичных.

Посол спохватился — где сводки Щеглова? Оказалось, что некто из российского посольства, чиновник из аппарата посла, который готовил депеши для Петербурга по визиту Энвер-паши, вообще не включил собранные Щегловым материалы. А они-то и давали подлинную картину того, сколь сложен и противоречив был «русский поворот» в политике Турции весной 1914 г.

По просьбе посла Александр Николаевич подготовил еще один вариант своих оценок ситуации. Он обратил внимание, что в Стамбуле работает Русско-турецкий Комитет по торговле. Во главе его стоял видный младотурок, начальник одного из департаментов Министерства торговли Исмет-бей, а заместителем его стал, по просьбе самих турок, директор стамбульского отделения Русско-Азиатского Банка Гр. Печенев. «Оба деятельны, так и снуют, умножая капиталы, между Одессой и Стамбулом. При словах “война”, “воевать”, “оружие” и пр. один бледнеет и крестится, а другой дико вращает глазами, шевелит усами и призывает Аллаха покарать тех, кто накликает войну».

Правда, Щеглов не давал увлечь себя картиной безмятежной дружбы. Раз-другой он посетил созданный Комитетом по торговле при российском посольстве Русский кружок. Там обучали русскому языку, читали первые переводы на турецкий язык Пушкина и Гоголя. Поглощали несметное количество пельменей из говядины, а самовары кипели, писал Щеглов, «беспрестанно, как только не распаяются...»

Русский кружок собирался в уютнейшей домашней обстановке, когда и сам посол Гирс, вальяжно-добродушный, посиживал в кругу турецкой молодежи «нового закалу», а любезная его супруга удалялась с дамами из этого кружка для обсуждения своих дел, которые, увы, остались неведомы даже Щеглову.

Александр Николаевич поглядел, послушал, навел справки. Это было в марте – апреле. А в июне 1914 г. в Севастополе, Керчи и Феодосии в руки местной полиции и чинов военного дознания попали несколько человек, деятельно и, как оказалось, весьма умело составлявших схемы доков и портовых сооружений, размещения кораблей на швартовках и описания прочих,

как занесли в протокол, «предметов свойства деликатного и до поставок сухофруктов, как показывают задержанные, отношения вовсе не имеющие».

С обликом этих «негоциантов» сличили переданные Щегловым словесные портреты самых активных и усердных членов Русского кружка, которые «совсем в образ вошли, до 20–24 чашек чаю выпивали». Совпало. Отнюдь не фруктами торговали и даже не контрабанду везли офицеры Русского отдела Штаба Черноморского флота Турции, деятельно изучавшие положение дел на флоте у вероятного противника — России. Впрочем, если учесть, что пиратские рейды к мирным берегам Феодосии и Керчи все же удались турецким и германским кораблям в первые часы войны, следует признать, что не всех членов Русского кружка, любителей пельменей и соленых грибов, удалось обезвредить.

Борьба продолжалась — невидимая в Стамбуле и все более явная за пределами Османской империи.

В июне 1914 г. командир русской канонерской лодки «Донец», посетившей Стамбул и Измир, лейтенант А. Шипулинский докладывал в Штаб Черноморского флота о своем удачном и успешном походе в турецкие порты, «где встречали приветливо и разные высокие особы из местного начальства лодку посещали и о политических предметах пространно изъяснялись». Рапорт Шипулинского содержит упоминание о визите на борт «Донца» директора политического департамента при генерал-губернаторе Измира, трех богатых купцов из греков и трех из турок, наконец, о визите на лодку командира 3-го армейского корпуса, штаб которого находился в Измире. «Все они заверяют в дружбе», — доложил начальству лейтенант и сообщил еще одну «незначительную» подробность.

Когда канонерка была готова уйти из Стамбула курсом на Принцевы острова и далее на Измир, на борт поднялся сотрудник русского посольства и посоветовал бравому лейтенанту взять в качестве переводчика крымского татарина Селима, уже доказавшего свою преданность российскому престолу. Толмач-переводчик был невысок ростом, тих и непритязателен, уместился где-то так, что командир его и не видел во время всего перехода.

Шипулинский в своем подробном рапорте отметил, что все турецкие чины, посетившие канонерку, после традиционных приветствий очень пространно беседовали с толмачом, а его переводы того, что говорили турки, были округлыми и достаточно короткими. Но лейтенант решил, что таковы особенности турецкого языка. Главное же — визит состоялся, подарки на борту, можно возвращаться через Босфор домой, в Россию. Только одно обстоятельство вызвало некоторую досаду.

Селим-ага пожелал остаться в Измире — «по причине опасения морской болезни». Так и записали в рапорте.

— Одно слово — дикарь. Даже денег не взял, — заметил небрежно Шипулинский, когда при посещении русского посольства рассказывал об итогах визита в Измир.

— Это вы верно заметили, господин лейтенант, — сухо ответил выслушавший его рассказ о кебабах и долме военный атташе. — Денег он не берет.

Лейтенанту бы удивиться, почему не военно-морской атташе с ним беседует. И еще больше удивился бы он, если бы смог прочитать полные отчеты своего толмача об измирских беседах. Эти отчеты довелось читать уже нам — через 80 лет. И в них поражает знание ситуации и глубина оценок.

Толмач Селим, он же Щеглов, сообщил: «Турецкие деятели хорошо сознают необходимость для Турции дружбы со столь могущественным и великим соседом... Тем более что под властью турок нет более славянских земель, которые только и служили поводом к войне с Россией».

Эта оценка показывала, что в русско-турецких отношениях наступала принципиально новая стадия.

Оставшийся в Измире скромный толмач легко преображался то в богато-того татарина Селима-челеби, едущего в хадж к святым для мусульманина местам, то в бродягу-крымчака, скрывающегося от правосудия и русских властей. Бывало по-разному.

Оценки были однозначны: глубинка давит на младотурецких деятелей в пользу мира с Россией. Следует учитывать это обстоятельство и постараться оторвать Турцию от прогерманской ориентации.

Крымчак Селим-ага, знаток цен на разные товары в черноморских портах России — как не знать, всего неделю как из Феодосии! — легко находил слушателей, горсть плова и стаканчик чаю или чашечку кофе.

«В Измире, других приморских городах многочисленные толпы греков и турок совсем между собой перемешаны. Переполнены кафешки, в которых за столиками восседают вместе и греки, и турки, и ничем это не подтверждает ужасов, о которых пишут стамбульские младотурецкие газеты — о насильственном выселении греков из Измира».

Богатому паломнику татарину Селиму-челеби каймакам, правитель провинции, которому был нанесен визит и вручены дары — меха из Казани, откровенно сказал: «Мы едва ожили, ни воевать с Россией, ни выселять греков не будем. Если на то будет воля Аллаха...»

А генерал Эссад-паша, у которого тоже побывал богатый казанский паломник, был еще более конкретен: «И нам, Турции, и соседним славянским государствам после Балканских войн так много работы, что преступлением было бы думать кому-либо из нас о войне».

Согласно кивал белой чалмой Селим-челеби, торопливо записывал все беседы и посылал-посылал депеши на родину: войны можно избежать. Энвер-пашу и других членов младотурецкого Комитета еще можно остановить на пагубном пути к мировой войне.

О, Селим-челеби, твои донесения легли в небрежные руки и оказались позабыты, как ребаб-и шикесте, разбитый ребаб, инструмент бродячего певца. Тогда твои призывы или не читали вовсе (чаще всего), или не захотели их понять.

Тогда к его советам не прислушались. Сейчас он очень нужен нам. По-современному звучат слова русского разведчика: знать, но не воевать!

Переведенный после начала войны с Турцией из Стамбула в Бухарест на прежнюю должность военно-морского агента, Александр Николаевич вряд ли мог предположить, что именно здесь его жизни угрожает самая большая опасность.

Все началось в канун Нового, 1915 года, в небольшой гостинице Бухареста, где остановился и, как принято было, столовался Щеглов. «Неправильности в деятельности моего сердца», — так охарактеризовал он свои недомогания, нараставшие в течение двух недель. — «Обычно прислуживавший за моим столиком официант стал явно избегать обслуживания меня, потом исчез».

В ночь с 22 на 23 января 1915 г. наступил кризис. В положенном отчете месяц спустя Щеглова записал так: «Около 3-х часов ночи сердце почти остановилось, и сильные судороги повергли меня на пол. Насилу встал. Сварил свежего чаю и — полный провал. Вероятно, успел дернуть сигнал тревоги в службу отеля».

«Очнулся я, — продолжал Щеглов, — в своей кровати. Доктор, пухленький и умиротворенный, небрежно разглядывал что-то на моем письменном столе.

На мой стон румынский доктор, вызванный ночным портье, неспешно обернулся, взглянул рассеянно:

— Ну, вот, кажется, и полегчало. Не волнуйтесь. Небольшая простуда. Небось, Рождество да Новый год... Шалили? Сознайтесь!

Я и языком-то шевельнуть не в состоянии, а доктор с игривостью продолжал:

— От шампанского отказаться вовсе. Лед на голову и побольше... мороженого».

«Сделать анализ мочи, как я требовал, наотрез отказался», — записал позже Щеглов.

С тем доктор и уехал. У Щеглова достало сил вызвать своего доверенного, жившего в том же отеле, и добраться до русской миссии.

«Вплоть до седьмого марта, — продолжает Щеглов, — я лежал в сознании ясном, но в почти полном бессилии».

Насчет того, что лежал пластом (в отдельной комнате в посольском особняке) — это точно. Насчет бессилия — скромничает.

...С 23 января начали и все продолжают прибывать агенты Щеглова, создавая нам массу хлопот, но он настаивает на необходимости и срочности для Петрограда доставляемых ими сведений... Это уже из посольского отчета о беспокойном постояльце.

«Агентами по разведке продолжаю руководить, шифровать помогали секретари миссии». Щеглов — начальнику Морского Генерального Штаба 16 февраля 1915 г. из Бухареста.

Человек исключительно мужества и завидного здоровья, Щеглов перенес, как установили прибывшие из Севастополя русские военные врачи, постепенное отравление сразу несколькими ядами.

Выяснилось, что это покушение организовал некий Зураб, стамбульский турок, якобы бежавший с началом войны из Стамбула в Бухарест. Не вслед ли за Щегловым уехал Зураб?

Во всяком случае, нейтрализация русского разведчика была организована по тем временам неплохо. К ядам в пищу попытались добавить «лечение». Кроме установленной той памятной ночью «простуды», два местных румынских врача, которых встревоженная дирекция отеля прислала к Щеглову (в русское посольство!), установили, и это записано в документах, «явное отравление свежей икрой из Дуная, в котором плавает много трупов...» Такой курьез не смог бы придумать ни один романист. Главное — администрация чиста, причина найдена. Стало быть, и делу конец. Русский рыбы поел!

Самому Щеглову стало хуже и, думаю, юмора он не оценил. 7 марта — еще один консилиум, по случаю слабости сердечной деятельности. Диагноз: «Болезнь аорты, лечить подкожными впрыскиваниями йода».

Тогда-то и прогнал Щеглов местных эскулапов и настоял на прибытии русского врача из Севастополя.

Приезжали к нему дважды. Это — в разгар войны, совсем особое дело. Выходили Щеглова, да и натура его чрезвычайно крепкая спасла.

Впрочем, сам он об этом периоде, т. е. январе-мае 1915 г., писал просто: «Сердце мое сильно ослаблено и работает неправильно. Пульс не достигает и 60 ударов». И тут же о работе: «Так как исполнение моих обязанностей носит кабинетный характер, болезнь моя ущерба службе не наносит...» (из донесения от 1 (14) февраля 1915 г.).

Такое состояние продолжалось примерно до конца июня 1915 г. За эти месяцы довелось узнать Александру Николаевичу многое: подлость завистников, дружбу и верность товарищей. А также пришлось ему испытать новый поворот в судьбе. Уже по собственной воле.

Щеглов овдовел в 1909 году. А в 1910 г., будучи в Лондоне, познакомился с Джесси Уискер, пятнадцатилетней дочерью сотрудника Британского Адмиралтейства. В последующие годы они редко виделись, но часто переписывались, тянулись друг к другу.

Казалось, все было против них. Разные страны. Различные вероисповедания. 20 лет разницы в возрасте. Двое детей у Щеглова при полной неустроенности финансов. Они решили пожениться еще в 1914 г., но пришла война, свадьбу пришлось отложить, хотя согласие Главного Морского Штаба было уже получено.

Верное сердце любящей женщины! Что ему война! Что расстояние! В конце апреля 1915 г. здоровье Щеглова резко ухудшилось. Об этом он доложил начальству кратко: «Припадки сердца усилились, страдания мои были безмерны. Я приготовился к смерти и сделал соответствующие распоряжения».

Среди подготовленных Щегловым бумаг было и краткое прощание с любимой, остававшейся в Лондоне...

«17 мая день моего счастья — я не умер и тому удивляюсь. На пороге моей комнаты явилась Джесси Уискер... Дефект аорты у меня есть, состояние мое неопределенное — от счастья до отчаяния. Прошу Ваше Превосходительство дать подтверждение на брак с английской подданной мисс Уискер в посольской церкви». (А. Н. Щеглов — начальнику Главного Морского штаба 23 мая 1915 г.).

Ну что за человек! Что за поразительные люди оба! Двдцатилетняя Джесси, промчавшаяся через охваченную огнем Европу к постели умирающего. Александр Николаевич, не вполне уверенный, выживет ли. Но знающий, — его Джесси с ним, а законы службы если не превыше всего, то уж рядом с тем, что суть жизни. Они обвенчались через неделю, так как подтверждающая и благословляющая телеграмма пришла момен-

тально — 26 мая. Они прожили нежно и дружно до конца. До 1953 г. И лежат в вечном покое рядом...

Тогда же пришлось преодолеть и горечь недоверия.

В начале июня 1915 г. в Бухарест прибыл с проверкой деятельности Щеглова и его состояния капитан 2-го ранга И. А. Бок. Итогом был желчный отчет, до предела насыщенный ядом и скептицизмом в отношении возможности дальнейшего использования Щеглова на службе. Я не буду приводить даже фрагменты из этого документа. Лишь несколько пассажей: «Я нашел Щеглова напуганным болезнью и плохо побритым (!). Он очень слаб и быстро утомляется... Говорит сухо и кратко...» И еще три страницы текста в том же духе.

Впрочем, Боку пришлось признать, что это была их единственная беседа. При том «виделись мы с 12 часов ночи до 2 часов ночи; после чего Щеглов ушел ловить контрабанду и вернулся только через сутки...»

«О себе и своей молодой жене не распространялся, но сообщил мне новые данные, что Австрия сделала ультиматум, и дал сведения о торговле оружием через румынскую границу».

Какова недостаточность сердечной деятельности у напуганного агента! Сутки напролет «в деле», а проверяющему, видимо, хотелось еще чего-то, помимо оперативных данных.

Я уже закончил работу над бумагами Щеглова, работал над другой темой, как неожиданно, среди документов Морского ведомства, совершенно не относящихся к разведке, нашел личное письмо начальника Генерального Морского Штаба от 18 марта 1916 г., в котором А. И. Русин, человек прямой и честный, среди прочего заметил старому товарищу, что никак не может поддержать ходатайство о назначении И. А. Бока на место Щеглова в Бухарест. По причинам, «которые после известной ревизии Бока к Щеглову делают его дальнейшую службу в Штабе вовсе невозможной по моральным соображениям».

Вот так-то, фискал!

Все же в июне 1915 г. командование перевело Щеглова в Стокгольм, подальше от возможных повторений покушения на него. Бухарест они покинули вместе с Джесси. И более не расставались до конца, до 1953 г.

Таков, уважаемый читатель, был Александр Николаевич Щеглов, бумаги, донесения, материалы которого пройдут через все страницы книги, которую вы держите в руках.

О перспективах русско-турецкого военного союза К 90-летию начального этапа Первой мировой войны

В отечественной (А. Д. Новичев, А. Ф. Миллер, Г. З. Алиев и др.) и зарубежной (М. Ларшер, Ахмед Эмин, В. Готлиб и др.) историографии сложилась тенденция, восходящая к первому публикатору турецко-германской военной конвенции от 2 августа 1914 г. Карлу Каутскому (1919 г.): представлять этот документ как свидетельство полного и окончательного подчинения Стамбула берлинскому диктату и прямого вовлечения Турции в Первую мировую войну.

Я, однако, полагаю, что до сих пор не уточнен ряд событий и не уточнена расстановка сил в зоне Проливов и на Балканах в напряженный для Турции период между августом и декабрем 1914 г., когда военный выбор Стамбула еще окончательно не утвердился.

Важно оценить с учетом вновь открытых документов сопутствовавшие военной конвенции разъяснения посла Германии Ганса фон Вангенгейма младотурецким лидерам Энвер-паше и Джемаль-паше, не вошедшие в общий пакет документов, но зафиксированные в мемуарах главных действующих лиц с турецкой и немецкой сторон. Заслуживает тщательного анализа и болгаро-турецкое соглашение от 6 августа 1914 г., подписанное в один день с положением о функциях германской военной миссии в Османской империи. Спустя 90 лет пора осветить взаимосвязь претворения в жизнь германо-турецкой военной конвенции с вопросом о капитуляциях и с участием немусульманских подданных Стамбула в «большой войне Европы», перспектива которой, как сказал Джемаль-

паша, обрисовалась после 2 августа 1914 г. для Турции грозно, но еще не окончательно.

Сам турецко-германский документ от 2 августа 1914 г., его нарочитая краткость и расплывчатость давали основание уже современникам, например адъютанту Лимана фон Сандерса, военного советника Германии в Стамбуле, Карлу Мюльманну и турецкому посланнику в Берлине М. Мухтар-паше, назвать его именно *конвенцией*, вслед за которой ожидался развернутый договор между Германией и Турцией.

Конвенция содержала восемь пунктов²². Один из них (ст. 8) предусматривал секретный характер соглашения, которое могло быть оглашено не иначе, как по взаимной договоренности. Эта секретность звучала несколько надуманно, поскольку статьей 1 предусматривался нейтралитет и Германии, и Турции в австро-сербском конфликте. Статья 2 все ставила на свои места. В случае вмешательства в конфликт России и создания тем самым для Германии ситуации необходимости выполнить свой союзный долг перед Австро-Венгрией таковой повод к войне приобрел бы равным образом силу и для Турции.

Две следующие статьи (3 и 4) формально должны были смягчить фатальную бескомпромиссность статьи 2. Напомним, что телеграф уже принес в Стамбул известие о том, что накануне, то есть 1 августа 1914 г., Германия объявила войну России. Последняя не вмешалась в то, что именовалось «австро-сербским конфликтом» и, следовательно, не было формального повода для вступления Турции в войну с Россией.

В случае военных действий Германия обязывалась предоставить в распоряжение Турции военную миссию, причем поставить ее в прямое подчинение турецкого военного министра (с оговоркой — и в подчинение главы упомянутой германской миссии). Германия обязывалась также силой оружия защищать целостность османских земель (ст. 4). Хотя это столь желанное для турок обязательство было высказано в самой общей форме, воистину — сквозь зубы, но даже этого не смогли добиться турецкие руководители ни от России, ни от других стран Антанты накануне войны.

Срок действия конвенции предусматривался фиксированный — до 31 декабря 1918 г. с автоматическим продолжением на следующие пять лет, если одна из договаривающихся сторон не заявила бы о ее денонсации за шесть месяцев до истечения срока действия (ст. 5 и 6).

²² (Kautsky K.). *Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914*. Berlin, 1927. Bd. 1. S. 183–184.

Конвенция, на мой взгляд, не носила «следов поспешности», как полагал А. Ф. Миллер²³. Скорее наоборот. Энвер-паша — главный архитектор военного союза — вложил в него те примерные десять лет действия, до середины 1920-х гг., которые нужны были младотуркам для решения их внешне- и внутривосточных проблем. Однако в более выигрышной ситуации оказывалась Германия. Пролиты, ресурсы, плацдармы в Юго-Восточной Европе, в Северной Африке (Египет), в Восточной Анатолии и к тому же миллионная армия с советниками-немцами — все это в нужный момент должно было оказаться под рукой у германского Генерального штаба после подписания германо-турецкой конвенции.

На следующий день, в понедельник 3 августа 1914 г. Германия объявила войну Франции, а Турция обнародовала во всей европейской прессе декларацию о нейтралитете. 4 августа Англия объявила войну Германии. Соглашение с Германией, вероятно, оставалось тайной для Антанты по крайней мере еще неделю. Внимание держав было отвлечено от турецких проблем. Выигрыш времени, как писал член младотурецкого руководства Ахмед Джемаль-паша, был получен²⁴. И использован, на первый взгляд, весьма эффективно.

В три дня были активизированы переговоры с Болгарией относительно совместных действий в перспективе получения Турцией — населенных мусульманами районов Западной Фракии, Болгарией — земель в Македонии. Обе стороны подчеркивали свой нейтралитет в разгоравшейся войне, что не соответствовало фактическому положению дел. Во всяком случае, для Турции, поскольку 4 августа 1914 г. Австро-Венгрия объявила о своем присоединении к турецко-германской конвенции со всеми вытекающими последствиями.

Весь комплекс противоречий Австро-Венгрии с балканскими государствами младотурецкие лидеры обязаны были если не разделить целиком, то принимать во внимание. Подтверждение тому явилось «мертворожденное дитя», по оценке турецкого историка Ахмеда Эмина, а именно турецко-болгарский договор о союзе, подписанный 19 августа 1914 г.

Направленный против Греции, но обусловленный нейтралитетом Румынии договор с Болгарией должен был учитывать столь многочисленные и непредсказуемые факторы австрийской, германской и антантовской политики на Балканах, что так и остался на бумаге. Турецкие историки высказывают по этому поводу массу суждений, полагая, что союз малых

²³ Миллер А. Ф. Турция. *Актуальные проблемы новой и новейшей истории*. М., 1983. С. 324.

²⁴ *Записки Джемаль-паши*. 1913–1919. Тифлис, 1923. С. 101.

балканских государств мог предотвратить разрастание войны по крайней мере в балканском регионе и уберечь Османскую империю от разгрома. Впрочем, это предмет другого исследования.

Иттихадисты своим нетерпимым отношением к арабскому национальному возрождению, к курдскому национальному движению изолировали себя от единственных реальных военных «партнеров по окопам», подорвали доверие к себе во влиятельных исламских кругах, а уж ненависть к иттихадистам в армянских, греческих, славянских селениях была известна Стамбулу. Триумвират младотурок буквально бросался в безнадежную авантюру любого, будь то турецко-русского или турецко-болгарско-румынского сближения, чтобы любой ценой вырвать несколько тысяч квадратных километров фракийских земель, населенных мусульманами, и поставить под ружье местное балканское, этнически разношерстное население²⁵. И, наконец, чтобы оказать давление на великие державы — все сразу — в вопросе об отмене режима капитуляций.

Кабальные и унижительные капитуляционные обязательства перед Западом и мусульманские земли, «потерянные» нерадивыми правителями, — две действительно популярные в турецком обществе проблемы могли либо сплотить при удачном разрешении распадавшееся государство вокруг иттихадистов, либо стать двумя концами шелкового шнура на горле триумvirата. Вряд ли поэтому можно или нужно восстанавливать степень искренности Энвер-паши, когда одновременно с консультациями в Софии и Бухаресте 5 августа 1914 г. он в личной беседе предложил военному атташе России в Стамбуле М. Н. Леонтьеву начать переговоры о русско-турецком военном союзе.

²⁵ Провал политики младотурок на «национальных территориях» детально фиксировали русские военные наблюдатели. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. I. Д. 4270. Л. 24–140. Сообщения и телеграммы в Генеральный Морской Штаб.

Сведения накапливались и оказали определенное влияние в вопросе о военном союзе с Турцией. «Восхитительной по смелости, но в обозримом будущем неисполнимой» назвал очередную идею германских советников при военном ведомстве Турции информированный русский наблюдатель в Стамбуле тех дней. Поскольку не удавалось «поднять» арабов и курдов, началась вербовка русских пленных (кавказцев по происхождению), уроженцев южных губерний России, застрявших в Турции по тем или иным причинам, выходцев из Польши, русских, оказавшихся в австро-венгерском плене, в состав некоего Украинского государства, которое в будущем при победе Турции и ее союзника будет создано под эгидой Турции на просторах от Карпат до Волги. «Пока что таких желающих хорошо кормят, похуже — одевают, дают листовки и зовут служить под турецким командованием». Там же. Л. 140–141 (конец декабря 1914 г.). Весьма любопытную картину союзничества с Россией представляли себе младотурки!

На фотографиях тех лет они неуловимо похожи. Энергичные, подтянутые, с любовно ухоженными усами, в отлично пригнанной военной форме, перетянутые мягчайшими, не создававшими ни малейшего скрипа даже при резком движении одинаковыми портупеями. Генерал-майор Генерального Штаба России и несостоявшийся эмир Великого Турана. Вот они, не отстраняясь, стоят бок о бок на старой архивной фотографии. Заинтересованные, с легкими улыбками. Лег в папку пожелтевший отпечаток, ушли в небытие империи, которым служили эти незаурядные люди...

По сообщениям М. Н. Леонтьева, Энвер-паша тогда, 5 августа, в ходе «энергической беседы» заверил российского атташе, что проводимая в Османской империи мобилизация резервистов не направлена против России, а турецкий Кавказский корпус может быть отодвинут от русской границы в любой момент. Благожелательный нейтралитет Османской империи был вполне достижим, если Россия: 1. даст согласие на отмену капитуляций; 2. гарантирует интегритет всех османских территорий; 3. поддержит требование турецкой стороны о возвращении Эгейских островов и Западной Фракии, населенной мусульманами.

Энвер-паша подвел своего собеседника к мысли о чрезвычайной перспективности сближения Турции и России как основы серии территориальных компенсаций на Балканах. Все — в рамках, намеченных турецко-болгаро-румынским соглашением и с учетом интересов России²⁶.

Энвер-паша был нетороплив, деликатен и ненавязчив. Он говорил, что понимает — России нужно время для обдумывания столь далеко идущего шага, и не торопил генерала Леонтьева с ответом. Он знал, что его предложение будет обсуждаться в Петрограде уже через несколько часов. В действительности, под ногами Энвер-паши горела земля, а точнее — море. Каждый час адъютанты приносили ему очередное сообщение турецких спецслужб — мощные германские крейсера «Гёбен» и «Бреслау»

²⁶ Примечательно, что, сообщая о содержании переговоров, опытный дипломат и разведчик, создатель надежно работавшей в экстремальных условиях «кипящего котла» Ближнего Востока 1910-х гг. агентурной сети генерал-майор Генштаба России М. Н. Леонтьев, составляя для сведения своего руководства психологические портреты высшего звена армии, флота и правительства Турции, вполне симпатизировал младотурецкому Комитету как людям «энергически настроенным и явно желающим процветания своей родине [...]. Можно оспаривать стратегические и военные таланты Энвера, но нельзя отнять от него того мужества и того пыла, которые даются ему его 32-летним возрастом». РГВИА. Ф. 418. Оп. I. Д. 4261. Л. 26–27. См. также: Шерemet В. И. Турция. Турция вступает в войну. *За балканскими фронтами Первой мировой войны* / Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2002. С. 37–44, 91–93, 106–111; Соколовская О. В. *Греция в годы Первой мировой войны*. М., 1990. С. 25–40.

на предельной скорости приближаются к Дарданеллам, стремясь укрыться от преследования британской эскадры. Об этом же как о не подлежащем оглашению факте Энвер-паше сообщали из здания германского посольства в Стамбуле.

Утром 6 августа 1914 г. Энвер-паша собрал членов Комитета «Единение и Прогресс», нескольких министров, которым лично доверял, изложил ситуацию, и при поддержке великого везира Хильми-паши добился одобрения своего плана действий. Переговоры с Россией продолжать и развивать, германские крейсера пропустить в Проливы, а взамен добиться от Германии быстрого пересмотра конвенции от 2 августа.

Новыми турецкими требованиями были: 1. четкая и недвусмысленная гарантия Германией османского интегритета; 2. поддержка Германией всех действий Турции по отмене капитуляций; 3. определение размеров турецкой доли в будущей контрибуции со стран Антанты; 4. возвращение Эгейских островов и мусульманских земель на Балканах в том случае, если будет иметь место какой-либо территориальный передел в бывшей Европейской Турции²⁷. Здесь, среди турецких государственных деятелей Энвер-паша выглядел почти застенчивым: в том случае, если... может быть... Но ведь он сам готовил факт таких переделов и в Софии, и в Бухаресте, и, со вчерашнего дня, т. е. 5 августа, в Петрограде! Стальная лапа в лисьей шкурке, так говорили о нем русские военные наблюдатели в Стамбуле...

Во второй половине дня 6 августа все новые предложения были изложены послу фон Вангенгейму на встрече в здании германского посольства. Там, «свой среди своих», Энвер-паша скромничал меньше. К требованиям балканских земель, османских, по его терминологии, Энвер-паша добавил требование «исконных османских крепостей» — Карс, Ардаган и Батум.

В отличие от беседы с М. Н. Леонтьевым, на встрече с фон Вангенгеймом Энвер-паша был нетерпелив и настойчив: «Гёбен» и «Бреслау» уже в зоне дарданелльских маяков, а за ними на расстоянии четырех часов хода — британские корабли-преследователи²⁸. Ответ посла должен последовать незамедлительно.

²⁷ Muhlmann C. *Deutschland und die Türkei 1913–1914*. Berlin. 1929. S 44–45.

²⁸ Сейчас достоверно известно, что британская эскадра сделала все возможное, чтобы не догнать и остановить, а «загнать» германские крейсера в турецкие воды и сделать необратимым выбор Турции в пользу Германии. Известная аналогия тому, как подставленные П. С. Нахимову турецкие корабли в Синопе и браваый рейд британского парохода-фрегата А. Слейда подтолкнули Турцию и Россию в пропасть Крымской войны 1853–1856 гг.

Еще до исхода дня не расхोдившийся Комитет иттихадистов получил личное послание фон Вангенгейма на имя Хильми-паши. Посол от своего имени обещал поддержку Германии в вопросе об отмене капитуляций, при переговорах по территориальным «приобретениям» с Болгарией и Румынией; Турция также могла рассчитывать на греческие Эгейские острова и на туманно сформулированное «исправление ее восточной границы, которое даст ей [Турции. — *В. III.*] возможность соприкосновения с мусульманскими элементами в России»²⁹.

Энвер-паша, казалось, приближался к заветной цели — возвращению балканских земель и делал шаг к Великому Турану.

Нет, не зря так боялся непредсказуемости телеграфа незабвенный султан Абдул Хамид II! Триумф триумфатора был безнадежно испорчен. Пришла срочная телеграмма из Лондона. Уинстон Черчилль добился секвестра на построенные в Англии два дредноута и два миноносца, предназначенные для турецкого флота.

Это был двойной удар. Турецкий флот оказался вдвое слабее даже греческого³⁰. Самое главное — собранные по курушу, по всенародной подписке деньги (7 млн. ф. ст.) пропадали вместе с широковещательными обращениями Энвера и Джемали к народу — воссоздать силами всего народа морское могущество Османской империи. В Стамбуле 7–8 августа 1914 г. прокатилась мощная волна выступлений антибританского характера. Звучали и требования привлечь к ответу иттихадистов.

9 августа 1914 г. Энвер-паша продолжил беседы с М. Н. Леонтьевым. Русский генерал изложил «благожелательную заинтересованность» России в переговорах, не делая, как предписывал министр иностранных дел С. Д. Сазонов, никаких «связывающих заявлений». Энвер-паша развернул перед Леонтьевым захватывающую перспективу создания Юго-Восточного и Средне-Восточного блок — против и за счет Австро-Венгрии, в составе и центром которого были бы Россия и Турция. Оборонительный союз предполагался сроком на 5–10 лет, с последующим

²⁹ Текст письма фон Вангенгейма от 6 августа 1914 г. опубликован. Лудшувейт Е. Ф. *Турция в годы Первой мировой войны. 1914–1918*. М., 1966, с. 32–33; Шеремет В. И. *Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки*. М., 1995. С. 115–120.

³⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. I. Д. 2974. Л. 24–25 и след. Оценочные данные военно-морского агента России в Стамбуле (атташе) А. Н. Щеглова, сообщенные в Генеральный Морской Штаб (Генмор); там же, д. 4258. Л. 54–55 и след. Сообщения военно-морского агента России в Афинах А. А. Макалинского.

неоднократным продлением, которые нужны были Стамбулу примерно до 1940-х гг. для реализации общей программы возрождения империи.

Энвер-паша предусматривал создание единого общебалканского союза держав против Австрии, причем турецкая армия явилась бы гарантом союза и выступила бы против того из балканских государств, которое позволило бы себе высказаться против политики России (подразумевалось, и Турции). Столь же недвусмысленно в отношении русско-турецкого союза как основы решения всего балканского узла противоречий высказывался в Петрограде турецкий посланник в России Ниязи Фахретдин-бей. С соответствующими инструкциями и полномочиями для оформления казавшегося уже созревшим союза России и Турции в Петроград отбыл член триумvirата Ахмед Джемаль-паша³¹.

Анализ упущенных возможностей выходит за пределы данной статьи. Остается только констатировать, что, ошибочно полагая, будто бы можно бесконечно долго затягивать переговоры с Турцией о военном союзе, в России взяли курс не на создание балканского союза, в состав которого вошла бы Турция, а на блок балканских государств, который бы Турцию сдерживал. Однако турецкой стороне в Петрограде и в Стамбуле удалось добиться от России гарантий неприкосновенности османских владений и согласия на переход в руки Турции всех германских концессий в Малой Азии, включая Багдадскую железную дорогу.

В вопросе о приобретениях на Балканах Россия подтвердила готовность передать туркам греческий остров Лемнос. Но в качестве ответного шага Стамбул должен был совершить нечто несбыточное — демобилизовать армию и еще раз подтвердить нейтралитет. Разочаровывающей для турок была позиция России и в вопросе о капитуляциях. Пока Энвер-паша вел продолжительные беседы с Леонтьевым о выгодах для России от военного союза с Турцией, финансовый мозг младотурок Мехмед Джавид-бей в Стамбуле не менее интенсивно доказывал русскому советнику по

³¹ О настроениях в высшем эшелоне младотурецкого руководства, соотношении желаемого и реально достижимого в планах младотурок на этом этапе войны, о личных амбициях триумvirата см. донесения русских военного и военно-морского агентов (атташе) за 1914 г. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. I. Д. 4261. Л. 21–76 и след. Внутренняя и внешняя политика Турции. 1914; *там же*, д. 4270. Л. 28–93. Сообщения из Стамбула, телеграммы. «...Во главе армии и флота, — писал М. Н. Леонтьев, — младотурецкий Комитет поставил людей решительных, молодых и неутомимых. Самым спокойным, самым интеллигентным, самым удивительно энергичным, самым патриотически настроенным солдатом, каких мне только приходилось видеть в Турции, [является] именно морской министр Джемаль-паша». *Там же*. Д. 4261. Л. 27.

коммерческим вопросам Гюлькевичу, что с отменой капитуляций Россия, имеющая в них наименьшую из стран Антанты долю, приобретет не только вечную признательность турецкого народа, но и преимущества на рынках Османской империи — на уже немногих, но важных балканских рынках и на многочисленных малоазиатских. Джавид-бей действовал в рамках решения военного кабинета иттихадистов добиваться союза с Болгарией и с Румынией и, сохраняя нейтралитет, развивать с ними и с Россией интенсивные всесторонние связи³².

Джавид-бею не удалось, однако, привлечь внимание российских коммерции советников к выгодам торговли на принципах «особенно большого благоприятствования», причем одновременно и на балканском, и на малоазиатском рынках Турции в тот неповторимый момент, когда Германия и Австро-Венгрия как главные конкуренты России были нейтрализованы.

Столь же неудачны оказались и политические демарши Энвер-паши в сфере военно-политического союза с Россией. Тщетно зывали М. Н. Леонтьев и М. Н. Гирс к благоразумию Петрограда, призывая к немедленному соглашению с турками хотя бы в самой общей норме, иначе «завтра будет уже, может быть, поздно».

Союз России с Турцией столь же не соответствовал интересам Англии и Франции, как ее отмена капитуляций, а без согласия Лондона и Парижа в Петрограде уже не решались предпринять ни одного шага в турецкой политике. Максимум, чего добился Джавид-бей, это устного заявления послов Антанты в 20-х числах августа о том, что их правительства согласны на частичную ликвидацию капитуляционного режима в сфере экономических связей, но что для перемен в правовой области, закреплявшей капитуляции, «время еще не настало»³³. Когда 31 августа Джавид-бей попытался получить по этому поводу письменное заявление, послы Антанты дружно отказались, оказавшись тем самым намного позади решительного фон Вангенгейма с его обязательствами от 6 августа.

Двумя днями раньше послы Антанты заявили, что в обмен на строгий нейтралитет Высокой Порты державы готовы гарантировать османский интегритет, но ...только в период продолжения войны.

Таким образом, к октябрю 1914 г. Стамбулом не были фактически решены ни вопрос о балканском союзе, ни территориальные вопросы,

³² Emin A. *Turkey in the World War*. New Haven, 1930. P. 72. Kurat A. N. *Turki'ye ve Rusya*. Ankara, 1970. S. 200; Шеремет В. И. *Босфор*. С. 119–120.

³³ Bayur Y. H. *Türk Inkilabi tarihi*. Cilt 3. Kisim 3. Ankara, 1957. S. 155: «Tanin». 29.10.1944. Новичев А. Д. *Экономика Турции в период мировой войны*. Л.-М., 1935. С. 37.

ни проблема капитуляций. На рейде в Мраморном море покачивались на легкой волне могучие крейсера «Явуз султан Селим» и «Мидилли», бывшие «Гёбен» и «Бреслау». После утреннего построения 15 августа 1914 г. на них был поднят турецкий флаг, на борт вступило с десятком робко озиравшихся турок — палубных уборщиков; немецкие экипажи остались на кораблях, щеголяя новенькими фесками. Офицеры поигрывали четками из полудрагоценных камней (подарки «нового хозяина» крейсеров — морского министра Джемаль-паши). Гордость германского флота была фиктивно, как признавал сам Джемаль-паша, куплена турецким правительством. Фактическим главой военно-морских сил Османской империи стал старший морской начальник «Гёбена» и «Бреслау», опытный, энергичный адмирал В. Сушон.

К середине сентября все члены английской военно-морской миссии покинули Турцию. Их места заняли немецкие офицеры. Начали свертываться торгово-банковские операции стран Антанты в Османской империи. Прекратила свою деятельность английская пароходная кампания, осуществлявшая рейсы на Месопотамию и Индийский океан. Османская Турция как бы отсекалась от сложившихся экономических связей с Европой и остальным миром.

В то же время присутствие в Проливах германских крейсеров под флагом со звездой и полумесяцем изменило в пользу Германии и ее союзников соотношение сил на Черном море. Проливы оказались закупоренными. Для связей России с Антантой оставалась Балтика и морской путь вокруг Скандинавии. Взаимные экономические связи России и Турции также оказались парализованы, так как реализовались большей частью через Проливы.

В октябре 1914 г. Высокая Порта и Антанта обменялись резкими нотами по поводу упоминавшихся выше крейсеров. Впрочем, это был свершившийся факт. Несравненно большее значение имела нота Высокой Порты от 9 сентября 1914 г. об упразднении с 1 октября 1914 г. режима капитуляций как несовместимого с честью и достоинством империи и об отмене всех основанных на нем привилегий для иностранцев³⁴. Соответственно повышались таможенные тарифы. Султанскими указами от 13 и 17 октября 1914 г. было объявлено об упразднении юридических обоснований режима капитуляций.

³⁴ Bayur Y. H. *Türk Inkilabi tarihi*. S. 162; Ладыженский А. М. *Отмена капитуляций в Турции*. М., 1914. С. 1.

Борьба за «балканскую гегемонию» вообще отошла на задний план. Турция оказалась перед неожиданным фактом: и страны Антанты, и Германия с Австро-Венгрией, вопреки обещаниям, протестовали против отмены капитуляций. Как отметил, опираясь на документы султанского архива, турецкий историк З. Топрак, Высокая Порта предложила всем державам, включая балканских соседей, перезаключить договоры, урегулировать экономические обязательства, учесть взаимные интересы и определить статус всех иностранцев в Османской Турции. За исключением Германии, все западные державы отказались от любых переговоров по этому поводу. Балканские страны и Австро-Венгрия отмолчались³⁵.

Тяжелое впечатление в Стамбуле произвело ставшее достоянием столичной прессы требование американского посланника прислать в турецкие воды эскадру военных кораблей США в связи с несоблюдением турками режима капитуляций. Окончательная отмена капитуляций растянулась на три года, вплоть до января 1917 г. Все эти годы Турция по этому вопросу оставалась в полной изоляции, несмотря на ряд обращений к Центральным державам и к соседним балканским странам.

Со второй половины октября 1914 г., когда стали известны донесения турецких послов из Лондона, Вены, Берлина и Петрограда о нежелании стран Антанты гарантировать османской целостность и о нараставшем раздражении Германии и Австро-Венгрии в связи с «двусмысленной и явно несоюзнической позицией триумvirата» (так заявил Вангенгейм Джавид-бею в середине октября)³⁶, умеренные силы в турецком правительстве быстро теряли свое влияние. «Ввиду захвата всей власти в Стамбуле немцами, — сообщал руководитель военно-морской разведки России в Турции А. Н. Щеглов, — Энвер стал полным диктатором. Во главе правительственных учреждений поставлены немцы. Почта и телеграф — под немецкой цензурой. Ферманы на проход судов [через Проливы. — *В. III.*] визируются [германцами] несмотря на протесты. Грузы захватываются без расписок. Фактически капитуляции отменены. На иностранных, кроме русских [выводятся из строя. — *В. III.*] радиотелеграфы»³⁷.

21 октября 1914 г. Энвер-паша был утвержден главнокомандующим и первым же распоряжением В. Сушону приказал готовить нападение на русский Черноморский флот.

³⁵ Toprak Z. *Türkiye'de Milli İktisat*. Ankara. 1982. S. 73.

³⁶ Из дневника Джавид-бея. *Tanin*, 2–4. X. 1944.

³⁷ А. Н. Щеглов — начальнику Морского Генерального Штаба. Б/д 1914 г. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2969. Л. 17.

Стратегические планы военно-морского ведомства Османской империи на случай войны с Россией, как выяснилось, были готовы, когда Энвер-паша завлекал Леонтьева. Они строились на двух отправных, весьма противоречивых, позициях. Во-первых. Предполагалось обеспечивать долговременную оборону Стамбула и Проливов созданием системы минных заграждений на подступах к Босфору, организовать систему опорных баз ВМФ на всем черноморском побережье Турции от Босфора до Трабзона, сосредоточив там до 50–60 тыс. наиболее подготовленных войск. Предполагалось возможно шире использовать подводные лодки из Германии для рейдов на Черном море на предельном отдалении от Стамбула и Проливов против русских судов и по возможности портов. Наконец, обеспечивать оборонительный характер защиты Проливов за счет тесного взаимодействия флота и армии³⁸.

Во-вторых, и это была другая концепция, исходить из прецедента занятия Севастополя в 1855 г. и Порт-Артура в 1905 г. преимущественно силами флотов и десантов. Навязать русским изнурительную подводную войну, ускоренно строить и закупать именно субмарины, миноносцы и эсминцы вместо легко уязвимых плавучих батарей — дредноутов. Вести против России беспощадную наступательную войну силами быстроходного надводного и новейшего подводного флотов. Тщательно изучить и претворить в Черном море опыт войны 1904–1905 гг. Японии против России³⁹.

В конце концов было принято компромиссное решение. По плану действий, согласованных между Энвер-пашой и В. Сухоном, следовало довооружить босфорские форты; под прикрытием флота организовать мощный десант на Одессу или на один из пунктов России на Черноморском побережье Кавказа. В случае достижения военного союза с Румынией считать наиболее перспективным соединенный румыно-турецкий десант через румынскую территорию на Одессу⁴⁰.

Удачная операция по затоплению английской подводной лодки в Дарданеллах поощрила турецкое командование на разработку серии рейдов к берегам России подводных лодок. Таковые должны были быть полу-

³⁸ Риза Шакир-бей. Лейтенант флота 1-го класса, оперативный офицер 8-го Русского Морского Штаба Османской империи. «Записка на случай войны с Россией». РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4225. Л. 27—27об.

³⁹ Али Риза-бей. Фрегат-капитан, оперативный офицер 3-го, Черноморского, Отдела Морского Штаба Османской империи. «Записка о наступательной стратегии в войне с Россией». Там же, л. 29—29об.

⁴⁰ М. Н. Гирс — С. Д. Сазонову. 31 августа 1914 г. Там же. Д. 4264. Л. 106.

чены из Болгарии и Румынии в дополнение к двум новейшим, доставленным в октябре 1914 г. из Германии. Немецкие советники раскритиковали идею одесского десанта и предложили основные усилия сосредоточить на плотной обороне Проливов и на действиях на Кавказе. Однако Энвер-паша настоял на своем⁴¹.

Турецкая эскадра, в составе которой были упомянутые германские тяжелые крейсера, 28 октября 1914 г. встретила в нейтральных водах к северу от Босфора отряд в составе русского минного заградителя и трех миноносцев. В ходе скоротечного огневого контакта один русский корабль был затоплен, команда взята в плен. Турки узнали, что отряд шел ставить мины у входа в Босфор. Тогда же были причинены некоторые повреждения одному из русских портов. Так изложил нападение турецкого флота на русские корабли и обстрел Одесской гавани, Севастополя, Феодосии и Новороссийска 28–30 октября 1914 г. турецкий посол в Париже Рифаат-паша французскому МИДу. Посол сделал неловкую попытку придать пиратскому рейду без объявления войны некоторую благовидность. «Турецкое правительство, — заявил Рифаат-паша, — считает, что русский командир корабля ставил мины у Босфора без одобрения своего начальства и готово пленных русских моряков возвратить»⁴². Рифаат-паша был очень удивлен, что Делькассе выслушал его совершенно рассеянно и любезно с ним простился, не дав никакого ответа.

В состав экипажей турецких кораблях, совершивших пиратский рейд в Черном море, как и на кораблях, обстрелявших английский миноносец вблизи от Дарданелл, входили моряки германского флота.

Совместная агрессия Османской империи и Германии против России и, следовательно, ее союзников стала свершившимся фактом. «Война началась в 5.30 ночи 29 октября» — телеграфировал А. Н. Щеглов.

Посол в Петрограде Фахретдин-бей попытался и в этой ситуации заручиться обещанием России не посылать свои корабли к турецким берегам в обмен на заверение, что османский флот больше не появится в Черном море. В ответ С. Д. Сазонов в ультимативной форме потребовал заведомо невозможного — немедленного удаления всех немцев из армии и флота в качестве предварительного условия переговоров о компенсации за «вероломное нападение на наши берега и причиненный от этого ущерб». Послы Антанты поддерживали требование России.

⁴¹ Muhlmann C. *Deutschland und die Türkei*. S. 100–102.

⁴² А. П. Извольский — С. Д. Сазонову. 20 октября – 2 ноября 1914. РГАВФМ. Ф. 418. Д. 4264. Л. 227. *Международные отношения в эпоху империализма*. Т. VI. С. 457–460.

Великий везир Саид Хильми-паша, председатель меджлиса Халиль-бей, даже ряд высших офицеров армии на экстренном заседании военного кабинета и Комитета иттихадистов 1 ноября 1914 г. высказались за аннулирование союза с Германией и за удаление всей германских военных советников.

Поздно... Слишком поздно. Губернатор Стамбула Мехмед Талаат-паша после краткого обмена мнениями с членами триумvirата напомнил собравшимся о том, что город под прицелом орудий германских (под турецким флагом) крейсеров. Вокруг особняка, где шло заседание, стояли караулы германских моряков. Джавид-бей «добил» колеблющихся: заем в 100 млн франков золотом утвержден в Берлине; через Болгарию уже поступили первые 2 млн турецких лир золотом в счет займа. К тому же, заметил прижимистый и рачительный министр финансов, Турция тоже начала подкармливать Германию: в Берлин отправлено на 300 тыс. марок муки и консервов местного производства.

— Уж продукты немцы нам никогда не вернут. Все, видимо, съели, — с грустью заметил Джавид-бей⁴³.

Последний довод был, естественно, неотразим, заседавшие заколебались. Энвер-паша вздохнул с облегчением и предложил подготовить воззвания к армии, флоту, ко всем мусульманам империи с призывом к «священной войне» против неверных держав Антанты.

11 ноября 1914 г. султанскими ираде было объявлено о войне с Россией, Англией и Францией. Война с Антантой в целом была провозглашена в тот же день фетвами (воззваниями) шейх уль-ислама. 18–19 ноября Англия и Франция объявили войну Османской империи. Великая империя османов сделала последний шаг к своему падению. Империя Романовых шагала туда же...

⁴³ Сводка агентурных донесений из Стамбула. Октябрь–ноябрь 1914 г. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2969. Лл. 21, 26–27, 28–29.

Дарданелльская операция Великобритании в годы Первой мировой войны

Силы и замыслы

Уинстон Черчилль, главный инициатор событий, ревниво относился к тому, что основные планы раздела Турции были составлены до него, как морского министра, и без него. Будущее соглашение Сайкс-Пико относительно зон влияния в Турции не имело ни формального, ни фактического участия военно-морского министра Великобритании У. Черчилля.

По сведениям из военного атташата России в Лондоне⁴⁴, У. Черчилль заявил в феврале 1915 г., что лично ему представляется важным предпринять в отношении Турции настолько решительные действия, чтобы перспективная операция по занятию пролива Дарданеллы напрямую вывела Великобританию на столь сильные позиции, в военном и дипломатическом смысле, чтобы можно было диктовать свои условия турецкому руководству. Черчилль подчеркивал, что Дарданелльская операция выходит далеко за рамки первоначально планировавшегося прикрытия Суэцкого канала и Египта. Военные наблюдатели в Лондоне считали, что идея об операции на Дарданеллы сложилась у Черчилля, видимо, в самом начале войны. Возможно, здесь русские архивные данные неверны и замысел существовал еще весной 1914 года.

При оценке взглядов Черчилля на перспективы Дарданелльской операции следует учитывать, что и он, как морской министр, и Адмиралтейство, и военное ведомство Великобритании — все они находились под сильным

⁴⁴ Дешепи военно-морского атташе в Лондоне Волкова см.: Российской Государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 2977.

впечатлением от раздувавшейся в прессе так называемой «Босфорской операции» русского ВМФ с привлечением сил сухопутной армии России.

Как свидетельствуют русские архивные документы, Босфорская операция (возникновение этой идеи относится еще к 1896 г.) планировалась в 1914–1915 гг. так широко и так громогласно, что детали «похода на Босфор» обсуждались в лондонских пабах — пивных всю осень 1914 — весну 1915 гг.⁴⁵. Россия бравировала. Англия сделала свои, силовые выводы.

По сообщениям от русских военных наблюдателей из Лондона, Великобританию и морского министра особенно озадачивал тот пункт записки об операции на Босфоре, где прямо говорилось, что Россия должна занять не только Босфор, но и Дарданеллы.

Ряд документов из того же источника, т. е. аппарата военно-морского атташе России в Лондоне, дает основание предположить, что Дарданелльская операция задумывалась в британском Адмиралтействе, во-первых, задолго до того как о ней было сообщено союзникам по Антанте; во-вторых, здесь имела место самая непосредственная связь с давлением Великобритании на Грецию⁴⁶.

Дело в том, что германизации турецкого военно-морского флота и росту влияния Германии на высшее военное руководство Турции Англия с весны 1914 г. противопоставила отчетливый курс на усиление британского влияния на военно-морской флот Греции.

Выражением этого процесса был известный план английского вице-адмирала М. Керра (март 1914 г.) о создании мобильного греческого флота для действий на мелководье Эгейского моря и Восточного Средиземноморья, предложенный им греческому правительству⁴⁷. Для Англии было важно заранее уточнить, кто будет рядом с ней в Дарданелльской операции. Слабая, но амбициозная Греция подходила более других партнеров.

В октябре 1914 г. Англия весьма прозрачно намекнула Афинам, что неизбежные действия английского флота в зоне Черноморских проливов будут иметь дальние перспективы, и что Греции следует обдумать свои территориальные претензии в этой зоне.

Осенью 1914 — зимой 1915 г. Афинам несколько раз по дипломатическим и военным каналам давали понять, что Англия обязатель-

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2936. Л. 2, 2об. —5. «Босфорская операция».

⁴⁶ Там же. Л. 14–20. Доклад по Морскому Генеральному Штабу.

⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. Генеральный Морской Штаб. Д. 2985. Л. 4–5.

но проведет крупномасштабную операцию именно в Дарданеллах, и стратегические греческие острова Лемнос и Лесбос в интересах самой Греции передать в распоряжение британского военного командования. Причем лучше до того, как Греция и Турция войдут в прямое военное противоборство.

Русская осведомительная служба в турецкой столице и в соседних балканских странах с нескрываемым удивлением сообщала «наверх», что тогда же (осень – зима 1914/15 гг.) через Каир, Салоники и города Леванта в военное ведомство Турции поступали сведения о готовящейся масштабной операции Великобритании в Дарданеллах. Причем источником информации были британские подданные: торговцы, люди свободных профессий и т. д., проживавшие в этих городах, либо тесно связанные с турецкими партнерами по коммерции.

Складывалось впечатление, что военная по замыслу Дарданелльская десантная операция британских военно-морских сил имела отчетливую заданность: подтолкнуть к участию в столкновении как Грецию, весьма «спокойно ожидавшую развертывающихся событий», как сообщал военно-морской атташе России в Греции А. Макалинский, так и Турцию, едва не ставшую союзником России в «Большой войне Западных держав» (выражение турецкой прессы)⁴⁸.

К началу марта 1915 г. англичане Грецию «дожали»: она приняла решение участвовать в Дарданелльской операции силами трех сухопутных дивизий в составе британского десанта на Галлиполийский полуостров. Причем Афины скрывали это решение и от Франции, и от России, но что можно скрыть от острого взгляда военных наблюдателей...

Разумеется, турецкие осведомительные службы тоже не пропустили без внимания факт оживления на военно-морских кораблях Греции, начавших с 10–15 марта деятельную подготовку к боевым действиям. Известно туркам было и о серьезных разногласиях в высшем эшелоне власти Греции относительно участия и в войне в блоке с Антантой, и в самой Дарданелльской операции.

В течение всей весны 1915 г. подготовка Англией Дарданелльской операции носила в первую очередь политический характер, и только потом речь шла о военной стороне дела.

Русские архивные документы позволяют сделать предположение о том, что идея Антанты об операции в Дарданеллах — первоначально

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. Генеральный Морской Штаб. Д. 3769. Л. 3–5 и след.

весьма личная инициатива суперчестолюбивого морского министра⁴⁹ Черчилля — ранней весной 1915 г. стала обрастать амбициозными планами заинтересованных сторон со скоростью, сравнимой разве что с бурным раскрытием весенней зелени на бульварах Афин, Софии и Стамбула. Черчилль мыслил широко и надеялся из Дарданелльского десанта получить максимум политических выгод. Шла речь о Болгарии, союзной Центральному договору.

Болгария готова была определенным образом в рамках Дарданелльской операции взаимодействовать с Грецией против Турции во имя того, чтобы получить территориальную компенсацию в турецких Македонии, Фракии и Добрудже. Возможным было нападение Болгарии на Сербию.

В Греции значительная часть правительственных кругов (кроме короля) надеялась отторгнуть, опять же в виде компенсации за участие в операции, турецкую Смирну (Измир) и часть прилегающего побережья. Греческие воинские подразделения должны были войти в Стамбул, ограничившись посещением храма Святой Софии, и покинуть турецкую столицу. Не исключалось вторжение в Болгарию и нанесение ей поражения (как союзнику Турции) либо существенного территориального ущерба⁵⁰.

Поскольку в России с достаточной полнотой представляли себе размеры не только общебалканской, но и всеевропейской катастрофы в случае вовлечения иных, кроме британских и французских, войск в десант на Проливы, отношение к расширению состава участников операции было крайне сдержанным. Однако сложившаяся после англо-русского соглашения 1907 г. о разделе Ирана на зоны влияния уверенность русского генералитета и мидовских кругов, что Турцию также удастся поделить на зоны преимущественного влияния, разбилась об упорное сопротивление турок в Дарданеллах. Затем пришли революция в России и крах Антанты.

Расстановка сил турецкой армии была достаточно продумана и хорошо организована. 1-я турецкая армия прикрывала Стамбул и европейские берега Босфора. Командующий — фон дер Гольц.

Кроме того, в береговой зоне Босфора находилось 3 батальона «низама», 24 батальона «редифа» и 8 эскадронов конницы.

⁴⁹ Основательная убежденность в этом, т. е. в личной заинтересованности Черчилля в «громком деле в Проливах», была высказана в «Стратегической записке по Морскому Генеральному Штабу» (середина декабря 1914 г.), предназначенной для высшего морского и сухопутного командования России (РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2974. Л. 7–9, 13, 15. Данный документ и мнение были известны Ставке и, возможно, царской семье.

⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. Генеральный Морской Штаб. Д. 3025. Л. 40–41.

2-я турецкая армия прикрывала Адрианополь и пространство до Стамбула. Ей (армии) подчинялось 40 батальонов «низама», 24 батальона «редифа» и 16 эскадронов конницы.

5-я турецкая армия под командованием Лимана фон Сандерса прикрывала Дарданеллы. Это была огромная сила: 271 батальон (из них — 111 «редифа»), 29 хорошо оснащенных пулеметных рот, 44 конных эскорта, 115 орудий.

Разведка отмечала, что турки имели на обороне Дарданелл скорострельные австрийские гаубицы, которых не было даже на многих участках Западного и Русского фронтов. Кроме того, разведка сообщала, что турки хорошо обращаются с очень редкими тогда зенитными орудиями против британских аэропланов и имеют минные аппараты, чтобы стрелять по морским целям⁵¹.

Операция Черчилля была изначально обречена на поражение, что и получилось. Антанта утратила возможность привлечь Турцию на свою сторону, хотя весной и даже летом 1914 г. для этого сохранялся определенный шанс⁵².

⁵¹ РГА ВМФ. Ф. 418, 1. Д. 4260. Л. 15. Иностранная статистика.

⁵² Об этом см.: Шеремет В. И. *Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны (По материалам русской военной разведки)*. М.: ТБС, 1996.

Раздел 3

Вопросы Теории

Становление Османской империи

700-летие османский государственности (1299–1999) — событие, отмеченное ООН и по-разному встреченное общественностью и учеными различных стран. Оставим в стороне острые политические оценки и ретроспекции тенденциозного характера, которые в избытке появились в связи с этой — достаточно условной — датой.

Автора подвигли на заявленные очерки отнюдь не юбилейные штудии. Речь могла бы идти прежде всего об удовлетворении острого и несправдливо любопытства широкой общественности к «образу соседа».

Два южных соседа России — Турция и Иран — неизменно присутствуют в ментальном поле россиянина. Персидские сказки как норма детского чтения и турецкие обиходные слова в русском языке, элементы быта и культуры турок и иранцев, которые уже не осознаются у нас ни чуждыми, ни тем более принадлежащими «супостату» — противнику, наконец, поразительная открытость «берега турецкого» русскому туристическому нашествию (с Ираном — существенно сложнее) — множество обстоятельств заставляет османиста ответить на ряд вопросов о стране соседа.

Эволюция «образа соседа», восприятие исторического наследия наиболее полно, на взгляд автора, реализуется через осмысление роли и места «соседа» в мировом цивилизационном процессе. Многоплановость таких образов и очевидная неразработанность имагологии как науки об «образе соседа» заставила автора прибегнуть к жанру исторического очерка, традиционного для российской ориенталистики и более всего отвечающего задачам создать научно достоверный и жизненно близкий — все тот же образ соседей по пространству и географическому историческому прошлому¹.

¹ Теме становления Османской империи посвящена обширная литература, в частности, см.: Миллер А. Ф. *Краткая история Турции*. М., 1948; *Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы*. М., 1963; Новичев А. Д. *Турция. Краткая исто-*

Становление бейлика

Европа еще не остыла от Крестовых походов, как с Востока потянуло опаляющим жаром новых войн. Сначала у границ усталой Византии, а затем и дальше — на пыльных дорогах Балкан, истоптанных крестоносцами, появились молчаливые смуглые всадники. Во второй половине XIII – начале XIV в. на полуострове Малая Азия, или иначе в Анатолии, начала складываться новая держава — Османская империя. Ее становление, как вся специфика цивилизационного типа, была напрямую связана с военно-миграционными процессами.

Суть дела в том, что вторая (после сельджуков) волна переселения тюркского этноса в Малую Азию из далеких просторов Центральной Азии была инициирована мощным давлением татаро-монгольского вторжения; поток этот как бы разбился на несколько направлений.

Часть сил под общепринятым условным названием татаро-монгольских войск устремилась в направлении раздробленных, ослабленных междоусобицами восточно-славянских княжеств, расположенных к западу от Волги. Вскоре татаро-монголы покорили почти всю Древнюю Русь.

Другая часть сил вторжения двинулась через Иран и Среднюю Азию по направлению к Средиземному морю. Они как бы гнали перед собой волны разрозненных и многочисленных, но воинственных тюркских племен. В 1243 г. татаро-монголы разгромили в Малой Азии войска Сельджукидов. К этому же времени их войска разбили и киевских князей. Установить в Малой Азии такую же централизованную систему власти, как на Руси,

рия. М., 1965; Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. *Очерки истории Турции*. М., 1969; Еремеев Д. Е. *Этногенез турок*. М., 1971; Книга законов султана Селима I. 1983; *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII вв.* М., 1984; Жуков К. А. *Эгейские эмираты в XIV–XV вв.* М. 1988; Петросян Ю. А. *Османская империя: могущество и гибель*. М., 1990; Еремеев Д. Е., Мейер М. С. *История Турции в средние века и новое время*. М., 1992; Шеремет В. И. *Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время*. М., 1996; Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи* / Под ред. М. С. Мейера. М., 1999; Самборский В. Прекраснейшая. Историко-документальное повествование из жизни Османской империи. Журнальный вариант. *Наука и религия*, 1995–2000; Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd. 1–10. Pest, 1827–1835. Akdag M. *Türkiyenin İhtimai ve İktisadi tarihi*. Cilt 1–2. Ankara, 1959–1971; Cahen Cl. *Pre-Ottoman Turkey*. London, 1968; İnalcık H. *The Ottoman Empire: The Classical Age 1300–1600*. London, 1973; Imber C. *The Ottoman Empire. 1300–1481*. Istanbul, 1990; Shaw St. J. *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*. V. 1 (1280–1808). Cambridge, 1976; *An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914* / Ed. İnalcık H., Quataert D. Cambridge, 1994; Özkaya Y. *Osmanlı İmparatorlugunda Ayanlık*. Ankara, 1994.

татаро-монгольские полководцы не смогли. И сил не хватило, и Византия еще довольно крепко держалась, да и Иран оставался в тылу продвигавшихся к западу войск.

В Западной и Центральной Анатолии сложилось почти 20 мелких княжеств, лишь формально признававших вассальную зависимость от монгольских правителей, оставшихся далеко на востоке, в сердце Центральной Азии. Эти княжества, или *бейлики* (от слова *бей* — правитель) населяли отступившие под натиском войск Чингизхана и его преемников кочевые турки и осевшие еще раньше в Анатолии кочевые и полукочевые племена тюркского корня.

Племена говорили на одном, с диалектальными различиями, языке, были отрезаны Ордой от ставшей недостижимой родины — далекого Туркестана. Естественным состоянием их была вооруженная мобильность мужчин и военно-кочевой в целом образ жизни. Часть вольных или невольных переселенцев воевала друг с другом и с соседями — византийцами, греками, армянами, персами, арабами; другие тоже сражались, но больше занимались земледелием и пасли скот. Те и другие группы тюркских переселенцев замещали друг друга в общем цивилизационном потоке. Объединяло и воинов, и пастухов-земледельцев общее сознание: чтобы выжить в чужих землях, надо было крепко держаться за собрата-соседа и хорошо владеть оружием.

Выделяются умелые военные вожди — *эмиры*, *беи*, бродячие проповедники — *дервиши*, исламские (мусульманские) руководители — *баба* (буквально — отец), или *шейхи*. Вожди: светские — эмиры, т. е. «повелевающие», и религиозные, «отцы» — объединяли своих воинственных собратьев силой оружия и силой убеждения — слова. Достаточно рано вокруг эмиров сложились дружины воинов, фактически профессионалов. А куда направить горячего скакуна и острый, изогнутый, как серп молодой луны, клинок из голубоватой стали — на это указывали вожди религиозные.

Любая война с «неверными», т. е. людьми другой веры, была делом вполне богоугодным и очень выгодным. Устойчивое противостояние всему инакоустроенному, иначе газават («победоносные действия за веру») как системное качество помогло выжить наиболее компактному, крепкому бейлику на северо-западе Малой Азии.

Здесь правил первый независимый бей по имени Осман (1288–1324). От его имени государство стало называться Османская держава, а позднее по-западному — империя, — и проживали тут турки-османы. Оно про-

существовало как монархия (султанат) до 1922 года, то есть непрерывно и при одной и той же османской династии, что достаточно раритетно для мировой истории, почти 700 лет!

Сам Осман и его ближайшие преемники Орхан (1314–1362), Мурад I (1362–1389) и Баязид I (1389–1402) были людьми лично очень храбрыми и умелыми в бою (иначе какой пример воинам?), необычайно деятельными, энергичными и расчетливыми в политике. При этом они умели точно просчитывать свое место в окружающем мире, чужеродном в этническом, социальном и культурно-религиозном смыслах.

Во-первых, беи-османиды взяли за пример жизнь пророка Мухаммада и его праведных сподвижников – халифов, которые при жизни только одного поколения мечом и Кораном создали Великий Арабский халифат. «Мы правим, мы повелеваем, — считали они, — значит, и мы отмечены милостью Аллаха!»

Во-вторых, и это было не менее важно, их владение, т. е. их бейлик оказался вдали от ордынских наместников-баскаков, столь же беспощадных в Азии, как и на Руси. Соседство Византии, которая вначале благосклонно взирала на новых воинственных соседей-турок, как бы отгородивших Византию и от арабов, и от ордынцев, первые османские правители, или султаны, использовали с выгодой для себя.

Они хотели и умели учиться. Всему — и военному делу у опытной великой державы «ромеев» Византии, в первую очередь. Кроме того, турки перенимали опыт тысячелетнего управления государством, искусства византийской тонкой, построенной на разведке и личных преемственных связях дипломатии, а также налаженной веками организации земледельческих работ в Анатолии, житнице древнего мира, которая вскормила хеттов и допотопные цивилизации. Если где-то утвердилась сильная власть и раскинулись тучные поля, то туда и направят свои кибитки все новые и новые переселенцы из тюркских племен. Они вливались в османский бейлик, создавали по соседству с османидами свои поселения, которые впоследствии, когда добровольно, а когда хитростью или оружием, присоединялись к бейлику. Нетерпимость к соперникам, фанатическая устремленность к подчинению всего инакого, неосманского, были заложены в генотипе молодой государственной системы.

К началу 50-х гг. XIV в. турки-османы уже поили своих коней в водах Босфора, жадно поглядывая на пока неприступный византийский Константинополь. Они укрепились в г. Бруса (Бурса), в некогда богатых византийских городах Никея (Изник) и Никомедия (Измит). Далее, за

проливами Босфор и Дарданеллы, простирались богатые и вечно конфликтовавшие балканские земли. Османы ждали своего часа, готовились к мощному рывку в Восточную Европу, укрепляли, разумеется, не формулируя такой постулат — свою социально-экономическую систему и государственное устройство. В основе экономической и политической организации османидов лежала военно-ленная система.

Заложенная при первых султанах династии Османов, эта система стала стержнем османского государства и одновременно — основой и воплощением мощной боевой организации, три столетия подряд осуществлявшей распространение и удержание османского господства в Азии, Северной Африке и на Балканах.

Военно-ленная система как специфика османидов и как аналог подобных структур в других странах Востока складывалась постепенно; на это ушло около 100 лет. Она оформилась к середине XV в., т. е. ко времени падения Константинополя в 1453 г. Отдельные позиции военно-ленной системы сложились и упрочились именно в ходе завоевательных походов турок на Балканы, начиная примерно с 1352–1357 гг., т. е. в период, предшествовавший падению Византии.

Военно-ленная система доказала свою относительную устойчивость уже тем, что с изменениями, надломами и подправлениями просуществовала с XIV в. до середины XIX в., т. е. пять столетий. Она была введена «сверху» — султанами и отменена была тоже «сверху», когда полностью изжила себя и не позволяла туркам войти — не формально, как временный военный союзник, а как партнер, готовый адаптироваться к новым условиям, — в складывавшееся сообщество европейских держав, когда шел этап завершения первой промышленной революции.

В основе военно-ленной системы лежала идея абсолютной собственности османского султаната на всю имевшуюся и вновь мирно присоединяемую либо вооруженной силой захваченную землю. На условии обязательной, в первую очередь военной, службы *лично* султану ленник, или *сипахи* (что значит «вооруженный воин на коне»), получал в держание (не в собственность!) земельный надел. В зависимости от величины подати, которая собиралась, наделы назывались *зеамет* (примерно 20–100 тыс. акче в год, т. е. серебряных монеток весом по 1 грамму серебра) или *тимар* (если подать с надела составляла от 3 до 20 тыс. акче). Были очень крупные наделы — *хассы*, с которых подать превышала 100 тыс. акче, т. е. 100 тыс. грамм серебра в год. Но эти наделы получала только высшая знать и только на время активной службы.

Держатели наделов назывались *тимариоты*, и вся система называется тимарная, или военно-ленная.

Примечательно, что пока турки не заняли много земель на Балканах, сипахи, т. е. военный ленник имел право только на какую-то не очень значительную долю подати с завоеванных земель. Все остальное шло на дальнейшее расширение экспансии, т. е. на сугубо военные цели.

Сипахи был, естественно, лично заинтересован в увеличении своей доли, в новых успешных походах. От его длительной, на всю жизнь, службы, от оцененных очевидцами подвигов и от личной преданности султану зависело получение (или утрата, было и такое!) новых тимаров и зеаметов. Тем более что передать по наследству надел было нельзя. Сыновья сипахи с детства учились военному делу, но добывать свой надел им предстояло самостоятельно. Своим мечом! Личной службой и личной верностью султану!

С годами сложилась самая многочисленная прослойка военной структуры — «мужи меча». Их задачей была военная служба в рядах конного войска с юности — едва мальчик начинал стремена ногами доставать — и до старости, пока рука держала ятаган, особый меч (буквально — «укладывающий врага на месте»). Одновременно сипахи отвечал за «тишину и порядок» в своем наделе и за исправное поступление всех налогов в казну. Вооружался сам и содержал за свой счет положенное количество воинов.

Дело не простое, если учесть, что Османская империя фактически не знала крепостного права. Формально любой крестьянин-общинник и самый приближенный к трону сипахи были равны и лично свободны. Идея осознанной, как неотъемлемая часть жизни, воинской службы султану, тени Аллаха на Земле, пронизывала все существование турка-османа.

Это было общество воинов, живших войной и во имя новых войн! Новые земли увеличивали количество сипахиев. Росла численность армии, возрастали ее возможности к захвату новых земель. Причем крепостное право на захваченных землях, если оно там было до прихода османов, фактически отменялось. До турок-османов в Малой Азии были распространены поселения с этнически смешанным населением, а веротерпимость первых османидов и доступность перехода в ислам местного населения делали переход в состав воинов — основной общественной силы нового государства — первопоселенцев Малой Азии (греков, армян, курдов, славян, грузин и т. д.) и первопришельцев (огузов, сельджуков и т. д.) явлением вплоть до XV в. обыденным. Исследования отечественных и зарубежных, в частности турецких, османистов дают основания

полагать, что этногенез турок в Малой Азии реализовался в процессе как хозяйственного освоения анатолийских земель, так и военного расширения османского бейлика.

Военную силу конного войска латников-сипахи удачно дополняли пешие постоянные части, состоявшие на полном казенном содержании под названием *янычары*, или «новое войско». Созданные еще при Орхане I (1320–1359) из добровольцев-военнопленных в качестве ударного пехотного отряда, янычары к концу XIV в. приобрели общепризнанную славу лучшей в мире пехоты. И оставались таковой почти 300 лет.

Постепенно, с утратой открытости начального этапа государства османов янычар стали набирать из детей славянского, албанского, греческого населения Балкан в порядке «налога кровью» — *девширме*. Мальчиков (6–8 лет) обращали в ислам, воспитывали в турецких семьях наравне с родными детьми, учили военному делу и с детства прививали им чувство безграничной веры в турецкого (османского) султана и уверенность в превосходстве янычарского боевого братства над всем остальным миром.

Лишенные семьи, жившие до конца дней в казармах, эти дети разных народов были преданы только своему корпусу, как семье. Они умели хорошо, профессионально воевать и, подчиняясь только воле султана и его представителей, как бы уравнивали в государственном устройстве тимариотов, имевших и искавших собственность. В военном деле они дополняли конных рыцарей — сипахи. Янычары часто сидели за спиной мчавшегося на прорыв сипахи и, соскочив с седла, рубились в пешем строю. Вместе они — янычары и сипахи — были непреодолимой силой для разобщенных, слабо дисциплинированных рыцарей и ополченцев центральноевропейских и балканских государств. Они же воплощали этническое слияние и религиозное единство под знаменем ислама, бесконечное разнообразие этносов и общественных устройств, унаследованных османскими правителями в Малой Азии и на первых завоеванных ими землях Балкан.

Военно-ленная система была упорядочена, кодифицирована в первой половине XV в. Ее сутью стала централизованная власть над главным богатством во все времена — собственностью на землю, состоявшей из мелких условных держаний воинов-сипахи при наличии немногих частных, передаваемых по наследству богатых земель мусульманского духовенства и высшей знати. Причем частные владения в большинстве своем появлялись на территориях, захваченных во время военных походов на Балканах и в других регионах.

Внешняя экспансия османидов

Первые крупные победы и первые захваты турки-османы совершили уже при втором своем правителе — Орхане в 50-х гг. XIV в. Примерно за 30 лет, то есть при жизни одного поколения воинов они заняли значительную часть Балкан. Это удалось прежде всего благодаря тому, что пришлые турки использовали бесконечные распри и столкновения местных правителей. Кроме того, тюркские номады несколько веков (до османидов) уже нанимались на военную службу к многочисленным претендентам на византийский престол и использовали ситуацию в свою пользу. Все правители нуждались в крепкой руке и остром клинке тюркских наемников. Однако именно османиды поставили и реализовали далеко идущие цели. Они даже перенесли свою столицу из Малой Азии в Адрианополь (сегодня — Эдирне) и, оставив Константинополь в тылу, все силы бросили на Сербию и Болгарию.

В 1389 г. в жестокой битве на Косовом поле турки разбили храбрых, но плохо дисциплинированных сербов и боснийцев. Сербское государство потеряло независимость (эта дата и сегодня в Сербии отмечается как день национальной трагедии). В течение следующих семи лет турки-османы разгромили Болгарское государство (1393 г.), нанесли поражение объединенным силам венгров, валахов, болгар и западноевропейских крестоносцев (1396 г.). Византия потеряла своих христианских союзников в борьбе с османами и стала платить дань султану.

Вторжение в 1402 г. войск великого завоевателя Азии Тимура (Тамерлана, 1370–1405) на полсотни лет приостановило распространение османской экспансии в Европу. Впрочем, борьба с Тимуром велась на просторах Малой Азии беспощадная, крайне истощила местные сообщества, и османиды были близки к полному разгрому. Но они уже опирались не только на анатолийские владения.

В новых балканских землях турки притаились, накопили сил и к 1446 году, когда угрозы сокрушительного удара со стороны преемников Тимура не было, овладели даже самым югом Балканского полуострова — Мореей. Константинополь теперь стал близкой и вполне доступной целью османов. Фактически турки стояли под его стенами более 50 лет — с 1396 г., когда на азиатском берегу Босфора они построили сильную крепость Анадолу-хисар. Вероятно, это была самая долгая осада в мировой истории.

Мехмед II Фатих (1451–1481 гг.) претворил в жизнь цель четырех поколений турок-османов. 22 мая 1453 г. после длительной, умело орга-

низованной осады и яростного штурма пала древняя столица Византии. Вместе с тремя другими датами — открытием Христофором Колумбом пути в Америку (1492), изгнанием потомков арабских завоевателей (мавров) из Испании (в том же году) и вновь освоенным проходом из Европы в Индийский океан вокруг мыса Доброй Надежды на юге Африки дата падения Восточной Римской империи (Византии) открывала новую страницу, новую историю в жизни тогдашнего обитаемого мира. Это и есть цивилизационно значимая, иначе — бифуркационная точка в развитии обществ Европы, Азии и Америки.

Султан Мехмед II, прозванный Фатихом, т. е. Победоносцем, Завоевателем, перенес сюда столицу Османской империи, которая и по сегодняшний день носит турецкое название Истанбул (Стамбул).

Последний восточно-римский император Константин XI Палеолог погиб в бою. Детей он не имел. Султан настойчиво приглашал к себе на службу, под покровительство его племянников — вероятно, чтобы взять под контроль судьбу императорской короны Византии. Из трех прямых наследников византийского императорского титула на службу к турецкому султану поступил и всю жизнь прожил при султанах младший из братьев — Мануил. Его старший брат Андрей и их сестра Софья-Зоя Палеолог оказались после 1470 года в Москве, где *Софья* — наследница византийского трона стала женой Великого князя Московского Ивана III. Мехмед II до самой смерти в 1481 году не мог смириться с этой потерей, а также с тем, что после 1480 года Московское государство окончательно избавилось от тюркско-монгольского господства Золотой Орды. Впрочем, единственное, что османиды смогли противопоставить укреплению Московского государства, — это овладение северными водами Черного моря.

В 1475 году сильная турецкая армия заставила Крымское ханство признать себя данником турок. На три века Крым стал форпостом османской цивилизации в Северном Причерноморье, мощным антимосковским оружием османидов.

Столица Османской империи Стамбул была выгодно расположена на пересечении мировых торговых путей, в ней жили тысячи умелых ремесленников, были огромные запасы оружия и товаров Средиземноморья и Причерноморья. Все эти возможности покоритель Вечного города Мехмед II хорошо использовал для новых военных походов. Окончательно были подчинены Сербия, Босния, юг Греции, а также Дунайские княжества — Молдавия и Валахия. После 30 лет боев турки заняли большую часть Албании. Независимой осталась маленькая героическая

Черногория. В 1480 г. была сделана попытка захватить юг Италии, но она оказалась неудачной, и от Южной Европы османы все внимание перенесли на более освоенные направления экспансии.

Преемники Мехмеда II продолжали его политику в трех главных направлениях: Юго-Восточная Европа, Северная Африка (Египет, Алжир, Тунис) и земли Аравийского полуострова. Наносились удары по Ирану и Закавказью. В 1569–1571 гг. были сделаны попытки отбить у Ивана Грозного Астрахань и, возможно, Казань и тем самым обойти с севера главного соперника на Востоке — Иран.

В русских землях турки были наголову разгромлены и обессилены. В Европе османы потерпели в 1571 г. сокрушительное морское поражение при Лепанто (Греция). В 1606 г. на территории Венгрии был подписан договор Османской империи с Австрией, фактически остановивший продвижение турок в Европу.

Тем не менее, это была одна из самых мощных мировых империй. Ее силу составили не только военные походы, но и систематическое внимание султанов к государственному устройству империи. Это было главным условием столь долгого существования, почти семь веков, данного цивилизационного типа общества.

Развитие структуры власти

К XVI веку сложилась довольно гибкая система управления собственно османско-турецкими территориями в Малой Азии и вновь завоеванными землями. Своего рода испытательным полигоном систем управления стали Балканы. Турки установили свои военные и политические порядки таким образом, чтобы отделить «свои» Балканы от остальной Европы «барьером из копий» (военной силы) и новых законов. Османы-захватчики сильно отличались по экономическому и культурному уровню, по религии и, в меньшей степени, этнически — в связи с наличием большего нетюркского компонента — от христиан, преимущественно славян, греков, молдаван и валахов, живших на Балканах. Причем балканцев численно было во много раз больше, чем османских захватчиков.

Османиды хорошо понимали, что одной военной силой покоренные народы не удержат. Они передоверяли или сохраняли фактическую власть многим местным правителям. Но только тем, которые выражали им покорность — сложили оружие и приняли ислам, религию победителей.

Поощрялись создание исламских религиозно-культурных центров и переход простого люда в ислам. Формально новообращенные мусульмане уравнивались с завоевателями и переходили от своих христианских хозяев под «милостивую руку исламского султана». На деле чаще всего получалось так, что правители и держатели земли из местной знати были мусульманами, а основная масса крестьян и ремесленников оставалась христианской.

Конечно, исламизировать, т. е. обратить в ислам, городской люд было легче — компактно жили. Поэтому на Балканах сложилось так, что город, где обосновались власти и знать, был мусульманским, а деревня оставалась христианской. Это было весьма зыбкое, неустойчивое равновесие, существовавшее за счет придавленности экономического развития балканской периферии османским центром власти.

Османские правители сумели, впрочем, воспользоваться массовым недовольством православного населения в Византии и на Балканах заключенной по инициативе Константинополя в 1439 г. унией православной и католической церквей, при главенстве Папы Римского над всем христианским миром. На Балканах веками помнили чудовищные жестокости пришельцев с Запада — католических рыцарей времен Крестовых походов, боялись усиления крепостничества, разрушительных налогов и в целом окатоличивания, вероятно, больше, чем внешне простых и понятных в своей уравнительности идей ислама.

Главное — османиды, захватывая власть, не отбирали у местного крестьянина землю, которую он обрабатывал поколение за поколением, а что происходило в далеком городе на Босфоре, где сидел султан, и что он планировал, никто толком не знал. Так продолжалось до определенного уровня развития общественного сознания, но это уже произойдет в эпоху Возрождения Балкан (середина XVIII–XIX в.).

Стремительное расширение Османской империи за счет разнородных по религиям, этническому происхождению, культурному и экономическому уровню народов заставило турок использовать систему капитуляций («капитул», т. е. раздел, глава).

Это понятие вошло в историю как соглашения, или договоры османских султанов с европейскими монархами. Договоры имели главы, или капитулы, определявшие порядок отношений между мусульманской Османской и христианскими державами. Первоначально, т. е. в XV–XVII вв. военная Османская империя из милости «даровала» по капитуляциям какие-то выгоды: по налогам, по ввозу-вывозу товаров, другие привилегии, например,

французским, генуэзским, английским и иным торговцам на султанских территориях.

Османиды полагали (или хотели, чтобы так было), будто все европейцы голодают и плохо одеты. Дипломатов и торговцев из Европы мыли в банях (что было порой очень полезно), кормили из рук, вкладывая в рот — высокое уважение! — отменные шашлыки и роскошные фрукты, набрасывали им на плечи дорогие кафтаны. Иногда это были меха, купленные у русских торговцев. Но все это делалось в весьма пренебрежительной форме, умалявшей личное достоинство человека. Отсюда — и устоявшееся понимание капитуляции как символа унижения.

Первый проект договора-капитуляции, ставшего прообразом многих последующих, был выработан между Османской империей и Францией в 1536 г. Французы получили право торговать на всей территории империи, при этом пошлины с них взимались такие же, как с подданных султана. Аналогичные права получали турецкие торговцы во всех владениях французского короля. «Капитуляционная» суть договора заключалась в другом — Турция соглашалась на осуществление двойного судопроизводства на своей территории, то есть основанного и на исламском праве, и на законах Франции, которыми руководствовались французские консульские суды. Предписания кади (мусульманского судьи) могли игнорироваться иностранными подданными; предписания консульского суда носили обязательный характер для османских подданных.

Кроме того, Франция получила право протектората над христианами-католиками в пределах государственных границ Османской империи. Все торговые корабли, кроме венецианских, в подконтрольных османским властям водах Средиземного моря отныне обязаны были нести, а следовательно, покупать право на это — французский флаг. Черное море осталось закрытым для всех европейцев без исключения.

В XVII–XVIII вв. западные державы уже не нуждались в «султанских милостях», а требовали и силой добивались их, но термин «капитуляция» как сдача на милость победителя закрепился.

Другой стороной проблемы было включение в систему капитуляций отношений османского султана с теми правителями, которые вошли в империю на особых правах, т. е. имели стабильные оговоренные льготы, например, Молдавии и Валахии, некоторых островов Средиземноморья (о. Самос). Это касалось не только торговых, но и религиозно-административных проблем местного управления.

Так, на принципах соглашений, т. е. капитуляций строились отношения султана и главы православных христиан — Вселенского Патриарха. Он жил в Стамбуле под полной и постоянной защитой турецкого султана. В течение пяти веков султан и патриарх (обычно из греков) поддерживали, опираясь на взаимное капитуляционное соглашение, сложившийся порядок османского правления на Балканах. Это позволяло и туркам-правителям, и верхушке христианской церкви получать — каждому свою — немалую долю прибыли от эксплуатации местного населения. Султан и патриарх нуждались друг в друге. Это был редкий цивилизационный феномен.

Таким образом, система капитуляций носила фактически тройной характер, а общее руководство капитуляциями, как торговыми, так и религиозно-административными, осуществляло ведомство иностранных дел. Позднее, в XVIII–XIX вв. на капитуляционной основе стали строиться отношения не только с православными подданными, но и с приверженцами других религий — подданными султана.

При Сулеймане I (1520–1566 гг.), прозванном Кануни, т. е. Законодателем, Османская империя стала мировой державой. Окончательно сложилась и заостенелась система внутренних связей империи. Личность, особа султана стала воплощением полноты власти в империи. Это была даже не пирамида власти, как принято говорить, а настоящая вертикаль власти, где все сановники, даже самые высшие, были лишь исполнителями воли султана, или падишаха. Принцип восточной деспотии, о котором обычно говорят на уроках истории Древнего мира, когда вся земля принадлежит Правителю, его воля ограничена только Богом, — в Османской империи нашёл реальное воплощение.

Султан был верховным владельцем земли, главнокомандующим всеми мусульманскими войсками в войне с «неверными», а также (примерно с 1517 г.) *халифом* — высшим духовным вождём мусульман не только Османской империи, но и всего мира, от Гибралтара до Китая. Это прибавляло значимости и авторитета султану-правителю.

От имени султана административную власть осуществлял *великий везир* («главнонаблюдающий»). Эта должность существовала с 1327 по 1922 год непрерывно, что является одной из специфических черт властной системы османов.

Духовная власть не передавалась, а только препоручалась *шейху ульт-исламу*, то есть высшему мусульманскому духовному лицу.

Каждый из высших двух лиц империи имел свои ведомства. Великому везиру подчинялись дела военные, гражданские, финансовые, иностран-

ные и все виды хозяйственной жизни. Шейх уль-исламу были подотчетны вопросы юстиции, судебное дело, школьное дело, а главное — вся духовная жизнь империи, включая образование, и руководство огромными земельными владениями мусульманского духовенства. Шейх уль-ислам обладал уникальным правом одобрить (или не одобрить) любое решение властей с точки зрения Корана и норм мусульманского права. Даже указы султана нуждались в его одобрении.

Руководители главных государственных ведомств, иначе — *везиры*, виднейшие мусульманские правоведы — *улемы* и особо приглашенные высшие сановники составляли Августейший Диван — Совещательный орган при султанах.

Формально все высшие чины империи считались «рабами султана». Их жизнь и имущество принадлежали повелителю. Причем буквально. В любой момент палач мог накинуть шнурок на шею любого чиновника, хоть великого везира. Правда, великий везир имел особую привилегию — его отрубленная голова «покоилась» при случае на богатом серебряном блюде. Головы всех прочих сановников попадали на подносы деревянные. При такой системе казни чиновников всех рангов осуществлялись «для примера». В итоге процветали воровство и взяточничество по принципу «хватай, пока жив».

Все население страны делилось на две категории. Первая — придворные, военные, гражданские и мусульманские чиновники. Они не платили налогов и составляли правящую, высшую ступень османского общества. Вторая группа — это те, кто платил налоги. И мусульмане, и христиане.

Это обстоятельство давало формальный повод говорить, что в империи османов XVI–XVIII вв. люди равны перед султаном. Одни страдают, но управляют, другие мучаются, но исправно платят налоги. В жизни, естественно, все было иначе.

Действительно, крепостного права не было. Положение немусульман, однако, было принижено. Они были фактически и юридически неполноправными подданными уже потому, что и налогов они платили неизмеримо больше, и их свидетельства в суде не принимались. Не брали христиан ни на воинскую службу, ни на какие-либо самые мелкие административные должности. Не доверяли, значит, и равенства в принципе не было.

Жесткая централизованная система управления предусматривала деление на области, районы, уезды (с другими, конечно, турецкими названиями). Главное, что в них четко расписывались владения и доходы с

них, размеры поступлений в казну. Национальный признак расселения игнорировался, что на Балканах позднее, уже в наше время послужило дополнительным источником многих конфликтов.

Полнота власти на местах в XVI–XVIII вв. принадлежала *бейлербею*, позднее — *паше*, главному начальнику, который отвечал, в буквальном смысле головой, за поступление налогов в Стамбул. Паша был и военным, и одновременно гражданским правителем. Ему же принадлежала высшая полицейская власть.

Деятельность правителя любого ранга регламентировалась специальными *канунами* — законами, которые издавались в Стамбуле. Подотчетны такие правители были лично верховной власти — султану.

Главной фигурой в административно-судебной системе был кади, мусульманский судья, подчинявшийся шейх уль-исламу. На основе мусульманского права кади руководили повседневной жизнью мусульман. Причем настолько «деятельно» и «предметно», что к кади люди шли жаловаться на обмер-обвес на базаре, на супружескую неверность, на порку, которой, по мнению пострадавшего, отец «не по делу» подверг сына, и многое другое из мелочей повседневной жизни.

Постепенно жизнь немусульман перешла в ведение (за исключением уплаты налогов) местных религиозно-национальных общин, или *миллетов*. Малозначащие в XIV–XV вв., они приобрели большой вес в XVIII–XIX вв. благодаря тому, что получили право от имени султана собирать налоги с единоверцев. Постепенно на миллеты стали распространяться капитуляционные права, которые турецкие власти предоставляли подданным европейских держав в Турции.

Вопреки стремлению султанской власти предельно ужесточить и контролировать «вертикаль власти», сама практика захватов чужих земель и необходимость ими управлять раскачивала эту вертикаль за счет различных отклонений от первоначальных правил.

Становление османского варианта цивилизации в целом укладывалось в апробированные самим историческим процессом рамки. Сюда можно включить социокультурную и экономическую подготовленность малоазиатского региона вобрать и ассимилировать компактные массы тюрков-номадов (VI–XII вв.); военно-кочевое устройство последних пришельцев-тюрков в Малую Азию (XII–XIII вв.), которое трансформировалось в военно-ленное устройство под воздействием уже имевшихся в регионе форм и методов власти и ведения хозяйства; хрупкое равновесие между экспансией и обороной Османского бейлика (затем Османского

государства), нарушавшееся османидами в пользу экспансии тем чаще, чем разобщеннее был сопредельный мир — на западе и юге Анатолии, на Балканах. Балканские территории стали объектом, затем опорой и сравнительно прочным тылом для османидов периода противостояния Тимуру, междоусобиц и формирования устойчивых структур властной султанской вертикали.

Приобретение все большего количества специфических черт в ущерб тому общемировому процессу, который несло Возрождение, и стремление скорее сохранить прошлое, чем адаптироваться к переменам в Европе; ряд военных поражений как следствие опоры османидов XIV–XVI вв. исключительно на силовые решения конфликтов с соседями; экономическая дезинтеграция — вот далеко не исчерпывающий перечень признаков османской ветви цивилизации на стадии отделения от общемирового цивилизационного ствола.

События и процессы Нового времени вызвали губительное для любой цивилизации противоречие — либо конвертироваться до схлопывания в кажущееся стабильным прошлое, либо приспосабливаться к неопределенному и динамичному будущему. Османиды вступали в эпоху перемен.

Европейская Турция как контактная зона междивизиационного обмена в османскую эпоху XIV – начало XX века

Заявка на цивилизационный подход к проблемам исторических феноменов, — таких устойчивых во времени и пространстве, как многовековая империя Османов, — неизбежно создает ряд проблем методологического и категориального свойства. Среди важнейших — вычленение культурно-исторической судьбы Европейской Турции, периферийного региона Османской империи, непосредственно связанного с самим понятием «цивилизации»².

Европогенность данного понятия очевидна. Припомним упорное толкование историками последних двух или даже более столетий территории Балканского полуострова (прежде всего материковой Греции и островов в Ионическом и Адриатическом морях) как единственно значимого центра Атлантической цивилизации.

² Под Европейской Турцией понимаются территории, расположенные на Балканском полуострове и в Юго-Восточной Европе в период от османских завоеваний в конце XIV в. до Балканских войн в 10-х гг. XX в. Термин достаточно условный, географически и политически не вполне корректный ввиду эффекта «шагреновой кожи», характерного для османских владений в этом регионе, которые испытывали непрерывное «геополитическое сжатие» и реставрацию государственности народов, покоренных на этапе экспансии Османского государства в сторону Европы. Еще менее удачно называть эти земли Турецкой Европой, хотя в некоторых работах по истории Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, появившихся в последние годы, в трудах ученых афро-азиатских стран употребляется и этот термин. Подробнее см.: *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.* М.: Наука, 1984. С. 218–236; *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* М.: Наука, 1998. С. 240–250; Шеремет В. И. Становление Османской империи. XIII–XVI вв. *Новая и новейшая история.* 2001, № 1. С. 60–69.

За пределы этого понимания, как известно, первым вышел А. Дж. Тойнби. Он опирался на «свои и чужие» исследования, причем одновременно и по истории Восточного Средиземноморья, и по туркологии. Он же первым «ушл» во внезападные ареалы и в описание порожденных там типов цивилизаций. Впрочем, в поле зрения самого Тойнби и целого ряда других исследователей, включая всем известного С. Хантингтона, оставались неизменно и преимущественно идеи конфликтности — противоборства одной локальной цивилизации с другой — в контексте поисков достаточно устойчивых и значительных (по временным и пространственным параметрам) долговременных типов цивилизаций³.

Если не у самого Тойнби, то после него (и вне его влияния, как правило) изучение локальных общностей, их противоборства (конфликтность) как сути развития цивилизаций трансформировалось в оценку (переоценку) геополитических парадигм⁴.

В известном диалоге двух выдающихся мастеров цивилизационного анализа Тойнби и Дайсаку Икеды среди идей, предвосхищавших глобализацию как один из вариантов развития нового миропорядка, содержатся подходы к осмыслению воздействия фрагментов (регионов) на целостную цивилизационную структуру⁵.

Следует признать, что ряд довольно острых дискуссий, состоявшихся в последние годы в России и за рубежом, весьма стимулировал изучение проблемы взаимодействия регионов через призму отношений «периферия — центр имперской власти». Исследователи отмечали межцивилизационные зоны Кавказа, Центральной Азии, Центральной Америки, Малайский этнолингвистический перекресток, но, как ни странно, не освещалась Балканская цивилизационная зона — Европейская Турция⁶.

Рассматривая Европейскую Турцию как контактную межцивилизационную зону, мы концентрируемся на взаимодействии преимущественно двух социокультурных типов: восточно-христианского и

³ Тойнби А. Дж. *Цивилизация перед судом истории*. М.: Прогресс, Культура; СПб.: Ювента, 1996. С. 182–188.

⁴ Wittfogel A. K. *Oriental Despotism: Comparative Study of Total Power*. New Haven, 1957. P. 120–123; Рожковский Е. Б. Цивилизации мира в современной науке. *Мировая экономика и международные отношения*. 2001, № 11. С. 6.

⁵ Тойнби А. Дж., Икеда Дайсаку. *Диалог Тойнби — Икеда: Человек должен выбрать сам*. М.: Леан, 1998. С. 312, 383.

⁶ Назаретян А. П. *Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории*. М.: Персэ, 2001. С. 106–115; *Encounter or Conflict of Civilizations on the Balkans. International Scientific Conference*. December 10–12, 1997. Belgrade, Historical Institute. Belgrade: Pravoslavna Reč – Novi Sad, 1998. P. 23–68.

исламского в его османско-турецком варианте. Этот контакт (обмен) репрезентативен для изучения взаимодействия имперского центра власти и Балканской периферии на протяжении более полутысячелетия. Опосредованное, минимизированное, но реальное влияние этого обмена на обстановку в регионе не только не снижается в начале XXI в., но и ощутимо возрастает.

Категория «формация», которой оперирует масса историков, связана с динамическими переменными: сменность форм собственности, перерывы государственности, этнополитические и этносоциальные катаклизмы, включая революции, и т. д. Мы инструментально оперируем с понятием «социокультура», которая, по нашему мнению, есть *совокупность духовных, социальных и материальных ценностей, сложившихся (сформировавшихся) в хронологически длительном процессе деятельности человечества в целом, общности людей и отдельных индивидов.*

На социокультурном основании, образно говоря, как на «стержне», откладываются витки цивилизационного процесса. В нашем понимании «цивилизация» — это исторически сложившееся единство духовного начала и материальной культуры общества, продукт (внешнее оформление) относительно длительного и стабильного развития социокультурной и этнической общности, заселившей определенную часть обитаемого мира. Такое человеческое сообщество включает обычно один или несколько этносов (для восточно-православного сообщества это, прежде всего, славяне и греки, а также ближневосточные христиане из сиро-арабов, армян и др.). Ареал расселения пульсирует в определенных параметрах. Однако ядро цивилизации сохраняется. Под таковым мы понимаем самовоспроизводящуюся демографическую и этносоциальную систему в определенном пространственном контуре. В нашем исследовании этим параметрам как раз и отвечал регион Европейской Турции.

Общепризнанно, что цивилизация «старше» формации и проходит, если это устойчивая цивилизация, две-три формации. Контактная зона Европейской Турции к тому времени, когда сюда пришли османы, вобрала в себя элементы родовой, рабовладельческой и феодальной систем общественной организации и соответствующие социокультурные традиции (основания).

К своему «приходу» в Европу османы «освоили» фактически эпоху демократии военно-феодального типа с мощным влиянием родовых отношений.

С чем они на Балканы пришли и что застали?

Ситуативно Европейская Турция с IV в. оказалась в зоне «цивилизационного разлома» — деления античного мира на Западную и Восточную Римскую империи. Большая часть Балкан вошла в Восточную Римскую империю и в восточно-христианское православное пространство. До XV в., то есть до османов, здесь прослеживаются два системообразующих компонента развития: феодализация и этно-консолидация. Они легли в основу восточно-христианского цивилизационного типа, зародившегося в Сиро-Палестинском регионе, но окрепшего именно на Балканах после разделов христианской церкви 395 и 1054 годов.

Здесь родилась славянская письменность, дополнившая грекоязычные богослужебные книги доступным широким массам материалом. Здесь в последующие века в яростной борьбе утверждались и проверялись огнем и кровью принципы взаимодействия церкви и государства, сталкивались вооруженные ненавистью друг к другу христианские толки — католичество и православие, христианство в целом и мусульманство.

Другим типом цивилизации было исламское общество, возникшее на юго-восточном излете христианского мира, в зоне взаимодействия иудаизма и христианства.

Мусульманская цивилизация прошла по краю Балканской контактной зоны первый раз в VIII в., когда воины халифата осаждали Константинополь. Контакты приобрели характер взаимного истребления во времена Крестовых походов XI–XIII вв., последовавших за разделением единой христианской церкви и проявлениями кризиса и распада в Арабском халифате.

Следует обратить внимание на тот факт, что, с цивилизационной точки зрения, немедленно после прекращения Крестовых походов (корректнее — после переноса их тяжести на восточно-славянские земли) последовал — в середине XIV в. — османский марш на Балканы.

Следует ответить положительно на вопрос, бросало ли балканское общество, оседлое и преимущественно аграрное, свой вызов османскому обществу, военно-кочевому или сравнительно недавно переставшему быть таковым. Неодолимое, фатальное для балканского мира вторжение было проявлением инерционного момента в движении тюркско-монгольского кочевого мира с Востока на Запад.

Османам дышало в спину безжалостное и чудовищное в своей истребительной потенции тюрко-монгольское сообщество ильханов, позднее Чингизидов и, наконец, Тимуридов. Кочевой мир «выдавливал» сельджуков, затем турок-османов все ближе к *Балканской контактной зоне*, закрываясь от нее и одновременно подпитываясь за ее счет.

Османское вторжение в XIV в. прервало локально-региональный уровень развития на Балканах, при котором в эту цивилизационную зону входили, не без борьбы, конечно, разные взаимодействующие, но векторно одинаково ориентированные этносы и государства.

Османь не подняли Балканскую цивилизационную зону (Европейскую Турцию) до субрегионального уровня, хотя попытки этого можно проследить в истории. Османизм, например, стал наиболее полным выражением единства имперского центра и периферии.

Османь изначально несли более низкий структурный тип цивилизации⁷. Создать в Европе общность даже регионального уровня с позитивными обратными связями было для них заведомо нереалистично.

Османь надолго застыли на цивилизационно-разрушительной стадии взаимоотношений центра и периферии: с XIV–XV вв. и до конца XVIII – начала XIX в. Затем они довольно резко перешли к стадии цивилизационно-созидательной, воплотившейся в реформах Селима III, Махмуда II и эпохе Танзимата (1790-е – 1870-е гг.). Внешние условия существования Балканской цивилизационной зоны были неизмеримо более динамичны, чем реактивные возможности османского механизма власти.

Османь фактически провели в завоевательных походах всю эпоху Европейского Возрождения. Они не среагировали на Реформацию и Контрреформацию, которые внесли принципиальные сдвиги в расстановку сил в Европе и на Ближнем Востоке. Новое время застало их в Балканской контактной зоне на уровне бесплодных попыток сдержать ятаганом снежную лавину.

Новое время принесло новую структуру цивилизаций и новую иерархию их составляющих. Интеграция — обновление, самосознание и самопознание возобладали, миры Старого и Нового света объединялись. Османь же стагнировали, отдалялись от мира перемен и динамичного осмысления социокультурных составляющих Прогресса.

Напротив, сравнительно быстрая адаптация Балканской цивилизационной зоны в западную систему цивилизационных ценностей была заложена в социокультурной основе балканских обществ. Балканские социумы в османский период не прерывали своего развития, но перешли на латентный образ развития типа «зимней спячки», когда жизнь поддерживается программой, не зависящей от неблагоприятных внешних параметров и нацеленной на выживание. А уничтоженной эта

⁷ Öztüna Y. *Osmanlı Devlet Tarihi – 2: Medeniyet Tarihi*. Ankara, 1998. S. 240–370.

глубинная социокультурная основа быть не могла в силу отмеченной устойчивости.

В сознании исследователя отмеченных процессов неумолимо кристаллизуется вопрос о роли Балканской цивилизационной зоны как субъекта становления одной из мировых империй, просуществовавшей от Средних веков до Новейшего времени — Османской империи. Приходится констатировать, что бесконечно изнурительная многовековая борьба Византии с арабами прикрыла Балканы от арабо-мусульманского вторжения, но и повлекла определенное «привыкание» к исламскому цивилизационному давлению (через Испанию, Сицилию, Левант). Это обстоятельство удачно наложилось на османское вторжение в Европу и на формирование Балканской цивилизационной зоны.

В 1364 г. османы заняли Галлиполи и нависли над Балканами, где остатки империи крестоносцев соседствовали с сербскими княжествами и осколками Византии, и отпора они не получили. Уже через полсотни лет, при Базияде Йылдырыме (Молниеносном) (1389–1402 гг.) сложился скелет Османской империи — в зоне относительной безопасности от кочевых тюрок и воинственных центрально-азиатских правителей. В его становлении и поддержании в равновесном состоянии участвовали материальными и людскими ресурсами народы, населявшие Балканскую цивилизационную зону. Преимущественно христианское балканское население ресурсами своих земель фактически обеспечивало завоевание бейликов Малой Азии. Спасение от неминуемого разгрома и полного уничтожения со стороны войск Тимура пришло султану Мехмеду Челеби (1402, 1413–1421 гг.), одному из сыновей Базияда Йылдырыма, тоже за счет воинов, дипломатов и доходов, поступающих с Балкан. Да, насильственно, но неуклонно и весьма успешно империя османов осваивала всю Анатолию, отчасти и Средний Восток, за счет опоры на Балканы.

«Газават против христиан» на Балканах развернулся при Мураде II (1421–1451). Крестовый поход Яноша Хуньяди 1443–1444 гг. не имел успеха. Османы окрепли настолько, что могли вести обширные действия по подавлению сопротивления в Европейской Турции и одновременно — экспансию на Востоке.

1448 год — вторая битва на Косовом поле открыла дорогу на Константинополь. Только после захвата всей Сербии и Боснии (1463–1484) османы сумели, привлекая силы боснийских «гази», обращенных в ислам то силой, то лаской, укрепиться в Малой Азии, где добились, наконец, Трапезундскую империю. В Египте (1517 г.) уже активно действовали основ-

ные и вспомогательные силы воинов-мусульман балканского происхождения. Парадокс истории — внуки и правнуки христианских защитников православия объективно помогли турецкому султану Селиму Явузу (Грозному) (1512–1520 гг.), завоевав Египет, стать халифом — главой всех мусульман.

Балканы импульсно подпитывали вторжение османов на земли Юго-Восточной Европы и России. Занятие Герцеговины, устьев Днепра и Дуная обезопасило Баязиду II (1481–1512) выход на контакт с Крымом — могущественными Чингизидами и позволило отнять у Венеции пять портов на Адриатике. Балканы невольно заслоняли и спасали османов.

После борьбы за Белград в 1521 г. и создания мощного плацдарма, состоящего из Крыма, Дунайских княжеств, Семиградья и Венгрии, Сулейман Кануни (Законодатель) двинулся на Персию и на Армянское нагорье, поскольку обезопасил европейский тыл и задействовал все резервы Балканской цивилизационной зоны. На Балканах изначально отрабатывались многие элементы военно-бюрократической машины османов, а также их политико-дипломатические методы. Опираясь на Балканы, Сулейман Кануни заключил в 1535 г. первый договор с Францией, одновременно продолжая походы на Среднем Востоке и не слишком тревожась за сохранность Балканской периферии, гарантированной союзом с Парижем⁸.

Для понимания роли Европейской Турции как контактной зоны следует оценить функции и роль церкви в Балканской цивилизационной зоне.

Православная церковь в Восточной Римской империи была изначально тесно связана с институтом центральной власти. То же положение она сохраняла в балканских государствах, принявших православие еще в доосманскую эпоху. Турки сокрушили формальные, но не формосодержавшие признаки государственности на Балканах. Ибо физически сделать это было невозможно, не уничтожив всех или большинство православных подданных, то есть основу существования империи, по крайней мере, в регионе Юго-Восточной Европы. Высокая витальность Балканской цивилизационной зоны оказалась напрямую связанной с ее духовной ориентацией.

Турки-османы после нескольких веков сложного и опасного переселения из Центральной Азии на Малоазиатский, а затем на Балканский полуостров абсолютизировали функцию сохранности в неизменности военно-кочевого социокультурного стержня. В подвластной, но никогда не покоренной до конца балканской среде они довели эту идею до самоценности и впали в застой.

⁸ Öztüna Y. *Osmanlı Devlet Tarihi – 1: Siyasi Tarihi*. Ankara, 1998. S. 108–183.

Османский центр власти исчерпал, утратил способность к адаптации и фактически мешал своим подданным-европейцам усваивать и генерировать новые идеи в стремительно менявшихся парадигмах войны, политики и экономики Европы Нового времени. В этом казусе скрыта двоякая острота социокультурного стержня — устойчивое воспроизведение информации, проверенной поколениями людей определенного социума, есть главная составляющая социокультурного процесса. Но связь поколений и передача (усвоение) наиболее значимых результатов духовного и материального прогресса из окружающего мира реализуется только при условии высокой реактивности центра власти данного социума. Эта непреложная истина не была воплощена османами в их политике на Балканах. Относительно утвердившись на западных и восточных рубежах империи, османы перестали уделять Балканской контактной зоне то внимание, которое они уделяли ей как ресурсному источнику и военно-политическому коридору эпохи активного вторжения в Европу.

Балканская цивилизационная зона из периферии системоподдерживающего уровня быстро деградировала в банальное пограничье османов с чуждым им миром «франков». Европейской Турцией османы как бы отгородились от остальной Европы, контактная зона стала зоной карантина. Расплата не заставила себя ждать.

Шел процесс сначала ослабления, а затем потери вертикальной мобильности и обратных связей между метрополией и контактной зоной — Европейской Турцией. Это стало очевидно в XVII – начале XVIII в.⁹ Частичное восстановление вертикальной мобильности, предпринятое в интересах сохранения присутствия османов в Балканской цивилизационной зоне, проявилось в реформах низам-и джедида и затем танзимата конца XVIII – середины XIX в. При этом сила воздействия «снизу», от Балкан, на центр власти была настолько сильна, насколько духовно сильнее и прочнее оказался социокультурный стержень балканского социума по сравнению с османско-турецким. Очевидно, что высокая способность к адаптации ставит Европейскую Турцию в число основных звеньев развития мировой цивилизации.

Однако межцивилизационный обмен в этой зоне не оказался в полной мере продуктивным и перспективным ввиду доминанты военно-бюрократического отношения центра имперской османской власти к своей балканской периферии.

⁹ См. Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи* / Пер. с англ. М.: Крон-Пресс, 1997. С. 343–386; Сотниченко А. А. *Традиционная геополитика Османской империи*. СПб.: Изд. СПбГУ, 2002. С. 30–39.

Султан и Патриарх

Заметки по исторической конфликтологии

Взаимоотношения османского центра власти, персонифицированного в личности султана (после подчинения Египта, Сирии и Палестины принявшего титул *халифа*), и его христианских подданных, этнических нету-рок, проживавших в этих землях и до, и после османов, суть проблема междисциплинарная. Неоднократно — на протяжении своего полутыся-четелетнего существования — обретавшая контекст политической борьбы, эта многомерная конструкция «османская власть — подданные-иноверцы» может и должна рассматриваться как цивилизационно значимая для всего обширного субрегиона — Передней Азии и Балканского Средиземноморья.

Когда в XIV в. турки пришли на Балканы, они встретились с абсолютным преобладанием православия в этнически чужеродной среде. Здесь исламизация — добровольная (часть населения Боснии, Албании, Болгарии) и принудительная — была связана с правами землевладельцев и носила выраженный характер отуречивания.

Ничего подобного (т. е. исламизации) не могло быть в Египте и на Леванте с подавляющим преобладанием мусульманского населения. Социокультурная константа этого региона (включая коптов-христиан и арабов-христиан), по определению, отуречивание исключала.

Тем не менее, специфика османского государства и религиозно-политических установок османского центра власти предполагает оценку ситуации, скоординированную, насколько возможно, с общеимперскими задачами Стамбула по поддержанию равновесия в отношениях со всеми *реая* — христианами.

Исследователи обычно отмечают неразрывную связь государства и религии в системе османских политических структур, апеллируя к

Балканам. В отношении Арабского Востока эта связь прослеживается с не меньшей, если не большей определенностью, если учесть большие возможности принуждения.

«Рум милleti» — «православное сообщество» (по удачному определению К. А. Панченко, 1998) самых многочисленных из немусульманских подданных — было образовано Мехмедом II Завоевателем (Фатихом) вскоре после захвата Константинополя в 1453 г. Вселенский (Константинопольский) патриарх получал в свое управление все православные общины, существовавшие на землях, которые шаг за шагом завоевывались османскими войсками.

Постепенно сложились Печский (Сербский), Охридский и Кипрский патриархаты, а с захватом Египта, Сирии и Палестины — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Исследователи уже отмечали далеко не однозначную роль этих церковных устроений в том, что османам сравнительно легко удалось установить свои политические институты.

Иногда колонизируемые османами христианские земли, тем более уже находившиеся под мусульманским управлением (Египет), оказывались в двойном или тройном подчинении (центр власти — патриарх — местный паша). Однако неопределенность, а точнее — неоднородность такой ситуации была в числе решающих обстоятельств при стабилизации структур управления на землях формально исламских, но с таким значительным элементом православного населения, что пренебрежение им угрожало серьезно ослабить рычаги управления.

Вопрос о соотношении уровней влияния на ситуацию с положением православных арабов и, соответственно, на взаимоотношения между султаном и патриархом приобрел особую остроту во второй половине XVI в. Приостановка военного продвижения османов на Арабском Востоке и в Европе не остановила, а, скорее, стимулировала исламизацию в Европейской Турции. Одновременно, как противовес этому процессу, существенно окрепли связи арабских и балканских православных патриархий. Православное население Египта обрело стимулы — и возможности — к возобновлению и развитию общения с собратьями по ту сторону Средиземного моря.

По ряду причин внутреннего характера Вселенский патриархат в конце XVI в. раздирали острые противоречия отнюдь не духовного свойства. В этих условиях выдвинулись энергичные и высокообразованные, в отличие от многих греческих (фанариотских) иерархов, патриархи Александрии.

Фигуры Мелетия Пигаса и Кирилла Лукариса были связаны с укреплением влияния собственно представителей египетского православия при Высокой Порте, что было немаловажно для судьбы, например, глубоко почитаемого в православном мире Синайского монастыря Св. Екатерины.

Эти Александрийские патриархи (напомним, что они проживали в Каире) фактически воплотили в практику церковной жизни свои престольные титулы «вселенских судий». Это давало им формальное право (поддержанное Стамбулом) на определение соответствия действий иерархов православного мира и на Арабском Востоке, и в Европейской Турции установлениям авторитетов православия.

Подобная линия Александрийских патриархов в определенной мере отвечала османской практике — фетвам шейх уль-исламов, удостоверявших соответствие актов светских властей нормам ислама. Это лишь иллюстрация к вопросу об отношениях православного патриарха и османского центра власти. Учет при этом два обстоятельства.

Во-первых, патриарх имел максимум предоставленных властью прерогатив (и, разумеется, влияния) на периферии империи, где и были компактно размещены православные приходы. Султан (как властный центр) после Сулеймана Законодателя, Кануни (1520–1566) заметно утрачивал свое абсолютное влияние по мере удаления от столицы к окраинам государства.

Во-вторых, Константинопольский (Вселенский) патриархат имел ко времени прихода османов в самом городе, будущей столице империи, развитую систему приходов, в основном совпадающую с системой городских кварталов. Приход и его функции сформировались на основе общего канонического права. Квартал (*махале*) и приход были восприняты турками-османами как естественные звенья организации огромного города. Прежде всего потому, что такая структура в принципе одобрялась шариатом и восходила к квартальной структуре городов мухаммеданской эпохи.

Само по себе это совпадение в структурах — вечного града Константина и исламской опоры Каира, священных городов Мекки и Медины — отнюдь не случайно. Его истоки — в специфике темпа и форм жизни средневекового города Передней Азии.

Многонациональные Константинополь, Каир, Дамаск с их системами приходов и подворий (вспомним, что каирское подворье Синайского монастыря Св. Екатерины было не менее, если не более influentially в XVI—XVII вв., чем Александрийский или Иерусалимский патриархаты) были

абсолютно приемлемы для турок в своей логике организации и строгой иерархичности, чего так добивались османы.

Что же привлекало османские власти в структуре и деятельности патриархатов? Прежде всего, мощный и во всех своих проявлениях очевидный пласт латинофобских настроений греческого православного духовенства и той части светской прослойки (по вероисповеданию — опять же православной), что уцелела в Константинополе после 1453 года, а в Египте и на Леванте уверенно занимала свою социальную нишу.

Во-вторых. Поддержанный преемниками Мехмеда II Фатиха именно Константинопольский патриархат в глазах Высокой Порты был действенным и управляемым противовесом как антиосмански настроенным учреждениям православия на Балканах (Охрид, Печ), так и простамбульским, но погрязшим в распрях патриархатам Арабского Востока.

Итак, важно отметить, что в основе отношения османского центра власти к Константинопольскому (Вселенскому) патриархату лежали сугубо политические потребности в механизмах управления.

Вместе с тем, такие мощные городские центры, как Константинополь, Дамаск или Каир, представляли собой социальные организации с мощной саморегулирующейся системой внутренних связей. Поквартальная — приход-община — замыкала на себя, помимо культовых, практически все административно-хозяйственные и культурные функции. В рамках прихода-общины постоянно проживало имущее, торгово-ремесленное податное население. То самое, что реально наполняло, через структуры прихода, налоговую сумку османского дефтердара и нуждалось в защите от чрезмерного притеснения местных пашей и беев. Заметим, что в списках регулярно выдворявшихся из Константинополя «беяров» — бобылей и бродяг — христианских имен, как правило, не было.

Следовательно, другая сторона парадигмы «султан — патриарх» — сугубо меркантильная.

Вселенская патриархия с преимущественным влиянием греков-фанариотов и близких к ним властных структур (драгоманат, господарства Дунайских княжеств, управления по делам иноверцев при ведомствах реис-эфенди и башдефтердара и др.) составила для Мехмеда II Фатиха и позднее регулярно обновляла реестры свобод и ограничений для реаятов — христианских подданных Высокой Порты.

Далее. Вселенская патриархия, признавшая власть османов и легитимизированная ими для всего Православного мира османских владений, вошла в систему ценностей, политических акций и хозяйственных правил

османов. Патриарх как ответственный за налоговые поступления в османскую казну с членов «румского миллета» оказался напрямую вовлечен в османскую налоговую систему.

Вселенская патриархия, как известно, не призывала к самоубийственному неповиновению османам (за редким исключением, например, в 1821 г.). И на нее, в отличие от патриархатов, например, Сербии или Леванта, распространялась (с перерывами по случаю вопиющих распрей в высшем клире) защитительная функция османского исламского государства. Исследователи признают, что гибкость, переходившая в лавирование и откровенное приспособленчество к нормам исламского права, сделала Вселенскую патриархию эталоном в глазах османского центра власти в XVI–XIX вв. Однако это породило жесточайшие распри между православными патриархатами, что, в конце концов, ослабило позиции православия перед натиском прозелитизма в XVIII – начале XX в.

Построив отношения с православными патриархатами на принципах капитуляций, Высокая Порта ожидала, что таковые же лягут в основу отношений Константинопольского (Вселенского) патриарха с христианскими общинами (миллетами) на перифериях. Это породило дополнительные осложнения в отношениях православных церквей с католиками, армянами и грегорианцами. Стимулировались острые конфликты, например, монахов монастыря Св. Екатерины с Иерусалимским патриархом Досифеем в 1690 г. или армяно-фанариотская борьба за Святые места в 30-е гг. XVIII в. Арбитром с удовлетворением, которое зафиксировано в официальных османских хрониках, выступала Высокая Порта.

Нет основания считать, что лоббирование то шейх уль-исламом, то некоторыми пашами-правителями интересов отдельных групп клириков при Синоде или Вселенском патриархе было проявлением терпимости центральной власти. «...Суть корысть, сребролюбие и нерадение в отношении Порты к православным на Востоке», — заметил уже в XIX в. Н. И. Березин, блестящий знаток Православного Востока.

Капитуляционный подход Порты к делам церковным стал меняться в эпоху Танзимата (акты о реформах 1839 и 1856 гг.). И то лишь потому, что церковь как административно-регулирующая подсистема утрачивала свои значение, а миллеты из этно-религиозных общин начали перерождаться в институты, адекватные социуму в стадии вестернизации. Обе стороны — султанская власть и православный патриархат — больше не вписывались в систему капитуляционных отношений.

Сами капитуляции в политике и экономике империи просуществовали вплоть до Первой мировой войны. Тот имперский институт, который первым втянулся в капитуляции, первым это позорное ярмо и сбросил. Это была Православная Церковь. В этом освобождении решающую роль сыграли:

— долгая борьба христиан за автокефальность православных церквей в Османской империи;

— мощный католический прозелитизм, связанный в 30–40-х гг. XIX в. с вовлечением имперских земель в мировые хозяйственные и культурные связи;

— политические, революционно-освободительные процессы на землях, населенных христианами;

— многочисленные изнурительные войны Османской империи с христианскими державами.

Закljučая краткий экскурс в отношения патриарха и султана, позволю себе конфликтологическое резюме.

Константинопольская патриархия, преимущественно греческая по составу иерархов и всей направленности деятельности, была своего рода метрополией, копией, подобием центра власти для православных церквей, имитируя османские центры власти в аналогичных структурах подчинения. Именно в качестве такого демпфер-фактора, компенсировавшего напряжение социальных подсистем, выступала несколько веков Константинопольская патриархия в системе связей Высокая Порта (султан как имперский центр власти) — христианские подданные.

Христианские подданные как иницирующее начало и первый адресат османских реформ в XIX веке

Согласно распространенной точке зрения, реформаторский процесс в Османской империи и более ранние попытки реформ в XVIII в. были призваны обновить и укрепить систему военно-административных методов управления империей. Такого взгляда придерживались многие османисты¹⁰. Это, несомненно, так, но это лишь часть проблемы, если понимать, что реформы — не их формальное провозглашение властью «сверху», а претворение в жизнь — возможны только как диалог заинтересованных сторон.

Зададимся вопросом об объектах реформ с позиций социокультурного подхода к явлениям общественной жизни. Такой подход рассматривается нами как перспективный и наименее подверженный различным идеологическим искажениям.

Для начала отметим, что две эпохи: реформ «сверху» в Османской империи и активной фазы борьбы народов Балкан за освобождение «снизу» — совпадают по времени. Ожидание реформ, их предложение властью, реализация на местах составили суть того реформаторского диалога, в котором Высокая Порта и ее подданные в Европейской части Османской империи искали разрешения жизненно важных проблем.

Следует подчеркнуть, что центр власти — Высокая Порта в меру понимания остроты задач в делах внутренних преобразований и подготовленности османского общества в целом к реформам на современном уровне

¹⁰ Подробнее см.: Новичев А. Д. *История Турции*. Т. II. Гл. I. Л., 1963; Мейер М. С. *Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса*. Гл. 3. М., 1991; Шермет В. И. *Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты*. М.: АВИАР, 1994; Петросян Ю. А. *Османская империя. Могущество и гибель*. М.: Наука, 1990.

пыталась сохранить имперскую общность не только силовым путем, но и путем диалога с собственными подданными.

Другая проблема в налаживании реформаторского диалога состояла в том, что христианские подданные, проживавшие в Европейской Турции, своим последовательным стремлением к сохранению и приумножению социокультурного слоя с собственными духовными ценностями явились принципиальным, во многом иницирующим элементом в парадигме преобразований, предложенной османскому обществу Высокой Портой. Вспомним, что Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г., Стамбульский хатт-и хумаюн 1856 г. и серия более ранних и менее популярных и известных реформаторских документов имели конкретного этно-религиозного адресата — христианских подданных Высокой Порты. На румелийских (европейских) территориях противостояние экономически более развитой христианской периферии и исламского османского центра власти выглядело наиболее рельефно для современников и наиболее тревожно для Высокой Порты. Духовная же ориентация Балкан на освобождение и возрождение при устойчивом социокультурном слое давала больше перспектив на конструктивный, реформаторский диалог, чем во многих других частях империи.

Другой аспект проблемы состоял в том, что за века османского владычества на Балканах противостояние малочисленных турок-мусульман (в качестве феодалов и военно-административной силы подавления) христианам — земледельцам и ремесленникам — претерпело существенную трансформацию. Такое противостояние по этническому признаку было характерно только для XV – первой половины XVII в. К XIX в. мусульманское (но в основе — местное, а не турецкое) население увеличилось весьма значительно. Оценки Кемаля Карпата, А. Желязковой, В. Мутафчиевой, К. Джамбазовского дают картину мусульманского (подчеркиваю — только в конфессиональном смысле) преобладания: в Албании — до 70 %, в Косово — до 72 %, в Македонии — до 40 % и т. д.

Различны были мотивы и условия исламизации, разным было положение новообращенных в системе военной и государственной структуры Османской империи. Речь идет о том, что румелийские земли, населенные христианами и мусульманами, социокультурная общность которых, несмотря на религиозную разобщенность, не могла быть произвольно стерта, стали первым и до последней трети XIX в. *главным объектом* реформаторской деятельности османского центра власти.

Речь шла о сохранении османского господства в наиболее сложном для управления и взрывоопасном регионе империи. И процесс этот был

объективным и мог благоприятно разрешиться только путем диалога, выраженного в форме реформ.

Еще один аспект проблемы заключается в том, что *Балканы в значительной степени оставались цивилизационной контактной зоной между Востоком и Западом*. Это обстоятельство издавна понималось Высокой Портой и стимулировало отношение к румелийским землям как к плацдарму дальнейшей борьбы за расширение «мира ислама», достигнутого в период расцвета и могущества Дома Османов. Позднее, в XVIII–XIX вв., эти же земли воспринимались как передовые рубежи обороны исламских владений от вторжений России и Запада, а поэтому подлежали первоочередному укреплению через реформы, с учетом постепенно накапливаемого османами опыта «вестернизации».

Зададимся вопросом: какие османские земли были наиболее готовы к переменам западного образца? Иначе говоря, к евразийскому диалогу того времени? Ответ очевиден. Ибо устойчивость социокультурных ценностей вполне совместима с адаптацией воспринимаемых идеалов, если они адекватны базовым параметрам таковых ценностей. Балканы стали не только полем столкновений завоевателей и покоренных, но зоной диалога и освоения новых идеалов в процессе этого диалога.

Идея уравнивания мусульман и христиан перед лицом Османского Закона была выработана долгими годами приспособления, более или менее удачного, турецкого управления к румелийскому мультинациональному обществу¹¹.

Как известно, османский центр власти физически вобрал в себя многих представителей балканской аристократии (чего стоят знаменитые династии драгоманов Маврокордато, великих везиров Соколовичей). Поэтому активно используемые османами такие византийские институты, как *пронии* и *цехи*, как элементы горного права в их саксонском варианте не только органично легли в румелийской зоне евразийского диалога на османские нормы землевладения и организации городской жизни. Они создали реальную предпосылку того, что модернизаторские предписания султанов-реформаторов могли быть поняты правильно и реально воплощены в жизнь в первую очередь на Балканах. Причем почти без оппозиции, характерной для анатолийских турецко-османских территорий, где исламизм отрицал любую «франкскую» новацию — от багинета (штыка) до примитивных макарон.

¹¹ См.: Шерemet В. И. *Война и бизнес: Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время*. М.: Технологическая школа бизнеса – TBS, 1996.

Наконец, всемирно признанный авторитет в области балкано-османских штудий Омер Лютфи Баркан отмечал, что некоторые принципы хозяйственного регулирования, характерные для Балкан, легко вписывались в предлагаемые новации, причем далеко отходили от установлений ислама.

Автор бесконечно далек от того, чтобы считать, что реформы Танзимата пришли с Балкан как первоначально евразийского обмена «Высокая Порта — Запад». Однако турки-османы XVIII–XIX вв. в сфере управления и организации хозяйственной жизни чаще адаптировали воззрение и навыки покоренных народов, чем генерировали собственные новации, и наибольших успехов в этом они добились именно на Балканах.

Следовательно, существовал и благоприятный и необходимый объект реформаторских устремлений, и объективные условия их восприятия в том, что стало диалогом: требования — ответ на них в виде реформ. Христианский мир Османской империи первым испытал воздействие преобразований «сверху». Населенные христианами румелийские земли, авангардно придвинутые к территориям западноевропейских держав, стали аванпостами этих новаций, своего рода первыми собеседниками в цивилизационном диалоге.

С точки зрения исторической конфликтологии, именно на Балканах османский центр власти и христианская периферия стояли на «пороге взаимного страха», на первой фазе непримиримого конфликта. Стороны осознавали все элементы напряженности и противостояния в своих отношениях. Найти совместное решение путем диалога представлялось на первый взгляд невозможным. Факторами-помехами были: сохранявшая достаточный потенциал для подавления «внутреннего врага» османская армия, разобщенность балканских народов и их раздоры, слабое (или мало ощутимое до середины XVIII в.) иностранное воздействие на балкано-османское противостояние. Иначе говоря, «диалог» носил чрезмерно напряженный характер. Но он продолжался по османской инициативе. Балканы, христианские и исламизированные, стали первым объектом преобразовательных начинаний султанов и Высокой Порты. Причем эти тенденции отчетливо прослеживаются с начала XVIII в.

Османский центр власти оказался у «порога страха» и осознал значение евразийского диалога в итоге военных поражений в XVII–XVIII вв. Проблема охраны дальних рубежей империи воочию предстала перед османскими правящими кругами после сокрушительной для турок войны с государствами Священной Лиги 1684–1699 гг. Дмитрий Кантемир одним из первых на Балканах, а также посол России в Турции И. Неплюев и австрийский посол Тальман уловили тогда новую тенденцию в Высокой Порте. Надо остановить-

ся, оценить свои позиции в европейских владениях и затем укрепить именно здесь свою власть и вооруженные силы. Нужен был диалог!

Внешний фактор стал первым и главным побудительным мотивом османских преобразовательных инициатив. В начале XVIII в. их содержание было чисто военным. Однако важно отметить, что авторами первых проектов были европейцы. В 1710 г. это был поляк В. Понятовский (из окружения Карла XII, прибывший с ним в Стамбул); после 1725 г. — князь Ференц II Ракоци, а также анонимный выходец из Трансильвании, принявший ислам и получивший имя Ибрагим и прозвище «Мютеферрика», то есть «доверенный советник» при высочайшей особе. В 1732–1747 гг. реальное значение для Порты имели проекты австрийского наемника Александра Бонневалья, перешедшего на службу к туркам. Все они хорошо знали ситуацию на Балканах и активно поддерживали евразийские устремления своей новой родины в отношении реформ.

При всех различиях авторов проектов и самих проектов их отличали две главные особенности:

1. Приобщение христиан Европейской Турции к защите западных рубежей Османской империи.

2. Широкое использование христианских эмигрантов из Европы в военном деле. Речь шла о французских гугенотах (1717 г., проект Рошфора), об отрядах из венгров и поляков (проект Ференца II Ракоци), о создании подразделений из румелийских христиан (Александр Шкарлат и Николай Маврокордато).

Довольно широкому распространению представленных христианскими советниками проектов сопутствовало усвоение в первой трети XVIII в. среди верхов османского общества моды на европейский стиль в архитектуре и культуре парков или цветников, в быту (одежда, часы, оружие, экипажи, книги и так далее), отчасти в манере поведения. Все то, что стало именоваться стилем «аляфранга» и «эпохой тюльпанов», было проявлением, пусть внешним, стремления к диалогу культур.

Однако и военные проекты, исходившие от христиан, и отдельные элементы образа жизни затрагивали узкий слой стамбульской правящей элиты и отражали не осознание необходимости слияния «исламского духа» и османского строя с христианским миропониманием, а стремление освоить быстрее (и приятнее) опыт христианского Запада ради удержания имперских рубежей. Широкое распространение имела идея о Великом правителе по примеру Петра I, сумевшего привлечь на службу иностранцев и иностранные нововведения во имя возвышения России.

После смерти виднейших представителей христианских модернизаторских инициатив Ибрагима Мютеферрики и Александра Бонневалья, т. е. с конца 1740-х и до конца 1780-х гг. наступил период отторжения преобразовательных начинаний на европейский манер. Своего рода пауза в диалоге во внешней политике совпала с курсом на поиски выгодного партнера среди христианских держав (например, Фридриха II Великого) при уклонении от реализации обязывающих союзнических отношений. Итоги этого курса были тяжелы для Османской империи в целом и безмерны — для румелийских земель, где разворачивались ширококомасштабные и многолетние военные действия с Австрией и Россией. Одновременно к концу XVIII в. возросли все виды дискриминации христианских подданных Высокой Порты.

Однако уже к середине 1790-х гг. намечился новый этап османских реформаторских начинаний, и соответственно менялась роль христианского фактора в них. Евразийский диалог означал выход из тупика.

Ужесточение режима конфессиональной и социальной структур вызвало двоякую реакцию румелийских немусульман. С одной стороны, это была новая волна добровольной исламизации в группах состоятельных горожан и землепользователей, а с другой — подлинная борьба, исполненная драматизма и еще не получившая должного освещения в литературе, за получение османского *берата* (грамоты) на право пользоваться иммунитетами иностранного подданного на имперских землях. Эти два способа ненасильственного сопротивления османскому центру сопутствовали активному поиску решений со стороны Порты и в известной степени стимулировали его.

В новых условиях, на рубеже XVIII–XIX вв., как новый этап диалога появилась и новая серия реформ. Ее отличие от проектов начала XVIII в. состояло, во-первых, в беспощадной констатации прогрессирующего военного упадка Османской империи; во-вторых, в поиске выхода через военное обновление, но собственными силами Османской империи; и, наконец, в том, что все проекты исходили от турок-мусульман, как правило, «мужей меча». Инициативу в диалоге взяли в свои руки турки-османы.

Более двадцати дошедших до нас *ляйиха* — докладных записок представителей военно-административной элиты Селиму III и *сефарет-наме* — отчетов о посольствах в западные страны содержали не только общие картины упадка, но и конкретные предложения реставрации аппарата управления и обновления армии с учетом реального европейского опыта.

подавляющая часть этих сочинений была написана на турецком языке и предназначалась непосредственно для Селима III, который, собственно,

и потребовал от своих сановников правдивой картины положения дел в государстве.

Диалог становился более предметным. При этом его суть и состав участников расширялись.

Проблема превращения в современное государство, или, по терминологии турецких авторов — «европеизации» овладевала умами правящих кругов Османской империи постепенно. При этом понимание отрыва от европейского военного дела и промышленного развития пришло раньше, чем понимание причин застойности османского общества.

Происходившее на протяжении всего XVIII в. накопление знаний, весьма отрывочных и разобщенных, о военной и политической жизни Европы, которые привозили чрезвычайные турецкие посольства к европейским дворам, сочеталось с многовековыми убеждениями в незыблемости шариатских социальных морально-правовых норм, их качественном отличии и превосходстве над политикой и моралью «франков». Так, отчеты видного государственного деятеля Турции Ахмеда Ресми-эфенди (ум. в 1783 г.) о его посольских миссиях в Европу в 1740-х – 1750-х гг. и памфлеты о положении в стране содержали разбор внутренних причин слабости Османского государства по сравнению с западными державами и среди них войн, влекущих за собой, по мнению Ресми-эфенди, не столько выгоды, сколько бедствия для всего османского населения. В его сочинениях прозвучали призывы к проведению мирной политики, соответствующей «шариату и разуму»¹².

Предназначенные для турецкого читателя труды Ресми-эфенди содержали рекомендации усваивать все лучшее в организации военного дела Западной Европы и России эпохи Петра, но в рамках исправленного новым управлением османского государственного строя. Причем только в таком виде европейские новации наилучшим образом соответствовали бы интересам османов и международному престижу империи.

На рубеже XVIII и XIX вв. с «Обзором новых военных установлений в Османской империи» и «Диатрибой о современном военном искусстве и инженерном деле» выступили активные участники реформ Селима III, видные государственные деятели Махмуд Раиф-эфенди и Сеид Мустафа-эфенди. К этим, впервые предназначенным не только для турок, но именно для западноевропейского и балканского читателя, опубликованным

¹² В русском переводе еще с 1780-х гг. известна книга Ресми-эфенди «Суть достопримечательного», изданная в Константинополе только в 1890 г. См. подробнее: Сенковский О. И. (Барон Брамбеус). *Собрание сочинений*. СПб., 1869. Т. 6. Сенковский пользовался турецким рукописным списком памфлета.

по-французски обзорам примыкает и изданное в переводе с турецкого «Разъяснение о введении низам-и джедид» Челеби Мустафы-бея, одного из ближайших сподвижников Селима III в деле реорганизации армии.

Подробно рассматривая те или иные стороны военных реформ и военного производства, сообщая о нововведениях в области просвещения, авторы подчеркивали важность сохранения славных боевых и культурных традиций османского прошлого. Подчеркивали, что реформированная, усвоившая лучшие военные достижения Запада, но только некоторые государственно-правовые нормы (например, конституционную монархию, по мнению Махмуда Раифа-эфенди) Османская империя вновь станет одной из ведущих держав мира. Готовность учиться современному военному делу соседствовала с гордостью за принадлежность к народам Востока, некогда бывшим «очагам и просвещения» для западного человека.

Большей остротой критики недостатков в системе управления, в финансах и в армии были проникнуты другие документы. Это были докладные — лийиха Селиму III от великого везира Коджи Юсуф-паши, от румелийского казаскера, а также от века-и нювиса Татарджика Абдуллы-эфенди, известные нам по «Истории» Ахмеда Джевдета (1790-е гг.). Все они могут пониматься как очередные страницы того напряженного диалога, который вела Османская империя с Западным миром.

Смысл и значение этой группы записок в том, что они обосновывали введение европеизированной армии и соответствующих служб потребностями укрепления единства страны (в понимании османов), требовали использовать реформированную армию против произвола местных властей и против янычарской вольницы.

Особую тревогу у составителей этой группы записок вызвали рост освободительного движения на Балканах и поражения Турции в войнах с Россией в 1768–1774 и 1789–1791 гг. В отличие от современных ему официальных историографов, да и ряда последующих турецких историков, века-и нювис Татарджик Абдулла-эфенди основную причину восстаний христианской реайи увидел в усилении «сверх меры и обычая» гнета и притеснений, чинимых пашами и янычарскими ага — командирами. Новая система управления, построенная на дисциплине в армии и среди представителей органов власти на местах, помогла бы избежать как новых восстаний, так и вооруженного вмешательства России¹³. Это был серьезный прорыв в новом направлении взглядов османской элиты.

¹³ См.: Шеремет В. И. Некоторые вопросы сербского освободительного движения начала XIX века в турецкой историографии. *Југословенске земље и Русија за време Првог српског*

Отношение к реформам, к их глубине и широте охвата явилось в конечном итоге наиболее ясным отражением бесконечных споров и осложнений в общественно-политической жизни страны на рубеже XVIII и XIX вв. В работах русских, турецких, европейских авторов раскрыты основные этапы и содержание реформаторской деятельности Селима III и Махмуда II, нацеленной на восстановление военного потенциала Османской империи и укрепление центральной, абсолютной власти. Поэтому нет надобности повторяться.

Для нашей темы важно подчеркнуть, что в основу всех реформ 1792–1806 гг. было положено укрепление тимариотского, военно-ленного землевладения. Развивая известное постановление от 1777 г. о строгом несении военной службы как условия держания тимаров и зеаметов, Селим III издал в 1792 г. «новый закон», по которому все ленники-тимариоты старше 15 лет объявлялись не только военнообязанными, но и должны были выполнять все повинности по содержанию определенного числа воинов-латников на доход от своих ленов. В противном случае держания изымались и подлежали перераспределению, фактически — продаже в пользу короны.

Поскольку в ряде пашалыков, особенно в Европейской Турции, разложение сипахийского ленного землепользования зашло достаточно далеко и многие сипахи либо утратили лены, либо превращали их в собственность, а Селим III вполне осознавал этот процесс, то в «новом законе» предусматривалась возможность выкупа у государства прав на тимар / зеамет и освобождение тем самым и от обязанности нести службу в армии.

Средства от этих операций, имевших весьма мало общего с военно-ленным османским строем, поскольку само государство — собственник земли предпринимало операции с землей как с товаром, поступали в контролировавшуюся лично Селимом III «казну новых доходов» для субсидирования реформ.

На первый взгляд, эти акты далеки от евразийского диалога, о котором идет речь в статье. Однако — нет. Практика реформ подкрепляла общие суждения о диалоге с Западом.

Впрочем, противоречий было много. Так, декларация о сохранении ленов расходилась с практикой. Серьезный шаг к ликвидации самого тимариотского землепользования был сделан вопреки этим заявлениям. Однако проведение в жизнь «нового закона» встретило бешеное сопротивление местных сипахи, вообще держателей ленов всех уровней дохо-

устанка 1804–1813. Београд, 1984; Мейер М. С. Предисловие к русскому изданию книги: Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи* / Пер. с англ. М.: Крон-пресс, 1999; Шеремет В. И. Становление Османской империи. *Новая и новейшая история*. 2001. № 1.

да. Не было реальной военной силы и достаточно обученного аппарата для составления кадастра земель и проведения в жизнь суровых угроз в адрес непокорных феодалов. Главное же состояло в том, что охваченные острой борьбой за перераспределение власти при султানে-реформаторе *эхл-и орф*, то есть правительственные круги, фактически не контролировали проведение в жизнь обнародованных мероприятий, на деле срывали цивилизационный диалог центра власти с периферией.

Необходимость воевать с наполеоновской интервенцией в Египте в 1798 г., затем изнурительная война, предпринятая в 1806–1812 гг. против России, заставляли Порту прибегать вновь и вновь к военной силе сипахи-ев. Фактически независимые местные правители и феодалы повсеместно уклонялись от выполнения султанских хаттов, пользовались военной обстановкой для возвращения бежавших крестьян и усиления *ангарьи* — барщины. Несколько хатт-и шерифов Махмуда II (в частности, 1816, 1818, 1828 гг.) о запрете ангарьи в Румелии не выполнялись. Реакция населения была очевидна. Диалог власти и подданных снова сбивался, терпел урон.

Тем не менее, надо признать, что будущие реформы 1839–1876 гг. были подготовлены еще в конце XVIII в. Исключительно важную роль в этом сыграли именно реформы в армии, обдуманые в диалогах середины XVIII в. Османская армия в период правления Мустафы III (1757–1774) и Абдул Хамида I (1774–1789) представляла собой аморфную, почти неуправляемую массу, разбивавшуюся о дисциплину и выучку европейских армий и едва справлявшуюся с внутренними карательными функциями. С эпохи Селима III именно в военном деле обозначились очевидные для всех «собеседников по диалогу» результаты.

Правда, процесс замены феодального ополчения регулярной армией, набираемой на системной основе воинской повинности, так же, как и ликвидация основы сипахийского войска — тимариотского землевладения, растянулся более, чем на треть века, но начало было положено и очередная страница диалога цивилизаций перевернута.

Решительное уничтожение летом 1826 г. янычарского корпуса и близких им феодальных формирований, а также воинственных дервишей ордена «бекташи», бывших в первых рядах ниспровергателей всех «гяурских» новшеств Селима III и Махмуда II, проводились силами новых регулярных войск и, видимо, впервые — при участии вооруженного для расправы с янычарами населения Константинополя. Это было трудным, но необходимым шагом.

Создание и укрепление «нового победоносного войска» на принципах, заложенных в 1790-х гг. Селимом III, продолжалось в 1820–1830-х гг.

Махмудом II с большей последовательностью и успехом. Одновременно ликвидировалась экономическая основа сипахийского ополчения — ленное землевладение.

Удаче реформ Махмуда II содействовали в куда большей степени представители мусульманских богословских кругов — улемы и шариатские судьи — *кади*, обычно турки по национальности, настроенные против *эли-орф*, «людей престола», нередко нетурецкой национальности; против военно-бюрократической верхушки, включая янычарских ага — командиров: последние были виновны, по мнению как шейх уль-ислама, так и султана, в нарушении принципов ислама, уклонении от защиты османских земель, попустительстве врагам престола, провоцировании восстаний в христианских провинциях и т. д. Объяснения такого рода, выдвинутые в труде современника — официального историографа Порты в середине 1820-х гг. Шейх-заде Эсад-эфенди, неоднократно повторялись затем в трудах турецких историков османской эпохи (А. Лютфи-эфенди и А. Джевдет-паша). Встречаются они и в новейших исследованиях турецких авторов 1980-х – 1990-х гг. Диалог давался не просто, и освоение реформаторского процесса было сложным.

Это вполне соответствует данным, полученным исследователями из архивных и иных документальных источников. Вместе с тем надо уточнить следующее. Успехи войны сербов (1804–1815 гг.), завоевавших автономию, и греков, добившихся независимости (1821–1830), отражали общую тенденцию социокультурного, затем и государственно-политического развития Балкан.

Но при этом существенно улучшился климат для восприятия реформ в самой Турции, в ее этно-конфессиональном малоазиатском ядре.

Крайне медленно, но начало укрепляться национальное самосознание этноса, поставленного центром власти в разрушительную для социокультурного слоя ситуацию «этноса-повелителя». Диалог — путь в две стороны. И османский центр власти его прошел.

Христианский адресат первоначальных реформ, как участник диалога, далее развивался по своим собственным законам. Открывались перспективы не «господство — подчинение», а вполне определенного и выгодного сотрудничества. Впрочем, на этом пути вектор приращения социокультурных ценностей как балканских народов, так и турецкого народа был уже необратим.

Евразийский диалог не смог уберечь Османскую империю, но заложил основы Турецкой республики.

О Парижском мире 1856 года

В марте 2006 г. исполняется 150 лет одному из самых бесспорных, как казалось десятками лет, и, возможно, одному из наименее понимаемых мирных договоров России с внешним миром. Еще современники в 1850-х – 1860-х гг. расценили Парижский мирный трактат от 18 (30) марта 1856 г., завершивший Крымскую (Восточную) войну, однозначно как сокрушительное поражение России.

Правда, «западники» усматривали тому одну серию причин, славянофилы — другую.

Политическая эмиграция в лице А. И. Герцена из сытого и обеспеченного, далекого от действительных российских нужд и тревог Лондона укоряла, не скрывая злорадства, — предупреждали, мол! Вот и получите позорный мир! Чернышевский уже точил топор и даже спустя пять-семь лет все сокрушался, что война «не нанесла России удара слишком тяжелого».

Н. А. Добролюбов и еще кое-кто из круга светлых умов Отечества поучали, что каждый «...любящий Россию должен непременно желать, чтобы нас почаще били». Что и говорить о суетной толпе публицистов, журналистов, энергических толкователей событий в европейской прессе и скороспелых брошюрах на тему дня. Все вдруг увидели то, что хотелось — ниспровержение российского колосса.

Серия действительно фатальных военных неудач России начала XX в. и социальные катаклизмы, завершившиеся крахом российской государственности в 1917 г., сделали проблему всей войны 1853–1856 гг. и Парижского мирного конгресса удобной и приятной для новых властей в России 1920-х – 1980-х гг. Прекрасный повод для разоблачительства и всякого поругания!

Оставим сейчас в стороне политическую подоплеку изнурительно-го для истории и публики бичевания пороков самодержавной России и Парижского мира как самого порочного в русской дипломатии. Любимец

нескольких режимов (Е. В. Тарле), самозабвенно тому предававшийся, уже давно в иных мирах. Полемика возможна не с лицом, а касательно фактов и значения Парижского мира.

Россия *согласилась* на мирные переговоры в Париже. Война с державами не стала Отечественной войной с последствиями негативно предсказуемыми.

Мирный договор, подписанный в Париже, действительно знаменовал военное поражение феодальной монархии — России от союза промышленного капитализма и его резервной зоны — исламского Османского государства, шедшего по пути реформ *быстрее*, чем Россия. Заметим, что Парижский мир все же явил новую эпоху — вскоре в России было отменено крепостное рабство и началась промышленная (и военная) перестройка.

Проворовавшиеся «паркетные генералы» в миг Парижского соглашения утратили смысл и назначение. Голодная и полураздетая русская армия (когда же будет сыт русский солдат?) ушла из Крыма. Но мир запомнил, как русские инвалиды защищали Аландские острова, а монахи, крестьяне и охотники отбросили десанты союзников на Русском Севере и в Приморье.

Гением и трудолюбием военного реформатора Д. А. Милютина, новой плеяды гражданских и военных чинов пошел ускоряться процесс освобождения и обновления.

Соседнему государству — Турции — мир 1856 г. дал мощный толчок к либерализации, завершившейся установлением ограниченной монархии в стране азиатского деспотизма.

Западному миру Парижский мир 1856 г. ясно показал, что вооруженным путем Россию сломать невозможно. Понудить к пересмотру позиций — да, к гибким (или не очень) союзам — да. Поставить на колени — нет.

На Северную сторону Севастополя ушли русские — Непобежденные. В Париже русские заключили мирный договор, который, возможно, сохранял европейское равновесие наиболее щадящим способом. Кровавых революционных событий по типу 1848 г. не последовало, а ведь и это могло бы иметь место, продлилась война на 1856–1858 гг., как планировали в военных и финансовых кругах Лондона.

Так что же дало Европе согласие России на Парижские мирные переговоры? Европа и вовлеченный с нею в обмен Восток (Турция, Индия, Китай, Иран) отделались жестоким политическим кризисом 1857–1858 гг., локальными национально-революционными бурями. И не более.

Парижский мир в определенной мере обеспечил индустриальную революцию западных держав. Россия «прикрыла» неустойчивый социальный мир в странах-победительницах широко разлившимся в общественном сознании Европы удовлетворением от того, что «жандарм Европы» стоит на коленях, а его большая дубинка — Черноморский флот — покоится на дне бухты в разгромленном Севастополе.

В первую очередь это было важно для Франции и Англии, которые за счет Крымской (Восточной) войны скомпенсировали последствия очередного, после 1847 г., экономического и социального кризиса. Режим победителей — в Париже и Лондоне — на гребне раздутых прессой успехов союзников и победной эйфории в обществе завершил второй и окончательный этап промышленного переворота.

Наполеон III получил 15 лет (до 1870 г.) общественных восторгов: ну как же, победитель, покоритель Севастополя, отомстивший русским за Бородино.

В Лондоне избежали, несмотря на жесточайший кризис 1857 г., революционной бойни на манер революций 1848 г. на континенте.

Горделивая Сардиния и пока еще осторожничавшая Пруссия устремились по пути объединения Италии и Германии как доказавшие свое право на гегемонию регионального уровня победой над русским колосом (Сардиния) или сочувствием к державам-воительницам (Пруссия). Не забудем также, что перегретый котел национального движения в Индии рванул сипайским взрывом там, на Индостане. Не на многонациональных и мультирелигиозных просторах Крыма и Кавказа, куда Лондон готовился перебросить сипаев.

Прекрасно вооруженный Ротшильдами и Монтефиоре еврейский экспедиционный корпус не вышел из-под Яффы на Одессу, не взорвал зыбкое социальное равновесие на Украине и в Польше своим походом через Юг России, предполагавшимся на 1856–1857 гг.

Что же касается итогов войны 1853–1856 гг. для судеб балканского и ближневосточного (восточно-христианского) православия, то надо признать, что они до сих пор не подведены. Ни политиками, ни историками. Толком никто еще не рассматривал весь процесс крупных подвижек в пользу русского влияния на христианском Востоке, включая и Сиро-Палестинский регион, и балкано-христианскую зону.

Само парижское сидение закончилось для России военно-ограничительными, а не деструктивно-политическими статьями. В его ходе были отработаны, при сотрудничестве турецкой стороны и при консультациях

с лучшими знатоками Православного Востока (К. М. Базили и его круг), предпосылки совместного исламско-христианского движения к модернизации, к реформаторству. В рамках сложившейся государственности, но с очевидной тенденцией к инициативной роли христианского реформаторского начала в многонациональной ближневосточной среде.

Позднее, в 1870-х гг. Россия утратила завоеванные русской кровью позиции инициатора перспективных преобразований для христиан и мусульман. Впрочем, это — другая песня. Не забудем, однако, что Парижский мир открыл яркие страницы деятельности духовных православных миссий на Сиро-Палестинском Леванте.

И совсем «мелочь»: вскоре после Парижского мира по всей России при всех церквях появились кружечки для пожертвований. С надписью «На улучшение была православных паломников в Палестине».

И мирная, христианская Россия шла к Святым Местам.

Припадала к исконным своим Ценностям.

И была уважаема за не показное, а истинное благочестие.

Миром ислама в первую очередь.

Проблема «свой — чужой» глазами христианского Запада и мусульманского Востока Эволюция во времени и пространстве¹⁴

Предлагаемый материал носит отнюдь не востоковедно-исторический и уж совсем не политологический характер. Несмотря на и вопреки очевидной остроте восприятия носителями цивилизационных типов современного мира ситуаций вокруг «исламской проблемы». Наличие различных цивилизационных типов поведения, равно как и моделей развития, выявляет с нарастающей жесткостью процесс глобализации.

Авторы дистанцируются от расхожих до банальности суждений относительно столкновения цивилизаций, заполнивших прессу и часть научных (опять же политологических в основном) трудов.

Мы постулируем ниже ряд имагологических парадигм и апеллируем к определенной культурологической подготовленности наших читателей. При этом мы опираемся в своих частных методиках на следующие представления, которые лежат в основе данной работы и ряда других материалов — как опубликованных, так и прозвучавших во время мастер-класса, состоявшегося в рамках Учебно-научной академии «Россия, Европа и ислам: концепции ‘своего’ и ‘чужого’».

Во-первых, это понимание того, что верифицируемость данных и корректность выводов есть необходимейшее условие при исследовании полей взаимодействия таких разновекторных цивилизаций, как христианство и ислам, либо их крупных репрезентативных групп на примерах России и Европы.

¹⁴ Статья написана в соавторстве с Л. В. Зелениной. — *Прим. Ред.*

Во-вторых, мы исходим из того, что несобытийное структурирование исторических процессов и явлений, присущих взаимодействующим цивилизациям, в данном случае христианской (атлантический подтип) и исламской (переднеазиатский подтип), позволяет корректнее выявить пространственно-временные параметры таковых взаимодействий.

Наша проблематика так или иначе корреспондируется с цивилизациями, по крайней мере на уровне понятийного аппарата.

Существует достаточно много определений того, что же называется «цивилизацией». Мы опираемся на свое, апробированное в российской образовательной сфере (1998–2006 гг.):

«Цивилизацией может быть названа устойчивая развивающаяся общность людей, достигших определенного уровня материального и духовного развития, позволяющего структурировать свои представления о пространстве и времени, и овладевших способами получения (извлечения), накопления и передачи информации» (1998).

В условиях современной Европы и обострения отношений с миром ислама по ряду параметров, вероятно, было бы корректно говорить о различных *культурах*, их взаимодействии и столкновениях в пространстве и во времени.

При этом в данном контексте *«культура»* понимается как совокупность идей, которыми живет какая-нибудь определенная группа людей, а также то, как эти идеи проявляются в их представлениях, повседневной жизни, поступках и изделиях.

Само слово *«ислам»* восходит к староарабскому корневому «силм», что имеет многозначное содержание, адекватное тому восприятию, на которое в первую очередь настроено лицо, данный термин употребляющее. Это и «мир» (*салам!*), и «предание» (о событиях), «перемирие», но так же и — «спокойствие, покой».

В наши дни в мире европейских мусульман (крайне условный термин) чаще всего встречается толкование *«ислам»* как «предание себя Всевышнему». Оно наиболее распространено как в мусульманской (буквально — «уверовавший») части человечества, так и в его неисламизированной части.

Исламский мир исходит из понимания единобожия (*таухид*), законченности и окончательности Бытия, дарованного Им. Причем надлежит принимать во внимание следующее обстоятельство, которое долго не учитывалось христианским миром, что много хуже — игнорировалось учеными, политиками, просто верующими немусульманских конфессий.

Последний Пророк человеческой истории по имени Мухаммад является проявлением милости Всевышнего ко всем без исключения предметам, явлениям и существам Земли, ибо являются таковые в мир по Его воле. Мухаммад воспринимается в исламе как «Печать», т. е. «запечатывающий все откровения Бога», завершающий цепь пророков. Первым был Адам, за ним последовали: Идрис, Ной (в исламской традиции — Нух), Худ, Салих, Лот, Авраам (Ибрахим), Исмаил, Исаак (Исхак), Иаков (Якуб), Иосиф (Йусуф), Иов (Айюб), Моисей (Муса), Аарон (Харун), Давид (Дауд), Соломон (Сулейман), Иона (Юнус), Илия (Ильяс), Зулькифл, Закария, Хызр, Иоанн (Яхья) и Иисус (Гайса, или Иса).

Как мы видим, подавляющее большинство из этой плеяды пророков коранических совпадает с пророками библейскими. То есть все они — авраамические пророки.

Мухаммад — последний. Печать пророков. О нем сказано в Коране:

«Мы послали тебя как милость ко всем мирам. Ко всему сущему; живому — не живому, людям — джинам [духам], одушевленному и неодушевленному...» Сура «Энбия», 21 (107).

Отсутствие противопоставления Мухаммада другим пророкам не есть отрицание инаковости. Осознание себя «иным», «иными» пришло, как мы считаем, после Посещения Мухаммадом Всевышнего и обретения им особых свойств.

При этом Человек в божественном понимании есть венец Его же собственных творений, венец всего сущего. «Мы сделали человека достойным почтения», — говорится в суре «Исра», 17 (70). Это следует понимать, и именно так это трактуется современным исламским богословием (улемами), что жизнь, достоинство личности и имущество любого человека, в том числе и немусульманина, неприкосновенны. В такой трактовке не усматривается идея «чуждого», но лишь «чужого», которого следует просветить и увлечь в ряды «уверовавших».

Провозглашение справедливости, или *адалет-и махза*, закреплено в Священном Коране, тогда как лишение жизни даже одного невинного человека — настолько же тяжкое преступление, насколько тяжко убийство всех людей на Земле. Попраание прав одной личности недопустимо, даже если это может рассматриваться с точки зрения интересов всего общества. Идея «чужого» в этом контексте вообще, на наш взгляд, отсутствует.

Мы привели лишь пару примеров тех расхождений в понимании ценностных посылок, с которыми в эпоху Средневековья (начиная с VIII–IX вв.) столкнулась Европа, утратившая к тому времени многие черты

римской цивилизации и только вырабатывавшая новые подходы к месту и роли личности в молодом христианском сообществе разноплеменных этносов.

Ислам сложился как цельное учение в VII в. на юго-западе Аравийского полуострова. Естественная череда веками сменявших друг друга относительно структурированных протогосударственных образований, наличие многовековых устойчивых религиозных общин, например, иудеев и ранних христиан, предопределили, наряду с причинами экономическими (торгово-денежными и транспортно-коммуникационными), преемственность и завершенность (в представлении мусульман) ислама.

Мухаммад осознавал как себя лицо, *завершившее* череду основных библейских пророков — Авраама, Моисея и Иисуса Христа, которые наиболее уважаемы в исламском мировосприятии. Понятие авраамической религии, по крайней мере для образованного мусульманина, в теории допустимо и вполне приемлемо. На обыденном уровне — встречает отторжение и непонимание.

Пророчества Мухаммада раннего этапа ислама (с 610 г. и до смерти в 632 г.) позитивно (как правило) и с адекватным пониманием сути воспринимались его современниками — иудеями и христианами — по простой причине. Понятие «чуждости» в это время вообще не просматривалось.

Пророк, живой человек из мирян, доходчиво убеждал, что видит свою миссию в повторении, уточнении, в письменном запечатлении и очищении до завершенности постулатов своих предтеч — библейских пророков. Идея «законченности» предназначалась прежде всего для мусульман — сподвижников Мухаммада, но также понималась и — в какой-то мере (в части мессианского, постоянно ожидаемого появления некоей личности-мессии) — разделялась местными иудейскими и христианскими общинами. В определенной части мусульман и в начале XXI в. сохраняется уверенность в том, что их взгляды примут и *разделят* те христианские общества в Западной Европе, куда они приехали на работу. Заблуждение, но этому искреннему непониманию: как это можно не разделять идеи Мухаммада, — многие сотни лет.

Преследования со стороны арабов-соплеменников как «своих», но обретших инаковость, вызвали *хиджру* — переселение в 622 г. от Рождества Христова сподвижников Мухаммада из Мекки в Медину. Идея «законченности» и совершенства, «запечатанности» нового учения не могла не вызвать нарастания отчужденности среди этнически и культурно близких, но религиозно далеких этносов.

На первое место выходили два фактора. Во-первых, желание обособиться от соседствующих племен — исповедующих иудаизм кланов в Медине и дальше от нее, от враждебных монотеизму Мухаммада по меркантильным больше, чем по каким-либо другим соображениям соседей (как арабов, так и неарабов). Во-вторых, безусловная заинтересованность ряда вождей — соседей нового пророка в прагматической ценности очередного провозглашения (сколько их было в том плотно населенном обитаемом мире!). Эти факторы определили два характерных и, на наш взгляд, самых устойчивых признака организации исламского сообщества. Эта устойчивость объясняется социокультурными константами исламского общества.

Мы говорим — два, считая их важнейшими (и сохраняющимися в XXI в. во всей полноте) во взаимоотношениях с немусульманским миром.

Во-первых, это идея *уммы*, т. е. особого и вполне завершенного в социальном, идеологическом и политическом отношении сообщества.

Во-вторых — идея деления обитаемого мира на неравновесные части: «земля ислама» и «земля остального мира». Отношения между ними формируются социальным и политическим договором, который предлагается и формулируется именно исламской стороной. И только *добровольно*! Тогда соблюдение такого договора *обязательно* и свято для исламской уммы и ее руководителей. Вот почему решения европейских властей о тех или иных сторонах жизни и даже внешнего вида (хиджаб) могут быть расценены как неприемлемые.

Пророчества Мухаммада в 610–632 гг., хадисы — предания о его жизни, а также деяния преемников — *халифов* сформировали понимание «уверовавших» и «окружавших» Мухаммада людей (т. е. мусульман и немусульман), но остающегося и поныне базового восприятия ислама как *особой формы совокупной человеческой жизнедеятельности*, обладающей рядом абсолютных общих черт и лишь некоторыми регионально-культурными особенностями.

К первым относится *шариат* как единственный источник прав, обязанностей и норм поведения мусульманина в умме и вне ее. За 1400 лет шариат стал своего рода формой сакрализации житейских данностей мусульманина, где бы он ни жил — от Сингапура до Гамбурга и Хьюстона.

В то же время нельзя игнорировать культурно обусловленную специфику того или иного регионального варианта исламской цивилизации. Страны Магриба, Турция, Ближний и Средний Восток, мусульманские страны «теплых морей» — эти и другие области исламского мира имеют

свои особенности; каждая из них по-своему переживает столкновение с европейской культурой. Все же культурологи-мусульмане, изучающие свою традицию «изнутри» (среди наиболее глубоких мыслителей я бы назвал достойного Фетхуллага Гюлена), выделяют некоторые моменты, общие для всей мировой уммы — общины правоверных.

Принципом, определяющим отношение мусульман к материальному благополучию и преуспеянию, является представление о том, что Аллах спасает верующего от *любых* земных невзгод и несчастий. Он дает жизнь и отнимает ее по своему произволению и может вновь возвратить человека к жизни.

К оценке качества жизни верующий мусульманин подходит через различение праведности и греха. Можно это сформулировать следующим образом: качество жизни в исламском понимании есть прежде всего избежание греха любого вида. По исламской концепции, существует грех личный, т. е. в отношении себя самого, грех перед Аллахом, грех в отношении всего человечества, грех перед конкретными людьми, наконец, грех перед своей общиной — *джамаатом*.

Стержневой момент исламского мировоззрения — значимость и ценность *каждой человеческой жизни*, дарованной Аллахом. Но, в отличие от «иудейско-христианского материализма» (по выражению мусульманских теоретиков), всячески подчеркиваемого, но не изучаемого в его культурной составляющей, ислам провозглашает, что долгая жизнь сама по себе не является ценностью, к которой нужно стремиться любыми путями. Гораздо важнее не совершать несправедливостей и помнить о том, что Всевидящий Аллах не оставит дурные деяния безнаказанными. Подчеркивается важность и необходимость веры в Аллаха, без которой долгая земная жизнь (какого бы то ни было уровня обеспеченности!) теряет свой смысл.

«Доля блаженства в будущей жизни» превосходит все обманчивые наслаждения жизни здешней: «Желание наслаждений в ближайшей жизни приводит к отклонению от веры в Аллаха и распутству» (сура «аль-Бакара», 212). Широко обсуждаемое на Западе совершенствование качества жизни ислам XXI в. осознает и воспринимает в понятиях многовековой давности.

Что же означает — в исламском понимании — бороться за улучшение качества жизни? Ответ будет очень простым. Это значит — стараться обогнать друг друга в добрых делах. «Старайтесь обогнать друг друга в добрых делах, и Аллах воздаст вам за это. Где бы вы ни были, Аллах

соберет вас всех в День воскресения. Поистине, Аллах над всякой вещьюмошен — над смертью и над воскресением» («аль-Бакара», 148).

Важнейшим качественным параметром является активная жизненная позиция. Созидательная деятельность приветствуется как всей традицией тысячелетней мусульманской мысли, так и современными богословами. Однако ее нацеленность определяется не идеями и целями современного информационного общества, а культурной традицией, которую стараются сохранить в неизменности почти полторы тысячи лет.

В Священном Коране признается, что человек заинтересован в земном благополучии и процветании, а также в чувственных наслаждениях: «Люди испытывают страстную привязанность к женщинам, к детям, к большому количеству золота и серебра, к породистым коням, к скоту, к плодородной земле и посевам. Но все это — только для пользования и удовольствия в ближайшей, а не Вечной жизни. И ничто не сравнится с милостью Аллаха, который в будущей жизни воздаст тем, кто усердствует на его пути» (сура «аль-Имран», 14).

Таким образом, Священный Коран совершенно четко обозначает качественные параметры земной жизни человека, среди которых не последнее место занимает плотская любовь. Ислам подчеркивает важность и значимость отношений полов. Причем, согласно шариату, соитию должны обязательно предшествовать любовные игры — ведь они возвышают душу, а без душевного контакта нет подлинного сближения, соединения мужчины и женщины. А плодом сексуальных отношений обязательно должны быть дети...

Фактический отказ Запада от «плодов сексуальной революции» 1960-х — 1970-х гг. воспринимается в умме не как возрождение и развитие культурных традиций христианского общества, а как торжество взглядов ислама. Вряд ли здесь существует понимание... При этом осуждается предпочтение благ здешней жизни вечному загробному блаженству: «Ведь они (о Мухаммад!) предпочли ближайшую, невечную жизнь с ее суетой будущей жизни с ее вечным блаженством. Наказание им в геенне никогда не будет облегчено, и никто им не окажет помощи и не спасет их» («аль-Бакара», 56).

Известный российский публицист и социолог С. Г. Кара-Мурза писал, что в мировой истории существуют общества двух типов: одни стремятся к уменьшению меры страданий человеческих, другие — к расширению спектра наслаждений; первые относятся к «аскетическому» типу, вторые — к «гедонистическому». «Аскетическими», согласно этому разделению, будут средневековая христианская цивилизация (с подозрением

относившаяся к любым «плотским удовольствиям», включая даже баню) и ранняя советская. Классический пример «гедонистического» общества — сегодняшний мир «золотого миллиарда».

Возникает естественный вопрос: к какому типу можно отнести традиционную исламскую цивилизацию в XXI в., учитывая, с одной стороны, свойственный ей абсолютный религиозный императив, а с другой — высокий статус телесного наслаждения и просто комфорта в мусульманской культуре?

Если исходить из предложенной схемы, которая нам в принципе близка, можно отнести мусульманское общество к «умеренно гедонистическому типу». Для исламской традиции характерен призыв к умеренности и благоразумию. Взрывы страстей, безусловно, существуют, но они должны находиться под контролем Веры и Разума. Низменных страстей, разумеется, следует избегать. Нужно во всем соблюдать меру. Каяться же за любые проявления своей чувственной сферы — нет никакой необходимости. Ведь плотская радость — это естественное движение души, а что естественно — то угодно Аллаху!

В *хадисах* (преданиях о пророке, высказываниях и поучениях Мухаммада, закреплённых в свидетельствах его современников) говорится: творение добра угодно Аллаху, но и *несотворение зла* — тоже благо. Есть в хадисах и такая истинная мудрость: «Если ваш взор случайно остановится на человеке, превосходящем вас по богатству, по социальному положению, по внешним данным, то посмотрите на того, кто уступает вам по всем этим показателям — и будете довольны».

Кроме того, в исламской цивилизации (в отличие от, например, средневековой Европы) нет представления о святости бедности. Бедность вообще-то не поощряется, а мирное испрашивание помощи есть грех. Эта идея очень часто повторяется для молодежной среды. Следствия очевидны.

«...Однако истинно бедный, — говорится в одном из хадисов, — тот, кто, не имея достаточных средств для существования, не являет свою бедность другим, дабы получить вспомоществование, и не стоит на виду с протянутой рукой». Иными словами, попрошайничество для истинно верующего мусульманина — просто невозможно, но отъятие необходимого — допустимо. Хотя и не приветствуется открыто.

Сама по себе крайняя нужда отнюдь не приближает к Богу, поскольку заставляет человека буквально биться за свое выживание, не давая ему возможности задуматься о высшем смысле существования. К тому же бедный человек не способен оказывать помощь и поддержку тем, кто в

ней действительно нуждается. Считается, что если ты хотя бы относительно трудоспособен, то должен приложить все усилия для того, чтобы выйти из бедности. В экстремистских кругах «трудоспособность» мягко, но настойчиво подменяется на «вооруженность».

Общественное мнение в странах ислама поощряет красивую одежду, обувь, хорошие машины (современный аналог «породистых коней»), — но только если их обладатель сохраняет богобоязненность и помогает слабым и убогим. Те бедняки, которые впали в нужду из-за каких-либо объективных обстоятельств (болезнь или инвалидность, семейные несчастья, война или какая-либо катастрофа), — могут в полной мере рассчитывать на защиту мусульманского общества. Впрочем, глобализация — это и есть стихийная, хуже Великого цунами 2005 г., катастрофа для уммы.

Общественное благополучие мусульман тем выше, чем больше отчисления состоятельных и состоявшихся собратьев в пользу бедствующих, увечных и немощных. Правда, эти отчисления могут пойти и не на мирные цели — увечье можно обрести не только за станком или за рулем трактора...

В исламе существует ясно разработанная концепция социальной справедливости. Насколько ты содействуешь улучшению качества жизни своих собратьев по умме — настолько ты можешь рассчитывать на милость Аллаха. Тот, кто предоставит своему должнику достаточно времени для выплаты долга или простит ему долг — тот в Судный день будет находиться под защитой Аллаха. А вот ростовщикам, банкирам и финансистам, живущим на проценты, рассчитывать на милосердие Всевышнего особенно не приходится... Чаше всего звучат обвинения в адрес богатых «неверных», живущих на проценты от капитала. Еще один повод для недовольства...

Ислам устанавливает определенную последовательность адресатов помощи. Вначале человек должен помочь самому себе (то есть, только твердо встав на ноги, можно заниматься поддержкой других), затем — своим детям, жене или женам, своей общине... Иными словами, человек вначале должен поддержать своих ближних, затем — дальних.

Современные мусульмане, особенно живущие в европейских странах, очень ясно отдают себе отчет в том, что современный мир — «мир насилия». Восприятие культурной традиции «насилия» разошлось в западном (христианском) и исламском мире слишком далеко. Для исламского общества большое значение имеют слова Мухаммада: «Есть три категории людей, обвинителем которых я буду в День Суда: те, кто поклялся моим именем и нарушил клятву; те, кто сделал свободного человека рабом или

те, кто продал человека и потратил выручку; те, кто нанял на работу человека, использовал его рабочую силу и не заплатил». Современные европейские муфтии — наставники мусульманской общины — подчеркивают, что под категорию закабаления свободных людей попадают и различные способы незаконного, негуманного использования гастарбайтеров, что очень актуально в век глобализации.

Признаем, что историческим фактом является отставание исламского мира от Запада — отставание в сфере точных наук, военного дела, индустриального развития. Соревнование цивилизаций сегодня — это прежде всего соревнование технологий. И в этом состязании исламский мир пока что проигрывает. По крайней мере, в большинстве стран ислама. И это — очередной повод для «выравнивания ситуации», но вот методы этого зависят от условий.

Вернемся к моментам, которые мы только что затронули. Итак, ислам отрицает ростовщичество в любой форме. Использование прибавочной стоимости во имя расширения воспроизводства — не богоугодное дело. Исламский мир пожертвовал накоплением капиталов для воспроизводства во имя создания общества, в котором поддерживалась бы некая усредненная модель благополучия, не допускались бы крайние формы эксплуатации. С точки зрения темпов промышленного, технологического развития это, безусловно, был проигрыш. В этом отношении идея социальной справедливости, доктринированная и возведенная в абсолют, дала отрицательный результат.

Кроме того, в мусульманском обществе всегда были сильны позиции традиционалистов. Ислам как религия предоставляет традиционалистам сильный аргумент: о любом нововведении можно спросить: «А есть ли это в Коране?». Предполагалось, что в Коране есть все: условия жизни можно совершенствовать только в рамках, заданных Священной Книгой. И в наши дни многие мусульманские богословы подходят к оценке современных явлений (вплоть до цифровых технологий или информационного общества) лишь с точки зрения того, насколько они сочетаются с задачами распространения ислама.

Ответ на вопрос, как в исламе происходила трансформация «своих» в «чужих», можно найти в исторической практике жизни. Процесс этот продолжается, но без обратного вектора.

В исламской традиции не поощряется бескомпромиссная экономическая конкуренция: соревноваться стоит лишь в том, как лучше выглядеть перед очами Всевышнего...

Ислам — вопреки расхожему мнению западного потребителя информации — в первую очередь приветствует знание, науку: «Тот, кто идет по пути знания, идет напрямую к Аллаху». Но здесь имеется в виду прежде всего знание гуманитарное. Что же касается технологий эпохи промышленного капитализма, то в XVIII–XIX вв. заимствовались в первую очередь знания военные. Причем они воспринимались изолированно, вне связи с общим техническим прогрессом.

Избирательность заимствований и инкорпорирования таковых в жизнь исламского сообщества всегда зависела от лидеров духовного ранга; напомним о неразрывности светского и религиозного начал. Ситуация, когда «свой» с абсолютной властью светского и духовного авторитета решает, «кого» или «что» считать «своим — чужим — чуждым», укрепляет властные, но не культурные начала в обществе.

Кроме того, возникал и продолжает возникать соблазн — никак не подпадающий под понятие греха, запретности («харам»), но опасный для окружающего мира.

Манипулирование относительно мирным образом «чужого», трансформируемого в «чуждого» и обратно, в зависимости от появления (необходимости решать) военно-политических проблем. Мы вернемся к этому тезису.

Рассмотрим проблему волнового вторжения ислама и заимствований ниже, а сейчас вернемся ко второй из заявленных выше групп особенностей восприятия ислама западным миром.

Изначальным и векторно контрастирующим (по нарастанию через века) было следующее понимание (или, чаще — непонимание) сути изначальных постулатов христианства и ислама:

В христианском мире Слово Божье **воплотилось**, т. е. стало (буквально!) плотью Господа нашего Иисуса Христа.

В исламе Слово Божье воплотилось в Священном Коране.

Следовательно, уже первые расхождения христиан и мусульман базировались (и продолжают базироваться) на фундаментальных и в принципе несравнимых константах.

Должны сравниваться между собой не Библия (прежде всего Евангелия) и Коран, а Коран и Личность Иисуса Христа.

Трудно совместимые в христианском сознании позиции. Однако именно это детерминирует взгляды и дуализм ценностей, сложившиеся в историческом сознании мира ислама и мира христианства. Заметим, что в Передней Азии они сосуществуют в непрерывном взаимодействии с VII в. от Рождества Христова и, полагая, до Судного Дня.

Первыми немусульманами, обратившимися лицом к проблеме «понять ислам», были гонимые Римом и Византией: христиане-еретики и иудеи Передней Азии. Среди христиан были копты, ариане, несториане, яковиты; иудеи — выходцы из Сасанидского Ирана и в небольшом количестве — из Египта.

Здесь не было подавления немусульман и покорения их прямой силой исламского оружия. «Еретики» христианства I – III вв. «хиджры» (VII–IX вв. н. э.) искали в «новых соседях», в крепко сплоченной умме мусульман *социальное освобождение* от римской или византийской власти и развитие идей своих богов: ведь они вначале вполне зримо угадывались в раннем исламе.

Иисус Христос предсказал (по Евангелию от Иоанна. См. главу о Св. Духе: 14, 26) деяния Мани (ум. 276 г.); последний же требовал уточнения и очищения пророчества Мусы (Моисея) и Гайсы, или Исы (Иисуса). В таком взаимном изучении прошли первые века продвижения ислама и его восприятия в мире соседей – немусульман.

Нарастание «чужести» от исламского мира имело ряд этапов и особенностей.

Напомним, что первоначально продвижение ислама за пределы Аравийского полуострова шло не натиском, но «просачиванием» с опорой на христианские еретические толки. И еще один момент — опорой для расширения влияния раннего ислама служили торговцы, которых объединившиеся под знаменем Пророка племена избавили от разбойников и грабителей на старых караванных путях.

К числу основных торговых троп Старого Света того времени, которыми постарался воспользоваться ислам, были широтный Великий Штлковый Путь и меридиональный путь «из варяг в греки», иначе говоря, великий рабский путь с Севера Европы через Киев в Средиземноморье. Далее он разветвлялся в новые европейские владения ислама — на Иберийский полуостров и в Сиро-Палестинский район, в Счастливую Аравию и даже в Северную Африку.

На меридиональном направлении ислам столкнулся сначала с иудейским Хазарским каганатом, затем с языческой, а потом православной Киевской Русью. Здесь религиозное проникновение ислама затормозилось. Все ограничилось взаимовыгодными торговыми и культурными контактами.

Иначе сложилась ситуация на широтном пути — Великом Шелковом и его ответвлениях. На этих путях ислам по дороге торговал, если по-

лучалось — завоевывал, освобождал и — о чудо! — уравнивал раба и господина. Безусловно, весьма формально. Эту мифическую свободу — умереть, сражаясь за новых господ, внешне столь же нищих, как и вчерашние рабы, — воспевают фундаменталисты-политиканы от ислама с дипломами Сорбонны, Йеля, Института стран Азии и Африки...

Ислам привлекал к себе прежде всего силой единства и сплочения. Подобно тому, как это происходило в Сиро-Аравийском регионе, сложилась ситуация (столетия спустя) в Нижнем Поволжье или на Северном Кавказе (Дагестан): местные язычники легко приняли сторону сильного своей сплоченностью и взаимовыручкой исламизированного общества.

Православная Византия и католический Рим слишком активно боролись с ересями, чем оттолкнули от себя массы христиан. В конечном итоге древняя Византия рухнет, но под натиском не исламских воинов, а католиков-крестоносцев.

Тем временем ислам шел в Европу быстро и почти бескровно с юга Средиземноморья и укрепился по ту сторону Пиренеев. В начале VIII в., в 711 г. Тарик высадился с небольшим войском бедуинов и туарегов в том месте, которое до сих пор носит его имя (Гибралтар, Джебель ат-Тарик — т. е. Скала Тарика). В битве против арабов погиб Родерих — последний король вестготов. На то, чтобы пройти до территории современной Франции, потребовалось всего несколько лет. К 715 г. в руках завоевателей был весь Иберийский полуостров. Отступление мусульман началось после битвы при Пуатье 732 г. На то чтобы окончательно вернуть Иберийский полуостров под власть христианских монархов, потребуется 760 лет!

Неудивительно, что сегодня в некоторых проповедях исламских священнослужителей в Европе прямо или косвенно звучит идея о возвращении в земли, омытые кровью исламских предков первых веков хиджры.

Военный аспект продвижения ислама в Средиземноморье, в Центральной Азии и на Среднем Востоке со второй половины VII в. н. э. и до начала XXI в. должен изучаться, на наш взгляд, с учетом суннитской и шиитской концепций легитимности наследования власти в умме. При этом следует принимать во внимание факты и события буквально последних месяцев: волнения исламской молодежи во Франции, Бельгии и Германии, «карикатурный скандал» в Дании, обстоятельства, благодаря которым в Палестине на парламентских выборах одержало победу военно-политическое движение (появление на политической арене нового ордена?..) «ХАМАС»...

Напомним, что в исламе духовное и мирское начала неразрывны. Отсюда концепция мирской власти, осуществляющей одновременно и власть духовную.

Изначально при столкновениях ислама и христианства возникали и столкновения понятий. Религия в Европе включала в себя культы и ритуалы. Религия в исламском мире или, иначе, «дин» — это законы Бытия, ритмизированной жизни людей во всей полноте.

В исламе «церковь» как система в принципе не существовала и не существует. Тогда как «церковь» как постройка, культовое сооружение в первые века ислама вообще не была обязательна. Нередко мусульмане делили строение христианской церкви, если можно так сказать, на две религии — ею пользовались попеременно те и другие, мусульмане и христиане.

Церковь и государство в концептуальном смысле составляла проблему только в западном мире. Извечная тема: Папа и император, патриарх и царь, их соперничество и сотрудничество, борьба за власть мирскую и духовную, — для большинства мусульман даже в XXI в. так же непостижима, как и в VII–VIII вв. Ведь в исламе, как сказано выше, обе функции неразделимы, нередко слиты в одном лице (например, многие высшие должностные лица Исламской Республики Иран, включая избираемого демократическим путем президента, являются аятоллами). На этой основе ислам полемизировал с христианством, выдвигая следующий постулат.

Чего добился своей жизнью и смертью Иисус Христос: страданий для себя, покаяния ближайшего круга сподвижников, искупления грехов грядущих поколений.

Чего добился Мухаммад: при жизни одного поколения он построил систему, которая в том или ином виде существует почти полторы тысячи лет, причем в различных уголках земного шара.

Христиане знали, что при жизни их ждут гонения, страдания, просветление и где-то в отдалении — возможное спасение.

Ислам изначально призывал и обеспечивал свободу, равенство и победы, победы, победы...

Не станем обсуждать эту догматику, но подчеркнем, что изначально и христианские, и исламские правоведы тяготели к единому правовому полю. Сегодня это Евросоюз, с одной стороны, и исламское государство — с другой. И те, и другие осознают себя носителями *истины* и предрекают горе тем, кто ее не приемлет.

Важно отметить, что в последнее время в исламской пропагандистской догматике акцентируется идея, что христиане, конечно, люди Писания и единобожия, но за многие века, утратив Христа, который по своей воле ушел от них, они «натворили» много ошибок, которые могут быть поправлены с помощью исламской мессианской доктрины.

В наши дни требует пристального и особо бережного изучения рельефно выделившийся после трагедии 11 сентября 2001 г. признак внутри-исламского размежевания на тех, кто:

- чтит только Коран
- чтит Коран, но также шариат-адат
- наконец, тех, кто признает окончательность и вечность Корана, но также и изменчивость мира, в отношении которого нужно выносить богословские суждения.

Весомость этих трех условных групп в умме, возможно, определит взаимоотношения миров — ислама и неислама — в XXI в. и впоследствии.

Понятия толков — *масхабов* и тезиса «*халиф-имам*» подлежат особому рассмотрению.

В новой истории Европы неадекватность восприятия монархами и лидерами христианского мира реалий исламского мира приводила нередко к казусам.

Христианство VII–VIII вв. настороженно встретило исламские постулаты, и таковая настороженность транслировалась в христианском сознании в течение многих веков прежде всего Церковью, ее иерархами, причем Римско-католической Церковью и Православной с одинаковым рвением. В основе подобного отношения лежали и остаются следующие позиции:

1. опасение высшего христианского клира соперничества со стороны ислама как последней авраамической религии, имеющей четко прослеживаемые общие корни с христианством при отсутствии религиозных учреждений, посредничающих между Богом и человеком;

2. ввиду изначального понимания христианскими отцами церкви сущностной логики ислама (что хорошо прослеживается по современным изданиям документов, хранящихся с неизменной бережностью с VII в. до наших дней в монастырях Синая в Египте), а именно:

ислам есть этика и нормы повседневной жизни массы людей (уммы), а не создаваемое (и подновляемое по необходимости или по велению, например, власти) философское учение;

3. христиане Ближнего Востока (Аравии, Египта и Сирии) и Византии увидели в абсолютных ценностях ислама (Вера, Жизнь, Потомство, Разум,

Собственность) зачатки того, что мы, в XXI в., понимаем под гражданским обществом.

Ошибочное, как доказывает современный турецкий теолог Ф. Гюлен, но существующее восприятие ислама как воинствующей религии фанатиков-смертников сложилось во многом под влиянием сокрушительных по масштабам социально-политических сдвигов крестоносного вторжения в Передней Азии, в Юго-Восточной и Центральной Европе в Позднее Средневековье.

Следует учитывать, что реальные потери Запада, т. е. фактические итоги боевых столкновений сарацин и рыцарей, воспринимались на уровне христиан-мучеников. Тогда как в восточно-христианской церкви, пережившей одновременно столкновение с мусульманами и сокрушительный удар в спину рыцарей-католиков, всн это вскоре стало восприниматься на уровне потерь только со стороны противников-мусульман.

Тогда, в XI–XII вв. и закрепилось в бытовом сознании христианина-европейца, что мусульманин — это беспощадный убийца со склонностью к публичному суициду в ходе теракта. Мы же должны осознавать, что в крестоносной трагедии исторически более весомую роль, чем столкновение с воинами ислама, сыграл раскол христианских церквей XI в. Ведь православная Византия была разгромлена и разбита на несколько сравнительно слабых государств именно рыцарями-католиками и затем стала легкой добычей для турок-османов в середине XV в.

Следует подчеркнуть, что Священный Коран фактически завершает ряд категорических запретов авраамических религий на убийство невинных: Библия (Исход, 21:12; Левит, 24:17–18), Коран 2, 178–179. Коран стоял и стоит в ряду монотеистических учений, запрещающих самоубийство (4, 29) и убийство женщин и детей как деяние, равное безбожию [См. Коран: 25 (68); 6 (151)].

Постулат «не мир, но меч» [см. Евангелие от Матфея, 10 (34–35) и Евангелие от Луки 12 (51–53)] никак не корреспондируется с исламским пониманием «джихада» — «священной войны» как служения человеку, в том числе и путем определенного насилия (см. Коран: 5 (54), 9 (19), 8 (72), 16 (110), 29 (6, 8) и др. суры и аяты).

Как прежде всего исламское было оценено Западом монголо-татарское вторжение. Эта ошибочная позиция существует до сих пор и мешает реальным оценкам и выводам. Монголо-татарское вторжение исламское общество в Египте и в Арабистане (XIII–XIV вв.) восприняло столь же отрицательно, как и Запад. Тем более что исламские государства

Центральной Азии рухнули под натиском монголо-татар, среди которых, кстати, в годы правления Чингисхана было немало христиан-несторианцев и просто язычников.

К сожалению, эта важная, цивилизационно значимая тема до сих пор не стала основой в перспективе весьма конструктивного диалога между мусульманскими и христианскими историками.

Впоследствии монголо-татары, объединенные Чингисханом и его ближайшими потомками, действительно очень быстро приняли ислам. Вследствие этого малоизученного социально-психологического феномена на все мусульманские страны, на исламский мир в целом было перенесено восприятие христианами монголо-татарской орды как «чумы народов», «Божьей кары» и пр. — разрушителей восточно-христианской, ирано-арабской и других ветвей цивилизации.

В действительности же античное философское и естественно-научное наследие было сохранено для Запада домонгольскими исламскими халифатами, тогда как уничтожение следов античной культуры деятельно проводилось именно монголо-татарами.

На протяжении Средневековья, Нового и Новейшего времени ислам так и не принял тезис об относительно высокой адаптационной способности христианского мира со временем постепенно понять различные мусульманские и «омусульманенные» (исламизированные) народы. Запад сумел расчленить и выделить в понятийном и общекультурном смысле сарацин («шаркейн» — т. е. «люди Шарка, Востока»), мавров, босняков, помаков (принявших ислам болгар) и др. во имя потребности понять «иного». Мы убеждены, что на Западе таковая потребность сейчас существенно выше, чем на Востоке, что определяется спецификой культурных традиций Запада, а также сложившейся за последние годы системой глобализации: мир стал меньше, «иной» приблизился к дому среднего европейца или американца.

Нельзя вечно жить в мире «чужих» и «чуждых». Но именно к этому привык исламский мир.

Полторы тысячи лет сохраняется косный подход исламского сообщества к *ромеям, сакалиба, франкам, назара, кяфира* и др., под которыми понимается весь христианский мир без этно-культурных различий.

На наш взгляд, причина таковых расхождений — в изначально разных объемах миропонимания: у Запада, начавшего открывать Новый Свет — Америку и соединять куски обжитой ойкумены; и у «загадочно-го» Востока, жившего в своем мире, не нуждавшемся в дополнительных

открытиях. Эти процессы проходили одновременно, в эпоху позднего Ренессанса и изгнания мавров из Испании (падение Гранады и открытие Америки свершились в один год — 1492). Исламский мир на рубеже XV–XVI вв. превращается в конгломерат взаимно враждующих, сражающихся друг с другом и со всем окружающим миром государств-крепостей.

Многое в типологии взаимоотношений исламского и христианского мира становится более понятным, когда анализируется малоизученный как на Востоке, так и на Западе волновой, адекватный мировому цивилизационному процессу характер исламских вторжений в Европу, осуществившихся турками-османами с XIV в. Это создает базу для последующего изучения мифологии исламского сознания нынешнего гражданина европейской страны — мусульманина и его взглядов на исторический процесс расселения собратьев-мусульман в Европе.

Концептуально следующее положение: угроза западному миру со стороны мусульман-османов (3-я – 4-я волны вторжения в Европу из Азии, начиная отсчет от Аттилы и его гуннов) носила отнюдь не религиозный характер, а вполне ощутимый социальный и военнополитический. Аналогия с переселенческой политикой мусульман в Европу XXI в. состоит как в социально-демографической экспансии, так и, отчасти, в военной форме — в облике терроризма и латентных конфликтов низкой интенсивности, периодически, как на рубеже 2005/2006 гг., изливающихся социальным взрывом.

Следует принять во внимание различный уровень ожиданий двух сторон — христианской Европы и исламской Турции в период их стремительного и враждебного сближения (под влиянием османского вторжения на Балканы в XIV–XV вв.). Необходимо также учитывать несопоставимость темпов эволюций социумов эпохи Реформации в Европе и расцвета Османской империи (XVI–XVII вв.). Все это самым негативным образом сказывается на современных отношениях турецкой исламской уммы и демократического общества Западной Европы. Следует также учитывать высокий уровень исторической памяти исламского общества. При этом на поверхности оказываются чаще всего не самые удачные исторические примеры. Отсутствие или низкий уровень политической культуры в умме существенно осложняют ситуацию. Воздействовать на нее можно только через средства культурного общения.

При этом можно воспользоваться следующими историко-культурными данными. Европа Нового времени в динамичном, возмраставшем по экспоненте развитии потребления и многофакторном воспроизводстве нужда-

лась *прежде всего* в стабильных поставках из стран исламского Востока дешевого и качественного продовольствия и только в конце XVIII – начале XIX в. стала нуждаться в сырье оттуда же. В конце XX в. Европа стала нуждаться в дешевой рабочей силе Востока.

Государства Ближнего Востока до конца Первой промышленной революции нуждались преимущественно в налоговых поступлениях, или, иначе говоря, интересовались только числом своих подданных.

Должна рассматриваться «опрокинутая аналогия»: ислам внедрялся в Европу и на христианском Востоке в VIII–XII вв. преимущественно методами «просачивания» в слабые звенья христианской цивилизации.

Западная модель развития нашла «бреш» в исламской (в частности, османской) цивилизационной модели в XVIII–XIX вв. в лице немусульманских подданных исламских государств, энергично защищавших *свои* социокультурные ценности и возможность адаптировать исламские личные свободы к европейским преимуществам.

Стремительное нарастание напряженности отношений, отторжение до замкнутости исламского мира эпохи индустриализации внешне носили религиозно-ограничительный характер. В основе процесса лежали факторы стремительного экономического исламского отставания: через стагнацию и углубляющийся разрыв к частичной и поверхностной имитации образцов потребительского спроса.

Имели место два сосуществовавших, но разноречивых процесса:

— собирание Западом Нового и Новейшего времени стадийально-однозначного ему мира

— и сохранение исламом откатывающегося в прошлое *его* мира с частичным приспособлением к внешним факторам — через модернизацию и вестернизацию.

Таким образом, несколько веков шло не взаимное изучение, а лишь частичное взаимное приспособление потребительского уровня Запада и Востока.

Фактическая стимуляция великими державами в XIX – начале XX в. исламского (прежде всего османского) изоляционизма как следствия нараставшего отставания и нереализованного очага напряженности на окраинах Европы вызывало в объекте защитную реакцию неадекватного уровня.

Возобладание в Турции внутренних стимулов к преобразованиям (1850-е–1980-е гг.) сопровождается постепенно нарастающим (особенно после эпохи секуляризма Ататюрка) исламом.

Малая амплитуда колебаний покупательных запросов исламского социума в XIX – начале XX в. сочеталась с массированным поглощением европейской потребительских товаров, символизировавших якобы присоединение османов к миру Европы. В исламе этой эпохи *Идея открытия мира* вообще не звучала.

Массовость и стандартность потребительского спроса носили демонстрационный эффект: «Я, дескать, одет как Селим, а Вылко или Христо еще лучше». Османский центр — императив власти — не сумел удовлетворительно обеспечить распределительные функции и не ставил задачи изучения глубинных процессов прогресса западного мира. Поэтому потерпел катастрофический провал. Есть смысл задать вопрос: какие столкновения с западным миром вызвали наибольшие подвижки в традиционных исламских представлениях о качестве жизни?

Первым этапом таких трансформаций была, на наш взгляд, эпоха султана Сулеймана Кануни, т. е. вторая треть XVI в. Тогда в столь близкой нам с профессиональных позиций Османской Турции мусульмане впервые столкнулись не просто с Европой, а с развитой и превосходящей их по многим параметрам цивилизацией, средоточием которой была императорская Вена.

Следующий исторический рубеж — конец XVII в., когда исламский мир потерпел ряд сокрушительных поражений от Европы, объединившейся в «Священную Лигу».

Натиск Запада продолжился в эпоху наполеоновских войн (1798–1815). Именно тогда «исламскому проекту» был впервые противопоставлен столь же глобальный европейский, но светский проект, основанный не на христианских ценностях, а на универсализме эпохи Просвещения. Не будем забывать, что замыслы Наполеона имели поистине мировой размах — они включали не только прорыв в Восточное Средиземноморье, но и значительную активизацию Франции в Индостане, в Южной Африке... В этот период мусульманский мир осознал, что пренебрежительно-презрительное отношение к «неверным» — «гяурам», «франкам», т. е. европейцам более невозможно. Точно так же, как невозможно было и прежнее экстенсивное распространение ислама в балканском, например, регионе.

Последовал следующий этап цивилизационного диалога ислама с Западом. В середине и второй половине XIX в. мировая умма переживала время реформаторских прорывов и адаптационных движений. Назовем здесь реформы Мохаммеда Али в Египте, реформы периода Танзимата

в Турции, движения бабидов и бехаитов в Иране, активизацию (продолжившуюся и в XX в.) политических исламских организаций в Индостане.

Говорить об итогах встречи ислама с новоевропейской цивилизацией, очевидно, пока рано. Но можно отметить один безусловный момент. В отличие от синтоистской и конфуцианской цивилизаций, сумевших целостно адаптировать, «переварить» западные явления, сделать их своими, — мир ислама всегда прибегал к селективному, избирательному восприятию и заимствованию прежде всего военных технологий. Получалось, грубо говоря, что пушки — это хорошо, а книгопечатание — недопустимо (печатать Священный Коран по европейским технологиям в Турции начали только в 1730-х гг.).

Таким образом, в отношении заимствований передового опыта мусульмане шли по пути пользователей, а не создателей. Причем заимствования начинались в экстремальных ситуациях — обычно в годы военных столкновений с Европой или Россией. Повторим, что речь идет о примерах турецкой истории.

Вектор основных усилий Османского исламского государства был нацелен на автаркичную военно-политическую систему и поэтому уходил в бесконечность, определившую неудачи Танзимата (1839–1876). Это вызвало еще большее ее отставание. Этот процесс был прерван только республиканским режимом новой Турции во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком.

Вектор случайных решений и поисков по усилиям стабилизации османской подсистемы принципиально разошелся с вектором развития и познания, ставшим основой атлантической цивилизационной модели. Мы позволили себе привести данный пример по Турции, учитывая высокую активность именно турецкой исламской уммы в современном обществе Европы, прежде всего Германии.

Примеры неверных выводов с обеих сторон бесконечны. И перспектива взаимного исправления ошибок утрачивается, если не осуществляется комплексное, систематическое изучение культурных ценностей обеих сторон. Так, систематическое изучение ислама в Европе началось в XIII в., изучение христианской модели (не путать с изучением античности) исламским миром — только в конце XVIII в.

Запад довольно усердно изучал интеллектуальную составляющую Востока. К сожалению, слишком часто поверхностное знакомство с этим миром выливалось в увлечение наркотиками (рубеж XIX–XX вв.), дзен-буддизмом в самом поверхностном и прагматическом его примене-

нии (с середины XX в.) и т. д. Исламские практики и ученые изучали и продолжают изучать военное дело (теперь и атомную энергетику), юриспруденцию конфликтных состояний, инженерное дело (начиная с эпохи промышленных революций), но не философию развития атлантической цивилизации.

Прагматизм исламского изучения западных ценностей в наши дни проявляется достаточно характерным образом:

посещаются торгово-промышленные выставки и редко, почти никогда — библиотеки;

ислам превращается в форму консенсуса социума перед лицом сознательно закрытых исламскими властями возможностей понять Запад.

Примат исламского тезиса «изучил — сделал своим», отказ от тезиса «изучил — понял — улучшил» ухудшает перспективы сотрудничества ислама и христианства, чему должен быть посвящен XXI век.

Общие выводы

В мире идет активизация догматов исламского пути через жесткое размежевание развитого («золотой миллиард») и периферийного (преимущественно исламского — Азия, Африка, страны Теплых морей) сообществ.

Внутренние проблемы исламского сообщества нарастают как следствие замедленности адаптации в глобальном информационном пространстве.

События последних месяцев, т. е. рубежа 2005/2006 гг. демонстрируют абсолютную нереальность каких бы то ни было силовых решений в объединенном (европейском) пространстве как с той, так и с другой стороны. Гражданин Европы — мусульманский переселенец превратился в специфическое противоречие XXI века. При этом нарастает стремление обеспечить себя массовым доступом к оружию, что в странах Востока до сих пор является символом самоидентификации полноправного гражданина.

Все чаще звучит и вызывает сочувствие в маргинальных крунах исламского общества вызов «исламского одиночки» против консолидированного европейского гражданского сообщества.

Обостряется гендерная зашоренность и неравноценное осознание права исламской личности в новом пространстве единой Европы. В этом отношении символична трагическая гибель голландского кинорежиссера Тео Ван Гога, убитого за попытку раскрыть положение мусульманской женщины в исламской умме Европы.

Но мусульмане существуют не в вакууме. Чем больше будет социальной справедливости в обществе в целом, тем меньше будет самоизоляции, самозамкнутость уммы. Данность сия применима к любому государству, в любом уголке Земли.

При изучении вышеозначенных проблем, на наш взгляд, необходимы: историзм, сдержанность, высочайшая степень информированности о базовых культурных ценностях различных ветвей цивилизации, взаимопочтение и бережность в отношении традиций христианства и ислама.

Таковы основные структурные элементы имагологического взаимопонимания в сущность субъектов поиска.

*Февраль 2006 года от Рождества Христова –
мухаррам 1427 года хиджры*

Архивное востоковедение: пыль веков или информационное оружие эпохи глобализма?

Гуманитарный аспект современного этапа российской модернизации — это уже общее место всех планов, дискуссий и конструктивных предложений, звучащих на эту тему во властных структурах и обществе. Намного глуше, порой до невнятности звучат суждения об *историзации политики и общественного сознания российского социума*.

Тому много причин, и, на мой взгляд, из них наиболее серьезные:

— определенное привыкание общества к «управляемости» нашего прошлого

— пока не устраненные провалы в преподавании отечественной и зарубежной истории и всего гуманитарного цикла.

Очевидно и объяснимо пережитыми социальными потрясениями XX в. скептическое отношение значительной части нашего российского общества к историкам и обществоведам в целом как к специалистам убеждать людей в том, чего сами не видели, на основании того, в чем сомневаются, но — по указанию «сверху». Вполне прослеживается и другой процесс — огромная тяга самых различных слоев современного российского мира к исторической просвещенности, к истории документированной и живой, не схематизированной, не вульгаризированной «оперативниками» от противоборствующих идеологий.

Это отчетливое настроение обучающейся молодежи последнего десятилетия для меня как читающего различные курсы преподавателя с почти полувековым опытом, равно как и для моих коллег по МГГУ им. М. А. Шолохова, по востоковедным, военным, гуманитарным вузам является фактором, стимулирующим нашу работу, но и крайне обязывающим. Поэтому обращение к сугубо, казалось бы, академической проблеме — *orientalistica archivica* — связано и с новационными подходами

в образовании, и шире — с государственной исторической политикой. Выработать ее и донести до массового общественного сознания без обращения в первую очередь к историку — школьному, вузовскому, научному сотруднику, архивному работнику и т. д.

Под «**архивным востоковедением**» (*orientalistica archivica*) понимается неотъемлемая часть российской ориенталистики, опирающаяся преимущественно на документы национальных архивов России как основной источник при создании исторических и социологических трудов, и изучение профильного материала архивов как самостоятельного объекта исследований. Как научная поддисциплина всеобщей истории *архивное востоковедение*, вероятно, одна из самых реактивных областей гуманитарных наук с позиций Стратегии науки и инноваций в РФ на период до 2015 г.

При этом архивное востоковедение устойчиво и традиционно работает в сфере теоретических ориентальных изысканий и одновременно на стыке образовательной и практической деятельности по крайней мере двести лет, т. е. наряду с собственно научным архивоведением и учебно-прикладной ориенталистикой.

Хорошо известно историкам школьного дела, что в домонгольской Руси среди знаний, передаваемых в различных формах обучения — заучивание данных о дальних торговых и военных экспедициях, занятия со священниками дома и в монастырских школах, пребывание в школах светских — практически всегда присутствовали (чего греха таить, нередко мифические, легендарные) сведения о Востоке. В старинной, сейчас практически забытой былине о «много земель повидавшем» богатыре Иване Минидоровиче говорится, что в числе прочего он обучал царевну Софью «...всем наукам премудрым-то, как премудрости-то все же ей восточною...»¹⁵.

Грамотность в восточных языках и начала знаний о «делах властьюстроительных» была всегда тесно связана с паломничеством на Православный Восток; стала насущной в эпоху насильственного пребывания русских земель в составе Ордынского государства (XIII–XV вв.) и значительно позднее (XVI–XVII вв.), когда Русское государство вобрало в себя несколько мусульманских ханств Поволжья и Сибири¹⁶. Переплетение книжного «учительства» и практики делопроизводства с учетом специфики Востока прочно легло в основу архивного востоковедения.

¹⁵ Былины М. С. Крюковой. Т. 2. М., 1941. С. 234–235.

¹⁶ См. Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962; Малет Е. И. Антология хождений русских путешественников XIII–XV вв. Исследования. Тексты. Комментарии. М., 2005; Михайлова И. «Грамота ему в наук пошла». Родина. Спецвыпуск «Образование в России». М., 2010. С. 19–21.

Ориенталистика — комплексная, трудоемкая (языки, культура и т. д.) наука о мире «иного — чужого» человека и общества на Востоке. Поэтому в России и за рубежом веками (по крайней мере, XVII – начало XXI в.) она ориентировалась на подготовку новых кадров. Многолетнюю, с ранней юности до зрелости «архивных юношей», обивавших пороги Азиатского департамента МИД Российской империи, где и жалование было выше, и производство могло быть быстрее, через 1–2 чина (вспомним А. С. Грибоедова). Тем объясняется неразрывность и компетентность специалистов архивного востоковедения в образовательном процессе, наша особая заинтересованность в слиянии науки и образования.

Не лишне подчеркнуть, что в наши дни механизмы взаимодействия высшей школы и академической науки находятся, как и многие другие инновационные проблемы, в стадии поиска и обновления. Система базовых кафедр и лабораторий (понятие вполне применимое, как показывает опыт Российской академии наук, к гуманитарной сфере) достаточно отработана. Академическая кафедра реализует себя на базе определенного академического института. В РФ сейчас, по словам вице-президента РАН В. Козлова, до 1000 базовых кафедр, где обучаются 25 тысяч студентов и работают около семи тысяч сотрудников РАН (см. интервью журналу «Родина», спецвыпуск «Образование в России», 2010).

Мотивированность студентов подобных интегративных кафедр выше, чем на других гуманитарных направлениях, за счет усиленной (включая страну пребывания) языковой подготовки, безусловной и расширяющей востребованность в деловых сферах, в госструктурах и, естественно, в науке передовых рубежей.

2010 год — это Год Учителя. Отметим, что Президентская инициатива «Наша новая школа» как системный проект, включающий современное содержание образования, методы обучения, высокую компетентность молодого учителя в истории России и сопредельных стран, особенно в зонах многовекового соперничества великих держав (Центральная Азия, регион Черноморских проливов, север и северо-запад Индостана), требует от общеисторических кафедр гуманитарных вузов качественно иных подходов. Обеспечить таковые может, в частности, объединение усилий академических кафедр, кафедр всеобщей истории, отечественной истории, методологии преподавания истории.

Модернизация всех ступеней образования учителя-историка нового поколения напрямую и немедленно, без дополнительных изысканий средств и разработки методик, может быть обеспечена сотрудничеством гуманитарных университетов с архивным востоковедением.

Система вузовского исторического образования при формировании филиальной сети и развитии дистантной формы обучения может опереться на локальные ресурсы местных архивов. Определенная экзотичность материалов, проблем, более высокая подготовка архивистов-востоковедов в национальных регионах Поволжья, Урала, Хакасии, Тывы, Якутии, Дальнего Востока не только имеет подтвержденную привлекательность для подготовки выпускных квалификационных работ. Это я могу подтвердить на примере студентов кафедры всеобщей истории и теологии исторического факультета МГГУ им. М. А. Шолохова. Однако отчетливую значимость в контексте государственной исторической политики архивное востоковедение демонстрирует через связь образования и науки на местах.

В средне- и долгосрочных проектах выработки государственной исторической политики как составной части Стратегии науки и инноваций архивное востоковедение, на мой взгляд, может и должно занять свое место за счет современного инструментария, высокого профессионализма востоковедов-архивистов и овладения расширенной документальной базой российских архивов при усвоенной изначально привычке к строгой аналитике как рабочей тональности исследовательского поля.

Адекватность архивного востоковедения задачам выработки государственной исторической политики РФ, включая историческое образование, обоснована, прежде всего, ростом по экспоненте глобального информационного обмена культурно-историческими ценностями, в котором наша страна — в числе безусловных мировых лидеров в связи с неисчерпаемостью документальной обеспеченности прошлого, необходимого для создания национальных историй как России, так и других, чаще всего лимитрофных, субъектов мировой цивилизации.

Принципиально отметить в этой связи многонациональность и поликонфессиональность российского государства со времен создания и начала систематического изучения в России самих объектов исследования — архивов. Если учесть, что в XIII–XV вв. русские княжества составляли единое государственное целое (Великая Орда, Золотая Орда) с типичным для Востока централизованным государственным устройством в основе своей китайского типа, заимствованного Джучидами, а затем вобрали в себя исламизированные тюркские и иные земли после ослабления чингисхановского центра власти (XIV в.) возникают уникальные возможности у себя, в России изучить по документам регионального хранения (Казань, Уфа, Северный Кавказ и др.) эволюцию взаимоотношений этнического центра титульной нации с эволюционировавшими землями. Проекция на

современность очевидна, тому пример — готовящееся издание (с участием автора статьи) «Имперская власть и вайнахский этнос» (план 2010 г.).

Информационный продукт архивного востоковедения обладает уникальной для гуманитарного знания универсальностью, достоверностью и сопоставимостью данных, что исключает фальсифицированные версии национальных историй. В последние годы подобные «труды» появляются в ближнем зарубежье на основе конструирования «образа врага» из числа соседних народов либо «травли нации», вина за которую возлагается на того же внешнего врага, и т. д. Для архивного востоковедения не существует по определению проблемы искаженной истории в сознании «нулевых поколений», равно как и гипертрофии «супердревнего, суперкультурного» и прочее этноса, создающего так называемый «большой национальный нарратив».

Работы коллег — востоковедов-архивистов (2008–2010 гг.) и дискуссии на заседании Отделения историко-филологических наук РАН (февраль 2010 г.) аргументировано опровергли весьма популярные в среде публицистов, пишущих на исторические темы, идеи профессора А. Коллингвуда. Он утверждает, что каждое новое поколение *должно* переписывать историю своим собственным способом; так как исторические свидетельства меняются с изменениями метода исследования¹⁷.

Для опирающегося на преемственные документы, например, Казанского ханства XII–XVI вв., Крымского государства XIV–XVIII вв. архивиста-востоковеда просто не возникает проблемы истории как мифологизированного прошлого, выстраиваемого под сиюминутные политические авизы.

Затронув «достоверность» как один из базовых принципов архивного востоковедения, нельзя не акцентировать своего рода **необратимость архивного документа**. Сомнительно найти в публикациях о странах Востока (да и не только) не подчищенные, не переписанные не раз «набело» хроники, летописи. А возникающие при переложении, размножении, издании такого рода документов лакуны субъективного свойства неизбежны и... как правило, необратимы.

При всей «непредсказуемости нашего прошлого», что делалось в интересах ушедших режимов, невозможно вообразить себе осуществляемое в российских архивах «вольное» изложение либо вариант «осмысления» депеш, донесений, сообщений и пр. российских представителей за рубежом. Некоторые документы в бывшем СССР могли десятилетиями не выдаваться

¹⁷ Родина. 2010. № 3. С. 8–9.

исследователю, но никому не приходило в голову, например, сфальсифицировать доклады по Корпусу жандармов времен осады Севастополя 1854–1855 гг. Иное дело, большая их часть пролежала в нераспечатанном виде с момента передачи в ставку П. С. Нахимова в руки фельдъегеря и до, скажем, 1981–1982 гг., когда я получил право (и счастье) с ними **первым** ознакомиться.

Речь идет о нерушимости сохранения *информационной первозданности*, запечатленной в архивном документе. Таковой обычно носит гриф ведомственного (что особенно надежно) либо государственного хранения.

История социальных катаклизмов в России XIX–XX вв. фактически обошла своим испепеляющим взором основные пласты документов о странах Востока в российских архивах. Пребываю в определенной уверенности, что в обозримом будущем документы, ценные для архивного востоковедения, уже не «завалятся» Бог знает, куда, как, например, «деликатные» материалы об оплате японскими спецслужбами закавказских социалистов-радикалов в 1904–1905 гг. Не пропадет оригинал Адрианопольского трактата 1829 г...

Надеюсь на дискуссию с коллегами и по следующему тезису. Архивное востоковедение в силу «прозрачности» (при высокой сложности) методов и, как правило, *коллективных усилий* ученых-пользователей и архивистов-ориенталистов содействует, причем чем теснее связь с образованием, тем выше планка успеха, так как нельзя врать нулевым поколениям — будущее очень жестоко к лжеца науки, оптимально для:

— сохранения исторического знания в российском обществе в целом, в его составляющих «малых» (условно говоря) этнических группах (например, юагиры, буджакские татары, ненцы) от внедисциплинарного воздействия политиканов, олигархов, «курирующих» некие регионы, PR-идеологов;

— укрепления непрерывности, в длительной перспективе (при неизбежности хроно-спазмов, хроно-разрывов в течение веков), социокультурных традиций, с поправкой на религии;

— фактографического противодействия фальсификации «исторических источников», точнее, того, что может быть выдано за них; раскрытия сущности претенциозных псевдоисторических монументов типа «Рухнама» времен туркменского лидера Туркменбаши — С. Ниязова, пытавшегося создать аналог документам адата, шариата и конституции XXI в.;

— объективного анализа этнократических историософских идей, нередко заостренно националистических, в регионах и в бывших республиках СССР; сюда же относится и аргументация относительно

якобы извечности (до Пророка Мухаммада) ислама в вайнахских тейпах Северного Кавказа, об изначальной военизированной исламской уммы и тому подобные искажения в интересах политизированного ислама; примером оперативной реакции ориенталиста-архивиста может послужить успешная полемика с профессором Гарвардского университета др. Джоном Шоберлейном (Институт востоковедения РАН, 07.05.2010), утверждавшего историческую, на его взгляд, маргинальность исламской общины Центральной Азии и как следствие — особого пути центральноазиатской уммы в сторону ислама, шедшего со стороны Британской Индии в XIX в. и двигающегося в 10-х гг. XXI в.; заметим здесь, что самоцензура и репрезентативность в данных и их анализе исключительно сильна в цеховом сообществе востоковедов-архивистов в силу устойчивых традиций и жесткого рейтинга в кругу экспертов по архивам.

Наконец, архивное востоковедение обеспечивает оптимальное взаимодействие национальной истории и памяти о ней. В свою очередь, *историческая просвещенность*, особенно через привлечение архивов в наших азиатско-южносибирских регионах, где национальная память и национализм близки или почти идентичны в массовом сознании малообразованных слоев населения, помогает региональным социумам вписаться в собственное «историческое измерение», а это уже последний шаг к гражданскому обществу.

К слову о регионах. Инновационный путь развития РФ базируется на федерально-региональных принципах. Они включают единство институциональных структур, занятых созданием и реализацией знаний и технологий, информационного продукта.

Архивное востоковедение предполагает публикацию информационного продукта значительно быстрее, чем иные формы и методы работы с источниками межнационального, межгосударственного общения, прежде всего ввиду значительного круга сторон, заинтересованных в получении эксклюзивных материалов.

Работа архивиста-ориенталиста дает редкую возможность сформулировать исторически достоверные выводы в интересах как страны-фондодержателя, так и страны — пользователя документов одновременно, поскольку вырабатывается единый информационный продукт на новой технологической основе.

И если архивное востоковедение в контексте регионального компонента содействует, среди прочего, «освежению» исторического образования фактами и жестким анализом, то дополним важность нашего предмета

для образовательных целей устоявшимися за два с лишним столетия научными принципами:

- профессионализм экспертного уровня
- академические свободы, защищенные упомянутыми кафедрами при ИИИ РАН

- не в последнюю очередь — гражданскими свободами, отстаиваемыми сообществом Большой Академии.

- очевидными успехами востоковедения в изучении «образа чужого — иного — своего» в контексте военно-политических и дипломатических вызовов наших дней;

- продолжающимся процессом самоидентификации через выход на возрождение либо обретение государственности различных этносов и этно-религиозных групп, сопредельных РФ, причем часто эти этносы и группы ограничены объемами собственных письменных источников для создания своей письменной истории и опираются на базы исторических документов РФ;

- междисциплинарностью как необходимым условием успешности любых инноваций в гуманитарной сфере; инновационная составляющая междисциплинарных методик и перспективность применения новейших технологий обработки и экстраполяции данных весьма убедительно выглядит в материалах международных конференций с участием востоковедов-архивистов 2004–2010 гг.

Сошлюсь на опыт моих коллег из РАН, которые три года (2005–2007) руководили несколькими дипломными работами студентов в Бурятии. Тема — «Завещание Чингисхана и определение места его погребения. Документы и легенды». Итог для науки положительный, для студентов — обескураживающий: нет в регионе и намека на «великую тайну». Позитив — все трое в аспирантуре (один — в Японии).

Очевидно, что в процессе принятия решений стратегического уровня на высшем и региональных уровнях (последнее предусмотрено Стратегией науки и инноваций РФ) не обойтись без учета исторически сложившихся особенностей взаимодействия центра власти в Москве с традиционными политическими, военными и гражданскими элитами регионов. Например, опыт свободных экономических зон и контактная торговая зона с Китаем в Кяхте (XVI–XX вв.), зоны Черноморских проливов и Трабзон — Батуми (XVII–XX вв.) и др.

Кто, как не ориенталист-архивист, продумает имиджевую составляющую нашей внешней политики в Закавказье, в Центральной Азии, в

Иране — Вазиристане — Пакистане?... Дизайн отношений «власть — наука — практика геополитики» должен все дальше уходить от «войн памяти» (Карс, Гюлистан, Севастополь, Гилян...) и перемещаться в сферу потенциального союза Александра Невского с Сартаком в Орде и мамлюками в Египте, в сторону Божественной Флейты мира — бессмертного Джелалэддина Руми, звучавшего, как оказывается, и на Руси... Всему этому надо учить: немного — дипломатов и военных, последовательнее — нашу историческую смену, студентов 10-х гг. XXI в.

Востребованность архивного востоковедения, отмечавшаяся в материалах специальных (архивное дело) и общих (история, международные отношения и т. д.) конференций, в работах наших коллег, и адекватная реактивность нашего «цеха» в значительной, если не в решающей степени связана с ролью государства, его властных структур в общей политике развития и в конкретике воплощения архивного дела¹⁸.

Важным шагом в становлении государственной исторической политики и, соответственно, в развитии архивного востоковедения стал Федеральный закон Российской Федерации об архивном деле от 22 октября 2004 г.¹⁹

Госучрежденческий принцип лежит в основе создания подавляющей массы архивных документов России и отражает ведущую роль российского государства в нашем историческом прошлом и настоящем. Так, правительственные учреждения, «приказы» начали складываться с конца XV в. Одновременно стали формироваться фонды, документация о связях Москвы, например, с Османской империей, а по мере расширения последней за счет Балкан, Северной Африки — со странами, поглощенными османами и возродившими свою государственность только в XIX – начале XX в. Наши документальные свидетельства по ряду стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы, Среднего Востока и Центральной Азии нередко уникальны и не имеют аналогов в самих заинтересованных, ныне суверенных государствах.

Архивное востоковедение изначально не оставляет места ни управляемому прошлому, ни его мифологизации и тем придает дополнительную устойчивость базовым принципам вырабатываемой ныне государственной исторической политики.

¹⁸ См. *Научно-практическая конференция по проблемам зарубежной архивной практики России*. М., 1993.

¹⁹ См.: *Российская газета*. 2004. № 25. Текст закона опубликован также: *Отечественные архивы*. 2005. № 1. С. 3–20.

Научное издание

Шеремет Виталий Иванович

ПОСЛЕДНИЙ ОСМАН

Избранные труды

Том 2

Редактор Д. В. Дубровская

Дизайн обложки, компьютерная верстка Н. В. Бусыгин

Подписано 11.10.2021 Формат. 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15.18. Уч.-изд. л. 14.25. Тираж 500 экз. Зак. №
Федеральное государственное Бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН 107031 Москва, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. Отделом И. В. Федулов
e-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, дом 28
тел. (495) 651-84-56